

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

КАМЕННЫЙ ВЕК: ОТ АТЛАНТИКИ ДО ПАЦИФИКИ

Замятнинский сборник

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2014

УДК 903(4)
ББК 63.4
К18

*Издание осуществлено при поддержке
Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»*

Рецензенты:
канд. ист. наук *В. Я. Шумкин*,
канд. ист. наук *В. Г. Моисеев*

Ответственные редакторы
Г. А. Хлопачев, С. А. Васильев

Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. —
К18 433 с., портрет. (Замятнинский сборник. Вып. 3).

ISBN 978-5-88431-251-7

Сборник содержит статьи, посвященные памяти одного из крупнейших отечественных археологов Г.П. Григорьева. Он включает материалы, подготовленные ведущими специалистами по каменному веку из России, Украины и Эстонии. Публикуются новые данные по ранним памятникам Молдавии, Крыма, Русской равнины, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также проблемные статьи, раскрывающие современное состояние вопросов выделения культур в палеолите и мезолите, обзоры новейших данных по расселению древнего человека на северо-востоке Европейской части России и на Урале, сводка верхнепалеолитических погребений Западной Европы и др.

Издание рассчитано на специалистов: археологов, антропологов, геологов, палеогеографов, палеонтологов.

УДК 903(4)
ББК 63.4

ISBN 978-5-88431-251-7

© МАЭ РАН, 2014
© ИИМК РАН, 2014

Г.П. ГРИГОРЬЕВ, ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА С.Н. ЗАМЯТНИНА

Vasiliev S.A. G.P. Grigorev, the successor of S.N. Zamyatnins' mission

The paper is devoted to the memory of the outstanding scholar, G.P. Grigoryev. The main lines of his research activity are outlined. Among these the achievements in the excavations of the open-air sites (exploration campaign at Avdeevo executed in collaboration with M.D. Gvozdozer) and the study of the intra-site functional variability are worth to mention. The cultural differentiation of the Upper Paleolithic of the Russian Plain (with emphasis on East Gravettian) was the focus of attention of G.P. Grigoryev. His numerous contributions were devoted to the study of the Upper Paleolithic origins, the Old Stone Age cultures in Africa and Asia, the Paleolithic art, history and theory of archaeology. In the Russian archaeological tradition G.P. Grigoryev could be considered as a direct successor of S.N. Zamyatnin in the study of the largest culture areas in the Paleolithic.

27 января 2012 г. от нас ушел ведущий научный сотрудник отдела палеолита ИИМК РАН доктор исторических наук Геннадий Павлович Григорьев. Г.П. Григорьев был одним из крупнейших в нашей стране специалистов по археологии палеолита, тонким знатоком типологии каменных индустрий, прекрасным полевиком. Для Г.П. Григорьева был характерен необычайно широкий спектр научных интересов, охватывающий практически все разделы палеолитоведения — от вопросов происхождения человека и древнейших стоянок Африки до культурных изменений на рубеже финала палеолита и мезолита. Блестящий полемист, неутомимый и порой язвительный критик, Г.П. Григорьев на протяжении работы в отделе выступал в роли неизменного «нарушителя спокойствия», инициатора

самых жарких споров. Его активность во многом определяла облик ленинградской-петербургской школы изучения палеолита.

В развитии отечественной археологии Г.П. Григорьев по праву занимает место непосредственного продолжателя дела С.Н. Замятнина по целому ряду направлений, таких как изучение жилищ и поселений, реконструкция хозяйства и общественного строя в палеолите, анализ стилистики и раскрытие смысла древнейшего искусства. Особое место в научном творчестве Г.П. Григорьева занимала впервые четко сформулированная С.Н. Замятниным тема выделения крупнейших культурных областей палеолита.

Еще до начала работы в ЛОИА в 1960 г. Г.П. Григорьев стал участником научной жизни. В тезисах докладов студенческой конференции появляется его первая печатная работа, посвященная материалам Аносовки II (Григорьев, 1958). Вскоре вы-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

ходит в свет обратившая внимание специалистов статья о дискуссионных проблемах верхнего палеолита Русской равнины, где начинающий исследователь сразу включился в гущу кипевших тогда споров о стадильности и локальности в развитии верхнепалеолитической культуры (Григорьев, 1960). Участник ежегодных работ в Костенках, Г.П. Григорьев с юношеским пылом выступил на стороне своего учителя А.Н. Рогачева.

Из числа многочисленных работ Г.П. Григорьева данного периода выделяется капитальная монография «Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*» (Григорьев, 1968). Рукопись этой книги еще в 1965 г. была защищена в качестве кандидатской диссертации. В книге было представлено развернутое обоснование версии автохтонного происхождения верхнего палеолита в Европе, построенное на анализе обширной литературы. Исследователь отрицал миграцию ранних *Homo sapiens* с территории Ближнего Востока и указывал на признаки, связывающие перигордья с мустьем с ашельской традицией, а ориньяк — с мустьем шарантской группы.

Начиная с 1972 г. на протяжении нескольких десятилетий Г.П. Григорьев совместно с М.Д. Гвоздовер руководил раскопками одного из наиболее сложных и интересных памятников верхнего палеолита Восточной Европы — стоянки Авдеево.

Говоря о Г.П. Григорьеве, нельзя не сказать об особом интересе исследователя к древнейшим стоянкам Африки — колыбели человечества. Многолетняя работа по литературным источникам обрела свое завершение в монографии «Палеолит Африки», вышедшей в серии «Палеолит мира» (Григорьев, 1977а) и успешно защищенной в качестве докторской диссертации в 1981 г. Под руководством Г.П. Григорьева осваивали азы археологии палеолита студенты и аспиранты из различных стран Африки. А в 1996 г. сам Г.П. Григорьев, один из немногих отечественных археологов, посетил «черный континент», приняв участие в изучении ашельских памятников в Эфиопии.

Работа над «Палеолитом мира» не сводилась для Г.П. Григорьева к африканским материалам. Им была подготовлена к печати рукопись тома «Палеолит Европы».

Г.П. Григорьев постоянно занимался преподавательской деятельностью на историческом и филологическом факультетах Санкт-Петербургского государственного университета, в разные годы читал лекции в Уральском, Иркутском, Самаркандском, Туркменском университетах. Им были изданы программы ряда лекционных курсов. В качестве научного консультанта приглашался на раскопки в Узбекистане, Армении, Азербайджане, Северной Осетии. Г.П. Григорьев активно участвовал в организации и проведении выставки по палеолитическому искусству в Эрмитаже.

Заслуги Г.П. Григорьева неоднократно отмечались Почетными грамотами Президиума Академии наук, бронзовой медалью ВДНХ, именной стипендией Президиума РАН.

Труды Г.П. Григорьева получили заслуженное международное признание. Исследователь принимал участие в работе научных конгрессов и конференций в различных странах мира. Его работы публиковались в Чехословакии, Польше, Венгрии, Бельгии, Италии, Франции и США. Он входил в состав постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук.

В последние годы жизни Г.П. Григорьев сосредоточил свои усилия на изучении стилистики палеолитического искусства. Он готовил книгу по этой тематике. Увы, тяжелая болезнь и преждевременная кончина прервали научный поиск, и опубликованные статьи производят впечатление отрывков из большого труда, которому не суждено уже увидеть свет.

Рассмотрим основные направления многообразной творческой деятельности Г.П. Григорьева. Начнем с методики полевых исследований. При раскопках в Авдеево М.Д. Гвоздовер совместно с Г.П. Григорьевым были разработаны оригинальные приемы тонкого микростратиграфического исследования культурного слоя с применением системы микропрофилей и индивидуальной фиксации артефактов. В пределах мощного культурного слоя им удалось проследить ряд периодов обитания, причем связать время функционирования характерных для исследуемого комплекса ям с начальным этапом жизни на стоянке (Гвоздовер, Григорьев, 1990).

Другой интересный феномен, на который обратили внимание соавторы, — вариабельность каменного инвентаря на площади палеолитических поселений. Для обозначения данного явления М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев применили понятие «фациальность». Первоначально факт различия облика индустрии между комплексами в пределах стоянки трактовался как показатель того «нижнего предела» вариабельности, за который не следует переступать, проводя распределение памятников по культурам. Однако в других ситуациях вариация была выражена в наличии специфических групп изделий, локализовавшихся только в пределах той или иной зоны культурного слоя (например, зубчатая «группа сопряженных орудий» на южном участке Каменной Балки II; Гвоздовер, Григорьев, 1975).

Огромное внимание Г.П. Григорьев уделял вопросам совершенствования методики типологического анализа каменного инвентаря. В составе группы московских и ленинградских археологов он в духе того времени стремился разработать четкую, иерархически построенную классификацию каменных орудий, базирующуюся на статистическом анализе сочетания качественных и количественных признаков. Авторы исходили из иерархического построения схемы классификации, где на разных уровнях выделяются категории (скребки, резцы, пластинки с притупленным краем и др.), субкатегории или надтипы (например, резцы срединные, угловые и др.), именуемые также категориальными разновидностями. Ниже следовал основной уровень типов, описываемых наиболее длинным списком признаков, а иногда делящихся на подтипы. На базе этой схемы с использованием учета взаимной встречаемости признаков, была построена классификация пластинок с притупленным краем (Гвоздовер и др., 1974). Выделенные в итоге «устойчивые разновидности форм» орудий были соотнесены в одних случаях с понятием «тип», в других — с понятием «надтип».

Не обошел Г.П. Григорьев стороной волновавший тогда исследователей палеолита вопрос о характере и сущности техники леваллуа. При этом он встал на сторону сторонников «узкого леваллуа», видевших в наличии подготовительной

обработки ядрищ до скалывания, предопределяющей параметра скола, основной признак леваллуа. К леваллуазским исследователем отнес ядрища, предназначенные для снятия одного-двух сколов (или даже единственного скола), то есть черепаховидные формы и нуклеусы для острий, добавляя к ним ядрища со следами параллельного скалывания, но несущие следы предварительного оформления (Григорьев, 1972б).

На протяжении нескольких десятилетий в центре внимания Г.П. Григорьева находился вопрос о культурном членении верхнего палеолита Восточной Европы. При этом версия археологических культур в древнекаменном веке претерпевала заметные изменения по мере накопления и осмысления данных.

В ранних работах Г.П. Григорьев предстает верным учеником А.Н. Рогачева, последовательно отстаивающим и порой абсолютизирующим версию археологических культур в палеолите. В представлениях того времени весь мир верхнего палеолита оказывался разделенным на ячейки — локальные культуры, интерпретируемые как археологические свидетельства существования древних племен. Тогда казалось, что уже наметились единицы, соответствующие реальным группам древнего населения, и «в скором времени мы будем близки к пониманию конкретной истории палеолитических племен» (Григорьев, 1960, с. 14). Наряду с замкнутостью отдельных культур Г.П. Григорьев (1966; 1968) признавал феномен диффузии и «миграции типов» в межиндустриальных течениях. Эти явления лежали в основе выделения им «районов взаимосвязанного развития ряда культур».

Более узким охватом отличались понятия, введенные для обозначения группы генетически связанных между собой культур. Г.П. Григорьев (1968) применил при характеристике восточного граветта термин «виллендорфско-павловско-костенковское единство». Данное «единство» отражало, по его мнению, процесс расселения какого-то древнего племени из Средней Европы на Русскую равнину.

Другой вопрос касался групп культур, лишенных территориальной общности, но демонстрирующих сходные черты развития. Первоначально для

обозначения генетически не связанных, но близких культурных явлений, возникающих в результате конвергенции, Г.П. Григорьевым (1966; 1968) вслед за П.П. Ефименко было предложено понятие «путь развития». Для ранней поры верхнего палеолита Г.П. Григорьев выделил ориньякоидный, селетоидный (или селетско-стрелецкий) и перигордоидный пути развития. По его мнению, понятие «путь развития» отражало явление синстадиальности, параллельное существование на определенном этапе культур со сходными чертами. Общие характеристики индустрии при этом распространялись на группу типов, эта близость носила неполный характер, и казалось невозможным выстроить культуры, относящиеся к одному пути развития, в единую эволюционную цепочку. Параллельное существование двух культур разных путей развития на одной территории во время начального этапа верхнего палеолита (например, ориньяка и перигордьена) трактовалось Г.П. Григорьевым как остаток отмирающей мустьерской организации (когда сосуществовало значительно большее число индустрий), постепенно уступающей место четкому пространственному делению на культуры.

Позже понятие «путь развития» уже не соотносилось Г.П. Григорьевым с археологическими культурами и выступало как самостоятельная единица классификации другого порядка, основанная не на сочетании типов, а на «сопряженных группах орудий». В дальнейшем эта тематика разрабатывалась им почти исключительно на мустьерских материалах.

Со временем дискуссия о соотношении стадийных и локальных черт в развитии палеолитической культуры перешла за рамки верхнепалеолитической тематики. Вслед за Ф. Бордом была поставлена проблема существования культур в мустье. Для обозначения этих явлений Г.П. Григорьев (1968) употреблял термин «вариант» вместо «археологической культуры», так как в его тогдашнем представлении одним из основных показателей археологической культуры была пространственная локализация, а для мустье характерно сосуществование на одной территории четырех-пяти вариантов.

Далее встал вопрос о пространственной привязке культур. Г.П. Григорьев (1968) попытался

определить площадь археологической культуры в палеолите как территорию 50–150 км в поперечнике. Показатель ограниченности территории играл очень важную роль. При отсутствии географической локализации какой-либо индустрии Г.П. Григорьев называл ее не «культурой», а имел в виду неопределенным термином «группа».

Сложности выделения культур привели к постепенному отходу от локально-культурной версии. Г.П. Григорьев (1987) вначале отказался от тенденции выделять локальные культуры в мустье и начал писать лишь о единственной археологической культуре среднего палеолита — мустье типа кина, выделяемой по наличию специфического типа скребел. Определение культуры на основе устойчивого сочетания типов каменных орудий также было оставлено. Г.П. Григорьев (1979) пришел к мысли, что типы можно использовать преимущественно для различения культур между собой, а определение культуры должно основываться на уровне как типов, так и надтипов и групп более высокого уровня.

Позднее Г.П. Григорьев (1993б) делает следующий шаг, отрицая уже идею деления всего европейского верхнего палеолита на археологические культуры. По его мнению, археологическая культура, во-первых, должна быть определена на основании хотя бы одного-двух специфических типов, общих для однокультурных памятников. Во-вторых, археологическая культура должна делиться на ряд ступеней, демонстрирующих направленность развития. В-третьих, археологическая культура должна обладать четко очерченной территорией. Следуя этой логике, представленным требованиям отвечают только единицы деления верхнего палеолита юго-запада Франции, а в Восточной Европе культур вовсе не оказывается.

Главный адепт и пропагандист локально-культурного подхода в 1960-е годы, в 1990-е Г.П. Григорьев признает: «Попытки отыскать археологические культуры в верхнем палеолите Восточной и Средней Европы за последние 30 лет окончились неудачей. Памятники, объявленные ядром будущей археологической культуры, так и остались одиночками» (Григорьев, 1992б, с. 15). В этой связи отметим возрастание интереса исследователя к проб-

леме внутренней периодизации верхнего палеолита, уже лишенной в отличие от стадиализма 1930-х годов социологической привязки и носящей ныне более сложный характер, учитывая хронологическую чересполосицу индустрий. Г.П. Григорьев (1989) пришел к выводу о возможности трехчленного деления верхнего палеолита Восточной Европы, а именно — разграничения ранней и поздней поры, между которыми вклинивался так называемый «граветтский эпизод» (виллендорфско-костенковское единство). В известной мере это означало возврат к давней точке зрения П.П. Ефименко о дифференциации вариантов культуры на начальной и конечной стадиях верхнего палеолита Европы и разделяющей их эпохе единства.

В позднейших трудах происходит окончательный поворот Г.П. Григорьева к стадиализму. Он пишет: «Представление о стадиальном единстве памятников, которые назывались памятниками со статуэткой и наконечником, давно было выработано, и мы идем вослед П.П. Ефименко и С.Н. Замятнину, уточняя их соображения и помещая их в иную систему понятий» (Григорьев, 1998б, с. 73). «Существование важнейших (временных) *периодизационных* подразделений верхнего палеолита существенно для выделения/отличия эпохи верхнего палеолита от любой другой эпохи палеолита. Говоря *периодизационных*, я имею в виду стадиальность этих подразделений» (Григорьев, 2006а, с. 89 [курсив Г.П. Григорьева]).

Итак, в пределах верхнего палеолита Европы исследователь выделил три поры (отметив невозможность подобной стадиальной периодизации для мустье, где могут быть выделены только пути развития). К ранней поре отнесено время существования трех разновидностей культуры. Во-первых, это ориньяк, понимаемый как единое культурное явление, распространенное от Испании до Дона. Во-вторых, это памятники с двусторонне обработанными формами (селетско-стрелецкие); в-третьих, комплексы с острями с притупленным краем (перигордьян и улуццо). По мнению Г.П. Григорьева, именно отсутствие археологических культур на этом этапе развития сближает структуру раннего верхнего палеолита и мустье (Григорьев, 2006в). Далее следует средняя пора верхнего па-

леолита, понимаемая как эпоха сосуществования множества культурных проявлений, в основном подпадающих под понятие граветта, и время появления первых археологических культур (павловской, костенковской). Завершает палеолит поздняя пора, мадленское время, характеризующаяся возникновением нового единства памятников на огромной территории.

Вслед за классической работой С.Н. Замятнина (1951), Г.П. Григорьев обратился к теме выделения крупнейших культурных областей палеолита. Им была выдвинута оригинальная концепция «постмустье» — эпохи переживания мустьерских элементов в позднепалеолитическое время в афро-азиатской зоне. Первоначально Г.П. Григорьев (1966; 1968) заявил о том, что на территории Ближнего Востока и Европы верхний палеолит возник на 20 т.л. раньше, чем в Африке и большей части территории Азии. Он связывал этот феномен с процессом сапиентизации и считал, что *Homo sapiens* в Европе и на Ближнем Востоке существовал в то же время, что неандертальцы в других зонах ойкумены. Позже об этой связи археологических и антропологических аргументов Г.П. Григорьев уже не упоминал, однако сама идея деления мира в эпоху верхнего палеолита на два региона осталась. Для афро-азиатского региона, по мнению Г.П. Григорьева (1970), было характерно развитие леваллуазской техники в направлении к призматической или, минуя верхнепалеолитическую стадию, прямо к микролитам. Верхнепалеолитическая культура появилась здесь лишь на финальном отрезке плейстоцена. Как отмечал Г.П. Григорьев: «Это деление является дихотомичным, и если Передняя Азия и Европа действительно были связаны между собой, то делать вывод о единстве исторического развития для Африки и Азии исходя из негативного признака — отсутствия этапа позднего палеолита — было бы нелогично» (Григорьев, 1969, с. 222). К сожалению, данная идея, как будто открывавшая путь к идентификации ряда культурных зон в верхнем палеолите, была оставлена, и в дальнейшем Г.П. Григорьев к ней не возвращался.

В 1973 г. понятие получает наконец терминологическое оформление — для эпохи переживания мустьерских индустрий в афро-азиатской зоне был

предложен термин «постмустье» (Григорьев, Ра-нов, 1973). Применительно к африканской территории тема постмустье была подробно разработана в специальной монографии Г.П. Григорьева (1977а). По его мнению, в Африке почти нет чисто мустьерских памятников, и вслед за ашелем здесь следует единая эпоха мустье-постмустье с сохранением леваллуазских традиций расщепления, местами переходящих к призматической технике, и наличием специфических групп орудий (пикообразных, долотообразных орудий, листовидных острий) в сочетании с верхнепалеолитическим набором изделий. На основе этого своеобразного постмустье совершается переход к микролитической технике.

В том же году Г.П. Григорьев рассмотрел азиатское постмустье. По его мнению, здесь, во-первых, отсутствовала резкая смена набора орудий на рубеже мустье и позднего палеолита, во-вторых, во всех памятниках закономерно сочетались мустьерские и верхнепалеолитические элементы, в-третьих, эти архаические компоненты продолжали свое развитие вплоть до голоцена. «“Постмустье” Азии характеризуется мустьерской техникой раскалывания — дисковидными и леваллуазскими ядрищами, порой плоскими ядрищами, несколькими разновидностями орудий, свойственных ашелю, например чопперами, но основную массу составляют скребла, остроконечники, зубчатые орудия, а вместе с ними резцы, скребки, изредка костяные орудия и даже украшения из камня и раковин» (Григорьев, 1977б, с. 60).

Что касается палеолита Америки, то Г.П. Григорьев рассматривал его отдельно от остальных частей света и считал, что любая таксономическая система периодизации, принятая в Старом Свете, здесь не применима.

Другая сторона расчленения палеолита в глобальном масштабе — временной аспект, выделение эпох развития и анализ эволюции индустрий в большом хронологическом диапазоне. Г.П. Григорьев (1977а, б; 1988а) представил в своих трудах целостную концепцию периодизации древнекаменного века. Согласно его схеме, эпохи палеолита различались по характеру своей внутренней структуры, то есть пространственно-временной измен-

чивости археологического материала и тех аналитических единиц, на которые его можно разделить. Если на олдувайской ступени локального разнообразия не прослеживается, то в ашеле могут быть выделены разновидности. К ним относятся северный ашель (с рубилами), южный ашель (с колунами), ашель с чопперами (например, памятники клетонского типа в Европе). Эти разновидности имеют определенную территориальную приуроченность, хотя и располагаются во многом чересполосно. Для Африки более характерны комплексы южного ашеля (иногда со своеобразными пиками), в то время как в Европе и Азии встречаются все три разновидности. Однако если на западе и юге Азии доминирует ашель с рубилами, то на востоке континента получает развитие ашель с чопперами, хотя памятники с рубилами здесь также есть.

Следующая эпоха — мустьерская, понимавшаяся Г.П. Григорьевым как время начала массового производства орудий (скребел со сходящимися лезвиями, мустьерских остроконечников, двуконечных и листовидных острий, ножей с обушком, двусторонне обработанных ножей) на стандартных заготовках. В мустье, как и в ашеле, отсутствует такая единица, как тип изделия, имеются лишь категории и субкатегории, что исключает возможность выделения археологических культур (вопреки более раннему мнению того же автора — см. выше). Поэтому для мустьерской эпохи могут быть выделены лишь пути развития — экстерриториальные единицы группировки, идентифицируемые на основании сопряженных групп орудий. Таких путей развития Г.П. Григорьев насчитывал пять-шесть. Так, совместная встречаемость в индустрии зубчатых, выемчатых, усеченных ретушью изделий и орудий высокой формы указывает на зубчатый вариант мустье. Сочетание угловатых и диагональных скребел с мустьерскими остроконечниками (часто также с лимасами) — признак типичной разновидности мустье, двусторонне обработанных форм типа прондник или клаузеннише — мустье с «рубильцами», наличие орудий на гальках и галечных дольках — мустье понтийского типа, простые формы продольных скребел — мустье леваллуазской разновидности и т.д. Совокупность этих

путей развития составляет единый «мустьерский комплекс» (по Ф. Борду). В то же время набор категорий изделий позволяет выделить различные «комплексы» в пределах мустье и отличить мустье европейско-переднеазиатского региона от «азиатского мустье» (Григорьев, 1988б). Лишь начиная с верхнего палеолита появление типов орудий дает возможность идентифицировать археологические культуры, и то не повсеместно, а лишь на западе Европы.

В дискуссиях по проблеме происхождения человека Г.П. Григорьев занял крайнюю позицию среди сторонников так называемого «эмерджентизма» — появления с началом производства каменных орудий всех основных элементов человеческого общества — сознания, речи, разумного труда и каких-то форм общественного устройства. В этой связи понятие «инстинктивного труда» подвергалось им постоянной критике (Григорьев, 1977а).

Немало было сделано Г.П. Григорьевым в области изучения искусства, особенно стилистики женских статуэток восточного граветта. По мнению Г.П. Григорьева, за основу изучения памятников древнейшего искусства следует положить стилистический, искусствоведческий по сути анализ, а не данные абсолютного датирования. Исходя из этого положения исследователь считал, что подлинно художественное творчество в древнекаменном веке было ограничено европейской территорией, за ее пределами встречались лишь отдельные проявления искусства, гораздо более примитивного свойства. Г.П. Григорьев различал характер эволюции монументального и мобильного искусства. Если в первом случае никакой последовательности смены художественных стилей уловить не удастся, то в стилистике мелкой пластики можно выделить три фазы развития — ориньякскую, граветтийскую и мадленскую (Григорьев, 2007).

Особой темой изучения для Г.П. Григорьева был сравнительный анализ верхнепалеолитических погребений, к которому, как и в случае с каменными орудиями, он подошел с точки зрения формально-структурного описания. В основе его подхода лежала детальная фиксация в табличной форме признаков, относящихся к устройству захоронения, положению в нем останков и характеру

сопровождающего инвентаря (Григорьев, Леонова, 1977).

История археологической науки также всегда волновала Г.П. Григорьева. Он опубликовал очерк, посвященный традициям петербургской школы изучения палеолита, статьи и заметки о деятельности ряда выдающихся исследователей — Ф. Борда, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина, П.И. Борисковского, А.Н. Рогачева, М.Д. Гвоздовер (Григорьев, 1992а; 1993а; 1994; 1998а; 2006б).

Нельзя обойти молчанием вклад исследователя в теоретические споры, сотрясавшие отечественную науку в 1960–1980-е годы. В противовес официальному «историзму» советской археологии Г.П. Григорьев (1981) сформулировал оригинальную концепцию «чистой археологии». Согласно этой концепции археология представляет собой самостоятельную науку, изучающую закономерности строения и развития так называемого «археологического универсума» — логически связанной системы археологических понятий различного уровня — типа, археологической культуры, общностей более высокого порядка, таких как эпоха, путь развития и т.д. Археологические понятия обладают самостоятельной ценностью. Они могут быть сопоставлены с социальными явлениями прошлого, но эта связь не однозначна и выходит за рамки «чистой археологии». Что касается реконструкции древнейших этапов истории человечества, то данная задача, по Г.П. Григорьеву, решается в принципе лишь совместными усилиями ряда наук — археологии, этнографии, антропологии и др.

Такая позиция не означала отказа исследователя от задач воссоздания характера древнейшего общества. Напротив, именно перу Г.П. Григорьева принадлежит ряд работ, посвященных вопросам реконструкции общественного строя людей древнекаменного века. На основании сопоставления археологических свидетельств с этнографическими понятиями он постулировал наличие в верхнем палеолите таких явлений, как родовая община (в качестве материального воплощения которой рассматривалась стоянка с совокупностью жилищ) и парная семья (находившая отражение в преобладании небольших одноочажных жилищ; Григорьев, 1972а; 1980). В связи с открытием мустьер-

ских жилищ, сложных проявлений культуры в раннем палеолите феномены общины и парной семьи были перенесены вначале на мустье, а затем и на весь палеолит начиная с олдувайской эпохи (Григорьев, 1977а).

Что же касается вероятного существования и характера социальных общностей более крупного масштаба, то эта проблема упиралась в нерешенность вопроса о том, каким образом соотносить единицы археологической классификации и этнографические понятия. отождествление верхнепалеолитических культур с племенами было обычным в 1960–1970-е годы. Г.П. Григорьев даже назвал данное положение «общепринятым в археологии постулатом» (Григорьев, 1968, с. 8). Вскоре понятие этничности вслед за археологической культурой перекочевало из верхнего палеолита в мустье. Для интерпретации культур среднего палеолита Г.П. Григорьев (1966; 1968) ввел понятие «предплемя». Позже Г.П. Григорьев (1972а) отошел

от прямого отождествления археологической культуры с племенем, хотя сама идея, что за археологической культурой непременно должна стоять какая-то, пусть неизвестная нам социальная общность древности осталась.

Долгий и порой противоречивый путь научного поиска Г.П. Григорьева как нельзя лучше отражает общую направленность развития отечественного палеолитоведения последних десятилетий. Это путь от чрезмерного увлечения выделением самобытных изолированных культур к пониманию общих закономерностей развития на широких территориях. «Этап исследования, когда существуют только археологические культуры, — этап, пройденный археологами палеолита» (Григорьев, 2006а, с. 95). В конечном счете это означает возврат к идеям наших великих предшественников, П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина, чьи взгляды на древнекаменный век оказались в итоге более чем актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. О фашиальности в верхнем палеолите // КСИА. 1975. № 141. С. 12–17.
- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. 1990. № 202. С. 21–23.
- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деоник Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // ДИНЮВС. 1974. Вып. 1. С. 7–59.
- Григорьев Г.П. Многослойная палеолитическая стоянка Аносовка II (Костенки XI) // Тезисы докладов на 4-й Всесоюзной археологической конференции. М.: ИА АН СССР, 1958. С. 6–7.
- Григорьев Г.П. Некоторые спорные вопросы верхнего палеолита Русской равнины // Сборник студенческих докладов на 5-й Всесоюзной археологической конференции. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 5–14.
- Григорьев Г.П. К различению генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966. С. 27–35.
- Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. М.; Л.: Наука, 1968.
- Григорьев Г.П. Культура первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 216–227.
- Григорьев Г.П. Верхний палеолит // МИА. 1970. № 166. С. 43–63.
- Григорьев Г.П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972а. С. 11–25.
- Григорьев Г.П. Проблемы леваллуа // МИА. 1972б. № 185. С. 68–74.
- Григорьев Г.П. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Палеолит мира. Л.: Наука, 1977а. С. 43–209.
- Григорьев Г.П. Заселение человеком Азии // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977б. С. 47–61.
- Григорьев Г.П. Костенковская культура: методологические проблемы ее выделения // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 28–30.
- Григорьев Г.П. Какие формы общественного устройства ископаемого человека можно предположить на основании археологических данных? // ВА. 1980. № 65. С. 29–41.
- Григорьев Г.П. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981. С. 3–15.

Григорьев Г.П. Ф. Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987. С. 5–18.

Григорьев Г.П. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988а. С. 13–15.

Григорьев Г.П. Тешик-Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988б. С. 31–32.

Григорьев Г.П. Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.: Наука, 1989. С. 45–48.

Григорьев Г.П. П.П. Ефименко и С.Н. Замятин // КСИА. 1992а. № 206. С. 12–17.

Григорьев Г.П. Итоги исследования Авдеева и проблемы костенковской культуры // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.: ИИМК РАН, 1992б. С. 13–16.

Григорьев Г.П. Место Г.А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита // Проблемы истории отечественной археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993а. С. 33–36.

Григорьев Г.П. О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ. 1993б. № 6. С. 15–15.

Григорьев Г.П. П.И. Борисковский и П.П. Ефименко // АВ. 1994. № 3. С. 262–263.

Григорьев Г.П. Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 1998а. С. 43–52.

Григорьев Г.П. Отношение восточного граветьена к западу // Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998б. С. 73–80.

Григорьев Г.П. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // ТАС. 2006а. Вып. 6, ч. 1. С. 87–96.

Григорьев Г.П. Портрет одинокой женщины // АВ. 2006б. № 13. С. 368–372.

Григорьев Г.П. Ранняя пора верхнего палеолита: методика выделения // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб.: Нестор-История, 2006в. С. 39–48.

Григорьев Г.П. Эволюция в палеолитическом искусстве (как она представляется после 1994 года) // Искусство и религия древних обществ. Луганск: Світлиця, 2007. С. 19–31.

Григорьев Г.П., Леонова Н.Б. Новое об антропологии грота Детей // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 7–21.

Григорьев Г.П., Ранов В.А. О характере палеолита Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований в СССР в 1972 г. Ташкент: Фан, 1973. С. 195–197.

Замятин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ. Н.с. 1951. т. XVI. С. 88–152.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ К ПОРТРЕТУ Г.П.ГРИГОРЬЕВА

Ленинград. Школьник старших классов

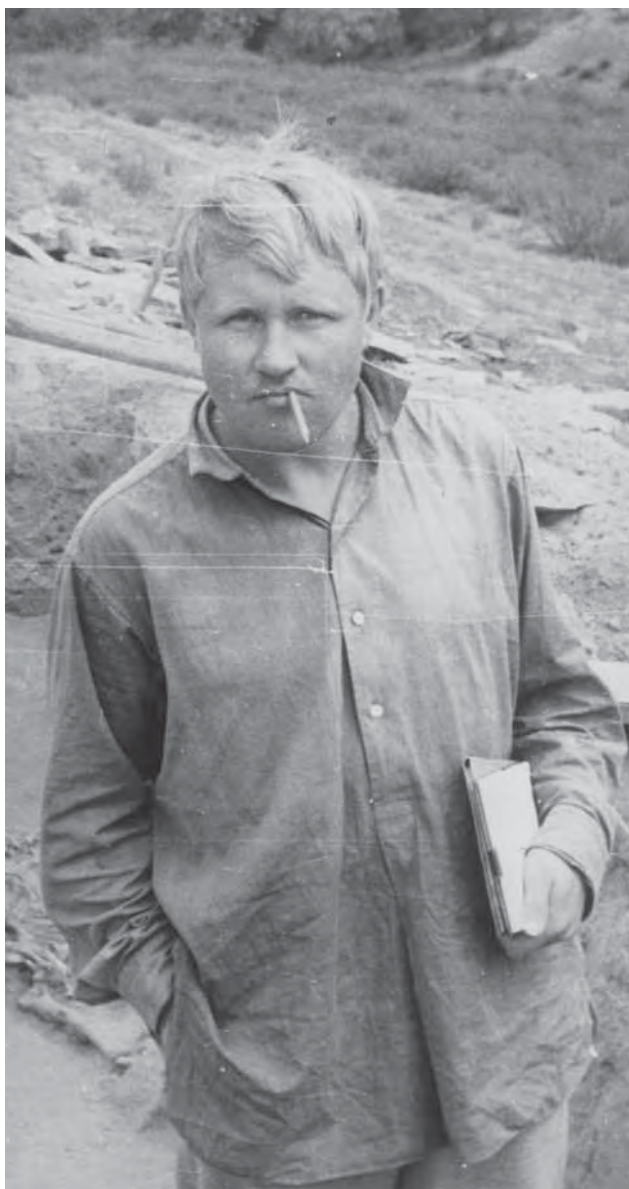
Ленинградский университет. В начале пути

Село Костенки, Воронежская область. Первая экспедиция Геннадия Павловича Григорьева

Село Костенки. Стоянка Аносовка 2, слой 1а, 1960 г. Задний ряд (слева направо): В.П.Третьяков, Г.В.Григорьева, Г.П.Григорьев. Передний ряд (слева направо): второй слева вьетнамский студент из МГУ Чи-Ван-Тан, А.Н. Рогачев, четвертый слева — Н.К. Анисюткин

Могильник Каменка 3 (р. Енисей), 1966 г.
Уже молодой ученый. На краю раскопа

Авдеевская стоянка, 1977 г. Г.П. Григорьев ведет полевой дневник. На переднем плане В.И. Беляева, на заднем плане — С. Майстренко и Д. Чистяков, справа — В. Васечкин

Авдеевская стоянка. Последние годы работы в Авдеево

Авдеево. На базе экспедиции. Начало 1980-х годов.
Слева — Т.М. Михайлова, справа — Г.П. Григорьев

В кругу семьи.
Начало 1980-х годов

Г.П.Григорьев и Д.А. Мачинский. Беседа друзей

Выступление на Тверской конференции, 2006 г.

Институт истории материальной культуры, Дубовый зал. Весна 2011 г.
Заседание отдела

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Г.П. ГРИГОРЬЕВА

1958

Многослойная палеолитическая стоянка Аносовка II (Костенки XI) // Тез. докл. на 4-й Всесоюзной археологической студенческой конференции. М. С. 6–7.

1960

Некоторые спорные вопросы верхнего палеолита Русской равнины // Сборник студенческих докладов на 5-й Всесоюзной археологической конференции. М. С. 5–14.

1963

К вопросу о происхождении ориньякской культуры во Франции // ВА. Вып. 14. С. 25–39; ил.

Селет и костенковско-стрелецкая культура // СА. № 1. С. 3–11; ил.

То же // Szovjet regeszeti. № 20. С. 1–16. Венгр.

Стратиграфия лёссов и хронология палеолита Центральной и Западной Европы // Материалы по этнографии. Вып. 3. С. 65–88 (совм. с П.М. Долухановым).

1964

Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита. М: Наука. 10 с. (7-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

То же на англ. яз.

Список печатных трудов П.П. Ефименко // СА. № 4. С. 56–58 (совм. с П.И. Борисовским).

1965

Начало верхнего палеолита и возникновение Homo sapiens в Европе и на Ближнем Востоке: Автореф. дис. .. канд. ист. наук. Л. 16 с.

[Выступление на симпозиуме «Проблема грани между животным и человеком» на 70-м Международном конгрессе антропологических и этнографических наук] // ВА. Вып. 19. С. 24–25.

К хронологии и выделению вариантов мустьерской культуры переднего Востока // Материалы сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. С. 35–36.

Ранние верхнепалеолитические памятники Переднего Востока и проблема миграции Homo sapiens в Европу // ВА. Вып. 21. С. 96–110.

Migrations, indigenous development and diffusion in the Upper Paleolithic // Arctic anthropology. Vol. 3. № 1. P. 116–121.

1966

К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита) // Доклады и сообщения археологов СССР [на 7-м Международном конгрессе доисториков и протоисториков. Прага, 1966]. М. С. 27–35.

Кремская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе // Археология Старого и Нового Света. М. С. 7–24.

Липская палеолитическая культура // СА. № 4. С. 3–13; ил. (совм. с М.И. Островским).

Стилистический анализ женских статуэток виллендорфско-павловско-костенковского единства и их истолкование // Тез. докл. на Пленуме Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Палеолит». М. С. 21–23.

1967

Находки на правобережье Енисея // АО1966 г. М. С. 145–147 (совм. с Н.Л. Подольским, Я.А. Шером).

Неолитическая стоянка у с. Майдан Ирменского района: [МарАССР] // Там же. С. 111. (совм. с В.П. Третьяковым).

A reconstruction of the above-ground dwelling of Kostenki I // Current anthropology. Vol. 8. № 4. P. 344–349; ил.

1968

Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens / АН СССР. ИА. Л.: Наука. 224 с.; ил. Библиогр.: с. 165–173.

Выступление на симпозиуме «Проблема грани между животным и человеком» // Труды VII МКАЭН. Т. 3. С. 609–610.

Рец.: Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР: (по материалам Нарвской экспедиции). Л., 1967. (МИА. № 144) // СА. № 4 С. 271–275 (совм. с В.П. Третьяковым).

Рец.: 1) Valoch K. Archaické industrie mladšího paleolitu z okolí Brna // Casopis Moravského Musea. 1962/ Т. 47; 2) Valoch K Borky II, eine Freilandstation des Aurignacien in Brno-Malomerice // Casopis Moravského Musea. 1964. Т. 49 // Archaeologia Polski. 1968 .Т. 13. Zesz. 1. S. 232–239.

1969

Культура первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С. 216–227.

Первобытное общество и его культура в мустье и начале позднего палеолита // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С. 196–215.

Совершенствование методики изучения палеолита в СССР // Теоретические основы советской археологии. Л. С. 12–17.

1970

Верхний палеолит // МИА. 1970. № 66. С. 43–63; ил.

К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита) // Actes du VII-e Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. I. Prague. S. 292–298.

Миграции, автохтонное развитие и диффузия в эпоху верхнего палеолита // Труды VII МКАЭН. Т. 5. С. 418–424.

Рец.: Палеолит и неолит СССР. Т. 5. М.; Л.: Наука, 1965 (МИА. № 131) // СА. № 4. С. 264–269 (совм. с В.П. Третьяковым).

Рец.: Chmielecwski V. Civilisation de Erzmanowice. Wrocław, 1961 // СА. № 4. С. 269–275 (совм. с Н.К. Анисюткиным).

Рец.: Gabori-Csank V. La station du paléolithique d'Erd-Hongrie. Budapest, 1968. (Monumenta historica 3) // ВДИ. №. 4. С. 191–192.

1971

Рец.: Bosinski G. Die mittelpalaolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Köln; Graz, 1967 // СА. № 3. С. 290–292 (совм. с Н.К. Анисюткиным).

Рец.: Wymer J. Lower Palaeolithic archaeology in Britain as represented by the Thames valley. L., 1968 // ВА. Вып. 37. С. 165–166.

1972

Взаимоотношение эволюции физического типа человека с прогрессом его материальной культуры // ВА. Вып. 41. С. 152–153.

Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л. С. 11–25.

Выступление на симпозиуме «Возникновение рода Homo и его эволюция» // ВА. Вып. 41. С. 157.

К методике установления локальных различий в палеолите // УСА. Вып. 2. С. 14–19.

Культура и тип в археологии: категории анализа или реальность? // Тез. докл. на секциях, по-

свящ. итогам полевых исследований 1971. М. С. 5–9.

Новые данные к взаимоотношениям искусства французского палеолита с искусством соседних областей // Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых исследований 1971 г. М. С. 418–419.

Ориньякская культура и ориньякоидные культуры Европы // КСИА. Вып. 131. С. 20–24.

Проблема леваллуа // МИА. № 185. С. 68–74.

Рец.: Праслов Н.Д. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968 (МИА. № 157) // БКИЧП. № 38. С. 168–171.

Рец.: Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. 1. Altsteinzeit. Munchen, 1966 // СА. № 1. С. 275–277.

Рец.: Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice). –Р., 1969. (Memoirs de la Soc. préhist. française. Т. 7) // ВА. Вып. 36. С. 173–175.

1973

Методические основания для постановки вопроса о влиянии природной среды на культуру человека палеолитического времени // Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит): Тез. докл. М. С. 36–38.

То же // Prehistoric man, his industry and the environment in the Pleistocene and Holocene. P. 2. М. С. 15–16. Англ.

На миллион лет старше? // Аврора. № 3. С. 46–48; ил.

О предмете археологии // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент. С. 41–43.

О характере палеолита Средней Азии // Там же. С. 195–197.

По поводу гипотезы происхождения американского палеолита с наконечниками // Берингийская флора и фауна в кайнозое. Хабаровск. С. 203–205.

Работы на Авдеевской стоянке // АО 1972. С. 120 (совм. с М.Д. Гвоздовер, Н.Б. Леоновой).

Рец.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы (ТГИМ. Т. 44) // СА. № 1. С. 314–318 (совм. с В.П. Третьяковым).

1974

Археологический календарь // Геохронология СССР. Т. № 3. Новейший этап (поздний плиоцен — четвертичный период). Л. С. 251–258 (совм. с П.М. Долухановым).

Методические основания для разрешения вопроса соотношения природного окружения и культуры человека // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. С. 65–70.

Морфологическое описание пластинок с пригнутым краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск. С. 7–59; ил. (совм. с М.Д. Гвоздовер, Д.В. Деопик, Н.Б. Леоновой).

Проблематика палеолитических поселений как археологического источника // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: Краткие тез. докл. Л. С. 12–13.

1975

Итоги трех лет работы на Авдеевской палеолитической стоянке // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Ч. 1. С. 54–55.

О фациальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II) // КСИА. Вып. 141. С. 12–17; ил. (совм. с М.Д. Гвоздовер).

1976

Основные проблемы археологии палеолита: Программа спецкурса / УралГУ. Ист. фак-т. Свердловск. 17 с. Библиография: с. 17.

Работы Авдеевской палеолитической экспедиции // АО. 1975 (1976). С. 59 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

1977

Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М. С. 50–56; ил. Рез. англ. (совм. с М.Д. Гвоздовер).

Заселение человеком Азии // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М. С. 47–61; карт.

Исследование Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска // АО. 1976 (1977). С. 46–47 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

Новое об антропологии и археологии Евразии и Северной Америки. М. С. 7–21; ил. (совм. с Н.Б. Леоновой).

Палеолит Африки // Палеолит мира. Л. Т. 1. С. 43–212; ил.

1978

Очередной год работ на Авдеевской верхнепалеолитической стоянке близ Курска // АО. 1977 (1978). С. 54–55 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

1979

Исследование Авдеевской стоянки // АО. (1978) 1979. С. 56–57 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

Костёнковская культура: методические проблемы ее выделения // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж. С. 28–30.

У истоков культуры: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. Л. Кат. № 91-145.

1980

Палеолит Африки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / АН СССР. ИА. М. 26 с.

Какие формы общественного устройства ископаемого человека можно предположить на основании археологических данных // ВА. Вып. 65. С. 29–41. Рез. англ.

1981

О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск. С. 3–15.

Развитие классификации палеолита и восстановление общественного устройства по данным археологии // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л. С. 27–31

1983

Исследование Авдеевской палеолитической стоянки // АО. 1981 (1983). С. 55.

Рец.: Gabori M. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Budapest, 1976 // СА. № 3. С. 231–234.

1985

Памяти Александра Николаевича Рогачева // СА. № 2. С. 302–303 (совм. с Н.Д. Прасловым).

Северный ашель, южный ашель, кавказский ашель // Всесоюз. археолог. конф. «Достижение советской археологии в XI пятилетке». Баку. С. 118–120.

Рец.: Джафаров А.К. Мустьерская культура Азербайджана. Баку, 1983 // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе. С. 16–21.

1987

Нижнепалеолитическое местонахождение у с. Погребки Курской области // ВА. № 79. С. 153–157; ил. (совм. с С.Н. Алексеевым).

Работы Авдеевской палеолитической экспедиции // АО. 1985 (1987). С. 63–64; ил.

Типичное мустье в Восточной Европе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М. С. 86–87.

Франсуа Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. С. 5–18.

1988

Тешик-Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии: Тез. докл. Ташкент. С. 31–32.

Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л. С. 13–15.

Отклик на статью В.А. Башилова и Э.Н. Лооне (СА. 1986. № 3) // СА. № 1. С. 226–228 (совм. с В.С. Бочкаревым).

Рец.: Борзьяк И.А. Верхнепалеолитическая стоянка Гординешты I в Попрутье / АН МССР. Отделение этнографии и искусствоведения. Кишинев: Штиинца, 1984 // ИАНМССР. Сер. обществ. наук. № 2. С. 77–78.

1989

Виллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: Тез. докл. Л. С. 45–48.

Методологические проблемы верхнего палеолита Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии: Тез. докл. С. 8–9.

1990

Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. Вып. 202. С. 21–27 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

О возможностях выделения кавказского палеолита // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси. С. 98–102.

Памяти Виктора Петровича Третьякова // СА. № 4. С. 293–294 (совм. с В.Я. Шумкиным, А.Я. Щетенко).

The animal bones distribution as a reflection of the hunting activity // Colloque international: La chasse dans la préhistoire: Pré-actes. Treignes. S. 43.

Sungir // ERAUL. № 42. S. 137–139.

1991

Avdeev [1986–1990] ERAUL. № 52. S. 709 (совм. с М.Д. Гвоздовер).

Le Paléolithique supérieur de la partie européenne de l'URSS // ERAUL. № 52. S. 13–15.

Рец.: Клейн Л.С. Археологические источники: Учеб. пос. Л., 1978 // ВИЕТ. № 4. С. 146–150 (совм. с Г.С. Лебедевым, А.Н. Щегловым, П.М. Долухановым).

1992

Абсолютный возраст и археологическое время // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тез. докл. СПб. С. 39–42.

П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин // КСИА. Вып. 206. С. 12–17.

Итоги исследования Авдеева и проблемы костёнковской культуры // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тез. докл. СПб. С. 13–16.

Рец.: Actes de colloque intern. de Liège. Liège, 1988 // АВ. № 1. С. 184–187.

1993

Костёнковские памятники в их отношении к палеолиту Средней Европы // Динамика культурной традиции. СПб. С. 10–11.

Место Г.А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита // Проблемы истории отечественной археологии. СПб. С. 33–35.

О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ. Вып. 6. С. 15–16.

The Kostenki — Avdeev archaeological culture and the Willendorf — Pavlov — Kostenki — Avdeev cultural unity // From Kostenki to Clovis. N.Y.; L. P. 51–65; il.

1994

Единство Европы в первый раз: граветтийский эпизод // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб. С. 12–14.

П.И. Борисковский и П.П. Ефименко // АВ. № 3. С. 262–263.

Чтения памяти Павла Иосифовича Борисковского // АВ. № 3. 252–253.

1995

Зарождение религии // Церковная археология. Ч. 1. СПб.; Псков. С. 39–40.

1996

Willendorf, Pavlov, Kostenki: their relationships // XIII Congrès de l'U.I.S.P.P. Ser. colloquia. Forlì. Colloque 12. P. 171–174.

1997

Возраст палеолитического искусства и его определение радиоуглеродным методом // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. С. 70–75. Рез. англ.

Ф.К. Волков, его ученики и Запад // Традиции отечественной палеоэтнологии. СПб. С. 32–35.

Ф.К. Волков и Мезин // Там же. С. 82–85.

Две фракции женских статуэток в Авдееве // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад. С. 43–45. Рез. англ., фр.

Женские статуэтки граветтийского эпизода: классификация и пространственное распределение // Развитие культуры в каменном веке. СПб. С. 90–91.

Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту // Пещерный палеолит Урала. Уфа. С. 21–22.

Отношение восточного граветтена к Западу // Восточный граветт. М. С. 44–48.

Условность в Мезине // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков. С. 185–190; ил.

1998

Отношение восточного граветтена к Западу // Восточный граветт. М. С. 73–80.

Петербургская школа изучения палеолита: Прерывность и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб. С. 43–52.

1999

С.Н. Замятнин и его отношение к немецким и французским авторам в области первобытного искусства // Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 57–60.

О местных отличиях палеолита Восточной Европы // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 23–24.

2000

Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление // ΣΥΣΣΤΙΑ. СПб. С. 33–44; ил.

Тридцать лет спустя, или Что правильно, а что неправильно в книге «Начало верхнего палеолита» // Stratum plus. № 1. С. 211–215. Рез. англ.

2001

П.И. Борисковский на фоне социальной психологии первой половины XX века // Каменный век Старого Света. СПб. С. 33–38.

Две фракции женских статуэток Авдеева // Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад. С. 76–77.

Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту // Проблемы первобытной культуры. Уфа. С. 136–155; ил.

2002

Палеолит Западного Средиземноморья // Программа спецкурсов по археологии // СПб. С. 33–37.

Периодизация европейского верхнего палеолита // Верхний палеолит — верхний плейстоцен. СПб. С. 5–8.

2003

Экспонирование объектов в слое палеолитических стоянок // Пушкаревский сборник. Вып. 2. С. 54–57.

2004

Замечания к статье Я.А. Шера «Спорные вопросы изучения первобытного искусства» // АЭАЕ. 2004. № 2. С. 36–52; АЭАЕ. № 4. С. 48–49.

Понятие «ранняя пора верхнего палеолита» // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. Воронеж. С. 100–101.

Рец.: Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000 // АВ. № 11. С. 329–332 (совм. с Е.А. Булочниковой).

Рец.: Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Переделского района: проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев; Луганск, 2001 // РА. № 2. С. 181–182.

2005

Возможности радиоуглеродного метода: взгляд археолога // Квартер — 2005. Сыктывкар. С. 53–55; ил. (совм. с Е.А. Булочниковой).

Новые данные о граветтийском искусстве палеолита Европы // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск. С. 84–90 (совм. с Е.А. Булочниковой).

О наконечниках палеолитических и мезолитических // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. С. 61–76; ил. (совм. с Е.А. Булочниковой).

Статуэтки из Гагарино // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. Луганск. С. 71–83.

2006

Портрет одинокой женщины // АВ. № 13. С. 368–372; портр.

Ранняя пора верхнего палеолита: методика выделения // Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. Вып. 4. С. 39–50; ил. Рез. англ.

Сравнительная характеристика периодизации верхнего палеолита и мезолита // ТАС. Вып. 6. С. 87–96. Рез. англ.

Рец.: Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М. 2004 // АВ. № 13. С. 345–347.

2007

Орнамент на женских статуэтках // Проблемы археологии каменного века. (К юбилею М.Д. Гвоздовер). М. С. 27–39.

Эволюция в палеолитическом искусстве. (Как она представляется после 1994 года) // Искусство и религия древних обществ. Луганск. С. 19–31.

Рец.: White R. Prehistoric art: The symbolic journey of humankind. N.Y., 2003 // Там же. С. 209–211.

2008

Отношение памятников Десны к мадленским памятникам Центральной Европы // Человек, адаптация, культура. М. С. 175–185.

Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб. С. 48–62.

2009

Образ человека в изображениях в эпоху палеолита // Зверь и человек: древнее изобразительное творчество Евразии. СПб. С. 5–10.

Замечания к статье Я.А. Шера «Спорные вопросы изучения первобытного искусства» // АЭАЕ. 2004. № 2. С. 36–52; Специальный номер. С. 64–65.

Составитель Л. М. Всевиов

Ю. А. Смирнов¹

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕВРОПЫ. ФРАНЦИЯ

Smirnov Yu.A. Upper Palaeolithic burials in Europe. France

Yu.A. Smirnov's article "The Upper Palaeolithic Burial of Europe. France" touches upon a number of issues concerning the study of these sites from the time of their discovery. Currently, about 190 individuals, subjected to a premeditated inhumation burial in that form or another, have been detected. The burial grounds are distributed unevenly in space and time across the European continent; therefore one could talk about "hotspots" of taphological activity of the population in the forms known to us. Members of both of the sexes and people of all the ages were inhumated during Upper Palaeolithic. All methods of handling the bodies of the dead and all the burial positions, known from the later days, can be found in this period. The graves containing certain quantity of grave goods and the graves without grave goods have been discovered. Connecting the findings (not only the graves) with the corresponding crafts it should be noted that the bearers of the different stone carving traditions are represented very unevenly: Châtelperron (lower Perigordian) — 5 individuals, Aurignac — 66, Gravette — 13, Solutré — 24, Madeleine — 227.

К настоящему времени в Европе насчитывается примерно 67 местонахождений, на которых обнаружены верхнепалеолитические погребения. Они имеют различный характер (труположение; трупосожжение, расчленение и др., например некоторые погребенные в коллективном захоронении в Пржедмости; отделение головы, например Сунгирь 2 (Бадер, 1998), Пржедмость 27 (Maska, 1895a,b); погребение части вместо целого — Брно 2 (Makowsky, 1892, s. 73–84); трупосожжение — Костенки 8 — Тельманская (?) (Рогачев и др., 1982, с. 92–109), Дольни Вестоницы 4 (Vlček, 1991) и различную структуру: одиночные, двойные,

тройные и коллективные, — четыре и более погребенных (Пржедмость — 19 индивидуумов в одном захоронении (Maska, 1895a,b). В неодионых захоронениях наблюдаются разные виды размещения тел умерших в погребальном сооружении: горизонтальный и вертикальный Сунгирь 3–4, Сунгирь 1–2 (Бадер, 1998); с теми или иными вариантами в соположении погребенных — «бок о бок» (тройное погребение — Дольни Вестоницы 2 (Klima, 1987, p. 831–835), «голова к голове» (двойное погребение — Сунгирь 3–4 (Бадер, 1998), «живот к спине» (двойное погребение Гримальди — «нижнее погребение Грота детей» (Григорьев, Леонова, 1977, с. 7–21) и др.

Вероятно, хотя пока и бездоказательно, существование в палеолитическую эпоху кенота-

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

фов (Комб-Греналь — 1961 г. (Bordes, 1972, p. 134–137).

Всего на данный момент на территории Европы зафиксировано более 190 индивидуумов, подвергшихся той или иной форме преднамеренного погребения в верхнепалеолитический период.

Верхнепалеолитические захоронения находятся в основном на стоянках неантропов (и на открытых поселениях, и на закрытых — в пещерах, гротах и навесах), как в границах жилищ, так и за их пределами, но существуют и исключения — захоронения, устроенные вне жилой территории и иногда достаточно от нее удаленные (Костенки 18 — Покровский лог, Хвойковская стоянка (Рогачев, Беляева, 1982, с. 186–190), Брно 1, 2, 3 (Makowsky, 1888; 1890; 1892; 1899).

Верхнепалеолитические погребения неравномерно распределены на Европейском континенте и во времени и в пространстве. По этой причине, как и в случае с мустьерскими погребениями Евразии (Смирнов, 1991, с. 192, 193), можно говорить об «очагах» тафологической активности верхнепалеолитического населения в известных нам формах. (Представление об «очагах» тафологической активности в принципе сопоставимо с представлением об «очагах» изобразительной деятельности (Формозов, 1969; 1983), поскольку оба отражают неравномерность распространения памятников определенного рода и не исключают возможность существования той же деятельности, но в иных — археологически не фиксируемых — формах в других местах как в то же самое, так и в другое время.)

Все погребенные, кроме двух (взрослый палеоантроп в шательперонском слое грота Рош-а-Пьеро в Сен-Сезер, во Франции (Vandermersch, Lévêque, 2008, p. 120–121) и подросток со следами метизации в гравьтенском или протосолютрейском слое под скальным навесом в Лагар Вельо, в Португалии (Duarte C. et al., 1999, p. 7604–7609), принадлежат ископаемым неантропам различных антропологических типов.

Судя по сопровождающему инвентарю, погребения совершали носители разных культурных традиций.

В верхнем палеолите погребению подвергались представители обоих полов и всех возрастных

категорий — от новорожденных до людей старческого возраста. По полу погребенные распределяются следующим образом (учитывая, что более 30 индивидуумов (~ 20 %) не идентифицированы по половым признакам): мужчины — более 60 индивидуумов (~ 34 %), женщины — более 30 индивидуумов (~ 18 %; в число мужчин и женщин включены подростки, пол которых определен). Подростки (от 9/10-ти до 14/16-ти лет), в том числе и те, пол которых определен, — около 20 индивидуумов (~ 10 %), дети (из которых семь новорожденные) — около 40 индивидуумов (~ 20 %).

Для этого периода зафиксированы практически все позиции, которые придавались телу погребенного и известны по более поздним захоронениям в земле (в том числе и «сидячие»: Костенки 2 (?) — стоянка Замятнина (Борисковский, Дмитриева, 1982, с. 67–72) и Костенки 15 — Городцовская стоянка (Рогачев, Синицын, 1982, с. 162–171), кроме вертикальной вытянутой позиции («стоячие» погребения, зафиксированы только с эпохи мезолита — Оленеостровский могильник (Гурина, 1956), но есть и такие уникальные позы (Брюникель (Brun, 1865), которые не известны автору (Смирнов, 1997) и для других эпох.

Что касается погребального инвентаря, то верхнепалеолитические захоронения дают ту же достаточно пеструю картину, что и погребения предшествующей эпохи и последующих времен. Здесь встречаются как безынвентарные погребения, так и снабженные тем или иным количеством инвентаря. Имеются и уникальные погребения, весьма отличающиеся от остальных и формой обряда, и количеством и качеством сопровождающего инвентаря (например, Сунгирь 3–4 (Бадер, 1998) и Брно 2 (Makowsky, 1892, s. 73–84), как это отмечено с момента появления погребальной практики (Регурду (Bonifay, 1962; 1964) и до настоящего времени (Смирнов, 1997).

В верхнем палеолите на территории Европы до погребения, в момент его создания или после его совершения возле погребальных сооружений иногда устраивались и иные, чем человеческие захоронения, ритуальные объекты (в терминологии автора, «дополнительные структуры»), например

ямы, заполненные костями животных (как это делалось и в среднем палеолите, к примеру на стоянке Ле Мустье (Peugny, 1930) и, возможно, представлявшие собой остатки погребально-поминальных комплексов.

Материалы, касающиеся верхнепалеолитических захоронений, помимо тех погребальных памятников, в отношении которых не было сомнений в их преднамеренном характере, отбирались по принципу полноты и сохранности человеческих костных останков на основе гипотезы о сохраняющем воздействии погребения: «Чтобы скелеты могли сохранить позвонки и мелкие кости, трупы обязательно должны быть прикрыты сейчас же после смерти. Следовательно, тела могли быть закрыты лишь двумя способами: или путем намеренного погребения, или при обвале», — писали Г. и А. Мортилье (Мортилье, 1903, с. 241) и *со страстью доказывали отсутствие палеолитических погребений*. Позднее Э. Картальяк, аргументируя преднамеренность гримальдийских погребений, заявлял, что «достаточно малейшего утвердительного признака, чтобы доказать замысел погребения. Если ничего не сопровождает тело, но это тело невреждено, значит, оно было защищено» (Cartailhac, 1912, p. 312, цит. по: Bouyssonie, Bardon, 1913, p. 613).

Спустя 40 лет А.П. Окладников, обосновывая саму возможность существования преднамеренных погребений в палеолите, писал: «В самом деле, как могли бы иначе сохраниться целые костяки как взрослых, так и детей? Оставленные на поверхности трупы были бы съедены хищниками после ухода людей. Целые костяки могли сохраниться до нашего времени только благодаря тому, что они были сознательно предохранены от гибели людьми, предпринимавшими для этого специальные меры,

т.е. закапывавшими их в землю» (Окладников, 1952, с. 164).

Еще позднее Ж. Кешон, основываясь на материале костных останков 364-х индивидуумов палеолитической Европы, пытался статистически обосновать гипотезу о сохраняющем воздействии погребений (Quechon, 1976, p. 730–732).

О предохраняющей роли захоронений в земле писали и многие другие авторы, и, насколько известно, этот тезис никем и никогда не оспаривался. Таким образом, можно сказать, что относительно хорошая сохранность и в особенности полнота представленности как краниальных, так и посткраниальных останков должны играть особую роль при оценке памятников, в контексте которых отсутствуют «явные» признаки, указывающие на преднамеренный характер захоронения.

В свое время и автор представленной статьи также пытался статистически обосновать данный критерий оценки преднамеренного характера средне- и верхнепалеолитических погребений (Смирнов, 1987; 1991, с. 30–53).

На основании вышесказанного в число верхнепалеолитических погребений было включено некоторое количество памятников, традиционно не считающихся местонахождениями с погребениями или считающихся сомнительными: Костенки VIII (Тельманская стоянка) — Восточная Европа, Abri Labattut (Кастельмерль), Abri Lachaud, Abri Pataud, Badegoule, Ballahole, Les Cottés, Gough Cave, Lourdes, Mittlere Klause, Cueva Morin, Obercassel, Le Placard, Rochereil, La Rochette, Romito, San Teodoro, Le Veyrier (согласно P. Binant) — Западная Европа, а также Mladeč (Lautsch), Sv. Procop, Svítávka (Morava, Märhen), Zlatý Kůň (Koneprus) — Центральная Европа и некоторые другие памятники.

КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Верхнепалеолитические погребения в Европе впервые были обнаружены в 1823 г. («Красная дама» из Пейвиланда (Paviland), Великобритания (Davies, 1904, p. 335–348). С тех пор по мере накопления материала, особенно бурно происходившего в конце XIX — первой половине XX веков,

они постоянно привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые по-разному, особенно в первые десятилетия после открытия подобных памятников, относились и к самому факту существования палеолитических погребений, и тем более к их интерпретации.

Внимание в этой статье будет уделено только обобщающим трудам или сводкам, в которых присутствует тафологический контекст и которые посвящены верхнепалеолитическим погребениям Франции.

Первым классическим трудом, содержащим сведения о верхнепалеолитических погребениях, по праву следует считать работу Г. Обермайера «Доисторический человек» (Obermaier, 1912; Обермайер, 1913), в которой автор приводит достаточно подробные сведения о 20-ти местонахождениях Европы (из них девять во Франции), где были к тому времени обнаружены верхнепалеолитические погребения, снабжая при этом описания некоторых памятников рисунками и фотографиями.

В дальнейшем интерес к этим памятникам в европейской науке угасает и возобновляется только с конца 1960-х годов. Это происходит после публикации статьи американской исследовательницы С.Р. Бинфорд «Структурное сравнение размещения умерших в мустье и в верхнем палеолите» (Binford, 1968, p. 139–154), где с тафологической точки зрения были рассмотрены материалы 36-ти верхнепалеолитических памятников, на которых, по мнению С.Р. Бинфорд, были найдены погребения. С точки зрения автора статьи, 12 из 36-ти памятников, упомянутых С.Р. Бинфорд, вообще не имеют отношения к верхнепалеолитическим погребениям (Смирнов, 1983, с. 246–255).

Позднее в свет выходит фундаментальное издание «Catalogue of fossil hominids» (Ed. K.P. Oakley, B.G. Campbell, Th. Molleson. Pt. 2: Europe. L., 1971), подготовленное Британским музеем естественной истории, в котором в основном с антропологической точки зрения приводятся сведения об ископаемых останках, обнаруженных на европейской территории палеолитической ойкумены. Статья об ископаемых гоминидах Франции эпохи верхнего палеолита написана Жан-Марком Бувье (Bouvier, 1971, p. 73–187). В ней приводятся сведения о 60-ти местонахождениях, на которых открыты верхнепалеолитические погребения. Тафологической информации это издание практически не содержит.

Я. Елинек в «Большом иллюстрированном атласе первобытного человека» (первое издание —

1972 г.) упоминает о 24-х европейских местонахождениях (шесть во Франции), на которых известны верхнепалеолитические погребения, но их тафологические характеристики в основном не приводятся, а порой о наличии погребений на них даже и не говорится (Елинек, 1982).

В 1974 г. еще один американский исследователь, Ф.Б. Харрольд, предпринимает попытку обобщить материалы верхнепалеолитических погребений Европы и сравнить их с мустьерскими погребениями в работе «Обзор и формальный анализ средние и верхнепалеолитических погребений Европы и Юго-Западной Азии» (Harrold, 1974, p. 1–63), а в 1980 г. появляется его следующая работа — «Сравнительный анализ палеолитических погребений Евразии» (Harrold, 1980). В них Ф.Б. Харрольд дает тафологические характеристики 38 памятников в Европе (14 французских), содержащих верхнепалеолитические погребения, и четырех — в Азии. К сожалению, эти работы грешат многочисленными неточностями и обилием просто неверно приведенных сведений (Смирнов, 1983, с. 246–255).

Следует, безусловно, упомянуть и 66-й номер журнала «Histoire et archeologie» за 1982 г., посвященный теме «La mort dans la Préhistoire», в котором опубликовано несколько весьма добротных и хорошо иллюстрированных статей, посвященных палеолитическим погребениям, в том числе и обнаруженным на территории Франции (Billy; Binant; Dastugue, Duda; Hublin; Morin; Perlès; Taborin; Tiller, 1982).

Работа Ф. Мея (May, 1986) оказалась недоступной для автора статьи, но, судя по рецензии М. Мусси (Mussi, 1989), она настолько изобилует ошибками и пробелами в информации, что её не стоит принимать во внимание.

Наиболее полной сводной работой по палеолитическим погребениям Евразии явились две книги П. Бинан — «Палеолитические погребения» и «Смерть в доистории. Первые погребения в Европе» (Binant, 1991a; 1991b), в которых приводятся сведения о 46-и местонахождениях (десять во Франции), 27 из которых П. Бинан считает памятниками, содержащими подлинные захоронения, а 19 (десять французских) расценивает как сомнительные.

Сводка П. Бинан к настоящему времени является наиболее полноценным источником информации по верхнепалеолитическим погребениям Европы, в которой учтено более 118-ти погребенных индивидуумов. К сожалению, приводимые П. Бинан тафологические описания слишком лапидарны и требуют не только значительного числа дополнений, но и уточнений и исправлений.

Последней в этом ряду стоит работа Ж. Риеля-Сальваторе и Г.А. Кларка «Средне- и верхнепалеолитические погребения и применение хронологии в современном палеолитоведческом исследовании» (Riel-Salvatore, Clarc, 2001). Авторы рассматривают 45 среднепалеолитических погребений, включая в их число и три недавно открытых (Amud 7, Dederiyeh 1, Taramsa 1) и 31, с их точки зрения, достоверное верхнепалеолитическое погребение, в том числе и четыре недавно открытых: Veneri Parabitta 1, 2, Agnano, Lagar Velho 1.

Представляя это очень добротное и во многих других отношениях весьма ценное исследование, большинство положений которого у автора не вызывает возражений, хотелось бы подчеркнуть один момент, на который обращают внимание и сами авторы статьи, — трудность отбора ранних верхнепалеолитических образцов для сравнения их со среднепалеолитическими погребениями, вызванную проблемой, существующей в области абсолютного датирования. Так, авторы условно разделяют весь верхний палеолит на «ранний» (от 40 до 20 тыс. л.) и «поздний» — после 20 тыс. л. Поэтому при взгляде на список «ранних верхнепалеолитических погребений», приведенный авторами работы, сразу же возникает вопрос, на каком основании в этот список не вошли центрально- и западноевропейские погребения старше 20 000 лет, такие как Paviland, Labatut 2, La Rochette 1, 2, Balla, и некоторые другие, а из восточноевропейских в него были включены только Сунгирь 2, 3, 4, и не введены *костенковские* памятники?

Следует также сказать о региональных работах для территории Франции и отдельных ее областей и сопредельной с ней палеотерритории Италии: 1) статьи различных авторов в основополагающем трехтомном издании «La Prehistoire Francaise» (Р., 1976) и уже упомянутая обобщающая работа

Ж. Кешона (Quechon, 1976, р. 730–732), опубликованная в том же издании. В ней автор рассматривает 13 французских местонахождений (21 погребенный); 2) основополагающие исследования М. Мусси, посвященные верхнепалеолитическим погребениям, обнаруженным в границах современной Италии (Mussi, 1986–1990).

Совершенно необходимо назвать здесь и труды Г. Ульриха (Ullrich, 1978–1999), скрупулезно изучающего следы искусственных повреждений на костях ископаемого человека, в том числе и на останках людей, погребенных в палеолите.

Первым среди отечественных исследователей, опубликовавших небольшую «сводку» по верхнепалеолитическим погребениям, был В.К. Никольский, который в книге «Очерк первобытной культуры» (Никольский, 1923) упоминает восемь европейских (четыре французских) и один малоазиатский памятник.

Далее необходимо упомянуть статью С.Н. Замятина «Палеолитические погребения», написанную им еще в конце 1930-х годов (устное сообщение А.А. Формозова: «Работа С.Н. Замятина — это часть раздела «Палеолит», писавшегося им для I тома «Всемирной истории» в конце 30-х годов (1938–1940 гг.), но увидевшая свет только в начале 60-х (Замятин, 1961, с. 29–34). В ней дается краткая тафологическая характеристика десяти памятников (два из них во Франции), где были обнаружены верхнепалеолитические погребения). (В I томе «Всемирной истории» раздел «Палеолит» был опубликован А.П. Окладниковым (Окладников, 1955). — Ю.С.)

Позднее П.П. Ефименко в своем обобщающем труде «Первобытное общество» (Ефименко, 1938; 1953) в краткой форме привел описание 12-ти местонахождений с верхнепалеолитическими погребениями Европы (шесть во Франции).

В 1955 г. увидела свет основополагающая работа М.М. Герасимова «Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек)», где были приведены пластические реконструкции десяти погребенных (семь местонахождений, из них два во Франции) и даны их тафологические характеристики (Герасимов, 1955, с. 203–237). В 1964 г. М.М. Герасимов дополнил опубликован-

ный материал еще одной реконструкцией и описанием еще одного местонахождения, добавив к этому большое количество иллюстраций, а также упомянув еще пять памятников. Таким образом, в достаточно специфической сводке М.М. Герасимова указывается 12 памятников (четыре французских) (Герасимов, 1964).

Параллельно с С.Р. Бинфорд Г.П. Григорьев в книге «Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*» опубликовал краткие сведения о семи европейских местонахождениях с верхнепалеолитическими погребениями (два из них во Франции) (Григорьев, 1968). В более поздней работе (опубликованной в соавторстве с Н.Б. Леоновой) Г.П. Григорьев обращается уже к материалам 14-ти местонахождений, на которых обнаружены интересующие нас погребальные памятники (одно — французское) (Григорьев, Леонова, 1977).

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ФРАНЦИИ

Почти все известные находки ископаемого человека привязаны во Франции к памятникам, существовавшим в холодных и сухих условиях ледниковых стадий, в то время как умеренные и влажные стадии межледниковий создавали условия, предопределяющие в основном разрушение (или плохую сохранность) человеческих останков. Особенно это касается останков, которые в силу тех или иных причин оказывались или могли оказаться на памятниках открытого типа. (На территории Франции есть только одно верхнепалеолитическое погребение Энсем (Entzheim), расположенное на открытой стоянке, а все остальные — в гротах и скальных убежищах.)

По данным Ж.-М. Бувье на 1971 г., число всех ископаемых человеческих останков, относимых к французскому верхнему палеолиту, включало в себя 295 индивидуумов (Bouvier, 1971, p. 73–187). За прошедшие годы на территории Франции было открыто ещё несколько памятников, давших как относительно полные скелетные останки (Бишон, Кюссак, Роша-Пьеро, Рон-дю-Барри (отдельный череп) и др., так и изолированные кости (включая зубы), что увеличило число обнаруженных индивидуумов до 315.

В фундаментальном труде А.Л. Монгайта «Археология Западной Европы. Каменный век» (Монгайт, 1973) погребальным памятникам верхнего палеолита Европы уделено совсем немного внимания. Там лишь кратко упоминаются 16 местонахождений (шесть во Франции).

Наиболее полная сводка о верхнепалеолитических погребениях Европы содержится в работе О.Н. Бадера «Сунгирь. Палеолитические погребения» (Бадер, 1998, с. 122–134), в которой автор, приводя сравнительный с сунгирскими погребениями (одно местонахождение, девять погребений) материал, дает различной полноты сведения еще о 22-х местонахождениях (пять — французских).

Таким образом, как отечественная, так и зарубежная литература о верхнепалеолитических погребениях Франции явно страдает лакунами, которые и пытается восполнить автор представляемой статьи.

Кроме того, за это же время произошел пересмотр датировок некоторых ранее открытых памятников. Например, захоронение ребенка из Буе Блю (Bouil Bleu, La Roche-Courbon), ранее считавшееся верхнепалеолитическим, датируется теперь III–I вв. до Р.Х. С другой стороны, погребение трепанированного черепа ребенка из Рошрей (Rochereil), датировавшееся ранее неолитическим временем, относится теперь к финальному палеолиту — мадлен VI.

К настоящему времени на территории Франции открыто 28 верхнепалеолитических местонахождений, где были обнаружены останки 72 индивидуумов, которые, с точки зрения автора, бесспорно могут рассматриваться как преднамеренно погребенные.

Общепринято считать достоверными 16 местонахождений с останками 22-х погребенных, но, учитывая комплектное состояние останков других индивидуумов, следы ритуального воздействия и наличие сопровождающего инвентаря, можно с большой вероятностью полагать, что и они подверглись целенаправленному захоронению.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ

- I. 1–2. Бадегуль I (Badegoule) — 1911. *Бадегуль 1–2* — посткраниальные останки взросл.; челюсть реб.; солютре, мадлен или неолит (?).
3. Бадегуль I (Badegoule) — 1949. *Бадегуль 1* (?) — скелеты; ранний мадлен.
- II. 4. Бишон I (Bichon) — 1956, 1991/1992. *Бишон 1* — муж., взросл.; поздний мадлен.
- III. 5. Брюникель I (Bruniquel) — 1864/1865. *Брюникель 1* — жен., взросл.; мадлен IV.
- IV. 6. Ле Вейрье (Veyrier), ст. Гренуй (Grenouilles) I — 1916. *Вейрье 1* — муж. 25–30 лет; мадлен.
- V. 7. Вильонер (Vilhonneur) — 2005. *Вильонер* — взросл.; мадлен.
- VI. 8. Кап Блан I (Cap Blanc) — 1912. *Кап Бланк 1* — жен. взросл.; мадлен II или III.
- VII. 9. Кастермерль (Castermerle). Абри Лабатю (Labatut) — 1927. *Лабатю 2* — ребенок; среднее солютре.
- VIII. 10. Комб Капель I (Combe Capelle) — 1909. *Комб Капель 1* — муж. 40–50; перигордьян 1.
- IX. 11. Ле Коттэ I (Les Cotté) — 1881. *Ле Коттэ 1* — взр. ~50–60, почти комплектный скелет; ориньяк.
- X. 12. Кро-Маньон I (Cro-Magnon) — 1868. *Кро-Маньон 1* — муж. 45.
13. Кро-Маньон I (Cro-Magnon) — 1868. *Кро-Маньон 2* — жен. взросл.
14. Кро-Маньон I (Cro-Magnon) — 1868. *Кро-Маньон 3* — муж. взросл.
15. Кро-Маньон I (Cro-Magnon) — 1868. *Кро-Маньон 4* — муж.(?), взросл.
16. Кро-Маньон I (Cro-Magnon) — 1868. *Кро-Маньон 5* — новорожденный + много нумерованных костей; развитой ориньяк.
- XI. 17–21. Кюссак (Cussac) — 2000. *Кюссак 1* — 5 — 4 взрослых, 1 подросток; граветт (?)
- XII. 22–30. Лашо (Lachaud). Абри Лашо I 1941/1944. ~ девять индивидуумов: *Лашо 1* — взросл. жен.; *Лашо 2* — взросл.; *Лашо 3* — жен. 17–18 лет; *Лашо 4–5* — 1 или 2 подростка, жен.; *Лашо 6* — жен. 13–14 лет; *Лашо 7–8* — 2 реб.; новорожд. *Лашо 1–8* — (+ фр-ты), взр., дети, новорожд., 90 % краниальных останков, слои сильно нарушены, погребение (?); нижний мадлен.
- XIII. 31. Ложери-Басс I (Laurerie-Basse) — 1872. *Ложери-Басс 4* — муж. взросл.; верхний мадлен.
- XIV. 32. Лурд I (Lourdes) — 1876. *Лурд 1* — человеческие останки; финальный мадлен.
- XV. 33. Ла Мадлен I (La Madeleine) — 1863. *Ла Мадлен 1* — взросл., комплектный; верхний или финальный мадлен.
34. Ла Мадлен I (La Madeleine) — 1926. *Ла Мадлен 4* — реб. ~ 5–7 лет, мадлен IV.
- XVI. 35. Лез Ото (Les Hoteaux) — 1895. *Ле Ото 1* — молодая женщина — 16–18 лет, верхний мадлен V.
- XVII. 36–42. Абри Пато I (Abri Pataud) — 1958–1963. 7 индивидуумов: *Пато 1* — жен. 20–25 лет; *Пато 2* — новорожд.; *Пато 3* — муж.; *Пато 4* — реб. 7 лет; *Пато 5* — жен. 17–18 лет; *Пато 6* — новорожд.; *Пато 7* — муж.
- XVIII. 43–52. Ле Плакар I (Le Placard) — 1880–1883. *Плакар 1–9* (?) — предположительно погребение; останки не менее 10 индивидуумов.
- XIX. 53–55. Рок де Сэр I (Roc de Sers) — (тройное?) — 1923: а) *Рок де Сэр 1* — муж. 50 лет; б) *Рок де Сэр 2* — жен. 40 лет; в) *Рок де Сэр 3* — 18 лет; мадлен.
- XX. 56–57. Рон-дю-Барри I (Rond-du-Barri) — 1986. *Рон-дю-Барри 1* — муж. (?), стар.; мадлен I.
- XXI. 58. Рош-а-Пьеро (La Roche-à-Pierott), Сен-Сезер I (Saint-Césaire) — 1979. *Рош-а-Пьеро 1* — муж. взр. (неандерталец); шательперон.
- XXII. 59. Рошрей I (Rochereil) — 1939. *Рошрей 1* — реб. 2,5–3 года; мадлен VI.
- XXIII. 60–64. Ла Рошетт I (La Rochette) — 1910. *Ла Рошетт 1–5* — человеческие останки; ориньяк.
- XXIV. 65. Сен-Жермен-ла-Ривьер I (Saint-Germain-la-Rivière) — 1933. *Сен-Жермен-ла-Ривьер 3* — взросл. (скелет очень плохой сохранности).
66. Сен-Жермен-ла-Ривьер I (Saint-Germain-la-Rivière) — 1934. *Сен-Жермен-ла-Ривьер 4* — жен. 20 лет; мадлен III.
- XXV. 67. Сорд, Дюрюти I (Sorde, Duruhty) — 1961. *Сорд, 3* — жен. 50 лет; мадлен VI.
- XXVI. 68. Ле Фигье, Ардеш I (Le Figuier, Ardèche) — 1947. *Ле Фигье 1* — реб. 5 лет; верхний мадлен (?).

XXVII. 69. Шанселад (Chancelade), грот Ремонден (Raymonden) I — 1888. *Шанселад 1* — муж. 35–40; конец Мадлена III или начало Мадлена IV.

XXVIII. 70. Энсем (Ентцхейм) (Entzheim) I — 1914. *Энсем 1* — взр.; верхний палеолит.

(Названия памятников и номера погребений, кроме *Рон-дю-Барри 1* и *Рош-а-Пьеро 1*, даны в соответствии с «Catalogue of fossil hominids».)

Увязав находки ископаемых гоминид с соответствующими индустриями, следует признать, что носители (а, как понятно, хоронят носители) тех или иных традиций обработки камня представлены костными останками очень неравномерно.

Шательперон (перигордъен) — 2 индивидуума. Ориньяк — 55. Граветт — 5. Солютре — 14. Нижний мадлен — 12. Верхний мадлен — 147.

(Число индивидуумов указано без учета изолированных зубов.)

Для преднамеренных погребений картина несколько иная.

Шательперон (перигордъен) — 2 индивидуума. Ориньяк — 11. Граветт — 8. Солютре — 13 (?). Мадлен — всего 31. Нижний мадлен — 17. Верхний мадлен — 10.

По полу и возрасту они распределяются следующим образом.

Половозрастные характеристики верхнепалеолитических погребенных на территории Франции (достоверные случаи)

№ п/п	Название памятника	Возраст памятника	Культура	Название погребения	Характер погребения	Пол	Возраст
1	Бадегуль	Вюрм III/IV	солютре, мадлен ?	Бадегуль 1–2	двойное		взросл., ребенок
	Бадегуль	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Бадегуль 1 ?	скелеты		
2	Бишон	Вюрм IV ?	поздний мадлен	Бишон 1	одинач.	♂	взрослый
3	Брюникель	Вюрм IV	мадлен IV	Брюникель 24	одинач.	♀	взрослая
4	Ле Вейрье	поздний Вюрм	мадлен	Верье 1	одинач.	♂	взрослый
5	Вильонер	Вюрм IV	мадлен	Вильонер	одинач.		взрослый
6	Кап Блан	ранний Вюрм IV	мадлен III	Кап Блан 1	одинач.	♀	около 20 лет
7	Кастермерль Лабаттю	Вюрм III/IV	среднее солютре	Лабатю 2	одинач.		ребенок
8	Комб Капель	Вюрм II/III	перигордъен 1	Комб Капель 1	одинач.	♂	40–50 лет
9	Ле Коттэ	Вюрм II/III	средний ориньяк	Ле Коттэ 1	одинач.	♂	~50–60 лет
10	Кро-Маньон	Вюрм III	развитой ориньяк	Кро-Маньон 1	?	♂	45 лет
	Кро-Маньон	Вюрм III	развитой ориньяк	Кро-Маньон 2	?	♀	взрослая
	Кро-Маньон	Вюрм III	развитой ориньяк	Кро-Маньон 3	?	♂	взрослый
	Кро-Маньон	Вюрм III	развитой ориньяк	Кро-Маньон 4	?	♂ ?	взрослый
	Кро-Маньон	Вюрм III	развитой ориньяк	Кро-Маньон 5	одинач.		новорожден.
11	Кюссак	Вюрм III	граветт ?	Кюссак 1–5	?		4 взросл. 1 подрост.

12	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 1	?	♀	взрослая
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 2	?		взросл.
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 3	?	♀	17–18 лет
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 4	?	♀	подрост.
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 5	?	♀	подрост.
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 6	?	♀	13–14 лет
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 7	?		ребенок
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 8	?		ребенок
	Абри Лашо	Вюрм III/IV	ранний мадлен	Лашо 9	?		новорожден.
13	Ложери-Басс	Вюрм IV	верхний мадлен	Ложери-Басс 4	одинач.	♂	взрослый
14	Лурд	Вюрм IV ?	поздний мадлен	Лурд 1	человеческие останки		
15	Ла Мадлен	Вюрм IV	верхний мадлен	Ла Мадлен 1	?		взрослый
	Ла Мадлен	Вюрм IV	верхний мадлен	Ла Мадлен 4	одинач.		ребенок 5–7 лет
16	Лез Ото	Вюрм IV	верхний мадлен V	Ле Ото	одинач.	♀	16–18 лет
17	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 1	?	♀	20–25 лет
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 2	?		новорожден.
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 3	?	♂	взрослый
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 4	?		ребенок 7 лет
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 5	?	♀	17–18 лет
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 6	?		новорожден.
	Абри Пато	?	протомадлен	Пато 7	?	♂	взрослый
18	Ле Плакар	Вюрм III/IV ?	солютре, мадлен	Плакар 5–14 ?	не менее 10 индивид.		взросл., дети
19	Рок де Сэр	Вюрм III/IV	мадлен	Рок де Сэр 1	тройное	♂	50 лет
	Рок де Сэр	Вюрм III/IV	мадлен	Рок де Сэр 2	тройное	♀	40 лет
	Рок де Сэр	Вюрм III/IV	мадлен	Рок де Сэр 3	тройное		18 лет
20	Рон-дю-Бари	Вюрм III/IV	мадлен I	Рон-дю-Бари 1	одинач.	♂ ?	старый
21	Рош-а-Пьеро	Вюрм II/III ?	шательперрон	Сен-Сезер 1		♀	взрослый
22	Рошрей	Вюрм IV ?	мадлен VI	Рошрей 1	?		ребенок 2,5–3 года
23	Ла Рошетт	Вюрм III	ориньяк	Ла Рошетт 1–5	человеческие останки		
24	Сен Жермен ла Ривьер	Вюрм IV	мадлен III	Сен Жермен ла Ривьер 3	?		взрослый
	Сен Жермен ла Ривьер	Вюрм IV	мадлен III	Сен Жермен ла Ривьер 4	одинач.	♀	20 лет
25	Сорд, Дюрюти	Вюрм IV	мадлен VI	Сорд 3	одинач.	♀	50 лет
26	Ле Фигье, Ардеш	Вюрм IV	верхний мадлен ?	Ле Фигье 1	одинач.		ребенок ~5 лет
27	Шансе Лад, Ремон Ден	Вюрм IV	мадлен III/ VI	Шанселада 1	одинач.	♂	35–40 лет
28	Энсем	Вюрм	верхний палеолит	Энсем 1	одинач.		взрослый

**Половозрастные характеристики верхнепалеолитических погребенных
на территории Франции (достоверные случаи)**

Культура	Характер погребения	♂	♀	Взрослые	Подростки	Дети	Новорожденные
верхний палеолит	одинач.			1			
шатель перрон	одинач.		1	1			
перигор	одинач.	1		1			
ориньяк	одинач., тройное	4	1	5+?			1
граветт ?	?			4	1		
солютре	одинач., двойное			1		2	
мадлен	одинач., тройное, коллектив.	7	8	21+?	3♀	6+?	3
всего		12	10	34+?	4	8+?	4 (72)

СОСТОЯНИЕ ПОЛЕВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ, ИЛИ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Большинство средне- и верхнепалеолитических погребений было раскопано во второй половине XIX — первой половине XX в. Причем часть раскопок произведена или любителями, или начинающими археологами, или археологами, никогда в своей полевой практике с погребениями не сталкивающимися. В связи с этим и сама методика раскопок погребения, и состояние документации (схемы, чертежи, фотографии, описания) оставляют желать лучшего. Археолог, много лет изучающий (раскапывающий) верхнепалеолитическое поселение, может столкнуться с таким феноменом, как преднамеренное погребение, и тут ему можно только позавидовать и отдать должное его профессионализму (Бадер, 1998; Борисковский, 1982; Рогачев и др., 1982; Bonifay, 1962; Cartailhac, 1912; Klima, 1987; Makowsky, 1892; Maska, 1895a,b;

Vlček, 1991) или не отдать... Что же касается осмысления ранее раскопанных памятников, то, безусловно, необходимо сказать о трудах: (Бужилова, 2000, 2004; Козловская, 2000; Медникова, 2000; Binant, 1991a & 1991b; Quechon, 1976; Mussi 1986–1990; Ullrich, 1978–1999).

Подводя итоги, можно сказать, что по-прежнему по некоторым памятникам документация либо отсутствует, либо не опубликована или же опубликована частично. Ряд памятников представлен только схематическими разрезами, а о характере некоторых из них и о позициях погребенных можно судить только по схематическим рисункам и музейным экспозициям, что естественно затрудняет изучение тафологического контекста и тем самым выводит ряд памятников из научного оборота, нанося тем самым ущерб науке.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь. (Погребения и окружающая среда). М., 1998.

Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 2 (стоянка Замятина) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.

Бужилова А.П. Парные и непарные коллективные захоронения верхнего палеолита // НОМО

SUNGERENSIS. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 441–445.

Бужилова А.П. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. М., 2004. С. 21–35.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 28).

- Герасимов М.М. Люди каменного века. М., 1964.
- Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л., 1968.
- Григорьев Г.П., Леонова Н.Б. Новое об антропологии и археологии Грота детей // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 7–21.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (МИА. Вып. 47).
- Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л., 1938.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев, 1953.
- Замятин С.Н. Палеолитические погребения // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
- Козловская М.В. Бинарные оппозиции в погребальной обрядности сунгирских захоронений // *HOMO SUNGERENSIS*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 437–441.
- Медникова М.Б. Обращение с останками умерших в верхнем палеолите // *HOMO SUNGERENSIS*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 441–445.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Мортилье де Г. и А. Доисторическая жизнь. (*Le préhistorique*). Происхождение и древность человека. СПб., 1903.
- Никольский В.К. Очерк первобытной культуры. М.; Пг., 1923.
- Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
- Окладников А.П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ. 1952. № 3.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Рогачев А.Н., Сеницын А.А. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Рогачев А.Н., Беляева В.И. Костенки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Смирнов Ю.А. (Рецензия): Binford S.R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic // *Southwestern Journal of Anthropology*. Albuquerque. 1968. Vol. 24. № 2; Harrold F.B. A survey and formal analysis of Middle end Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia // M.A. Thesis. University of Chicago. Chicago, 1974. 63 p.; Harrold F.B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials // *World Archaeology*. London. 1980. Vol. 12. № 2 // CA. 1983. № 3. С. 246–255.
- Смирнов Ю.А. К вопросу о культе черепа и нижней челюсти в раннем палеолите // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 50–69.
- Смирнов Ю.А. Intentional human burial: Middle Palaeolithic (Last Glaciation) beginnings // *Journal of World Prehistory*. N.Y.; L., 1989. Vol. 3. № 2. P. 199–233.
- Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии: возникновение погребальной практики и основы тафологии. М., 1991.
- Смирнов Ю.А. Burial — The Historical Phenomen // *World Archaeological Bulletin*. Southampton, 1996. № 8. P. 74–82.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследование. Сакральные тексты. Словарь. М., 1997.
- Смирнов Ю.А. Обзор верхнепалеолитических погребений Европы // Тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (20–24 декабря). М., 1999. С. 55–56.
- Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Формозов А.А. К проблеме «очагов первобытного искусства» // CA. 1983. № 3.
- Bader O.N. The boys of Sungir // *Illustrated London News*. 1970. № 7.
- Bastin B., Leveque F., Pradel L. Mise en evidence de spectres polliniques interstadiaries entre le Mousterien et la Perigordien ancien de la grotte des Cottés (Vienne) // C. R. Acad. Sci. P., 1976. T. 282.
- Billy G. Tombes d'enfants du Paléolithique supérieur // La mort dans la Préhistoire. Histoire et archeologie. 1982. № 66. P. 23.
- Binant P. Les pratiques funéraires au Paléolithique supérieur et au Mésolithique // La mort dans la Préhistoire. Histoire et archeologie. 1982. № 66. P. 15–18.
- Binant P. Les Sepultures du Paleolithique. P., 1991a.
- Binant P. La Prehistoire de la Mort. Les premieres sepultures en Europe. P., 1991b.
- Binford L.R. Mortuary practices: their study and their potential. In *Approaches to the Social Dimensions of*

Mortuary Practices // *Memoirs of the Society for American Archaeology*. 1971. Vol. 25. P. 6–20.

Binford S.R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic // *South-western Journal of Anthropology*. 1968. Vol. 24. № 2. P. 139–154.

Bonifay E. Un ensemble rituel mousterien a la grotte du Regourdou (Montignac, Dordogne) // *Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche*. Vol. 2. Roma, 1962.

Bonifay E. La grotte du Regourdou (Montignac, Dordogne): Stratigraphie et industrie lithique mousterienne // *L'Anthr.* 1964. T. 68. № 1/2.

Bordes F. A Tale of Two Caves. N.Y., 1972.

Bouchud J. Essai sur le renne et la climatologie du paleolithique moyen et superieur. Perigueux, 1966.

Bouvier J.-M. France // *Catalogue of fossil hominids* / Ed. K.P. Oakley, B.G. Campbell, Th. Molleson. L., 1971. Pt. 2: Europe. P. 73–187.

Bouyssonie A. et J., Bardon L. La station mousterienne de la «Bouffia» Bonneval a la Chapelle-aux-Saints // *L'Anthr.* 1913. T. 4.

Breuil H., Lantier R. Les Homines de la Pierre Ancienne. P., 1951.

Breuil H., Lantier R. The Men of the Old Stone Age. L., 1965.

Brun V. «Bruniquel» // *Congrès archéologique de France*. T. 66. Montauban, 1865.

Bruzek J., Novotny V. Diagnostic auxologique de l'os coxal des enfants de Sungir 2 et 3 (Paleolithique Superieur, Russie) // *Bull. et Mem. de la Societe d'Anthropologie de Paris*, n. s. 1993. T. 5. P. 151–158.

Cartailhac E. Archeologie: Les Grottes de Grimaldi. T. 2. Monaco, 1912.

Catalogue of fossil hominids / Ed. K.P. Oakley, B.G. Campbell, Th. Molleson. Pt. 1: Africa. L., 1977; Pt. 2: Europe. L., 1971; Pt. 3: Americas, Asia, Australasia. L., 1975.

Chalma M.C. Decouverte d'un Neandertalien dans un niveau du Paleolithique superieur en France // *L'Anthr.* 1980. T. 84. № 4.

Dastugue J., Lumley M.-A. Les maladies des homines prehistoriques du Paleolithique et du Mesolithique // *La Prehistoire Francaise*. P., 1976.

Dastugue J., Duda H. La paléopathologie // *La mort dans la Prehistoire. Histoire et archeologie*. Paris, 1982. № 66. P. 85–89.

Davies Mr.H.N. On the Discovery of Human Remains in Gough's Cavern, Cheddar // *Quarterly Journal of the Geological Society*. Vol. 60. L., 1904.

Duarte C., Muaricio J., Pettitt P.B., Souto P., Trincaus E. The early Upper Paleolithic human skeleton from the Abrigo do Lagar Vhelo (Portugal) and modern human emergence in Iberia // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 1999. Vol. 96. P. 7604–7609.

Garrod D.A.E. The Upper Palaeolithic Age in Britain. Oxford, 1926.

Harrold F.B.Jr. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. Chicago; Illinois, 1974.

Harrold F.B. A comparative analysis of Eurasian Palaeolithic burials // *World archeology*. 1980. Vol. 12. № 2. P. 195–211.

Hublin J.-J. Cannibalisme et archéologie // *La mort dans la Prehistoire. Histoire et archeologie*. 1982. № 66. P. 24–27.

Jullien H. Les Hommes Fossiles de la Pierre Taillee: Paleolithique et Mesolithique. P., 1965.

Klima B. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolm Vestonice, Czechoslovakia // *Journal of Human Evolution*. 1987. Vol. 16. P. 831–835.

Makowsky A. Der Löss von Brünn und seine Einschlüsse an diluvialen Tieren und Menschen // *Verh. Naturf. Ver.* 26. Brünn, 1888.

Makowsky A. Ueber die Anwesenheit des Menschen während der Löss-periode in der Umgebung von Brünn // *Mitt. Anthrop. Ges.* XX. Wien, 1890. P. 60–65.

Makowsky A. Der diluviale Mensch im Loss von Brünn // *Mitt. Anthrop. Ges.* XXII. Wien, 1892. P. 73–84.

Makowsky A. Der Mensch der Diluvialzeit Mährens // *Festschrift der k. k. technischen Hochschule in Brünn*. Sep. Brno, 1899.

Maska K.J. Ausgrabungen aus dem Mammutjager Lager im Předmostí im Jahr 1893 // *Bull. int. Acad. tchéque Sci. mat.-natur.* 1895a. Vol. 1. P. 29–30.

Maska K.J. Diluviální člověk v Předmostí // *Čas. vlast. muz. Spolku olomuck.* 1895b. 2. P. 4–7 (Předmostí 1–28).

May F. Le Sepultures Prehistoriques. P., 1986.

Morin E. Les premieres inhumaines // *La mort dans la Prehistoire. Histoire et archeologie*. 1982. № 66. P. 6–7.

Mortillet G. Le Prehistorique: Origine et Antiquite de L'homme. P., 1885.

Mortillet P. Origine de Culte des Morts: Les Sepultures Prehistoriques. P., 1914.

Mussi M. Italian Palaeolithic and Mesolithic burials // *Hum. Evol.* 1986a. Vol. 1. P. 545–556.

Mussi M. On the chronology of the burials found in the Grimaldi Caves. // *Antropologia Contemporanea*. 1986b. Vol. 9. P. 95–104.

Mussi M. Continuite et discontinuete dans lea pratiques funeraires au paléolithique le cas de L'Italie // L'Homme de Neandertal 1988. Vol. 5. P. 93–107.

Mussi M. (Etude critique): May F. Le Sepultures Prehistoriques. P., 1986 // Les nouvelles de l'archeologie. 1989. № 35.

Mussi M. Continuity and change in Italy at the Last Glacial Maximum. // The World at 18 000 BP. N.Y.; L.; P., 1990a. Vol. 2. P. 126–147.

Mussi M. Le peuplement de l'Italie a la fin du paléolithique moyen et au début du paléolithique supérieur. Paléolithique moyen récent et paléolithique supérieur ancien en Europe // Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile France. 1990b. № 3. P. 251–262.

Mussi M., Frayer D.W., Macchiarelli R. Les vivants et les morts. Les sépultures du paléolithique supérieur en Italie et leur interpretation. People und Cultur in Change. Proceedings of the Second Palaeolithic, Mesolithic and Neolithic Populations of Europe and the Mediterranean Basin. Pt. 1. // BAR IS 508 (I). 1989. P. 435–458.

Perlès C. Les rites funéraires du Paléolithique mythe ou réalité? // La mort dans la Préhistoire. Histoire et archeologie. 1982. № 66. P. 8–9.

Quechon G. Les sepultures des Hommes du Paleolithique superieur // La Préhistoire Francaise. P., 1976.

Riel-Salvatore J., Clarc G.A. Middle and Upper Paleolithic Burials and the Use of Chronology in Contemporary Paleolithic Research // Current Anthropology. 2001. Vol. 42. № 4.

Tiller A.-M. Les inhumations d'enfants au Paléolithique ancien et moyen // La mort dans la Préhistoire. Histoire et archeologie. 1982. № 66. P. 19–22.

Ullrich H. Bemerkungen zu den Defekten am jung-paläolithischen Kinderunterkiefer von Ranis // Zeitschrift für Archäologie. 1979. Bd. 13. S. 153–161.

Ullrich H. Manipulations on human corpses, mortuary practice and burial rites in Paleolithic times // Anthropos. 1986. Vol. 23. P. 227–236.

Ullrich H. Fossile Hominidenfunde — Übersicht in Tabellenform // Hrsg. J. Herrmann, H. Ullrich. Menschwerdung. Eine Gesamtdarstellung. Berlin. 1991. S. 680–713.

Ullrich H. Skelettrepräsentation und Totenriten beim archaischen und anatomisch modernen Homo sapiens in Europa // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität w Berlin, Reihe Mediaw 41. 1992. Bd. 2. S. 135–141.

Ullrich H. Mortuari practices in the Palaeolithic — reflections of human-environment relations. Man and environment in the Palaeolithic // E.R.A.U.L. 1995. Vol. 62. 363–378.

Ullrich H. Reconstruction of close biological relationships in Palaeolithic burials // Nature et culture. 1996. (ERAUL 68). P. 765–796.

Ullrich H. Life and Death, Mortuary Practices and Survival Strategies in the Paleolithic // Hominid Evolution. Lifestyles and Survival Strategies. Gelsenkirchen; Swelm, 1999. P. 543–562.

Vandermeersch B., Lévêque F. Saint-Césaire // Première Humanité, Gestes funéraires des Néandertaliens. Les Eyzies-de-Tauac, 2008. P. 120–121.

Vlček E. Die Mammutjäger von Doiní Věstonice. Liestal, 1991.

Walker P.L., Johnson J.R., Lambert P.M. Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains // American Journal of Physical Anthropology. 1988. Vol. 76. № 2. P. 183–188.

*А. Н. Сорокин*¹

ПОЛЕМИКА С Г. П. ГРИГОРЬЕВЫМ: ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЗАЩИТЫ

Сорокин А. Н. Полемика с Г. П. Григорьевым: из истории одной защиты

This paper describes an episode from the history of archaeology, namely A.N. Sorokin's doctoral thesis defence at a viva voce. G.P. Grigoriev was Sorokin's opponent. Records of the presentation and the subsequent debate are included.

Жизнь нечасто сводила меня с Геннадием Павловичем, хотя знаком был с ним без малого 40 лет начиная с осени 1973 г. Так вышло, что даже до Авдеева, где он бывал ежегодно, доехать мне не довелось. Это особенно досадно, ибо без впечатлений от этой стоянки при всем богатстве биографии в моем «археологическом фундаменте» не хватает особого «камешка». А кроме того, — я глубоко уверен — общение в поле не заменить ничем другим. Тем не менее в моей биографии Г.П. Григорьеву довелось сыграть важную, чтобы не сказать судьбоносную роль. В 2000 г. он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации, и так уж вышло, что именно его отзыв оказался наиболее обстоятельным, дотошным и критическим, чем доставил мне немало проблем.

Отзывы на диссертации — это особый вид научной работы, где чаще всего проявляются результаты творчества их авторов, не предназначенные, как правило, для публикации. Несмотря на известные каноны, неизбежно присущие им, они не отягощены обширным справочным аппаратом, свободны по форме и тематике и в силу этого в наи-

большей мере могут отразить эрудицию пишущего, его свободу владения материалом и теорией, а также своеобразие авторского стиля, не зашоренного авторитетом главного редактора, придирчивостью рецензентов и педантизмом корректора. Вот и в конкретном случае авторство и своеобразие стиля оппонента даже без стандартного упоминания его фамилии, имени, отчества узнаются без труда. Подобный сюжет, связанный с Г.П. Григорьевым и моей защитой, я и хочу предложить вниманию читателя. Уверен, что для истории науки подобный сюжет имеет ничуть не меньшее значение, чем статьи и даже монографии, вышедшие из-под пера конкретного исследователя.

Нимало не преувеличивая своей роли в археологии, полагаю тем не менее, что отзыв Г.П. Григорьева и мой ответ на него представляют не только частный интерес, они дают адекватное представление о состоянии археологии каменного века двенадцатилетней давности. Казалось бы, и прошло-то всего ничего — одна дюжина лет, а ведь в двухтысячном не существовало даже такого понятия, как «мезолитоведение». Не говорю уже о том, что многие обсуждавшиеся тогда проблемы, такие как традиция, трансформация, источ-

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

никоведение и т.д. и т.п., актуальны, более того, злободневны до сих пор. А значит, наша полемика может быть интересна и широкой современной аудитории. После этого небольшого комментария и предупреждения уместно перейти к самим документам. Итак, сначала воспроизвожу отзыв Г.П. Григорьева на диссертацию А.Н. Сорокина «Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы», хранящийся в моем архиве¹.

«Мезолит в Восточной Европе по степени изученности уступает соседней Польше, хотя наверно изучен лучше, чем мезолит Словакии и Чехии. Существенно то, что в изучении его всего-навсего идет вторая ступень: период изучения структуры явления, однажды уже нащупанного, когда выявляется территориальная группировка памятников и хронологические ступени. Диссертация А.Н. Сорокина как раз и посвящена, судя по первой половине заглавия, территориальным и хронологическим подразделениям восточноевропейского мезолита, другими словами — структуре этого явления, не так уж давно появившегося. Поскольку такие варианты уже были однажды выделены (в виде бутовской и иеневской культур), хотя и на другой узкой территории, он пытается установить отношения между ними и им самим выделенной группой стоянок — рессетинской. Территориальные подразделения лежат в основе всех построений, предполагающих происхождение групп памятников или передвижение населения, взаимные влияния разных групп друг на друга. Вынесенный в заглавие работы другой тезис: *Проблема источниковедения* отражает его глубокую убежденность, что пространственная структура мезолита Восточной Европы связано с пониманием культурного слоя мезолитических памятников. Это — одна из источниковедческих проблем каменного века, но, конечно, не вся проблема. Внимание к источниковедению — черта последних лет науки о каменном веке, и работы А.Н. Сорокина.

Замечательной стороной диссертационной работы А.Н. Сорокина является та, что определяется

первой половиной названия работы: *Мезолит Жиздринского Полесья*. Это глубокий, подробный анализ материала отобранных им как наиболее подходящих мезолитических стоянок, А.Н. Сорокин, не ограничиваясь описанием материала, определяет культурную принадлежность этих стоянок. Исходя из своих определений, развивая свое построение, А.Н. Сорокин углубляется в проблему соотношения между выделенными им культурными единицами. Описание им материала поражает своей тщательностью. Описаны и типы ядрищ, и заготовки для изготовления орудий, подсчитаны все мыслимые процентные соотношения и сведены в несколько таблиц. После описания материала по стоянкам идет еще раз анализ того же каменного материала по категориям, что, может быть, и излишне, но позволяет полнее представить материал.

Первая стоянка Жиздринского полесья, о которой идет речь — Красное 1 “Вася”, и почему-то об ее культурной принадлежности автор говорит наименее определенно. Оказывается, самое большое, что можно сказать о памятнике — это то, что материал похож и на иеневскую, и на деснинскую культуры, а к тому же отражает взаимодействие южно-уральского и среднеднепровского населения. И я думаю, здесь дело не в неуверенности автора, а в отсутствии оснований для распределения памятников по двум археологическим культурам (песочноровской и иеневской). Предписанные для них границы не обладают нужной определенностью, что автор и отразил своим неопределенным заключением. Как правило, исследователь определяет принадлежность того или иного памятника к определенной археологической культуре. Здесь же он ограничивается указанием на принадлежность к аренсбургской традиции. Это (традиция) — наименее ясное понятие в кругу используемых автором. Понятно, что это нечто более общее, более широкое понятие, чем понятие археологическая культура. Но признаки этого единства (памятников одной традиции) не определены, а границы его неизвестны. То же можно сказать и о свидерской — постсвидерской традиции, хотя о ней А.Н. Сорокин много говорит в главе 7, пытаясь выяснить происхождение бутовской культуры. Уточняя положение материалов стоянки Красное 1 “Вася” в системе,

¹ Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

он говорит о взаимодействии среднеднепровского населения и южно-уральского, что не делает положение более ясным. Прямых аналогий этому набору изделий он не видит (с. 99). Но общее сходство, говорит он, есть с памятниками Белоруссии и Украины: деснинской культуры и еще нескольких. Далее речь идет, но мимоходом, о примеси, и высокие трапеции определенно называются примесью (там же). Видимо, забыв о своей определенности, далее он говорит, что смешаны ли изделия на стоянке или нет — судить нет оснований (с. 102). Видимо, это обстоятельство очень интересовало его. Здесь он заводит речь о култинской культуре, которая, как ему кажется, проникла в Жиздринское полесье со Средней Волги, и, оказывается как в чистом виде, так и в смешанном (с. 103). Относительно другого пункта у того же села — Красного 3 у него нет колебаний — это бутовская культура, и к тому же в ее позднем выражении. Правда, у меня возникают сомнения, отчего же тогда Красное 1 “Вася” — не бутово? Ведь в обеих коллекциях имеются те же самые наконечники — свидерские и аренбургские. Конечно, можно уточнить их типологическую позицию, но категории останутся те же самые. Но об этом речь дальше.

Итак, два памятника возле одного села оказались относящимися к различным культурам. Третий памятник там же — Красное 8 “Пенешки” представлен А.Н. Сорокиным резко отличным от двух других, но не по культуроразличающим признакам. Так называемое охотничье вооружение (наконечники и острия разного рода) — просто бедно: строго говоря, есть один наконечник — да и тот типа Хинтерзее. Он его относит к родственным иеневской и песочноровской культурам, точнее, к памятникам типа Студенок (с. 125). Конечно, интересно и негативное суждение исследователя: этот памятник не относится к бутовской культуре, но имеет бутовские черты. Несмотря на свои бутовские черты, он относится к Иенево — Песочному Рву: микролиты с затупленным краем и основанием, трапеции т.д. Упоминается и тип наконечника, но он — один. В качестве культуроразличающих признаков используются не наконечники, которых нет, а формы резцов и скребков. Видимо,

автор не согласен с тем, что им написано в 1990 году — что культуроразличение возможно не на основании скребков и резцов, а на основании наконечников.

Стоянки Рессета 2 и 3 представляют другой род памятников, их автор относит к особой культуре — рессетинской, каковую он выделил сам на основании этих памятников. Хочется увидеть что-то принципиально отличное от Бутово, Иенево и Песочного Рва. В качестве такового А.Н. Сорокин предлагает рессетинские острия. Однако на основном памятнике Рессета 3 представлены и наконечники свидерского типа, и черешковые наконечники, которые А.Н. Сорокин предпочитает называть аренбургскими. Другими словами, здесь есть все то же, что и на других стоянках Жиздры, но еще и наконечники с боковой выемкой. Мне кажется, что, выделяя новый тип наконечника, А.Н. Сорокин испытал эмоциональное потрясение и переоценил распространенность этой разновидности. При спокойном отношении к делу можно говорить о единичных находках наконечников с боковой выемкой. Я предпочитаю говорить о единичности потому, что часть из изделий — это пластинки с притупленным краем, незаконченные обработкой (в Рессете 2 нет наконечников). Они в этом случае, как это хорошо известно, дают контур, напоминающий изделие с выемкой. В начале и в середине века такую же ошибку делали и специалисты по палеолиту, но затем это было понято. И конечно связывать их можно с костенковскими не с большим основанием, чем черешковые наконечники с Оки с наконечниками Аравийского полуострова. Если аравийские отделены от наших пространством, то граветские — временем. Они датируются около 22–23 000 лет, может быть, некоторые памятники доживают до 20 000 лет, но существенно, что все граветские памятники исчезают, не оставив никаких следов ни у нас, в Восточной Европе, ни в остальной Европе, хотя были распространены очень широко. Причем исчезают все стороны их культуры, нам известные — и их обширные поселения, и их огромные ямы для отбросов (так называемые землянки), и их искусство. Между граветскими памятниками и мезолитическими легли мадленские памятники с укороченны-

ми (тарновскими) скребками, длинными проколами и орудиями *Federmesser*. Правда, в оправдание стремления А.Н. Сорокина найти себе хороших предков скажу, что у всех специалистов по мезолиту сложилась такая традиция. Одни ищут предков в Мезине, другие в памятниках деснинского палеолита, третьи говорят о местном палеолите не уточняя, что они имеют в виду. А предки имеются только у немецких и голландских мезолитических памятников типа маглемозе, северного круга по С. Козловскому. Скорее всего, эти попытки обречены на неудачу. Ведь сами специалисты по мезолиту (в том числе и наш автор, хотя и с многими оговорками) согласны в том, что мезолитические памятники в Восточной Европе — наследие свидерской культуры, широко распространенной в Польше. Это — новая культурная группа, которая распространена очень широко, от Прибалтики до Крыма. Мезолит — эпоха в развитии культуры Восточной Европы, не связанная с предшествующей — с палеолитом. И территория Польши была занята группами населения с орудиями, свойственными северному мезолиту, а памятники со свидерскими наконечниками исчезли. Я с сомнением смотрю на проникновение в Восточную Европу аренсбургской культуры. Ее нет на территории Польши, (хотя теперь там находят наконечники аренсбург). А новый культурный импульс поступил к нам оттуда, и это были памятники со свидерскими острьями. Я думаю, что А.Н. Сорокин прав, обратив внимание на типологическое своеобразие двух памятников на Рессете. Но далее необходимо было поставить вопрос, можно ли на основании двух памятников выделить археологическую культуру (или культурную группу, что очень похоже). За ответом на этот вопрос не надо ходить далеко. В работе А.Н. Сорокина содержатся критические замечания в адрес украинских и российских коллег (с. 387). Он отмечает, что выделение культур носит лавинообразный характер, и они выделяются вне зависимости от числа памятников и количества орудий. Он резко выступает против выделения культур на основании смешанных памятников (и я тоже). Поскольку он не исключает смешения материала в Рессете, я думаю, он согласен с тем, что выделение двух памятников на Рессете —

в качестве археологической культуры — преждевременно. Но он прав, обратив внимание на новые формы в мезолите. В самом деле, ведь материал из этих двух памятников включает и постсвидерские формы, и постаренсбургские. Пластинки с притупленным краем здесь также представлены. Наблюдается сходство и в остальных формах. Уникальность рессетинских острий, действительно видимо не представленных в других памятниках (правда, Сорокин упоминает еще два у Суконцево и Борки), показывает спорность определения установленной А.Н. Сорокиным группы в качестве археологической культуры. Что касается микро-резцового скоса, направленного от середины изделия к его концу, то замечу, что тут нет ударной площадки, заранее приготовленной, чтобы произвести этот скос, и потому это скорее брак, промах мастера, который, ретушируя край пластины, нажал слишком сильно. Я думаю, что А.Н. Сорокин уж слишком понадеялся на польских коллег, отметивших такой скос для изделий яниславицкого типа, которые он мимоходом упоминает, хотя не связывает свои, рессетинские изделия с яниславицкими. Поскольку это момент технический, вариант брака, то вполне понятно, что он не связан с какой-то определенной культурой. Правда, А.Н. Сорокин настаивает на том, что рессетинские памятники дают уникальный набор форм (с. 169), а не просто одну оригинальную форму. Однако позволю себе усомниться в этом. Тщательность, с которой он сообщает данные по отдельным раскопам, по сборам изделий из камня — позволяет говорить нечто противоположное — см. высказывание автора: “состав наконечников стрел отличается значительным разнообразием, тут присутствуют как традиционные для мезолита Волго-Окского бассейна типы, так и не встречавшиеся ранее серийно” (с. 223).

В самом деле, что-то уж очень много археологических культур появляется на ограниченной площади. Здесь выделены бутовская, иеневская, рессетинская, култинская и пургасовская культуры, а где-то рядом, на Десне еще и песочноровская культура. Одна из работ А.Н. Сорокина называется: “Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы”. Мне кажется, парадоксальность —

примечательное качество всей работы Сорокина. Потратив половину своего текста (7 и 8 главы) на обоснование тезиса: невозможно строить археологические культуры и соответственно, доказывать взаимодействие культур на основании смешанных (предположительно) коллекций, именно их он положил в основание своих основных положений. Например, присутствие свидерской культуры в Восточной Европе им признается на основании коллекций из Смячки XIУ. Бутовская культура взаимодействовала с рессетинской, или даже происходит от нее, хотя возможно, коллекции из Рессы — 3 результат механического смешения. Рассмотрение набора орудий с многих пунктов (после рассмотрения их по раскопам) кончается соединением всех коллекций — и из раскопок, и подъемных.

Как всякая археологическая работа, диссертационное сочинение А.Н. Сорокина не обходится без соображений о хронологии памятников. Он строит последовательность памятников — групп памятников, где в основании, в конце плейстоцена, может быть, стоит рессетинский вариант \ культура, далее следует Пулли, а из него происходит бутовская культура. На все это отводится, по его расчетам, тысяча лет, или по триста лет на культуру. Но есть еще ранние памятники и поздние памятники рессетинской культуры, две ступени кундской культуры, где Пулли — ранний вариант, и далее — две группы бутовских памятников, более ранние и более поздние. Тогда на ступень приходится 100–150 лет! Но разбор А.Н. Сорокиным ступеней иеневской культуры в 1992/3 годах меня убеждает, что нельзя делить памятники на ранние и поздние по тем типологическим основаниям, что в одних есть трапеции, а в других нет. А что если это заключение справедливо и для Бутово, а не только для Иенево? В самом деле, Рессета — раньше Бутово, но и в Рессете есть все варианты наконечников стрел: аренбургские, свидерские и рессетинские. Сравнение типологии мезолитических памятников показывает, что они слишком однотипны, однообразны, чтобы делиться по формам наконечников или трапеций на ранние и поздние. И данные пыльцевого метода тут не помогают. В пределах пребореала и бореала (а это время су-

ществования всего мезолита, всей мезолитической эпохи) не было столь резких колебаний климата, чтобы их можно было опознать в разных частях Восточной Европы. Чаще всего палинолог узнает у археолога, что раньше, что позже, и в соответствии с этим строит свои последовательности изменений растительности. Ведь в пределах этого климатического периода преобладали сосна, ель и береза, вот и все разнообразие пыльцевых диаграмм. Археологи с восторгом смотрят на шкалу изменений растительности, где шаг — 200 лет (Кравцов, 2000). Но ведь нужен не шаг в 200 лет, а определенная граница — между пребореалом и бореалом. Вот этой-то границы и нет у специалистов по пыльцевому анализу. Но я понимаю, что археологи склонны доверять такому уникальному специалисту, как Е.А. Спиридонова. Уникальный специалист — тот, кого никто никогда не проверяет.

Проблема источниковедения, как она обозначена автором, исключительно важна для всей работы. А.Н. Сорокин совершенно прав, когда говорит, что большинство стоянок содержит материал, одновременность которого не может быть доказана. Он полагает, что только полевые исследования могут доказать, и при этом — чаще всего в будущем, что совокупность орудий, нам доставшаяся, действительно была в руках одного человеческого коллектива. Условия накопления рыхлого материала, включающего культурные остатки, таковы, что смешение артефактов происходит немедленно, при появлении следующей группы людей, и впоследствии, с течением естественных процессов переработки вмещающей породы. На языке археолога это называется образованием археологического источника. Поскольку большинство стоянок не обладают доказательством несмешанности материала, встает вопрос, можно ли материал таких стоянок использовать для выделения единиц, например, пространственной организации материала? Так получилось, что ранее единый мезолит Восточной Европы разделили на единицы классификации, которые сразу, без колебаний, назвали археологическими культурами. Собственно, одно колебание было — в итоге культура елинборская исчезла (с. 273), не оставив воспоминаний. Теперь

и А.Н. Сорокин, и А.Е. Кравцов, и другие специалисты по палеолиту бьются над вопросом, а смешаны ли материал стоянки Беливо 4 или Рессеты 3? Однако что с чем смешивалось, было ли чему смешиваться — вот вопрос, который они обходят. Если смешивалась бутовская культура с иеневской, то, наверно, надо сначала проверить, а были ли такие культуры, то есть верно ли они выделены? Если для Бутово, как полагает А.Н. Сорокин, использованы по преимуществу смешанные коллекции (с. 269, 274, ср.: Сорокин, 1992, с. 46, 47), а равно и для Иенево (там же, с. 48), или ненадежные, по его оценке, коллекции, то можно ли начинать проверку Беливо 4А на разнокультурность? Со стороны кажется, что обойти вопрос, были ли две или три культуры в Полесье и в Поволжье, вряд ли целесообразно. На с. 267 А.Н. Сорокин признает, что существует такой вопрос: был ли местный мезолит однокультурным? А далее он ссылается на то, что поликультурность никем не оспаривается (с. 272, 273). Но кто-то должен быть умнее всех?

Стремление делить мезолитические памятники на культуры, культурные группы, еще на памятники типа Студенок — это направление, которое себя, видимо, пока не исчерпало. Но направление исследования, избранное А.Н. Сорокиным, ведет его к критической проверке результатов. Отсюда его резкая критика бутовской культуры и способов выделения этой культуры. Отсюда его стремление установить культуроразличающие (он предпочитает термин культуροопределяющие) признаки — прежде всего формы наконечников стрел. Осталось сделать только один, но самый важный шаг — усомниться в разделении памятников мезолита на бутовские и иеневские.

Придирчивое рассмотрение работы А.Н. Сорокина убеждает меня в том, что она представляет собой этап в исследовании мезолита Восточной Европы. И этот этап весьма важный. Самостоятельность мысли А.Н. Сорокина, умение по-своему подойти к своим материалам, широта взглядов производят самое положительное впечатление. Его работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук. Автореферат

соответствует содержанию диссертации, а опубликованные работы достаточны, чтобы представить содержание диссертации».

На этом отзыв Г.П. Григорьева заканчивается. Далее воспроизвожу собственный ответ оппоненту. В целях экономии места и соответствия издательским требованиям счел уместным внести в него небольшие купюры.

«Прежде всего хочу искренне поблагодарить Геннадия Павловича за высокую оценку моей работы в его, как он назвал сам, “придирчивом” отзыве. Безусловно, ряд сделанных им замечаний мною будет учтен при подготовке рукописи к печати. Некоторые из затронутых им вопросов требуют уточнения, однако большинство проблем, о которых говорит Геннадий Павлович, носят дискуссионный характер. Не вдаваясь в частности, остановлюсь на наиболее важных из них.

Действительно, степень изученности мезолита Восточной Европы в целом далека от полноты, но этому есть логическое объяснение: несопоставимость масштабов Восточной Европы и Польши и плотности археологов в пересчете на квадратные километры площади. Впрочем, если сравнивать сопоставимые с Польшей величины, такие как Украина или Волго-Окское междуречье, эта диспропорция не будет значительной.

Не могу согласиться с утверждением Геннадия Павловича о том, что моя диссертация “посвящена преимущественно территориальным и хронологическим подразделениям восточноевропейского мезолита” и “установлению соотношения между бутовской, иеневской и рессетинской культурами”. Это две конкретных из рассматриваемых проблем, но, как справедливо отметил Геннадий Павлович, “конечно, не все проблемы”. Тем более что не менее половины из 80 написанных мною работ посвящены разработке характеристик конкретных культур, принципам их выделения, определения своеобразия и возможных связей. Характеристики бутовской, иеневской, песочноровской и рессетинской культур мне представляются достаточно разработанными, чтобы уделять им основное внимание в диссертации. Поэтому, касаясь каждой из них,

я ограничился тем новым, что внес непосредственно. Детальный анализ, кроме объема, вряд ли прибавил бы что-либо к содержательной части работы.

Двадцатипятилетний опыт работ привел меня к выводу, что культурно-генетические схемы должны строиться не просто на коллекциях, прошедших источниковедческую критику, но прежде всего на понимании сути, что представляет собой мезолитический источник. *Поэтому ключевая проблема диссертации — это проблема источниковедения.* Проблема источниковедения — и я здесь абсолютно согласен с Геннадием Павловичем — не ограничивается пространственной структурой культурного слоя мезолитических памятников. Она гораздо шире, хотя без пространственной структуры нельзя подойти к пониманию сути мезолитических источников. И здесь я тоже согласен с утверждением Геннадия Павловича о том, что аксиоматичность многих очевидных вещей требует доказательства, а не постулирования. Не все, что кажется очевидным, объективно. В этой связи уместно вспомнить выражение Г. Эггера: «И археологические памятники могут лгать». Элементарная проверка вывода о контактах, который якобы следует из совместного залегания разнокультурных находок в одном месте, показала, что этот постулат выдает желаемое за действительное.

Что касается вопросов различения культур, я не являюсь строгим сторонником выделения мезолитических культур лишь по охотничьему вооружению. Оно действительно наиболее показательно и в большинстве случаев самодостаточно. Кроме того, его на стоянках бывает не так много, что упрощает анализ, поэтому, как правило, исследователи и ограничиваются охотничьим вооружением. В ряде случаев показательными бывают и массовые категории изделий, такие как скребки, резцы, топоры или тесла и т.д. Иногда коллекции отличает весь облик инвентаря, массивность или, напротив, микролитоидность. В культуроразличении, как и в любом деле, важно найти золотую середину, поэтому уместно вспомнить и перефразировать уже забытое выражение: «Методика не догма, а средство познания». Следует напомнить и тот вывод, к которому я пришел в ходе работы: не все типы охотничьего вооружения равнозначны

для культурной атрибуции. Например, вкладыши из фрагментированных пластин встречаются практически во всех мезолитических культурах, поэтому признак этот фоновый и он ничего не дает для культурной атрибуции.

Геннадий Павлович справедливо отмечает, что «границы песочноровской и иеневской культур не обладают нужной определенностью». Об этом же, а также о типологическом тождестве этих культур я говорил еще в 1981 г. на конференции в Киеве, правда, статья вышла на украинском языке в квартальнике Института археологии Украины, поэтому могла остаться не известной оппоненту. Но не это послужило основой для расплывчатости вывода о культурной принадлежности Красной 1 «Вася», как и Красной 8 «Пенешки». Просто те коллекции и культуры, с которыми их приходится сопоставлять, не обладают достаточной чистотой и надежностью. Поэтому выводы и о жиздринских стоянках не могут пока быть однозначными и окончательными.

Геннадий Павлович прав, когда говорит, что «традиция — это наименее ясное понятие, используемое автором», однако это утверждение относится не только ко мне. С одной стороны, здесь общая теоретическая неразработанность понятия в приложении к мезолиту, с другой — малочисленность дат и «размытость» признаков многих мезолитических культур. Эти причины не позволяют реально синхронизировать культуры или отождествлять их друг с другом. Более того, кроме констатации свидерской или аренбургской традиции никто пока не произвел масштабного сравнения культур, отнесенных к каждому из этих понятий. Не могу исключить, что в ряде случаев, как и с поликультурностью, ответ будет далеким от традиционных представлений о наследовании. Приведу лишь один пример: сравнение традиционно постсвидерской кундской культуры со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской, ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По ее данным, фактически единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия — это плоская ретушь на наконечниках, но достаточно ли одного признака для констатации традиции,

если плоская ретушь и близкие формы наконечников не имеют ни территориального, ни хронологического единства?

Нельзя исключить, что в ряде случаев модель передачи традиции аналогична виллендорфско-павловско-костенковской общности. В ней традиция отражает не связь на всем Европейском приледниковом пространстве, а последовательную миграцию населения в направлении с запада на восток. Однако в целом вопрос о традиции выходит за рамки данной диссертации и требует специальной разработки. Это то направление, которым я надеюсь заняться в ближайшем будущем.

Не могу согласиться с утверждением оппонента, о том “что, выделяя новый тип наконечника — рессетинский, я переоценил распространенность этой разновидности и что часть из изделий — это пластинки с притупленным краем, незаконченные обработкой”. Это впечатление могло сложиться у Геннадия Павловича на основе рисунков, где представлены отдельные фрагментированные предметы, которые действительно не поддаются четкой атрибуции. Но во всех представительных рессетинских коллекциях наконечники из микропластин с боковой выемкой и микролиты с затупленным краем — это абсолютно самостоятельные категории орудий. Конечно, и эти категории, и шиповидные рессетинские наконечники, и асимметричные острия составляют “сопряженную группу” (по терминологии М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева). Но сопряженность — это явление, общее для каменного века, оно не отрицает категориального своеобразия каждого из элементов сопряженной группы. Например, точно такую же сопряженную группу образуют те же изделия в костенковско-авдеевской и каменно-балковской культурах. Типичные и атипичные наконечники с боковой выемкой, микролиты с затупленным краем и ножи костенковского типа образуют в костенковско-авдеевской культуре сопряженную группу, не разделяемую, как показала В.И. Беляева, даже статистически. В песочноровской и иеневской культурах сопряженную группу образуют черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой, алтынские вкладыши, высокие трапеции и треугольники. Более того, во многих мезолитических

культурах техника нуклеуса и резцовая техника взаимосвязаны, но отрицать на этом основании объективность резцов и нуклеусов вряд ли кто осмелится.

Что касается микрорезцовой техники, речь, конечно же, идет не о моем преклонении перед авторитетом польских коллег или яниславицкой культурой. Это действительно особая техника, а «не производственный брак или неумение мастера, который, ретушируя край пластины, нажал слишком сильно», как утверждает глубокоуважаемый оппонент. То, о чем говорит Геннадий Павлович, — это псевдомикрорезцы. Они присутствуют в граветтских памятниках и, в частности, на стоянке Авдеево и некоторых неродственных мезолитических культурах, например бутовской, коморницкой или песочноровской, но микрорезцовая техника не имеет к ним никакого отношения. Это азбучная истина для любого исследователя мезолита. Микрорезцовая техника впервые была выделена классиком британского мезолита Грегом Десмондом Кларком еще в 1932 г. в его монографии “Мезолитический век Британии” по материалам британского маглемозе. Неудивительно поэтому, что она долгое время являлась “визитной карточкой” культуры маглемозе и до сих пор продолжает отождествляться с ней. Тем не менее с 60-х годов XX в. микрорезцовая техника стала широко известна в Африке, во многих палеолитических и мезолитических культурах Европы, большинство из которых не имеют к маглемозе никакого отношения. Из тех стоянок, которые должны быть хорошо известны оппоненту, можно назвать Каменную Балку 1–3, Супонево и Гагарино. Неудивительно поэтому, что микрорезцовая техника присутствует и в рессетинской культуре. Кстати, с Гагарино я связываю и генезис рессетинской культуры (о чем скажу чуть ниже). Обширная библиография по микрорезцовой технике и ее прекрасное описание имеется в монографии Д.Ю. Нужного “Развитие микролитической техники в каменном веке” (Киев, 1992). Без преувеличения микролитическая техника — это “классическая” техника производства микролитов. Полагаю, этого достаточно, чтобы говорить об ее объективности.

Не могу разделить сомнения Геннадия Павловича относительно “проникновения в Восточную Европу и на территорию Польши аренсбургской культуры”. Не говоря о последних данных, напомним лишь классическую монографию Вольфганга Тауте 1968 г. “Культуры наконечников с черешком в Центральной Европе”, в которой на территории Польши отмечено не менее 10 аренсбургских стоянок. Наиболее известные среди них Цаловане (слой 5), Янушково, Гнездо и Смольно-Вельке. В России всем известная стоянка Гремячее 1 на Оке, с которой началось отечественное мезолитоведение, — это тоже “чистая” аренсбургская стоянка. Можно назвать также и стоянки Теплый Ручей, Бенской Порог на Верхней Волге, Красноселье на Верхнем Днепре и др. Конечно, их пока не так много, но в их присутствии сомневаться не приходится. Так же, как и в присутствии в Восточной Европе памятников культуры федермессер, к которой относятся стоянки Тимоновка 1 и 2 на Десне, или культуры Лингби — это стоянки Подол 3 и Ланино на оз. Волго, Вышегора на Верхнем Днепре, Троицкое 3 на Верхней Волге. Данные позволяют со всей очевидностью говорить о том, что в конце плейстоцена вся приледниковая Европа была ареалом населения культур Аренсбург, Федермессер и Лингби, действительно лучше изученных по материалам Западной и Центральной Европы. Присутствие в Восточной Европе западноевропейских культур закономерно и вызвано геоморфологией позднеплейстоценовой Европы. Это единство объясняется географией и экологией Европейской приледниковой области, тем обстоятельством, что все это территория главного Европейского пояса полесий, который сформировался в эпоху Великого Валдайского оледенения. Европейские ландшафты низменности и были средой обитания населения этих культур. Эти же причины позволяют связывать генезис рессетинской культуры с верхним палеолитом типа Гагарино.

В настоящее время к рессетинской культуре относится не менее 15 памятников, поэтому вопрос, можно ли на основании двух памятников выделить археологическую культуру или культурную группу, для нее не актуален.

Что касается связи рессетинских наконечников с боковой выемкой и микролитов с граветскими, то я говорю об этом явлении не вообще, а лишь об их сходстве с изделиями из Гагарино, где имеются абсолютно те же формы охотничьего вооружения. При этом временная разница между ними мне не представляется столь очевидной, как Геннадию Павловичу. Две наиболее поздние даты Гагарино равны 18 000 лет. Слои рессетинских стоянок Суконцево 9, 10 и Хрипелево 2 (нижний слой) залегают во флювиогляциальных отложениях второй террасы р. Волги, следовательно, время их формирования относится тоже к плейстоцену, причем не к самому его финалу. Наконец, радиоуглеродная дата верхней пачки нижнего слоя стоянки Минино 2 равна 11 000 лет. Конечно, этого пока мало, чтобы заполнить лакуну, тем не менее я бы не был столь категоричен в выводе об отсутствии между ними всякой связи. Сходство рессетинского вооружения с находками из Гагарино настолько велико, что не производит впечатления случайного. Время покажет, насколько справедливы мои предположения.

Несколько слов о парадоксальности, которая якобы “примечательное качество всей рецензируемой работы”. Не могу согласиться с тем, что в основание рассуждений мною положены смешанные коллекции. В каждой из рассматриваемых культур есть “чистые” комплексы. Но точно так же в каждой из них есть и смешанные материалы. Опыт убеждает меня, что выводы, которые делаются из них, могут быть диаметрально противоположными. Поэтому я считаю необходимым говорить об этом открыто, не затушевывая источник происхождения коллекции, а каждый раз четко определяя его. Предварительное описание по отдельным комплексам или раскопам и последующее суммирование данных мне необходимы для того, чтобы прийти к заключению, а с чем же в каждом конкретном случае мы имеем дело. Действительно ли с “чистыми” или со смешанными материалами, с комплексами одного порядка или разного. Особенность мезолитических материалов состоит в том, что и коллекции, полученные путем раскопок, могут быть переотложенными, то есть фактически подъемным материалом. Используемая

мною процедура позволяет понять, где кончается конкретный анализ данных и начинается “отрыв мысли от материала”, то есть момент, когда идея (представление) начинает жить самостоятельно. Пунктуальность изложения позволяет проверить всю последовательность рассуждений и их обоснованность. Только суммарное или только раздельное изложение не дают возможности проверки выводов на всех уровнях анализа. Таким образом, речь идет не о парадоксальности, а о реальной оценке возможностей любых мезолитических источников. Поэтому не могу согласиться и с утверждением Геннадия Павловича, что “доказываю взаимодействие культур на основании смешанных коллекций”. Осуществляя критику источников, в любой из анализируемых культур я выделяю и смешанные, и чистые материалы. Например, в бутовской культуре из 94 коллекций лишь 19 признано надежными (Сорокин, 1990), а в иеневской — из 58 — 14 (Кравцов, Сорокин, 1991). Именно “чистые” комплексы я и использую в своих выводах. В этом легко убедиться, обратившись к моим монографиям и статьям.

Не могу признать обоснованным и вывод оппонента, что “присутствие свидерской культуры в Восточной Европе” мною признается “на основании коллекции из Смячки XIV”. Не говоря уже о том, что Смячка XIV — это не один пункт, я неоднократно бывал в Киеве и работал с коллекциями Полесья и Крыма, а также с крымскими коллекциями ГИМа. Пользуюсь случаем, чтобы выразить слова признательности исследователям свидерских памятников Л.Л. Зализняку, А.А. Яневичу и Н.О. Бадеру. Украинские коллекции не менее богаты, чем польские. В том, что свидерская культура хорошо представлена в Восточной Европе, легко убедиться, просмотрев и библиографию к моей диссертации.

И последнее. Геннадий Павлович утверждает, что “осталось сделать только один, но самый важный шаг, усомниться в разделении памятников мезолита на бутовские и иеневские”. Здесь необходимо сказать следующее. Да, при выделении бутовской и иеневской культур в начале — сере-

дине 80-х годов XX в. были использованы по преимуществу смешанные, или ненадежные, коллекции. Это со всей очевидностью подтвердил выполненный мною в конце 1980-х годов источниковедческий анализ. Но глубокоуважаемый Геннадий Павлович не обратил внимания, что в обеих этих культурах осталось еще по 1,5–2 десятка “чистых” представительных комплексов, которые и послужили базой для уточнения характеристики обеих культур. Опыт показывает, что на начальном этапе работы нужно анализировать максимально доступную совокупность данных и лишь после оценки достоверности и надежности материалов оперировать наиболее “чистыми” из них. Поэтому на вопрос: были ли бутовская и иеневская культуры? — следует ответить утвердительно. Да, обе эти культуры — гносеологическая реальность. А сомнение в разделении памятников Волго-Окского мезолита на бутовские и иеневские хорошо тогда, когда имеются факты. Полагаю, что фактов таких пока нет, хотя нельзя утверждать, что их не будет в обозримом будущем. Впрочем, в том, что это якобы единая культура, Геннадий Павлович не оригинален. Около пяти лет с тем же пафосом о том же говорит и В.В. Сидоров. Осталось малое: получить реальное основание для сомнения.

В заключение хочу еще раз поблагодарить глубокоуважаемого Геннадия Павловича за высокую оценку моей диссертации. Благодарю за внимание».

Наконец, последнее. Так уж случилось, что по случаю юбилеев Геннадия Павловича мне довелось написать два стихотворения. Первое из них, посвященное его 70-летию, опубликовано, второе было написано в канун 75-летия и предназначалось для зачитывания при чествовании на торжественном заседании в ИИМКе. Увы, судьба распорядилась по-своему и оно так и останется в моем архиве, поэтому в заключение с болью произношу:

Утраты тяжелой горе
притупит лет река...
Память о Григорьеве
переживет века.

В. В. Сидоров¹

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУР

Sidorov V.V. Cultural transformations

Every culture is based on the preceding. The archaeological culture as materialized traces of ancient cultures did not appear and disappear. They can be transformed as a result of migration under the influence of other cultural systems. Such migrations are rare and fairly can be traced as the transfer of entire cultural systems into new territory, where the culture may change as a result of adaptation to the new natural and social environment. For the emergence of a new archaeological culture is often taken shape transformation of the individual components due to their self-development. It can be caused by technological innovations that change the signs by which culture was recognized. But the most complex changes occur when changing the type of economic culture, causing changes in lifestyle. Innovations that transform the ethnographic aspect, may be borrowing, but this does not prove a change of the population.

Иногда встреченная вовремя статья оказывается в основе последующих исследований в других областях. Так случилось, когда в 1969 г. Г.П. Григорьев познакомил меня со своими еще не законченными статьями. Следы их обнаруживаю в своих работах. Надеюсь, и в данной работе проявился тот же комплексный подход к интерпретации археологических источников, какой характерен для Г.П. Григорьева.

Археологические культуры возникают и завершаются... Так ли это? Всякая последующая культура строится на основании предшествовавшей и ни начаться, ни завершиться не может, пока существует общество, если она понимается как общественный опыт. А археологическая культура — это

материализованные следы былой культуры. Формы проявления культуры при этом могут трансформироваться до неузнаваемости. Но это мы с имеющимися у нас источниками и методами анализа ее перестаем узнавать: то, что до нас доходит от былой культуры, на основании чего мы судим об этнокультурных явлениях — это ее разрозненные фрагменты, далеко не пропорционально ее представляющие. Возникает своеобразная профессиональная абберация, придающая особый вес тем культурным явлениям, которые попадают в поле наших исследований. Каменные орудия и технология их изготовления — это почти все, что нам известно о культуре до появления керамики, и на основании чего мы судим о культурах как отражении социумов. Но чем уже круг источников, вовлеченных в исследование, тем резче проявляются культурные трансформации.

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

Обстоятельства трансформаций — их причины, источники конкретных форм, последствия — и есть предмет археологического исследования. Одним из обстоятельств трансформации является миграция. Контакт с иными культурными системами, изменение среды обитания приводят к необходимости новаций. В результате миграций возникают новые системы социальных связей с соседними сообществами (культурная адаптация), которые могут служить источниками новаций. При этом возникает иллюзия глубокого преобразующего культурного влияния культуры источника новации (ассимилирующего, то есть замещающего, собственные модели культуры). Но сутью этноса является саморегулирующаяся и возобновляющаяся система социальных связей, а не набор признаков, хотя судим мы о наличии системных связей именно по материальным признакам. Подсчет заимствованных и традиционных признаков мало что дает для понимания глубины преобразования культуры — из-за той же неполноты данных. Новация, не замещающая собственных элементов культуры, а только восполняющая дефицит средств адаптации, об ассимиляции не свидетельствует, хотя контакт фиксирует. Доказательством ассимиляции может служить изменение направленности социальных связей.

Но это не единственный вид трансформации. Сами новации могут быть как заимствованиями, так и развитием каких-то латентных компонентов культуры, существовавших в ней и до их массового проявления. Технологические новации также способны вызвать явления, принимаемые за культурную трансформацию, а то и за смену культуры, хотя тут порой только смена одной из технологий.

Археологическая культура — след единого пространственно-временного поля циркуляции информации, и в этом она тождественна этносу. Территориальные границы археологической культуры определяются падением плотности связей между синхронными комплексами. Сложнее определить хронологические рамки культуры. За них могут быть приняты моменты культурной трансформации, чем бы они ни были вызваны. Именно такие моменты В.П. Алексеев предлагал считать за начало становления нового этноса. «Этногенез

— происхождение народов. Это означает, что речь в данном случае идет о сложении во времени того комплекса специфических элементов, который характерен именно для данного народа и ни для какого другого» (Алексеев, 1986, с. 32). Этому может соответствовать в археологии сохранение определенного списка признаков культуры, причем список признаков этноса по В.П. Алексееву археологически трудноуловим: язык, самосознание, самоназвание. Но ведь именно эти признаки как раз и фиксируют социальные связи. Понимая этногенез как целостный процесс и целостное явление, которое нерационально разлагать на составляющие, В.П. Алексеев не рассматривал механизм, создающий и поддерживающий это единство, то есть суть этноса (Там же, с. 35). Этнос — саморазвивающаяся система, поскольку связи его избирательны. Но эта система основана на множестве активных и пассивных связей. Активные — волевые, производные от действий отдельного субъекта. Пассивные — факторы, на него действующие — природа, социальная среда, ресурсы (Там же, с. 66)². Но признаки со временем меняются, и необходимо было бы условно обозначить количество любого признака, принимаемого за культуруобъединительный. Это делает выделение последовательно сменявшихся друг друга археологических культур условной операцией, всего лишь очерчивающей группы однородного материала, но не позволяющей проследить историю.

Выделение ранненеолитической верхневолжской культуры поставило вопрос о соотношении со сменившей ее льяловской, с которой они также совпали территориально. Рассматривая суммарно материал обеих культур (длительность каждой превосходила тысячу лет), Д.А. Крайнов противопоставлял их, оставляя одну из них без потомков, другую — без предков. Но, опираясь на многослойные и хорошо стратифицированные памятники, удалось разделить их на этапы длительностью 200–300 лет (Сидоров, 1992). Получилась картина постепенной и разновременной смены разных аспектов культуры. Вкладышевая техника и с ней

² К пассивным факторам я бы добавил еще традицию, в том числе языковую.

техника снятия ножевидных пластин постепенно исчезает на среднем этапе верхневолжской культуры, и весь набор каменной техники, существовавший на позднем ее этапе, продолжает сосуществовать вместе с ранней льяловской керамикой. На позднем этапе верхневолжской культуры керамика уже обладает признаками, характерными для льяловской культуры: примесь дресвы в тесте становится почти обязательной, появляются строчки ямочного орнамента. При этом в орнаменте накольчатая техника сохраняется вплоть до льяловского времени, хотя роль ее в орнаментации постепенно меняется. Произвольное комбинирование признаков верхневолжской и льяловской культур на одном сосуде — показатель перехода, а никак не заимствования. И только появление традиции использования белемнита — единственный признак, четко, но условно разграничивающий эти этапы. Уже это дало возможность проследить эволюцию разных сторон культуры без каких-либо скачков, свойственных моментам трансформации. Разделение верхневолжской и льяловской культур сугубо условно — это один и тот же этнос³.

Точно так же все основные элементы верхневолжской кремневой техники переходят в нее из позднего мезолита. Увеличение доли орудий на отщепах, появление плоских бифасов предшествуют появлению керамики. Керамика же как новация не может обозначать смены культуры — она не вытесняет каких-либо традиций предшествовавшей. Ее появление только фиксирует связи, которые на материалах предшествовавших этапов проявлены не могли быть, что не означает их отсутствия. Таким образом, отпадает также необходимость рассматривать бутовскую и верхневолжскую культуры как разные общества. Их различия в том, что в конце VI тыс. до н.э. складывается такая система хозяйствования, которая позволяла создавать запасы, что и обусловило потребность в керамике. Но даже по этому признаку позднеме-

золитические и ранненеолитические культуры не противостоят друг другу. Тяготение мезолитических стоянок к большим озерам, а также появление больших долговременных жилищ в Среднем Поволжье в мезолите тоже обозначают переход к интенсификации эксплуатации природных ресурсов.

Противопоставление бутовской и иеневской культур (заднепилевской и аренсбургской по А.Н. Сорокину) также строится на том, что отсутствует их дробная периодизация, которая позволила бы проследивать их трансформацию. Комплексы, в которых встречаются изделия обеих культур, Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин рассматривают как свидетельства их контактов, то есть сосуществования. Те же самые случаи А.Н. Сорокин трактует как механическое перемешивание слоя, то есть как показатель их одновременности (Сорокин, 2008). Но они могут быть показателями и переходной стадии.

Датировка и стратиграфия пока не дают возможности решения этого вопроса. Рассмотрим возможность такой трансформации на основании типологии. Основное различие этих культур в наличии/отсутствии вкладышевой техники, которая базируется на отжиге пластин. Остальной набор инвентаря у них общий. Архаичные ретушные резцы продолжают существовать и с бутовским материалом. Те орудия, которые делались из крупных пластин и отщепов, а также рубящие отличаются только качеством вторичной обработки. То есть здесь единственная новация — отжимная техника, которая и порождает новые формы. Она могла быть заимствованной у рессетинской культуры, как считает А.Н. Сорокин, — прямого продолжения костенковской, тем более цепочка рессетинских комплексов прослеживается в лесной зоне: на Оке, Верхней Клязьме, в Эстонии. Менее вероятно заимствование у свидерской культуры, которая, базируясь на высококачественном кремневом сырье, совершенствует ту же технику, какая свойственна иеневской культуре. Наиболее заметное изменение облика культуры касается асимметричных наконечников, формировавшихся из сечений крупных пластин, характерных для аренсбургско-иеневской. Но они не были единственной формой наконечников в культурах северной тради-

³ Единственное погребение стоянки Ивановская VII, отнесенное Д.А. Крайновым к верхневолжской культуре и резко отличное от льяловских по антропологическому типу, судя по отчету, не имеет достоверной стратиграфической привязки.

ции — получая симметричные сколы, здесь делали и черешковые наконечники с минимальным оформлением насада на ударном бугорке и без вторичной обработки острия. Это уже собственно свидерские наконечники (Желтова, 1994). Подобная форма может восходить к остриям сибирских кокоревских палеолитических стоянок, связывая генезис традиции Лингби с миграцией с Алтая и Енисея. Обилие рубящих орудий, скребел тоже указывает на ее сибирское происхождение.

Разрыв преемственности между начальным верхним палеолитом стрелецко-сунгирского облика и костенковско-виллендорфской культурой тоже, возможно, удастся со временем объяснить трансформацией технологии. Точность датировки этой поры пока не достаточна для выделения стадии трансформации, которой хватит 1–2 тысячи лет.

Разрывы культурной преемственности чаще всего бывают истолкованы как показатель миграции. Но миграции — явления, четко фиксируемые в археологическом материале, их не требуется изобретать. Для этого необходимо, чтобы археологическая культура, появляющаяся на исследуемой территории, имела бы на предшествовавшем этапе культуру-источник на иной территории. Так, протоволосовские комплексы, появляющиеся на льяловских стоянках, полностью совпадают с комплексами стоянок Селигерской группы озер, где они имеют длительный путь предшествовавшего развития. При этом в местах распространения протоволосовской (валдайской) керамики на новых территориях нет какого-либо продолжения существования льяловской культуры. Культура ромбоямочной керамики Карелии в деталях совпадает с московским вариантом льяловской культуры и появляется на севере в тот момент, когда она исчезает в бассейне р. Москвы и Верхней Оки. Долговская стоянка на Верхнем Дону — тот же случай документируемой миграции из Западной Мещеры или с р. Клязьмы. Появление верхне-днепровской «лапчатой» керамики на поздних волосовских памятниках происходит в момент исчезновения такой традиции на Верхнем Днепре. Не менее ярко фиксируются миграции культур шнуровой керамики: ранние фатьяновские могильники

(Ханевский, Ивановогорский, Новлянский, Новое) — это почти полный перенос на север комплексов среднеднепровской культуры. При этом миграция не означала разрыва связей с материнской культурой и на поздних этапах — элементы среднеднепровской культуры встречаются в керамике фатьяновских поселений вместе с балановскими.

Больше трудностей представляет объяснение исчезновения волосовской культуры, охватывавшей в III тыс. до н.э. большую часть лесной зоны. В дальнейшем эту же территорию занимают культуры сетчатой керамики. Связь по материальным признакам между ними напрямую не прослеживается. Но ни одна из культур-мигрантов из лесостепи и юга лесной зоны эпохи бронзы не занимала целиком этой области. Так, фатьяновская культура не распространялась севернее Поволжья⁴, и при этом отсутствуют следы ее влияния на позднюю волосовскую. Поздняковская культура — это культура Поочья. Единичные абашевские комплексы никак не могли потеснить волосовский массив. И только комплексы фатьяноидной керамики (галичской) доходят до южного Прионежья, встречаясь на многих стоянках, но только как примесь в многослойных памятниках. Так что единственной общей подосновой остается волосовская культура, трансформировавшаяся с заимствованием элементов культур мигрантов. Само распространение сетчатой керамики по лесной зоне нет необходимости представлять как свидетельство миграции: она уже существовала в скрытой форме в интегрированном, пронизанном связями единстве волосовской культуры. Такая полная трансформация может быть связана с изменением хозяйственно-культурного типа — она совпадает с заимствованием скотоводства и металлургии. Деграция каменной техники лишает нас возможности проследить связи в этой сфере.

Можно заметить, что исчезновения культур продолжаются и в более поздние эпохи. Не удается проследить трансформацию от дьяковской культуры к русскому средневековью. Трансформа-

⁴ Сверленные топоры, не сопровождающиеся другими фатьяновскими артефактами и керамикой, не доказывают существования здесь фатьяновцев.

ция создает видимость славянской раннесредневековой миграции на север лесной зоны. Но дьяковское население никуда не исчезает, а группы мигрантов, когда они бывают выявлены, очерчены

четко. Здесь тоже произошла трансформация хозяйственно-культурного типа с появлением ремесла, торговли, пашенного земледелия и княжеской власти.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.

Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические характеристики наконечников свидерского облика // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994. С. 182–187.

Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М., 2006.

Сидоров В.В. Многослойные поселения Верхнего Поволжья Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009.

Е. Ю. Гиря, В. М. Лозовский¹

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛНОТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ

E. Yu. Giryа, V.M. Lozovsky. Comparative morphological analysis of the stone industries technological contexts entirety

The procedure of technological relationship definition (reconstruction of operational chains — chaine opératoire) between various types of knapping products in different paleoindustries is one of the most traditional research methods in archeology. In the analysis of stone industries, this process is often associated or even identified with the technological analysis as that. Usually researchers do not pay enough attention to very significant distinction existing between the possibilities of reconstruction of productive activity based on splitting and the same possibilities in the analysis of other types of various other materials processing.

For example, the form of a pot isn't connected in any way with a form of a lump of clay, out of which the vessel is formed. Contrary to it, the form of the spall separated from a piece of any fragile material, always is in direct dependence from the form of the core. There is a natural cause and effect relationship between these forms. Thus, technological relationship (as specific "chaine opératoire" option), established during the analysis between various forms of knapping products, have a special nature, which is qualitatively distinguishing them from those products established between various forms of other products. Set of artifacts — products of knapping combined in the light of such relations of cause and effect, can be called "a technological context" of any specific industry.

Thanks to the feature specified above, technological contexts of various forms of knapping products can be always estimated from the point of view of their completeness. That is why in any set of splitting products a qualified expert can define not only existence, but also lack of some forms of artifacts and also make quite reasonable assumptions of sizes and features of missing morphological forms. Components of stone industries — different artifacts like chips, flakes, cores and so long — usually are good preserved even in the most ancient cultural layers. Existence and/or lack of artifacts — knapping products of any forms in archaeological collections can be a result of various reasons, including bad safety or poor research of an occupation layer. For example, certain forms of knapping products can have various isolated distribution on the site area, but yet not been dug out of the cultural fill. For instance, blades can be situated at the center of the dwellings, cores — outside, in the yards.

However, quite often an archeologist faces a situation when even after opening considerable areas of the cultural fill the excavation of new areas doesn't lead to opening of new forms of knapping products. The number of artifacts grows, but no new categories are found, structure of a collection remains without any qualitative changing.

This article represents an example of technological contexts of two industries. The first is Zhokhova site (V.V. Pitulko's excavation), the second site — Rakushechny Yar (excavations by T.D. Belanovskaya).

¹ Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия.

Advantages of the technological analysis are shown on the examples of two different stone industries. In the both cases incompleteness of knapping products technological contexts is defined and assumptions about the character of absent artifact forms are made. It is obvious that the traditional typological approach wouldn't allow full understanding of the phenomenon observed by us (that proved to be true long-term attempts to explain specifics of the stone industry at Rakushechny Yar site and difficulties in search of its analogues).

ВВЕДЕНИЕ

Наряду с методикой раскопок широкими площадями отечественному палеолитоведению принадлежит неоспоримое первенство в разработках типолого-статистических систем описания археологического материала. Начиная с первых десятилетий XX в. в отечественной науке о каменном веке крепло и развивалось стремление выработать универсальные критерии для «обработки» различных индустрий «статистическим методом» (Бонч-Осмоловский, 1928, с. 149, 183). В наши дни большая часть работ, связанных как с описанием каменных индустрий, так и с их сравнительным анализом, сводится к ряду стандартных процедур — составлению тип-листов, выяснению процентного состава основных форм и вычислению тех или иных статистически устойчивых параметров («индексов»). Это, безусловно, свидетельствует о том, что усилия выдающихся отечественных ученых-палеолитоведов (Бонч-Осмоловский, 1928; 1940; Любин, 1965; Гладилин, 1976 и многих других), принимавшиеся на протяжении почти столетия, увенчались полным успехом и получили практически всеобщее признание. Действительно, за последние пять десятилетий типология и статистика настолько широко и прочно вошли в повседневную археологическую практику, что в современной науке они рассматриваются «как рабочее средство, призванное обработать археологические комплексы наиболее полно и объективно» (Любин, 1965, с. 74).

Ничуть не умаляя ни значение указанных «количественных» методов, ни достигнутые с их помощью результаты, в данной статье мы хотим привлечь внимание к иной, как нам представляется, незаслуженно забытой «качественной» составляющей процесса анализа каменных орудий. В современных научных публикациях качественный анализ различных совокупностей форм каменных артефактов — продуктов расщепления — зачастую вытесняется количественным типолого-статисти-

ческим. Стремление поделить мнение, объяснить причины конкретного прочтения, понимания и истолкования камня в последние годы потеряло популярность. Суждения такого рода либо с трудом угадываются на «втором плане» исследований, теряясь между строк описаний редких и/или специфических форм изделий, либо вообще остаются за рамками изложенного в тексте. Изучение и фиксация различных кремневых (в широком смысле слова) артефактов производится в значительной степени *морфографически*, то есть формально-типологически.

Трудно признать такое положение дел удовлетворительным. Ведь для описания конкретного артефакта или совокупности форм артефактов одной каменной индустрии, равно как и для сравнительного описания двух или более индустрий, необходима их предварительная качественная оценка — *морфологический* анализ. Необходимы осмысление, осознание и изложение понимания наблюдаемого явления и/или предмета, имеющие объяснительный характер. Нужно оценить и описать назначение и/или происхождение выделенных в коллекции форм продуктов расщепления, привязать их к технологическому процессу, указать их место в последовательности производства и утилизации.

К примеру, площадка скола может быть формально-типологически (*морфографически*) описана как «эперон» или «площадка в виде шпоры». Та же площадка *морфологически* может быть объяснена и описана как результат трех типов действий: изолирования, освобождения и редуцирования. В зависимости от целей исследования приоритет в описании может быть отдан либо морфографии, либо морфологии. К примеру, для самого процесса контролируемого расщепления (управления скалывающей) важна геометрия (форма) места приложения усилия — эперон, выпуклая площадка. Форма важна, а как это сделано, для успеха самого про-

цесса расщепления неважно. Поэтому для простого описания формы площадки, для констатации ее наличия вполне достаточно морфографических понятий: плоская, выпуклая, вогнутая и т.д. Для описания причин и способа происхождения именно такой формы на предмете расщепления, необходимы иные — *морфологические* — категории. Термины и понятия, означающие различные действия — способы обработки. К примеру, снятие сколов определенного размера (оббивка или ретушь), снятие сколов тем или иным образом (удар или отжим), снятие сколов в определенном порядке (альтернативно, поочередно, конкретно-ситуационно и т.д.), пришлифовка, пикетаж и т.д.

Отдельное орудие, формально-типологически называемое «лимас», может иметь более содержательное морфологическое описание — «двойное острие высокой формы». На еще более высоком уровне исследования различные элементы формы орудий могут быть морфологически описаны и объяснены с точки зрения их технологической и/или функциональной необходимости и значимости в рамках реконструкции древних технологических процессов. Так, после обнаружения и определения следов использования какой-либо из элементов орудия может быть морфологически определен как «рабочий край» или «обушок». До того момента, пока этот этап исследования не завершен, можно лишь морфографически рассуждать о чем-то «лавролистом», «миндалевидном», «треугольном», остром или тупом и т.д.

Дело, конечно же, состоит не в подборе более или менее емких, удачных или неудачных терминов, по-разному отражающих и объясняющих морфологию каменных артефактов. Для успеха исследования важно на самых первых его этапах выяснить: результатом какого процесса или процессов являются представленные в коллекции формы продуктов расщепления. Ведь априори мы отнюдь не должны принимать все извлеченные из культурного слоя кремни за продукты единого производства. Скорее напротив, любая совокупность продуктов расщепления, вне зависимости от контекста ее обнаружения, должна быть прежде всего изучена с точки зрения причин совместного залегания в культурном слое.

На основании анализа морфологии каменных артефактов мы должны выявить в коллекции технологически взаимосвязанные формы. Без такого сравнительно-морфологического анализа или до его завершения продукты расщепления конкретной индустрии не должны рассматриваться как замкнутый комплекс и, следовательно, продукты расщепления различных индустрий не должны сравниваться друг с другом.

Определение технологических связей — реконструкция операционных цепочек («chaîne opératoire» — Leroi-Gourhan, 1943) — между различными типами продуктов древних производств, — один из самых старых традиционных методов исследования в археологии. Не будет преувеличением сказать, что в явном или скрытом, подсознательном виде этот метод существовал в археологии всегда. Осознавая то или нет, этим методом пользуются все, кто делал или делает попытки понять прошлое человечества через исследование материальных остатков. Это делают все, кто пытается восстановить причины того или иного формообразования исходя из анализа следов и вещей.

В первую очередь это криминалисты. Они, так же как и археологи, устанавливают, реконструируют конкретные операционные цепочки через анализ материальных остатков. Работа археолога более всего близка к работе криминалиста именно потому, что, как и следователю, археологу более всего важно реконструировать реально произошедшие в прошлом действия человека. Археологам, как и следователям-криминалистам, важна не абстрактная «схема преступления» в виде «как это могло быть сделано», не логическая конструкция из различных аналитических («из головы идущих») операционных цепочек, пусть даже очень вероятных и непротиворечивых. Важно получить достаточные и достоверные сведения не для ответа на вопрос, как это могло быть, а для доказательства того, как именно это было. Необходимы неопровержимые сведения, данные, полученные именно из археологических источников, — следы конкретных действий в прошлом.

Традиционно при анализе каменных индустрий процесс установления операционных цепочек представляют в виде последовательного создания и последующего изменения форм предмета / про-

дуктов расщепления. Часто этот процесс отождествляют с технологическим анализом как таковым. Действительно, последовательность расщепления — одна из составляющих технологического процесса. Форма предмета расщепления — один из важнейших факторов управления процессом расщепления. Наряду с техникой скола она определяет положение последовательно создаваемых тещин (скалывающих) внутри куска породы. Однако далеко не всегда исследователи обращают внимание на весьма значимое различие, существующее между возможностями реконструкции технологий производств, основанных на расщеплении, с одной стороны, и возможностями анализа продуктов иных типов обработки — с другой. Взаимосвязь, существующая между формами предметов / продуктов процесса расщепления, особая.

К примеру, любая из готовых форм артефактов — продуктов литейного производства когда-то была бесформенным куском металла, но форма готовой фибулы или кельта практически никак не зависит от формы куска металла, из которого их отлили. Равным образом форма горшка никак не связана с формой комка глины, из которого сосуд был вылеплен. В противоположность этому форма скола, отделенного от куска любого хрупкого материала, всегда находится в прямой зависимости от формы ядрища. Между этими формами существует естественная причинно-следственная связь. Таким образом, технологические связи (как специфический вариант «*chaîne opératoire*»), установленные в ходе анализа между различными формами продуктов расщепления, имеют особую природу, качественно отличающую их от установленных между различными формами продуктов производств иного рода. Совокупность артефактов — продуктов расщепления, объединенных такого рода причинно-следственными связями, может быть названа «технологическим контекстом» того или иного вида производства (Гиря, 1997, с. 60–68).

Благодаря указанной выше особенности технологические контексты различных форм продуктов расщепления, оставшиеся от производства изделий любого типа, всегда могут быть оценены с точки зрения полноты их состава. То есть в любом наборе продуктов расщепления квалифицированный

специалист может определить не только наличие, но и отсутствие каких-либо форм артефактов, а также сделать вполне обоснованные предположения о размерах и особенностях морфологии недостающих форм. Между обнаруженными в кладе монетами и иными монетами такого же типа никакой связи не существует, ни одна из них не предполагает обязательное присутствие другой в том или ином археологическом контексте. В противоположность этому клад кремневых пластин — часть какого-то конкретного древнего технологического контекста, многие из отсутствующих форм которого могут быть достаточно объективно реконструированы в ходе современного анализа.

Продукты расщепления твердых изотропных пород обычно очень неплохо сохраняются даже в древнейших культурных слоях. При качественном проведении раскопок, с применением промывки или просеивания всего субстрата культурного заполнения, древние места расщепления камня четко фиксируются пятнами скоплений макро- и микроотходов производства (обломки, сколы, чешуйки мельче 1 мм). То есть если на данном памятнике действительно производились какие-либо технологические процессы, связанные с расщеплением, то в большинстве случаев следы этой деятельности могут быть прослежены в ходе раскопок.

Отсутствие артефактов — продуктов расщепления тех или иных форм в археологических коллекциях может быть результатом самых различных причин, включая как плохую сохранность, так и плохую или слабую изученность культурного слоя памятника.

Определенные формы продуктов расщепления могут быть приурочены к планиграфически обозначенным, но еще не раскопанным участкам памятника. К примеру, пластины — у очагов внутри жилищ, нуклеусы — во дворах, сколы и обломки — в выгребных ямах. Это весьма возможная и очень выгодная, информационно емкая для исследователя-аналитика ситуация. Однако нередко археолог оказывается в ином, менее выгодном положении. Когда даже после вскрытия значительных площадей культурного слоя, исследования многочисленных и разнообразных структур (остатков различных конструкций) и накопления вполне предста-

вительных коллекций артефактов, отсутствующие в технологическом контексте формы так и не находятся в культурном слое, когда раскопки новых площадей приводят лишь к увеличению численного состава все тех же обнаруженных ранее категорий, не изменяя состав коллекции качественно.

С нашей точки зрения, отсутствие на памятнике отходов производства тех или иных изделий и/или каких-либо технологически необходимых форм должно вызывать особый интерес и самое пристальное внимание. В таких случаях у исследователя появляются основания задуматься о неслучайности, культурной обусловленности причин отсутствия искомым артефактов среди продуктов расщепления, обнаруженных в культурном слое памятника. К примеру, каменные индустрии широко известных стоянок Костенки 1 (1) (старый и новый жилые комплексы) и Авдеево (старый и новый комплексы) представляют собой образцы неполных технологических контекстов. В составе их кремневых коллекций отсутствуют крупные

пренуклеусы — «гигантолиты» и сколы их производства, что объясняется удаленностью источников сырья (Гвоздовер, 1950, с. 23; Ефименко, 1958, с. 212; Гиря, 1997, с. 116). Полные технологические контексты индустрий костенковско-виллендорфского культурного единства содержатся в различных культурных слоях Зарайской стоянки, расположенной неподалеку от выходов кремневого сырья (Амирханов, 2000, с. 156). В костенковской индустрии эти отсутствующие формы удалось реконструировать только с помощью ремонта пластин из кладов. Еще ранее наших работ подобные результаты были достигнуты В.И. Усиком при исследовании каменной индустрии стоянки Радомышль (В.И. Усик, личное общение).

Данная статья представляет собой пример анализа двух различных индустрий, представленных неполными технологическими контекстами. Первая стоянка — о. Жохова (раскопки В.В. Питулько), вторая стоянка — Ракушечный Яр (раскопки Т.Д. Белановской).

АНАЛИЗ ПАЛЕОИНДУСТРИЙ

Технологические контексты жоховской каменной индустрии

В результате экстенсивных раскопок стоянки на о. Жохова 2000–2005 гг. численность добытых каменных артефактов значительно возросла. По результатам наших подсчетов в коллекции представлены более 19 тыс. предметов из расщепленного кремня, обсидиана и кремнистого сланца. Благодаря применению сплошной промывки грунта сквозь сито с ячейей 2×2 мм, в ходе разборки всего заполнения культурного слоя, были собраны и учтены практически все продукты расщепления камня, включая мельчайшие фрагменты величиной до 3 мм. В итоге были получены принципиально новые данные, позволяющие гораздо более полно и объективно в сравнении с результатами предыдущих раскопок характеризовать каменную индустрию жоховской стоянки. К таковым можно отнести:

- получение новых уточненных данных, касающихся технологии изготовления пластинок;
- обнаружение изделий с различными не известными для жоховской индустрии ранее видами вторичной обработки;

— выделение новых для жоховской индустрии типов орудий;

— открытие нового типа вторичной обработки кремневых пластинок — технологии пришлифовки;

— уточнение характера технологических контекстов продуктов различных производств.

Все эти новые данные, без сомнения, облегчат поиск памятников родственных жоховской культурной традиции, яркой и весьма выразительной, но, несмотря на это, и по сей день не имеющей никаких аналогий, остающейся единственной в своем роде.

Список основных форм артефактов, принадлежащих к каменной индустрии жоховской стоянки, представлен в таблице 1.

Как уже отмечалось ранее (Гиря, Питулько 1995а; 1995б), в материалах Жоховской стоянки представлено несколько технологических контекстов. Благодаря новым находкам список этих контекстов, отражающих применение различных технологий обработки камня, значительно расширился. На сегодняшний день к отдельным контекстам могут быть отнесены продукты следующих производств:

Таблица 1

Формы	Количество
Гальки	3
Обломки сырья	38
Обломки сырья со сколами	124
Осколки	19
Отщепы	696
Пластинчатые отщепы	36
Фрагменты отщепов	4
Чешуйки (до 2 см)	8438
Пренуклеусы	28
Нуклеусы	298
Обломки нуклеусов	5
Сколы с нуклеусов	19
Пластины и их фрагменты	164
Пластинки и их фрагменты	9187
Острия	3
Наконечники	5
Заготовки наконечников	2
Тесла	18
Заготовки тесел	6
Шлифованные рубящие орудия и их обломки	9
Орудия молотообразные	3
Орудие с ушками (обломок)	1
Орудие типа пик	1
Отбойники	10
Отбойник-тёрочник	1
Плитки со следами затертости	4
Точильные камни	31
Обломки точильных камней	5
Абразивы для заточки игл	10
Всего	19 168

— производство пластинок и изготовление вкладышей для составных орудий;

— производство пластин;

— производство трех- и четырехгранных наконечников;

переоформление и подправка тесел и иных рубящих изделий оббивкой и абразивной обработкой;

— производство молотообразных и рубящих орудий оббивкой, пикетажем и пришлифовкой;

— производство точильных камней различного назначения.

Качественный анализ каждого отдельно взятого технологического контекста будет приведен ниже.

Здесь же необходимо заметить, что единственным полным (представленным всеми технологически необходимыми формами) технологическим контекстом жоховской стоянки является производство вкладышей для составных орудий — лезвий наконечников копий, ножей и других инструментов. Технологические контексты форм, произведенных в иных процессах, неполные, в них представлены лишь готовые и/или переоформленные изделия и продукты, полученные в ходе их подправки или модификации.

Следует также отметить, что отнюдь не все формы продуктов расщепления жоховской коллекции могут быть однозначно отнесены к единственному, строго определенному технологическому контексту. Прежде всего это касается отщепов, осколков, обломков и чешуек. Кремь и кремненные сланцы, из которых они изготовлены, равным образом использовался при производстве и шлифованных тесел, и вкладышей для лезвий составных орудий, и наконечников. То есть разделить данные контексты по виду сырья не представляется возможным. Четкую привязку к контексту производства вкладышей имеют лишь сколы с нуклеусов, сохранившие выразительные фрагменты поверхностей последних. То же самое отличает и сколы с тесел, имеющие остатки пришлифованных поверхностей на спинках. Однако в жоховской индустрии тесла нередко переоформлялись в нуклеусы для производства пластинок, и в этих случаях не всегда возможно однозначное определение их принадлежности к строго определенному контексту.

По сути дела, два различных технологических процесса — подправка и/или переоформление шлифованных тесел и производство пластинок — в жоховской индустрии взаимосвязаны. Это совершенно очевидная и однонаправленная связь, поскольку никаких свидетельств переделки нуклеусов в тесла у нас нет. Обломки тесел нередко использовались в качестве нуклеусов, то есть служили сырьем для производства вкладышей. Поэтому, несмотря на то что данное обстоятельство создает, казалось бы, ощутимое «неудобство» при проведении технологического анализа, оно же может быть рассмотрено и как большая удача. Ведь

именно благодаря этому обстоятельству принадлежность двух различных технологических контекстов к единой индустрии не требует никаких специальных доказательств.

Следует подчеркнуть, что данная характеристика является одной из черт, определяющих специфику стоянки о. Жохова среди иных памятников эппалеолитического времени на Крайнем Севере (Гиря, Питулько, 1995а; Питулько, 2003). Теоретически можно предположить, что технологические контексты продуктов производства тесел и микропластин не связаны и принадлежат различным индустриям. Но тогда придется допустить, что производители пластинок собирали в качестве сырья для нуклеусов кем-то ранее изготовленные и оставленные на острове шлифованные рубящие орудия. Что, с нашей точки зрения, крайне маловероятно.

Контекст производства пластинок и изготовления вкладышей для составных орудий

Как уже отмечалось, данный технологический контекст является единственным полным в жоховской каменной индустрии. Он представлен всеми технологически необходимыми формами. Кроме того, он самый многочисленный.

Вкладыши составных орудий — одна из основных конечных форм внутри данного контекста. Эта форма объединяет в единое производство два различных по сути типа орудийной деятельности на жоховской стоянке: изготовление оправ для вкладышей из органических материалов и расщепление кремня.

Все перечисленные обстоятельства позволяют принять данный контекст за основной для жоховской индустрии. Безусловно, к данному технологическому контексту относятся следующие формы продуктов расщепления:

- пренуклеусы;
- нуклеусы;
- обломки нуклеусов (фрагменты ядрищ, распавшихся по естественным трещинам);
- сколы с нуклеусов (сколы подправки и/или переоформления);
- пластинки и их фрагменты;
- изделия на пластинках.

Наряду с перечисленными формами к этому же контексту принадлежат

- обломки сырья;
- обломки сырья со сколами;
- осколки;
- отщепы;
- пластинчатые отщепы;
- фрагменты отщепов;
- чешуйки.

Однако, как мы уже писали, не вызывает сомнения, что часть форм продуктов расщепления из последнего списка относится и к другим технологическим контекстам жоховской индустрии: производству наконечников, а также переоформлению и/или подправке шлифованных тесел.

Четкое распределение этих форм по различным контекстам не представляется возможным.

В результате раскопок последних лет произошло значительное (почти десятикратное) увеличение численности артефактов, принадлежащих к контексту производства пластинок. Однако оно не привело к получению принципиально новых данных о технологии их производства. При анализе новых материалов подтвердились практические все выводы, касающиеся реконструкции технологии расщепления нуклеусов на Жоховской стоянке.

Не получило подтверждения лишь предположение о существовании специального приема подготовки площадок пренуклеусов путем нанесения нескольких слабых ударов по периметру заготовки (Гиря, Питулько, 1995а, с. 50). В материалах новой коллекции был обнаружен лишь один отщеп с несколькими бугорками. То есть данный прием расщепления существовал в жоховской технологии, однако он не может быть признан в качестве постоянно практиковавшегося устойчивого технологического элемента.

В остальном не было обнаружено ни принципиально новых форм продуктов расщепления, относящихся к данному контексту, ни свидетельств применения каких-либо иных не прослеженных ранее техник скола. Все сделанные ранее выводы, касающиеся производства пластинок на Жоховской стоянке, нашли подтверждение при анализе новых материалов.

В зависимости от естественной формы сырья последовательность создания жоховских пренуклеусов варьировала. Всегда формировалась площад-

ка и в подавляющем количестве случаев — уплощенное, параллельное площадке основание пренуклеуса (рис. 1, 1а).

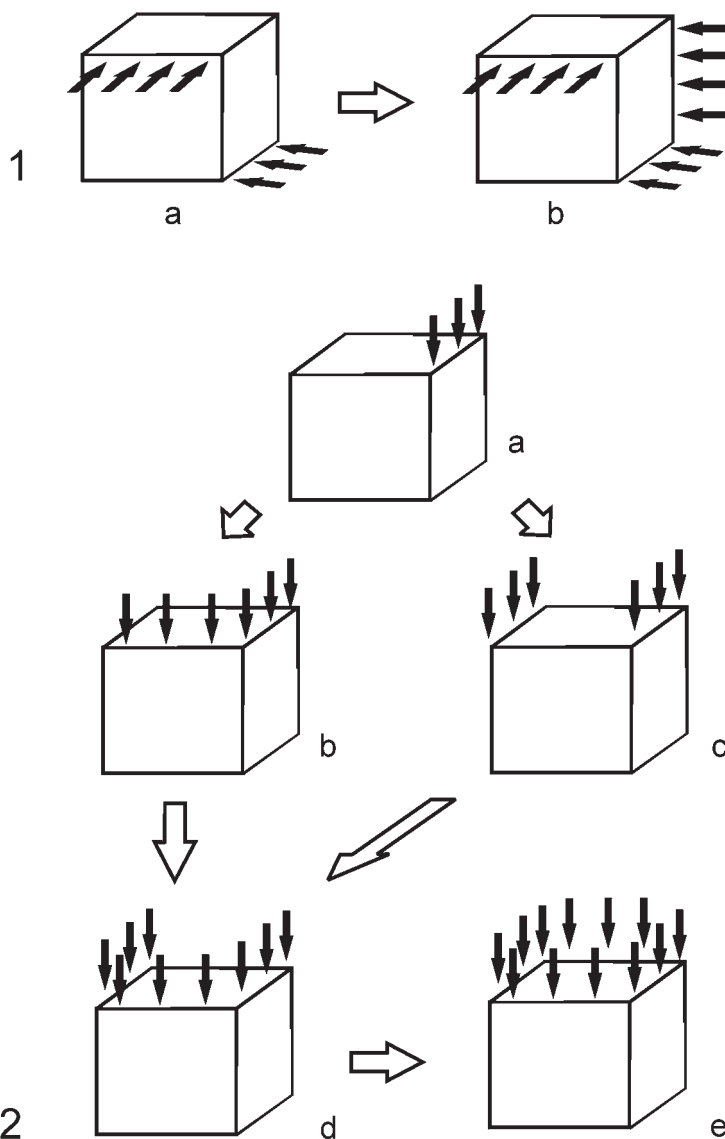

Рис. 1. Схематическое изображение способов обработки и использования жоховских пренуклеусов и нуклеусов (черными стрелками показано направление сколов оформления пренуклеусов и направление снятия сколов-заготовок с нуклеусов, белыми — направление последовательности расщепления):

1 а — создание площадки и уплощенного основания пренуклеуса на ортогональном фрагменте сырья; 1 б — создание площадки, уплощенного основания и выравнивание (формирование) преперехности скалывания пренуклеуса на ортогональном фрагменте сырья; 2 а — нуклеус с одной торцевой поверхностью скалывания; 2 б — нуклеус с двумя перпендикулярными продольно-смежными поверхностями скалывания; 2 с — нуклеус с двумя несмежными параллельными поверхностями скалывания, расположенными на противоположных торцах или сторонах; 2 д — нуклеус с тремя продольно-смежными поверхностями скалывания; 2 е — нуклеусы с круговым ортогональным расположением поверхностей скалывания (с четырьмя продольно-смежными поверхностями скалывания)

Площадкой для сколов пренуклеуса практически всегда служила одна из боковых сторон (их не снимали со стороны будущей поверхности скалывания). При необходимости выравнивания боковых сторон ядрища и/или коррекции угла скалывания, производились сколы, направленные с будущей поверхности скалывания на плоскость боковых сторон (рис. 1, 1*b*). Таким образом, на преперфорации скалывания пластинок формировалось ребро — рельеф, направляющий первое пластинчатое снятие (реберчатый скол). Для жоховской индустрии характерно использование либо неподправ-

ленных естественных, либо односторонне (унифасиально) подправленных ребер. В результате такой подготовки либо благодаря удачному выбору удобной естественной формы сырья большая часть пренуклеусов имела форму неправильной, часто уплощенной призмы (рис. 2, 1–3).

Наиболее значимым элементом формы жоховских ядрищ являлась слабовыпуклая и относительно широкая поверхность скалывания с минимальным продольным изгибом, позволявшая отжимать тонкие и прямые в профиле (с наименьшим возможным продольным изгибом) пластинки. Именно

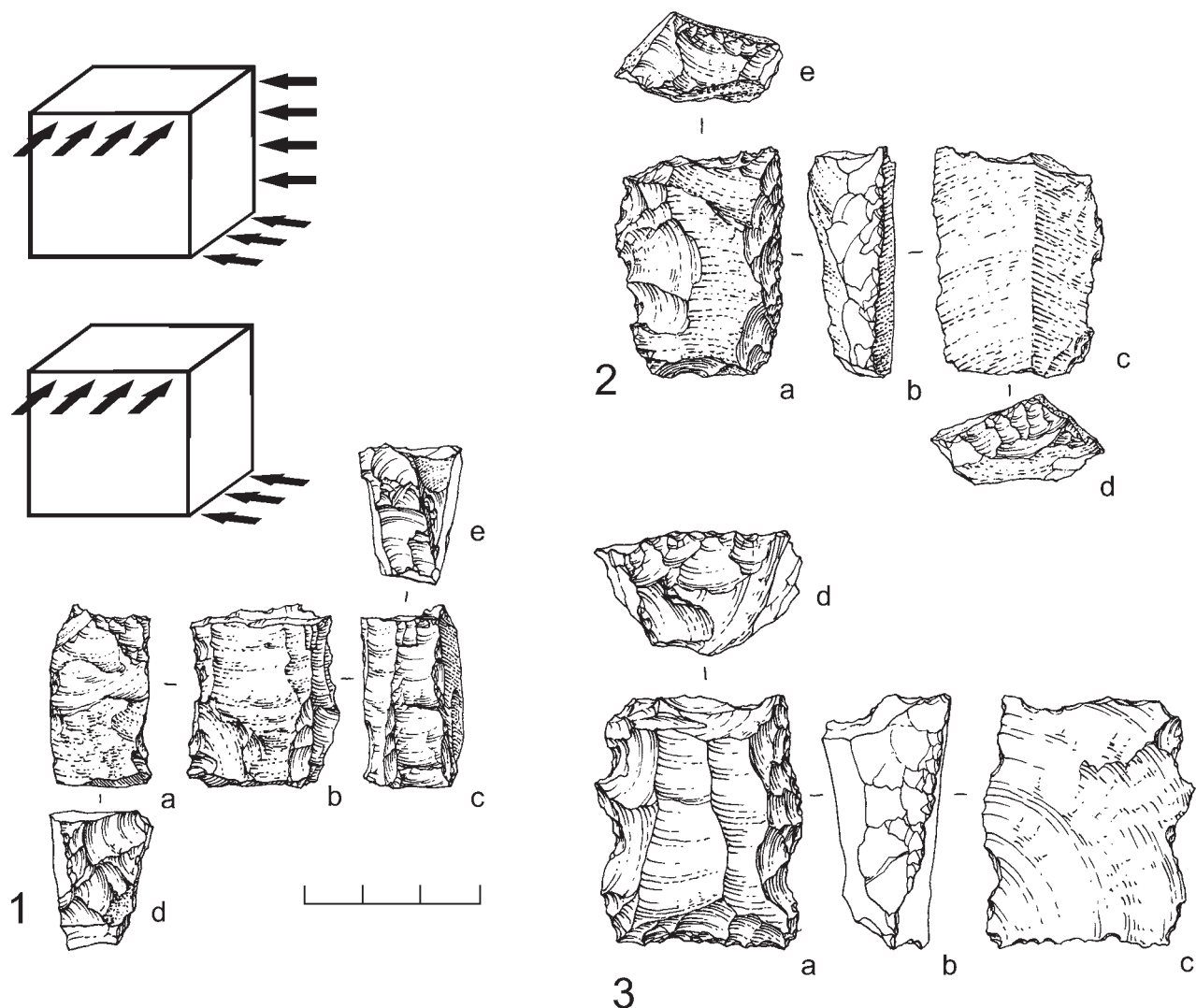

Рис. 2. Пренуклеусы жоховской индустрии. На схеме черными стрелками показано направление сколов оформления

такого рода заготовки требовались для производства вкладышей в наборные лезвия (рис. 14, а, в). Чем длиннее прямой участок пластины-заготовки, тем более удачный вкладыш может быть из нее сделан. К примеру, вкладыши из изогнутых фрагментов пластинки не будут надежно держаться в оправе, так как каждый из них имеет малую площадь соприкосновения со стенками паза. Плохое прилегание к стенкам паза ослабляет адгезивные (склеивающие) качества связующего вещества. Максимальную прочность крепления вкладыша в оправе может иметь максимально прямой и длинный фрагмент пластинки, так как именно такая его форма обеспечивает наибольшую площадь соприкосновения со стенками паза.

Нуклеусы для пластинок жоховской индустрии достаточно четко различаются по количеству поверхностей скалывания, что было отмечено еще при анализе коллекции из раскопок первых лет (Гиря, Питулько, 1995а, с. 53–54). Выделяются следующие:

- нуклеусы с одной торцевой поверхностью скалывания (рис. 1, 2а);

- нуклеусы с двумя перпендикулярными продольно смежными поверхностями скалывания (рис. 1, 2b)

- нуклеусы с двумя несмежными параллельными поверхностями скалывания, расположенными на противоположных торцах или сторонах (рис. 1, 2с);

- нуклеусы с тремя продольно смежными поверхностями скалывания (рис. 1, 2d);

- нуклеусы с круговым ортогональным расположением поверхностей скалывания (с четырьмя продольно смежными поверхностями скалывания) (рис. 1, 2e).

Снятие пластинчатых сколов начиналось с одного из узких торцов пренуклеуса (рис. 1, 2а). При этом, как отмечалось выше, абсолютно преобладали унифасиально оформленные реберчатые снятия (рис. 3, 1, 2) и те, которые имели естественный рельеф спинки. Бифасиально оформленных сколов единицы (рис. 3, 3). Поскольку в жоховской индустрии в качестве пренуклеусов нередко использовались обломки шлифованных тесел, в коллекции представлены и оригинальные первичные пластин-

чатые сколы с остатками шлифованной поверхности тесла на спинках (рис. 3, 4).

Нуклеусы с одной поверхностью скалывания абсолютно преобладают в коллекции. Они составляют 41 % от всего числа ядрищ для пластинок (рис. 4, 1–3). Небольшая часть из них благодаря форме исходного сырья имеет вид клиновидных ядрищ, но большинство — уплощенные основания, параллельные основной площадке. То есть в основном это ортогональные, близкие по форме к призме или кубу ядрища.

Нуклеусы с двумя поверхностями скалывания составляют 35 % от всего числа ядрищ. Большая их часть (24 %) — это нуклеусы с двумя несмежными параллельными поверхностями скалывания, расположенными на противоположных торцах или сторонах предмета расщепления (рис. 5, 1–3). Меньшая часть этих ядрищ (11 %) имеет перпендикулярные продольно-смежные поверхности скалывания (рис. 6, 4). К группе ядрищ с двумя параллельными поверхностями скалывания относится и нуклеус, изготовленный из обломка шлифованного тесла (рис. 5, 2), — наглядная демонстрация того, что при превращении тесел в нуклеусы в ходе снятия с них пластинок применялись те же приемы, что и при утилизации обычных ядрищ.

Следующая форма жоховских ядрищ представляет собой нуклеусы с тремя продольно-смежными поверхностями скалывания (рис. 7, 1–3). Эти ядрища — результат дальнейшей модификации одной из двух предыдущих разновидностей. Они составляют 18 % от числа всех ядрищ.

Численно наименьшая группа — нуклеусы с круговым ортогональным расположением поверхностей скалывания (с четырьмя продольно смежными поверхностями скалывания) — составляет 4 % от всех имеющихся ядрищ (рис. 8, 1–3).

В особую группу могут быть выделены ядрища со следами иных типов расположения поверхностей скалывания. Они, по всей вероятности, представляют собой результат кардинального переоформления нуклеусов в результате ошибок расщепления. Это нуклеусы с перпендикулярными смежными и несмежными поверхностями скалывания (рис. 6, 3). Таких предметов немного, они составляют лишь 2 % от общего числа ядрищ. Связь

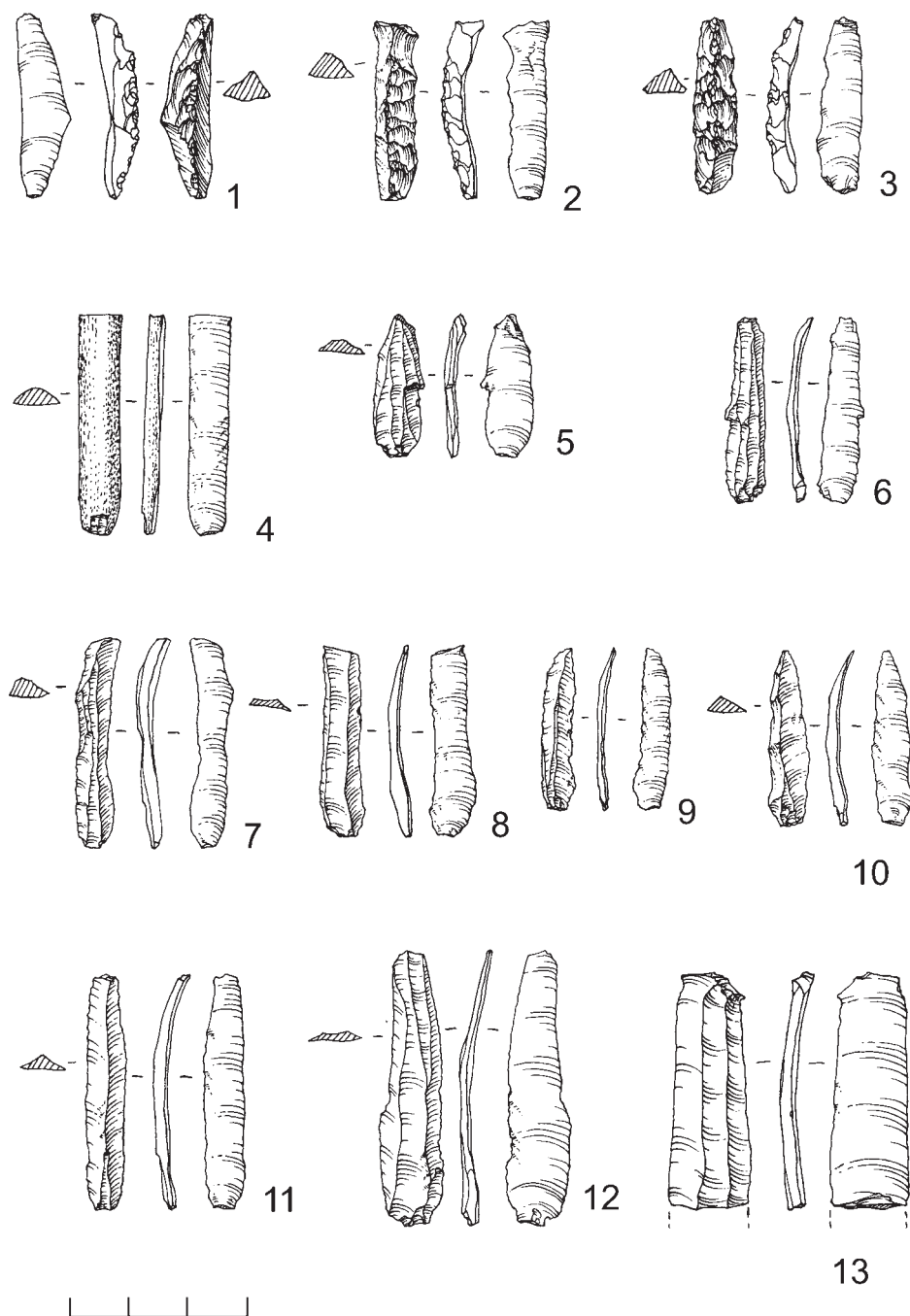

Рис. 3. Пластиновые сколы жоховской индустрии:

1 и 2 — унифасиально оформленные реберчатые снятия; 3 — бифасиально оформленное реберчатое снятие; 4 — первичный пластиновый скол с остатками пришлифованной поверхности тесла на спинке; 5 и 6 — пластиновые сколы исправления ошибок расщепления (удаления залама путем его разделения для выравнивания рельефа поверхности скалывания); 7 и 8 — пластиновые краевые сколы, снятые со смежных ортогональных поверхностей скалывания; 9 — пластинка, полученная с центральных участков фронта нуклеуса; 10 — пластиновый краевой скол; 11 и 12 — пластинки, полученные с центральных участков фронта нуклеуса; 13 — дистальный конец пластины

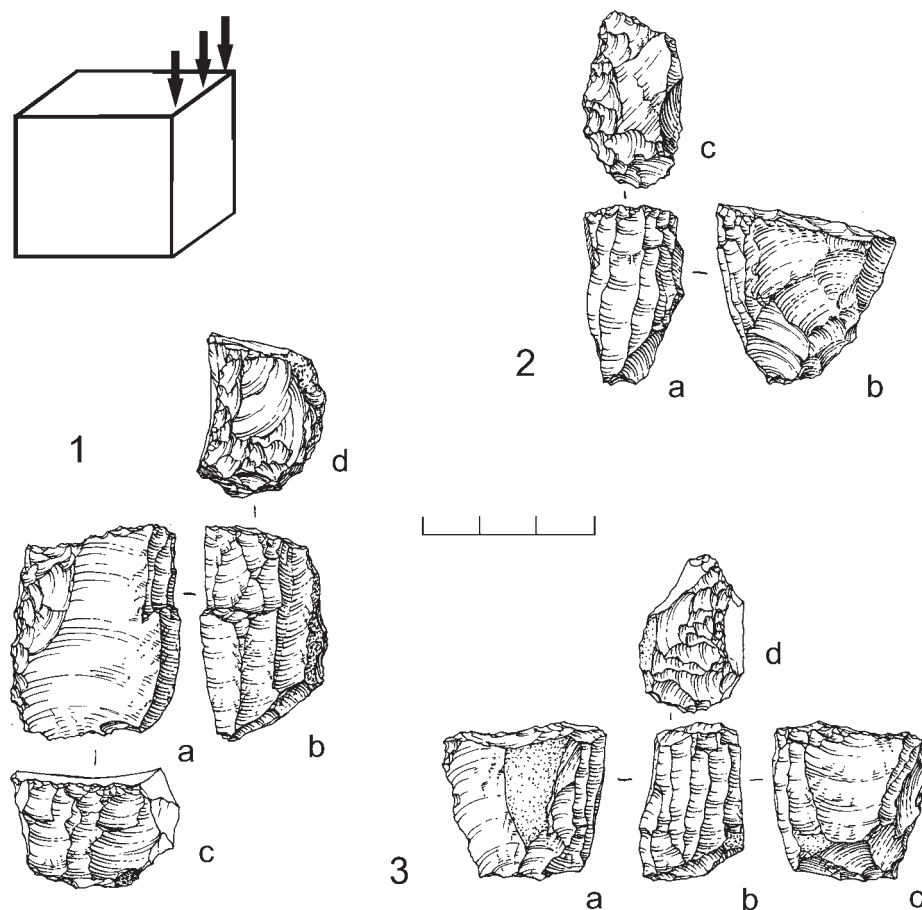

Рис. 4. Нуклеусы жоховской индустрии с одной торцевой поверхностью скалывания. На схеме черными стрелками показано направление снятия сколов-заготовок

данной разновидности с иными группами не вызывает сомнений, хотя они и не вписываются в «общую стратегию» последовательности расщепления жоховской индустрии.

Имеющиеся в коллекции немногочисленные сколы с нуклеусов вполне соответствуют по своей морфологии ядрищам для снятия пластинок. В большинстве случаев назначение этих снятий легко читается. Они в основном связаны с подправкой площадки (рис. 6, 1) и исправлением рельефа поверхности скалывания (рис. 6, 2).

Кроме ядрищ и сколов их подправки к основному технологическому контексту стоянки относятся разнообразные пластинчатые сколы и орудия, изготовленные из них.

Наряду с упомянутыми выше реберчатыми сколами с разнообразной огранкой и иными скола-

ми первичного формирования призматической поверхности скалывания, среди пластинчатых сколов данного контекста выделяются сколы удаления заломов на поверхности скалывания (рис. 3, 5, 6), простые краевые сколы (рис. 3, 10), краевые сколы, снятые со смежных ортогональных поверхностей скалывания (рис. 3, 7, 8) и простые пластинчатые снятия, полученные с центральных участков фронта нуклеуса (рис. 3, 9, 11, 12).

Все перечисленные выше группы нуклеусов последовательно взаимосвязаны. Более сложные формы являются результатом видоизменения простых, как это показано на схеме (рис. 1, 2). Заключение о взаимосвязи различных форм жоховских ядрищ не ново. Оно было сделано еще при анализе первых жоховских находок. Однако лишь сейчас, после десятикратного увеличения коллекции, пред-

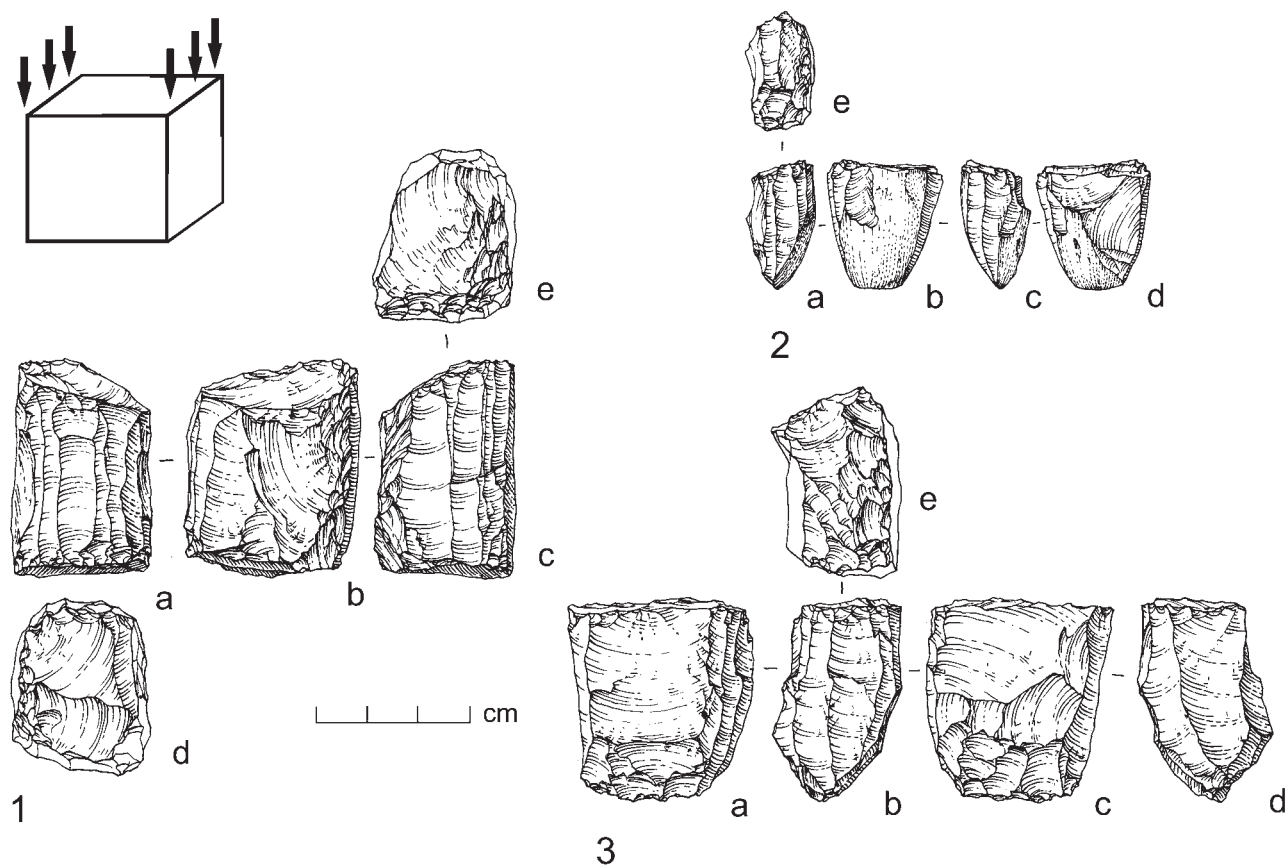

Рис. 5. Нуклеусы жоховской индустрии с двумя несмежными параллельными поверхностями скалывания, расположенными на противоположных торцах. Нуклеус под № 2 изготовлен из обломка шлифованного тесла. На схеме черными стрелками показано направление снятия сколов-заготовок

ставляется возможным составить более детальное представление о характере и технологической значимости наблюдаемого морфологического разнообразия жоховских нуклеусов.

Успешная утилизация жоховских ядрищ — производство качественных пластинок из максимального объема материала нуклеуса — могла быть осуществлена на любой из упомянутых форм. Иными словами, в каменной индустрии о. Жохова нуклеусы всех разновидностей могли использоваться вплоть до полного истощения.

Весь комплекс собранных наблюдений свидетельствует о том, что у древних мастеров, населявших жоховское стойбище, не существовало стремления создавать нуклеусы со строго определенным числом поверхностей скалывания. Вполне успешно могли быть утилизированы до полностью

истощенного состояния и ядрища с одной поверхностью скалывания, и с четырьмя такими же поверхностями. Сложность или простота последовательности расщепления, по всей видимости, зависели от удобства формы исходного сырья и наличия/отсутствия ошибок расщепления. Большая часть ядрищ утилизировались как односторонние, с одной поверхностью скалывания. При выходе из строя первой поверхности скалывания на ядрище могли последовательно создаваться дополнительные, связанные или не связанные с исходной поверхностью снятия пластинчатых сколов.

Кроме неудачной формы и плохого качества сырья (наличия трещин или включений) причинами невозможности дальнейшего использования поверхности скалывания были ошибки расщепления. Главным образом, это заломы (петлеобразные

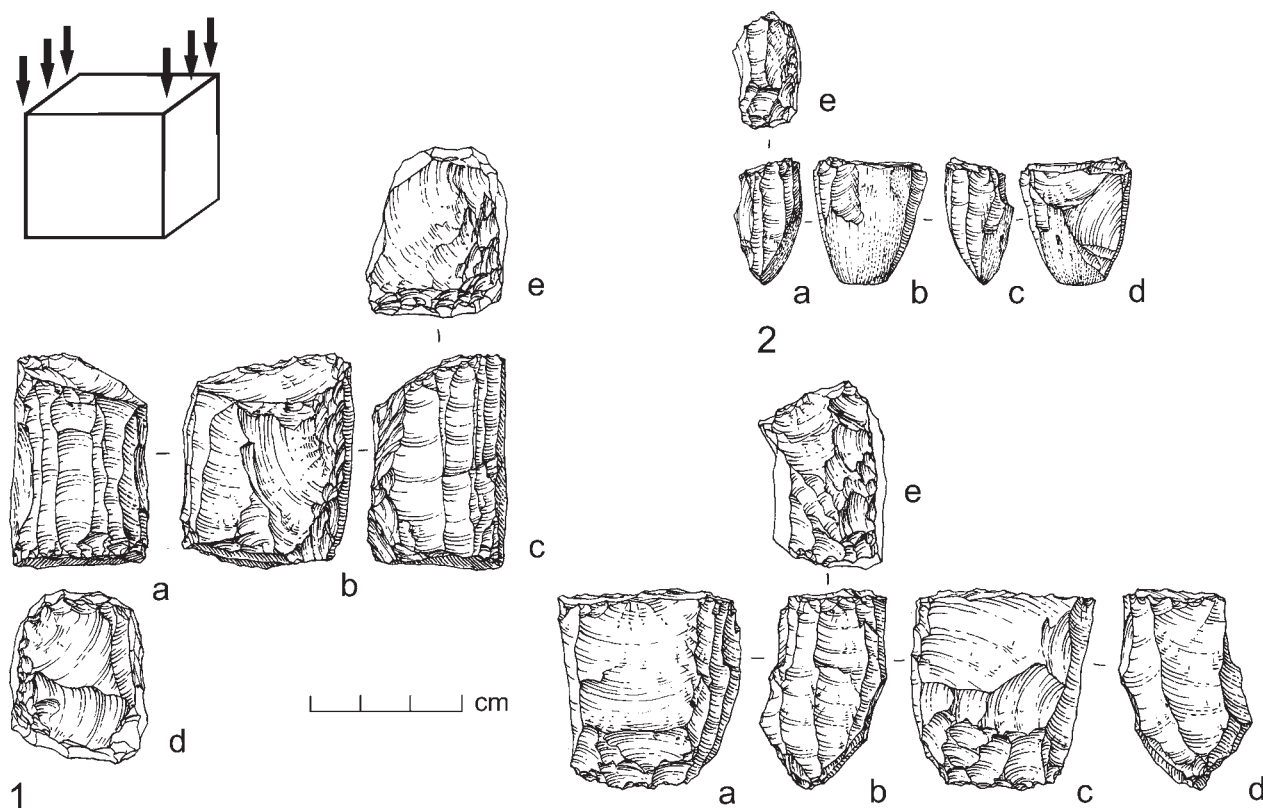

Рис. 6. Нуклеусы жоховской индустрии и сколы с них:

1 — неудачный (из-за ныряющего окончания) скол подправки площадки нуклеуса; 2 — скол выравнивания поверхности скалывания нуклеуса; 3 — нуклеус с перпендикулярными несмежными поверхностями скалывания; 4 — нуклеус с перпендикулярными продольно-смежными поверхностями скалывания. На схеме черными стрелками показано направление снятия сколов-заготовок

окончания сколов в начале или середине поверхности скалывания) и слишком сильное уплощение поверхности скалывания при невозможности снятия краевых сколов (для «поднятия» рельефа).

Перенос рабочего участка (создание новой поверхности скалывания) на одну из боковых сторон нуклеуса — весьма эффективный прием, позволяющий максимально экономно расходовать имеющееся сырье. При формировании продольно смежных (рис. 1, 2b, d, e) рабочих поверхностей вышедшая из употребления поверхность скалывания представляет собой готовую выровненную боковую поверхность нуклеуса, обеспечивающую возможность многократного снятия краевых сколов. Наличие двух таких поверхностей, расположенных ортогонально по обеим сторонам от рабочей поверхности скалывания, существенно повы-

шает эффективность расщепления, предоставляет дополнительные возможности контролируемого поддержания необходимой формы поверхности скалывания в ходе производства пластинчатых сколов-заготовок.

Специфический способ комбинирования нескольких таких поверхностей расщепления на одном ядрище является одной из отличительных черт жоховской технологии производства пластинчатых заготовок и, безусловно, одним из важнейших признаков, определяющих каменную индустрию Жоховской стоянки.

Еще одним особенным признаком большинства жоховских ядрищ может быть признано их уплощенное, параллельное площадке основание. В жоховской традиции производства пластинчатых заготовок отжимом оно делалось практически всегда

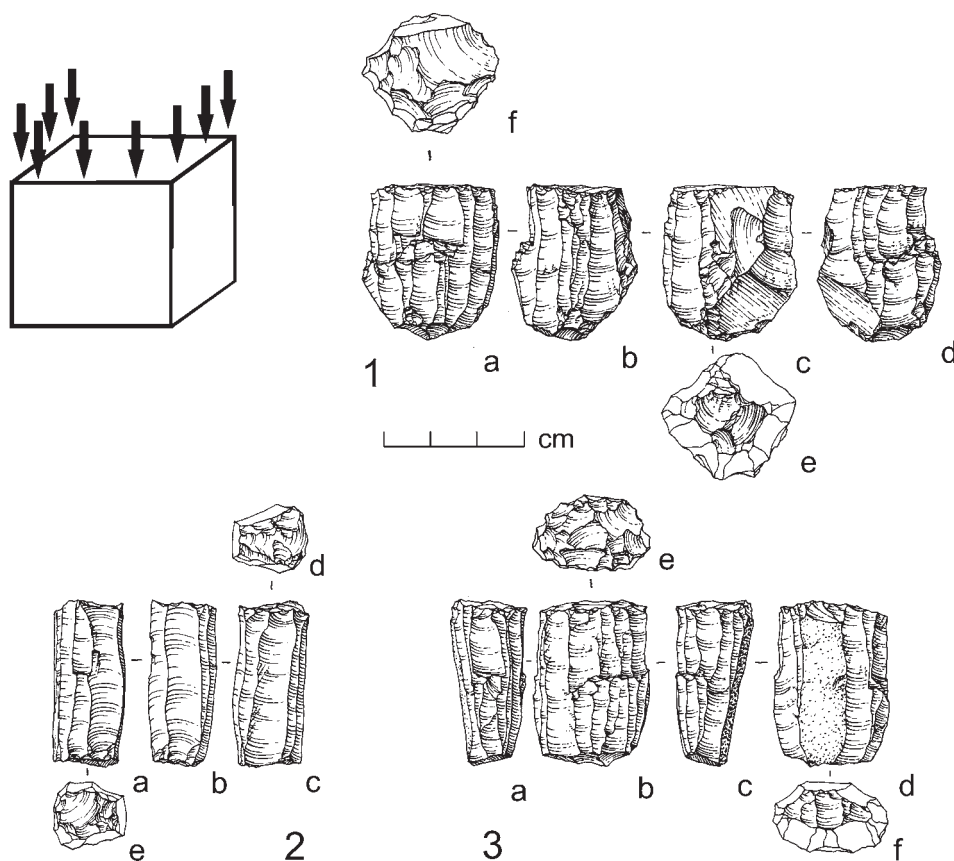

Рис. 7. Нуклеусы жоховской индустрии с тремя продольно-смежными поверхностями скалывания. На схеме черными стрелками показано направление снятия сколов-заготовок

на стадии оформления пренуклеуса. На большинстве нуклеусов, находящихся даже в весьма истощенном состоянии, с уже зауженным за счет снятия слегка ныряющих пластин основанием, остатки негатив снятий такой подготовки все еще видны. Весьма вероятно, что эта особенность имеет чисто техническое объяснение и связана со способом удержания-крепления нуклеуса в процессе отжима пластин. Не исключено, что на форму этих ядрищ повлияли также иные причины, связанные с походными условиями производства вкладышей в тундре, в условиях отсутствия или весьма ограниченного числа специальных приспособлений.

Нетрудно заметить, что жоховские нуклеусы морфологически достаточно единообразны. Их разнообразие — в морфологии. Но даже обладая различным количеством поверхностей скалывания в различных вариантах их сочетаний, они весьма

схожи. В подавляющем большинстве они ортогональны, близки по форме к призме или кубу. Причем, хотя группа ядрищ с одной поверхностью скалывания численно превосходит иные разновидности, любая иная форма жоховских нуклеусов с равным успехом может быть признана характерной для данной индустрии, поскольку основные параметры формы и пропорций у большинства этих ядрищ практически едины. Это, по всей видимости, не случайное формальное или эстетическое сходство. Необычная, относительно высокая степень стандартизации форм и размеров жоховских ядрищ, с нашей точки зрения, объясняется технологическими причинами — узкой специализацией, направленностью на производство в походных условиях заготовок вкладышей, достаточно строго регламентированных по форме, пропорциям и размерам.

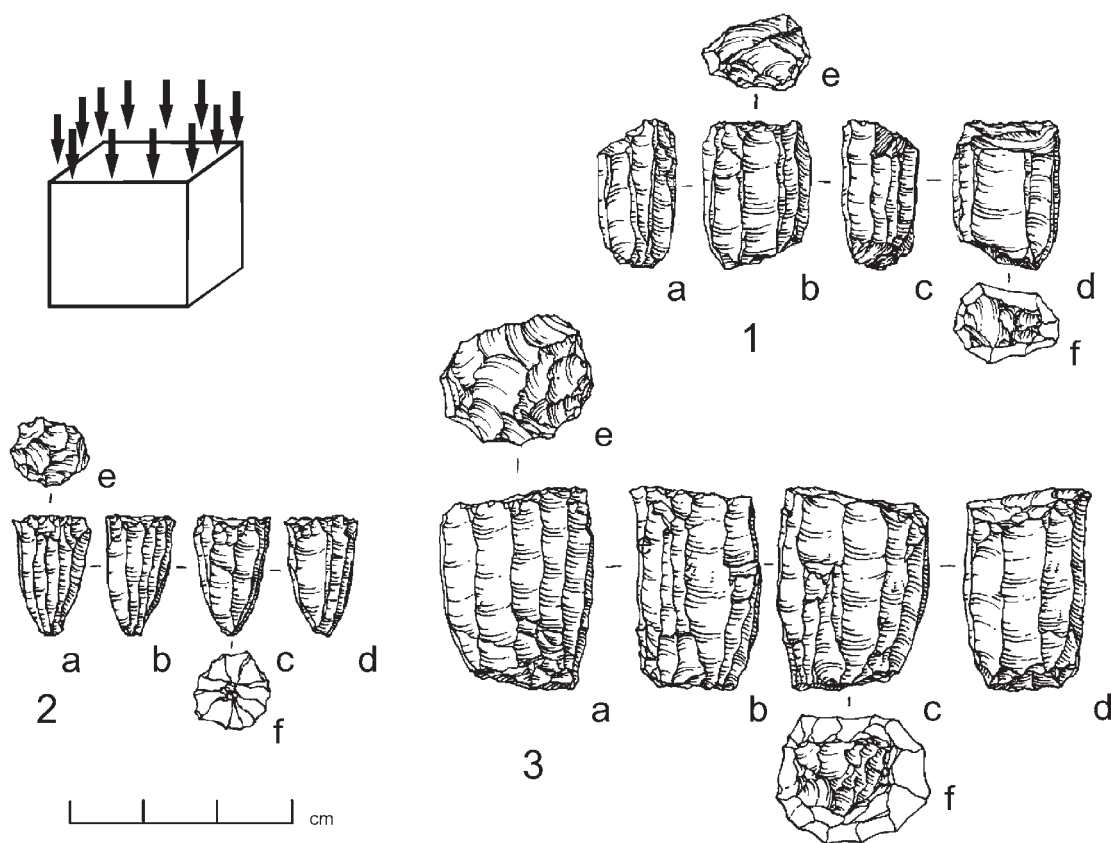

Рис. 8. Нуклеусы жоховской индустрии с круговым ортогональным расположением поверхностей скалывания (с четырьмя продольно-смежными поверхностями скалывания). На схеме черными стрелками показано направление снятия сколов-заготовок

Известны десятки памятников каменного и бронзового века Северо-Востока Евразии, где найдены точные копии жоховских нуклеусов. Это достаточно распространенный тип ядрища для пластинок, и перечисление списка индустрий с аналогичными формами просто не имеет смысла. Таких аналогий достаточно много и в Якутии, и на Чукотке, и даже на Камчатке. Однако нам не удалось обнаружить ни одной каменной индустрии, в составе нуклеусов которой представлены исключительно ядрища этого типа. Мы полагаем, что это не случайное явление: на о. Жохова не предполагалось производить пластинчатые заготовки иного вида. Менее разнообразный набор форм жоховских артефактов объясняется их намеренным специализированным отбором в древности.

В коллекциях первых лет раскопок культурного слоя Жоховской стоянки каменные изделия со вто-

ричной обработкой отсутствовали. Поэтому одним из приятных открытий, сделанных в результате анализа материалов новых раскопок, стало выделение достаточно многочисленной группы пластинок и их фрагментов с различными видами вторичной обработки. Все они были обнаружены в ходе предварительного осмотра материала под микроскопом МБС с небольшим (до 50 раз) увеличением.

При подведении итогов оказалось, что 14 % от числа всех пластинок и их фрагментов в жоховской индустрии имеют следы различных видов дополнительных модификаций. В их числе выделяются ретушь утилизации, намеренная ретушь, пришлифовка, микрорезцовые сколы.

Поскольку наблюдение этих видов дополнительных модификаций пластинок связано с использованием микроскопа, подробный анализ этих изделий будет сделан в ходе трасологического

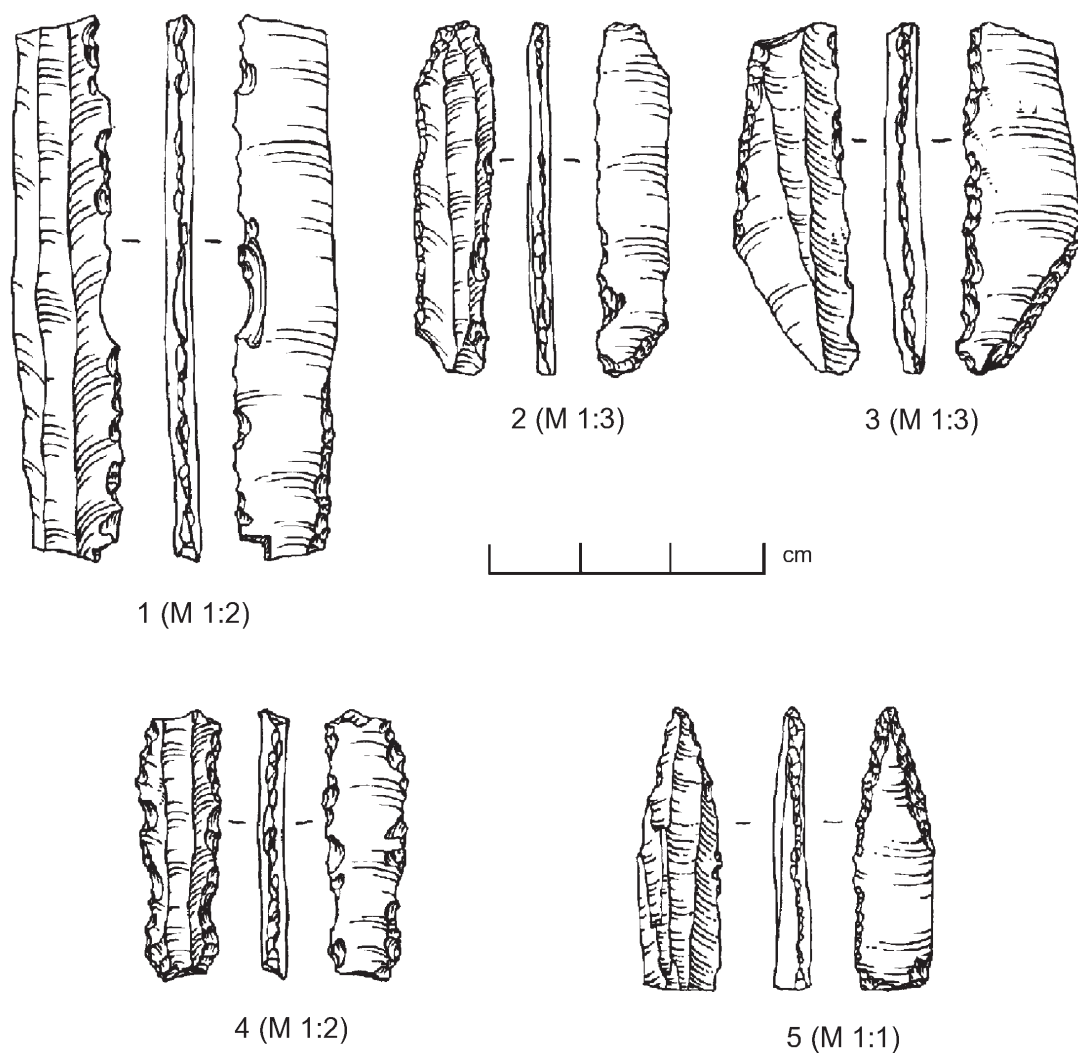

Рис. 9. Изделия на пластинках жоховской индустрии:

1–3 — медиальные части пластинок с ретушью продольного края и/или концов в сочетании с ретушью утилизации; 4 — медиальный фрагмент пластинки с ретушью утилизации по двум краям; 5 — острие на пластинке

анализа. Однако для полноты характеристики технологического контекста производства пластинок необходимо выделить конечные формы продуктов расщепления, то есть те из них, которые являлись готовыми изделиями.

В качестве таковых на основе микроморфологического анализа выделены следующие формы:

— острие, изготовленное вентральной краевой микроретушью из медиальной части пластинки (оно одно, предположительно служило в качестве сверла (рис. 9, 5);

— вкладыши составных орудий различного назначения.

Вкладыши — наиболее многочисленная группа изделий жоховской индустрии (всего 1317 экз.). В результате предварительного анализа были выделены следующие:

1. Вкладыши для составных лезвий ножей и наконечников — медиальные части пластинок со следами выкрошенности и другими признаками износа кромок продольных краев (чередующаяся «пильчатая ретушь» износа с оглаженными, скруг-

ленными вершинами зубцов). У нас есть основания полагать, что данные следы — результат наложения различных видов износа, последовательно возникших на одних и тех же кремневых лезвиях. К сожалению, по организационным причинам нам не удалось произвести на острове эксперименты, необходимые для нормального трасологического исследования этого интереснейшего и массово представленного в жоховской коллекции типа следов. Однако данная группа изделий определяется достаточно надежно именно потому, что полностью аналогичные формы сечений пластинок-вкладышей с таким же типом износа были обнаружены в ходе раскопок непосредственно в пазах роговых, костяных и бивневых оправ. В коллекции выделено 905 предметов, имеющих на продольном лезвии комплекс следы такого типа.

2. Медиальные части пластинок с ретушью продольного края и/или концов в сочетании с ретушью утилизации (рис. 9, 1–3). Представляется важным особо отметить, что назначение данной группы изделий пока недостаточно ясно, так как среди жоховских вкладышей, найденных *in situ* в оправках, формирующих составные лезвия, ретушированные экземпляры не обнаружены. Ретушь продольного края обнаружена на 283 изделиях, ретушь концов — на 87.

3. Фрагменты пластинок с выкрошенностью кромки края описанного выше типа (ретушью утилизации) по двум краям (рис. 9, 4). Назначение этих форм пока также не до конца выяснено. Очевидно, что в каких-то случаях мастеру было не сложно извлечь из основы наконечника или ножа отдельный вкладыш с затупившимся лезвием и вставить его в паз в обратной позиции — острым краем наружу. Таких изделий 43 экз.

4. Отдельную группу образуют изделия, использовавшиеся в качестве одиночного вкладыша-лезвия резца или резчика — орудия для прорезания пазов в роговых, бивневых, костяных и деревянных оправках, предназначенных под закрепление каменных вкладышей (рис. 10, 1–7). Для более полного их исследования требуется произвести дополнительные экспериментально-трасологические работы. Однако отдельные из них выделяются и по уже

сейчас исследованным микроморфологическим признакам.

Эти изделия производились преимущественно из проксимальных фрагментов пластинок. В большинстве случаев они имеют ретушь на двух продольных краях и микрорезцовый скол на одном или двух дистальных углах (рис. 10, 1, 3, 3а, 4, 4а, 6, 6а). На целом ряде орудий такого типа ретушь продольных краев заменяется пришлифовкой (рис. 10, 2, 2а, 5, 5а). Иногда пришлифовка присутствует также на спинке этих орудий (рис. 10, 2, 2а, 3, 3а, 5, 5а, 6, 6а, 7, 7а). В коллекции выделено 28 изделий с пришлифовкой ребер на спинках, краях и торцах, есть один случай пришлифовки брюшка. Хотим подчеркнуть, что данный вид пришлифовки не имеет отношения к пластинкам, произведенных из обломков тесел.

В качестве специального комментария следует отметить, что использование каменных шлифованных резцов представляет собой достаточно широко распространенную и длительную технологическую традицию, существовавшую на Северо-Востоке Евразии (Гиря, 2010, с. 96–108). Резцы-резчики каменной индустрии стоянки на о. Жохова являются древнейшими известными нам сегодня формами орудий этого типа. Появившись в арктических каменных индустриях в позднемезолитическое время (о. Жохова), шлифованные каменные резцы с прямоугольным и «V»-образным профилями режущих краев получили развитие в более поздних индустриях ымыяхтахской культурной традиции, древнекитобойной культуры Чукотки (стоянка Уненен), культуре «ASTb» — «арктической традиции мелких орудий» на Аляске (McGhee, 1980, р. 41) и продолжали существовать чуть ли не до этнографических времен в культурах древних и исторических зверобоев Чукотки и Аляски (Бронштейн, Днепровский, Сухорукова, 2007, с. 147–148).

Контекст производства пластин

К данному технологическому контексту относятся крупные пластины шириной более 12 мм и их фрагменты (рис. 3, 13). В коллекции имеется 23 целых экземпляра таких изделий, 21 проксимальный фрагмент и 70 экз. дистальных. То есть в индустрии

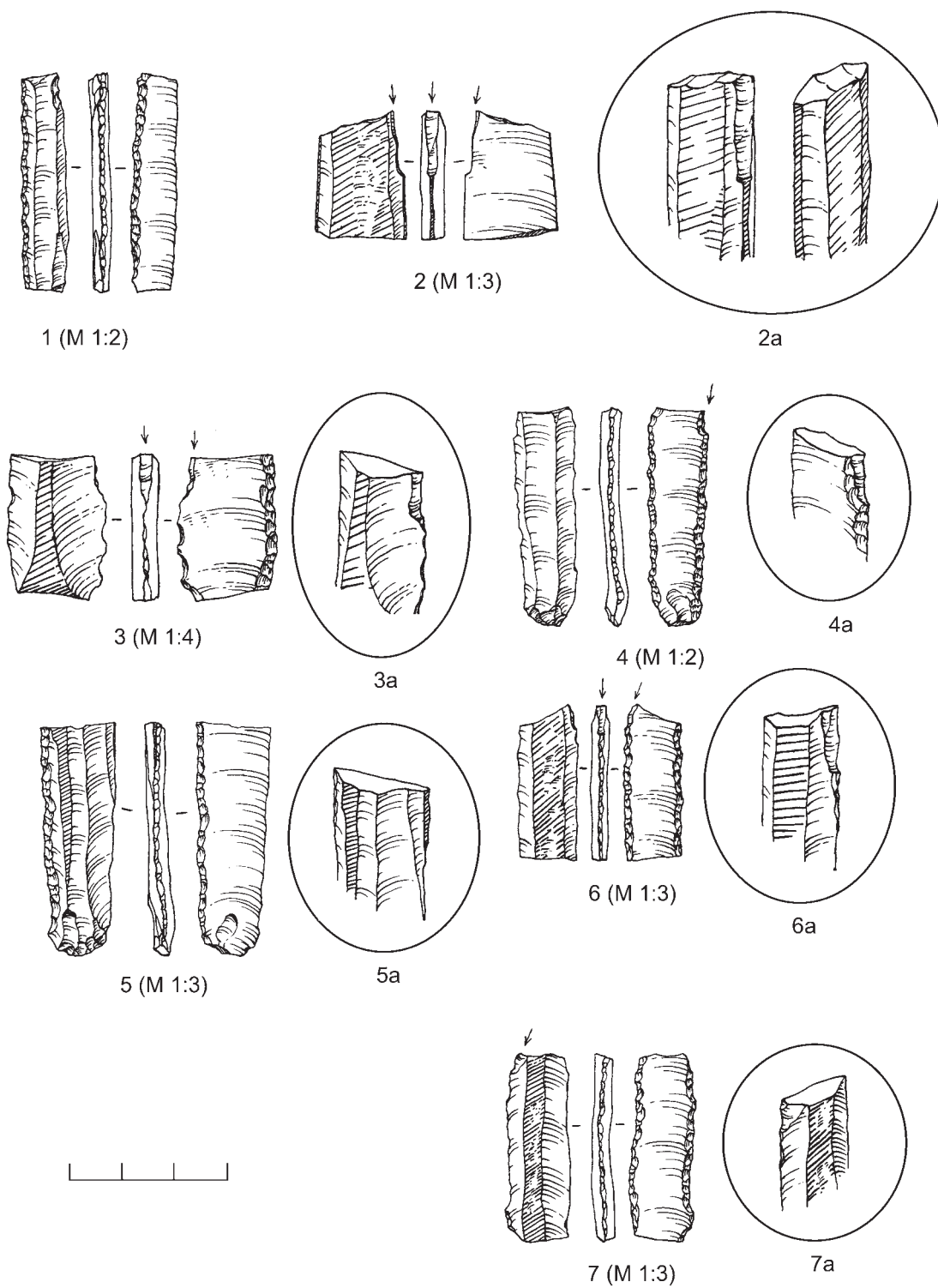

Рис. 10. Жоховская индустрия. Орудия с вероятной функцией изготовления пазов в оправах под вкладыши. Прямой штриховкой показаны участки абразивной обработки (пришлифовки)

присутствовало около сотни крупных пластинчатых сколов. При этом никаких морфологически выраженных форм орудий, изготовленных из заготовок подобного типа, нет.

Отсутствуют и ядрища соответствующих размеров, равно как и продукты их изготовления и утилизации — пренуклеусы, сколы подправки рабочих поверхностей и т.д. Судя по морфологии отдельных пластин и их фрагментов, это должны были быть нуклеусы с правильной призматической огранкой и длиной поверхности скалывания не менее 8–10 см. Сказать что-либо более определенное об их форме и особенностях оформления технологически необходимых элементов не представляется возможным. Производство таких ядрищ неминуемо связано по крайней мере с получением большого количества как крупных отщепов, так и краевых сколов соответствующей величины. Однако все эти продукты расщепления отсутствуют среди материалов жоховской коллекции. Единственное, что хоть как-то связывает данные продукты расщепления с основным технологическим контекстом — это использование одних и тех же разновидностей сырья.

Достаточно большая площадь раскопа, применение самых изощренных способов промывки культурного слоя и весьма внушительный размер кремневой коллекции представляют нам достаточные основания полагать, что на территории данного памятника эти продукты расщепления отсутствуют неслучайно. Скорее всего, они здесь не производились. Пластины и их фрагменты были доставлены на памятник в готовом виде.

Контекст производства трех- и четырехгранных бифасов (острий-наконечников)

Несмотря на то что к данному технологическому контексту может быть отнесено очень незначительное число каменных изделий (всего 6 экз.), они представляют собой результат применения весьма выразительной и принципиально новой для жоховской индустрии технологии расщепления (рис. 11, 1–4). Не представляется возможным выделить в коллекции отщепы и чешуйки, относящиеся к данному контексту, поскольку они неотличимы

от иных, таких же мелких сколов, происходящих от производства нуклеусов и пластинок. По сути дела, артефакты из контекста «бифасов-наконечников» подобны продуктам получения пластин только в единстве использованного сырья, а также в том, что и те и другие являются результатом применения отжимной техники скола на завершающей стадии обработки.

Выравнивание боковых поверхностей наконечников производилось нерегулярной отжимной ретушью. При изготовлении четырехгранного наконечника (рис. 11, 2) площадками для оформления-выравнивания этих поверхностей служили два противолежащих ребра. То есть по сути дела данный наконечник представляет собой толстый бифас. Дистальные части сколов (скалывающих), снятых с двух противоположных бифасиальных краев, сходятся по линии центральных осей обоих фасов под углом, близким к 90° , образуя продольные ребра вдоль центральной оси каждой из сторон изделия. Такой способ упорядоченного расположения скалывающих при производстве бифасов пока еще не имеет специального названия в отечественном археологическом лексиконе. Б.А. Бредли именует его «comedial», что может быть переведено с английского как «совместно-срединный» (Б. А. Бредли, личное общение). Перевод термина крайне неудачен, однако оставить англоязычное «комидиальный» не намного лучше. «Совместно-срединный» достаточно четко передает суть описываемого: негативы сколов оформления бифаса начинаются с двух противоположных краев одной из сторон и регулярно, контролируемо заканчиваются на линии центральной оси. При таком способе обработки имеет значение, под каким углом сходятся дистальные части встречных снятий. Если они лежат в одной плоскости — сторона бифаса уплощается. Если, как в нашем случае с жоховским наконечником, этот угол достаточно велик — наконечник приобретает ромбическое или треугольное сечение.

Трехгранные наконечники (рис. 11, 1; 3; 4) изготовлены иным образом — это плоско-выпуклые бифасы. Как и при обработке четырехгранного наконечника, основными площадками для выравнивания боковых сторон изделия служили два

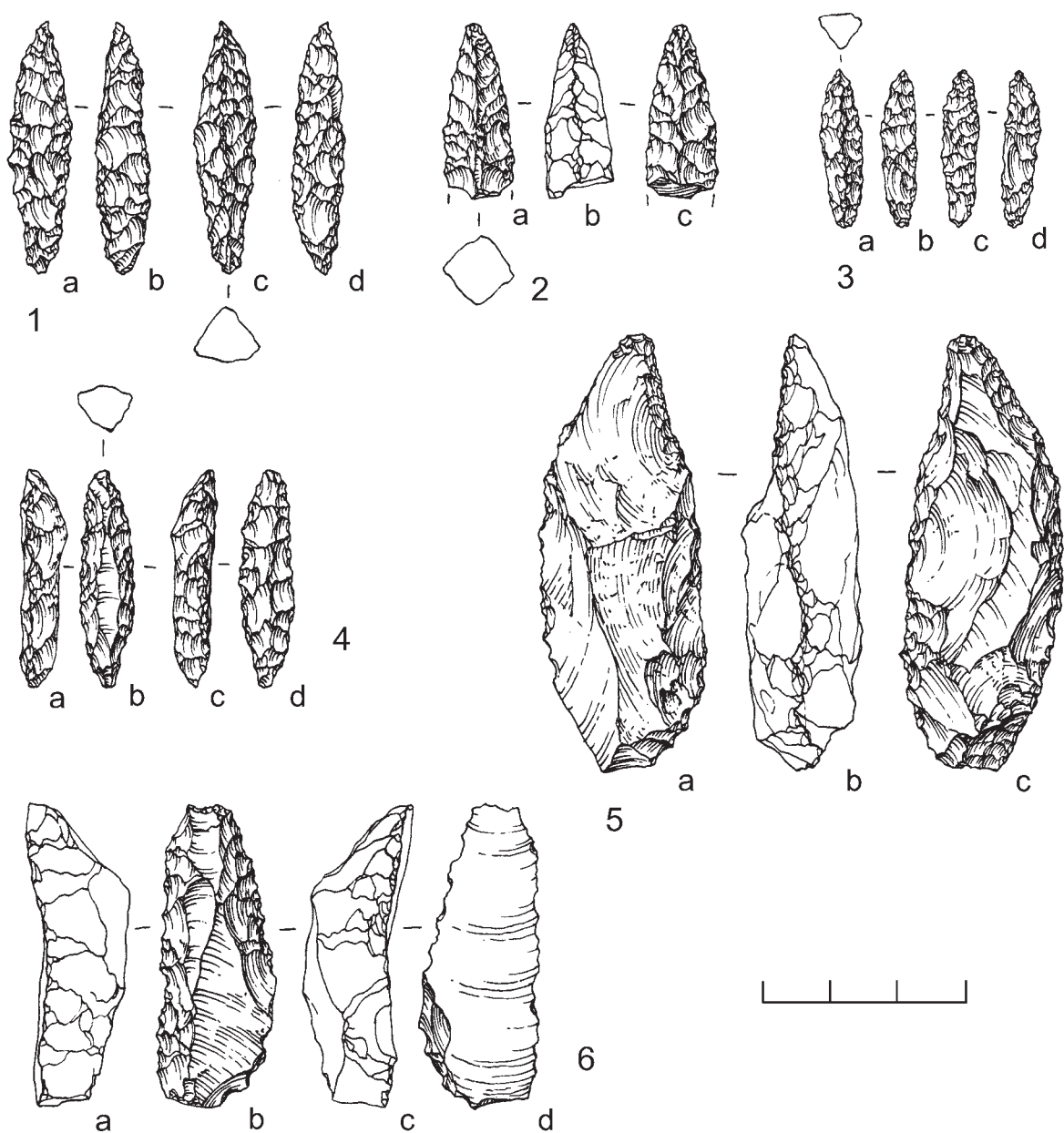

Рис. 11. Жоховская индустрия. Трех- и четырехгранные наконечники и заготовки для них

противолежащих бифасиальных ребра. Но в данном случае плоскости сколов обработки сходились под углом, близким к 90° , лишь на одной из сторон изделия, вторая сторона уплощалась встречными комидиальными и трансидиальными (в терминологии Б.А. Бредли, проходящими далее середины стороны бифаса) снятиями, лежащими практически в одной плоскости.

Среди материалов, поступивших в коллекцию в самые последние годы раскопок жоховской стоянки, удалось выделить два артефакта, морфология которых позволяет предположить их принадлежность к контексту производства данных типов наконечников (рис. 11, 5, 6). Вполне возможно, что оба изделия представляют собой и самостоятельный тип орудия, и заготовки для возможного пре-

вращения в наконечники одновременно. Для более четкого понимания положения данных форм в контексте жоховской индустрии необходимы дополнительные экспериментально-трасологические исследования. Более широкий контекст производства данного типа изделий нам пока не известен.

Несмотря на то что число артефактов, принадлежащих к контексту производства трех- и четырехгранных бифасиальных изделий в жоховской индустрии, невелико, они демонстрируют достаточно высокий уровень мастерства их изготовления, позволяющий констатировать наличие по крайней мере двух весьма специфических манер (приемов) оформления бифасиальных изделий. На наш взгляд, именно эти особенности в оформлении двусторонних изделий могут оказаться весьма существенными признаками при будущих поисках каменных индустрий, родственных жоховской. Четкой связи данной технологии расщепления с основной технологией производства пластинок отжимом нами не установлено.

Контекст продуктов переоформления и подправки тесел и иных рубящих изделий обивкой и абразивной обработкой

К данному виду технологического контекста относятся тесла и иные рубящие орудия с частично шлифованной поверхностью и их обломки (рис. 12, 1–5; 13, 2). Для всех этих изделий характерно отсутствие сплошной пришлифовки, интенсивно пришлифовывались только участки, близкие к лезвиям. Большая часть этих орудий изготовлена из окремненной породы серого цвета различных оттенков.

В коллекции также представлены отщепы и чешуйки из такого же типа сырья, в подавляющем большинстве имеющие признаки пришлифовки на дорсальных поверхностях. Характер сырья, наличие пришлифовки и общая морфология этих снятий свидетельствуют о том, что они результат переоформления шлифованных рубящих изделий. Как уже неоднократно указывалось выше, из обломков шлифованных рубящих орудий в жоховской индустрии изготавливались нуклеусы для производства пластинок. Это обстоятельство не позволяет однозначно отнести все сколы со шлифован-

ными спинками только к контексту подправки рубящих орудий.

В новой коллекции удалось выделить лишь два предмета, принадлежность которых к данному контексту весьма вероятна (рис. 12, 6, 7). Оба они изготовлены из достаточно крупных в сравнении с остальным материалом кусков грубозернистого желто-коричневого кремня и, скорее всего, являются заготовками тесел. Тем не менее данный технологический контекст не может быть признан полным, поскольку в нем отсутствуют заготовки тесел на стадии первичного оформления, их обломки и сколы первичной обивки. По опыту анализа иных каменных индустрий, специализированных на производстве каменных рубящих орудий с пришлифовкой лезвий (Гиря, Лозовский, Лозовская, 1997), а также на основании экспериментов нам известно, что производство орудий такого рода неизбежно связано с образованием достаточно большого числа отходов с весьма специфической, хорошо определяемой морфологией. Отсутствие большинства этих продуктов расщепления в культурном слое Жоховской стоянки, вероятнее всего, может быть объяснено их производством в другом месте.

Контекст продуктов производства молотообразных и рубящих орудий обивкой, пикетажем и пришлифовкой

Данную группу изделий отличает от предыдущей прежде всего технология производства, включавшая в себя технику пикетажа, а также последующую сплошную шлифовку всей поверхности изделий (рис. 13, 1, 3, 4). Орудий и их фрагментов, выполненных по данной технологии, немного — 7 экз. Однако они весьма выразительны. Особой чертой применения техники пикетажа следует признать возможность формирования на поверхности изделий из вязких пород камня обособленных выпуклостей в виде «ушек», «плечиков» и выступов. Для обработки камня пикетажем необходим специальный твердый инструмент, не найденный на жоховской стоянке — не обнаружено в достаточном количестве ни орудий, ни отходов производства изделий данного типа. То есть данный контекст также не может быть признан полноценным по

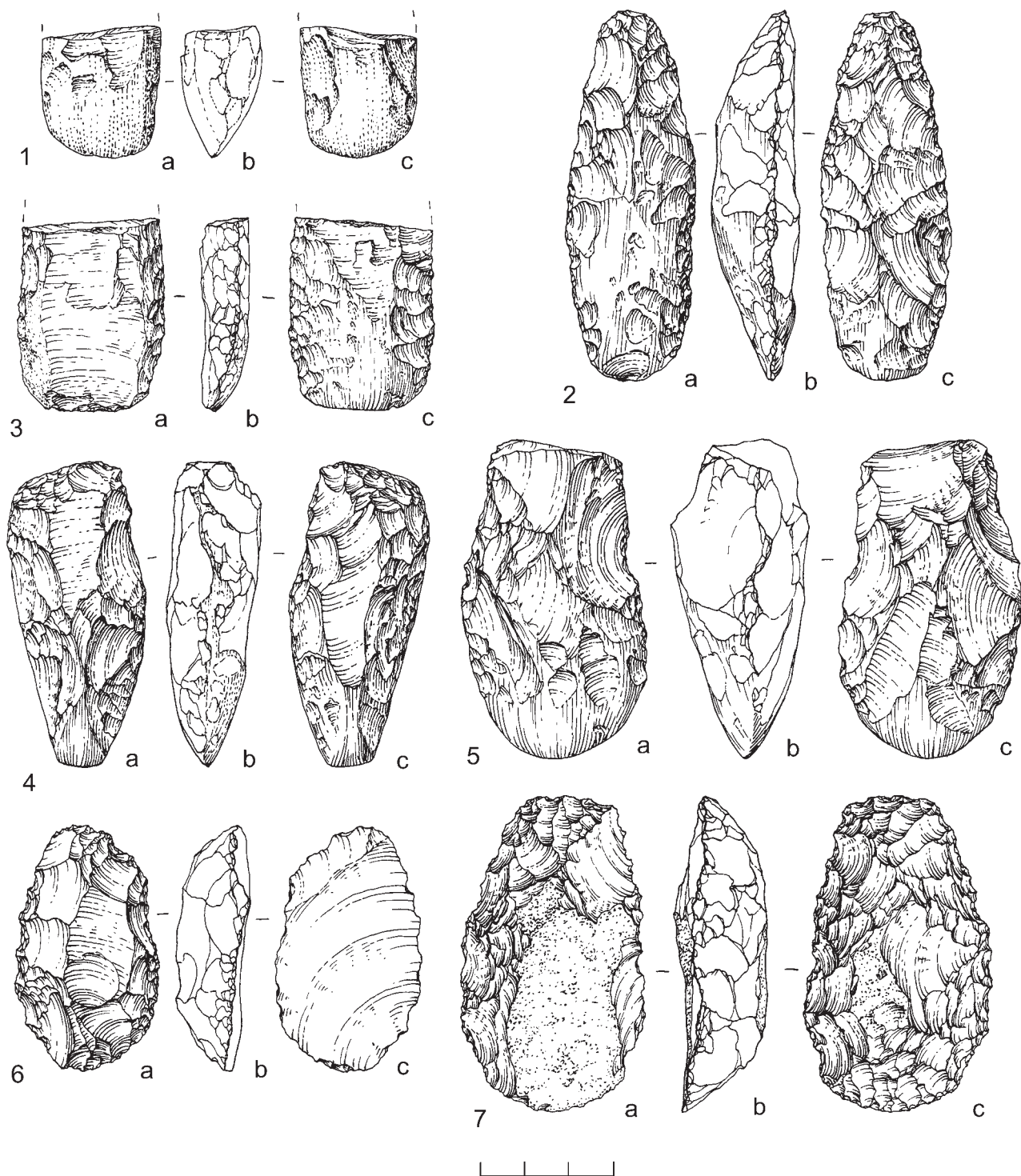

Рис. 12. Жоховская индустрия. Тесла с частичной пришлифовкой и заготовки для них

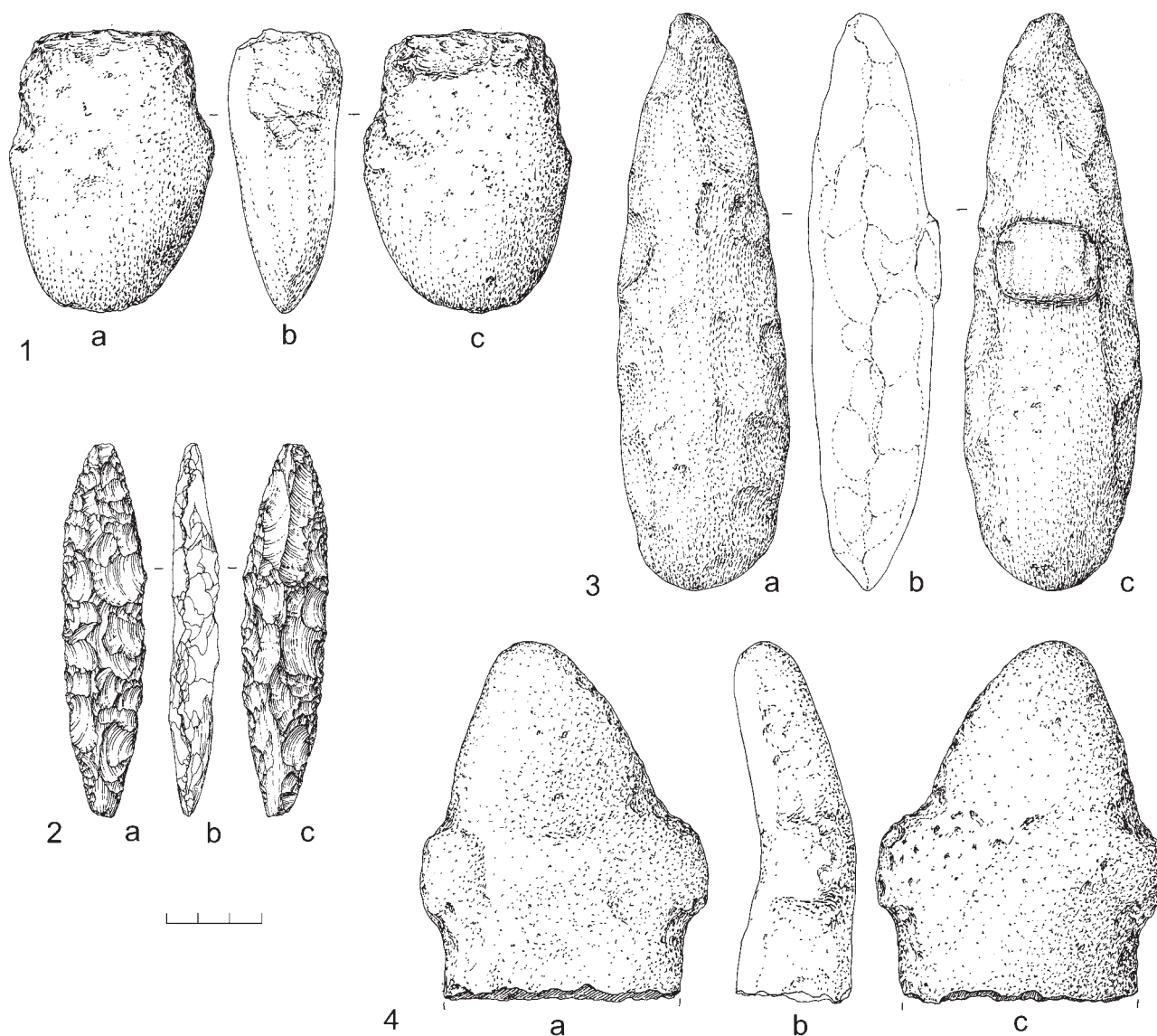

Рис. 13. Жоховская индустрия. Молотообразные и рубящие орудия, изготовленные оббивкой, пикетажем и пришлифовкой

составу. Следует также отметить, что он не связан ни с одним из иных технологических контекстов жоховской индустрии.

Контекст производства точильных камней различного назначения

В коллекции представлены целые точильные камни и обломки. В основном эти орудия изготавливались из кусков песчаника, имеющих удобную естественную форму. Однако значитель-

ная их часть все-таки подрабатывалась грубой оббивкой. Определить отходы этого производства сложно в силу их слабой диагностичности. Большая их часть не имеет выраженной раковистости сколов, процесс обивки настолько груб, что граничит с дроблением. Тем не менее благодаря форме желобков — следов пришлифовки тесел — данная группа артефактов может быть связана с основным технологическим контекстом.

Рис. 14. Жоховская индустрия. Составные лезвия вкладышевых орудий. Положение вкладышей в пазах

Суммируя сказанное, можно констатировать, что поиск аналогий жоховской каменной индустрии не может быть сведен к обнаружению отдельных аналогичных или даже идентичных форм артефактов. Необходимо найти аналогии в древнем поведении, в действиях, приведших к имеющимся у нас результатам формообразования.

Следует также принять во внимание еще одно соображение. Жоховская стоянка — это весьма специфический памятник, представляющий собой остатки достаточно узкоспециализированного охотничьего стойбища. Более полный и го-

раздо более разнообразный спектр деятельности людей жоховской культуры происходил где-то вне пределов остова Жохова (Гиря, Питулько, 2003, с. 84). Поэтому не исключено, что полных аналогий жоховским технологическим контекстам не будет найдено никогда. Вполне возможно, что данная индустрия представляет собой лишь отдельный компонент, «походный вариант» более сложной и разнообразной палеоиндустрии, производственные процессы которой происходили на месте неизвестного нам «базового лагеря».

Технологические контексты стоянки Ракушечный Яр (раскопки Т.Д. Белановской 1960, 1966, 1968 гг., вспомогательный фонд ГЭ. Описание хранения 325-33-17)

Коллекция кремневых и каменных изделий, происходящая из нижних ранненеолитических слоев стоянки Ракушечный Яр, невелика — суммарно насчитывается 582 предмета (слои 23–11). Тем не менее по характеру полученного материала она очень показательна и информативна. Автор исследований памятника Т.Д. Белановская очень тщательно и скрупулезно опубликовала практически все материалы. Полнота и значимость этих публикаций до сих пор не подлежат никаким сомнениям (Белановская 1995).

Нами была предпринята попытка технологического анализа пластинчатых заготовок и нуклеусов из этих слоев. Собственно анализ проводился суммарно по всем находкам. Это обусловлено необходимостью иметь достаточный массив материала для сбора сколь-либо корректных наблюдений.

Общая характеристика комплексов каменного инвентаря нижних слоев стоянки

Ракушечный Яр и попытка его интерпретации

В целом комплекс каменного инвентаря стоянки Ракушечный Яр, несмотря на разбивку по слоям, выглядит достаточно однородным и обладает некоторыми специфическими чертами, которые в своей совокупности и характеризуют его. Эти черты (элементы) прослеживаются в большинстве слоев. Во всех слоях памятника для изготовления орудий использовался один и тот же кремль серого неоднородного цвета с различными включениями среднего качества. Периодически встречаются следы термической обработки. Шлифованные тесла и грузила с отверстиями изготавливались из камней песчанистых пород — алевролитов (сланец и песчаник).

Характеристики комплекса изделий из камня стоянки суммарно по всем слоям представлены следующими позициями:

1. Несомненно, мы имеем дело с индустрией, направленной на изготовление пластинчатых сколов. На это указывает наличие регулярных пластинчатых сколов со следами тщательной подго-

товки площадки и зоны расщепления и единичных монофронтальных нуклеусов с негативами пластинчатых снятий, другие нуклеусы в коллекции практически отсутствуют.

2. В целом особый интерес вызывает большое количество изделий со вторичной обработкой по отношению ко всему количеству предметов, найденных в конкретных слоях. Совершенно очевидно, что на исследованных участках поселения не производилось никаких операций, связанных с первичной обработкой камня. В противном случае процент дебитажа был бы несоизмеримо выше.

3. Устойчивые серии пластин с краевой ретушью и пластин с притупленными краями (практически срубленными крутой ретушью). Последние зачастую представляют собой сверла-проколки с невыделенным рабочим острием. В ряде случаев отмечено аналогичное изготовление сверл на заготовках из пластинчатых отщепов. В единичных случаях встречены геометрический микролит (трапеция, прямоугольник) и пластины с притупленным концом.

4. Представленные в коллекции скребки не образуют устойчивых серий и очень неоднородны по своему типологическому облику, зачастую мы имеем дело просто с заготовкой, на которой присутствует участок скребковой притупляющей ретуши.

5. Отмечается практически полное отсутствие в коллекции резцов.

6. В большинстве слоев присутствуют шлифованные подпрямоугольные тесла-стамески и тесловидные миниатюрных пропорций изделия из камней мягких пород. Практически все предметы изготовлены по одному образцу — тщательной шлифовкой всей поверхности и боковых граней с выводом конечной формы изделия. На некоторых орудиях по одной из боковых граней нанесен орнамент в виде параллельных или угловых насечек.

7. Во многих слоях присутствуют грузила из мягких пород камня с просверленным двусторонним отверстием. Размеры и формы использованных галек всегда различны и зачастую расколоты или несут следы грубого обкалывания. Просверленные отверстия имеют различные размеры и нестандартизованы.

8. Во всех слоях присутствуют обломки-фрагменты шлифовальных плит с обширными участками рабочих поверхностей, эти находки сопровождаются просто отщепами со шлифовкой.

9. Показательно также полное отсутствие какой-либо бифасиальной обработки изделий из камня во всех представленных комплексах.

Вопрос о месте каменной индустрии нижних слоев стоянки Ракушечный Яр и поиска аналогий рассматривается нами в отдельной работе, посвященной именной характеристике кремневого комплекса в целом (Лозовский, в печати).

Технологический анализ пластинчатых сколов стоянки Ракушечный Яр (слои 23–11)

Приступая к технологическому анализу пластинчатых изделий нижних слоев стоянки Ракушечный Яр, в первую очередь нужно отметить необычайно высокий процент содержания последних во всех изучаемых комплексах. При всей малочисленности находок изделий из камня процент присутствия пластин и изделий из них в среднем составляет примерно 30 % (табл. 2).

Среди находок пластинчатых заготовок процент найденных изделий из них также необычайно высок, и находки орудий на пластинах преобладают над находками «чистых» пластин в некоторых слоях в два раза. Это абсолютно неестественно для памятников эпохи каменного века, где заготовки, как правило, преобладают над конечными изделиями (табл. 3).

Очевидно, что мы имеем дело с комплексами со специфической подборкой инвентаря, который представлен в основном завершенными изделиями и минимальным количеством заготовок для изго-

товления других орудий взамен утраченных или сломанных в результате употребления. В пользу подобного утверждения свидетельствует также практически полное отсутствие в изучаемых слоях нуклеусов и продуктов их подправки, что также абсолютно нехарактерно для базовых памятников, где проводился полный цикл обработки кремня начиная от конкреций сырья до завершенных орудий. Целых нуклеусов найдено всего два в слое 20, еще три — в обломках в слоях 15 и 13. В большинстве случаев мы имеем дело с нуклеусами для отжима микропластин — об этом свидетельствуют характер негативов сколов (длинные при короткой ширине), плоский фронт скалывания и достаточно тупой угол между площадкой и фронтом скалывания. Единственный целый монофронтальный подконический экземпляр из слоя 20 демонстрирует детальную подготовку зоны расщепления: присутствует тщательное удаление карниза площадки, сама площадка нуклеуса также тщательно подготовлена и ретуширована. Фронтальная часть нуклеуса плоская, при этом негативы пластинчатых снятий слегка заходят на боковые края, образуя с тыльной частью достаточно острый угол. Угол между площадкой и фронтом скалывания — 90 градусов. Тыльная часть нуклеуса уплощена, выведено боковое ребро. Остальные находки нуклеусов представляют собой либо заготовки, либо обломки, которые в сохранившихся частях практически полностью повторяют описанный выше экземпляр. По слоям распределение нуклеусов (и их краткое описание) в коллекции выглядит следующим образом:

Слой 20. Нуклеусы представлены двумя экземплярами. Оба монофронтальные, уплощенные,

Таблица 2

изделия/горизонт	23	21	20	19	18	17	16/17	16	15	14	13	12	11
всего изделий из камня	8	18	65	18	7	9	5	3	44	53	109	47	196
пластин и изделий из них	0	3	17	5	0	1	1	0	18	16	31	16	69

Таблица 3

тип изделия/горизонт	21	20	19	17	16/17	15	14	13	12	11
пластина	1	7	2		1	7	7	17	5	28
орудия на пластинах	2	10	3	1		11	9	14	11	41
всего	3	17	5	1	1	18	16	31	16	69

со скошенными площадками, с оформлением бокового ребра, подконической формы. Собственно фронт скалывания абсолютно плоский, что указывает на определенный способ расщепления отжимом. Первый ($72 \times 56 \times 22$ мм) по сути является заготовкой с первыми неудачными из-за внутренних включений фронтальными снятиями и подготовленной площадкой. Второй нуклеус ($51 \times 39 \times 25$ мм) представляет собой абсолютно рабочий предмет в стадии интенсивного расщепления с негативами многочисленных пластинчатых снятий, площадка несет следы тщательной подготовки ретушированием. Как указывалось выше, рабочий угол между площадкой нуклеуса и фронтом скалывания составляет 90° . С фронтальной стороны присутствуют следы тщательной подправки — удаления карниза. По характеру многочисленных негативов пластинчатых снятий, плоскому фронту скалывания можно предположить, что скалывание велось путем отжима пластин (Белановская, 1995, рис. 7, 2).

Слой 16–17. Найден только один нуклеус, монофронтальный уплощенный грубо подконической формы $32 \times 41 \times 26$ мм. Представляет собой практически сработанную форму с подготовленной скошенной площадкой и несколькими фронтальными негативами сколов (отщепов). На тыльной части нуклеуса присутствуют короткие негативы пластинчатых снятий. По-видимому, это сломанная нижняя часть нуклеуса с дальнейшей попыткой его переоформления.

Слой 15. Заготовка нуклеуса ($50 \times 32 \times 29$ мм). Изготовлена из конкреции мелких размеров, с термическими повреждениями. Представляет собой монофронтальный уплощенный нуклеус со скошенной площадкой в первичной стадии расщепления.

Слой 14. Нуклевидный обломок. Представляет собой мелкую гальку кремня с попыткой оформления фронта скалывания — фиксируются негативы нескольких снятий с подготовленной площадки.

Слой 13. Нуклеусы этого слоя представлены двумя неполными экземплярами. Первый — нижняя часть монофронтального уплощенного нуклеуса с негативами многочисленных микропластинчатых снятий ($32 \times 30 \times 16$ мм). На тыльной

части нуклеуса присутствуют остатки тщательно выведенного ребра. Сам нуклеус раскололся по внутренней меловой каверне, часть которой видна непосредственно в самом сломе (рис. 2, 18). Второй предмет представляет собой массивное ныряющее окончание скола нуклеуса с участком выпуклого фронта скалывания и несколькими негативами пластинчатых снятий ($59 \times 32 \times 17$ мм). На внутренней стороне скола также присутствуют обширные участки с меловыми кавернами, из-за которых, собственно, и произошел брак расщепления. Небольшой сохранившийся участок площадки имеет подработку и следы редуцирования.

Слой 11. Нуклевидные обломки представлены двумя экземплярами. Один мелкий с несистемным круговым скалыванием, второй — скол нижней части нуклеуса с негативами пластинчатых снятий.

Практически идентичный характер оформления нуклеусов и отжимной способ получения пластинчатых заготовок присутствует в материалах стоянки Матвеев Курган. Все изученные Е.Ю. Гирей нуклеусы этого памятника демонстрируют те же черты — плоский фронт, достаточно тупой угол между фронтом скалывания и площадкой, уплощение тыльной части нуклеуса, выведение бокового ребра и выравнивание боковых поверхностей (одной или двух) как средства поддержания возможности возобновления слабой степени выпуклости поверхности скалывания за счет снятия краевого (углового) пластинчатого снятия с основной площадки (Гиря, 1997, с. 92–99).

Здесь необходимо отметить один удивительный факт — находки практически всех морфологически выразительных нуклеусов демонстрируют технику расщепления путем отжима пластинчатых заготовок, в то время как в самой коллекции собственно отжимные пластинки и микропластинки практически отсутствуют! Об этом свидетельствуют как метрические показатели пластин (соотношение длины к толщине заготовок), так и анализ характера ударных площадок и прилегающих к ним зон. Наиболее показательны в этом плане также промеры ширины и глубины ударных площадок заготовок (рис. 15, 6, 7). У большинства изученных экземпляров ширина площадки варьирует от 4 до 11 мм, при этом у некоторых экземпляров она еще

больше и доходит до 20 мм. Пик значений глубины площадки приходится на 2–4 мм и доходит до 8 мм глубины. Подобные огромных размеров площадки пластинчатых заготовок мало характерны для отжимной техники расщепления. Изучение характера обработки ударных площадок указывает на их относительно тщательную подготовку — более половины изученных заготовок имеют ретушированную ударную площадку (59 %), еще у 39 % заготовок площадка подготовлена предыдущим сколом и только у 2 % пластин площадка естественная (рис. 15, 4). Вызывает удивление относительно небольшое количество заготовок, имеющих следы редуцирования кромки ударной площадки — всего 55 % от всего изученного массива (рис. 15, 1). Использование приема абразивной обработки кромки площадки отмечено в единичных случаях (3,4 %) (рис. 15, 2). Подобное умеренное использование приема ретуширования и абразивной подготовки площадки достаточно нетипично для памятников этого периода, как правило, процент использования этих приемов обычно выше. Аналогичное наблюдение относится и к приему освобождения плоскости расщепления для будущей заготовки. Всего в 30 % случаев отмечено использование этого приема (рис. 15, 3).

Вышеизложенные наблюдения указывают на то, что хотя древние обитатели памятника были знакомы со всеми необходимыми способами контроля процесса расщепления, широко их они не применяли и, по всей видимости, ограничивались достаточно простым способом ударного расщепления с помощью мягкого отбойника или, скорее всего, с помощью посредника. Об этом свидетельствуют большие размеры площадок изученных пластин и относительная бедность зафиксированных приемов подготовки / подправки процесса расщепления. В этой связи вызывает удивление присутствие нуклеусов для отжима микропластин, которые были найдены хоть и не во всех слоях памятника, но все-таки распространены по всей изучаемой стратиграфической толще. Продуктов, связанных с этим процессом расщепления, нами не зафиксировано. Таким образом, получается парадоксальная ситуация — присутствие нуклеусов для отжима микропластин, с одной стороны, с другой стороны,

практически весь изученный массив пластинчатых заготовок указывает на ударную технику расщепления с помощью посредника. Примечательно, что в материалах расположенной по соседству стоянки Раздорская 2 присутствуют нуклеусы, связанные именно с ударным способом получения заготовок — рис. 41, 4, 6 (Цыбрий, 2008, с. 134). На приведенных автором иллюстрациях мы видим нуклеусы для получения пластин, у которых угол между фронтом скалывания и площадкой составляет 45–50 градусов, и в силу этого тыльная часть нуклеусов становится выпуклой. К сожалению, детального технологического изучения пластинчатых заготовок стоянки Раздорская 2 пока не проводилось, поэтому сравнить оба комплекса по технологии производства пластин мы не можем. Тем не менее совершенно очевидно, что на примере стоянки Ракушечный Яр мы сталкиваемся со случаем явно искусственного и целенаправленного подбор материала древними обитателями памятника. В пользу подобного предположения говорит также анализ характера дорсальной поверхности пластинчатых заготовок. Почти 63 % всех заготовок представляют собой «чистые» пластины, остальные 37 % — краевые сколы и сколы с пренуклеуса (17,5 % и 19,8 % соответственно) (рис. 15, 5). Столь высокий процент содержания регулярных пластинчатых заготовок не очень характерен для раннеолитических памятников, за исключением тех мест, где велось их целенаправленное производство, то есть и по этому параметру мы наблюдаем специфическую подборку материала.

Приведенные выше наблюдения позволяют нам констатировать, что кремневые комплексы нижних слоев стоянки Ракушечный Яр характеризуются исключительно специфическим набором продуктов расщепления, представляющих собой части различных технологических контекстов — отжимной технологии расщепления, представленной единичными нуклеусами и больше ничем, и ударного способа производства пластин, представленного только конечными заготовками и изделиями из них. Никаких других элементов этого последнего контекста на памятнике не фиксируется — нет ни нуклеусов, ни продуктов их подправки.

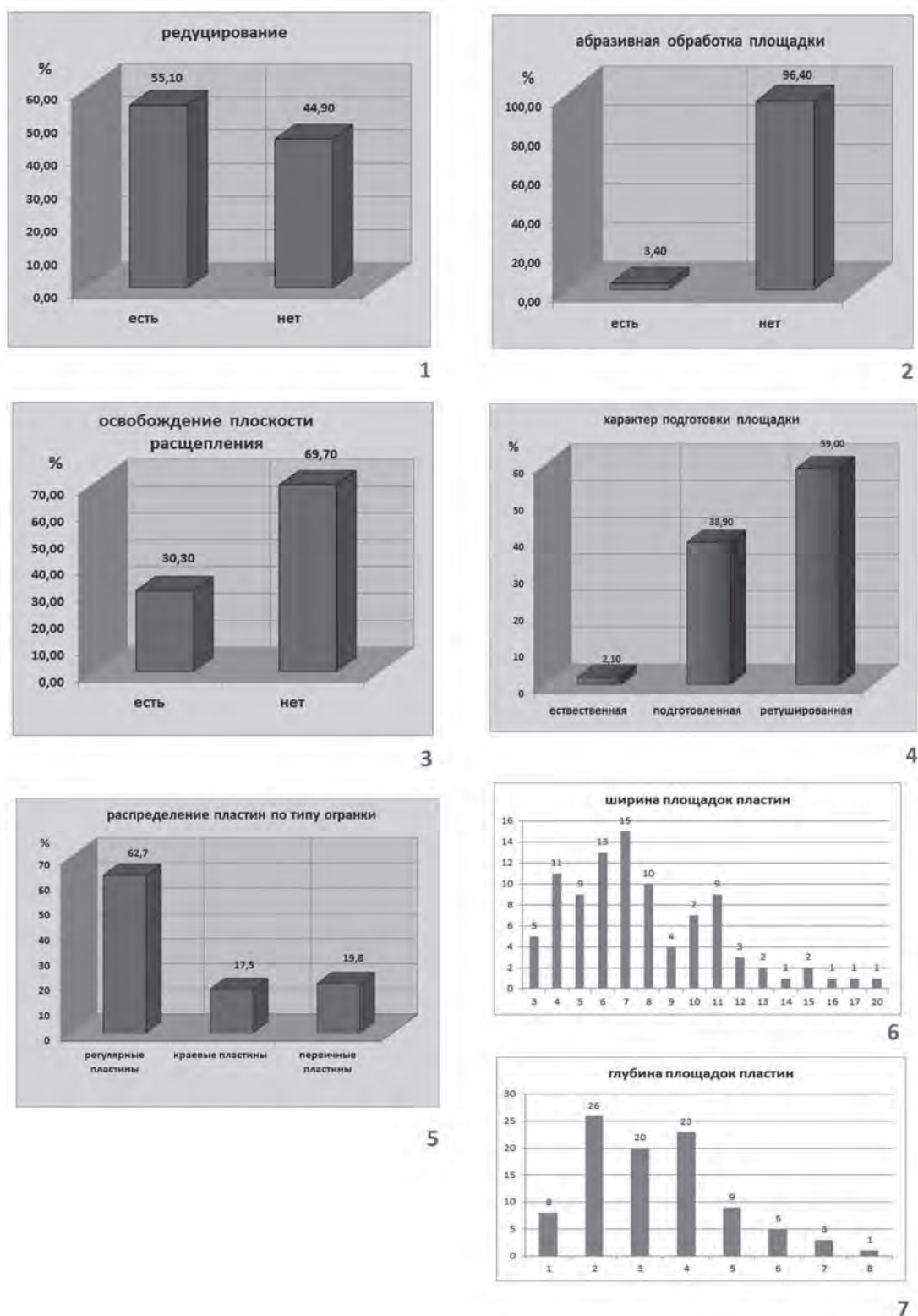

Рис.15. Стоянка Ракушечный Яр. Технологические параметры пластинчатых сколов

Сложившаяся ситуация получается очень неоднозначной и парадоксальной, однако, если принять во внимание весь каменный инвентарь изученных слоев стоянки Ракушечный Яр в целом, становится понятным, что он вообще обладает исключительной «избирательностью». Инвентарь характеризуется в основном сверлами и проколками на пластинах, изготовленными с помощью крутого ретуширования краев заготовки. Обломки этих орудий представлены в коллекции в виде пластин с круто-ретушированными одним или двумя краями. Вторая яркая группа — шлифованные тесла-стамески и миниатюрные тесловидные изделия. Очень важно отметить, что ни одно из тесел не отличается особой массивностью или усиленными следами сработанности. Размеры всех сохранившихся экземпляров варьируют в пределах $7 \times 4 \times 2,5$ см, то есть предположить их прямое использование для операций, связанных с грубой деревообработкой, на наш взгляд, затруднительно. И последняя группа — массивные грузила с отверстиями. Намеренный подбор материала, двусторонний способ сверления отверстия, подготовка площадки под сверление — все свидетельствует об особом подходе к изготовлению этих предметов. Остальные типы изделий либо не образуют типологически устойчивых групп и малочисленны

(скребки, микролиты) либо вообще практически отсутствуют (резцы). Все это, на наш взгляд, говорит только об одном: перед нами комплекс с очень специфической подборкой материала для очень узких и конкретных нужд, в котором отсутствует полный как технологический, так и типологический контекст. В данном случае, по нашему мнению, на облике всего инвентаря отразилась узкохозяйственная специфика памятника, связанная в основном с рыболовством. В силу указанных причин, подобного рода комплексы являются по сути неполными по составу форм в сравнении с базовыми стоянками, где присутствуют все элементы того или иного технологического контекста. И поэтому их полный сравнительный анализ между собой практически невозможен. В этой связи находит свое объяснение тот факт, что, несмотря на практически полувековую историю изучения памятника, ни один исследователь, в том числе и автор раскопок Т.Д. Белановская, не смогли прийти к какому-либо однозначному решению проблемы сопоставления каменной индустрии нижних слоев стоянки Ракушечный Яр с другими индустриями. По нашему мнению, корректно провести подобный анализ затруднительно именно в силу «неполноты» самого контекста (или точнее контекстов) каменной индустрии изучаемых слоев.

ВЫВОДЫ

На примерах двух различных индустрий нами показаны преимущества и перспективность использования метода технологического анализа как сравнительного морфологического исследования различных технологических контекстов продуктов расщепления. Определена степень неполноты различных технологических контекстов каждой из индустрий и высказаны предположения о характере отсутствующих в них форм артефактов. Очевидно, что метод традиционного морфографического (формально-типологического) подхода не позволил бы в полной мере понять и объяснить наблюдаемые нами явления. Это, в частности, подтверждается как многолетними попытками объяснения специфики каменной индустрии стоянки Ракушечный Яр и трудностями в поисках ее аналогий, так и неопределенностью положения

жоховской индустрии среди иных стоянок арктического круга.

В описанных нами ситуациях мы сталкиваемся с неполными технологическими контекстами и, как следствие, со специфическим набором конечных форм продуктов расщепления. Предвосхищая возможное недопонимание, хотим подчеркнуть — мы не обсуждаем *предположения* об отсутствии определенных форм в наборах продуктов расщепления конкретных индустрий, а *констатируем* непреложный факт их отсутствия. Мы обсуждаем факт действительного существования в древности форм, которые еще не были нами обнаружены, а возможно, никогда и не будут. Мы знаем об их существовании, поскольку связи между различными формами продуктов расщепления внутри технологических контекстов имеют непреложный при-

чинно-следственный характер. Если мы имеем дистальную часть крупной пластины, ее проксимальный конец *не мог* не существовать в момент ее производства, если в коллекции есть пластины — это значит, что где-то когда-то были и нуклеусы. Были обязательно, *не могли* не существовать.

Вероятно, в иных случаях (например, при исследовании «базовых стоянок») технологические контексты тех же индустрий, но представленные уже в более полном виде могут иметь совершенно иной облик. Состав различных форм артефактов в этих комплексах, соответственно, также может быть иным. Каменный инвентарь таких «базовых» памятников может во многом не совпадать с известными нам неполными совокупностями форм. Кроме того, теоретически также нельзя исключать, что носители одних и тех же культурных традиций кроме базовых стоянок могли иметь специализированные лагеря двух-трех или более типов, каменный инвентарь которых мог иметь иное назначение. Предметы, аналогичные конкретным формам артефактов, присутствующие в известных нам технологических контекстах «специализированных лагерей», возможно, никогда не будут найдены на базовой стоянке, поскольку нельзя исключать возможность того, что они там попросту были не нужны! Это означает, что связать базовую стоянку и иные памятники одной и той же группы древнего населения нам удастся, только лишь обнаружив присутствие в коллекциях различных памятников различных частей единых технологических контекстов. Простой пример: нуклеусы — на базе, пластины — в промысловом лагере. А что если деятельность одних и тех же людей в различных местах не предполагала перемещение артефактов? То есть для установления схожести или различия нескольких индустрий в данном случае придется отказаться от поиска подобия через традиционное статистическое сравнение тип-листов.

Декларируя это положение, мы не призываем к отказу от полной статистической обработки всех продуктов расщепления конкретных палеоиндустрий. Мы полностью разделяем мнение, что «для выявления облика данной палеоэтнологической культуры наибольшее значение должны иметь самые употребительные, то есть чаще всего встреча-

ющиеся, орудия» (Бонч-Осмоловский, 1928, с. 149). Мы лишь хотим акцентировать внимание на ситуациях, когда искомое сходство, иллюстрирующее родство или близость различных коллекций продуктов расщепления, следует искать в аналогичности не столько самих форм артефактов, сколько в способах их изготовления (технологиях). Поскольку не форма сама по себе, а именно технология — это отражение нормированного культурой человеческого поведения.

Какие же элементы наверняка будут присутствовать в иных, неизвестных пока нам более широких технологических контекстах рассматриваемых нами индустрий? Скорее всего, наиболее высокотехнологичные из них и те, что не связаны с изготовлением каких-то исключительных конкретных форм. К примеру, оформление различных по форме бифасов таким-то определенным способом или изготовление прецизионных пазов для вкладышей шлифованными резцами такого-то облика. Мы имеем в виду те случаи, когда можно будет показать и доказать, что артефакты морфологически различного облика, происходящие из различных памятников, изготовлены по одной весьма специфической, характерной для данной культурной традиции технологии.

Как было показано выше, совершенно очевидно, что каменная индустрия, происходящая с острова Жохова, представляет собой лишь отдельный «сегмент» гораздо более разнообразной по составу форм, но пока неизвестной нам индустрии «базовой» стоянки, на которой производились крупные нуклеусы и пластины, шлифованные тесла и молоты сложного, выполненного пикетажем профиля и т.д. То есть нам известно, как выглядит каменная индустрия жоховской культурной традиции лишь в варианте специализированного лагеря, связанного с нападением на самок белого медведя, рывших берлоги-ясли в снегу на склонах гор острова Жохова. А что если носители этой же культурной традиции имели где-то иные специализированные лагеря? Например, для охоты на северного оленя и/или ловли рыбы? Будут ли каменные индустрии этих стоянок аналогичны известным нам жоховским? Ответ очевиден — вовсе не обязательно. Мы также не исключаем возможности, что примером

возникновения подобной ситуации может послужить дальнейшее детальное сравнительное изучение стоянок Ракушечный Яр и Раздорская 2.

Благодарности

Рисунки каменных изделий со стоянки на о. Жохова выполнены Анастасией Абдульмановой.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000.
- Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб., 1995.
- Бонч-Осмоловский Г.А.* К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928. № 2–4. С. 147–186.
- Бонч-Осмоловский Г.А.* Палеолит Крыма. Вып. I. Грот Киик-Коба. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С.* Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: Каталог выставки. М.; Анадырь: Департамент культуры и спорта, туризма и информационной политики Чукотского автономного округа РФ; Государственный музей Востока; Восход, 2007.
- Гвоздовец М.Д.* О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 17–27.
- Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2). СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Гиря Е.Ю.* Изучение материальной культуры древнего населения Севера в контексте современных экспериментально-трассологических исследований // III Северный археологический конгресс. Доклады. 8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 92–108.
- Гиря Е.Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В.* Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье–2 // Древности Залесского края. Сергиев посад, 1997. С. 86–103.
- Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е.* Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–24.
- Гиря Е.Ю., Питулько В.В.* Мезолитическая культура высокоширотной Арктики: вкладышевые орудия и индустрия обработки камня // Петербургский археологический вестник. 1995а. Вып. 9. С. 43–61.
- Гиря Е.Ю., Питулько В.В.* Вкладышевые орудия и индустрия обработки камня мезолитической стоянки на острове Жохова // РА. 1995б. № 1. С. 91–109.
- Гиря Е.Ю., Питулько В.В.* Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: технологическо-трассологический аспект // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 74–84.
- Гладилин В.Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1976.
- Ефименко П.П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Лозовский В.М.* Каменная индустрия нижних слоев (23–11) стоянки Ракушечный Яр (ранний неолит) (вспомогательный фонд ГЭ. Описание хранения 325–33–17. Раскопки Т.Д. Белановской 1960, 1966, 1968 гг.). В печати.
- Любин В.П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 5. С. 7–75. (МИА. № 131).
- Питулько В.В.* Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 99–151.
- Цыбрий В.В.* Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д, 2008.
- McGhee R.* Technological Change in the Prehistoric Eskimo Cultural Tradition // Canadian Journal of Archaeology. 1980. № 4.
- Leroi-Gourhan A.* L'homme et la matiere. P., 1943.

С. Н. Лисицын¹

ТЕХНОКОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ²

Lisitsin S.N. Technocomplexes on the turn of the Pleistocene and Holocene in the forest zone of Eastern Europe

The traditional 'cultural' periodisation in Russian archeology of the Stone age is usually being applied for correlations of the local and global features in the material culture evolution in ancient communities. For most of the Final Paleolithic and Early Mesolithic sites the procedure of substantiation and dating of the distinct archeological cultures is based mainly on the stone tools typology and due to the almost total lack in natural-science data is always discussible. This resulted in appearance of the spacious tanged points provinces with ambiguous local-cultural subdivision inside. For example the similar stone industries are known as Bromme in Denmark, Perstunian in Poland, Krasnosillya in Belarusia and Ukraine and Podol in Russia. Another Final Paleolithic culture Swiderian local groups spread over Poland, Lithuania and Latvia as far as Russian Upper Volga to the north and in mountainous parts of Slovakia, Romania and Crimea to the south. The Early Mesolithic cultures trended as "post-Bromme" are known as Ahrensburgian in Germany, Fosna and Komsa in Scandinavia, Grensk in Belarusia, Pesochnyi Rov in Ukraine and Iyenevo in Russia. In a similar way "post-Swiderian" cultures are mapped as Pulli and Kunda — in Baltic countries and Belarusia, Veretye in South Karelia, Butovo in the Upper Volga and Parch in the North Dvina basins.

According to the vastitude of the assemblages expansion as they have spatial overlapping and continuation in the Final Paleolithic and Early Mesolithic these big communities could not be simply explained only in terms of the local cultures coexistence and dispersion. It is supposed that settlement patterns should correspond with trends of the technological adaptation and be determined by certain ecosystem models. Following G. Clarck, these big communities could be called technocomplexes i.e. assemblages of the single periodisation level differed in material culture features and individual econiches. Therethrough the expansion of Bromme-like cultures well fits with the first emergence of zonal pine wood vegetation spread in the deglaciated areas during the warm Allerod period. On the contrary the Younger Dryas extremum caused a shot regeneration of tundra-forest areas including the temperate alpine vegetation bands which were occupied by Swiderian-like cultures. In the Early Holocene the latitudinal vegetation zonality became stable and the southern pine wood vegetation and boreal taiga forest belts were reserved by "post-Bromme" and "post-Swiderian" communities respectively.

Культурно-археологическая периодизация, широко применяющаяся в отечественной проблематике изучения каменного века, традиционно ис-

пользуется для решения вопросов соотнесения локальных и общих черт в материальной культуре тех или иных групп древнего населения. Впервые идея культурной обособленности памятников рубежа палеолита и мезолита в лесной зоне Восточной Европы была сформулирована в 1930-е годы М.В. Воеводским, выделившим свидерскую стадию эппалеолита (Воеводский, 1934; 1940). Им же позднее впервые было осознано и региональное своеобразие мезолитических памятников Восточной Европы в сравнении с соседними территория-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

² Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект: «Преимущество и трансформации культурных традиций в среднем и верхнем палеолите Европы».

ми (Воеводский, 1950). Концепция мезолитической волго-окской археологической культуры, которую вслед за М.В. Воеводским развивал А.А. Формозов (Формозов, 1954; 1959), не выдержала проверку временем вследствие многократного увеличения числа памятников, более не вмещавшихся в рамки одной культуры. Новые материалы по мере их изучения демонстрировали все большее культурное многообразие местного мезолита (Аверин, 2002). Во второй половине 1970-х годов Л.В. Кольцов на материалах Волго-Окского междуречья обосновал выделение в мезолите Верхнего Поволжья двух основных локальных археологических культур — бутовской и иеневской (Кольцов, 1976; Крайнов, Кольцов, 1979). Л.Ю. Янитс обосновал выделение мезолитической кундской культуры Прибалтики (Янитс, 1966), а В.Д. Будько — гренской культуры Белоруссии (Будько, 1966). В 1980–1990-е годы региональное культурное разнообразие рубежа плейстоцена и голоцена было дополнено открытиями культур переходного типа. А.Н. Сорокин обосновал выделение рессетинской культуры (верхний/финальный палеолит), а Г.В. Сеницына — подольской культуры (финальный палеолит/мезолит) (Сорокин, 1987; Сеницына, 1996; 2000). История изучения прежних и выделения новых мезолитических культурных единиц отражена в ряде публикаций (Крижевская, 1950; Формозов, 1959; 1977; 1983; Зотько, 1994; Гурина, 1989; Кольцов, 1977; 1989; Аверин, 2002; Жилин, 2004а; 2004б; 2006; Сорокин, 2006; 2008; Трусов, 2011; Копытин, 1992; 2000; Ксензов, 1988; 2006). К рубежу XX–XXI вв. были заполнены основные «белые пятна» в периодизации финального палеолита и мезолита. Последняя в настоящее время понимается большинством исследователей как совокупность нескольких археологических культур, расположенных во взаимоотношениях хронологической последовательности, сосуществования и/или генетической преемственности — в промежутке от верхнего и финального палеолита до мезолита включительно.

Особенность понятия «археологическая культура» (АК) в применении к раннему каменному веку (палеолит — мезолит) в отличие от более поздних эпох состоит в том, что определяющее

значение здесь имеет наиболее массовый каменный инвентарь — в равной мере в технологическом (первичная и вторичная обработка сырья) и типологическом (формы орудий) аспектах. Такие традиционно значимые факторы, как погребальные сооружения, особенности устройства поселений и жилищ, мотивы орнаментации оружия или керамики, типология украшений и предметы культа, которые играют решающую роль при культуроразличении более поздних эпох, здесь отсутствуют или слишком редки (Григорьев, 1993). Наиболее разителен контраст в процедуре обоснования археологических культур для финального палеолита и мезолита, так как здесь набор источников ограничен в максимальной степени. Природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурного слоя, песчаные почвы в большинстве своем не позволили сохраниться органическим остаткам, а сами стоянки часто имеют свидетельства более поздних эпизодов заселения, почвенной турбации и смешения разновременных материалов. Исключения составляют редкие находки мезолитических памятников, шлейфы культурных слоев которых были связаны с древним аллювиальным осадконакоплением — озерными, речными и торфяниковыми отложениями (Жилин и др., 2002; Жилин, 2006; Ошибкина, 2006). По сути, смысловое наполнение большинства выделенных археологических культур финального палеолита и раннего мезолита по сравнению с неолитом связано с их исключительно техно-морфологическим содержанием. Первостепенными (культуроопределяющими) факторами выступают первичное расщепление и категориальный состав каменных орудий — наличие/отсутствие и вариативность черешковых наконечников и острий, скребков, резцов, рубящих изделий и микролитических изделий.

Касаясь интерпретации финала ледниковой эпохи и самого начала голоцена в центре Русской равнины, принципиально еще не сильно отличавшихся от позднеледникового, следует отметить особую специфику материалов этого времени для построения археологических палеореконструкций. Археологические культуры с черешковыми наконечниками стрел в сравнительно узком хронологи-

ческом диапазоне трех тысячелетий (12–9 тыс. л. н. С14), как считается, занимали огромные пространства лесной зоны Северной и Восточной Европы. Такая картина принципиально отличается от культурного многообразия или культурной «мозаичности» предшествующей верхнепалеолитической эпохи и последующей неолитической. Объяснение этого феномена традиционно зиждется на реконструкции удаленных связей групп населения, которые входили в область распространения охотников на северных оленей (Зализняк, 1989). Однако следует отметить, что природная обстановка центра Русской равнины, сравнительно быстро освободившегося от ледникового гнета, уже с беллинга (~12,8–12,3 тыс. л. н.) характеризовалась появлением лесной растительности. А широкое пространственное распространение финально-палеолитических памятников слабо сопоставимо с относительно скромными по масштабу сезонными маршрутами, зафиксированными у северных оленей (Лисицын, 2010). Например, финально-палеолитические памятники культуры бромме-лингби найдены на юге Швеции, в Дании, Польше, Литве, Белорусском и Украинском Полесье и на Валдае. Памятники свидерской культуры на рубеже финального палеолита и мезолита занимали пространства от бассейна Вислы до Поднепровья и от Латвии до Словакии и Румынии включительно, а наиболее отдаленные памятники зафиксированы на севере в Вологодской области (Марьино 4) и далеко на юге в горном Крыму (Сюрень 2, Буран-Кая 3).

Ранние мезолитические археологические культуры в рамках периодизации раннего голоцена с «поствидерскими» черешковыми наконечниками и вкладышевой техникой — бутовская, кундская, веретьенская, парчевская — также располагались в большом пространственном диапазоне: от Прибалтики, Валдая и Южной Финляндии до Волго-Окского междуречья и Республики Коми. А аналогичное по степени внутреннего сходства, но инокультурное единство памятников с асимметричными «постаренбургскими» черешковыми наконечниками и трапециями гренской, песочно-ровской, иеневской, зимовниковской и, вероятно, усть-камской культур охватывало южную часть

лесной зоны от Понеманья, Поднепровья и Десны до Верхневолжья, Подонцовья и нижнего Прикамья.

В рамках традиционной культурно-археологической парадигмы сложно представить функционирование столь значительных культурно-родственных популяций охотников, сходство каменных индустрий которых фактически не позволяет определить четких различий между соседними археологическими культурами. Предшествующая эпоха верхнего палеолита, сравнительно богатая археологическими источниками, характеризуется большим разнообразием выделенных локальных культурных единиц на сопоставимых по охвату территориях Русской равнины. Археологические различия между верхнепалеолитическими культурами прослеживались на разных уровнях — и в каменной, и в костяной индустрии, и в поселенческих структурах, и в искусстве. Финально-палеолитические и мезолитические культуры в своем большинстве лишены подобной возможности для сопоставлений.

Следует признать, что группы населения, с которыми связана происхождением та или иная археологическая культура, не могут быть достоверно установлены на изучении лишь каменного инвентаря. В частности, происхождение раннемезолитических комплексов Южной Фенноскандии (Саареноя 2, Ристола, Киркколаhti 1) и Прионежья (Веретье 1) в равной мере связывается с бутовскими памятниками Верхневолжья и кундскими Прибалтики (Takala, 2004; Жилин, 2002; Лисицын, Герасимов, 2008). Генезис иеневской культуры (Усть-Тудовка 1, Ростиславль, Брагино) равнозначно обоснованно возводится к гренской или песочно-ровской культурам, а также к комплексам южно-балтийского аренсбурга или пережиточного бромме-лингби (Жилин, Кравцов, 1991; Кольцов, 1994; 2006; Сорокин, 2006; 2008; Сорокин и др., 2009; Трусков, 2011; Жилин, Кольцов, 2008). При фактическом отсутствии комплексных данных по естественно-научной аналитике, а также дополнительных источников для характеристики материальной культуры у подавляющего большинства памятников подобные вопросы в настоящее время не могут быть разрешены в принципе. Следовательно,

периодизация памятников рубежа плейстоцена и голоцена на основании группировки по археологическим культурам в лесной полосе Восточной Европы не отвечает тем задачам, которые зачастую на нее возлагаются.

Сходная методологическая проблема еще ранее возникла перед исследователями финального палеолита и раннего мезолита Северной Европы, обладавших сходной источниковой базой. Обобщение материалов по данному периоду в Южной Скандинавии и Северной Германии было инициировано основополагающими работами Грэхэма Кларка (Clark 1936; 1975), введшего понятие культурной области памятников с черешковыми наконечниками Северной Европы, и развито Вольфгангом Тауте (Taute 1968), который подробно описал последовательность «культурных групп» (гамбург, федеремессер, бромме-лингби, аренбург, свидер). В 1970-е годы этнокультурное наполнение терминологии в применении к материалам финального палеолита и мезолита по указанным причинам стало постепенно замещаться формальным техноморфологическим. Последнее выразилось в распространении определения «комплекс индустрий с черешковыми наконечниками» для совокупности памятников рубежа плейстоцена/голоцена, территория распространения которых к этому времени была прослежена вплоть до Восточной Европы (Kozłowski, Kozłowski, 1977; Clark, 1975; Кольцов, 1977). Более компактный эквивалент термина — «технокомплекс» — закрепился в 1980-е годы в качестве инструмента для группировки не только североευропейских, но уже и остальных палеолитических индустрий вне региональной привязки: ориньяк, граветт и др. (Gamble, 1986; Hahn, 1987).

Впервые понятие «технокомплекс» в применении к археологическим реконструкциям употребил Дэвид Кларк в монографии «Аналитическая археология» в 1968 г. «Технокомплекс — группа культур, характеризующаяся инвентарными наборами, объединенными несопряженным образом, но различными по типологической специфике всех основных серий артефактов, понимаемая как широко распространенная и взаимосвязанная реакция на общие факторы окружающей среды, экономики и технологии» (Clarke, 1968, p. 669). Технокомплекс

трактовался как способ систематизации групп населения с однотипным хозяйством в контексте их зависимости от экологического окружения и технической оснащенности. Фактически такое понимание было очень отвлеченным и позволяло применять это определение в широком интерпретационном диапазоне (Бочкарев, 1975). В результате у археологов, взявших на вооружение термин «технокомплекс», его употребление оказалось размытым — от отождествления с локальной археологической культурой (гамбургский технокомплекс) или вариантом культурного развития (мустьерский технокомплекс) до характеристики целой археологической эпохи (верхнепалеолитический технокомплекс). Тем не менее использование в понятийном аппарате понятия «технокомплекс» в противоположность археологической культуре имело ряд преимуществ. Во-первых, это избавляло исследователей от проблемы ущербности источников, так как сужение источниковедческой базы до каменного инвентаря позволяло включать в общий сравнительный контекст индустрии «полноценных» археологических культур вместе с «неполноценными». Во-вторых, это давало возможность объяснять территориально удаленные локальные различия или сходства альтернативными причинами, прежде всего хозяйственными, не касаясь риторических вопросов о наличии/отсутствии культурно-генетических связей. В-третьих, термин «технокомплекс» был не столь жестко связан с хронологией и пространственными границами, без определения которых не считается достаточно обоснованной ни одна археологическая культура и поэтому не может иметь четкой позиции в периодизации.

Примером такого подхода может служить, например, обзорная классификация каменных по техноморфологическим признакам индустрий палеолита и мезолита, приведенная в статье В. Мигала (Migal, 2007). Согласно польскому исследователю, для граветта был характерен жесткий каменный и мягкий роговой отбойник, ударная техника, 1–2 площадочные нуклеусы, прямые площадки, пластины с заостренным дистальным концом. Мадлен — это жесткий и роговой отбойник, ударная техника, одно-двухплощадочные нуклеусы,

косые площадки с «губой» и овальные в плане, пластины с изогнутым профилем. Федермессер — жесткий и роговой отбойник, ударная техника, одноплощадочные нуклеусы без подготовки с ровным краем, прямые площадки, иррегулярные пластины. Бромме-лингби — жесткий отбойник, ударная техника, одно-двухплощадочные нуклеусы без подготовки с рваным краем, пластины с заостренным дистальным концом, выраженный бугорок на сколах. Свидер — каменный жесткий и каменный мягкий (для пластин), а также роговой отбойник, ударная техника, двухплощадочные нуклеусы с подправкой, точечные площадки, изогнутые пластины. Гамбург — каменный жесткий, каменный мягкий и роговой отбойник, ударная техника, двухплощадочные нуклеусы. Яниславице — роговой отбойник, отжимная техника, нуклеусы с плоским фронтом, ровные правильные пластины. И, наконец, кунда — это роговой отбойник, отжимная техника, конические нуклеусы с круговым фронтом, ровные правильные пластины (Migal, 2007, p. 187). Специфической чертой палеолитических технокомплексов с метательными наконечниками на пластинах (черешковыми, листовидными или с боковой выемкой), отличающей их от всех остальных, по В. Мигалу, является дифференцированное использование пластинчатой техники. Для серийного производства пластин использовалось простое скалывание без предварительного моделирования формы будущей заготовки на фронте нуклеуса. Но для получения заготовок наконечников с естественным заострением конца применялись различные приемы предварительной подготовки фронта нуклеуса перед скалыванием, что отдаленно напоминает стратегию расщепления леваллуа.

Следует отметить, что, несмотря на повсеместное использование понятия технокомплекса для ранжирования каменных индустрий, в зарубежной литературе его конкретизация после довольно расплывчатой формулировки Д. Кларка, похоже, не нашла продолжения, или по крайней мере мне таковые не известны. В отечественной историографии первым близким к технокомплексу термином было понятие «культурная зона» А.А. Формозова — объединение археологических культур по

типу хозяйства в отличие от «культурной области», имевшей, по его мнению, этнокультурную подоснову (Формозов, 1959; 1977). Дальнейшее развитие такого противопоставления акцентов нашло продолжение в дискуссии 1970–1980-х годов между сторонниками выделения природно-хозяйственных и этно/историко-культурных областей в степной и приледниковой зонах верхнего палеолита на Русской равнине (обзор см.: Аникович, 1998; Сапожников, 2003; Васильев, 2008). Однако к концу 1990-х годов обсуждение вопросов по сути этнологических и социологических с использованием фрагментарных археологических данных фактически привело эту дискуссию в методологический тупик (Васильев, 2002).

Новую трактовку технокомплекса опубликовал в монографии по археологической типологии Л.С. Клейн: «Технокомплекс — объединение нескольких археологических культур в рамках одной ступени археологической периодизации (и противопоставление их другим культурам этой ступени) по сходствам техники и по хозяйственным традициям» (Клейн, 1991, с. 394). Следовательно, по Л.С. Клейну, в определении технокомплекса нововведением является соблюдение принципа относительной синхронности входящих в него археологических культур. Близкое значение к формулировке Л.С. Клейна имеет «блок культур» В.С. Бочкарева, применявшийся им в периодизации бронзового века (Бочкарев, 1995).

Альтернативную интерпретацию технокомплекса предложил М.В. Аникович: «Технокомплекс (ТК) — это относительно устойчивая система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством» (Аникович, 1998; 2005). Согласно М.В. Аниковичу, достаточным условием для выделения технокомплекса являются признаки внешнего технико-типологического сходства артефактов в отрыве от хронологии. Такое сходство возникает самопроизвольно в каменных индустриях, которые могут быть удалены друг от друга в пространстве и во времени и друг с другом никак

не связаны. Немногочисленность крупных палеолитических технокомплексов (ориньякоидный, селетоидный, граветтоидный, афонтовский), согласно М.В. Аниковичу, проистекает из ограничений в вариабельности технических решений палеолита. Следовательно, в данной формулировке технокомплекс — абстрактная конструкция, имеющая отношение не столько к археологической периодизации, сколько к эпистемологии теории культуры. Сходное, но менее универсальное содержание в рамках культурной систематики имеет термин «путь развития», ранее выдвинутый и развитый Г.П. Григорьевым для ранжирования индустрий мустье и раннего верхнего палеолита Европы (Григорьев, 1966; 1968; 1988).

В коллективном словаре-справочнике по палеолиту, изданном в 2007 г., технокомплекс также понимается как исключительно классификационное понятие: «Технокомплекс. Группа индустрий, необязательно связанных генетически или близких территориально, но характеризующихся использованием сходных технологий, порождавших определенное сходство инвентаря в целом» (Васильев и др., 2007, с. 253).

Специфическое значение технокомплекса было предложено В.В. Сидоровым, который использовал его «для обозначения стихийной комбинации фиксируемого в данной культуре набора типов, английское tool-kit» (Сидоров, 2002, с. 9). То есть здесь технокомплекс воспринимается как один из компонентов археологической культуры — в качестве категории ее объектов (источников): керамики, орудий и т.п. «Относительная независимость разных технокомплексов в составе культуры создает возможность для продуктивной интерпретации смешанных комплексов, которых в археологическом материале подавляющее большинство» (Сидоров, 2000, с.9). Кроме собственного определения у В.В. Сидорова такое понимание технокомплекса подробной разработки пока не получило, хотя трансформация ударной техники раскалывания у последовательности культур им объясняется эволюционно-технологическим образом. Так, предполагается, что в финальном палеолите происходило развитие усть-камской культуры в броммелинги, затем в аренсбургскую, иеневскую и,

наконец, в мезолитическую бутовскую отжимную («вкладышевый технокомплекс», по В.В. Сидорову). Такая эволюционная цепочка объясняется динамикой общего процесса технологической эволюции в раннем мезолите (Сидоров, 2009, с. 159).

Как видно из приведенных примеров, однозначного понимания технокомплекса не существует, а большинство определений исходит из его понимания как служебного термина. С этой точки зрения применение термина «технокомплекс» в любой археологической периодизации является факультативным. Его методологическая шаткость объясняется использованием в нечетком иерархическом соотношении с археологической культурой в ее традиционном (этно-) или культурно-историческом смысле, хотя технокомплекс, видимо, был введен Д. Кларком именно в попытке преодолеть такую содержательную субъективность культуроразличия при интерпретации внешних морфологических сходств. С моей точки зрения, техноморфологический метод в применении к археологической периодизации, хотя и не является универсальным, может быть полезен как раз в таких случаях, когда применение культурно-археологического подхода оказывается методологически ущербным вследствие недостатка полновесных источников для обоснования локальных археологических культур. Периодизация от этого становится более общей и менее пригодной для исторических реконструкций, но при этом остается «рабочей». Классификация по археологическим культурам при этом не противоречит параллельной классификации по технокомплексам. Группировка по технокомплексам использует организацию по тем же наборам признаков, но в ограниченном информативном поле одного источника — каменного инвентаря, являющегося составной частью обеих систем. В этом отношении прав Л.С. Клейн: смысл выделения технокомплекса существует лишь в рамках одной периодизационной ступени, только тогда он может быть пригодным для решения археологических задач.

Парадоксальным образом у М.В. Аниковича приблизительно такому же пониманию соответствует определение историко-культурной области.

«Историко-культурная область (ИКО) — это совокупность археологических культур и памятников, культурная принадлежность которых не определена или спорна, существовавшая в более или менее строгих территориальных границах в пределах определенного отрезка времени, меньшего протяженности археологической эпохи, обладающая чертами культурного сходства, которые не совпадают или совпадают лишь частично с характеристиками АК данной территории, но которые отличают данную ИКО от ИКО, прослеженных на соседних территориях» (Аникович, 2005). Несмотря на «культурное» звучание, согласно М.В. Аниковичу, ИКО имеет целиком хозяйственно-экономическое наполнение, выраженное спецификой охотничьей деятельности. Так, исследователь выделяет в верхнем палеолите Русской равнины юго-западную ИКО охотников на северного оленя, южную ИКО охотников на бизона и центральную ИКО охотников на мамонтов (Аникович, 1992; 1998). Аналогичную концепцию разработал Л.В. Зализняк на материалах индустрий с черешковыми наконечниками финального палеолита, объединив их в область распространения охотников на северного оленя (Зализняк, 1989; Зализняк, 2005; 2009). К сожалению, за скобками хозяйственных разработок остаются интерпретации различий в облике материальной культуры охотников на одних и тех же виды животных в территориально удаленных областях. Например, в позднем палеолите Южной Сибири и мадлене Западной Европы, где северный олень являлся основным промысловым видом, основную роль в инвентаре играли костяные, а не каменные наконечники, а также вкладышевая техника. В финальном палеолите приледниковой Европы и Северной Америки, наоборот, господствовали метательные наконечники из камня, а технология микропластин отсутствовала. То есть тезис о специализации в добыче отдельных видов животных не может напрямую объяснять сходства и различия в облике материальной культуры локальных популяций охотников.

Таким образом, построение периодизации материалов палеолита и мезолита при привлечении ограниченных источников нуждается в использовании надкультурной систематизации по формаль-

ным признакам. В данном контексте технокомплекс требует определения вне интерпретационных оценок (культурных, хозяйственных, этнических), однако формулировка этого понятия для целей археологической периодизации должна иметь обязательную привязку и к хронологии, и к естественному окружению. *Технокомплекс — совокупность археологических памятников и групп памятников, выделенная на одной ступени археологической периодизации в определенных пространственно-временных и природных границах, которая по технико-типологическим особенностям массового инвентаря противопоставляется аналогичным соседним совокупностям памятников.* В данной трактовке технокомплекс позволяет оперировать и отдельными памятниками, и археологическими культурами или их синкретическими группами в тех случаях, когда типологических данных для культуроразличения недостаточно. При появлении последних в процессе новых исследований внутри технокомплекса возможно выделение локальных археологических культур, культурных вариантов и т.д.

Примером использования принципов техноморфологической классификации может считаться исследование Б. Мадсена, применившего их к каменным индустриям финального палеолита Южной Скандинавии (Madsen, 1996). Такой подход позволил исследователю продемонстрировать четкие различия на массовом материале — нуклеусах, дебитаже без привлечения орудийного набора — и описать стратегии расщепления на примере гамбургских комплексов Йельс 1 (Jels 1), Йельс 2 (Jels 2), комплекса типа федермессер Слотсенг 2В (Slotseng 2B) и памятника бромме Хейггорт (Højgård). Датский исследователь использовал для анализа техники расщепления пластины с целым проксимальным концом, у которых сохранилась ударная площадка с примыкающими к ней вентральными и дорсальными участками заготовки, несущими следы предварительной подготовки к скалыванию, а также технологические свидетельства использования мягкого или жесткого отбойника. Набор этих признаков был разделен Б. Мадсеном на пять групп (рис. 1). Группа А (№ 1–8) отражает степень намеренной фрагментации заготовки (на рис. 1 эта группа пропущена);

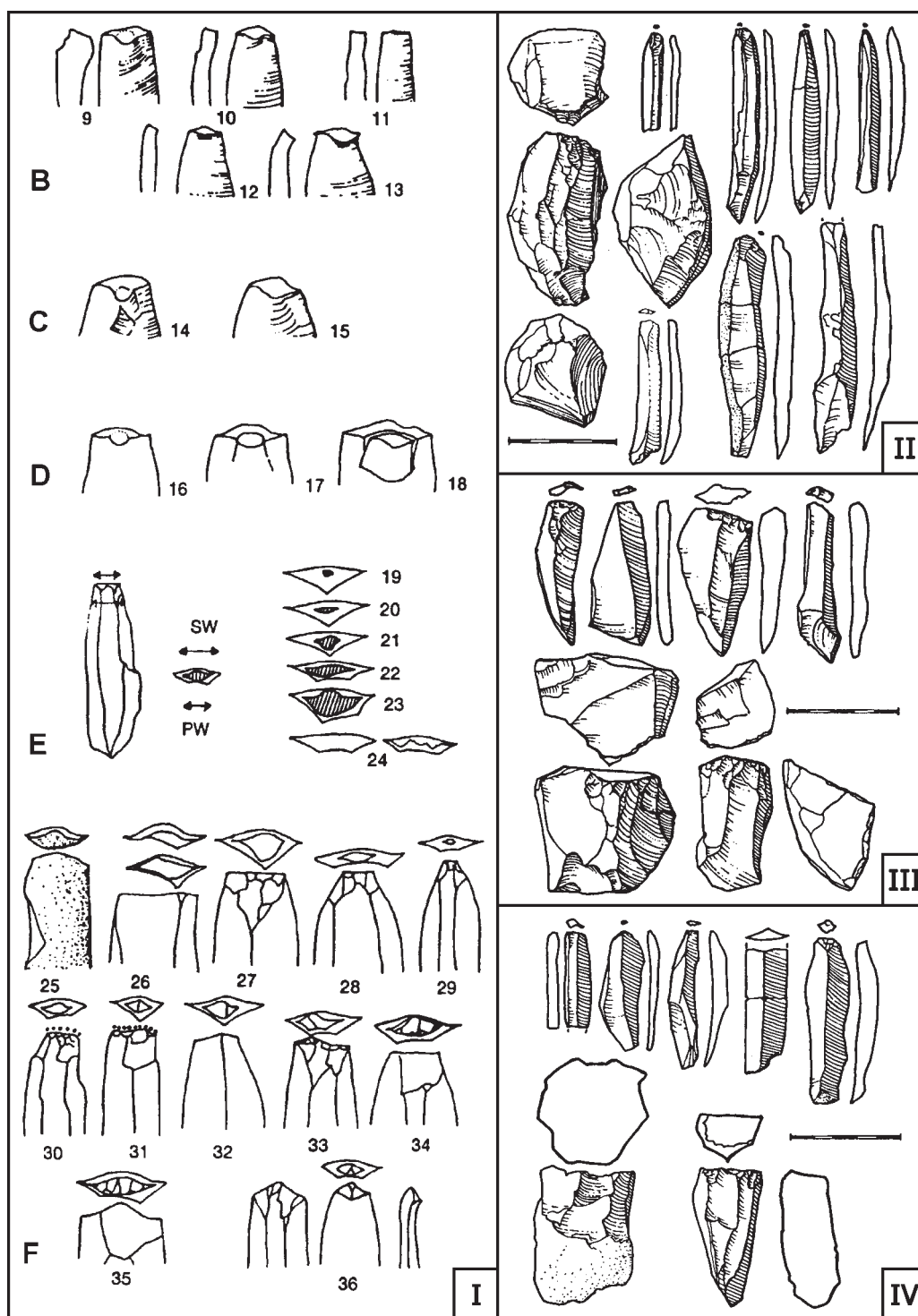

Рис. 1. Техноморфологическая классификация продуктов регулярного пластинчатого расщепления (по: Madsen, 1999): А — схема признаков расщепления пластин; Б — технологический контекст гамбургской индустрии (Йельс); В — технологический контекст индустрии федермессер (Слотсенг 2В); Г — технологический контекст индустрии бромме (Хейгорд)

группа В (рис. 1, 9–13) характеризует форму и расположение ударного бугорка; группа С (рис. 1, 14–15) — наличие или отсутствие негатива микроотщепов на ударном бугорке; группа D (рис. 1, 16–18) — формирование атипичного конуса расщепления при сильном ударе; группа Е (рис. 1, 19–24) — соотношение размеров площадки к ширине пластины; группа F (рис. 1, 25–36) — соотношение типа ударной площадки и предварительной дорсальной обработки поверхности нуклеуса.

При сравнении индустрий по признакам, отраженным в диаграмме (рис. 2), Б. Мадсен пришел к заключению, что гамбургский стиль расщепления сводится к использованию прямого удара мягким или средней жесткости отбойником по фасетированной площадке нуклеуса с предварительной подтеской и/или грубой пришлифовкой карниза. Нуклеусы имели встречное расщепление и скошенные площадки. В результате получались достаточно узкие пластины с небольшой (8–15 мм) ударной площадкой, большинство из которых не превышали в длину 4–8 см. Для федермессера была характерна утилизация подцилиндрических или подконических, одно- и двухплощадочных ядрищ с широким фронтом расщепления и гладкими или крупно-фасетированными площадками. Техника бромме, по результатам анализа Б. Мадсена, отличалась прямым ударом твердым или среднетвер-

дым отбойником по нуклеусу на твердой подставке. Нуклеус обтесывался до коническо-цилиндрической формы. Угол скалывания был не менее 75 градусов. На серийных пластинах, которые в среднем превышали по массивности гамбургские, наблюдалась подтеска карниза. В целом пластины получались более грубые и прямые. В отличие от гамбурга в бромме была менее развита техника подправки и утилизации нуклеуса, больше оставалось отходов производства.

Методика Б. Мадсена была применена мною для сопоставления южноскандинавских материалов с финальнопалеолитической мастерской Аносово 1 на Днепре. Наличие наконечников типа лингби, находящихся аналогии с датским бромме, в типологически бедном инвентаре Аносово 1 потребовало привлечения и всего контекста технологии расщепления днепровского памятника для достоверности сравнения (Лисицын, 2002). В результате изучения нуклеусов (396 экз.) и пластин с сохранившейся площадкой (221 экз.) было установлено, что использование жесткого отбойника и преобладание массивных линейных площадок Аносово 1 над точечными находит полное совпадение в бромме. Формы нуклеусов тоже соответствуют данному технокомплексу, хотя предварительная подготовка и переоформление нуклеуса, возможно, носили более тщательный характер (рис. 3).

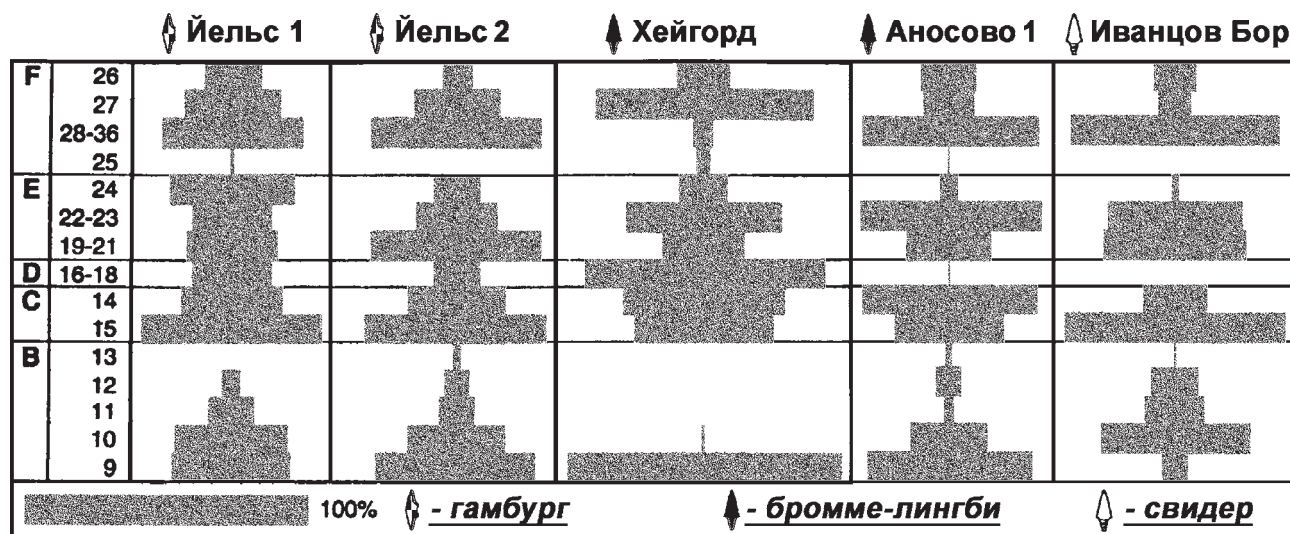

Рис. 2. Процентное соотношение признаков расщепления на пластинчатых заготовках (по: Madsen, 1999, с добавлениями)

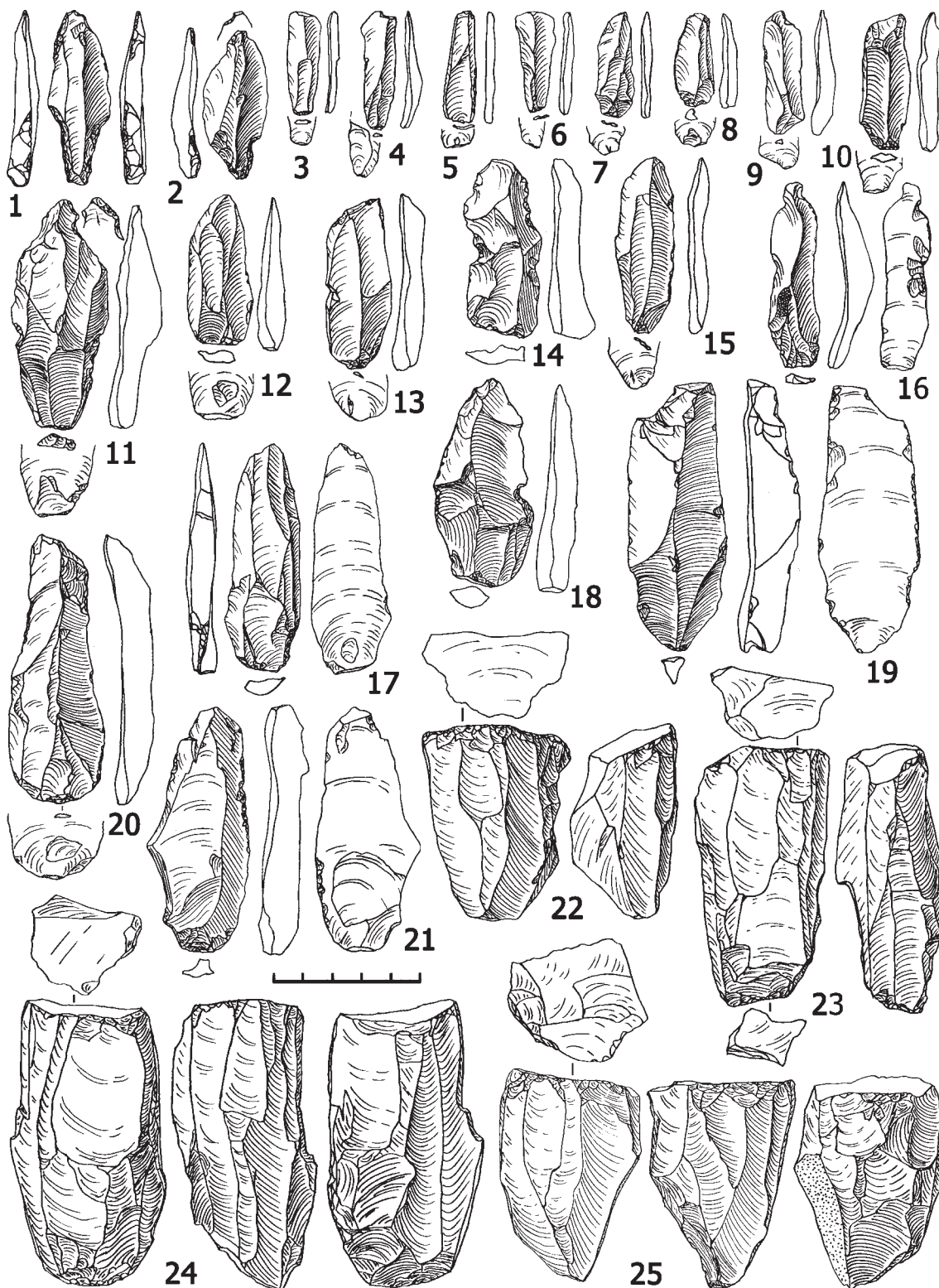

Рис. 3. Технологический контекст индустрии бромме на стоянке Аносово I

Еще один яркий пример технокомплекса бромме на Русской равнине дает верхневолжский памятник Подол III на оз. Волго с серией крупных наконечников лингби, отнесенный Г.В. Синицыной к подольской археологической культуре (Синицына, 1996; 2000). Здесь специального технологического анализа не проводилось, но, судя по наиболее полному ремонту нуклеуса и морфологии полученных с него массивных пластинчатых сколов, комплекс бесспорно имеет технологический облик бромме.

Хозяйственную специфику носителей восточноевропейского бромме определить однозначно довольно сложно за неимением находок фауны на памятниках. Однако материалы этой культурной традиции и на южном побережье Балтийского моря, и в Восточной Европе находились исключительно в пределах зоны смешанных сосново-березовых лесов с заметным участием ели (Madeyska, 1999; Восточноевропейские леса, 2004; Эволюция экосистем, 2008; Симакова, 2008). На датских стоянках бромме содержится типичная лесная фауна, в частности такие животные, как лось, косуля и бобр, тогда как северный олень на них был представлен находками преимущественно рогов (Aaris-Sorensen, 1995; Bratlund, 1996; Larsson et al., 2002). Поэтому можно говорить о соотношении хозяйственно-культурного типа населения бромме с охотниками лесной зоны, а никак не с обитателями лесотундры или тундры. В качестве локальных вариантов, обнаруживающих тесное сходство с бромме, на территории Восточной Европы известны сразу нескольких, вероятно, одновременных археологических культур, выделенных исключительно на кремневых материалах: *перстунская* (по К. Шимчаку) — для северо-востока Польши, *красносельская* (по Л.Л. Зализняку) — для Поднепровья и Понеманья, *подольская* (по Г.В. Синицыной) — для Верхневолжья (Зализняк, 1989; Зализняк, 1999; Zaliznyak, 2006; Синицына, 1996; 2003; Синицына и др., 1997; Васильев и др., 2005; Szymczak, 1987; 1995; 1996). Объединение всех этих культур в один технокомплекс с общей территорией распространения позволяет предложить логичную историческую интерпретацию. Технокомплекс бромме — общий для Северной и Восточной Европы этап

периодизации финального палеолита, соответствующий времени от середины аллереда до самого начала позднего дриаса (11,5–10,8 тыс. л. н.) и являющийся следствием первичного этапа формирования экологической ниши охотников лесного пояса.

Ранее о важности реакции материальной культуры людей на глобальные экологические изменения, фиксируемой на археологических материалах рубежа плейстоцена и голоцена, неоднократно писали П.М. Долуханов и Л.Л. Зализняк, но интерпретировали их по-разному. Согласно Л.Л. Зализняку, появление населения бромме-лингби было связано с потеплением аллереда, а резкое похолодание позднего дриаса спровоцировало его продвижение с запада на восток (Зализняк, 1989; Zaliznyak, 2006). П.М. Долуханов главным фактором не столько миграционной, сколько кросскультурной смены технологического облика охотничьего инвентаря считал радикальное видоизменение всего спектра пищевых ресурсов человека по сравнению с верхним палеолитом и связанное с этим повышение степени мобильности групп населения (Долуханов, 1977; 1979; 2000).

По-видимому, феномен пространственного расширения территориальных границ технокомплексов (вынужденная миграция, направленная экспансия, аккультурация и т.п.) в относительно узких хронологических рамках не может объясняться какой-либо одной причиной, а должно иметь комплексное детерминированное объяснение. Археологические данные, к сожалению, практически не обеспеченные в этом случае данными естественных наук, таких возможностей не предоставляют. Однако важно отметить совпадение по времени двух явлений — массового производства первых черешковых наконечников стрел и широтного распространения лесной растительности, которые впоследствии на протяжении всего мезолита в лесной зоне Восточной Европы были устойчиво связаны друг с другом.

Другой финальнопалеолитический технокомплекс Восточной Европы — свидерский, насчитывающий, согласно подсчетам Л.Л. Зализняка, уже более тысячи памятников, настолько однороден по технологии расщепления, что выделение культур

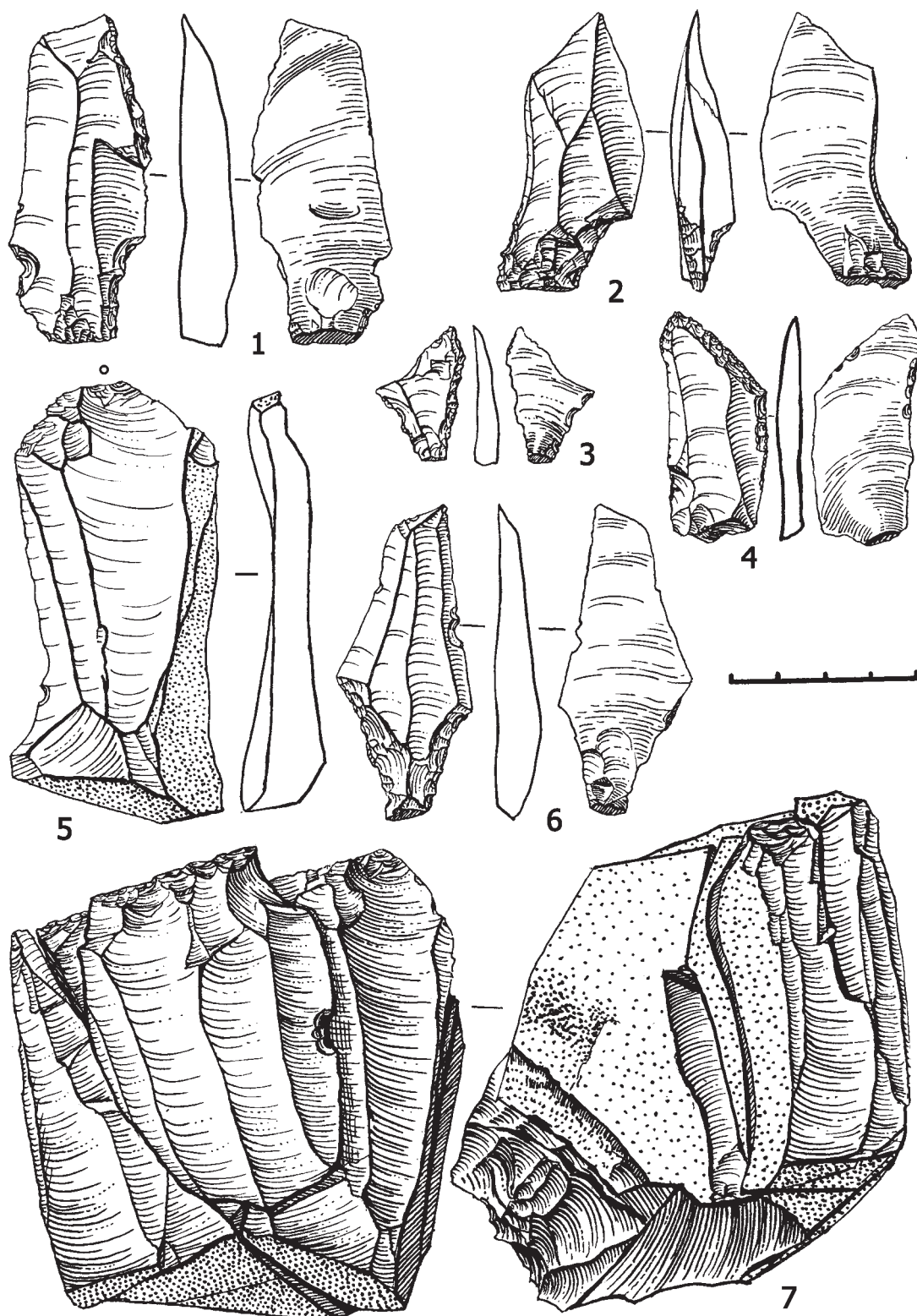

Рис. 4. Технологический контекст индустрии бромме на стоянке Подол III/1 (по: Сеницына, 1994; 1996)

внутри его ареала не произошло. Предпринимались лишь попытки вычленить только локальные варианты или этапы периодизации свидера — исключительно на основании вариаций в тех или иных комплексах разных типов наконечников (черешковых плечиковых или листовидных бесплечиковых) с вентральным оформлением насада (Кольцов, 1977; Зализняк, 1989). Для свидера характерна высокоразвитая пластинчатая техника, первичное раскалывание с помощью рогового отбойника и посредника, удлинённые двухплощадочные нуклеусы встречного снятия со скошенными площадками и выпуклым фронтом («ладьевидные»), а также одноплощадочные, с которых скалывали узкие правильные пластины и микропластины. Контраст свидерского стиля расщепления по отношению к бромме был прослежен по той же методике Б. Мадсена на материалах свидерской стоянки Иванцов Бор в Подвинье (рис. 5). Нуклеусов в комплексе, к сожалению, не оказалось, выборка пластин с сохранившимся проксимальным концом составила 121 экз. (см. рис. 2). В отличие от Аносово 1, где значительно преобладали линейные точечные площадки, в Иванцовом Боре ударные площадки поровну представлены линейными (47,5 %) и точечными (50 %). Техника расщепления кремня комплекса отличается большей стандартизацией раскалывания, о чем свидетельствует меньший разброс пластин по длине (25–71 мм) по сравнению с Аносово 1 (19–116 мм). Большая доля точечных площадок пластин в сочетании с небольшими ударными бугорками и незначительным количеством изделий, несущих негативы ударных отщепков, свидетельствует о технике мягкого отбойника.

Ремонтаж с элементами технологического анализа кремневого инвентаря свидерской стоянки Марьино 4 в Вологодской области был проведен Н.Б. Васильевой и Н.В. Косоруковой (Васильева, Косорукова, 1998). Среди нуклеусов Марьино 4 (6 экз.) присутствуют двухплощадочные и одноплощадочные, к одному из последних подобралась пластина, на которой был изготовлен свидерский наконечник (рис. 6). Анализ проксимальных частей пластинчатых сколов (120 экз.) показал, что среди определяемых изделий 70 экз. имеют относительно линейную площадку 4 мм и более, а 28 экз. —

точечную. Так же как в Иванцовом Боре, здесь использовался, по-видимому, мягкий отбойник и абразивная обработка граней площадок для скалывания как тонких пластин, так и микропластин.

Распространение свидерских памятников в Восточной Европе синхронизируется с экстремумом последнего ледникового похолодания, для которого была характерна резкая деградация лесной растительности, — от середины позднего дриаса до самого начала пребореала (10,5–10 тыс. л. н.). Свидер представлял собой технокомплекс, который непосредственно предшествовал появлению мезолитических индустрий в лесной зоне Восточной Европы. Ранее в литературе было распространено представление о постепенной трансформации свидерских памятников в ряд «постсвидерских» мезолитических культур (Гурина, 1965; 1966; Кольцов, 1977; Зализняк, 1989; Кольцов, Жилин, 1999), однако в последнее время большинство исследователей от таких прямых культурно-генетических построений отказалось. Единственный признак, на котором они строились, — прием вентрального оформления черешков у наконечников стрел — как оказалось, был известен в раннем голоцене далеко за пределами области возможного влияния свидера, вплоть до бассейна Колымы (Слободин, 1999; Сорокин, 2010). Впрочем, резкие отличия между технологией расщепления и типологией орудий свидера и раннемезолитической кундской индустрией типа Пулли, прослеженные С. Сульгостовской (Sulgostowska, 1999), свидетельствуют о смене технокомплексов, но необязательно о смене населения на прежней свидерской территории.

Расщепление кремня в раннем мезолите в лесной зоне Восточной Европы пополнилось технологическими инновациями, которые были совершенно нехарактерны для местного финального палеолита, — отжимным способом получения пластинчатых заготовок с карандашевидно-конических нуклеусов и составным охотничьим вооружением с вкладышевым микроинвентарем. Наиболее раннее появление отжима зафиксировано М.Г. Жилиным на стоянке-мастерской с типологически неоднородными материалами Золоторучье 1 в Ярославской области, получившей недавно древнейшие для мезолита радиоуглеродные дати-

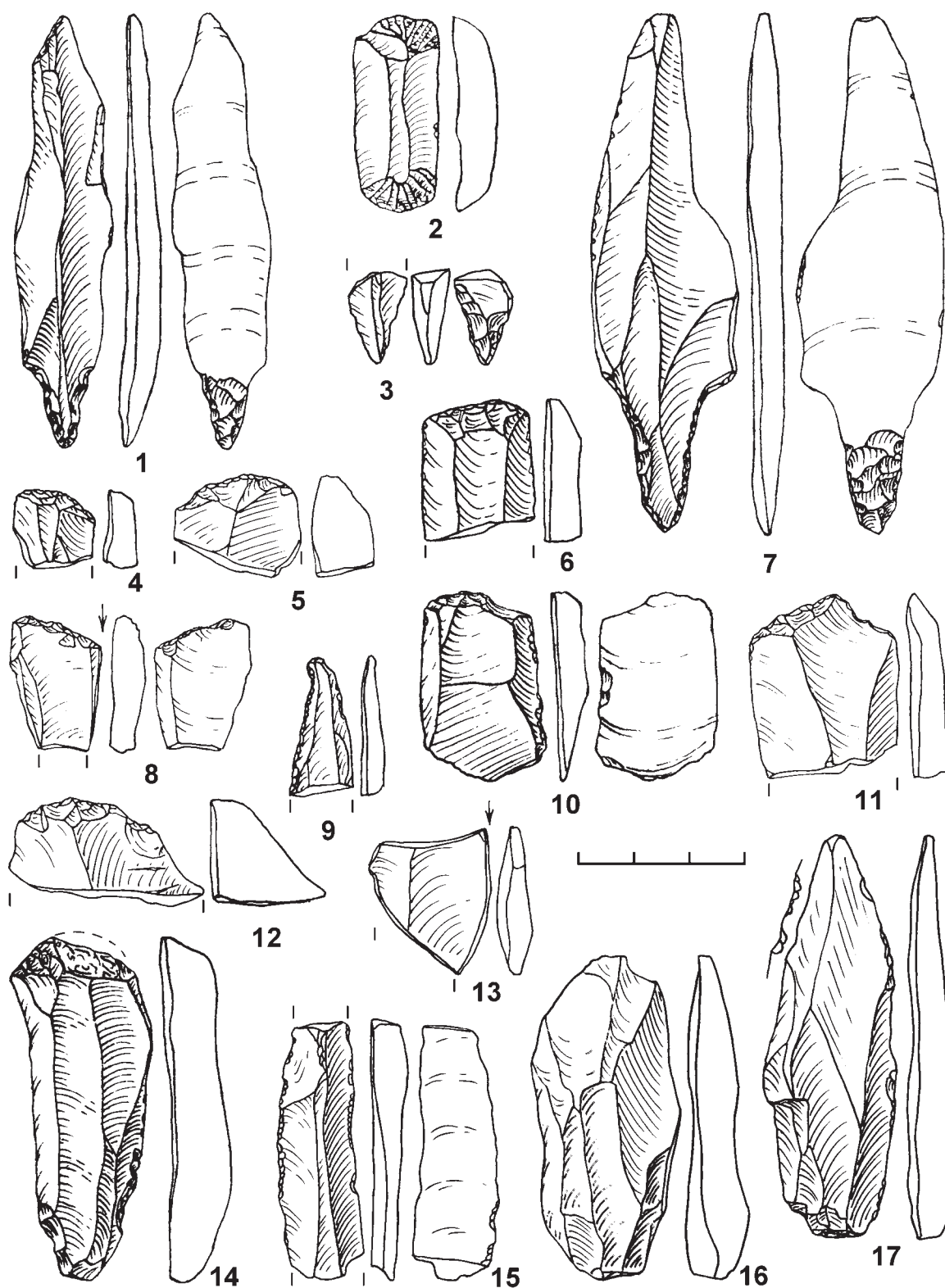

Рис. 5. Технологический контекст свидерской индустрии на стоянке Иванцов Бор

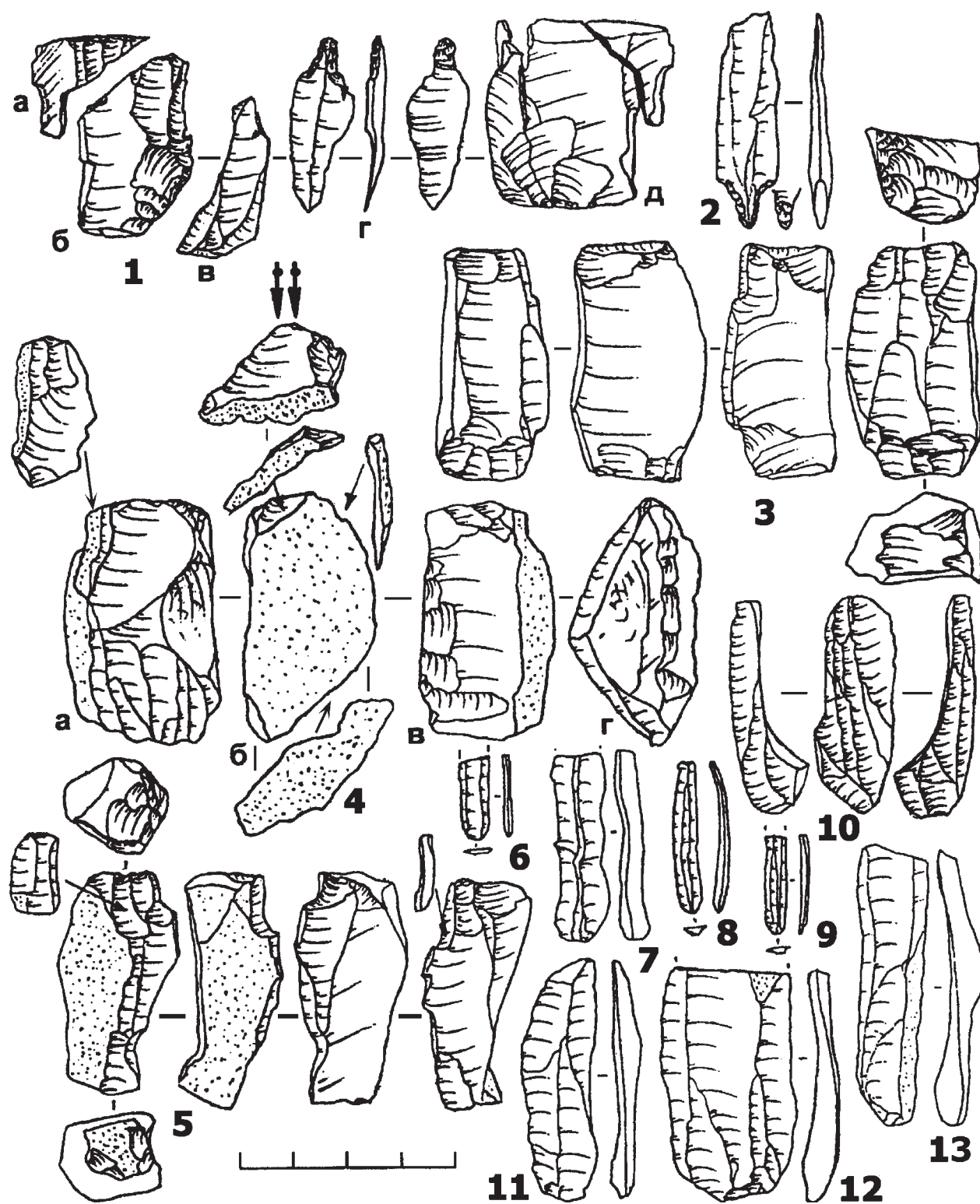

Рис. 6. Технологический контекст свидерской индустрии на стоянке Марьино IV (по: Васильева, Косорукова, 1998)

ровки 10240 ± 37 (КІА-39314) по кости и 9990 ± 62 (КІА-39315) по древесному углю (Hartz et al., 2010). Серия близких дат была также получена М.Г. Жилиным и для нижнего IV слоя торфяникового памятника Становое 4 в Ивановской области, который считается наиболее ранним стратифицированным комплексом бутовской культуры — от 10300 ± 70 до 9690 ± 230 с основной группировкой 9,8–9,6 тыс. л. н. (Жилин, 2004а; Зарецкая и др., 2002; Зарецкая, 2005; Hartz et al., 2010). В последнем комплексе представлен полный инновационный набор, включая «постсвидерские» наконечники на правильных пластинах с тонким черешком, отжимные нуклеусы и микропластины, вкладышевые костяные изделия и шлифованные рубящие орудия (рис. 7). Еще более ранний позднеледниковый возраст предполагается А.Н. Сорокиным для рессетинской культуры, имеющей такой же ярковыраженный мезолитический облик и связанной, по его мнению, происхождением с верхнепалеолитическими памятниками типа Гагарино. Однако независимые датировки для комплексов, атрибутированных как ранне-рессетинские (Таруса 1, Суконцево 8 и 9) отсутствуют. Все имеющиеся на сегодня определения радиоуглеродного и палинологического возраста по памятникам с рессетинскими материалами (Усть-Тудовка 4, Култино 3, Минино 2) относят их ко времени не древнее пребореала (Сорокин, 2000; 2003; 2006; 2008; Сорокин и др., 2009), что не позволяет пока относить возникновение рессетинской индустрии к плейстоцену.

Раннемезолитический технокомплекс бутовско-кундского культурного облика появляется в центре Русской равнины в сложившемся виде уже в самом начале голоцена. Это событие совпадает с радикальной экологической перестройкой окружающей среды — появлением сомкнутого лесного покрова среднетаежного типа в центральной части Русской равнины. Проблема происхождения данного технокомплекса остается пока открытой в связи с неразработанностью основного вопроса об источнике появления отжима, определяющего общность технико-типологического набора этих индустрий. Применение отжимной технологии для получения микропластин с цилиндрических и конических нуклеусов было прослежено Д.В. Ступаком на нескольких

украинских памятниках свидера (Березно 6, Прибор 13А-Д). По его мнению, это свидетельствует о заимствовании извне нового способа получения правильных пластинчатых заготовок, использовавшегося на поздних памятниках вместе с традиционной свидерской технологией расщепления (Stupak, 2006). На большинстве свидерских памятниках такие свидетельства не зафиксированы. М.Ш. Галимова, напротив, предполагает независимую эволюцию финальнопалеолитической усть-камской кремневой индустрии еще без применения отжима к раннеголоценовой с отжимными коническими нуклеусами и микропластинами (Галимова, 2005).

Распространение отжима имело место уже в сибирском позднем верхнем палеолите (торцово-клиновидные и конические нуклеусы), поэтому вряд ли можно всерьез говорить о полицентрическом варианте распространения данного метода расщепления или о его независимом изобретении в Восточной Европе к началу голоцена. Типичные конические микронуклеусы и, вероятно, полученные с них отжимным способом микропластины известны и на памятниках финального палеолита Урала (Павлов, 2007). По-видимому, относительно синхронное появление данной технологии на Русской равнине на рубеже плейстоцена/голоцена было обусловлено появлением условий для функционирования экологической ниши мобильных охотников бореальных лесов на данной территории. В археологическом воплощении это выразилось в появлении технокомплекса с использованием той же технологии экономичного расходования сырья, которая ранее успешно применялась в восточных регионах с древнейшей бореальной лесной растительностью и соответствующим фаунистическим окружением таежного типа.

Иным технологическим обликом обладали памятники раннего мезолита, относящиеся к иеневской культуре в Верхневолжье, песочноровской в Подесенье и гренской в верхнем Поднепровье, а также зимовниковской на Северском Донце и в Придонье. Все перечисленные культуры объединяет наличие асимметричных черешковых наконечников и высоких трапеций, а также отсутствие направленного микропластинчатого расщепления и, соответственно, вкладышевой техники (рис. 8).

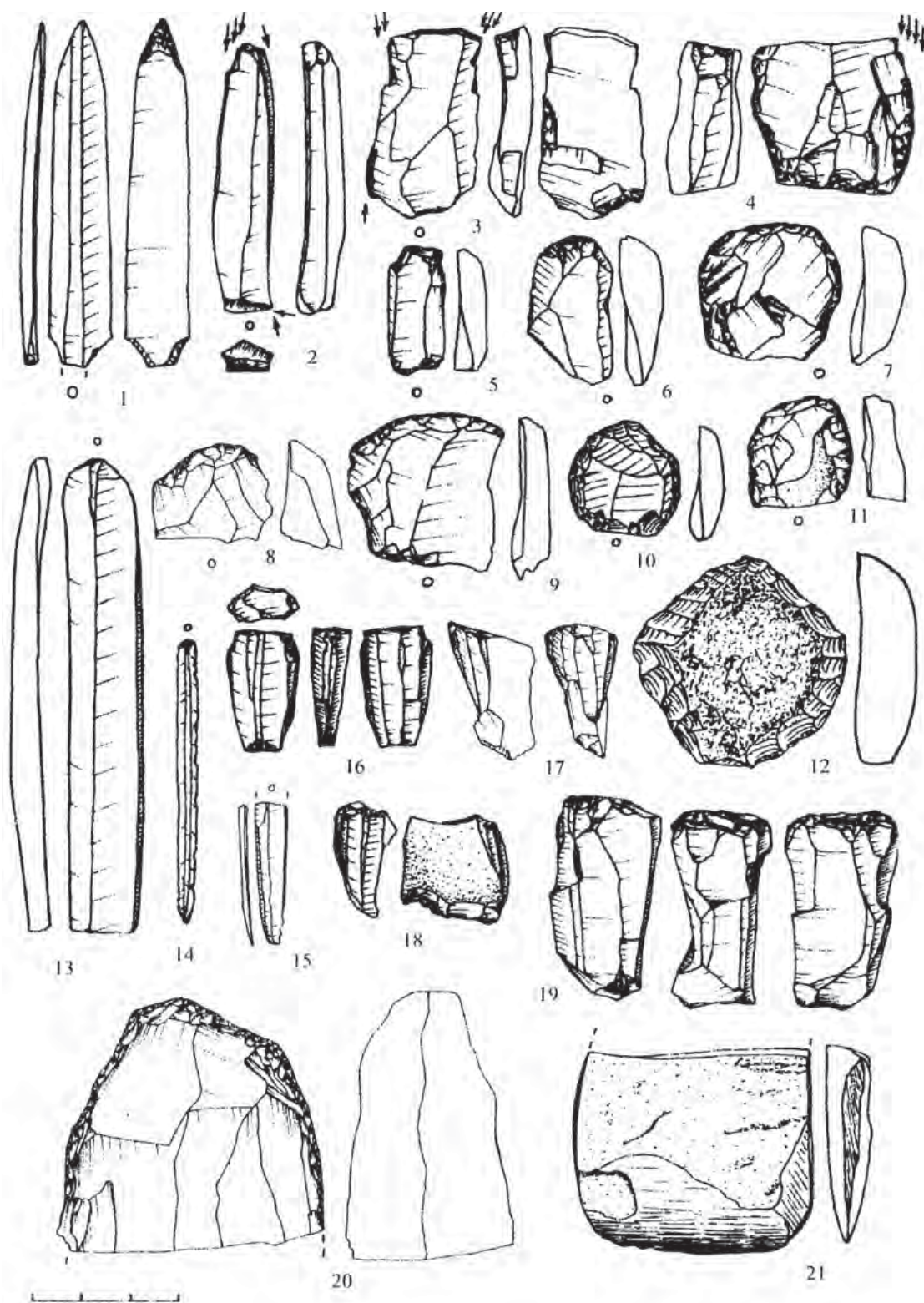

Рис. 7. Технологический контекст ранней бутовской индустрии стоянки Становое 4/IV (по: Жилин, 2004б)

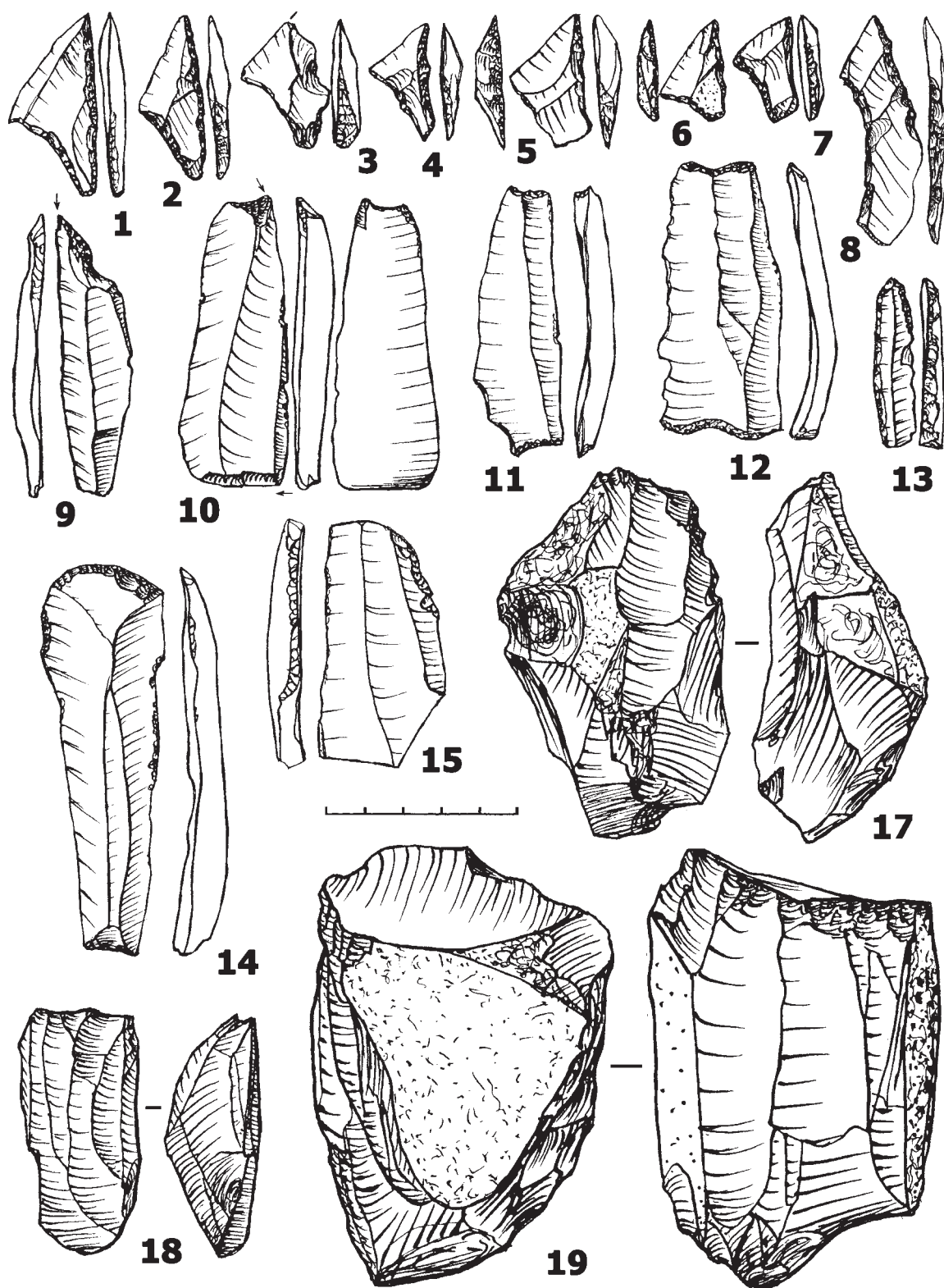

Рис. 8. Технологический контекст иеневской индустрии стоянки Умышенка 3 (по: Сорокин, 2006)

Несмотря на то что принципы раскалывания кремня этих культур специально никем не изучался, их общность ни у кого не вызывает сомнений, вплоть до объединения большинства памятников в единую археологическую культуру (Зотько, 1994). Л.Л. Зализняк называет их посткрасносельскими (они же «постлингби»), а А.Н. Сорокин ассоциирует с северогерманским аренсбургом (Зализняк, 1999; 2005; 2008; 2009; Сорокин, 2003; 2006; 2008; Сорокин и др., 2009). Достоверные данные абсолютного датирования для этого технокомплекса на Русской равнине есть только по иеневской культуре. Они помещают ее фактически целиком в пребореал — бореал, за исключением единичного палинологического определения концом позднего дриаса по Усть-Тудовке 1 (Кравцов, Спиридонова, 1996; Кравцов, 1999; 2004; 2009; Кравцов, Леонова, 2001).

Подробное техно-морфологическое изучение пластин иеневской культуры в сравнении с пластинами бутовской культуры провели К.Е. Агеева и Е.В. Леонова (Агеева, Леонова, 2005), которые пришли к выводам о разнице в их стилях расщепления, отчетливо заметной даже без проведения технологического анализа. Например, на памятниках бутовской культуры предпочтение отдавалось более узким заготовкам от 0,5 до 2,4 см, тогда как большинство орудий из иеневских коллекций обладало шириной в пределах 1,7–2,4 см. На памятниках бутовской культуры получали и использовали для изготовления орудий тонкие заготовки (среди пластин преобладают изделия толщиной от 0,1 до 0,4 см). В иеневских для изготовления орудий предпочтение отдавалось пластинам толщиной 0,5–0,6 см. Лишь для бутовской культуры подсчеты отношения длины к толщине заготовки определили экземпляры сколов, которые могли быть произведены техникой отжима — иеневское население, видимо, этой технологией не пользовалось (Агеева, Леонова, 2005). Е.В. Леонова сравнила между собой 11 гомогенных иеневских комплексов, обнаружив, что различия в составе коллекций связаны исключительно со степенью удаленности от источников сырья и с продолжительностью обитания на памятниках (Леонова, 2007). Таким образом, иеневские памятники, расположенные в Волго-

Окском междуречье чересполосно с бутовскими, не демонстрируют ни динамики развития каменной индустрии, ни признаков заимствования «продвинутой» технологии отжима от соседей. Поэтому все метисные комплексы, которые ранее считались свидетельствами межкультурной гибридизации (Кольцов, 1989; Сорокин, 1990б; Кравцов, Сорокин, 1991; Кравцов и др., 1994), как ранее заметил А.Н. Сорокин, следует признать механически смешанными (Сорокин, 2006; 2008). Технокомплекс с высокими трапециями и асимметричными наконечниками гренско-иеневско-песочноровского культурного облика обладал такой же степенью устойчивости признаков каменной индустрии, какой обладали и иные технокомплексы, сформировавшиеся в смежных эконишах.

Таким образом, единство материальной культуры крупных групп населения рубежа плейстоцена/голоцена (сопоставимое по охвату лишь с синхронными североамериканскими), вероятно, необходимо интерпретировать исходя из специфики археологических материалов. Очевидно, что узкий источниковедческий спектр (каменный инвентарь) не отвечает общим критериям выделения локальных археологических культур. При культурологическом сравнении материалов отчетливо проявляются ярко выраженные черты крупных культурных провинций, а локальные различия оказываются смазаны. Следовательно, указанная методология «не работает» на конкретных финальнопалеолитических и мезолитических материалах (Григорьев, 2006). Вероятно, данное положение вещей не выглядело бы тупиковым при увеличении состава источников (массовый костяной и деревянный инвентарь, конструктивные детали домостроительства, искусство). Свидетельством «пробуксовки» культурно-археологического подхода в применении к периодизации финального палеолита и мезолита лесной зоны Восточной Европы являются диаметрально противоположные концепции периодизации и культурно-археологической интерпретации, которые недавно были опубликованы в обобщающих монографиях по данной проблематике (Зализняк, 2005; Жилин, 2007; Жилин, Кольцов, 2008; Сорокин и др., 2009). Очевидно, что при нынешнем состоянии источников надежды на полу-

чение новых комплексных данных по большинству старых раскопанных стоянок и, соответственно, на решение спора в пользу той или иной концепции очень мало.

С моей точки зрения, недооцененным при интерпретационных реконструкциях материалов на рубеже плейстоцена/голоцена является экологический фактор. Общие черты сходства индустрий финального палеолита и мезолита, в основном территориально совпадающих с ареалами природных зон, могут объясняться нивелировкой средств адаптации групп населения (и родственного, и неродственного) к природным условиям в рамках той или иной экологической ниши. В частности, распространение памятников бромме-лингби в широтном направлении от Ютландии до Верхневолжья, а в меридиональном — от Южной Швеции до Померании и от Валдая до украинского Полесья в точности соответствует наиболее раннему проявлению в аллереде пояса широтно-зональной лесной растительности в приледниковой Европе. Центр Русской равнины и бассейн Верхней Волги в то время были периферией этого лесного сообщества, восточнее, в Волго-Камье, его ареал смыкался с лесными ценозами северо-таежного типа, севернее располагались лесотундры, а южнее — лесостепи (Симакова, 2008). Нивелировка охотничьего вооружения в связи с адаптацией к лесному окружению на рубеже плейстоцена и голоцена, по-видимому, происходила во всей северной зоне Евразии. Например, на северо-востоке Азии на рубеже плейстоцена и голоцена также известны комплексы с черешковыми наконечниками, отличающиеся по этому признаку от хронологически предшествовавшей дюктайской культуры с бифазами и от раннеголоценовой сумнагинской с геометрическими микролитами (Диков, 1993; Слободин, 1999; Питулько, 2003; Питулько, Павлова, 2010). Сходные экологические ниши требовали использования однотипного охотничьего вооружения.

В отличие от перечисленных культур финально-палеолитическая свидерская культура с ее узкой хронологией в пределах середины позднего дриаса — начала пребореала изначально занимала гораздо меньший ареал, располагавшийся в услови-

ях лесотундры. Она охватывала западную часть нынешней территории Полесья вместе с юго-восточной Прибалтикой и белорусской частью течения Днепра. На рубеже голоцена сплошная территория распространения свидера распалась в связи с деградацией самой зоны лесотундры, хотя отдельные рефугиумы этой экониши были локализованы в районах, где еще сохранялись соответствующие климатические условия. Поэтому свидерские памятники, с моей точки зрения, и известны вне сплошного ареала, на удаленном расстоянии друг от друга. Таковые представлены в предгорьях — в Прикарпатье (Чахлэу-Скауне), словацких Татрах (Великий Славков), вплоть до горного Крыма (Сюрень 2). Северный лесотундровый рефугиум располагался вдоль берегов Балтийского ледникового озера в Литве (Кабяляй 2) и Латвии (Саласпилс Лаукскола), а также по крайней северной периферии лесной зоны в Псковской (Иванцов Бор) и Вологодской (Марьино 4) областях.

Экологическими причинами, как мне представляется, объясняется и пространственное распространение раннемезолитического населения лесной зоны в начале голоцена. Согласно палеоландшафтным реконструкциям (Алешинская, 2001; Алешинская и др., 2008), интервал ~9,5–9,3 тыс. л. н. (оптимум пребореального потепления) являлся наиболее благоприятным климатическим эпизодом в начале послеледниковья. В этот период в Верхневолжье распространились хвойно-лиственные (боровые) леса. А существовавшие здесь с начала пребореала (~10,3 тыс. л. н.) смешанные лиственные (бореальные) леса с преобладанием березы сдвинулись к северу и охватили территории вплоть до Карелии и Республики Коми (Субетто и др., 2003; Елина, Филимонова, 2007; Голубева, 2008). Население раннего бутовского культурного облика (Золоторучье 1, Становое 4/IV, Ивановское 7/IV) изначально сформировалось ~10–9,7 тыс. л. н. в поясе бореальных лесов средней полосы. Его расселение в бывшие ледниковые районы в связи со сдвигом зоны бореальных лесов к северу и расширением соответствующей экологической ниши начинается не ранее пребореального оптимума, когда сплошная лесная растительность появляется в северных широтах. Именно серединой — концом пребореа-

ла датируются близкие в культурном отношении комплексы северной части лесной зоны. К последним можно отнести раннюю кундскую культуру (Пулли) в Прибалтике, памятники Парчевского типа на Вычегде, Веретья 1 в Прионежье, Лотовой Горы в Приладожье и Саареноя 2 в Южной Финляндии (Ostrauskas, 2000; Takala, 2004; Волокитин, 2006; Ошибкина, 2005; 2006; Косорукова, 2000; Лисицын, Герасимов, 2008).

Распространение иеневских памятников в Верхневолжье, имеющих палинологические и радиоуглеродные определения начиная с середины пребореала ~9,6/9,5 тыс. л. н. (Становое 4/Ша, Авсергово 2) также, вероятно, связано со специфической экологической нишей. Расселение иеневского населения синхронизируется с постепенным расширением зоны более южных боровых (хвойно-лиственных) лесов и общим смягчением климатических условий в центре Русской равнины в пребореальном оптимуме, который фиксируется в споро-пыльцевых спектрах как «максимум со-

сны». Появление в бассейнах Верхнего Днепра, Сожа и Западной Двины групп позднего гренокского (по В.П. Ксензову) или песочноровского (по А.В. Колосову) населения, аналогичного иеневскому в археологическом отношении, прослеживается и в мезолите Белоруссии на той же широте, что и в Волго-Окском бассейне (Ксензов, 1994; 1999; 2006; Колосов, 2008; 2010).

Смещение ареалов сразу нескольких разнотипных групп населения периода раннего мезолита в меридиональном направлении могло быть вызвано лишь достаточно резким амплитудным изменением природной зональности, каким и являлся оптимум пребореала ~9,5–9,3 тыс. л. н. Интерпретация материалов финального палеолита и раннего мезолита в техно-морфологическом ключе в наибольшей степени согласуется с хронологией изменения границ природных зон и последовательностью культурных трансформаций на рубеже плейстоцена/голоцена.

ЛИТЕРАТУРА

Аверин В.А. Мезолит Волго-Окского междуречья в отечественной историографии // Культура: тексты и контексты. Иваново, 2002а. С. 46–48.

Агеева К.Е., Леонова Е.В. К характеристике пластинчатых сколов в мезолитических индустриях Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 130–147.

Аникович М.В. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // КСИА. 1992. Вып. 206. С. 34–42.

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998. С. 35–66.

Аникович М.В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum Plus. 2005. № 1 (2003–2004). В эпоху мамонтов. С. 487–505.

Бочкарев В.С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: Мат-лы симпозиума методолог. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1975. С. 34–42.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.): Межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1995. С. 114–123.

Будько В.Д. Памятники свидерско-гренокской культуры на территории Белоруссии // МИА. 1966. Вып. 126. С. 35–46.

Васильев С.А. Проблема критериев выделения крупных историко-культурных областей позднего палеолита // Сибирское археологическое обозрение. 2002. Вып. 3.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008.

Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Сеницына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии (палеоэкология и структура поселений). СПб., 2005.

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.

Васильева Н.Б., Косорукова Н.В. Результаты планиграфического, трасологического и технологического

анализа материалов стоянки Марьино 4 // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 179–192.

Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Труды II Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода. М.; Л.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 230–245.

Воеводский М.В. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе // СА. 1940. № 5. С. 144–150.

Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 6–120.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.

Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. М., 2004. Т. 1.

Галимова М.Ш. К вопросу о зарождении техники отжима пластин в кремневых индустриях реки Камы // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 100–112.

Голубева Ю.В. Климат и растительность голоцена на территории Республики Коми // Литосфера. 2008. № 2. С. 124–132.

Григорьев Г.П. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Междунар. конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966. С. 27–35.

Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л., 1968.

Григорьев Г.П. Эпоха палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988. С. 13–15.

Григорьев Г.П. О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ. 1993. № 6. С. 15–16.

Григорьев Г.П. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // ТАС. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 72–79.

Гурина Н.Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. 1965. Вып. 131. С. 141–203.

Гурина Н.Н. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. 1966. Вып. 126. С. 14–35.

Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.

Долуханов П.М. Мезолит: экологический подход // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 13–17.

Долуханов П.М. География каменного века. М., 1979.

Долуханов П.М. Истоки этноса. СПб., 2000.

Елина Г.А., Филимонова Л.В. Палеорастительность позднеледниковья — голоцена Восточной Фенноскандии и проблемы картографирования // Актуальные проблемы геоботаники. III Всерос. школа-конф. Петрозаводск, 2007. С. 117–143.

Жилин М. К вопросу о пионерном заселении Южной Карелии и Финляндии в раннем голоцене // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. науч. тр. Вып. 4. Петрозаводск, 2002. С. 3–13.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004а.

Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004б. С. 92–139.

Жилин М.Г. Работы Д.А. Крайнова и проблемы изучения палеолита и мезолита Верхнего Поволжья // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006. С. 6–15.

Жилин М.Г. Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М., 2007.

Жилин М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгелтова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья по материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.

Жилин М.Г., Кравцов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Памятники археологии Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991. С. 3–18.

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.

Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.

Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Київ, 2005. Вип. 12.

Зализняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт Середнього Подесення // Сіверянський літопис. Чернігів, 2008. № 3. С. 3–16.

Зализняк Л.Л. Мезоліт заходу Східної Європи // Кам'яна доба України. Київ, 2009. Вип. 12.

Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 113–129.

- Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 117–122.
- Зотько М.Р. Историографический очерк изучения иеневской и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства // ТАС. 1994. Вып. 1. С. 14–25.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Колосов А.В. Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник. Брянск, 2008. Вып. 4. С. 23–31.
- Колосов А.В. Культурное многообразие в мезолите Верхнего Поднепровья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 215–231.
- Кольцов Л.В. Культурные различия в мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 21–26.
- Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
- Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 68–86.
- Кольцов Л.В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. 1994. Вып. 1. С. 7–10.
- Кольцов Л.В. О проявлениях культуры лингби в Верхнем Поволжье // Археология Верхнего Поволжья. (К 80-летию К.И. Комарова). М., 2006. С. 141–152.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
- Копытин В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
- Копытин В.Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.
- Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне р. Шексны // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 91–98.
- Кравцов А.Е. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х — 1990-х годов) // Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999. С. 79–128.
- Кравцов А.Е. Об источниках для изучения волгоокского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 29–48.
- Кравцов А.Е. Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит — мезолит Волго-Окского бассейна) // Археологические открытия, 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 60–72.
- Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Структура памятников и вопрос о периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: Мат-лы междунар. конф.. Сергиев Посад, 2001. С. 133–141.
- Кравцов А.Е., Спиридонова Е.А. О возрасте и природном окружении иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. 1996. Вып. 2. С. 99–107.
- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюз. конф.: Тез. докл. Л., 1979. С. 22–26.
- Крижевская Л.Я. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. 1950. № 13. С. 55–69.
- Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
- Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. 1994. № 3. С. 5–22.
- Ксензов В.П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe in Europe. Lublin, 1999. P. 229–240.
- Ксензов В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси. Минск, 2006.
- Леонова Е.В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского междуречья // Проблемы археологии каменного века. М., 2007. С. 119–154.
- Лисицын С.Н. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке-мастерской Аносово I на Верхнем Днепре // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 35–45.
- Лисицын С.Н. Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 52–62.
- Лисицын С.Н., Герасимов Д.В. Окружающая среда и человек в раннем голоцене Юго-Восточной Фенноскандии // Пусть на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М., 2008. С. 134–151.
- Ошибкина С.В. К вопросу о миграциях населения на севере Восточной Европы в раннем голоцене // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 77–99.
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М., 2006.
- Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007. С. 73–85.

- Питулько В.В.* Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М., 2003. С. 99–151.
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.
- Сапожников И.В.* Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины // Кам'яна доба України. Вип. 3. Киев, 2003.
- Сидоров В.В.* Понятие технокомплекса как инструмент исследования археологических культур // ТАС. 2000. Вып. 4. С. 7–14.
- Сидоров В.В.* Интерпретационные возможности основных понятий археологии (археологическая онтология) // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 8–13.
- Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009.
- Симакова А.Н.* Развитие растительного покрова Русской равнины и Западной Европы в позднем неоплейстоцене — среднем голоцене (33–4,8 тыс. л. н.): Автореф. дис... канд. геол.-мин. наук. М., 2008.
- Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 61–71.
- Синицына Г.В.* Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвinya: исторический аспект. СПб., 2003. С. 3–19.
- Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А.* Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена — голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 86–103.
- Слободин С.Б.* Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и голоцене. Магадан, 1999.
- Сорокин А.Н.* Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 41–46.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2000.
- Сорокин А.Н.* Метаморфозы источниковедения мезолита Восточной Европы // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 21–33.
- Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения. М., 2006.
- Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.
- Сорокин А.Н.* Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 188–202.
- Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М., 2009.
- Субетто Д.А., Давыдова Н.Н., Сапелко Т.В., Вольфарт Б., Вастегорд С., Кузнецов Д.Д.* Климат северо-запада России на рубеже плейстоцена и голоцена // Вестник АН. Серия географическая. 2003. № 5. С. 1–12.
- Трусов А.В.* Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
- Формозов А.А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. № XXI. С. 38–51.
- Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М. 1977.
- Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
- Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). М., 2008.*
- Янитс Л.Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. 1966. Вып. 126. С. 114–123.
- Aaris-Sorensen, K.* Palaeoecology of a Late Weichselian vertebrate fauna from Norre Lyngby, Denmark // Boreas. 1995. № 24. P. 355–365.
- Bratlund B.* A study of hunting lesions containing flint fragments on reindeer bones at Stellmoor, Schleswig-Holstein, Germany // The Late Glacial in north-west Europe: human adaptation and environmental change at the end of the Pleistocene. BAR. 1996. № 77. P. 193–207.
- Clark G.* The Earlier Stone Age Settlement in Northern Europe. Cambridge, 1936.
- Clark G.* The Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
- Clarke D.* Analytical Archaeology. Methuen, 1968.
- Gamble C.S.* The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge, 1986.
- Hahn J.* Aurignacian and Gravettian settlement patterns in Central Europe // The Pleistocene Old World: regional perspectives. N.Y., 1987. P. 251–261.
- Hartz S., Terberger T., Zhilin M.* New AMS-dates for the Upper Volga Mesolithic and the origin of microblade technology in Europe // Quartar. 2010. Vol. 57. P. 155–169.
- Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.* Epoka kamienia na ziemiach Polskich. Warszawa, 1977.

- Larsson L., Liljegren R., Magnell O., Ekstrom J. Archaeo-faunal aspects of bog finds from Hassleberga, southern Scania, Sweden // Recent studies in the Final Palaeolithic of the European plain. Stockholm, 2002. P. 61–74.
- Madeyska T. Palaeogeography of European lowland during the late Vistulian // Folia Quaternaria. Krakow, 1999. Vol. 70. P. 7–30.
- Madsen B. Late Palaeolithic cultures of South Scandinavia — tools, traditions and technology // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia 24. Stockholm, 1996. P. 61–73.
- Migal W. On preferential points of the Final Paleolithic in the Central European Lowland // Studies in the Final Palaeolithic of EuroPlain. Poznan, 2007. P. 185–200.
- Ostrauskas T. Mesolithic Kunda culture: a glimpse from Lithuania // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Muinasaja teadus 8 Tallinn, 2000. P. 167–180.
- Stupak D. Chipped Flint Technologies in Swiderian Complexes of the Ukrainian Polissya Region // Baltica. Klaipeda, 2006. Vol. 6. P. 109–119.
- Sulgostowska Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 85–92.
- Szymczak K. Perstunian culture — the eastern equivalent of the Lingby culture in the Nieman basin // Late Glacial in Central Europe. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk; Lodz, 1987. P. 267–276.
- Szymchak K. Epoka kamienia polski polnocno-wschodniej na tle srodkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.
- Szymchak K. Late Palaeolithic cultural units with tanged points in North Eastern Poland // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia 24. Stockholm, 1996. P. 93–101.
- Takala H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Jyväskylä, 2004.
- Taute W. Die Stielspitzen-Gruppen im nordlichen Mitteleuropa Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Koln, 1968.
- Zaliznyak L. The Archaeology of the Occupation of the East European Taiga Zone at the turn of the Palaeolithic-Mesolithic // Baltica. Klaipeda, 2006. Vol. 7. P. 94–108.

*Н. К. Анисюткин*¹

ПОЗДНИЙ КОМПЛЕКС РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙРАКИ НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ²

Anisutkin N.K. The late technocomplex from the Early Palaeolithic site Bayraki in the Low Dnester

The stone artifacts from new site Bairaki located in environs of the Dubossary town on the Dniestr river are described. This site was discovered in 2010 year and studied in 2010–2011 years. The early palaeolithic stone artifacts were discovered in depositions of high (about 110 m) terrace. This terrace is dated to Early Pleistocene. These stone artifacts are found in association with fossil soils (late complex) and alluvium (early complex).

Not numerous collection of the stone artifacts belonging to late complex (associated with middle fossil soil) consist of cores, pebble tools, scrapers, denticulate tools and flakes. According to geological data this complex is dated from Mindel and Cromerian periods (500–750 kya).

ВВЕДЕНИЕ

Проблема первоначального заселения человеком территории Восточной Европы вновь стала актуальной благодаря открытиям российских археологов на Тамани и в Дагестане, где удалось

обнаружить очень древние стратифицированные памятники олдованского типа (Щелинский, 2010; Амирханов, 2007; Амирханов и др., 2009). Достаточно многочисленные каменные изделия сопровождалась здесь находками эоплейстоценовой фауны, а стоянка Богатыри (Синяя балка) является классическим местонахождением древней фауны, соответствующей таманскому фаунистическому комплексу (Четвертичная система, 1982, с. 330; Саблин, 2010).

До начала XXI в. древнейшей стоянкой раннего палеолита Восточной Европы условно могла считаться Треугольная пещера, расположенная на территории Карачаево-Черкессии (Северный Кавказ) и датированная возрастом около 600 т.л., что соответствует кромерскому времени (Дороничев и др., 2007). Правда, еще более ранние материалы были давно известны с территории Закарпатья (Украина) на многослойной стоянке Королево 1.

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

² Работа выполнена при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Первоначальное заселение человеком Восточной Европы» и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Преемственность и трансформации культурных традиций в среднем и верхнем палеолите Европы», рук. М.В. Аникивич, а также проектов РФФИ РАН: 11-06-12020-офи-м-2011; 11-06-12015-офи-м-2011, 11-06-00380-а.

Установлено, что самые ранние горизонты находок каменных орудий имели здесь возраст около 950 т.л. (Гладилин, Ситливый, 1990; Кулаковская, 1989; Степанчук, 2006; Koulakovskaya, Usik, 2009, p. 276).

На остальной территории юга Восточной Европы были известны лишь два бесспорно стратифицированных памятника раннего палеолита — Хрящи на Северском Донце (Россия) и Меджибож на Южном Буге (Украина). И если на первом были найдены только типичные для раннего палеолита кремневые изделия, то на втором при малочисленных каменных артефактах выявлена относительно обильная мегафауна млекопитающих, характерная для раннего плейстоцена (Пясецкий, 2001; Степанчук, Рековец, 2010, с. 162). Эта фауна, в которой присутствуют типичные для тираспольского фаунистического комплекса формы, позволяет наряду с иными показателями отнести комплекс Меджибожа к завадовскому = лихвинскому или миндель-рисскому = гольштейнскому межледниковью, хотя исследователи этой стоянки не исключают и более ранней даты (Степанчук, 2006). Напротив, геохронологическое положение аллювиальных отложений местонахождения Хрящи, в которых найдены только кремневые изделия, менее определено, а их возраст варьирует в пределах от миндель-рисса до начала рисса включительно (Праслов, 1968, с. 26).

В этом плане открытие новой стратифицированной стоянки Байраки, расположенной в Нижнем Приднестровье (рис. 1), представляет особый научный интерес прежде всего надежной стратиграфией и достаточно обоснованной геохронологией (Анисюткин и др., 2012; Чепалыга, Анисюткин, 2012). Каменные изделия раннего палеолита впервые обнаружены здесь в отложениях высокой VII террасы левобережного Днестра как в красноцветной ископаемой почве, относящейся к раннему неоплейстоцену, так и в более древнем русловом аллювии предположительно эоплейстоценового возраста (Чепалыга, Анисюткин, 2012). Достаточно указать, что в регионе Нижнего Приднестровья геологические и геоморфологические исследования речных террас велись давно, интенсивно и продуктивно (Чепалыга, 1967; Адаменко и др., 1996). Как отмечали геологи, долина Днестра «обладает

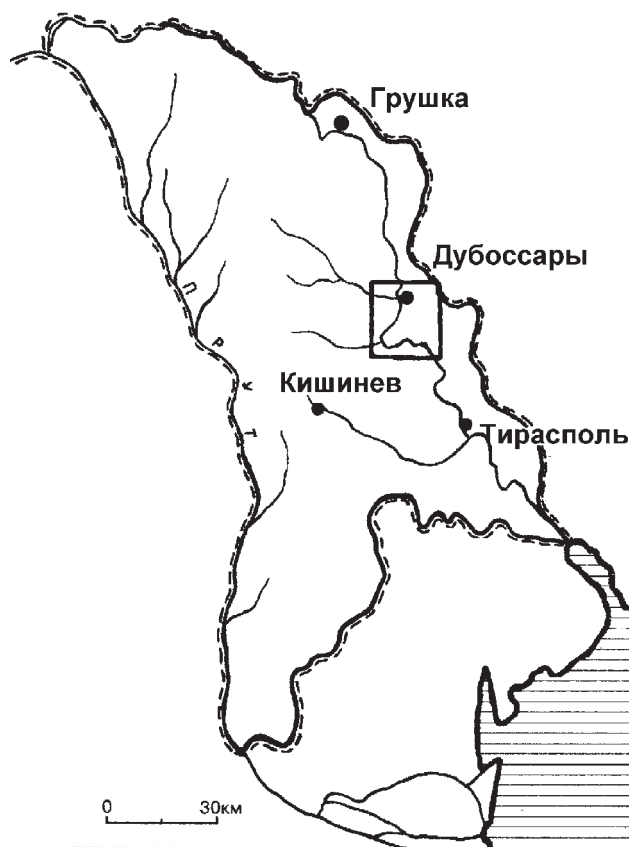

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Байраки и местонахождений раннего палеолита Большой Фонтан и Погреба на территории Приднестровья (Молдавия)

относительно простым геологическим строением и хорошей обнаженностью. Здесь издавна известны и сравнительно хорошо изучены весьма полные разрезы аллювиального террасового комплекса Днестра, охарактеризованные фауной крупных и мелких млекопитающих, моллюсков, остракод и других ископаемых, а покров содержит до 13 горизонтов ископаемых почв. Тираспольский разрез V (Колотовской) надпойменной террасы признан европейским стратотипом нижнего плейстоцена. Плиоцен и антропоген включают знаменитые фаунистические комплексы: молдавский, хопровский, одесский, тираспольский и др. Они хорошо коррелируют с разрезами перегляциальной и ледниковых зон Восточной Европы, а также с морским плиоценом и плейстоценом Понто-Каспия» (Адаменко и др., 1996, с. 4). Поэтому почти все находки палеолита из плейстоценовых отложений террас

Днестра могут со значительной долей вероятности иметь надежную геологическую датировку.

Открытие новой стратифицированной стоянки раннего палеолита Байраки очень существенно как с археологической точки зрения, позволяя, в част-

ности, значительно удревить время появления первых людей в южной части Русской равнины, так и с естественно-научной, вводя в научный оборот новый геoarхеологический объект, ценность которого сложно переоценить.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЗАЛЕГАНИЯ НАХОДОК

Стоянка была открыта осенью 2010 г. Приднестровской археологической экспедицией ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь) на западной окраине города Дубоссары, на высокой VII надпойменной террасе Днестра, в урочище Байраки (Анисюткин и др., 2012). Она расположена в ныне заброшенном карьере на восточной окраине города Дубоссары, в предместье «Большой Фонтан» (координаты N 47° 16' 27" E 29° 11' 10"), в верховьях древней балки «Байраки» примерно в 1 км северо-западнее местонахождения раннего палеолита Большой Фонтан (рис. 2). Левый борт балки, где обнаружены находки, приходится на край VII надпойменной террасы Днестра, которая возвышается над уровнем реки более чем на 110 м (Адаменко и др., 1996; Чепалыга, Анисюткин, 2012, с. 124).

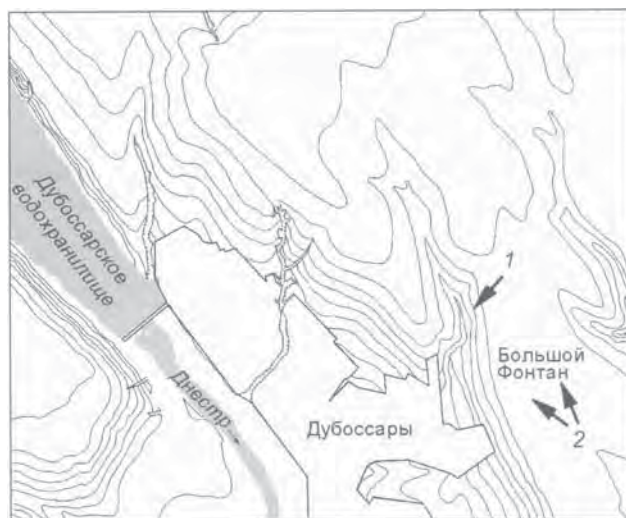

Рис. 2. Расположение стоянки Байраки (1) и местонахождения Большой Фонтан (2) в окрестностях г. Дубоссар

Первые находки были обнаружены в стенке левого борта трехметрового обнажения четвертичных отложений, в верхней части красноцветной ископаемой почвы. Ими были кремневый пренуклеус и обломок неопределимой кости животного (быка?). Здесь же, но в осыпи найден небольшой отщеп без патины, изготовленный из кремня черного цвета. Расчистка разреза, проведенная в 2010 г. на площади около 5 кв. м, позволила получить немногочисленные каменные изделия, связанные преимущественно с верхней частью красноцветной ископаемой почвы. На поверхности карьера, где техногенным путем были удалены все субэральные отложения, выявлены остатки руслового аллювия, включая мелкогалечный конгломерат с песчано-гравийным заполнителем и карбонатным цементом, представленным зачастую конгломератом. Наличие сцементированных глыб конгломерата явилось причиной остановки работ в карьере, благодаря чему стоянка не была полностью уничтожена. В этих отложениях было обнаружено семь артефактов: три галечные формы, изготовленные из косоуцкого песчаника, и четыре кремневых изделия.

Дальнейшие исследования были продолжены в 2011 г., но уже совместно с представителями смежных наук (Институты географии и геологии РАН). Раскопки, проведенные на площади около 20 кв. м, не подтвердили наличия в ископаемой почве ожидаемого культурного слоя, но тем не менее дали весьма важную научную информацию.

Четко выделяются два уровня археологических находок: верхний — из ископаемой почвы и нижний — из руслового аллювия террасы. В полном соответствии со стратиграфией было выделено два археологических комплекса, которые определены как ранний (нижний) и поздний

(верхний). Находки верхнего, представленного, вероятно, тремя горизонтами, находились в своем истинном стратиграфическом положении,

а находки нижнего были переотложены, но в пределах руслового аллювия данной высокой террасы.

СТРАТИГРАФИЯ СТОЯНКИ

Исследования двух сезонов позволили установить определенную последовательность залегания археологического материала, но оставили ряд нерешенных вопросов, касающихся микростратиграфического положения находок из верхнего уровня (рис. 3).

Стратиграфия стоянки дана по поперечному разрезу северо-восточной стенки раскопа 2011 г.:

1. Почва современная, черноземная, сильно гумусированная, темно-серого (до черного) цвета. Мощность 0,0–0,75 м.

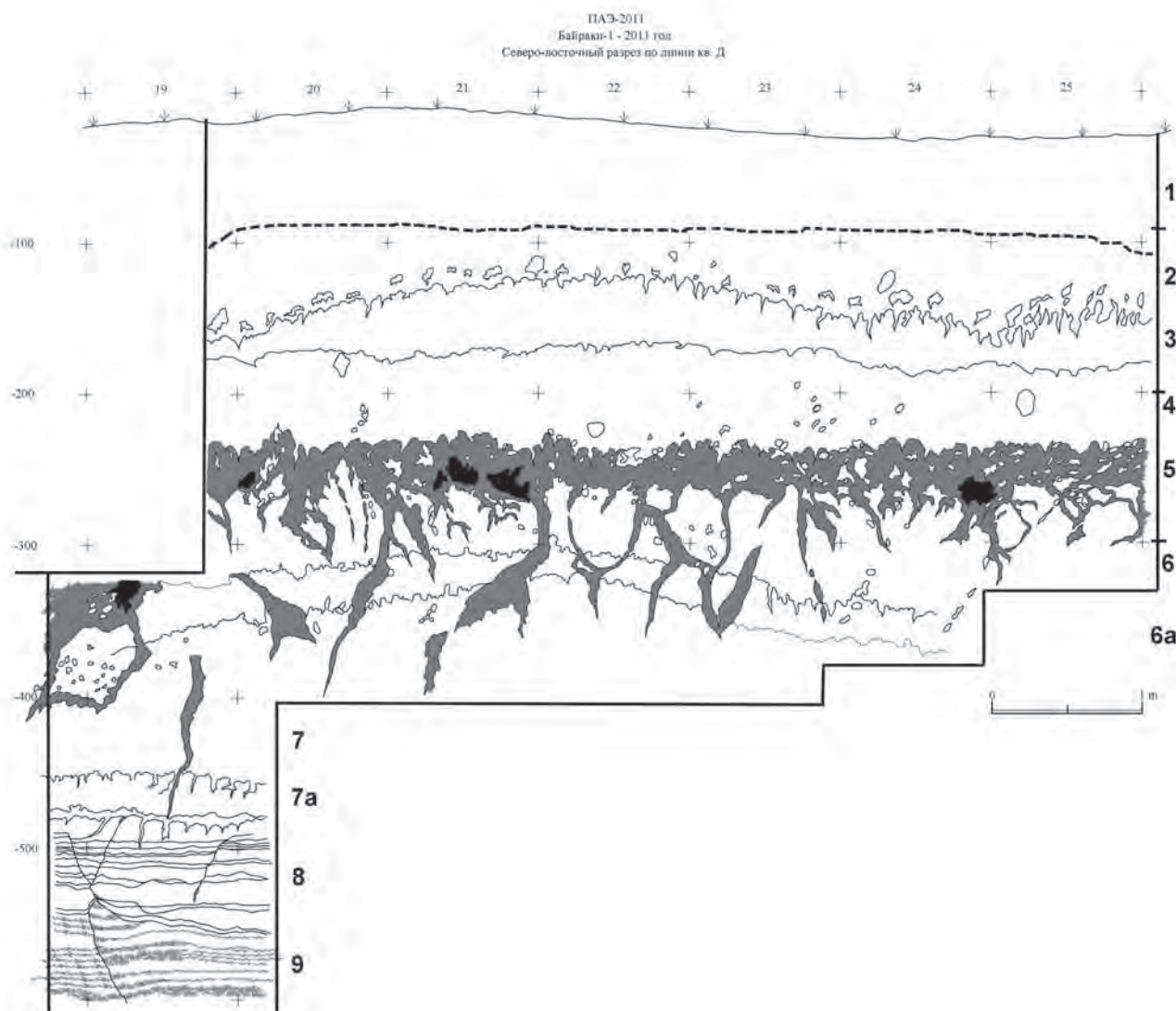

Рис. 3. Разрез северо-восточной стенки раскопа 2011 г. Обозначения слоев даны в соответствии с порядковыми номерами их описания, приведенными в тексте

2. Суглинок коричневато-бурый слабо гумусированный, карбонатный с плотными карбонатными стяжениями и белесыми выцветами извести — карбонатный горизонт голоценовой почвы. Мощность 0,75–1,2 м.

3. Суглинок делювиальный легкий, желто-бурый до палевого, пылеватый, лессовидный, структурированный, пронизан вертикальными ходами червей, отмечены кротовины. Мощность 1,2–1,4 м.

4. Ископаемая почва незначительно гумусированная, коричневая (бурая), глинистая, слабо дифференцированная, с постепенными переходами к подстилающему и перекрывающим слоям. Южнее и выше по склону она выражена отчетливее, являясь более мощной и гумусированной. Мощность 1,4–1,8 м.

5. Ископаемая почва красновато-коричневого цвета, трансформированная и «обезглавленная»; на склоне представлена алевроглиной песчанистой, плотной, известковистой; карбонат — в виде псевдомицелиев и конкреций. Почва разбита отчетливыми трещинами, заполненными однородным красновато-коричневым осадком с более интенсивным красноватым оттенком, чем слой 5, вероятно, проникшим из почв более высоких горизонтов, впоследствии смытом склоновой эрозией. Трещины уходят вниз в слои 6 и 7 на глубину до 1,3 м. В верхней части почвы и в ее основании обнаружены немногочисленные кремневые изделия раннего палеолита и единичные кости животных. Мощность 1,8–2,0 м.

6. Гидроморфная почва типа глеезема: алевроглина буровато-зеленоватая до темно-серой окраски, разбита сквозными трещинами. Венчает аллювиальную толщу, является переработанной почвенными процессами пойменной фацией аллювия почвы. Ее толщина варьирует от 0,4 до 0,1 м. Мощность 2,0–2,4 м.

6а. В основании слоя прослеживается горизонт ожелезнения.

7. Пойменная фация аллювия: алевроит песчано-глинистый, зеленовато-серый, микрослоистый, карбонатный. В верхней части слоя найден обломок неопределимой кости копытного (?) животного. Мощность 2,4–4,3 м.

7а. В нижней части слоя 7 прослеживается заметный горизонт ожелезнения ярко-бурого цвета.

8. Старичная фация аллювия: тонкий глинистый алевроит, карбонатный, горизонтально-слоистый, с чередованием карбонатных алевроитовых прослоев с более глинистыми (возможно, это связано с сезонностью осадконакопления: карбонатные — летние, глинистые — зимние слои). Мощность 4,3–5,3 м.

9. Береговая фация аллювия: пески разнозернистые, несортированные, хорошо промытые от алевроитовых до глинистых частиц, в составе преимущественно мелких галек кварц, черные кремни, яшма, известняк. Осадки иловатые (сохранилась пыльца и споры). Редкие раковины пресноводных моллюсков и переотложенные сарматские. Обнаружены первые (самые верхние) кремневые изделия раннепалеолитического облика, соответствующие аллювиальному (раннему) комплексу. Мощность отложений 5,3–5,6 м.

10. Руслловая фация аллювия. Галечники преимущественно мелкие, несортированные с песчано-гравийным заполнителем. Местами сцементированы карбонатами в конгломерат. Встречаются в разной степени окатанные каменные изделия раннепалеолитического облика. Мощность (видимая) этой толщи равна 5,6–6,2 м.

11. Цоколь террасы вскрывается ниже по течению у ручья. Он представлен раковинно-детритными известняками среднего сармата с раковинами морских моллюсков. Отметки цоколя 95 м абс.

Достаточно четко выделяются три ископаемых почвы: верхняя (слой 4), средняя (слой 5) и нижняя (слой 6). Незначительная линзовидная прослойка светлого суглинка, прослеженная частично лишь в раскопе 2010 г., разделяла верхнюю и среднюю почвы. Если говорить об археологической стратиграфии, то естественно выделение двух блоков — верхнего, или позднего, связанного с почвенными отложениями террасы, и нижнего, или раннего, обнаруженного в руслловом аллювии. Верхний блок возможно подразделить на три горизонта — верхний, средний и нижний. Вполне вероятно, как показал шурф 2011 г., такое же подразделение и аллювиальных отложений.

Верхний блок содержит немногочисленные каменные изделия, подлинное стратиграфическое положение которых не всегда ясно по причине нечеткости границы с выше- и нижележащими слоями. Исключением можно считать стратиграфическое положение покрытого белой патиной скребла на обломке гальки, которое найдено в маломощной линзе суглинка серовато-желтого цвета, прослеженной в расчистке 2010 г. лишь на небольшом участке кв. В-24, на глубине –208 см от современной поверхности. В аналогичных условиях выявлено скребло на осколке песчаниковой гальки. На остальной части раскопа 2010 и 2011 гг. данный суглинок не был обнаружен. Это послужило основанием для выделения верхнего горизонта с кремневыми изделиями, покрытыми белой патиной, который должен соответствовать уровню эрозии, деформировавшей

кровлю красноцветной ископаемой почвы. Этот вывод получил подтверждение в 2012 г., когда в древнем овраге был обнаружен слой аналогичного суглинка, в котором был найден окатанный отщеп с белой патиной³, наличие которой в свою очередь должно свидетельствовать об относительно продолжительном нахождении артефактов на эродированной поверхности отложений. Речь явно идет об одном из холодных стадиалов миндельского оледенения. Напротив, кремневые изделия непосредственно из почвы не имеют патины, отличаясь часто относительно хорошей сохранностью поверхностей.

Нижний горизонт связан с кровлей гидроморфной почвы, которая была выделена почвоведом С.А. Сычевой. Каменные изделия лежали в тонкой (около 10 см) гравийно-галечной прослойке и отличались окатанностью.

ОПИСАНИЕ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Характеристика каменных изделий единого позднего комплекса будет вестись с учетом особенностей их стратиграфического положения. Сразу же необходимо отметить, что все сырье, использовавшееся для изготовления орудий, было местным и отличалось весьма посредственным качеством.

Кремневые изделия верхнего горизонта (с патиной). Коллекция кремневых изделий, соответствующая самому верхнему горизонту, состоит всего из семи предметов, исключая небольшое окатанное клювовидное орудие на кремневой гальке, найденное в нижней части лежащей выше верхней ископаемой почвы бурого цвета. Этот предмет не имел патины и несомненно существенно перемещен вниз по склону. К собственно верхнему горизонту относятся выразительное скребло на обломке кремневой гальки, нуклеус, два отщепе, две чешуйки и скребло на обломке гальки косуцкого песчаника. Последнее, как уже отмечалось, не покрыто патиной, но обнаружено в линзе суглинка серовато-желтого цвета, поэтому включено в данную коллекцию.

Самое выразительное орудие — скребло небольших размеров на обломке кремневой гальки. Слабо выпуклый рабочий край обработан ступенчатой ретушью полукина (*demi-Quina*), распростра-

ненной на значительную часть дорсальной поверхности. Противолежащий и примыкающий к острому лезвию облом, образующий острие, скорее всего, был намеренным и играл роль своеобразного обушка (рис. 4, 1). Нижняя, или вентральная, поверхность не является брюшком отщепе или пластины, а полностью сохраняет полированную поверхность гальки кремня черного цвета. Орудие явно фрагментировано в древности и покрыто белой патиной. Фрагментация связана, скорее всего, если судить по негативам слома в нижней части, не только с трещиноватостью гальки, но и с воздействием морозобойных процессов. Тем не менее, судя по микрорезцовому сколу на верхнем заостренном конце, указывающему на его использование, орудие было востребовано. Данные типы скребел неизвестны в региональном мустье, но вполне обычны в раннем палеолите. К сожалению, на специфику подобных форм исследователи палеолита практически не обращали должного внимания. К примеру, Н.Д. Праслов, описывая сходное

³ В 2012 г. при расчистке стенки обнажения, расположенного ниже раскопа, найдены покрытые патиной скребло и нуклеус, тыльная сторона которого имеет четкие следы морозобойных повреждений.

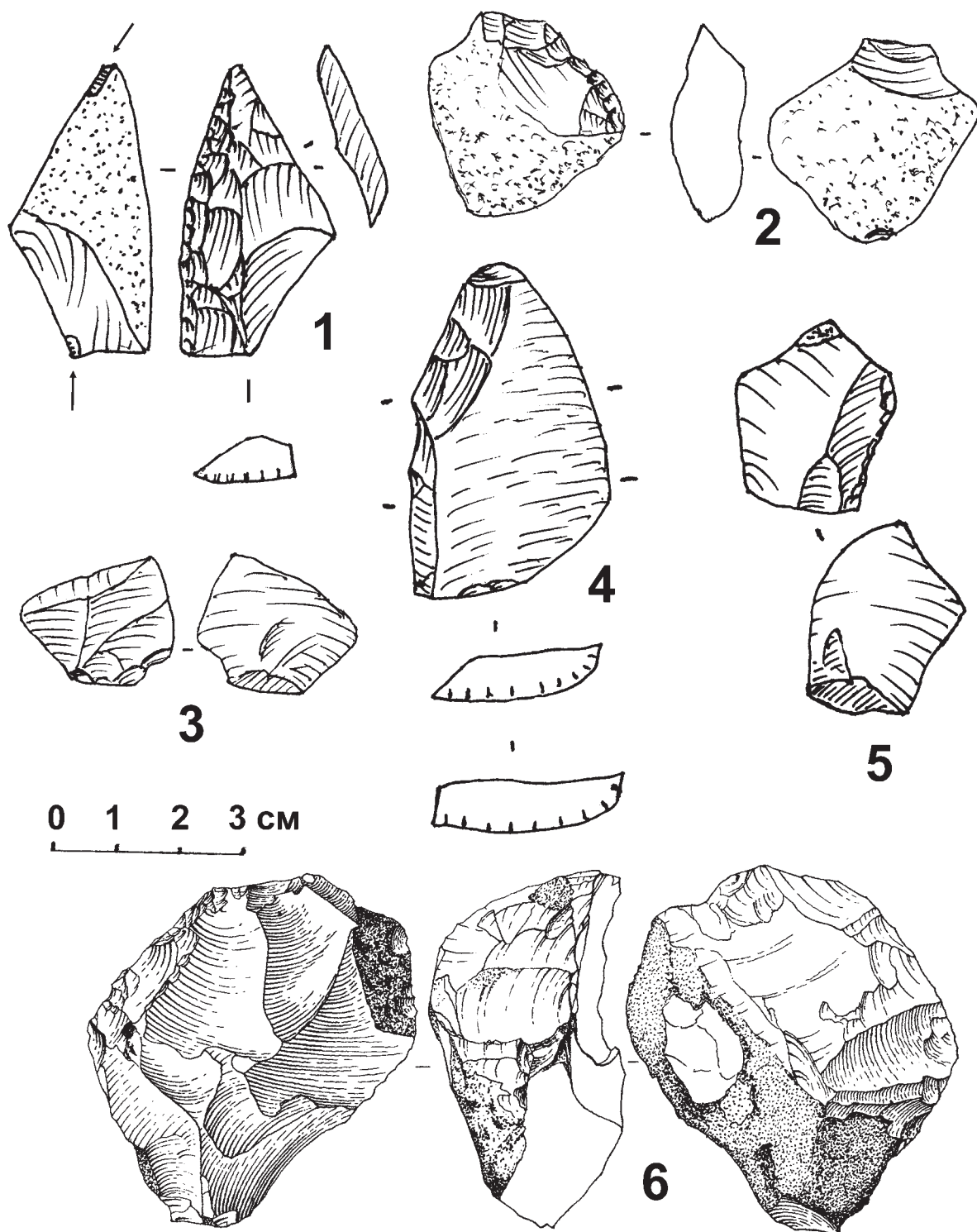

Рис. 4. Кремневые изделия верхнего горизонта. 1 — скребло на обломке кремневой гальки с ретушью полукина; 2 — галечное клювовидное орудие (слой 4); 3 — отщеп кремневый; 4 — скребло на обломке гальки песчаника; 5 — отщеп с патиной (подъемный материал); 6 — нуклеус со скребловидным краем

орудие из кварцита, обнаруженное в раннем комплексе местонахождения Хрящи, справедливо указал лишь на то, что оно изготовлено не из отщепы, а из плитки (Праслов, 1968, с. 33).

Не столь выразительное, но бесспорное скребло, изготовленное на обломке гальки косоуцкого песчаника, по способу оформления рабочего края и размерам вполне аналогично описанному выше (рис. 4, 4). Вентральная поверхность орудия также представляет окатанную поверхность гальки. Рабочий край скребла выделен краевой однорядной ретушью, занимающей половину изделия. По причине низкого качества сырья обработка, естественно, проведена лишь по самому краю лезвия, которое слегка заполировано.

Весьма показательным является остаточный нуклеус, изготовленный из окатанного обломка желвачного кремня (рис. 4, 6). Судя по негативам нескольких снятий, это был одноплощадочный нуклеус средних размеров. Ударная площадка, которую можно восстановить лишь условно, была, скорее всего, гладкой, образованной негативом предшествующего скола. Острое ребро ядрища имеет частично двустороннюю обработку плоской ретушью, которая позволяет интерпретировать его как лезвие скребла.

В коллекции есть два отщепы, один из которых найден в кровле средней почвы (рис. 4, 3), а второй обнаружен на поверхности (рис. 4, 5) недалеко от раскопа. Это, видимо, указывает на то, что основная часть площади стоянки была уничтожена карьером. В слое и осыпи также выявлены две кремневых чешушки.

Кремневые изделия среднего горизонта. Коллекция кремневых изделий характеризуется 15-ю предметами: два нуклеуса, два орудия, отщеп с ретушью и со следами использования, два простых отщепы и семь чешушек, а также песчаниковая галька с обработкой⁴.

Один нуклеус, который может быть описан как нуклеус начальной стадии, или пренуклеус, обна-

ружен в 2010 г. непосредственно в обнажении, в верхней части ископаемой почвы. Он изготовлен на обломке желвачного кремня черного цвета весьма плохого качества. Имеются следы двух четких снятий небольших отщепов и незначительная подправка уплощенными сколами на его ударной площадке.

Второй нуклеус, изготовленный также из желвачного кремня темно-серого цвета, формально относится к одноплощадочным с плоскостным скалыванием. Он несколько меньше первого. В качестве ударной площадки использовались три предшествующих почти радиально ориентированных негатива. На рабочей поверхности четко прослеживаются негативы трех сколов (рис. 5, 4).

Изделия со вторичной обработкой, которые возможно отнести к орудиям, представлены всего двумя предметами. Они могут быть описаны как скребла, если использовать признаки системы Франсуа Борда (Bordes, 1961, p. 25).

Одно из скребел изготовлено на массивном нуклеидном обломке желвачного кремня черного цвета с двумя отчетливыми негативами сколов. Прямой рабочий край выделен в пределах одного из этих негативов серией непрерывных и мелких фасеток ретуши, создающих полукруглое и прямое лезвие скребла (рис. 5, 3).

Второе скребло выполнено на массивном и окатанном в древности обломке черного кремня. Рабочий край, имеющий четкий зубчатый контур, достаточно острый. Эту форму можно описать или как чоппер на окатанном обломке кремня, или как зубчатое скребло с естественным обушком (рис. 5, 5).

Особенный интерес вызвал удлинённый отщеп небольших размеров с покрытой желвачной коркой ударной площадкой (рис. 5, 2). На его ребре четко прослеживаются неглубокие и отвесные фасетки тщательной и параллельной ретуши, формирующие своего рода «обушок», в то время как противоположающийся правый край имеет отчетливые следы утилизации в виде мелких и чередующихся фасеток ретуши. Наиболее выразительной является обработка мелкой и равномерной ретушью верхнего поперечного конца отщепы. Подобные фасетки образуются, как показали эксперименты В.Е. Щелинского, при одновременном резании-

⁴ В 2012 г. в этом слое найдены два галечных орудия, представленных концевым чоппером и скребловидной формой, а также два обломка костей и зуб (МЗ) архайчной лошади (*Equus suessenbornensis*).

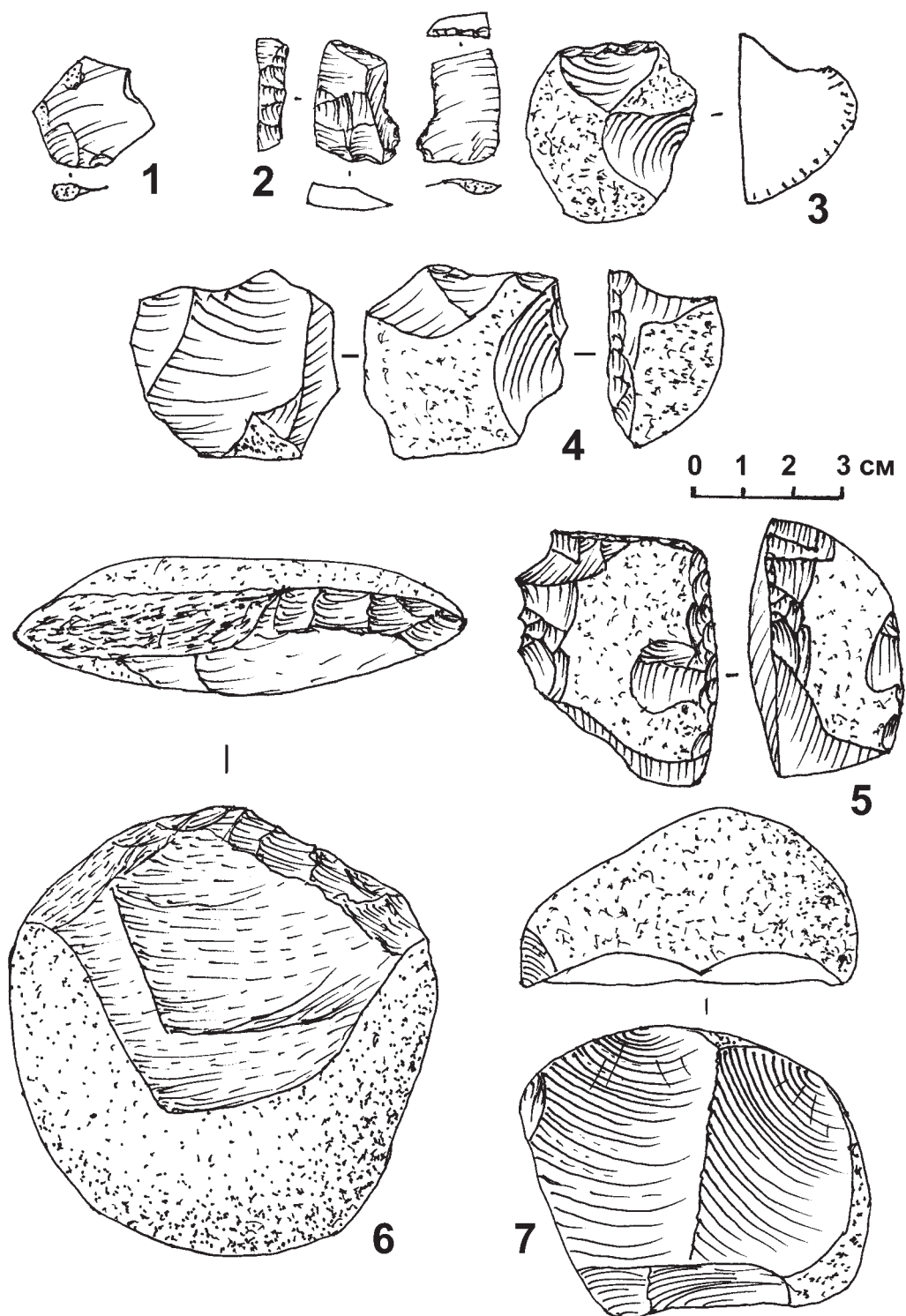

Рис. 5. Кремневые изделия среднего горизонта. 1— отщеп; 2— отщеп со следами работы; 3 — нуклеидное скребло; 4 — нуклеус; 5 — зубчатое скребло; 6 — галька песчаника со следами обработки (утилизации); 7— нуклеус из песчаника (нижний горизонт)

скоблении в течение значительного отрезка времени (Щелинский, 1992, с. 199–200). По заключению этого ученого, основательно ознакомившегося с коллекцией стоянки Байраки, наиболее интенсивно использовался так называемый «обушок», где уплощенные и неглубокие параллельные фасетки возникли как результат интенсивного скобления по относительно твердому материалу, в то время как остальные острые края свидетельствовали об иных функциях, менее продолжительных.

В коллекции также имеются мелкий отщеп (рис. 5, 1) и семь чешуек. В отличие от остальных кремневых изделий, отличающихся хорошей сохранностью поверхностей, среди чешуек есть две слабо окатанные, что указывает на их некоторое перемещение.

Значительный интерес представляет галька песчаника, обнаруженная примерно в 45 м ниже от раскопа, в осыпи, на уровне обнаженной красноцветной ископаемой почвы (рис. 5, 6). Мощный известковистый натек, покрывший более половины предмета (в частности, обработанный участок), однозначно указывает на связь его с ископаемой почвой. Галька, изготовленная из относительно мягкого песчаника, имеет крупные размеры и округлую форму. На поверхности прослеживаются негативы нескольких предшествующих сколов и выпуклый рабочий край с явной частичной оббивкой половины края, нанесенной с одной стороны, вторая половина забита сплошь. По предварительному заключению В.Е. Щелинского, галька использовалась в качестве «мягкого» отбойника. Это заключение согласуется с наличием среди орудий позднего комплекса предметов с уплощенной ретушью.

Коллекция нижнего горизонта. Коллекция из основания средней почвы или из кровли нижней представлена четырьмя предметами, среди которых наиболее показательным является массивное острие, изготовленное на крупной гальке черного кремня с выразительной вторичной обработкой, которая позволяет описать это частично бифасиальное орудие как «пиковидное». Орудие найдено на глубине –261 см от современной дневной поверхности непосредственно в основании слоя 5. Хорошо прослеживается последовательность изготовления и использования орудия: вначале по краю уплощен-

ной кремневой гальки был нанесен сильный удар, образовавший глубокую выемку с естественно заостренными и выступающими краями, которые затем при помощи четких фасеток полукруглой и однорядной ретуши были преобразованы в массивные острия. Слева от более крупного острия и на противоположном конце орудия отчетливо выделены участки, обработанные интенсивной отвесной оббивкой, представленной серией плоских сколов, которые можно рассматривать как аккомодационные: в одном случае это «пятка», а в другом — боковая грань⁵. Острые концы заметно забиты. С вентральной стороны острий выявляются четкие уплощенные сколы, аналогичные плоским резцовым, которые возникли от интенсивного использования острых концов орудий в качестве ударных, возможно, для раскалывания крупных трубчатых костей (рис. 6). Все эти признаки вторичной обработки дают представление об орудии как о весьма сложной и целостной форме, в которой рабочий край и элементы аккомодации объединены в одно целое.

Следующий предмет, также изготовленный из окатанного обломка черного кремня небольших размеров, имеет отчетливую клетонскую выемку и заостренный конец, образованный сочетанием небольшой выемки и резцового скола. Данное орудие, которое можно описать как резцевидное острие типа *bec burinant alterne* (Bordes, 1961, p. 37), отличается от типичных образцов, представленных в тип-листе Франсуа Борда, тем, что один из образующих острие сколов является атипичным резцовым сколом.

Третий предмет — окатанный остаточный нуклеус, изготовленный из косоуцкого (?) песчаника. На его рабочей поверхности прослеживаются негативы не менее трех рельефных сколов, полученных с неподготовленной галечной ударной площадки (рис. 5, 7).

Четвертый предмет — обломок небольшого окатанного отщепы с фасетками плоской ретуши.

⁵ Известный отечественный специалист по палеолиту Х.А. Амирханов, ознакомившийся с материалами стоянки Байраки, обратил особое внимание именно на этот аккомодационный элемент как наиболее характерный для индустрий начального раннего палеолита Евразии.

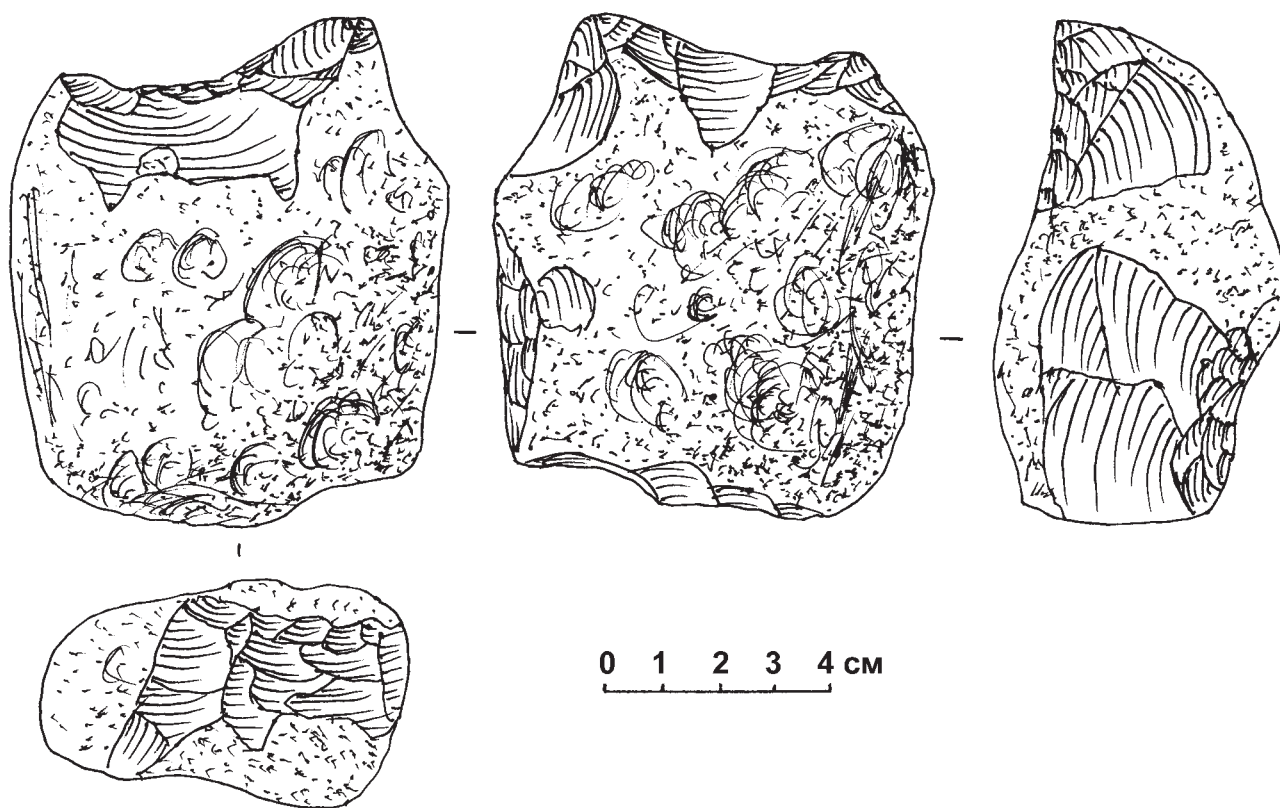

Рис. 6. Массивное пиковидное острие из нижнего горизонта

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО КОМПЛЕКСУ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Коллекция каменных изделий данного комплекса невелика, но она представлена весьма выразительными формами раннепалеолитического облика. Анализ нуклеусов указывает на отсутствие среди них форм с дополнительной подправкой рабочих плоскостей. Им также соответствует и немногочисленные мелкие отщепы с гладкими ударными площадками, включая естественные, с сохранившейся желвачной коркой, указывающие на отсутствие подготовки ударных площадок.

Среди орудий особый интерес представляет скребло с ретушью полукина на фрагменте кремневой гальки. К аналогичным формам, изготовленным на фрагменте гальки, но в силу особенности сырья иначе ретушированным, можно отнести, как уже отмечалось, скребло на обломке гальки косоуцкого песчаника. Подобные типы скребел нехарактерны для среднего палеолита Русской рав-

нины, но представлены в коллекциях дубоссарской индустрии, относящейся к раннему палеолиту. В качестве показательного также можно использовать грубое зубчатое скребло, изготовленное на массивном обломке окатанного кремня, что позволяет видеть здесь обычное галечное орудие. К галечным формам можно отнести массивное пиковидное острие из нижнего горизонта, изготовленное на крупной кремневой гальке. Оба орудия указывают на присутствие в коллекции типичных галечных форм.

В общем данная индустрия скорее всего относится к микролитическим с преобладанием мелких изделий, но с присутствием немногочисленных галечных макроформ. Все эти элементы хорошо представлены в более многочисленных коллекциях соседних местонахождений — Погребя и Большой Фонтан.

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСА

Анализируемый комплекс обнаружен на высокой VII надпойменной террасе Днестра в средней ископаемой почве, которая имеет вполне обоснованную относительную датировку.

Согласно заключению палеогеографа А.Л. Чепалыги, известного своими основательными геологическими работами в Приднестровье, данная красноцветная почва лежит на отложениях пойменной фации аллювия VII террасы, в верхней части которой установлен палеомагнитный эпизод Харамилло (0,98–1,07 млн лет). Несколько выше, в соседнем разрезе у села Кицканы, в пределах пойменного аллювия этой же террасы ранее была получена РТЛ дата 940 ± 200 и 1100 ± 250 т.л. В таком случае нижняя граница позднего комплекса Байраки может быть моложе приведенных выше дат. Окончательно А.Л. Чепалыга отнес поздний комплекс стоянки Байраки к ИКС (изотопно-кислородной стадии) 19. Не исключено, как считает ученый, что нижний горизонт из основания средней ископаемой почвы или кровли нижней явно древнее лежащих выше и соответствует ИКС 20 (Чепалыга, Анисюткин, 2012, с. 126).

Для выяснения верхней хронологической границы первостепенное значение имеет самая верхняя ископаемая почва бурого цвета, впервые выделенная в 2011 г. почвоведом С.А. Сычевой. Данная почва наиболее хорошо представлена ниже по левому склону оврага и перекрывает, как уже отмечено выше, красноцветную. Она может относиться, как считает почвовед, к среднему неоплейстоцену, вероятно, к лихвинскому = завадовскому или миндель-рисскому межледниковью. Этой дате, которая должна восприниматься как предельно поздняя, не противоречат и данные спорово-пыль-

цевого анализа, указывающие на существование в районе стоянки открытых пространств с произрастающим вдоль водоемов лесом из широколиственных пород, включая третичные экзоты. Последние, выявленные здесь среди древесных пород, исчезают в регионе в начале среднего неоплейстоцена, после миндель-рисского межледниковья, естественно указывая на более ранний возраст находок самого верхнего горизонта позднего комплекса, явно не моложе миндельского времени. А.Л. Чепалыга обоснованно допускает более ранний возраст и этой бурой почвы, сопоставляя ее с лубенской почвой украинской стратиграфической схемы, которая имеет абсолютную дату около 550 т.л. (Чепалыга, Анисюткин, 2012, с. 127; Адаменко и др., 1996, с. 151). В любом случае, верхняя граница позднего комплекса явно не моложе 500 т.л., соответствуя, если даже принять «короткую хронологию», как минимум тилигульскому времени (т.е. позднему минделю) с датой более 500 тыс. лет.

В этом случае поздний комплекс стоянки Байраки существовал во временном промежутке 800–500 т.л. назад, в целом совпадающем с тираспольским фаунистическим комплексом. Данный вывод косвенно согласуется с важной находкой обломка зуба трогонтериевого слона — типичного представителя тираспольского фаунистического комплекса, обнаруженного на местонахождении Погребя в красноцветной ископаемой почве совместно с кремневыми изделиями раннего палеолита (Анисюткин, 1994; 2010, с. 174–175), а также находкой зуба зюссенборнской лошади, характерной для таманского и тираспольского фаунистических комплексов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемый поздний комплекс каменных изделий стоянки Байраки, происходящий из красноцветной ископаемой почвы, является первым и пока самым древним стратифицированным комплексом раннего палеолита на территории Восточной Европы, расположенном севернее предгорий Кавказа и Таманского полуострова. Он, как уже

отмечалось, синхронен тираспольскому фаунистическому комплексу, сопоставимому с миндельскими и позднекрюмерскими фаунами Европы.

Несмотря на малочисленность кремневых изделий рассматриваемого комплекса, здесь прослеживается сочетание ряда признаков технико-типологического порядка, позволяющих сопоставлять

его с дубоссарской индустрией, обнаруженной на территории Нижнего Приднестровья и описанной ранее. Эта индустрия характеризуется абсолютным господством кремневых изделий мелких размеров и присутствием немногочисленных более крупных галечных форм, а также единичных бифасов. Подобное сочетание дает основание рассматривать дубоссарскую индустрию как ашельскую, но обладающую региональной спецификой — микролитонность кремневых изделий этой индустрии

совмещается с более редкими галечными формами и единичными бифасами.

Кроме того, одно из особо важных значений стоянки Байраки заключается в том, что она найдена непосредственно в ископаемых почвах раннего неоплейстоцена. Ее же геоморфологическая позиция указывает на хорошую перспективу поиска аналогичных индустрий в аналогичных условиях в бассейнах великих рек Восточной Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осипук В.А., Матвишина Ж.Н., Медяник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Чернюк А.В. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев: Феникс, 1996.
- Амирханов Х.А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 21–34.
- Амирханов Х.А., Трубихин В.М., Чепалыга А.Л. Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего палеолита Айникаб-1 (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы Междунар. симп. (6–12 сентября 2009, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С. 36–41.
- Анисюткин Н.К. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // Археологические вести. 1994. № 3. С. 6–16.
- Анисюткин Н.К. Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 172–187. (Труды ИИМК РАН. Т. XXXV).
- Анисюткин Н.К., Коваленко С.И., Бурлаку В.А., Очередной А.К., Чепалыга А.Л. Байраки — новая стоянка раннего палеолита на Нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 2–10.
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка, 1990.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодцов А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб., 2007.
- Кулаковская Л.В. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев: Наукова думка, 1989.
- Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. Л.: Наука, 1968. (МИА. № 157).
- Пясецкий В.К. Среднеашельское местонахождение Меджибож // Vita Antiqua. 2001. № 3–4. С. 125–134.
- Саблин М.В. Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 62–67. (Труды ИИМК РАН. Т. XXXV).
- Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006.
- Степанчук В.Н., Рековец Л.И. Нижний палеолит Украины: современное состояние исследований // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф. Краснодар — Темрюк. Ростов-н/Д., 2008. С. 105–107.
- Чепалыга А.Л. О четвертичных террасах долины Нижнего Днестра // БКИЧП. 1967. № 27. С. 61–71.
- Чепалыга А.Л., Анисюткин Н.К. Открытие древнейшей в Восточной Европе палеолитической стоянки Байраки на Днестре: геология, палеосреда, археология // Человек в истории и культуре: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса: СМІЛ, 2012. С. 123–140.
- Четвертичная система. М.: Недра, 1982. (Стратиграфия СССР. Полутом 1).
- Щелинский В.Е. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгея, 1992. С. 194–209.

Щелинский В.Е. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 7–77.

Bordes F. Typologie du Paleolithique ancien et moyen. Mem. 1. Bordeaux, 1961.

Koulakovskaya L.V., Usik V.I. Early Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathian, Ukraine: Level VII) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы Междунар. симп. (6–12 сентября, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С. 267–277.

А. Н. Цвелых¹, В. Н. Степанчук²

ИЗДЕЛИЕ ИЗ КОСТИ ПТИЦЫ ИЗ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ ЗАСКАЛЬНАЯ VI (КОЛОСОВСКАЯ) В КРЫМУ

A. N. Tsvelykh, V. N. Stepanchuk An artifact made of a bird bone from Zaskalnaya VI (Kolosovskaya) Moustierian site in Crimea

Proposed paper deals with the find of fragment of radial bone from the wing of Raven covered by notches of obviously artificial origin. Utilitarian purpose of this artefact which was probably used as point or needle is proposed and argued. The find is recovered in layer III of the Crimean site of Zaskalnaya VI, well known for numerous Neanderthal skeletal remains. Age of the layer is ranged between 35 and 38 uncalibrated C14 ky BP. Lithic industry represents local Middle Palaeolithic Micoquian industry of Ak-Kaya type which sites are concentrated in the Eastern part of Crimean mountains.

Заскальная VI (Колосовская), одна из важнейших среднепалеолитических многослойных пещерных стоянок Крыма, была выявлена и с небольшими перерывами интенсивно исследовалась Крымской палеолитической экспедицией ИА АН Украины под руководством Ю.Г. Колосова с момента открытия в 1969 г. до 1985 г. (Колосов 1973; 1979; 1986; Колосов и др., 1993 и др.). В 2005 г. охранные работы на памятнике были проведены Крымской палеолитической экспедицией ИА НАНУ и Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Памятник расположен в предгорной полосе в восточной части Крымского полуострова возле с. Вишенное Белогорского р-на АРК, в балке Красной, по правому берегу р. Бююк-Карасу, под 45°6' СШ и 34°36' ВД, на вы-

соте около 205 м над уровнем моря в системе координат IGS 98, в 45–50 км от современного морского побережья. Стоянка связана с разрушенным навесом, рухнувший козырек которого зафиксирован над вторым культурным слоем. Экспозиция убежища южная, превышение над уровнем реки около 60 м.

Материалы раскопок 1970–1982 гг. были изданы Ю.Г. Колосовым монографически и в серии специальных публикаций (Колосов 1973; 1979; 1986; Колосов и др., 1993 и др.). Геология изучалась В.П. Душевским, П.Д. Городецким, А.А. Клюкиным, фауна — К.В. Капелист и Е.И. Даниловой. Инвентарь стоянки определяется как принадлежащий микокской аккайской индустриальной традиции (Колосов, Степанчук, 1998).

В трехметровой колонке отложений памятника прослежено минимум семь отдельных культурных слоев. Для VI–V слоев точная хроностратиграфическая позиция не установлена, но допускается их принадлежность началу последнего оледенения

¹ Институт зоологии НАНУ Украины, г. Киев, Украина.

² Институт археологии НАНУ Украины, г. Киев, Украина.

(Величко и др., 1978). Верхние четыре культурных слоя, датированные радиоуглеродным методом в Киевской и Оксфордской лабораториях, имеют возраст 24–39 некалиброванных тыс. лет по ^{14}C . Радиоуглеродные некалиброванные даты III слоя (материал образцов — кость) составляют 35 250 ± 900 (OxA-4772), 36 400 ± 450 (Ki-10894), 38 200 ± 410 (Ki-10 609).

Мегафауна представлена главным образом мамонтом, носорогом, лошадью, сайгой, гигантским и северным оленем. В IIIa, III и II слоях в 1972, 1973, 1978 и 2005 гг. были обнаружены антропологические находки. Изучение этих разрозненных, а иногда и частично анатомически связанных костных фрагментов посткраниального скелета неандертальцев, прервавшееся в середине 1980-х годов, было возобновлено в 2006 г. в рамках совместной научно-исследовательской программы ИАЭ РАН и ИА НАНУ. Количество индивидуумов оценивается в 5–6 (Боруцкая и др., 2007).

Третий слой Колосовской стоянки богат стандартными остатками жизнедеятельности человека: кремневыми изделиями, отходами их производства и переоформления, фаунистическими остатками. Наряду с обычными массовыми находками в слое обнаружено несколько индивидуальных находок, редко встречающихся на поселениях неандертальцев. К их числу относится фрагмент птичьей кости с насечками, обнаруженный нами в процессе обработки костных остатков птиц из третьего слоя стоянки.

Находка представляет собой фрагмент лучевой кости (*os radius*) крыла птицы длиной 20 мм, шириной (посередине кости) 4 мм и высотой 2,5 мм (рис. 1, 1, 2). Фрагмент был отчасти покрыт известковым налетом. Кость принадлежала ворону *Corvus corax* (для видовой идентификации образца использованы эталонные остеологические коллекции Палеонтологического музея Центрального Национального природоведческого музея НАН Украины). При препарировании найденного фрагмента на одной из граней кости был обнаружен ряд поперечных насечек, нанесенных с интервалом около 1 мм. Насечки явно были сделаны тонким режущим краем кремневого орудия. Всего таких насечек прослеживается восемь, из них шесть

глубоких (глубиной около 0,5 мм) и две менее глубоких — в виде отчетливых штрихов. Возможно, цепь насечек продолжалась и далее — на несохранившуюся часть кости (кость могла быть сломана при эксплуатации изделия или еще в процессе его изготовления, например при нанесении насечек). Противоположная грань кости (рис. 1, 2b) также имеет повреждения естественной поверхности в виде мельчайших зазубрин и насечек, различных лишь под увеличением. Примечательно, что протяженность участка с повреждениями составляет около 10 мм и сопоставима с протяженностью участка с более выраженными насечками.

Очевидно, что насечки наносились на уже отделенную от скелета и предварительно препарированную кость: такие насечки совершенно бесполезны при разделке тушки птицы, кроме того, учитывая анатомическое строение птичьего крыла, это было бы чрезвычайно трудно сделать технически. Можно допустить, что кость использовали (или предполагали использовать, если она была сломана в процессе изготовления) с утилитарной или ритуальной целью. Например, орнаментированная таким образом кость (или несколько аналогично орнаментированных тонких и длинных костей) могла использоваться в качестве подвески. При этом орнамент можно было легко выделить окрашиванием, например, проводя костью по кусочку охры или другого красящего материала для заполнения полостей насечек красящим веществом. О том, что охра использовалась обитателями заскальненских стоянок, свидетельствуют находки кусочков красной и желтой охры во втором, четвертом и пятом слоях Заскальной V и в третьем слое Заскальной VI (Колосов, 1983; Степанчук, 2008) причем некоторые из них (Заскальная V, слой V и Заскальная VI, слой II) имели следы скобления (Степанчук, 2006). В материалах третьего слоя Заскальной VI имеется также несколько кремневых изделий с участками желвачной корки, каверны которой заполнены красной охрой. Впрочем, никаких следов искусственного окрашивания на исследуемом фрагменте кости не обнаружено.

Более реалистичной представляется идея о сугубо утилитарном использовании артефакта. Ранее на этой же стоянке и практически в том же слое

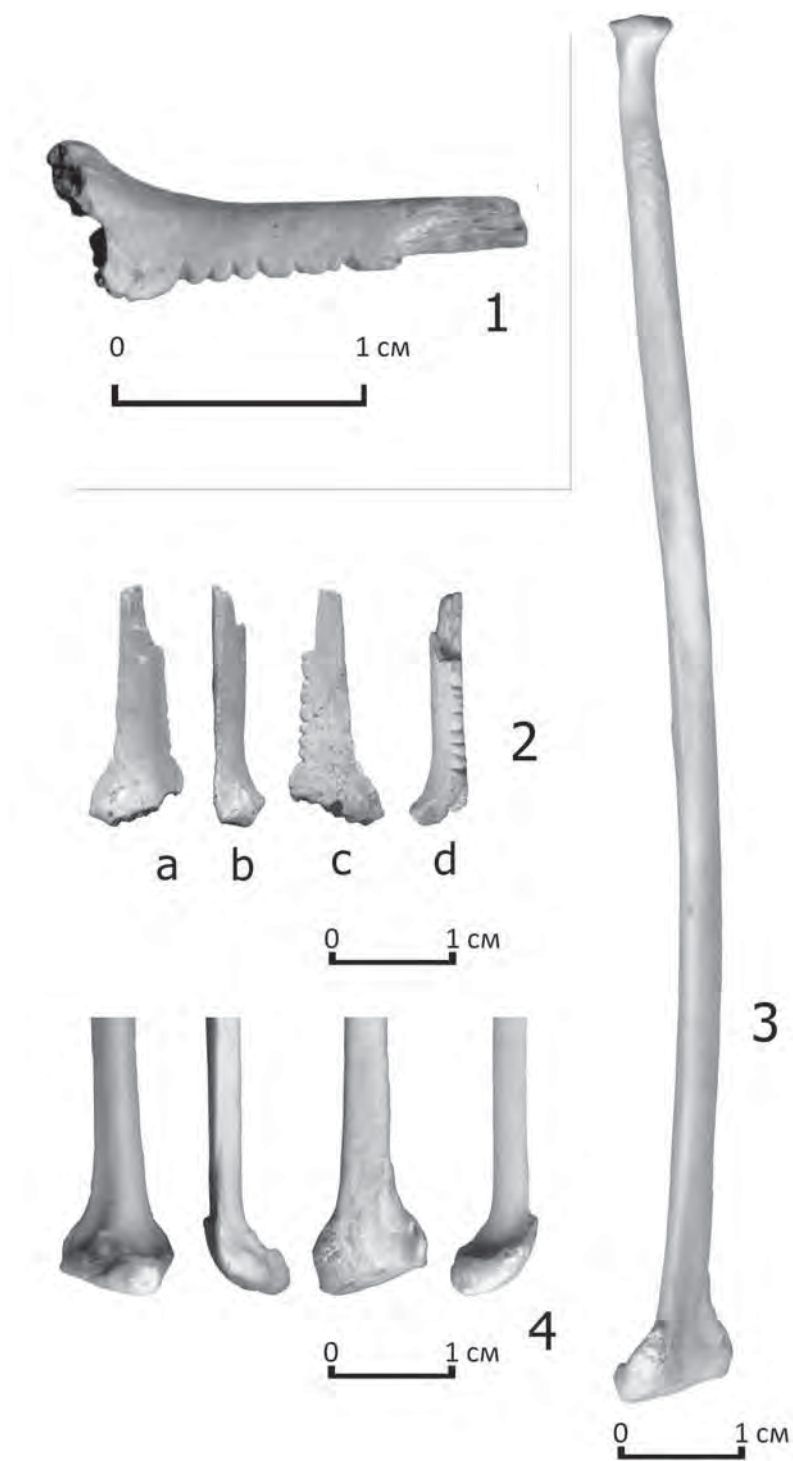

Рис. 1. Заскальная VI (Колосовская), слой III: 1 — Фрагмент лучевой кости крыла ворона с насечками, двукратное увеличение, 2 — то же, четыре проекции, 3 — лучевая кость крыла современного ворона, 4 — фрагмент лучевой кости современного ворона, четыре проекции

(слой IIIa) было найдено изделие, выполненное из грифельной кости лошади длиной 72 мм и переменным диаметром от 2 до 7 мм (Колосов, 1986, с. 67, табл. LXLIII). На одной из поверхностей изделия, ближе к утолщенному концу, было нанесено 11 параллельных поперечных насечек. Изделие, вероятно, использовалось в качестве проколки (Колосов, 1986).

Можно допускать, что найденное нами изделие из кости птицы имело сходную функцию и представляет собой базальный обломок проколки или шила. Однако обращает внимание то, что лучевая кость у птиц относительно длинная (в частности, у ворона ее длина около 10 см), тонкая и округлая в сечении на большей части своей длины (рис. 1, 3). Именно эту кость крыла птиц часто использовали люди позднего палеолита и примитивные народы Севера для изготовления игл, заостряя один ее конец и проделывая отверстие или делая специальное сужение для крепления нити на другом. Однако такой уровень техники обработки кости еще не был доступен в раннем палеолите. Если рассматривать найденный нами фрагмент лучевой кости птицы с насечками как часть иглы, то поперечные насечки могли быть предназначены для предотвращения соскальзывания нити при продергивании иглы через шкуру животного. Расширенная уплощенная конечная часть кости (рис. 1, 4), вероятнее всего, намеренно была сужена и умень-

шена в размере путем удаления слишком выступающих частей, а противоположный, несохранившийся, конец кости мог быть заострен путем простого обламывания и затачивания.

Применение изготовленной нами модели такой иглы показало, что если ее воткнуть в кожу приблизительно до уровня начала области насечек и плотно намотать несколько витков нити (в качестве нити использовался конский волос) так, чтобы хотя бы часть из них совпала с насечками, то дальнейшее продергивание нити через кожу (если продолжать держать нить натянутой) происходит успешно. Следует отметить, что конский волос был вполне доступным ресурсом для использования его крымскими неандертальцами: лошади были одним из главных объектов их охоты. Не исключено, что костяная проколка, упомянутая Ю.Г. Колосовым в монографии 1986 г., также могла быть изготовлена для использования в качестве иглы при сшивании шкур.

Таким образом, имеются некоторые основания допускать, что аккайские неандертальцы, вероятно, изготавливали оригинальные безушковые иглы из костей различных животных и пользовались ими для шитья изделий из шкур. Дальнейшее накопление данных, а также изучение имеющихся материалов, в том числе и трасологическое, возможно, доставит дополнительные *pro* или *contra* аргументы.

ЛИТЕРАТУРА

Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Степанчук В.Н. К вопросу о палеоантропологии крымских неандертальцев. Возобновление исследований // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. 1. М., 2007. С. 101–104.

Величко А.А., Душевский В.П., Подгородецкий П.Д. и др. Стоянки Заскальная V и Заскальная VI // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 20–37.

Колосов Ю.Г. Палеоантропологические находки у скалы Ак-Кая // Вопросы антропологии. 1973. № 44. С. 162–166.

Колосов Ю.Г. Аккайские мустьерские стоянки и некоторые результаты их исследования // Изучение

палеолита в Крыму. Киев: Наукова думка, 1979. С. 33–56.

Колосов Ю.Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев: Наукова думка, 1983.

Колосов Ю.Г. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка, 1986.

Колосов Ю.Г., Степанчук В.М. Пам'ятки з двобічними знаряддями в середньому палеоліті Криму: огляд та інтерпретація даних // Археологія. 1998. № 4. С. 9–19.

Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. Ранний палеолит Крыма. Киев: Наукова думка, 1993.

Степанчук В.Н. Ранний и средний палеолит Украины. Чернівці: Зелена Буковина, 2006.

О. Н. Кононенко¹

ПЕРФОРАТОРЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РАДОМЫШЛЬ I²

Kononenko O.N. The perforators of Radomyshl' I Upper Paleolithic site

The Radomyshl' I Upper Paleolithic site (Zhytomyr region, Ukraine) was discovered by I.G. Shovkoplyas in 1956 and excavated during 1957 and 1959. The industry of Radomyshl' I could be dated to 19 000 BP and represents original UP culture which is typologically quite different from so-called Epi-Gravettian. It should be stressed relatively high proportion of perforators (about 3%) in the tool-kit. This article represents results of the typological and statistical analysis of this kind of tools. In the collection there are 51 perforators and other 7 samples combined with other tools made on blades mainly. Perforators with symmetrical elongated tip created by bilateral dorsal retouch are most numerous. At the same time there are no specific features the perforators of Radomyshl' I site. High proportion of this type of tools could be explained by on site activity.

ВВЕДЕНИЕ

В ходе диссертационного исследования верхнепалеолитической стоянки Радомышль I, исследованной И.Г. Шовкоплясом более 50 лет назад, автор статьи по-новому рассматривает вопросы датирования, топографии, планиграфии памятника, типологии отдельных категорий ее кремневого инвентаря (Кононенко, Пеан, 2005; Кононенко, 2009; 2010; 2011).

Один из интересных вопросов типологии кремневого комплекса Радомышля I связан с многочисленной коллекцией орудий для получения отверстий. Их количество в коллекциях разных

верхнепалеолитических памятников колеблется от нескольких экземпляров, что составляет менее 1 % от общего числа орудий (Пушкاري I, Липа I, Зарайская, Межиричи), до многочисленных выразительных серий (Мезин — 3,6 %, Бармаки — 2,7 %, Рашков 7 — 6,3 %, Радомышль I — 3 % всех орудий). При этом в целом памятники с выразительными коллекциями перфораторов довольно редки. Тем более интересным и значимым является сравнительно многочисленный набор таких изделий из Радомышля I, который позволяет детально анализировать их технико-типологические характеристики. Поскольку обычно эта категория орудий не считается типолого-определяющей для кремневых комплексов, подобные исследования материалов памятника ранее не проводились.

¹ Институт археологии НАНУ, г. Киев, Украина.

² Работа выполнена при поддержке гранта «Спільний конкурс НАН України-РГНФ 2007–2009» (№ 23-07Ук).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РАДОМЫШЛЬ I

Радомышльские стоянки были открыты в середине 1950-х годов в Украинском Полесье на окраине г. Радомышля Житомирской области и исследовались экспедицией ИА АН УССР под руководством д.и.н. И.Г. Шовкопляса. В процессе изучения было открыто четыре пункта (Радомышль I–IV). Раскопки проводились в пунктах I, II, IV. Из пункта III происходит коллекция подъемных материалов. Культурные остатки всех четырех пунктов представлены большим количеством кремневых изделий (свыше 50 тыс. экз.) и фаунистическим комплексом, состоящим почти исключительно из костей мамонта (Шовкопляс, 1957–1959; 1963–1965).

Вследствие более глубокого залегания культурный слой пункта Радомышль I сохранился лучше. Стоянка исследовалась в 1957 и 1959 гг., была раскопана площадь в 580 кв. м. Кремневый комплекс насчитывает свыше 11 тыс. экз. В обнаруженных на площади раскопа скоплениях фаунистических остатков абсолютно преобладают кости мамонта.

Пункт Радомышль II исследовался в 1963 и 1965 гг. на площади 536 кв. м. Его коллекция насчитывает почти 5,5 тыс. изделий из кремня. Пункт Радомышль III представлен наименьшим количеством находок (несколько сотен экземпляров). Полноценные раскопки здесь не проводились, а кремневые находки собирались просто с поверхности. Уровень залегания культурного слоя на пунктах II и III был незначителен, фаунистических остатков здесь не обнаружено. Местонахождение Радомышль IV исследовалось в течение 1959 и 1963 гг. Оно самое большое по площади раскопа (1756 кв. м) и количеству кремневых находок (около 32,5 тыс. экз.). Фаунистические остатки здесь малочисленны и не образуют каких-либо концентраций или скоплений (Шовкопляс, 1957–1959; 1963–1965).

Радомышльские стоянки располагаются на краю водораздельного плато, образованного моренными отложениями, перекрытыми дерново-среднеподзолистыми песчано-легкосуглинистыми почвами. Участок, на котором были обнаружены пункты I–IV, является одной из наивысших точек в окрест-

ности. Именно здесь проходит водораздел двух рек: Тетерев и ее левого притока — р. Лутовочки. Составление топографического плана местности и опубликованной план-схемы местонахождений I–IV Радомышльской стоянки (Шовкопляс, 1964, с. 90) демонстрирует, что пункты, исследованные в 1950–1960-х годах, в действительности связаны лишь с двумя возвышенностями удлиненной формы, одно из которых находится у основания мыса, а второе — ближе к его концу (рис. 1).

В 2007 г. в окрестностях г. Радомышля были проведены полномасштабные поисковые работы. В районе ранее известных верхнепалеолитических стоянок удалось проследить три зоны распространения кремневых изделий. Первая соответствует пунктам I и II, а вторая — пунктам III и IV И.Г. Шовкопляса. Кроме этого несколько южнее этих местонахождений, на склоне правого борта балочки, расположенной западнее пунктов I и II, была собрана коллекция верхнепалеолитических кремней. Этот новый пункт получил название Радомышль V (рис. 1). Еще один новый верхнепалеолитический пункт — Лутовка IV — был открыт автором в 2007 г. в 3,3 км на восток от пункта Радомышль I на территории с. Лутовка Радомышльского района. Собранные здесь материалы по своим технико-типологическим характеристикам подобны находкам Радомышля I (рис. 2) (Кононенко, 2007/245, с. 16; Кононенко, 2011, с. 22–24; Кононенко, в печати).

Несмотря на многочисленность верхнепалеолитических пунктов в окрестностях г. Радомышля, практически во всех публикациях идет речь об одной «Радомышльской стоянке». Традиция употребления такого названия была заложена автором исследования И.Г. Шовкоплясом. Результаты раскопок в Радомышле он подробно рассмотрел в трех статьях. Две из них были посвящены только одному пункту — Радомышль I — и имели форму кратких сообщений (Шовкопляс, 1964; 1965). Еще в одной статье материалы того же пункта привлекались для характеристики хозяйственно-бытовых комплексов в верхнем палеолите (Шовкопляс,

Рис. 1. Топографический план местонахождений Радомышль I–V

1971). Таким образом, из всех пунктов, выявленных в окрестностях г. Радомышля, были опубликованы лишь данные, касающиеся пункта I. Соответственно, употребляя в своих трудах словосочетание «стоянка Радомышль», И.Г. Шовкопляс имел в виду лишь пункт Радомышль I.

Акцентирование внимания автора раскопок на Радомышле I объясняется лучшей сохранностью его культурного слоя, а также тем, что именно здесь были зафиксированы скопления костей мамонта, интерпретированные исследователем как остатки «жилищ». Сама стоянка, по мнению И.Г. Шовкопляса, отображает уклад первобытной общины начальной поры верхнего палеолита, когда хозяйственная и производственная деятельность и быт ее жителей, уже разделенных на отдельные семьи, полностью или в значительной степени имели еще групповой (общинный) характер. Обитатели стоянки живут в отдельных небольших жилищах, но еще довольствуются наличием общих объектов

хозяйствования — производственного центра, кухни и ямы-хранилища. Эти взгляды ученый проиллюстрировал описанием структуры поселения, на котором он выделил «остатки шести небольших наземных, округлых и подовальных жилищ, места которых были отмечены скоплениями костей мамонтов» (Шовкопляс, 1971, с. 17), и опубликованным планом костных остатков (Шовкопляс, 1964, с. 91).

Согласно описанию Н.Л. Корниец (Корнієць, 1962, с. 125), в фаунистическом комплексе стоянки Радомышль I (общее количество определенных остатков (NISP) — 1147 единиц) абсолютно доминируют кости мамонта (*Mammuthus primigenius*). Другие животные представлены тремя таранными и пястной костью коня (*Equus caballus*), двумя фрагментами трубчатых и пяточной костью северного оленя (*Rangifer tarandus*), лучевой костью бизона (*Bison priscus*). Как И.Г. Шовкопляс, так и другие участники раскопок отмечали чрезвычай-

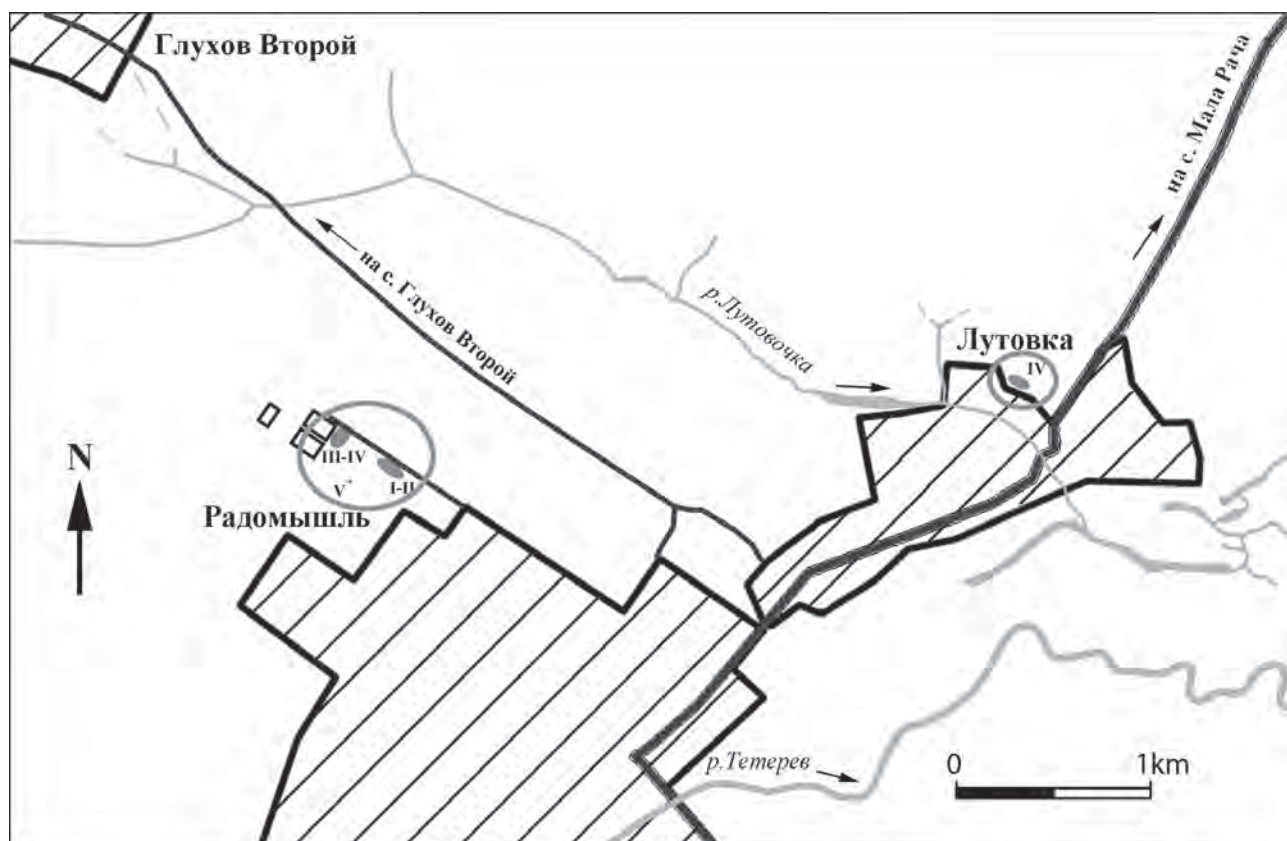

Рис. 2. Карта верхнепалеолитических стоянок Радомышль I–V и Лутовка IV

чайно плохую сохранность костей, иногда под воздействием ветра превращавшихся в пыль.

В середине 2000-х годов автором статьи в сотрудничестве с археозоологом С. Пеаном (Франция) и палеонтологом Н.Л. Корниец (Украина) был полностью восстановлен план распространения костных останков стоянки Радомышль I (рис. 3) и проведен их детальный археозоологический анализ. Отмеченная специфика соотношения количества костей различных частей скелета мамонта, а также их распределения на площади памятника позволили нам констатировать наличие определенной сортировки костей в пределах отдельных скоплений. Характер этой сортировки свидетельствует об образовании скоплений в результате в основном сбора трупов животных и/или уже сухого костного материала. При этом они не имеют характерных строительных признаков, зафиксированных на известных эпиграветтских памятниках Межиричи, Мезин, Добраничевка и др. Таким об-

разом, костные скопления поселения Радомышль I имели хозяйственное назначение и могут восприниматься как места накопления костного материала, частично отсортированного для дальнейшей утилизации (Péan, Kononenko, 2004, p. 201–201; Кононенко, Пеан, 2005, с. 78–86; Кононенко та ін., 2006, с. 240–254).

Автор раскопок И.Г. Шовкопляс отнес индустрию Радомышля I к самому началу начальной поры (ориньяк-солютре) местного среднелепельского варианта верхнего палеолита Восточной Европы (Шовкопляс, 1969, с. 36; Шевченко, Шовкопляс, 1982, с. 9–10). Основным доводом, позволившем автору раскопок считать памятник переходным от среднего к верхнему палеолиту, было наличие в его коллекции обломков «дисковидных нуклеусов» и среднепалеолитических орудий труда (скребел). Ошибочность этой точки зрения позже доказали Ю.Е. Демиденко и В.И. Усик, собравшие из обломков «дисковидных нуклеусов»

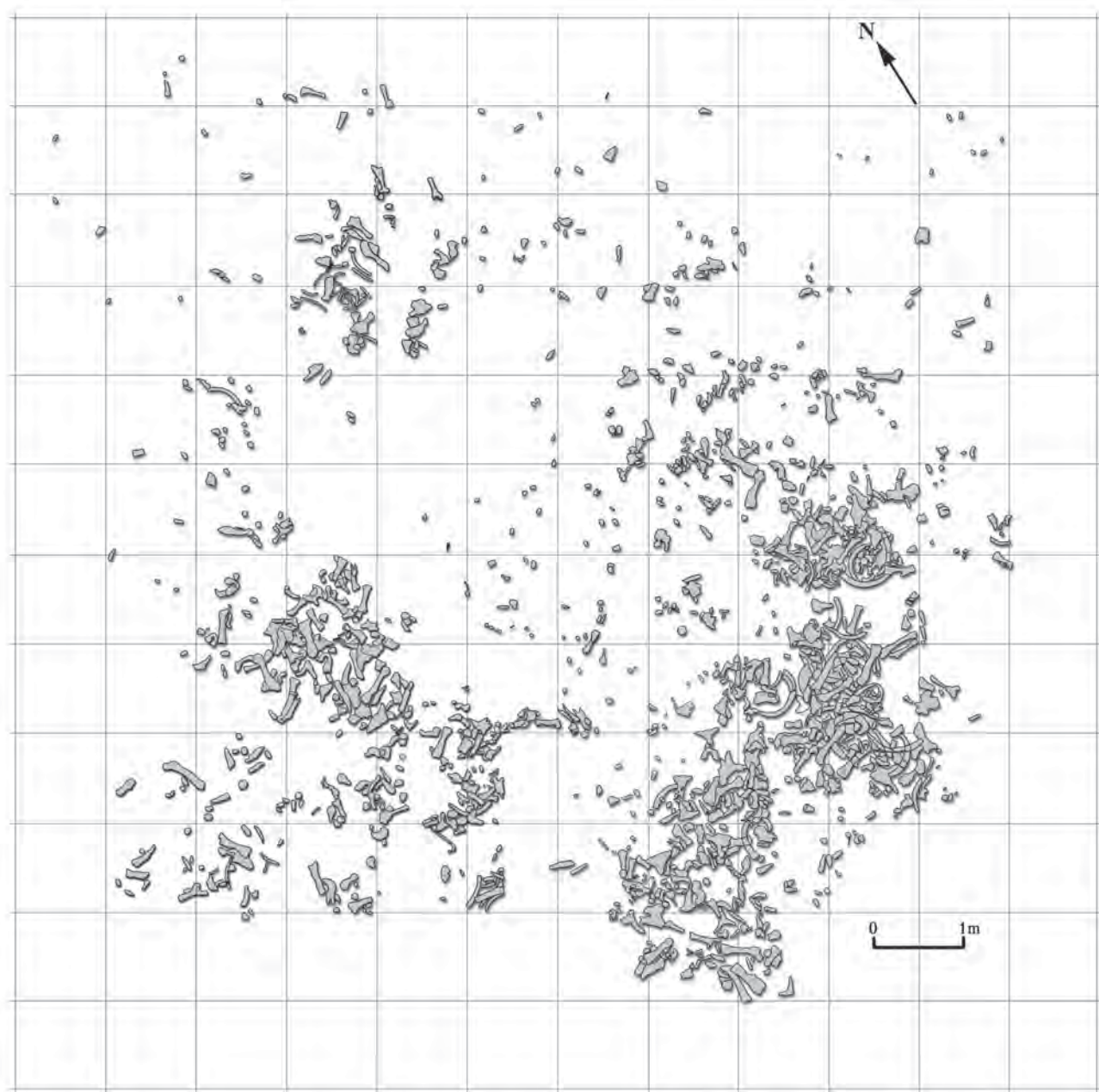

Рис. 3. Общий план фаунистических остатков стоянки Радомышль I

Радомышля I целые заготовки для торцево-клиновидных ядрищ (Демиденко, 1987, с. 43–44; Усик, 2001, с. 167–179; Усик, 2002, с. 10–19). Что же касается скребел, то они представлены в абсолютно разновременных коллекциях — от раннего палеолита до эпохи бронзы включительно. Таким образом, убедительных доказательств того, что Радомышль I является наиболее ранней верхнепалеолитической стоянкой территории Украины, не существует.

В настоящее время получены две абсолютные даты для стоянки Радомышль I: первая — $19,000 \pm 300$ (Оха 697) — была сделана по образцу зуба мамонта, а вторая — 19600 ± 350 (Ки-6210) —

В настоящее время получены две абсолютные даты для стоянки Радомышль I: первая — $19,000 \pm 300$ (Оха 697) — была сделана по образцу зуба мамонта, а вторая — 19600 ± 350 (Ки-6210) —

по образцу костного угля, который из-за сильного загрязнения мог дать более молодой возраст (Конonenko, в печати).

Кремневый комплекс стоянки Радомышль I, полученный в ходе разведок и раскопок И.Г. Шовкопляса 1956, 1957 и 1959 гг., насчитывает более 11,5 тыс. артефактов. Вторичную обработку имели

почти две тысячи изделий (15 % общего количества расколотых кремней). Для памятников верхнего палеолита такая доля орудий является весьма значительной. Также показательно и количество орудий для получения отверстий — 51 экз., что составляет около 3 % от общего числа изделий с вторичной обработкой.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В археологической литературе орудия с выделенным острым жалом традиционно называют проколками. Сама семантика этого термина, которое происходит от слова «колоть», говорит о получении отверстий с помощью нажатия. Соответственно, это предполагает наличие у проколки тонкого острого конца, которым в сравнительно мягком материале, например коже, прокалывается отверстие небольшого диаметра. Соответствующий подход к определению термина зафиксировано в учебной и научно-справочной литературе: «Проколки — орудия с тонким острым, выделенным ретушью кончиком. Использовались они преимущественно для прокалывания шкур животных при шитье одежды» (Деревянко и др., 1994, с. 115–116); «проколка — орудие с удлинённым обработанным ретушью прокалывающим кончиком» (Васильев и др., 2007, с. 176). Характерным трасологическим признаком проколов является наличие продольных следов сработанности, образовавшихся при трении об любой материал в результате движений вперед-назад (Korobkova, 1999, s. 85).

С другой стороны, «проколоть» отверстие в дереве, кости или роге невозможно, поэтому археологи часто выделяют еще один тип орудия, который использовался для работы с твердыми материалами, — сверла. В отличие от проколов основную функциональную нагрузку в сверлах несет не сам кончик орудия, а его грани, срезавшие часть материала в процессе вращательного движения. Обычно к сверлам археологи интуитивно относят морфологически подобные проколкам, но более массивные изделия, которые могли выдерживать большие нагрузки. Более достоверным критерием их выделения является наличие специфического износа в виде поперечных опоясывающих жало

следов, возникших от трения об материал. Аналогичные, но по-другому локализованные следы могут нести и «развертки» — изделия, предназначенные для увеличения диаметра уже имеющих отверстия (Korobkova, 1999, s. 100).

К сожалению, специфика трасологического метода не позволяет четко разграничивать изделия, имеющие следы различных операций. Это касается и изделий для получения отверстий: «[проколка] представляет собой отщеп или пластину, снабженную вытянутым, в большинстве случаев специально обработанным острым выступом в виде жала. <...> Заполированность и концентрические следы изнашивания, расположенные на рабочей части орудия, свидетельствуют, что при прокалывании проколку не только вдавливали в обрабатываемый материал, но также поворачивали ее вокруг оси» (Смирнов, 1983, с. 86). Морфологическое сходство различных орудий для получения отверстий часто приводит к употреблению двойного названия «проколка-сверло». Не имея возможности разделить эти изделия трасологически, при типологическом описании коллекций некоторые специалисты в одной номенклатуре просто перечисляют названия соответствующих орудий: «проколка, сверло», «проколка, развертка» и т.п.

Подобные терминологические нюансы, отражающие специфику применения морфологически сходных изделий для получения отверстий, существуют, например, в английском языке (англ. pricker — шило, borer — бурав, бур, сверло), но отсутствуют — во французском (фр. perçoir — сверло, шило, пробойник).

К сожалению, из-за значительной заполированности, возникшей под влиянием специфических условий залегания археологического материала

и воздействия внешних факторов, кремневые орудия стоянки Радомышль I не поддаются трасологическому исследованию. Следовательно, для разделения можно применять только морфологические и типологические признаки, которые идентичны у орудий, предназначенных для получения отверстий. Поэтому в дальнейшем автор

будет называть их одним общим термином — «перфоратор» (от лат. perforator), который означает «пробивающий, просверливающий» (Словник..., 1977, с. 517). Это позволяет называть им все соответствующие инструменты, объединяя их по признаку назначения, а не способу использования.

ТИПОЛОГИЯ ПЕРФОРАТОРОВ

Незначительное количество, а иногда и единичность кремневых перфораторов в коллекциях позволяет детально описать каждое орудие или отнести его к определенному ранее описанному типу. При этом в основном используются несколько тип-листов, в основу которых положена специфика одного или нескольких морфологических признаков соответствующих орудий (Sonneville-Bordes, Perrot, 1955, p. 76–79; Brézillon, 1977, p. 280–283; Demars, Laurent, 1989, p. 84–85). Например, А. Леруа-Гуран (La Préhistoire, 1966, p. 268, fig. 48, 239–246; Brézillon, 1977, p. 280–281) применял разделение перфораторов по ориентации оси изделия относительно оси заготовки (рис. 4, а) и по форме сечения ретушированного жала (треугольная, квадратная, ромбическая, трапецевидная, параллелограммная) (рис. 4, б). Если первый признак, как и для других типов орудий (двугранные резцы, острия), активно применяется исследователями и в тип-листах, и в классификационных схемах перфораторов, второй так и не стал общепризнанным. К тому же традиция образования названий отдельных типов от названий памятников, археологических культур или регионов, где они

были выделены либо встречаются в наибольшем количестве (Мулен-де-Ван, Кот-де-Ренье, Капсьен и т.п.), усложняет их идентификацию и использование человеком без должной профессиональной подготовки.

Более «гибкими» и универсальными в использовании являются многоуровневые классификационные схемы, построенные с учетом не только морфологических признаков, но и технологической специфики изделий (Гладилин, 1976, с. 85–86). Но в этом случае, несмотря на большую четкость и «прозрачность» получения самих номенклатур орудий, заметной проблемой может стать сравнительный анализ материалов, описанных с использованием различных схем.

Изучение литературы, посвященной кремнево-му комплексу Радомышля I, показал, что, несмотря на многочисленность и выразительность обнаруженных здесь перфораторов, при их описании никакие тип-листы и классификационные схемы не применялись. И.Г. Шовкопляс отметил, что «проколки» (перфораторы. — О.К.) в целом образуют «выразительную группу кремневых инструментов» (Шовкопляс, 1957–59, с. 16). При этом в одной публикации он обратил внимание на наличие среди них «небольшого количества хорошо изготовленных проколов с довольно тонкими и острыми рабочими концами» (Шовкопляс, 1964, с. 99), а в другой — «прокол на массивных пластинах и отщепках» (Шовкопляс, 1965, с. 112).

Описывая перфораторы Радомышля, Г.П. Григорьев обратил внимание на то, что «обычно редкие орудия — сверла — представлены здесь в большом количестве; они крупные, на отщепках с массивным коротким треугольным жалом» (Григорьев, 1968, с. 51). Так же обобщенно перфораторы были опи-

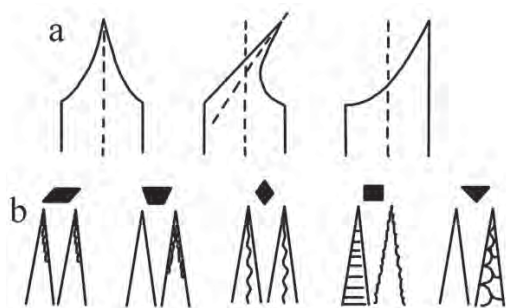

Рис. 4. Классификация перфораторов за А. Леруа-Гураном (La Préhistoire, 1966, p. 268, fig. 48, 239–246)

саны и М.В. Аниковичем: «Проколки (свыше 200 экз.) хорошо выражены. Большинство выполнено на пластинах, прокол на отщепах только 40.

Характерный признак типичных радомышльских проколов — длинное, тщательно выполненное жало»³ (Аникович и др., 2007, с. 191).

МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ ПЕРФОРАТОРОВ

К перфораторам мы отнесли все орудия, которые могли выполнять функцию прокалывания, сверления, расширения отверстий и имеют специально сформированный билатеральный, тщательно выполненный ретушью рабочий конец — жало.

При классификации этой категории орудий применялись следующие критерии:

1. По типу используемой заготовки перфораторы делятся на изделия, изготовленные на отщепах, пластинах и фрагментах неопределенных заготовок.

2. По расположению рабочего конца относительно оси заготовки их можно разделить на симметричные (ось изделия совпадает с осью заготовки), асимметричные (ось изделия отклонена от оси заготовки) и угловые (рабочий конец оформлен на углу заготовки).

3. По соотношению длины к ширине основания жало перфоратора может быть обычным (длина меньше или равна ширине основания) или удлиненным (длина жала больше ширины основания) (рис. 5).

Также учитывался такой морфологический признак, как наличие или отсутствие «плечика», под которым обычно понимается глубокая ретушированная выемка, формирующая основу жала.

Двойные перфораторы описываются по тому же принципу.

Для получения полного представления о перфораторах памятника при их обработке также были учтены такие данные: размеры изделий, локализация жала относительно конца (проксимальный или дистальный) заготовки, тип ретуши, угол схождения латералей жала (далее — угол жала).

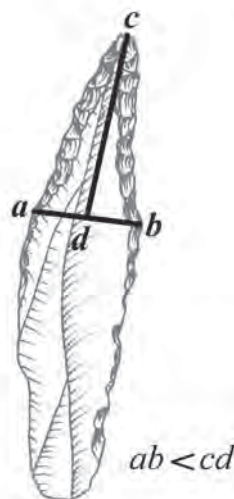

Рис. 5. Метрические параметры перфораторов с удлиненными жалами

ПЕРФОРАТОРЫ СТОЯНКИ РАДОМЫШЛЬ I

Как уже отмечалось, на стоянке Радомышль I были обнаружены 51 перфоратор и 7 комбинаций с перфораторами, что составляет около 3 % от общего количества изделий со вторичной обработкой. 56 перфораторов имеют одно жало, в т.ч. все комбинированные (табл. 1), 2 экз. отнесены к двойным.

Перфораторы **одинарные**. Перфораторы на отщепах (16 экз.) делятся на *симметричные* (4 экз.) (рис. 6, 5), в том числе два изделия с подпрямоугольным углом схождения латералей жала (далее — подпрямоугольное жало); *асимметричные*

(6 экз.) (рис. 6, 1), среди которых два имеют подпрямоугольное жало, сформированное несколькими сколами (рис. 6, 2), один — жало, оформленное «плечиком», еще один — удлиненное жало, сформированное двумя «плечиками» (рис. 6, 7); *угловые*

³ Указанное М.В. Аниковичем количество орудий свидетельствует, что он использует сводные данные по всем четырем пунктам (Радомышль I–IV) в отличие от И.Г. Шовкопляса, который в своих публикациях, упоминая Радомышль, давал данные только пункта Радомышль I.

Таблица 1

Радомышль I. Одинарные перфораторы и орудия, комбинированные с перфораторами

Перфораторы		Симметричные						Асимметричные						Угловые						Всего	
		конв			пп			конв			пп			конв			пп				
		о	п	ф	о	п	ф	о	п	ф	о	п	ф	о	п	ф	о	п	ф		
Обычные	б/пл	-	9	-	2	1	-	2	2	-	3	2	-	2	-	-	2	-	1	26	33
	пл	2	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	7		
Удлиненные	б/пл	-	14	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	23	
	пл	-	4	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7		
Всего		2	28	1	3	1	-	4	5	-	3	2	-	3	-	-	3	-	1	56	
		31			4			9			5			3			4				
		35						14						7							

Обычные, удлиненные — жало, по соотношению длины к ширине его основания, б/пл, пл — без «плеча», «плечо», конв — конвергентный угол жала, пп — подпрямоугольный угол жала, о — отщеп, п — пластина, ф — фрагмент

(6 экз.) (рис. 6, 4), из которых три имеют подпрямоугольные массивные жала (рис. 6, 8) (одно из них еще и выделено «плечиком», рис. 6, 3), и один перфоратор с выделенным «плечиком» (рис. 6, 6).

Преобладают перфораторы на пластинах (31 экз.). Они разделены на *симметричные* (27 экз. — половина всех перфораторов!) (рис. 7, 1, 10, 2, 9, 3), среди которых 14 экз. имеют удлиненное жало (рис. 8, 1–11), 4 экз. — вытянутое жало, дополнительно оформленное «плечиком» (рис. 7, 6, 8); *асимметричные* (4 экз.) (рис. 7, 7), в том числе два с удлиненным жалом (рис. 7, 4, 5).

Перфораторов на фрагментах всего 2 экз. — один *симметричный* с удлиненным жалом и плечиком, другой — *угловой* с подпрямоугольным жалом.

Два перфоратора отнесены к **двойным**. Один из них — концевой на пластине, с симметричными удлиненным (на проксимальном конце заготовки) и обычным (на дистальном) жалами (рис. 9, 1), второй оформлен на дистальном конце пластины, с подпрямоугольными жальцами на углах заготовки (известный как «*perçoir double type de chaleux*» (Brézillon, 1977, p. 282) (рис. 9, 2).

Двадцать перфораторов были изготовлены на ретушированных пластинах и отщепах. Не исключено, что часть из них является результатом переоформления других орудий.

Отмечено семь орудий, комбинированных с перфораторами: четыре резца и три скребка. Два из них изготовлены на отщепах и пять — на пластинах; три — симметричные и четыре — асимметричные. Лишь один комбинированный перфоратор

имеет удлиненное жало, остальные шесть — обычное. В пяти случаях оно подпрямоугольное, в трех — оформлено «плечиком» (рис. 9, 3).

В коллекции преобладают симметричные перфораторы (33 экз.); асимметричных 10 экз., угловых 8 экз. Удлиненные перфораторы (22 экз.) несколько уступают в количественном отношении. Стоит отметить, что среди обычных перфораторов эмпирически была выделена небольшая, но показательная группа из восьми изделий с жалом, образованным латеральными, сходящимися под углом, визуальным приближенным к прямому. В процессе анализа выяснилось, что угол их жал является большим или равен 75° (рис. 10), в то время как у остальных перфораторов он меньше 66° (рис. 11). Все эти перфораторы, объединенные в группу «с подпрямоугольным жалом», выполнены на отщепах и имеют укороченную рабочую часть. В тип-листе Д. де Соневи-Борд они ближе всего соответствуют типу «*perçoir atypique ou bec*».

Дополнительным учтенным морфологическим признаком является оформление жала перфоратора с помощью глубокой вогнутой выемки — «плечика» (11 экз.) (рис. 6, 3, 5–8). Поскольку любая ретушированная поверхность не может быть идеально ровной, а понятие «глубокая выемка» является субъективным и может значительно отличаться в понимании различных исследователей, мы ввели индекс «плечика». К таким перфораторам были отнесены только самые яркие изделия, в которых глубина ретушированной сегментовидной выемки (*cd*) оказалась равной или большей 1/8 дли-

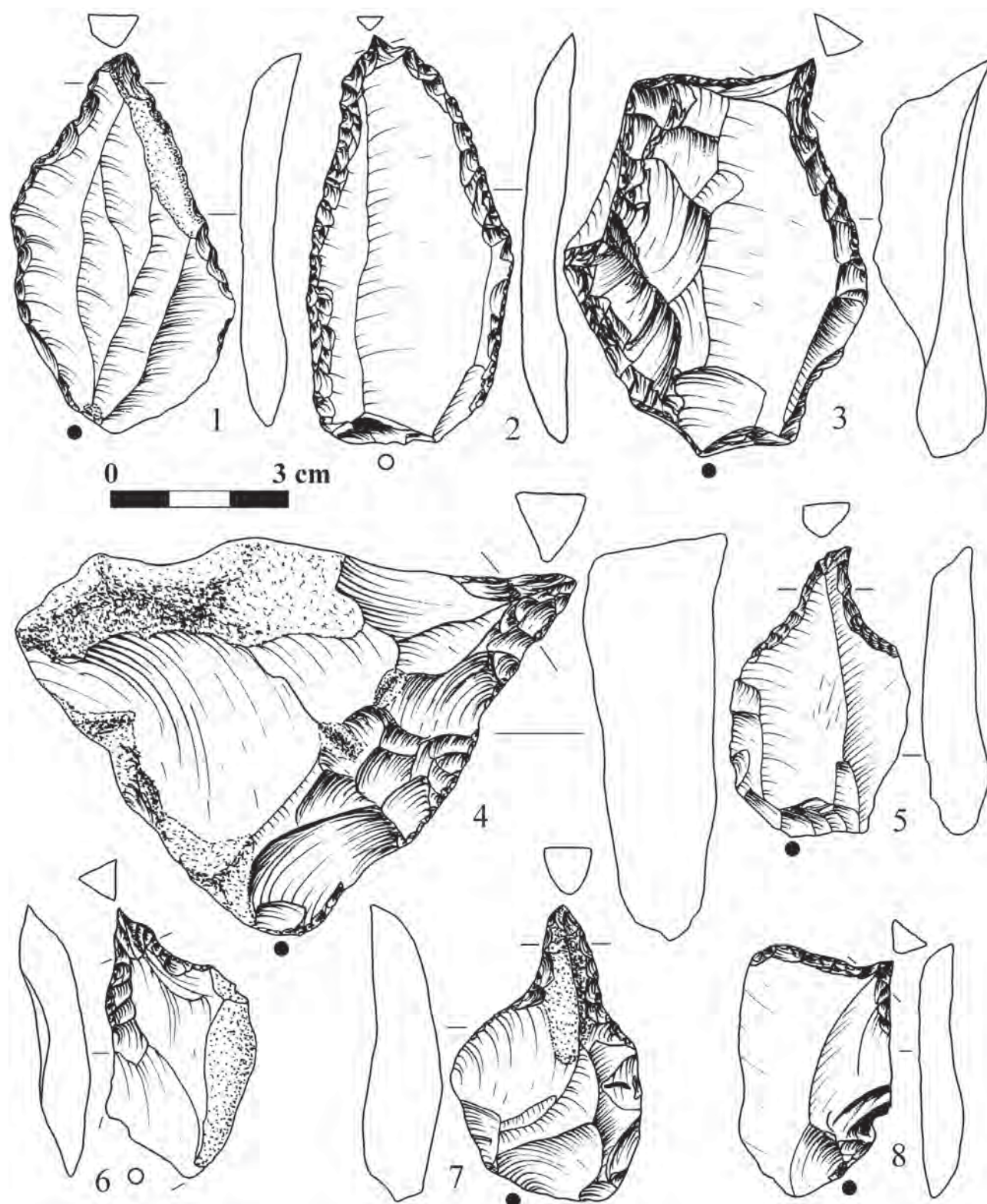

Рис. 6. Перфораторы стоянки Радомышль I

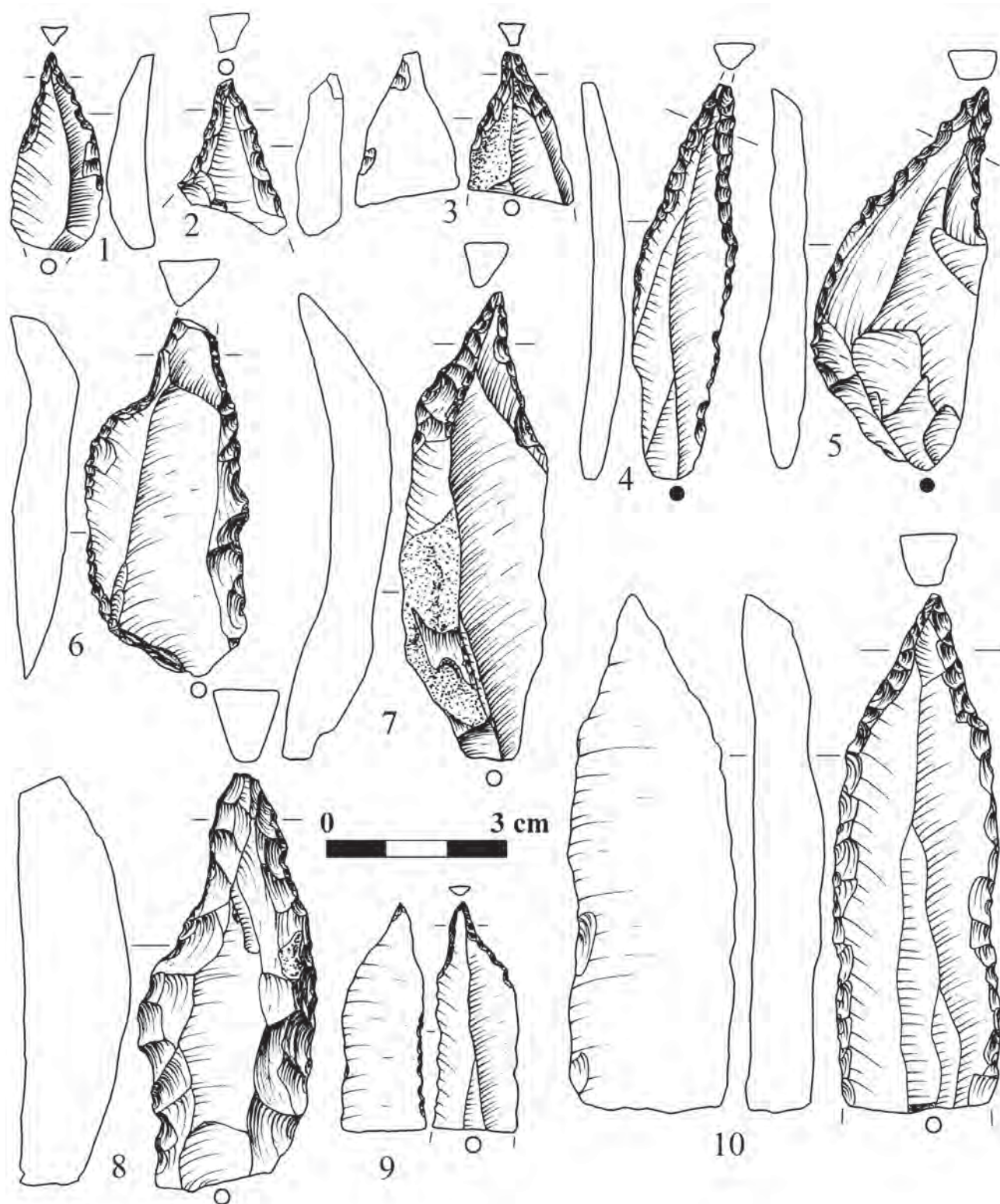

Рис. 7. Перфораторы стоянки Радомышль I

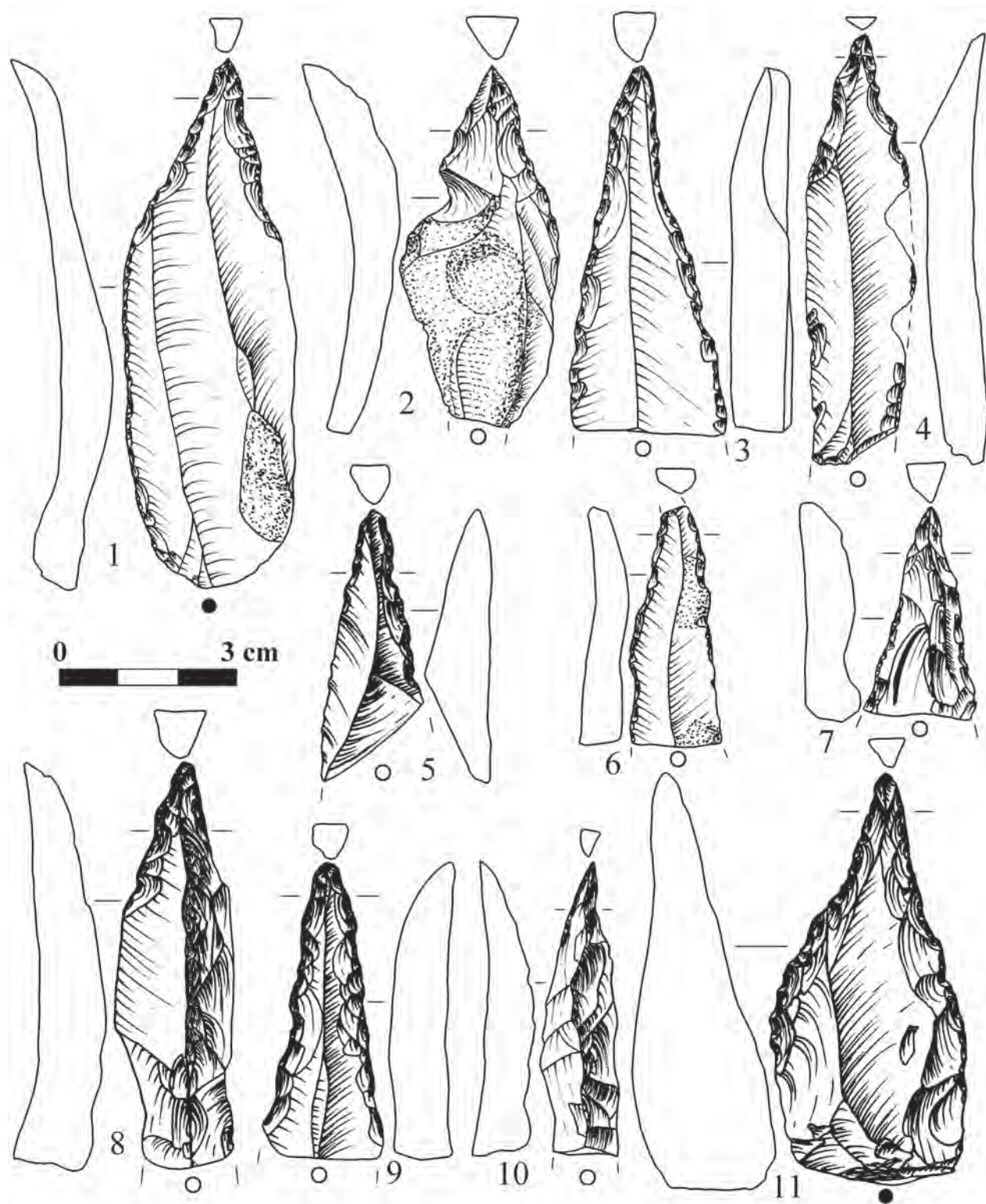

Рис. 8. Перфораторы стоянки Радомышль I

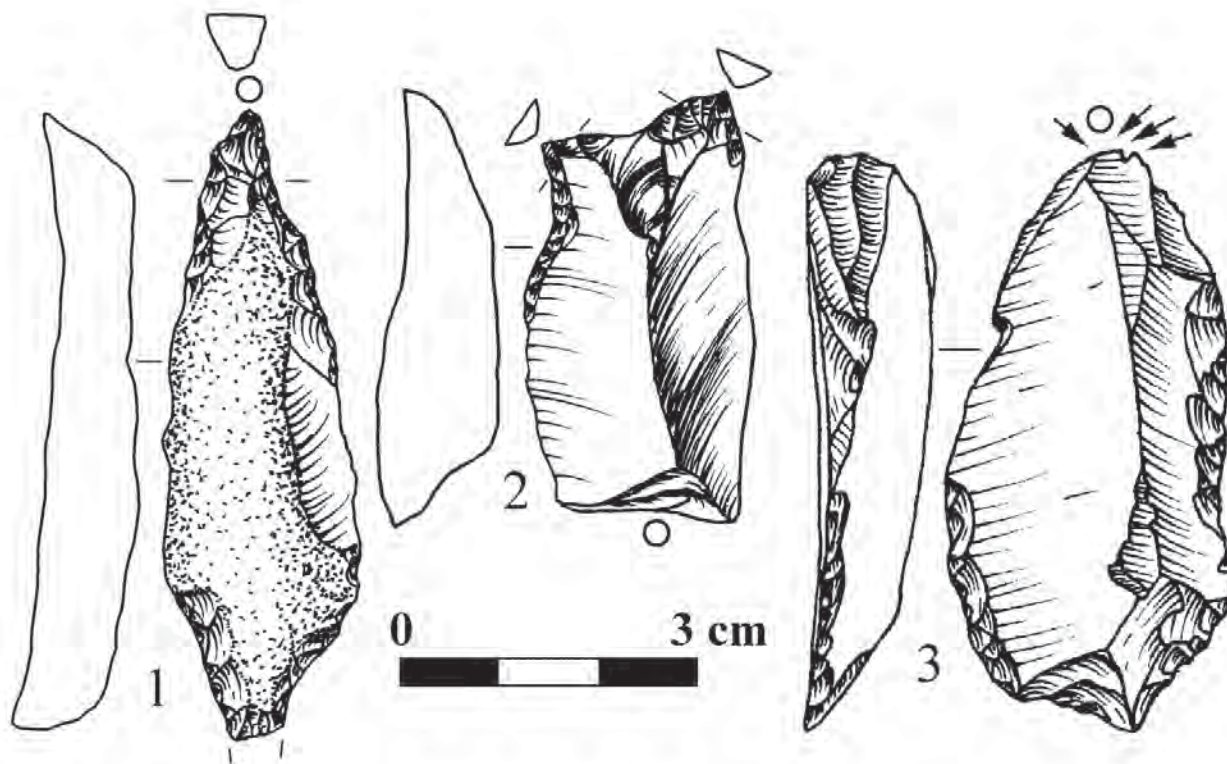

Рис. 9. Перфораторы стоянки Радомышль I: 1, 2 — двойные, 3 — комбинированное орудие резец-перфоратор

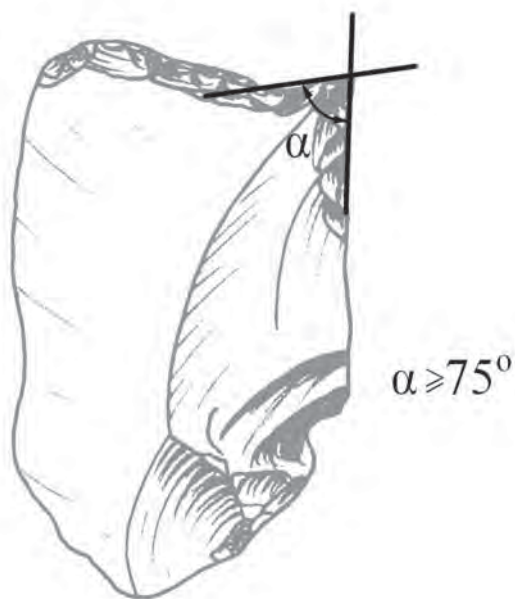

Рис. 10. Метрические параметры угла схождения латералей жала перфораторов

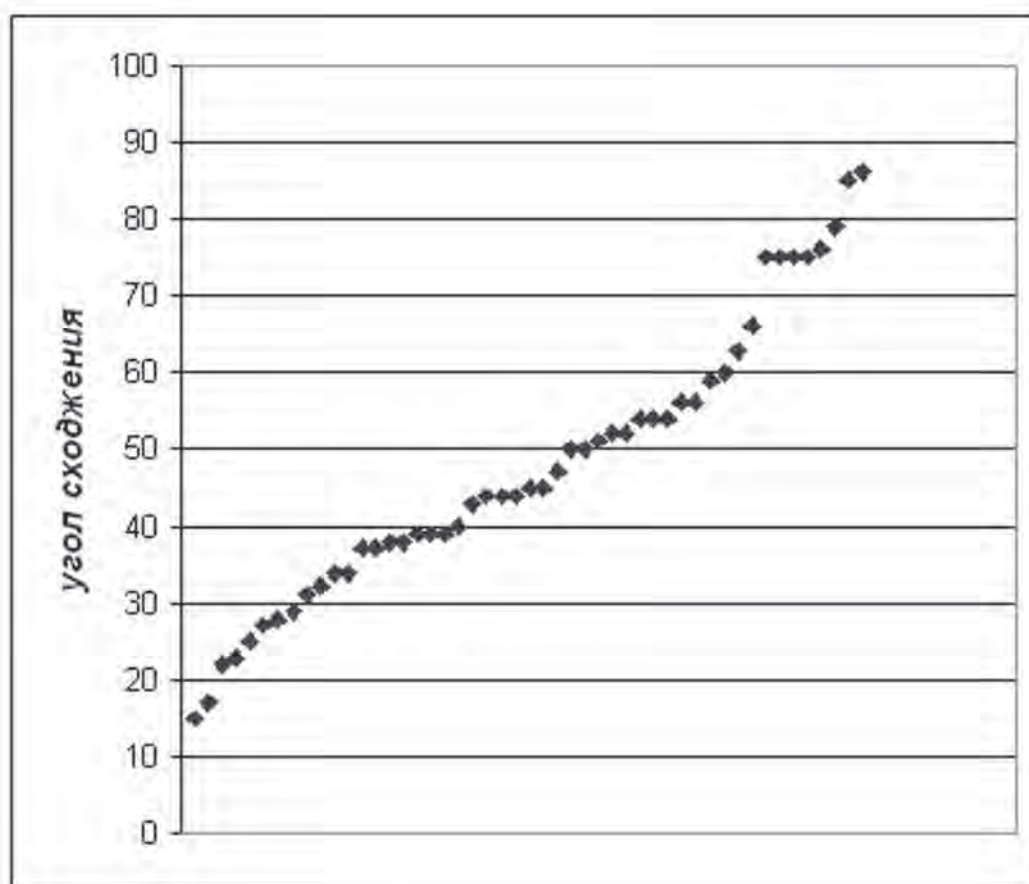

Рис. 11. График угла схождения латералей жала перфораторов

ны ее хорды (ab) (рис. 12). У перфораторов с меньшим соотношением, на мой взгляд, речь может идти об обычной волнистости ретушированного края. Возможно, оформление такой выемки было обусловлено редукцией краев слишком широких заготовок с целью получения узкого жала. При этом массивность самого рабочего конца зависела только от толщины заготовки.

Основной заготовкой при изготовлении перфораторов были пластины (33 экз.), реже использовались отщепы (16 экз.). В двух случаях характер заготовки установить не удалось. Размеры подавляющего большинства целых заготовок следующие: для отщепов — 35–50×20–40 мм, для пластин — 60–70×20–40 мм (рис. 13). Подавляющее большинство перфораторов (48 из 51) сформированы на дистальных концах заготовок. Почти все перфораторы — дорсально-ретушированные,

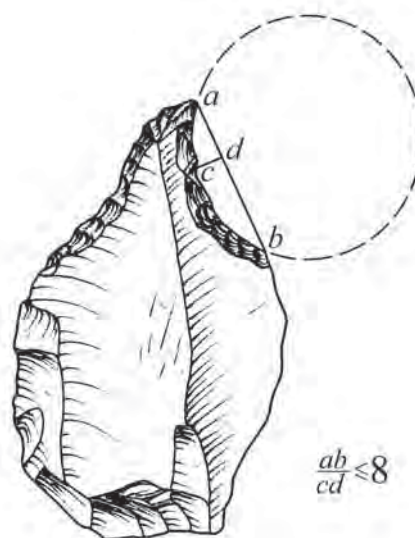

Рис. 12. Индекс глубины ретушированной выемки — «плечика»

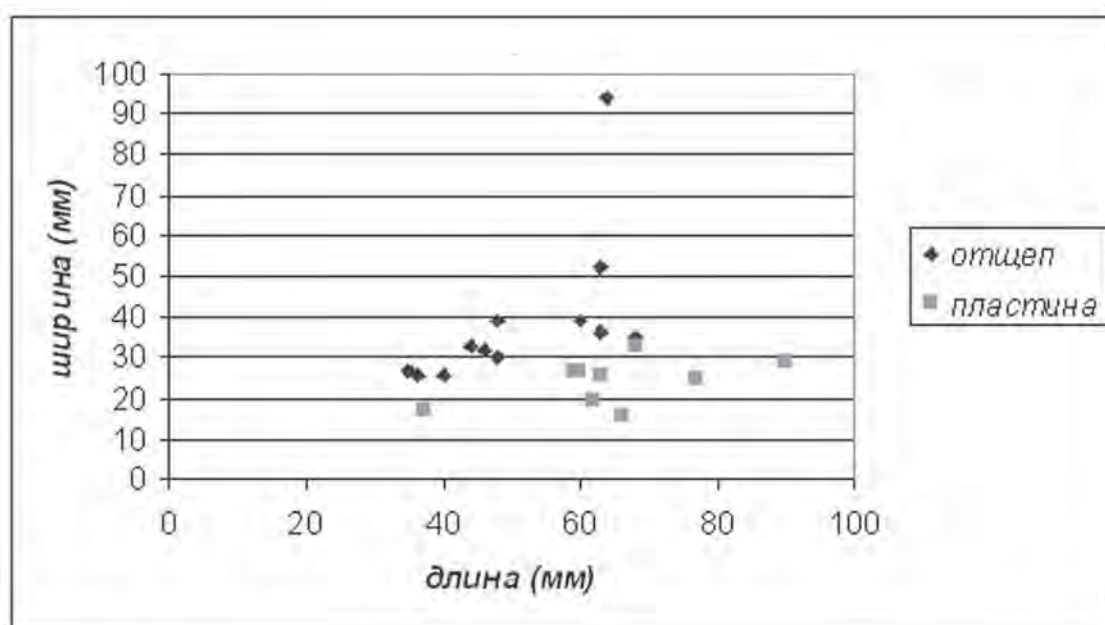

Рис. 13. Параметры целых заготовок перфораторов

только один имеет вентральное ретуширование, и еще один оформлен альтернативной противолежащей ретушью. Преобладает чешуйчатая, крутая и полукрутая ретушь. Около половины перфораторов имеют следы повреждения жала. В нескольких случаях удалось проследить повторную подправку рабочей части ретушью.

На примере стоянки Радомышль I была прослежена корреляция между отдельными типами

перфораторов и формой и размером их заготовок. Так, почти все изделия с удлиненными пропорциями рабочей части оформлены на пластинах. Угловые одинарные перфораторы и изделия с подпрямоугольными жалами изготовлены на отщепах. Исключения составляют двойной перфоратор «шале» и три комбинированных резца-перфоратора с подпрямоугольными жалами, сделанные на пластинах.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРФОРАТОРОВ ПО ПЛОЩАДИ ПАМЯТНИКА

Интересен вопрос пространственной локализации перфораторов относительно объектов поселения. К сожалению, общий план размещения кремневых артефактов, обнаруженных раскопками стоянки Радомышль I 1957 и 1959 гг., отсутствует. Поэтому удалось определить местоположение только для перфораторов, в шифрах которых были указаны номера квадратов. На площади памятника они в основном сосредоточены вокруг скоплений костей мамонта, однако не создают никакой концентрации (рис. 14).

Подобное акцентирование внимания на планиграфии распространения перфораторов сделано для стоянки Мезин. Автором ее исследования

И.Г. Шовкоплясом было отмечено, что «основная часть проколов в Мезине (139 из 159) находится, как уже отмечалось, на месте производственных центров хозяйственно-бытовых комплексов № 2 и № 3, где происходило изготовление художественных изделий из бивня мамонта» (Шовкоплас, 1965б, с. 168). То есть на тех палеолитических памятниках, где было достоверно установлено наличие жилых конструкций из костей мамонта, вокруг них фиксируется и концентрация определенных категорий орудий труда, чего нет на стоянке Радомышль I. Это может косвенно свидетельствовать, что скопление костей мамонта последней не являются остатками жилищ.

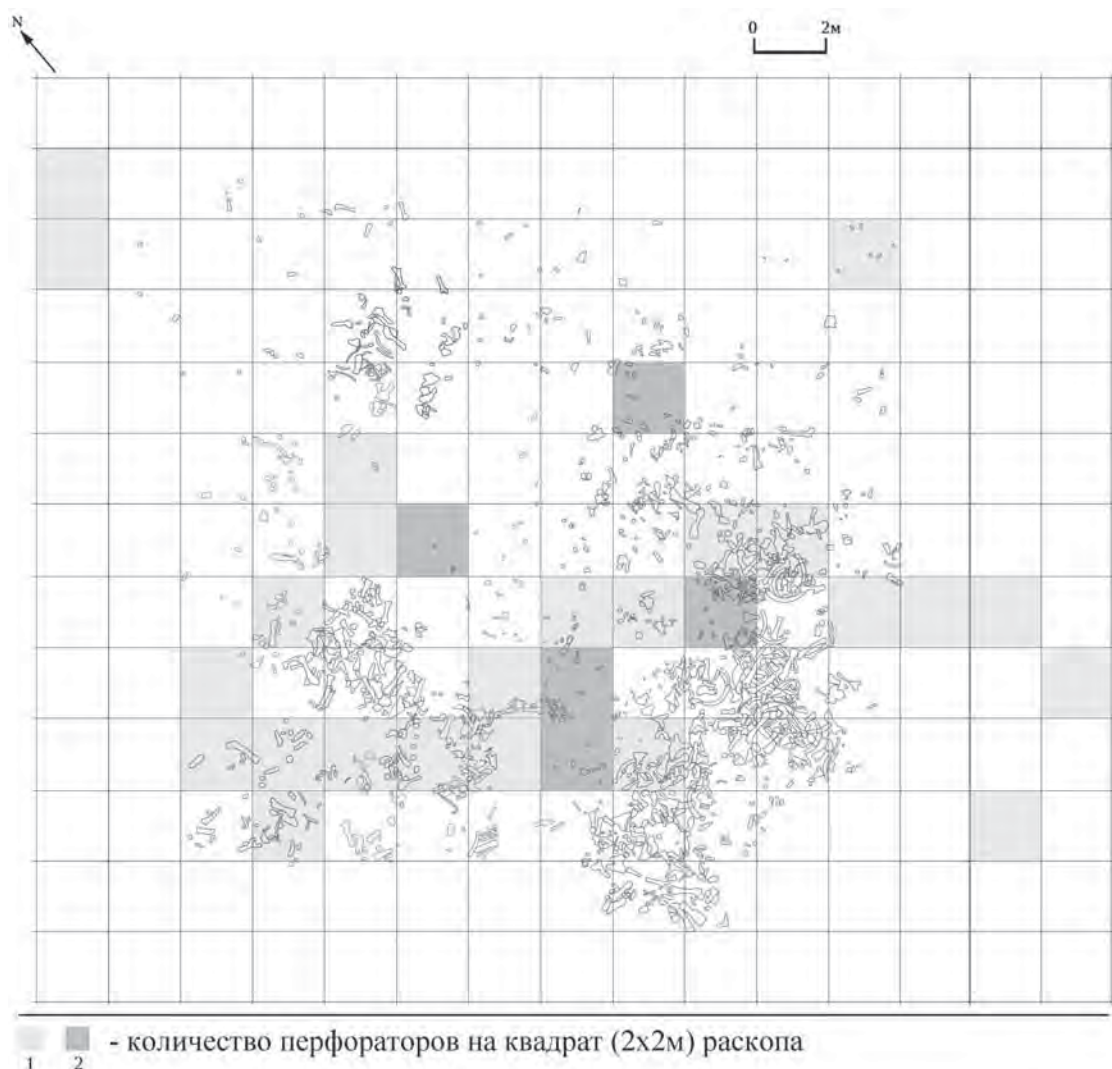

Рис. 14. Распространение перфораторов относительно скопления фаунистических остатков стоянки Радомышль I

ВЫВОДЫ

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что наиболее многочисленными перфораторами стоянки Радомышль I являются билатерально-дорсально ретушированные изделия⁴ на пластинах с симметричным удлиненным жалом. Каких-либо специфических, характерных только для Радомышля I, перфораторов в комплексе выделить не удалось. Как и на других верхнепалеолитических памятниках, характер этих изделий не влияет на

отнесение инвентаря стоянки к определенному технокомплексу. Обращает внимание лишь сравнительно высокая доля этих изделий в комплексе — около 3% от общего количества орудий. Такая

⁴ Трапецевидная форма сечения жала за А. Леруа-Гураном.

многочисленность перфораторов, например, характерна для эпиграфетских памятников севера и северо-запада Украины (Мезин, Бармаки). Однако объяснение этому явлению следует искать, скорее всего, в хозяйственной специфике памятника.

Перфораторы стоянки Радомышль I по своим количественным характеристикам не соответству-

ют аналогичным орудиями поселения Пушкари I. Это в очередной раз подтверждает неправомерность сопоставления этих двух памятников, о чем также свидетельствуют различия в наборах их резцов и острий (Кононенко, 2009; 2010).

На сегодня для стоянки Радомышль I не найдено убедительных аналогий среди верхнепалеолитических памятников Восточной Европы. Поэтому не-

обходимо продолжении всестороннего исследования, включающего детальный технико-типологический анализ всех составляющих ее кремневого комплекса.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю искреннюю благодарность Л.В. Кулаковской, В.И. Усику, Д.Л. Гаскевичу за помощь, советы и терпение.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомышльской стоянки в 1957 и 1959 гг. Науковий архів ІА НАНУ. № 1957–1959/12.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1959 и 1963–65 гг. по раскопкам Радомышльской стоянки. Науковий архів ІА НАНУ. № 1963–1965/10.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.

Васильев С.А., Бозинский Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.

Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л., 1968.

Демиденко Ю.Э. Некоторые вопросы классификации каменной индустрии и хронологии Радомышльской позднепалеолитического поселения // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. Киев, 1987. С. 43–44.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994.

Кетрару Н.А., Григорьева Г.В., Коваленко С.И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев, 2007.

Корнісць Н.Л. Про причини вимирання мамонта на території України // Вико́пні фауни України і суміжних

територій. Киев, 1962. С. 93–169.

Кононенко О.М. Звіт про археологічні розвідки в Радомишльському районі Житомирської області в 2007 році. Науковий архів ІА НАНУ. № 2007/245.

Кононенко О.М. Вістрія верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: техніко-типологічна характеристика // С.Н. Биби́ков и первобытная археология. СПб., 2009.

Кононенко О.М. Різці верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: технологія, типологія, статистика // Матеріали па археології Беларусі. Вып. 18. Мінськ, 2010. С. 45–55.

Кононенко О.М. Радомишль: нові перспективи вивчення верхньопалеолітичних стоянок // Магістеріум. Археологічні студії. Киев, 2011. С. 22–24.

Кононенко О.Н. Радомышльские верхнепалеолитические стоянки: распространенные стереотипы восприятия памятников. В печати.

Кононенко О.М., Корнісць Н.Л., Пеан С. Характеристика скупчень кісток мамонта верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I // Європейський середній палеоліт. Киев, 2006. С. 240–254.

Кононенко О.М., Пеан С. Археозоологічна характеристика фауністичного комплексу верхньопалеолітичного поселення Радомишль I // Кам'яна доба України. Вип. 7. Киев, 2005. С. 78–86.

Словник іншомовних слів. Киев, 1977.

Смирнов С.В. Становление основ общественного производства. Материально-технический аспект проблемы. Киев, 1983.

Усик В.И. К вопросу о «гигантолитах», топорах

и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах (по материалам ремонта коллекций комплекса 2 Королеве 2 и стоянки Радомышль) // *Vita antiqua*. 2001. № 3–4. С. 167–179.

Усик В.І. Технологічні аспекти виготовлення клино-подібних нуклеусів у пізньому палеоліті // *Археологія*. 2002. № 2. С. 10–19.

Шевченко А.И., Шовкопляс И.Г. Палеолит Киевского Приднепровья. Киев, 1982.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР по раскопкам Радомышльской стоянки в 1957 и 1959 гг. Научный архив ИА НАНУ. № 1957–1959/12.

Шовкопляс И.Г. Отчет о работе Палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1959 и 1963–65 гг. по раскопкам Радомышльской стоянки. Научный архив ИА НАНУ. № 1963–1965/10.

Шовкопляс И.Г. Палеолитична стоянка Радомышль (Попереднє повідомлення) // *Археологія*. Т. XVI. Киев, 1964. С. 89–102.

Шовкопляс И.Г. Радомышльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита // *Стратиграфия*

и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965а. С. 104–116.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев, 1965б.

Шовкопляс И.Г. До питання про характер розвитку культури пізнього палеоліту (на матеріалах Української РСР і сусідніх територій) // *Археологія*. Т. XXII. Киев, 1969. С. 31–54.

Шовкопляс И.Г. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // *Археологія*. 1971. №3. С. 13–21.

Brézillon M. La Denomination des Objets de Pierre Taille. IVe Supplement à Gallia Préhistoire. Centre National de la Recherche Scientifique. P., 1977.

Demars P.-Y., Laurent P. Types d'outils lithiques du paleolithique superieur en Europe. P., 1989.

Korobkova G.F. Narzędzia w pradziejach. Podstawy badania funkcji metodą traseologiczną. Toruń, 1999.

La Préhistoire (par A. Leroi-Gouran). P., 1966.

Péan S., Kononenko O. Features of the mammoth bone deposit from the Upper Palaeolithic site Radomyshl' I (Ukraine) // Abstracts book of the 10th Annual meeting of the European Association of Archaeologists, Lyon, 8–11 September 2004. Lyon, 2004. P. 201–202.

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur, Outillage lithique, III — Outils composites — Perçoirs // *Bulletin de la Société préhistorique de France*. 1955. T. 52. № 1–2. P. 76–79.

*В. И. Беляева*¹

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЖИЛЫХ ПЛОЩАДОК С ОЧАГАМИ НА СТОЯНКАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Beliaeva V.I. Peculiarities of dwelling areas with hearths localization in Upper Palaeolithic sites

Particular location dwellings with hearths of the Upper Paleolithic. This article was written based on the archaeological research of several sites P 1. It was noted that the location of hearths with each other and dump the coal is a definite pattern. This model is connected to the main wind direction. The same picture in the place of hearths were found at sites of Russian Plain — Kostenki1. Aleksandrovka. Avdeevo. The conclusion is that parking can be simultaneous when the wind does not interfere with the line of hearths. Thus, simultaneous zons were in Avdeev settlements. Zons Kostenki 1 there is probably at different times.

«Жилой площадкой» обычно называют участок культурного слоя, имеющий смысловую и композиционную нагрузку. Это название может быть археологическим заменителем другого, реконструктивного этнографического понятия — «поселение»². Жилая площадка предполагает существование связи объектов и элементов культурного слоя и их долговременного существования на части или на всем пространства стоянки. Жилая площадка может быть представлена жилищем и территорией, связанной с ним рядом объектов. Она может состоять из рабочих и хозяйственных объектов с очагами и местами эвакуации использованного материала.

Работая в Пушкарях I в 1980–1990-е годы, мы исследовали жилую площадку (раскоп V) на участ-

ке стоянки, примыкавшем к раскопу II, где в 1937–1939 гг. П.И. Борисовским было исследовано жилище с тремя очагами (Борисовский, 1953; Беляева, 2002). Вскрыв все пространство культурного слоя к северу и востоку от большого жилища, мы получили представление о существовании двух самостоятельных участков стоянки. Оба участка имели поселенческие структуры, состоящие из нескольких жилых площадок с очагами (рис. 1, А). Сравнивая площадки, мы нашли несколько закономерностей в расположении их очажных объектов и мест выброса углистого материала («выброс»).

На участке с малым жилищем в раскопе V они были следующими:

1) небольшое овальное жилище имело очаг в центре (Беляева, 2002); очаг был очень небольшим ($0,30 \times 0,33 \times 0,04$ м), не имел «шапки», но зона выброса его углистого материала за северной стенкой жилища оказалась значительной (7 кв. м); выброс содержал не только уголь и расщепленный кремний, но и мелкие обломки костей. Западина жилища была пустой и имела только конструктив-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

² Часто жилыми площадками называют с трудом обозначаемые «жилища», не имеющие четких границ и углублений (Леонова, 2009; Виноградова, 2009).

ные костные объекты и плотно сложенную на поверхности очага «поленницу» из крупных костей мамонта. За противоположной, юго-восточной,

стенкой жилища находилось скопление расщепленного кремневого материала — рабочая площадка (Моисеев, 1998);

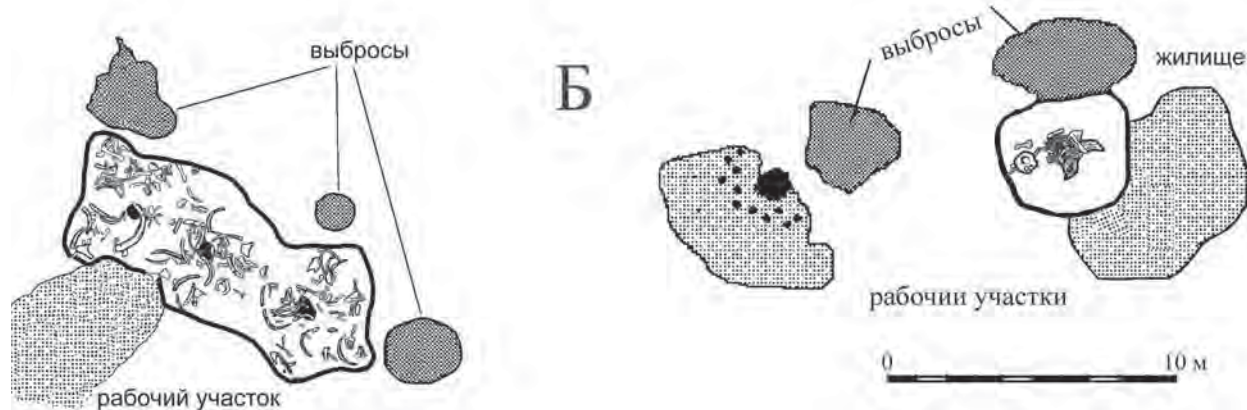
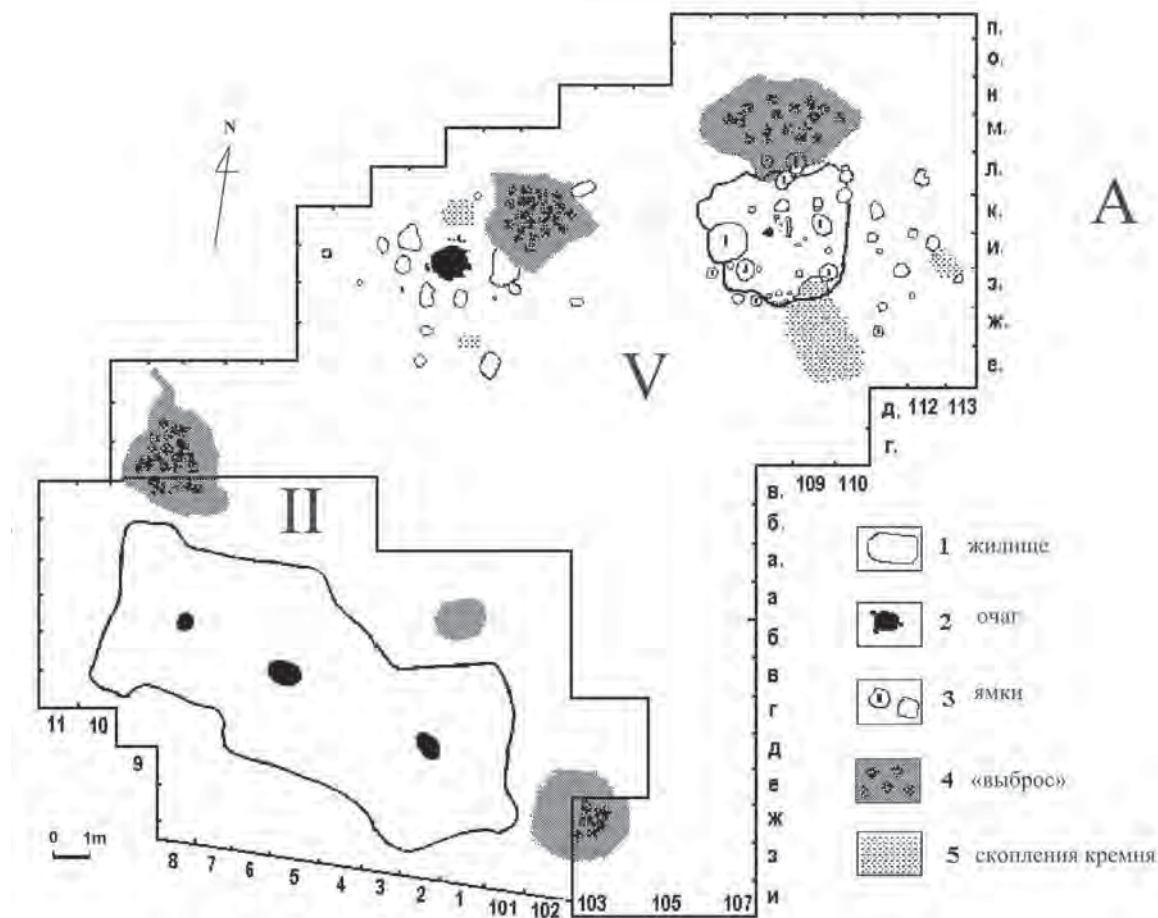

Рис. 1. Пушкاري I. F — раскопы V и II, Б — схемы расположения очагов и выбросов

2) второй, «внешний» очаг находился в 6,5 м к западу от малого жилища и имел большие размеры — $0,98 \times 0,87 \times 0,10$ м; дно, стенки и края очага содержали 40 небольших овальных углублений; в 0,60 м к юго-западу от очага проходила двойная линия более крупных ямок, содержащих небольшое число крупных первичных сколов. По ряду признаков эта жилая площадка имела как производственное, так и кухонное назначение. Зона эвакуации углистого, костного и большой массы кремневого материала (до 1000 шт. на кв. м) находилась к северо-северо-востоку от очага. Это скопление «выброса» было меньшим по площади (4 кв. м), но чрезвычайно насыщенным — до 1000 кремней на квадрат (Беляева, 2002);

3) жилые площадки рассмотренного участка стоянки имели однонаправленное расположение очагов, «выбросов» и рабочих участков. Оба очага, внешний и в жилище, находились на одной линии запад — восток, а выброс углистых масс происходил в северном, северо-северо-восточном направлении от очагов (рис. 1, Б).

Длинное жилище с тремя очагами в раскопе II было расчищено П.И. Борисковским всего за два года, контуры раскопа повторяли контуры жилища. Смысла исследовать всю площадку поселения не видели, так как считали ее чрезмерно большой и неинформативной. Такими были общие методи-

ческие установки, и не следовать им в то время было невозможно. Площадка к северу от жилища осталась исследованной не полностью. Здесь находились три углистых пятна, которые были приняты П.И. Борисковским за кострища. В 90-е годы мы соединили наш раскоп с раскопом II и докопали два «кострища». По составу материала, отсутствию четкой и чистой углистой линзы эти объекты повторяли заполнение «выбросов» в раскопе V. На чертеже видно северное направление узкой дистальной полоски углистого шлейфа самого западного скопления выброса. Если предположить, что маленькое центральное «кострище» тоже было выбросом, то каждый очаг длинного жилища имел свою зону эвакуации, то есть был самостоятелен. Говорит ли это наблюдение о трех жилых объемах? Большое жилище находилось на небольшом склоне, опускавшемся к северу, северо-востоку и востоку. В этом же направлении находились относительно очагов и «зоны выброса» (рис. 1, Б).

Закономерности в расположении очажных объектов и мест выброса углистого материала в раскопе с длинным жилищем следующие:

1) все три очага жилища расположены по линии запад-восток;

2) скопления выбросов находятся возле северной и восточной стенок жилой западины.

ВЫВОДЫ

Три очага длинного жилища образовывали линию запад-восток. Таким образом, расположение этих объектов повторяло ситуацию на участке с малым жилищем — очаги на линии запад-восток, зоны выброса в северном, северо-восточном и восточном направлении от последних. Закономерности можно связать с розой ветров. Одинаковое — наветренное — расположение «выброса» предполагает южное и юго-западное направление ветра. Линия очагов в длинном жилище и оба очага в раскопе V располагались поперек наветренной линии, то есть с северо-запада на юго-восток. Если бы мы не имели «зон выброса», можно было бы предполагать и обратное направление ветра, но линия одновременных очагов всегда перпендикулярна ветровому потоку. В данном случае очаг в малом

жилище и внешний очаг на площадке горели одновременно, не мешая друг другу. Геологическая одновременность существования культурного слоя обоих жилищ, общность кремневого инвентаря, сходный уровень заглубления жилой западины и ее вещевого содержания позволяют предположить их культурную и временную близость. Длинное жилище, скорее всего, существовало в тех же климатических условиях, но в иное календарное время.

Однонаправленные, перекрывающие друг друга линии очагов и выбросов на близких участках вели к задымлению и были, вероятно, пожароопасны. Следует напомнить и о том, что южные оконечности раскопа V были слабо насыщены культурными остатками, возможно, мы имеем два факта,

предполагающих разновременное бытование участков с жилищами в Пушкарей.

Изменение ветрового потока, произошедшее после того как перестали функционировать стоянки Пушкарей I, привело к значительному изменению ландшафтов. Противоположное, северное или северо-восточное, направление ветра покрыло лессовой толщей пониженные до тех пор центральные участки плато. С этим периодом активного накопления лесса связаны и обширные мерзлотные трещины, то есть резкое изменение климата, промерзание грунта. Можно предположить, что это наиболее холодное время вюрма наступило здесь позднее обычных 20 т.л., которыми датируется стоянка.

Замеченная нами закономерность в расположении очагов жилых площадок заставила обратиться к знаменитым «длинным жилищам» Костенок и Авдеево. В 1930–1950-е годы длинные жилища Костенок 1, Пушкарей I, Авдеево, Мальты стали «археологическим» доказательством существования сложных социальных групп, называемых тогда «родовыми общинами» (Ефименко, 1953). Важность этого вывода для «истории первобытного общества», базовой исторической дисциплины археологических исследований того времени, позволила продержаться мифу об огромных жилищах до конца 1990-х годов. В любом случае длинные жилища являются наиболее интересными образованиями культурного слоя стоянок открытого типа. Цепочка очагов составляет их очевидную ось, объединяя большие, насыщенные разными объектами площадки. Вместе с тем вопросы правомерности существования такого рода сооружений возникли сразу после их публикаций, но они едва были услышаны или поздно опубликованы (Воеводский, 1952). А.Н. Рогачев участвовал в раскопках Костенок 1 в 1930-е годы, он прекрасно знал его культурный слой и, вероятно, в конце 1950-х годов сформировал свое мнение о жилище. Исследователь проводил его границу по внешнему краю скопления ямок и «рабочих западин» вдоль линии очагов. Карандашные линии суженого контура жилища сохранились в принадлежащей А.Н. Рогачеву монографии «Костенки 1», подаренной ему учителем 30 октября 1958 г. В печати А.Н. Рогачев высказал свой взгляд на проблему значительно

позднее. В его фундаментальной статье о жилищах 1970 г. мы в отличие от М.В. Аниковича не нашли описания новых размеров костенковского жилища (Аникович и др., 2008). Только в 1984 г. Александр Николаевич совместно с М.В. Аниковичем указал в одной фразе предполагаемые размеры «большого наземного жилища» — 31×8 м (Рогачев, Аникович, 1984, с. 193).

Г.П. Григорьев, ученик и во многом последователь А.Н. Рогачева, уже во второй половине 1960-х годов публикует статью, где жилище Костенок 1 представлено им в «суженном» варианте. Идеи А.Н. Рогачева о сужении обширного жилища не могли не влиять на молодого исследователя, тем более что они высказывались многократно и очень эмоционально. Основой для интерпретации послужило распределение кремневого инвентаря по площади слоя и главное, как кажется, теоретические воззрения автора на «наименьшее жилое пространство» первобытной семьи (Grigoryev, 1967). Последние годы Геннадий Павлович не высказывался о костенковских жилищах, но он всегда был противником «жилых землянок» и, вероятно, остался верен наименьшему жилому пространству длинного костенковско-авдеевского жилища.

В конце 1990-х годов в двух практически одновременных публикациях (Сергин, 1998; Беляева, 1998) были даны планиграфические материалы распределения кремня и мергеля в культурном слое Костенок 1, доказывающие существование *площадки активной жизнедеятельности человека* на месте «длинного жилища». Эта точка зрения была принята Н.Д. Прасловым, и в настоящее время стала достаточно распространенной. Следует сказать, что М.В. Аникович в настоящее время перешел на позиции П.П. Ефименко. Он привел пример строительства осяками-самодийцами огромных жилых пространств Надымского городка XVI–XVIII вв. Не являясь специалистами в средневековом домостроительстве, мы опускаем этот случай (Аникович и др., 2008). Но в виде рабочих площадок или жилищ многоочажные построения всех Костенок 1 и, вероятно, обоих участков Авдеево, Александровской стоянки, Мальты на Ангаре, стоянок Забайкалья и т.д. оставляют много вопросов исследователям.

Приведем перечень общих проблем, выдвинутых А.В. Константиновым, изучавшим стоянки Забайкалья. Во-первых, вопросы структуры длинных жилищ — составляют они одно целое или делятся на участки, и какие это участки. Во-вторых, проблемы конструкции обширного закрытого пространства. В-третьих, сезонность обитания человека и мера долговременности существования жилищ. Наконец, способы обитания людей в многоочажных жилищах — функциональные зоны, пути коммуникаций и эвакуации отработанного

материала (Константинов, 2001). Автор не задается целью ответить на все поставленные вопросы, он приводит несколько вариантов решений. Доказательства, как нам представляется, строятся на широкой источниковедческой базе стоянок разных регионов и даже разных хронологических этапов верхнего палеолита. Подход приемлем, но мы можем лишь обратиться к тем общим источникам, обнаруженным нашими раскопками в Пушкарях, которые могут пролить свет на характеристику длинных жилищ.

КОСТЕНКИ 1 И АДДЕЕВО (НОВЫЕ И СТАРЫЕ УЧАСТКИ РАСКОПОВ)

Обратимся к поселенческим площадкам двух участков Костенок 1 и Авдеево (рис. 2). Судя по расположению линии очагов или длинной оси жи-

лых объектов, мы видим во всех случаях повторение направления очажной и поселенческой структуры от северо-запада к юго-востоку. Не зная положения

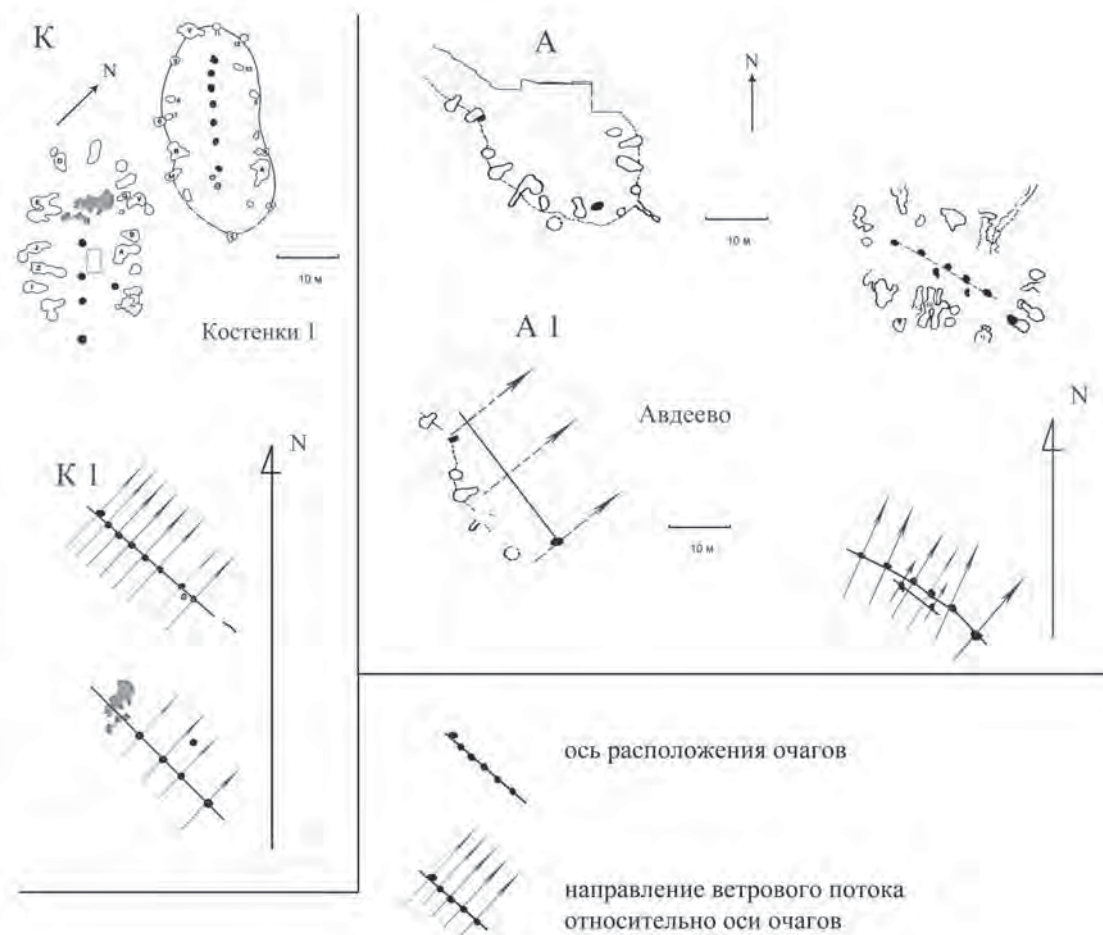

Рис. 2. К — Костенки 1, чертеж раскопок, К1 — схема очагов и ветровых потоков, А — Авдеево, чертеж раскопок, А1 — схема очагов и ветровых потоков

«зон выбросов» относительно очагов, можно предположить сходство направления ветрового потока (всегда перпендикулярного оси очагов). И.И. Краснов писал о «существовании весьма интенсивных ветров, дувших с запада во время поздневалдайского оледенения» (Краснов, 1982, с. 37–41).

Параллельность линии очагов на двух раскопаных участках Костенок предполагает разное время их обитания. Ветровой поток очагов одной площадки будет мешать другой. В Авдеево мы видим иную позицию — ось площадок продолжает одна другую, что предполагает возможность их одновременного существования (см. рис. 2). Возможность, но необязательность. Интересной является вторая линия очагов на новом участке. Она короче

первой, едва намечена, но идет параллельно ей. Таким образом, ветровые потоки двух линий должны были перекрываться, если использовались одновременно.

Одновременность основного ряда очагов на каждой из костенковско-авдеевских площадок применяем как исходную позицию, которая не может решить всего спектра вопросов: каким образом между очагами «зоны горения» в 1 м существовали рабочие площадки с большим количеством кремня, ямками и западинами, в какой ситуации ямы разных размеров перекрывали друг друга и т.д. Можно предположить попеременное использование очагов в одно и то же время, но эта работа полевого исследования.

КОСТЕНКИ 4

Многоочажные жилища Костенок 4 известны на двух участках нижнего слоя. Линии очагов идут все в том же направлении — северо-запад — юго-восток, что соответствует западному или юго-западному направлению ветра (рис. 3). Параллельность линии очагов предполагает разновременное существование двух площадок нижнего слоя, северной и южной, при единовременности каждого из жилищ.

Деление жилого пространства на несколько участков возможно, если есть тому доказательства, но оно не исключает их одновременности.

Два округлых жилища верхнего слоя расположены по тому же принципу — ось очагов перпендикулярна юго-западному направлению ветра. Это обстоятельство затрудняет объединение с ними северного длинного жилища нижнего слоя.

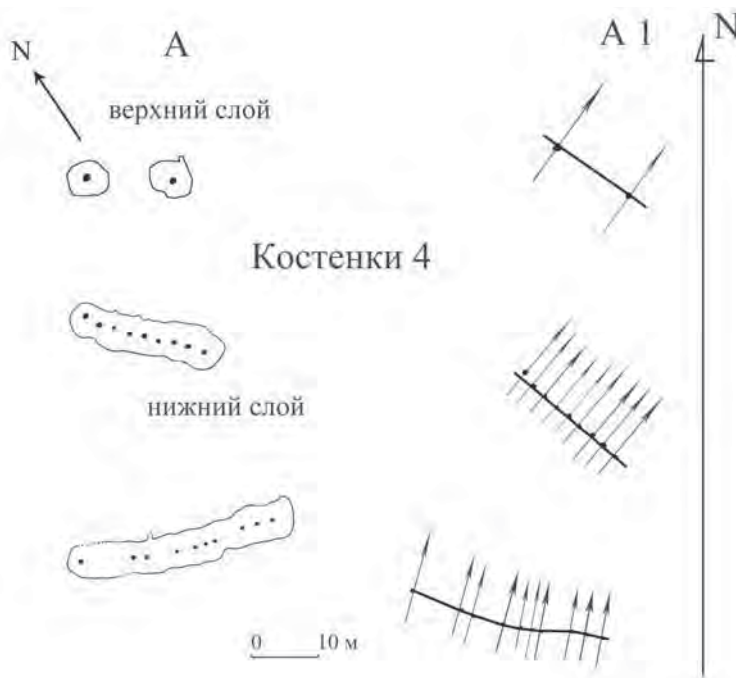

Рис. 3. Костенки 4. А — раскопы верхнего и нижнего слоя, А1 — схемы очажных осей и ветровых потоков

МНОГООЧАЖНЫЕ СТОЯНКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Огромный материал для изучения принципов расположения жилищ дают стоянки Забайкалья (Константинов, 2001; Разгильдеева, 2011). Это самостоятельный и большой пласт исследования. Можно лишь притронуться к проблеме, где 69 культурных слоев палеолитического времени дают необходимый сравнительный материал. Есть и свои сложности, одной из главных является плохая насыщенность культурного слоя вне жилого пространства. Все концентрируется только в нем. Почти нет зон эвакуации материала, нет значительных внешних рабочих площадок, внешних, связанных с жилищем

очагов. Опирайтесь на публикации в этом случае трудно. Есть и еще одна сложность — стоянки кратковременные, располагаются на террасах, достаточно близко от воды. Вероятно, расположение жилых участков было во многом связано с площадью и направлением террасового уступа. Это обстоятельство является важным, но безусловным. Описывая стоянки, исследователи часто задаются вопросом, почему жилище располагается на одном и том же месте при значительной ширине террасы. Нельзя забывать и широкую хронологическую линейку стоянок с жилищами: от 17 до 11 т.л.

ПАМЯТНИКИ ЧЕКОЙСКО-МЕНЗИНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Здесь выделены стоянки с одинарными, сложносоставными и многоочажными жилищами³. Тонкие культурные слои (от 1 до 7 см), называемые здесь культурными горизонтами, представляют собой поверхности обитания, ограниченные аллювием. То есть несколько жилищ в одном культурном горизонте с большой долей вероятности являются одновременными местами жизни человека. В этом случае **одинарные стоянки** с двумя жилищами могут иметь некоторые закономерности в расположении. Обратимся к стоянке Студеное 1 (рис. 4), где из 26 культурных горизонтов пять имеют хорошо выраженные 2–4 жилища (культурные горизонты 19/4, 18/2, 17, 16, 15).

Исходя из предположения об одновременном существовании жилых сооружений, ось очагов в горизонтах 19/4, 18/2 проходит по линии северо-запад — юго-восток. Так же направлены оси пар жилых площадок, расположенных, по мнению Константинова, двумя рядами на горизонте 15 (Константинов, 2001). Направление ветрового потока во всех этих случаях будет одинаково (рис. 5). В горизонте 18/2 за пределами жилищ есть два зольных скопления, которые находятся в северо-восточном (большое) и восточном (малое) направлении от жилищ. Не имея другого основания для выбора наветренной и подветренной стороны, остановимся на юго-западном направлении ветра как на одном из возможных.

На горизонте 16 ось очагов проходит по линии север — юг, ветровой поток западный. Горизонт 17 имеет противоположную всем перечисленным горизонтам розу ветров. Ветровой поток северо-западный или юго-восточный. Если расположение жилищ не имело жесткой зависимости от береговой линии, можно предположить изменение сезона обитания или разновременность жилых построек.

Обратимся к группе **сложносоставных жилищ** Усть-Мензы 3, горизонт 4 и Усть-Мензы 2, горизонт 20, Студеное 2 (рис. 6).

Стоянка **Усть-Менза 3**, горизонт 4, представляет собой удлинённый участок культурного слоя размерами 14 × 3 м, с четырьмя очагами и окружающими их гальками, валунами и артефактами. Отсутствие общей выкладки и промежутки между объектами дали возможность интерпретировать участок как группу отдельных жилых сооружений или отдельных камерных объемов под общей крышей. В любом случае сооружения были одновременны, это и доказывает «очажная ось», идущая в направлении север — юг и розе ветров — запад — восток.

Сложносоставные жилища **Усть-Мензы 2**, горизонт 20, имеют более сложную и хуже сохранившуюся структуру. Они состоят из двух рядов очагов, примыкающим к ним камней очажных выкладок и культурных остатков. Разграничение отдельных объектов неочевидно. Оси очажных рядов параллельны, направлены с северо-запада

³ Полную публикацию см. в: [Константинов 2001].

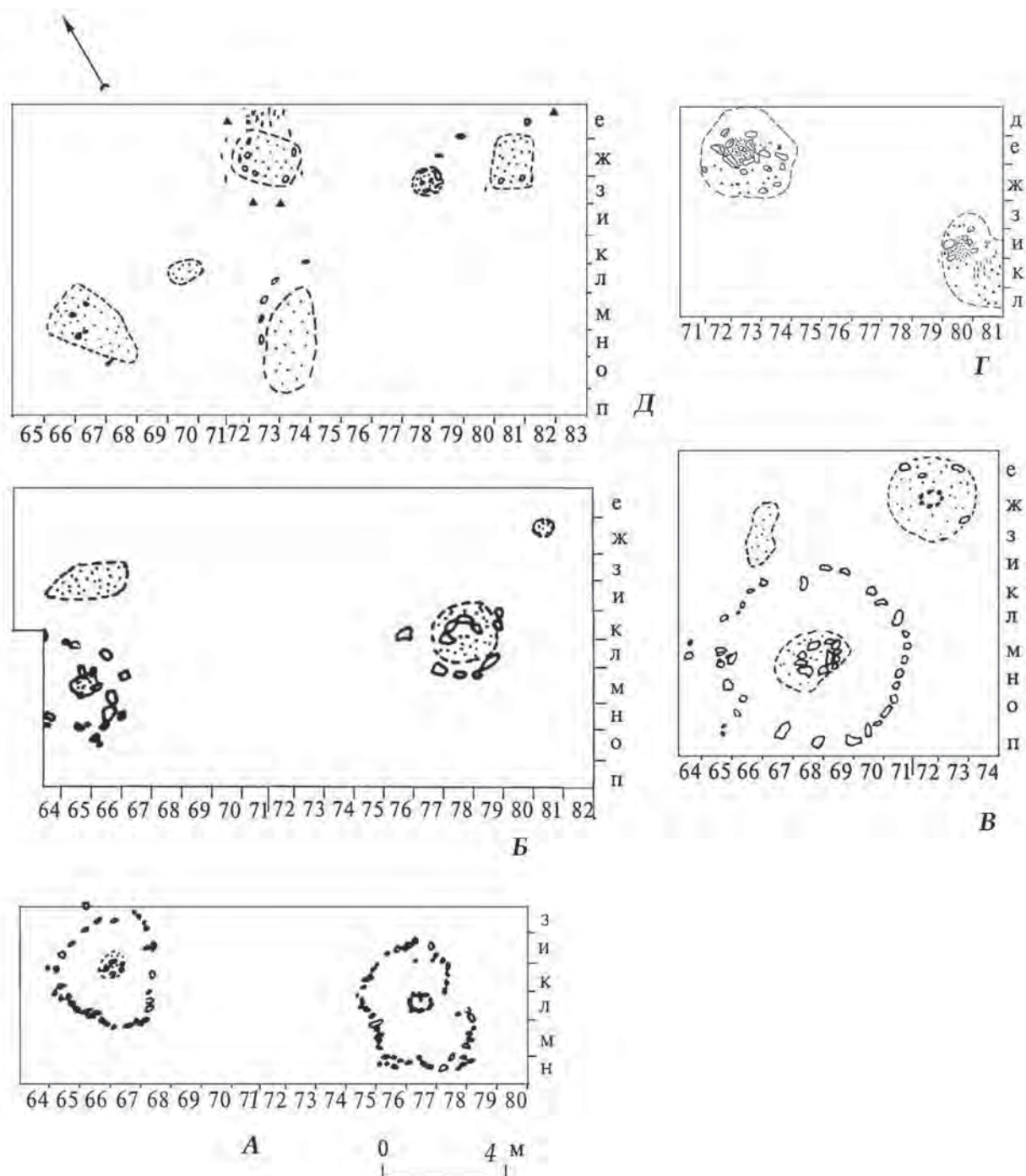

Рис. 4. Стоянка Студеное-1. Планы парных жилых сооружений на культурных горизонтах А-19/4, Б-18/2, В-17, Г-16, Д-15. Масштаб, стороны света, обозначения предметов даются по А.В. Константинову (Константинов, 2001)

на юго-восток, между ними почти нет культурных остатков. Роза ветров имеет юго-западное — северо-восточное направление, то есть такое же, как

для большинства одинарных жилищ. Расстояние между «дальним» рядом очагов и «ближним» не более двух метров, направление ветра одинаковое.

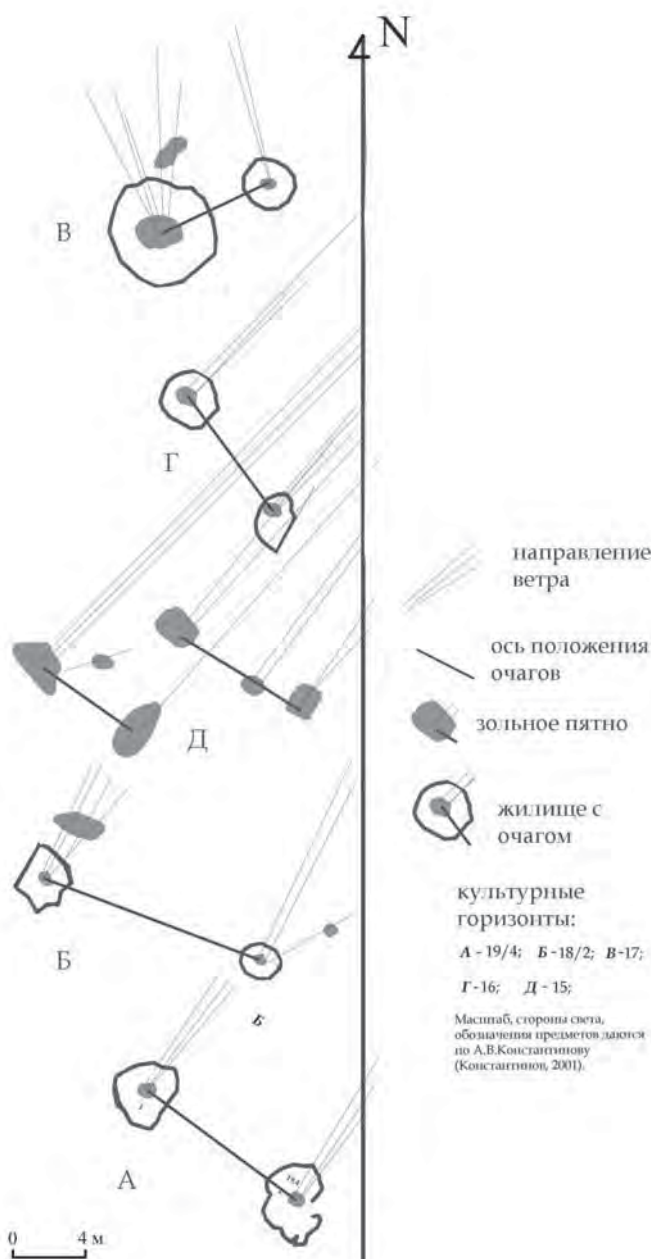

Рис. 5. Стоянка Студеное-1. Схема расположения очагов и направления ветрового потока относительно розы ветров

Существовать эти объекты должны были в разное время, но каждый из «рядов» мог быть одновременным сооружением.

Наиболее выразительным сооружением Забайкалья является многоочажное жилище **Студеное 2**, горизонт 4/5. Возраст стоянки по восьми датам 16–18 т.л., по одной — 14 т.л. Важнейшей его осо-

бенностью является толщина культурного слоя в 1 см при общих контурах площадки 18,5×5 м, что доказывает абсолютное соответствие поверхности обитания всему культурному слою. Хорошо сохранившаяся каменная выкладка очагов и контура жилища, разнообразие артефактов и их положения в слое дают много возможностей для планиграфи-

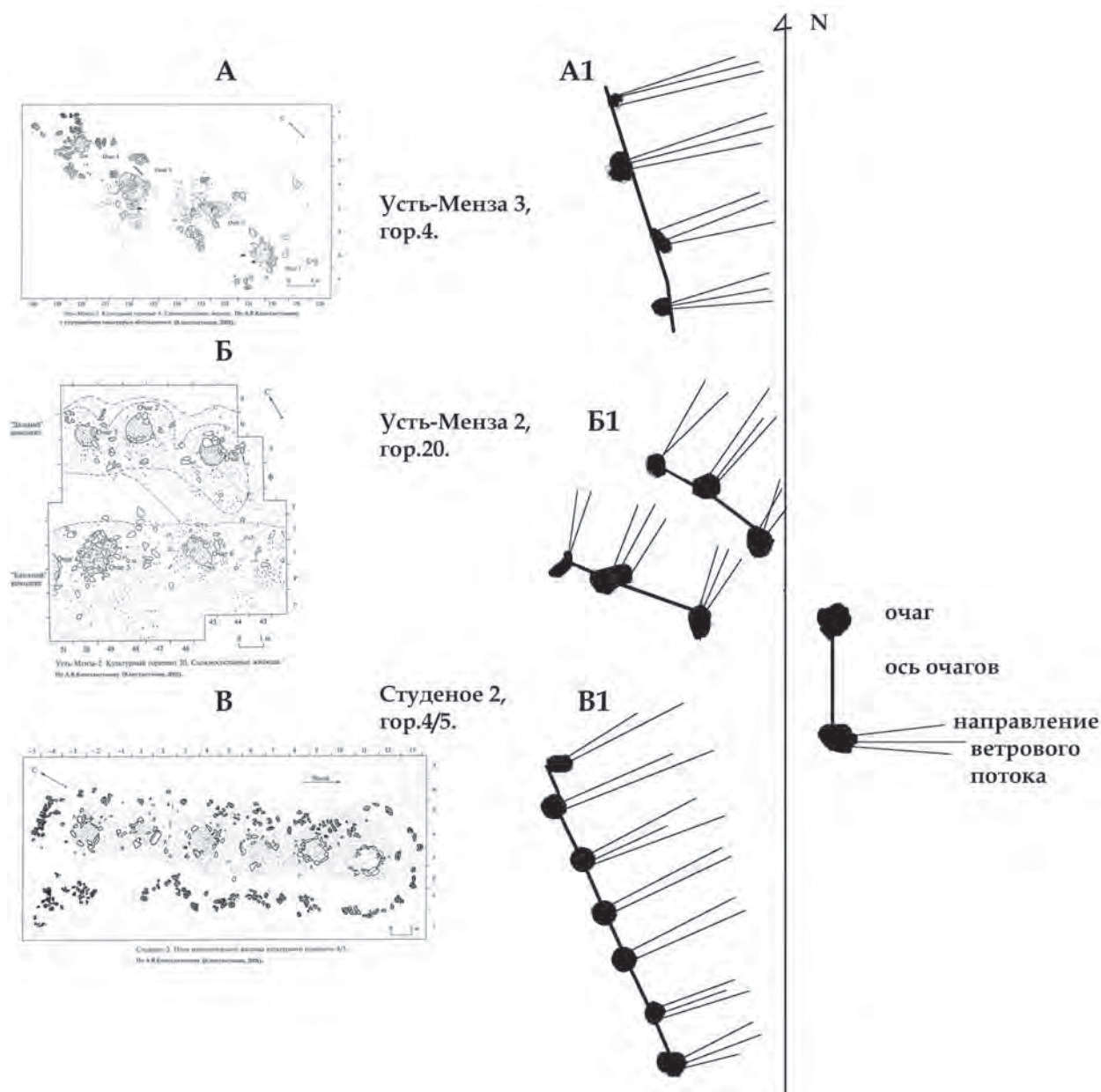

Рис. 6. Усть-Менза 3, гор. 4: А — план стоянки, А1 — схема очагов и ветрового потока; Усть-Менза 2, гор. 20: Б — план стоянки, Б1 — схема очагов и ветрового потока. Студеное 2, гор.4/5: В — план стоянки, В1 — схема очагов и ветрового потока

ческих исследований (Разгильдеева, 2011). Осева́я линия очагов является абсолютно прямой, вытянутой вдоль реки по обычной линии севера, северо-запад — юга, юго-востока. Направление ветра и в этом случае юго-западное — северо-восточное. Очаги почти круглые, в пяти из них один из диаметров 1,4 м. Расстояние между очагами 1 м, 1,2 м,

0,9 м, 1,2 м, 1,3 м. Поиски реконструкции жилой площадки продолжаются. Можно лишь подтвердить единовременность структуры или постоянное наращивание отдельных ее участков. Важным моментом в реконструкции забайкальских стоянок является соотношение геоморфологии мест поселений и направления ветрового потока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работах П.П. Ефименко, А.Н. Рогачева, Г.П. Григорьева мы находим оценку многоочажных жилищ с точки зрения их общественной и культурной организации. Геннадий Павлович писал: «Объяснение строгого порядка расположения очагов легко отыскивается в особенностях общественного устройства первобытного общества» (Григорьев, 1972). Им же вслед за А.Н. Рогачевым были поставлены вопросы о существовании поселений с одновременными жилищами (Рогачев, 1957; Григорьев, 1972). Не отрицая роли социальных аспектов организации жилых пространств, мы можем доказательно предположить, что человек выстраивал их с учетом естественных

факторов и не в последнюю очередь в зависимости от ветровой доминанты. Сосуществование жилищ со многими очагами могло иметь место при определенном сочетании очажных осей. Так, костенковские жилые площадки существовали в разное время, тогда как авдеевские могли быть одновременными. Культурная особенность жилищ проявлялась не в различии контуров, а в особенностях конструктивных деталей. Длинное и одноочажное жилища Пушкарей принадлежат одной культуре.

Высказанные наблюдения являются небольшой частью полевых исследований поселенческих структур.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008.
- Беляева В.И. Роль жилого пространства в определении социальной организации человеческих коллективов эпохи верхнего палеолита // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 68–76.
- Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкарки I. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Беляева В.И. Некоторые обобщения полевых исследований в Пушкарях I // С.Н. Бибиков и первобытная археология. СПб., 2009. С. 181–187.
- Борисковский П.И. Пушкаревское палеолитическое жилище // КСИМК. Вып. VII. Л.; М., 1940. С. 81–86.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. № 40. М.; Л., 1953. С. 176–236.
- Виноградова Е.А. Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг.) // С.Н. Бибиков и первобытная археология. Каменный век. СПб., 2009. С. 202–209.
- Воеводский М.В. К вопросу о пушкаревском палеолитическом жилище (стоянка Пасека) // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952. С. 71–74. (Уч. зап. Московск. ун-та. № 158).
- Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.
- Константинов А.М. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001.
- Краснов И.И. Геолого-геоморфологическое строение долины Дона и размещение палеолитических памятников // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л.: Наука, 1982. С. 37–41.
- Леонова Н.Б. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С.Н. Бибиков и первобытная археология. Каменный век. СПб., 2009. С. 195–201.
- Моисеев В.Г. Опыт статистической обработки элементов культурного слоя // Пушкаревский сборник. Вып. I. СПб., 1998. С. 44–51.
- Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ: к проблеме выявления структур древних поселений // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Тверь, 2008. Т. 1. С. 57–61.
- Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. М.; Л., 1957. (МИА. № 59).
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Поздний палеолит. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 161–272.
- Сергин В.Я. Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 151–176.
- Grigoryev G.P. A new Reconstruction of the Above-Ground Dwelling of Kostenki // Current Anthropology. 1967. Vol. 8. № 4.

Т. Е. Солдатова¹

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ СУНГИРЬ

Soldatova T.E. Tusk processing in Sungir Upper Palaeolithic site

The article presents the results of analyzing the ivory industry of the Upper Paleolithic site of Sungir. Thousand of beads, bracelets, ornament disks, animal figures and hunting weapons of bone, horn and ivory show the high level of bone industry of Sungir. But recent research has showed that there are some differences between bone- and antler-working and ivory industry: ivory tools and ornaments the better well-formed than bone and antler tools. Also there are practically no ivory tools used in economical activity: just hunting weapons (points, spears and, probably, rod-shaped pieces), art objects and ornaments. It is necessary to find an explanation of these differences to analyze the collections of other Early Upper Paleolithic sites of Europe (including the transitional industries). This comparison can help identify (understand) the reason for the differences of various methods of processing bone, antler and ivory, and in finding similarities — to understand the general nature of the bone industries of this period.

Всестороннее исследование палеолитической стоянки Сунгирь продолжается более полувека, но до сих пор остаются нерешенные и спорные вопросы как относительно материальной культуры поселения, так и относительно данных по естественно-научному изучению памятника. При этом стоянка Сунгирь является исключительной в своем роде: здесь вскрыта огромная площадь, обнаружена богатая коллекция кремневого и костяного инвентаря, а также раскопаны уникальные по своей организации (устройству) и богатству погребения.

Предметом представленного исследования является технико-типологический анализ изделий из

бивня памятника, за исключением украшений и предметов искусства.

Стоянка Сунгирь расположена у восточной окраины г. Владимира. Памятник находится в начале пологого склона на левом берегу р. Клязьмы и на правом берегу впадающего в нее ручья Сунгирь на расстоянии около 750 м к западу от первой и в 600 м к юго-западу от второго (Бадер, 1978). Основной массив радиоуглеродных дат располагается в промежутке от 25500 ± 200 (Gro-5425) до 28800 ± 240 (ГИН-9028) (*Homo sungirensis*, 2000). Большинство исследователей относят стоянку к костенковско-стрелецкой культуре, а ряд ученых отмечают в ее материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (напр., Бадер, 1978; Гаврилов, 2004; Григорьев, 1970; 2006; White, 1993; 1999).

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

ПРОБЛЕМА РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

Проблемы интерпретации результатов радиоуглеродного датирования памятника являются одними из основных дискуссионных моментов в вопросах обсуждения особенностей формирования культурного слоя поселения, а также выделения нескольких периодов обитания людей на

стоянке Сунгирь (напр., Гаврилов, 2004; Анико-вич, Анисюткин, Вишняцкий, 2007; *Homo sungirensis*, 2000).

Все опубликованные на данный момент радиоуглеродные даты (некалиброванные) распределяются следующим образом:

Сводная таблица опубликованных некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Сунгирь

До 20 т.л.н.	20–22 т.л.н.	23–24 т.л.н.	25–26 т.л.н.	27–28 т.л.н.
14 600±600 (ГИН-14)ʹ	20 360±900 (ГИН-9585)*	23 600±500 (ГИН-8998)*	25 500±200 (Gro-5425)°	27 000±320 (ГИН-9591)*
16 200±400 (ГИН-15)˘	20 540±120 (ГИН-16)?	23 830±220 (Сунгирь 2, ОхА-9037)†	25 740±600 (ГИН-9001)»	27 050±210 (Сунгирь 1, КИА-27006)†
19 160±270 (Сунгирь 1, АА-36473)†	22 700±600 (ГИН-10887)*	24 100±240 (Сунгирь 3, ОхА-9038)†	26 000±410 (Сунгирь 3, КИА-27007)†	27 200±400 (ГИН-9027)*
19 780±80 (ЛЕ-1058)˘	22 930±200 (Сунгирь 1, ОхА-9036)†	24 430±400 (Gro-5446)˘	26 100±1000 (ГИН-10886)*	27 200±500 (ГИН-9586)*
			26 190±640 (Сунгирь 3, АА-36476)†	27 200±700 (ГИН-10885)*
			26 200±640 (Сунгирь 2, АА-36475)†	27 210±710 (Сунгирь 2, АА-36474)†
			26 300±260 (ГИН-8995)*	27 260±500 (ГИН-9036)˘
			26 300±300 (ГИН-9034)»	27 400±400 (ГИН-9033)»
			26 600±300 (ГИН-9030)*	27 460±310 (ОхА-9039)*
			26 900±260 (ГИН-9035)˘	27 630±280 (ГИН-9031)*
				27 700±500 (ГИН-5880)*
				или •
				27 700±600 (ГИН-10888)*
				27 800±600 (ГИН-9588)*
				28 000±250 (ГИН-8997)*
				28 120±170 (ГИН-8999)*
				28 130±370 (ГИН-8996)*
				28 200±800 (ГИН-10883)*
				28 350±200 (ГИН-9032)*
				28 600±600 (ГИН-10884)*
				28 700±1000 (ГИН-10889)*
				28 800±240 (ГИН-9028)*
				28 800±300 (ГИН-9029)*

* — мамонт, “ — лошадь, ˘ — северный олень, ° — уголь, ˘ — «почва», ‘ — «кость», • — бизон, † — погребения (Синицын, Праслов, 1997; Сулержицкий, 2004; *Homo sungirensis*, 2000; Kuzmin et al., 2004; Dobrovolskaya et al., 2011).

Рис. 1. Распределение опубликованных некалиброванных радиоуглеродных дат стоянки Сунгирь

Из таблицы видно, что даты распределены неравномерно (рис. 1). Из 44 определений радиоуглеродного возраста образцов со стоянки Сунгирь 16 располагаются в промежутке от 14 до 24 тыс. л.н., 10 — в промежутке от 25 до 26 тыс. л.н., 22 — в промежутке от 27 до 28 тыс. л.н. Тридцать пять дат получены по костному материалу и древесному углю из культурного слоя памятника, девять — по образцам из погребений (Сунгирь 1 (скелет мужчины), Сунгирь 2 (скелет мальчика из двойного погребения), Сунгирь 3 (скелет девочки из двойного погребения)).

Еще две даты, $21\,800 \pm 1000$ (ГИН-326а) и $22\,500 \pm 600$ (ГИН-326б), не были включены в таблицу, поскольку относительно анализируемого в ходе датирования материала есть противоречивые данные: это либо древесный уголь из кострища в культурном слое, либо древесный уголь из очага, либо костные останки погребения Сунгирь 1 (Бадер, 1978, с. 64; Сеницын, Праслов, 1997, с. 60; *Homo sungirensis*, 2000, с. 32).

Необходимо отметить, что даты до 20 тыс. л.н. были получены в лаборатории Геологического института АН СССР в то время, когда метод радиоуглеродного датирования находился на стадии становления, и, по мнению автора раскопок О.Н. Бадера, оказались сильно омоложены (Бадер, 1978). Результаты, полученные в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, также оказались «неудачными» (Бадер, 1978, с. 65).

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что даты, полученные в лаборатории Аризоны по выпилам из больших берцовых костей погребений Сунгирь 1, Сунгирь 2 и Сунгирь 3, находятся в промежутке от 22 930 до 24 100 л.н., что противоречит данным, полученным в лаборатории Оксфорда по фрагментам ребер из этих же погребений (от 19 160 до 26 200 л.н.) (*Homo sungirensis*, 2000). Исследователи признают существенное несоответствие между данными результатами и заключают, что необходимо повторное исследование (Kuzmin et al., 2004). Недавно были опубликованы новые даты, полученные по образцам из бедренной кости индивидуума Сунгирь 1 и плечевой кости индивидуума Сунгирь 3 в лаборатории Лейбница Университета Кристиана-Альбрехта (г. Киль, Германия): $27\,050 \pm 210$ (KIA-27006) и $26\,000 \pm 410$ (KIA-27007) соответственно (Dobrovolskaya et al., 2011).

Только две «молодые» даты ($20\,360 \pm 900$ (ГИН-9585) и $23\,600 \pm 500$ (ГИН-8998)) были получены относительно недавно путем датирования спорово-пыльцевых спектров (*Homo sungirensis*, 2000).

Итак, характеризуя все имеющиеся радиоуглеродные даты по стоянке Сунгирь, можно сказать следующее.

Возможность оперирования основным массивом дат, имеющих значения до 26 тыс. л.н., находится под вопросом: часть из них была получена на стадии становления метода, другие же (результаты анализа костей из погребений) — противоречат друг другу. Начиная с рубежа в 26 тыс. л.н. количество полученных радиоуглеродных определений возраста образцов резко возрастает, а ровно половина из всех полученных дат (22 из 44 ед.) расположена в промежутке от 27 до 28 тыс. л.н.

Таким образом, вышеописанные обстоятельства не позволяют с уверенностью говорить о возможности выделения нескольких этапов посещения стоянки Сунгирь палеолитическим человеком. Наиболее достоверным представляется массив из 22 дат, охватывающих промежуток от 27 до 28 тыс. л.н.

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА СТОЯНКЕ СУНГИРЬ

В ходе работ в период с 1957 по 2004 г. на стоянке была вскрыта площадь свыше 4600 кв. м и со-

брана богатая коллекция кремневого и костяного инвентаря, насчитывающая более 80 000 предметов.

Изделия из бивня мамонта занимают второе место по количеству находок орудий труда и охоты (а также их заготовок) из костного сырья на памятнике и составляют весьма специфическую коллекцию (Солдатова, 2012).

Необходимо отметить, что комплекс изделий из бивня мамонта в полном объеме никогда не рассматривался, лишь в некоторых работах О.Н. Бадера представлена общая, но далеко не полная характеристика находок из данного материала, а отдельные категории изделий были частично рассмотрены в немногочисленных публикациях (напр., Бадер, 1978; Хлопачев, 2006; Гиря, Хлопачев, 2006; Житенев, 2011; White, 1993).

Характеризуя костяные изделия из культурного слоя стоянки Сунгирь, О.Н. Бадер отмечал плохое состояние предметов из бивня мамонта (Бадер, 1978; 1998). Так, на бивнях мамонтов и на поделках из этого сырья часто присутствует «мощная» известковая корка. По замечанию автора раскопок, «это делало разрушение изделий менее интенсивным, однако под известковым осадком находилась очень непрочная ткань бивня, верхний слой которой иногда отслаивался вместе с коркой» (Бадер, 1998, с. 79). Некоторые вещи не удалось «удовлетворительно освободить из-под массы отложившейся на них извести» (Бадер, 1998, с. 80). На костяных изделиях и предметах из рога северного оленя

подобная корка «заметно слабее» (Бадер, 1998, с. 79).

По наблюдениям автора, сохранность изделий неоднородна, большинство из них имеют повреждения различного характера (следы от атмосферного воздействия, биогенной и биохимической коррозии и т.п.), что снижает уровень информативности материала. Стоит отметить, что погрызов животных на поверхности находок практически не зафиксировано.

Поскольку бивень мамонта весьма отличается по своим свойствам и процессам образования от кости и рога, необходимо кратко охарактеризовать этот тип сырья.

Бивни мамонта — это преобразованная пара резцов. Сердцевина бивня сформирована из нескольких дентиновых конусов (рис. 2), «нанизанных» друг на друга и в «живом» состоянии представляющих гомогенное тело, вдоль центральной оси которого проходит нервный канал (Хлопачев, 2006, с. 19). Снаружи бивень покрыт бесклеточным цементом (рис. 2). Эмаль присутствовала только на дистальном конце первой смены бивней у детенышей. Подобное строение обеспечивало бивням высокую механическую прочность (Хлопачев, 2006, с. 19).

Бивневое сырье отличается большей плотностью и вязкостью, что определяет иные техниче-

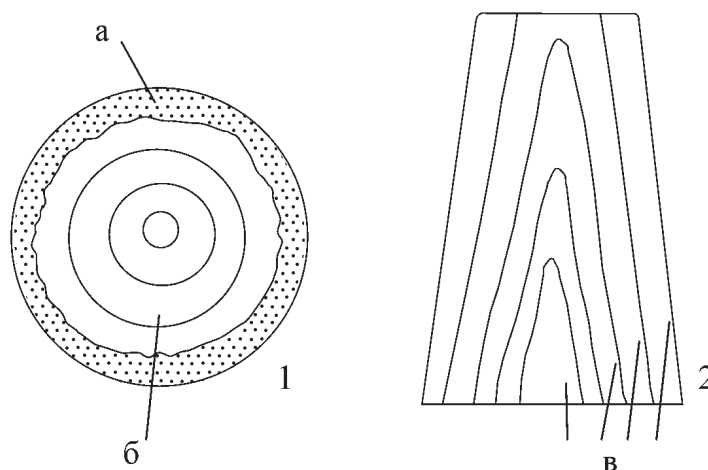

Рис. 2. Структура бивня мамонта в поперечном (1) и продольном (2) разрезе: а — бесклеточный цемент, б — дентин, в — конусы роста (по: Хлопачев, 2006, с. 20, рис. 7, 8, с изменениями)

ские приемы, чем при обработке костяного и рогового материала (напр., Семенов 1957; 1968).

Исследования поделочных свойств бивня мамонта, проведенные Г.А. Хлопачевым и Е.Ю. Гирей в последние годы, позволили заключить, что данный вид сырья имеет различные механические качества в зависимости от температурно-влажностных характеристик, а именно: «1) естественно-влажный (“све-

жий”) и замороженный (ниже -25°C) бивень — относительно твердый и хрупкий материал; 2) естественно-влажный бивень при положительных температурах — относительно мягкий и пластичный материал; 3) “сухой” бивень — относительно твердый и вязкий материал» (Хлопачев, Гиря, 2010, с. 19). Стоит, однако, отметить, что такие же качества присущи и роговому сырью (Хлопачев, Гиря, 2010).

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В качестве основных приемов первичной обработки бивня на стоянке Сунгирь использовались поперечное разламывание, продольное и поперечное скалывание, а также расслоение. В коллекции представлены три бивневых нуклеуса (В-15304/13656, В-15304/13695, В-15304/13696), с которых были осуществлены сколы. Негативы последних перекрывают следы расслоения, что свидетельствует в пользу использования на стоянке трещиноватого бивня (Хлопачев, 2006). Два из названных нуклеусов представляют собой дистальный конец бивня (рис. 3), третий — медиальную часть, все они были получены поперечным разламыванием. Судить о характере пазов, при помощи которых было осуществлено членение, невозможно из-за плохой сохранности предметов. Нуклеусы из дистальных концов служили для снятия продольных сколов, из медиальной части — для снятия поперечных, о чем можно судить по негативам сколов, а также по следам их отделения. Два нуклеуса (В-15304/13695, В-15304/13696) были зафиксированы в «ритуальной» яме, о местоположении третьего предмета (В-15304/13656) данных нет.

Различные бивневые сколы представлены на стоянке 14-ю экземплярами. Среди них три продольных отщепы (В-8191/1560, В-15305/4648, В-54789/175? — рис. 4, 1) и один поперечный (В-54789/153). Два экземпляра являются треугольными стержневидными сколами(?) (В-54789/172, В-54789/173). Группу из шести экземпляров составляют сколы-заготовки с плоскими концами (В-54789/157, В-54789/159, В-54789/162, В-54789/166, В-54789/169, В-33897/4?). Характерная особенность данных заготовок — взаимно перпендикулярное расположение плоских концов.

В качестве поделочного материала на стоянке использовали и плоские доотщепленные продукты расслоения, которые представлены двумя экземплярами (В-54789/152, В-54789/168 — рис. 4, 2). К сожалению, данных о местоположении 11-ти предметов из этой категории нет. Один скол-заготовка с плоскими концами (В-54789/175?) был зафиксирован в погребении мужчины, а два продольных отщепы — в культурном слое стоянки (В-8191/1560, В-15305/4648).

При изготовлении бивневых изделий часто применялись приемы, характерные для работы с костью и рогом. Так, на двух экземплярах при оформлении как рабочего, так и тыльного концов использовалась техника нанесения небольшого продольного скола. В одном случае прослеживается негатив от длинного продольного скола, который был впоследствии подработан (В-54789/178).

Для выделки конечных форм изделий использовались строгание и шлифование. Необходимо отметить, что изделия из бивня выделяются на фоне других костяных поделок особой тщательностью обработки.

Таким образом, технологический анализ коллекции предметов из бивня стоянки Сунгирь показал, что для первичной обработки сырья использовались различные способы: поперечное разламывание, продольное и поперечное скалывание, а также расслоение, которые не характерны для обработки кости и рога. Однако для последующей обработки применялись одинаковые приемы, такие как техника нанесения небольшого и длинного продольных сколов, строгание, шлифование. Можно заключить, что технология обработки костяно-

Рис. 3. Нуклеус из дистального конца бивня мамонта

Рис. 4. Поделочный материал стоянки Сунгирь: 1 — продольный отщеп, 2 — плоский доотщепленный продукт расслоения

го, рогового и бивневого сырья на стоянке Сунгирь достаточно однородна.

В ходе раскопок на стоянке Сунгирь была собрана большая коллекция заготовок и готовых изделий из бивня мамонта, в которой присутствуют предметы, относящиеся ко всем технологическим стадиям производственной операционной цепочки. Благодаря наличию отходов производства, а также ряда заготовок разной степени завершенности можно предположить, что обработка бивня происходила непосредственно на стоянке.

Остановимся на подробном рассмотрении категорий бивневых поделок, отметив, что название типов в основном носит описательный характер, то есть выделенные категории являются техноморфологическими группами. Проведение трасологического анализа и выделение на его основе функциональных категорий остается в перспективе исследуемой темы.

Все предметы бивневой коллекции памятника можно разделить на следующие категории и подкатегории: нуклеусы, заготовки, отходы производ-

ства, неопределимые осколки и обломки, орудия и предметы неутилитарного характера.

Нуклеусы и бивневые сколы, которые отнесены к категории «заготовки», были подробно описаны в характеристике технологии обработки бивневого сырья. Необходимо отметить, что все сколы были получены преднамеренно, однако следов дополнительной обработки не прослеживается. Вполне возможно, что часть из них — отходы бивневой индустрии, однако, по устному сообщению к.и.н. Г.В. Григорьевой (ИИМК РАН), они с высокой долей вероятности являются именно заготовками.

К категории заготовок также относятся две заготовки наконечников, однако их рассмотрение более целесообразно в сравнении с законченными предметами орудий охоты, которое приведено ниже.

Орудийный набор представлен 21 экземпляром, среди которых можно выделить несколько подкатегорий: «жезлы-выпрямители», стержневидные изделия, орудия охоты (наконечники, дротики и копья).

«Жезлы-выпрямители» из бивня представлены двумя экземплярами (В-33898/9405, В-33898/9412) (рис. 5, 1, 2). Рассматриваемые предметы сильно различаются по размеру (18,6 и 11,4 см), но выполнены по одной схеме: они имеют четырехгранную головку (на маленьком «жезле» она обломана) и сужающуюся к основанию «рукояточную» часть. На большом «жезле» зафиксирован орнамент в виде сверленных лунок, аналогичный орнаменту на фигурке лошадки и небольшому диску из культурного слоя и на одном из браслетов из мужского погребения (Бадер, 1978; Муравьева, 2001; Пальцева, 2010). Отверстия округлые, расположены в расширенной проксимальной части, их внутренняя поверхность сильно сглажена в результате употребления изделий (?). Необходимо отметить, что на площади памятника помимо описанных «жезлов» из бивня мамонта обнаружены два законченных «жезла-выпрямителя» (В-33898/9406, В-33898/9407), а также две заготовки данных предметов (В-16749/3041, В-54789/187) из рога северного оленя. На одном из готовых роговых «жезлов» (В-33898/9407) фиксируется орнамент в виде небольших прорезанных линий (подобный орнамент не встречается ни на одном из просмотренных автором предметов из костного сырья коллекции стоянки Сунгирь) (рис. 5, 3). Законченные предметы рассматриваемой категории были зафиксированы в погребении детей, у скелета девочки. Одна заготовка (В-16749/3041) найдена в культурном слое стоянки, а информация о местоположении второй заготовки (В-54789/187), к сожалению, отсутствует (Бадер, 1998).

Стержневидные изделия представлены двумя экземплярами (В-54789/188, В-15304/13818). Это тщательно выделанные длинные стержни, проксимальные концы которых заострены или заужено-овальной формы. Изделия имеют овально-уплощенное или округлое сечение и незначительную толщину. Без функционально-трасологического анализа судить об их назначении невозможно. Не исключено, что они могли употребляться в качестве орудий охоты (Бадер, 1978). Один из рассматриваемых стержней (В-15304/13818) был зафиксирован в «ритуальной» яме № 4, данных о местоположении второго предмета нет.

Подкатегория орудий охоты из бивня мамонта состоит из наконечников, дротиков и копий.

Наконечники составляют группу из двух экземпляров (В-54789/178, В-8620/4614) (рис. 6). Первый — это наконечник со скошенным основанием (?). Сечение уплощенно-овальной формы, длина 13,9 см. Изделие сужается к проксимальному концу, однако самый кончик обломан, потому судить о его форме не представляется возможным. Предмет хорошо отшлифован. Второй наконечник относится к другому типу. Он также имеет уплощенно-овальное сечение, его длина составляет 9,9 см. Проксимальный конец наконечника овальной формы, немного уплощен. Дистальный конец предположительно обломан.

Кроме непосредственно наконечников на площади памятника обнаружены две заготовки, которые демонстрируют разные стадии создания рассматриваемых орудий охоты (рис. 6). Так, первая заготовка (В-54789/126) относится к одному из начальных этапов обработки, когда форма изделия уже задана при помощи отделения нужной пластины бивня и придания ей необходимых очертаний при помощи строгания (?), но проксимальный конец наконечника еще не оформлен. Вторая заготовка (В-15305/3571) относится к одному из последних этапов выделки: проксимальный конец уплощен и заужен, а на дистальном конце прослеживается негатив скола, при помощи которого оформлялось основание наконечника. Однако заготовка была сломана у основания и не закончена: отсутствуют следы шлифования (здесь необходимо отметить, что готовый наконечник, имеющийся в коллекции, очень тщательно отшлифован, в результате чего следы обработки практически неразличимы).

Информация о местоположении наконечников есть только по одному законченному предмету (В-8620/4614) и одной заготовке (В-15305/3571): они были обнаружены в культурном слое стоянки.

Дротики образуют группу из 12 экземпляров и имеют длину от 30 до 145 см. Копья представлены двумя экземплярами и являются на сегодня уникальными предметами вооружения палеолитического человека. Их длина составляет 165 и 247 см. Как дротики, так и копья различаются по

Рис. 5. «Жезлы-выпрямители» из бивня мамонта (1, 2) и рога северного оленя (3)

способу оформления «боевой части» предмета: часть из них имеет обоюдоострые концы, другая — один заостренный, а другой уплощенный округло-

сглаженный конец (Гиря, Хлопачев, 2006, с. 71). Все рассматриваемые орудия охоты были обнаружены в детском погребении.

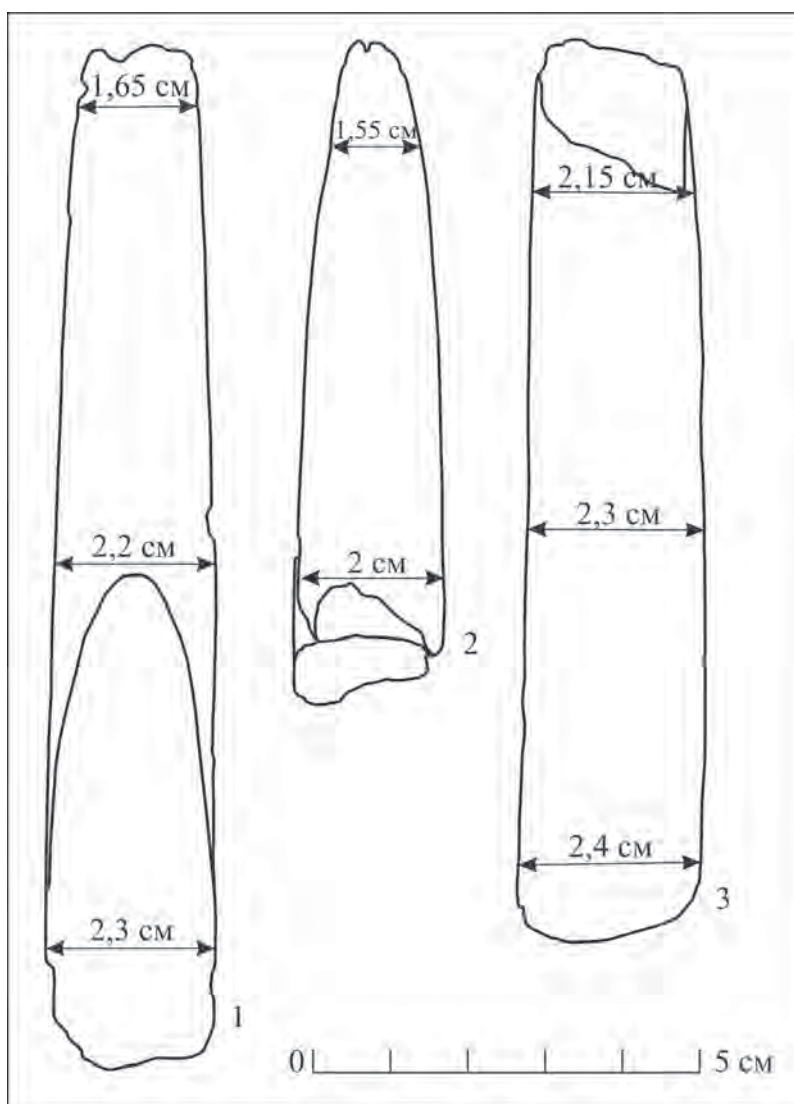

Рис. 6. Наконечник В-54789/178 (1) и заготовки наконечников В-15305/3571 (2), В-54789/126 (3)

Единственным экземпляром представлен предмет биконической формы с округлыми концами из бивня мамонта, на котором фиксируются следы использования в качестве ретушера (В-15304/13655 — рис. 7). Несмотря на плохую сохранность, на некоторых участках поверхности изделия можно различить следы обработки в виде длинных продольных параллельных линий предположительно от строгания. Кроме того, местами фиксируются следы использования в виде многочисленных углублений, перекрывающих («заминающих»)

следы обработки. Поскольку предмет обнаружен в могиле, он мог также служить для каких-либо ритуальных целей или иметь символическое значение. Необходимо отметить, что на рассматриваемом изделии В.С. Житеневым был зафиксирован характерный орнамент в виде небольших лунок (Житенев, 2011).

Отдельную категорию бивневых изделий составляют прорезные диски, которые представлены в коллекции четырьмя экземплярами (В-33898/9399, В-33898/9400, В-33898/9401, В-33898/9402 — рис. 8).

Рис. 7. Предмет биконической формы с округлыми концами из бивня мамонта, на котором фиксируются следы использования в качестве ретушера

Это тонкие округлые предметы с круглым центральным отверстием и несколькими овальными или подтреугольными отверстиями по краям. Все прорезные диски были обнаружены в детском погребении (Бадер, 1998). Назначение рассматриваемых изделий неизвестно. Существует гипотеза,

выдвинутая О.Н. Бадером, согласно которой эти диски надевались на бивневые и деревянные копья (Бадер, 1977). Необходимо отметить, что аналогичный предмет меньших размеров был зафиксирован у черепа девочки в детском погребении (Бадер, 1998).

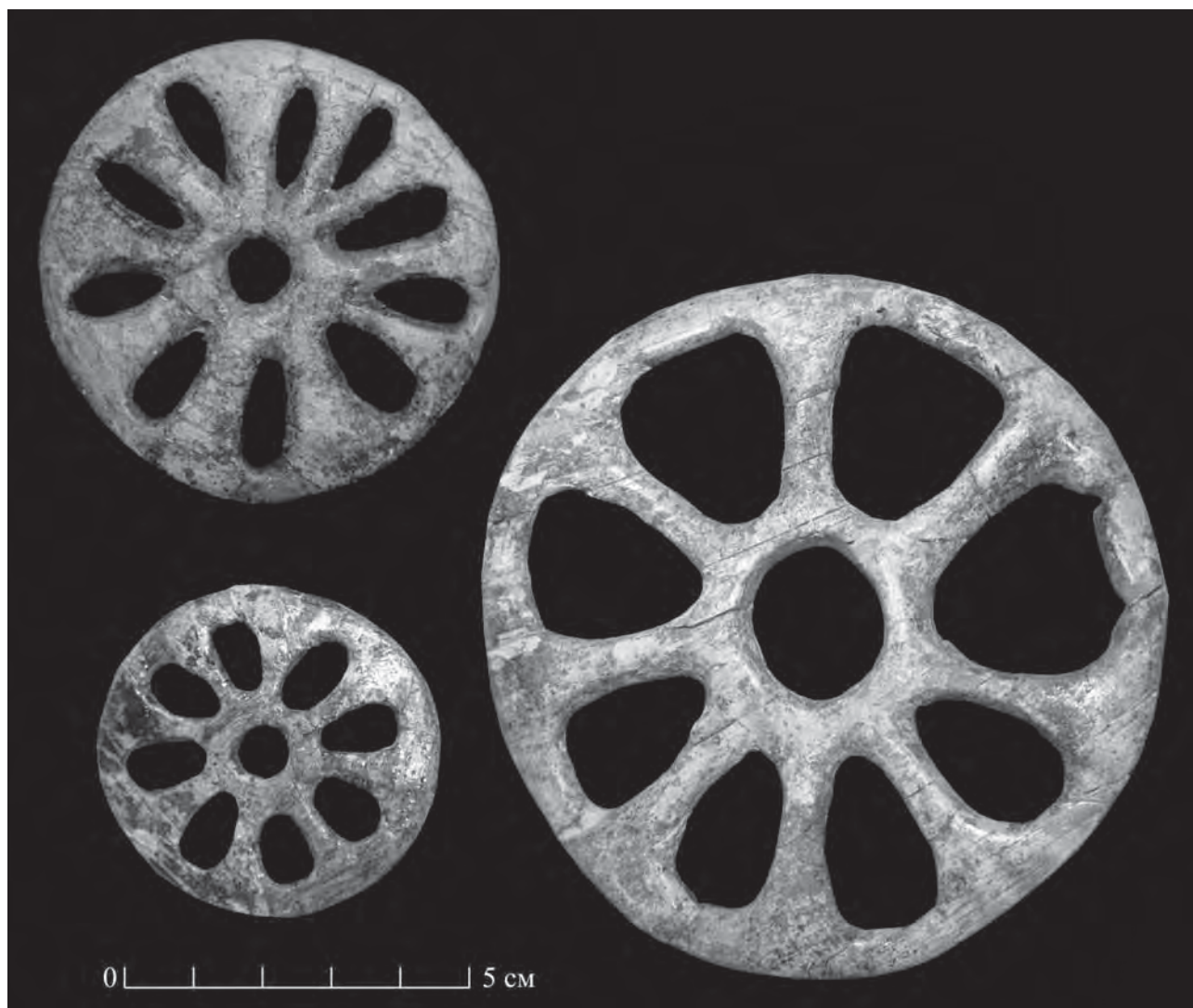

Рис. 8. Прорезные диски из детского погребения

Таким образом, технико-типологический анализ позволил выявить, что в коллекции памятника присутствуют предметы, относящиеся ко всем технологическим стадиям производственной операционной цепочки, и показать, что обработка бивня происходила на территории стоянки. Последний

тезис подтверждается не только наличием в коллекции бивневых нуклеусов, разнообразных сколов и отходов производства, но и заготовками наконечников и довольно большим количеством стерженьков для отделения заготовок бус, обнаруженных в культурном слое памятника (Житенев, *в печати*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо еще раз отметить, что изделия из бивня выделяются на фоне других костяных поделок особой тщательностью обработки. Среди них практически нет предметов, употреблявшихся в хозяйственно-бытовой деятельности, только ору-

дия охоты (наконечники, дротики, копья и, возможно, стержневидные изделия), предметы искусства и разного рода украшения. В коллекции имеется три случая, когда изделия из бивня можно отнести к орудийной категории: это предмет со

следами использования в качестве ретушера и два «жезла-выпрямителя». Однако необходимо подчеркнуть, что все перечисленные орудия были обнаружены в погребениях и могли иметь ритуальное и/или символическое значение.

Технико-типологический анализ предметов из кости и рога коллекции стоянки Сунгирь показал, что костяную и роговую индустрию памятника (за исключением предметов искусства) можно охарактеризовать как достаточно архаичную и, судя по ограниченному набору технических приемов обработки, вполне однородную. Например, несмотря на плохую сохранность компакты ряда роговых предметов, на них четко прослеживаются следы от ударов, оставленные при попытке отрубания части рога. Подобные глубокие следы свидетельствуют в пользу архаичности индустрии (Семенов, 1968).

Кроме того, костное и роговое сырье на стоянке употреблялось для изготовления стандартных орудий труда, используемых в повседневной жизни людей (ретушеры, мотыги, долота, острия и шилья и т.п.) (Солдатова, 2012).

Таким образом, изделия из бивня мамонта выделяются на фоне костяных и роговых предметов не только тщательностью обработки, но и типологическим составом.

Для объяснения подобных различий необходимо обратиться к коллекциям других памятников Европы ранней поры верхнего палеолита (в том числе «переходных» индустрий). Такое сопоставление может помочь выявить (понять) причину различия методов обработки разного костного сырья, а при нахождении схожих моментов — общее в характере костяных индустрий этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту. СПб., 2007. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 5).

Бадер О.Н. Об исчезнувших деревянных изделиях во второй могиле на Сунгире // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 113–116.

Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.

Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998. С. 5–158.

Гаврилов К.Н. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. Воронеж, 2004. С. 97–98.

Гиря Е.Ю., Хлопачев Г.А. Копья из двойного погребения подростков Сунгирской стоянки (технологический анализ) // *In situ*. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 69–87.

Григорьев Г.П. Верхний палеолит // МИА СССР. № 166. 1970. С. 43–63.

Григорьев Г.П. Ранняя пора верхнего палеолита: методика выделения // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006. С. 39–50.

Житенев В.С. Украшения из клыков песка Сунгирской верхнепалеолитической стоянки // Археологиче-

ские источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: Тез. конф. СПб., 2011. С. 54–57.

Житенев В.С. Украшения из погребений и культурного слоя стоянки Сунгирь: предварительные итоги исследований. В печати.

Муравьева А.Н. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Вып. 7. Владимир, 2001. С. 86–92.

Пальцева А.Н. Браслеты из бивня мамонта со стоянки Сунгирь в археологических коллекциях ВСМЗ // Материалы исследований науч.-практ. кон. 13–14 декабря 2010 г. Владимир, 2010. С. 100–108.

Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л., 1957.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

Солдатова Т.Е. Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // РА. 2012. № 2. С. 52–59.

Сулержский Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3. С. 103–112.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб., 2010.

Dobrovolskaya M., Richards M.-P., Trinkaus E. Direct Radiocarbon Dates for the Mid Upper Paleolithic (Eastern Gravettian) Burials from Sungir, Russia // Bull. et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. 2011. P. 1–7.

Номо sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Kuzmin Y.V., Burr G.S., Jull A.J.T., Sulerzhitsky L.D. AMS 14C age of the Upper Palaeolithic skeletons from Sungir site, Central Russian Plain // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2004. Vol. 223–224. P. 731–734.

White R. Technological and social dimensions of “Aurignacian Age” body ornaments across Europe // H. Knecht, A. Pike-Tay, and R. White (eds.). Before Lascaux. Boca Raton, FL: CRC Press., 1993. P. 277–299.

White R. Intégrer la complexité sociale et opérationnelle: la construction matérielle de l'identité sociale à Sungir // Préhistoire d'os. Recueil d'études sur l'industrie osseuse préhistorique offert à Henriette Camps-Faber. Publications de l'Université de Provence, Aix-en-Provence, 1999. P. 319–331.

К. Н. Гаврилов¹

ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ ПОДЕСЕНЬЯ²

Gavrilov K.N. Upper Gravettien in the Desna region

Article is devoted to the typological characteristic of the Eastern Gravettian on the territory of the basin of the Desna River. Variability of flint industry of the Eastern Gravettian — rather obvious phenomenon. The problem consists in what is reflected by this variability. Typologically stone industries of the Eastern Gravettian sites can be divided into options which taxonomically settle down at one level. The stone industries of considered sites possess a complex of features which reflect specifics of several levels: individual, chronological and regional.

Типологическая характеристика восточного граветта на территории Подесенья и в целом Русской равнины, а также описание его внутренней структуры — это вопросы, которые были и, вероятно, будут оставаться предметом постоянной дискуссии. Причина здесь лежит в самой природе этих определений, поскольку они носят интерпретационный характер. Отношение к восточному граветту, как и к другим культурно-историческим явлениям палеолита, зависит от общих представлений исследователя о характере развития культуры, взаимодействия человека и окружающей среды, объема и характера накопленных носителями той или иной культуры самых разнообразных знаний и представлений. Наконец, оно не в последнюю очередь определяется тем, можно ли в принципе рассматривать это явление как нечто органическое, отражающее определенные закономерности в истории первобытного общества, или в данном случае

мы имеем дело только с классификационными терминами, используемыми для удобства систематизации объектов исследования.

Повторяемость, устойчивость во времени и пространстве морфологии, технических и технологических характеристик ведущих категорий материальной культуры дают все основания считать, что под понятием «восточный граветт» скрывается вполне реальный исторический феномен. Использование этого понятия не означает еще раскрытия природы той исторической действительности, которую оно обозначает. С его помощью «всего лишь» происходит отнесение памятника к тому или иному культурно-историческому явлению, и в этом смысле восточный граветт действительно используется как классификационный термин. Он позволяет очертить территориальные и временные рамки этого специфического культурного образования и приступить к исследованию его внутренней структуры, факторов, определявших его постоянство и развитие и в конечном итоге к реконструкции связанных с ним, пусть самых общих, но исторических явлений и процессов.

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00375.

ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА ДЕСНЫ

К восточному граветту Русской равнины на основании уже имеющегося опыта изучения памятников, относимых к этому явлению (Grigor'ev, 1993; Гирия, 1997; Григорьев, 1998; Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000), можно причислить стоянки и поселения, каменная индустрия которых характеризуется следующими признаками: 1) использование крупной пластинчатой заготовки, полученной в результате стадийного расщепления при помощи каменного (мягкого) отбойника; 2) использование притупляющей ретуши для оформления острий, пластин и микропластин с притупленным краем; 3) применение целого ряда приемов вторичной обработки (чешуйчатая подтеска, ретуширование, диагональные плоские вентральные резцовые сколы) для оформления ударных площадок, с которых снимались краевые сколы для подживления режущего края; 4) применение крупной плоской вентральной ретуши для выравнивания профиля изогнутых пластин; 5) использование полукрутой и приостряющей ретуши для оформления острий на крупных пластинах; 6) сочетание таких типов орудий, как граветтские острия, наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа и — шире — пластины с подтеской концов, листовидные острия.

Перечисленные признаки каменного инвентаря позволяют отнести к восточному граветту на территории бассейна Десны следующие памятники: Авдеево, Хотылево 2, Октябрьское II (к.сл. 1), Пушкири I, Клюсы (рис. 1). К сожалению, степень изученности их материальной культуры весьма неравномерна. Стоянкам Авдеево, Хотылево 2 и Пушкири I посвящен целый ряд публикаций, тогда как Октябрьское II (к.сл. 1) и Клюсы остаются практически неопубликованными. К тому же коллекция стоянки Октябрьское II (к.сл. 1) в настоящее время недоступна для ознакомления, и представление о памятнике можно получить из отчетов о его раскопках, хранящихся в архиве Института археологии РАН, а также из небольшой статьи С.Н. Алексеева и А.В. Кашкина и монографии А.А. Чубура (Алексеев, Кашкин, 1998; Чубур, 2001).

Анализ опубликованных материалов, посвященных восточному граветту, показывает, что к категориям, которые позволяют в наибольшей степени охарактеризовать как общие, так и особенные черты каменных индустрий памятников, относятся пластины и микропластины с притупленным краем, острия с притупленным краем (граветтские), листовидные острия, ножи костенковского типа и пластины с подтеской концов. Их сопоставление помогает определить таксономический характер культурной специфики каменной индустрии каждого восточно-граветтского памятника.

Пластины и микропластины с притупленным краем

Хотылево 2 (рис. 2, 1–41). Эта категория самая многочисленная после резцов среди предметов с вторичной обработкой в инвентаре Хотылевской стоянки³ (823 экз., 14, 9 %).

Значительная часть пластин с притупленным краем (ППК, 86 экз.) оформлена при помощи встречной ретуши (рис. 2, 4, 8, 12, 39). Половина ППК представлена экземплярами со сломанными концами. Судя по целым изделиям, наиболее распространено было оформление концов при помощи притупляющей или полукрутой ретуши перпендикулярно к длинной оси предмета, то есть преобладающей формой являются прямоугольники. Характерно также использование плоской вентральной ретуши, которая наносилась как с концов, так и с краев пластины (рис. 2, 1, 3, 7). В последнем случае предпочтение отдавалось необработанному краю. Один предмет имеет два притупленных края, причем левый край обработан более крупной ретушью, чем правый. Среди пластин с притупленным краем имеются семь «пилок», а также 334 экз. пластин, у которых край притуплен лишь частично. В последнем случае ретушь оформляла длинную выемку. Небольшую серию (16 экз.) образуют широкие ППК, часть которых имеет симметрично обработанные ретушью концы (рис. 2, 5, 6). Одна

³ Здесь и далее кроме отдельных, оговоренных специально случаев используются данные, полученные при анализе коллекций из раскопок пунктов А и Б (Гаврилов, 2008).

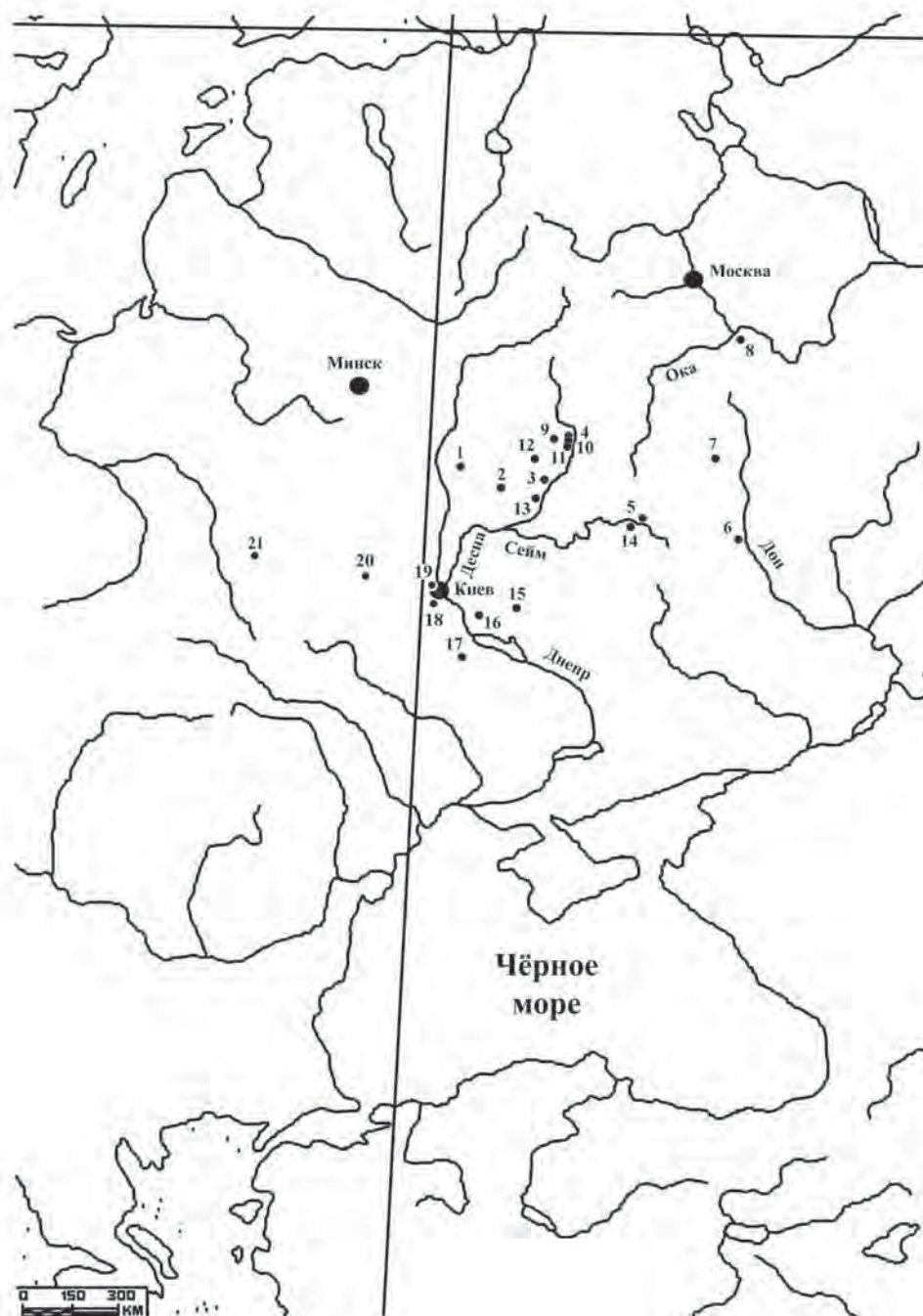

Рис. 1. Опорные памятники средней и поздней поры верхнего палеолита центральных районов Восточно-Европейской равнины: 1 — Бердыж, 2 — Ключсы, Пушкари I, 4 — Хотылёво 2, 5 — Авдеево, Октябрьское II, 6 — памятники Костенковско-Борщевского района, 7 — Гагарино, 8 — Зарайск, 9 — Елисейевичи, 10 — Тимоновка, 11 — Супонево, 12 — Юдиново, 13 — Мезин, 14 — Быки, 15 — Гонцы, 16 — Добраничевка, 17 — Межиричи, 18 — Семеновка, 19 — Киево-Кирилловская, 20 — Радомышль, 21 — Бармаки (Ровненская)

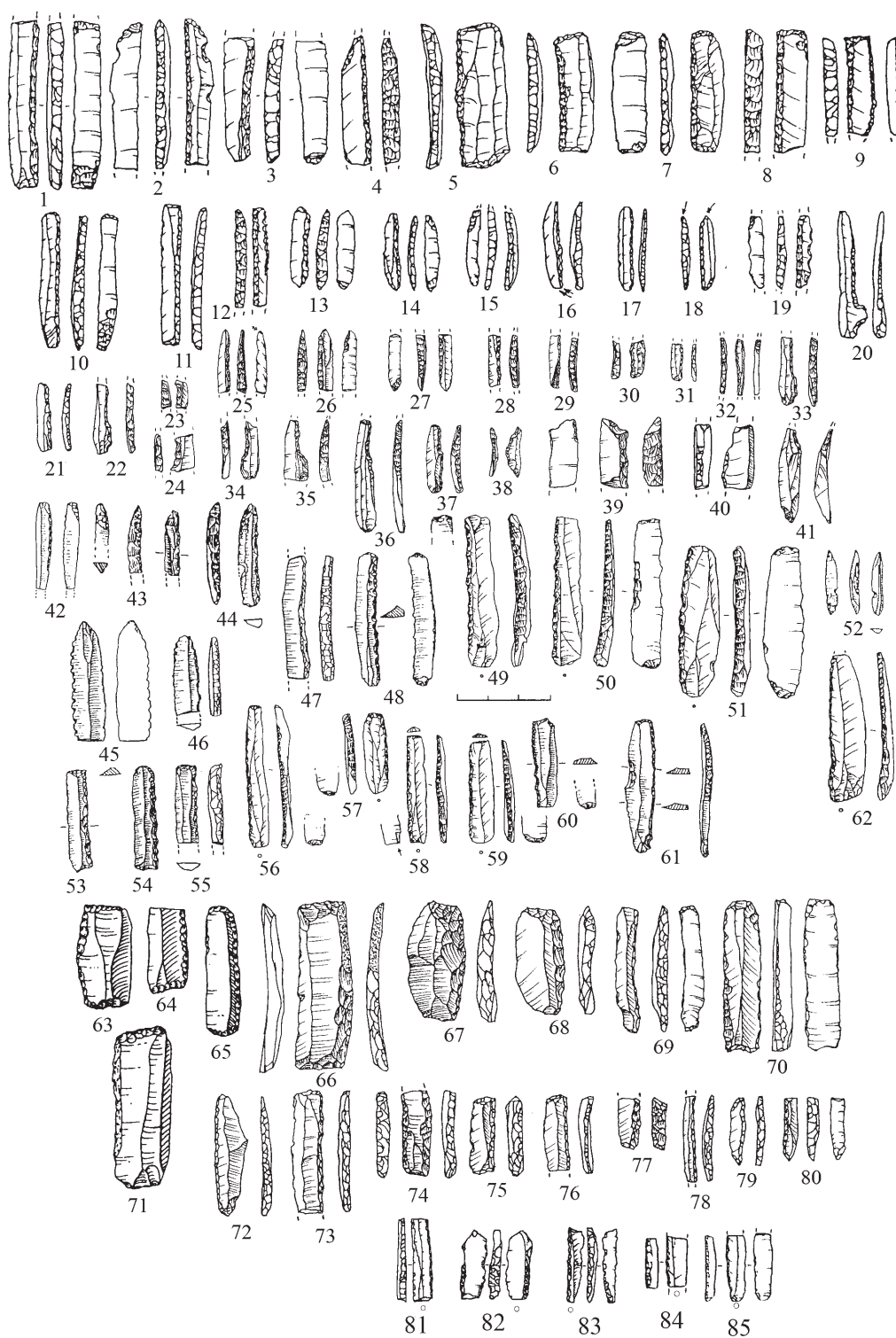

Рис. 2. Пластины и микропластины с притупленным краем восточного граветта бассейна Десны: 1–41 — Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008), 42–62 — Авдеево (по: Гвоздовер, 1998), 63–65, 71 — Пушкари I (по: Рогачев, Аникович, 1984), 66–70, 72–80 — Ключсы (по материалам И.Г. Шовкопляса), 81–85 — Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С.Н. Алексеева)

из таких пластин имеет дополнительную подработку концов, выполненную при помощи плоских вентральных сколов, напоминающих микрорезцовые (рис. 2, 7). Часть пластин оформлялась при помощи чередующейся ретуши, а также вентральной притупливающей ретуши (7 и 10 экз. соответственно).

Численность микропластин с притупленным краем (МППК) превышает количество ППК. Среди них предметы, оформленные при помощи встречной ретуши, даже более многочисленны, чем среди пластин с притупленным краем (124 экз.). Характерно, что встречная ретушь присутствует как на относительно крупных микропластинах, так и среди очень мелких экземпляров. Микропластины, чья ширина меньше 6 мм, а толщина — 3 мм, составляют немногим менее четверти всех МППК и образуют, таким образом, довольно значительную серию предметов.

Оформление концов микропластин в большинстве случаев не отличается от того, которое имеет у ППК, основное отличие состоит в величине ретуши. Преобладают прямоугольники (рис. 2, 10–12). Кроме того, 13 экз. имеют концы, оформленные в виде острий при помощи плоской вентральной ретуши (рис. 2, 13–15, 19), а также при помощи притупливающей ретуши, заходящей на противоположный притупленному край (рис. 2, 18). Какая-то часть МППК, видимо, является сломанными микроостриями с притупленным краем, о чем свидетельствуют их сходящиеся края. Частично притуплен край у 30 предметов (рис. 2, 20, 35, 36), к «пилкам» могут быть отнесены 10 экз. (рис. 2, 19, 26). Имеется один экземпляр «сегмента» миниатюрных размеров (рис. 2, 38). Кроме того, в инвентаре Хотылево 2 есть также один экземпляр так называемой «стрелки», изготовленной на микропластине, у которой притупливающей ретушью симметрично оформлены концы в виде острий (рис. 2, 41).

Авдеево (рис. 2, 42–62). Пластинки с притупленным краем после резцов и ножей костенковского типа составляют самую многочисленную серию орудий в инвентаре стоянки. По типу заготовки они делятся на две группы — изготовленные на относительно тонких микропластинках (толщина 0,2–0,3 см) и на относительно массивных (толщина

0,4–0,5 см). Длина предметов от 5 до 1,3 см, ширина от 0,3 до 0,5 см. Преобладают относительно крупные экземпляры (Гвоздовер, 1998, с. 268). Для получения притупленного края использовалась по преимуществу односторонняя притупливающая ретушь, от мелкой до крупной. Характерной особенностью этой ретуши является то, что она оформляла слабо-волнистый притупленный край (рис. 2, 47–51, 54, 60). Редко, но все же использовалась встречная ретушь, усекающая пластину до ее максимальной толщины (Гвоздовер, 1998). Почти в половине случаев концы пластин не обрабатывались. Форма обработанных концов, как правило, перпендикулярна длинной оси предмета и оформлена притупливающей ретушью. В единичных случаях применялась также вентральная ретушь и очень часто — подтеска (рис. 2, 42, 48, 50, 51, 56, 57, 60). Последний элемент придает своеобразие МППК и ППК Авдеево. Так называемые «пилки» содержатся в инвентаре Авдеевской стоянки, однако эти предметы не имеют притупленного края (рис. 2, 45, 46). Среди изделий с вторичной обработкой зафиксирована также «стрелка». В отличие от хотылевского экземпляра этот предмет изготовлен на микропластинке при помощи плоской вентральной ретуши, нанесенной на концы с необработанных краев (рис. 2, 52).

Пушкари I (рис. 2, 63–65, 71). Общее количество пластин с притупленным краем превышает 200 экз. П.И. Борисковский отмечал, что концы этих изделий не отретушированы, однако это не так. Наиболее характерной формой ППК пушкаревского инвентаря являются широкие пластины с притупленным краем и симметрично оформленными краями (рис. 2, 63, 65), аналогичные тем, которые имеются в инвентаре Хотылево 2 (рис. 2, 5, 6). Длина пластин составляет от 3 до 6 см, ширина — от 1 до 1,5 см (Борисковский, 1953, с. 211). Среди пушкаревских пластин с притупленным краем имеются широкие экземпляры, у которых один из концов обработан приостряющей ретушью (рис. 2, 71).

Клюсы (рис. 2, 66–70, 72–80). Пластины и микропластины с притупленным краем этой стоянки насчитывают 42 и 38 экземпляра соответственно. Для категории ППК характерна значительная пред-

ставленность широких форм (рис. 2, 66–68), совершенно аналогичных пушкаревским. Концы как ППК, так и МППК обрабатывались притупляющей и приостряющей ретушью перпендикулярно длинной оси предмета по прямой или слабо-выпуклой дуге. Концы оформлялись симметрично. Одна пластина с притупленным краем оформлена при помощи встречной ретуши. У двух экземпляров ППК (рис. 2, 69, 70) и одного МППК (рис. 2, 80) имеется подправка нижних концов при помощи ventральной ретуши. В коллекции присутствует пластина с притупленным краем, у которой от одной трети до половины ширины заготовки срезано встречной контрударной ретушью (рис. 2, 77) — признак, характерный прежде всего для инвентаря Хотылево 2. По пропорциям и особенностям оформления укороченные ППК и МППК стоянки Ключи весьма напоминают не только предметы тех же категорий Пушкарей I, но и некоторые предметы из инвентаря стоянки Хотылево 2.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 2, 81–85). Судя по рисункам предметов этой категории, которые опубликованы и имеются в отчетах о раскопках, ППК и МППК этой стоянки по своим метрическим характеристикам не отличаются от аналогичных предметов других памятников восточного граветта региона. Один из нарисованных предметов изготовлен при помощи встречной притупляющей ретуши (рис. 2, 82), другой имеет обработку конца и прилегающего к нему участка режущего края при помощи плоской ventральной ретуши (рис. 2, 83) — характерные черты для ППК и МППК Хотылево 2 и частично Авдеево.

Острия с притупленным краем

Хотылево 2 (рис. 3, 1–13). Среди предметов этой категории большинство относится к граветтским остриям (48 экз.). Они изготовлены из крупных, достаточно массивных пластин. Однако сами острия в большинстве своем узкие. Только у четырех из них ширина превышает 1,2 см. Один край этих пластин срезался на значительную величину при помощи крупной притупляющей ретуши, которая или на всем протяжении притупленного края или у самого острия была встречной.

Притупленный край оформлялся по прямой или слегка выпуклой дуге, основание — притупляющей или полукрутой ретушью перпендикулярно к длинной оси орудия. У половины граветтских острий (25 экз.) основание и острие подрабатывалось плоской ventральной ретушью, которая наносилась с краев (рис. 3, 1–5). В таком случае они напоминают острия типа вашон, но в отличие от западноевропейских аналогов имеют более мелкие размеры. В нескольких случаях у острий второй край дополнительно подрабатывался приостряющей ретушью. При изготовлении одного из таких изделий была использована ventральная ретушь (рис. 3, 2). В целом использование плоской ventральной ретуши для оформления узких острий — отличительная черта предметов этой категории Хотылево 2. В инвентаре памятника даже имеется один экземпляр острия, у которого нет притупленного края, но само острие оформлено при помощи плоской ventральной ретуши (рис. 3, 6).

Остальные острия изготовлены при помощи одинарной ретуши. В инвентаре стоянки имеется также один экземпляр двуконечного острия с притупленным краем, изготовленного на узкой пластине (рис. 3, 13). Одиннадцать острий изготовлено на микропластинах и пластинках (рис. 3, 8–11), среди которых имеются формы, напоминающие узкие разновидности острий типа федермессер (рис. 3, 10).

Авдеево. Острия с притупленным краем представлены двумя экземплярами, оба относятся к группе граветтских острий (рис. 3, 14, 15). В отличие от предметов Хотылево 2 у этих острий нет обработки ventральной плоской ретушью. Судя по метрическим показателям, заготовками для граветтских острий Авдеево служили широкие пластины, аналогичные пластинам, которые использовались в Хотылево 2 для изготовления острий типа вашон.

Пушкари I (рис. 3, 18–24). Острия с притупленным краем (около 170 экз.) этого памятника в большинстве случаев изготовлены на крупных широких пластинах, однако их длина не превышает 7 см (Борисковский, 1953, с. 218). Притупленный край формировался крупной односторонней ретушью, основание также обрабатывалось притупляющей

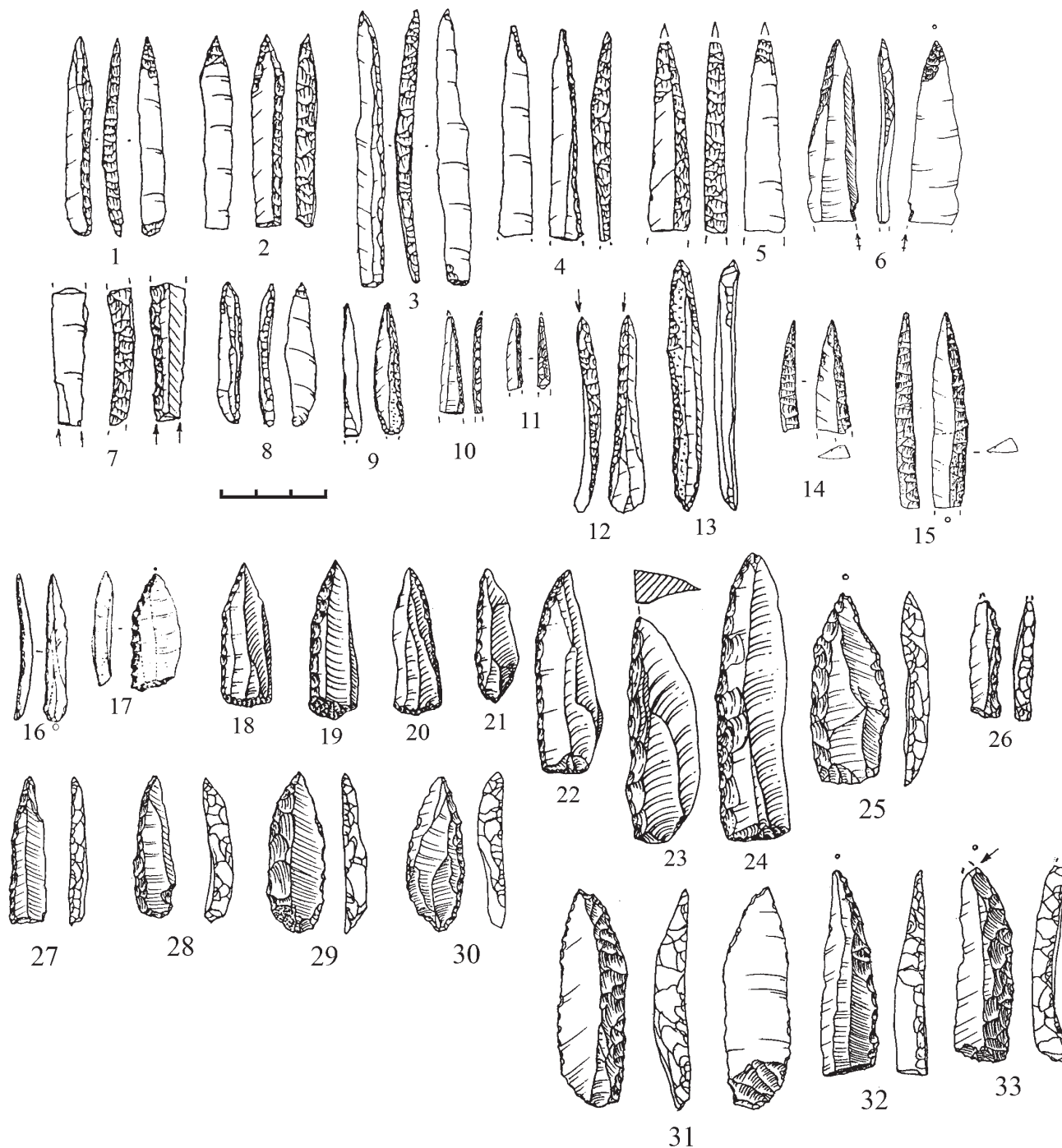

Рис. 3. Острия с притупленным краем памятников восточного граветта на территории бассейна Десны: 1–13 — Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008), 14–15 — Авдеево (по: Гвоздовер, 1998), 16–17 — Октябрьское II (к.сл. I) (по материалам С.Н. Алексева), 18–24 — Пушкاري I (по: Рогачев, Аникович, 1984), 25–33 — Ключи (по материалам И.Г. Шовкопляса)

или полукрутой ретушью перпендикулярно длинной оси предмета по прямой или слабо-выпуклой дуге (рис. 3, 22–24). Данные острия делятся на симметричные и асимметричные. Среди острий с притупленным краем выделяется группа предметов укороченных пропорций симметричной формы. Один край у них оформлен притупляющей ретушью средних размеров, у острия переходящую в полукруглую и приостряющую ретушь (рис. 3, 18–21). Основание у этих предметов ретушировано так же, как и у крупных острий. Как вариант имеется оформление основания при помощи притупляющей ретуши в виде острия (рис. 3, 21).

Клюсы (рис. 3, 25–33). В коллекции этого памятника имеется очень выразительная серия острий с притупленным краем (63 экз., 13,3 % от общего количества орудий). Крупная притупляющая ретушь оформляет один край предметов по слабо-выпуклой дуге или по прямой. У целых экземпляров основание оформлено притупляющей или полукрутой ретушью по дуге перпендикулярно длинной оси предмета. Три острия комбинированы со скребком (рис. 3, 33). Кроме того, двенадцать предметов этой категории имеют также подправку основания со стороны брюшка, осуществленную при помощи крупной ретуши, которая наносилась под углом к плоскости брюшка (рис. 3, 31). У двух острий верхняя часть притупленного края оформлена при помощи встречной ретуши, эти предметы могут быть атрибутированы как граветтские (рис. 3, 32), однако они не идентичны граветтским остриям Авдеево и Хотылево 2. Главное отличие состоит в том, что ретушь на остриях в данном случае срезает менее одной трети заготовки, поэтому острия стоянки Клюсы шире острий более ранних восточно-граветтских памятников. В целом острия с притупленным краем имеют значения ширины не более 1,8 см, толщина же варьирует от 5 до 9 см. Все острия с притупленным краем могут быть разделены примерно поровну на симметричные и асимметричные. Среди симметричных имеется небольшая серия предметов укороченных пропорций, изготовленных на пластинах, пластинках и микропластинах толщиной до 5 мм (рис. 3, 25–30), которые аналогичны укороченным остриям

из коллекции Пушкарей I. Характерно, что среди этой группы, так же как и в Пушкарях I, имеется предмет с основанием, оформленным ретушью в виде острия.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 3, 16, 17). Те рисунки орудий, которые имеются в отчетах С.Н. Алексеева, позволяют, во-первых, констатировать, что предметы данной категории в коллекции этого памятника есть. Во-вторых, возможно, они имеют общее сходство с остриями стоянок Пушкари I и Клюсы. Последнее предположение основывается на том, что среди двух нарисованных острий один предмет относится к разновидности укороченных и по своим пропорциям аналогичен остриям упомянутых стоянок (рис. 3, 17). Особенностью предмета из Октябрьского II (сл. 1) является оформление основания острия по диагонали, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного варианта. Второе острие изготовлено на микропластине, имеет симметричные очертания и его левый край обработан по прямой линии мелкой притупляющей ретушью (рис. 3, 16).

Наконечники с боковой выемкой (НБВ)

Хотылево 2. Предметы этой категории в коллекции памятника немногочисленны (16 экз.). Тем не менее они могут быть отнесены к различным вариантам и даже типам. Прежде чем перейти к их характеристике, отметим две общие черты, присущие большинству НБВ. Во-первых, они довольно узкие. Ширина пера почти у всех наконечников не превышает 1,0–1,1 см, лишь один предмет имеет ширину пера 1,6 см (рис. 4, 23). Во-вторых, длина пера примерно равна длине черешковой части также почти у всех наконечников, за исключением двух экземпляров (рис. 4, 24, 27). Последняя особенность хорошо видна при визуальном осмотре предметов, однако не может быть проиллюстрирована метрическими характеристиками, поскольку в коллекции только два наконечника сохранились целиком. Остальные в той или иной степени фрагментированы.

Наконечники с боковой выемкой Хотылевской стоянки, как уже отмечалось, представлены несколькими вариантами. К первому относятся предметы на узких пластинах, у которых приту-

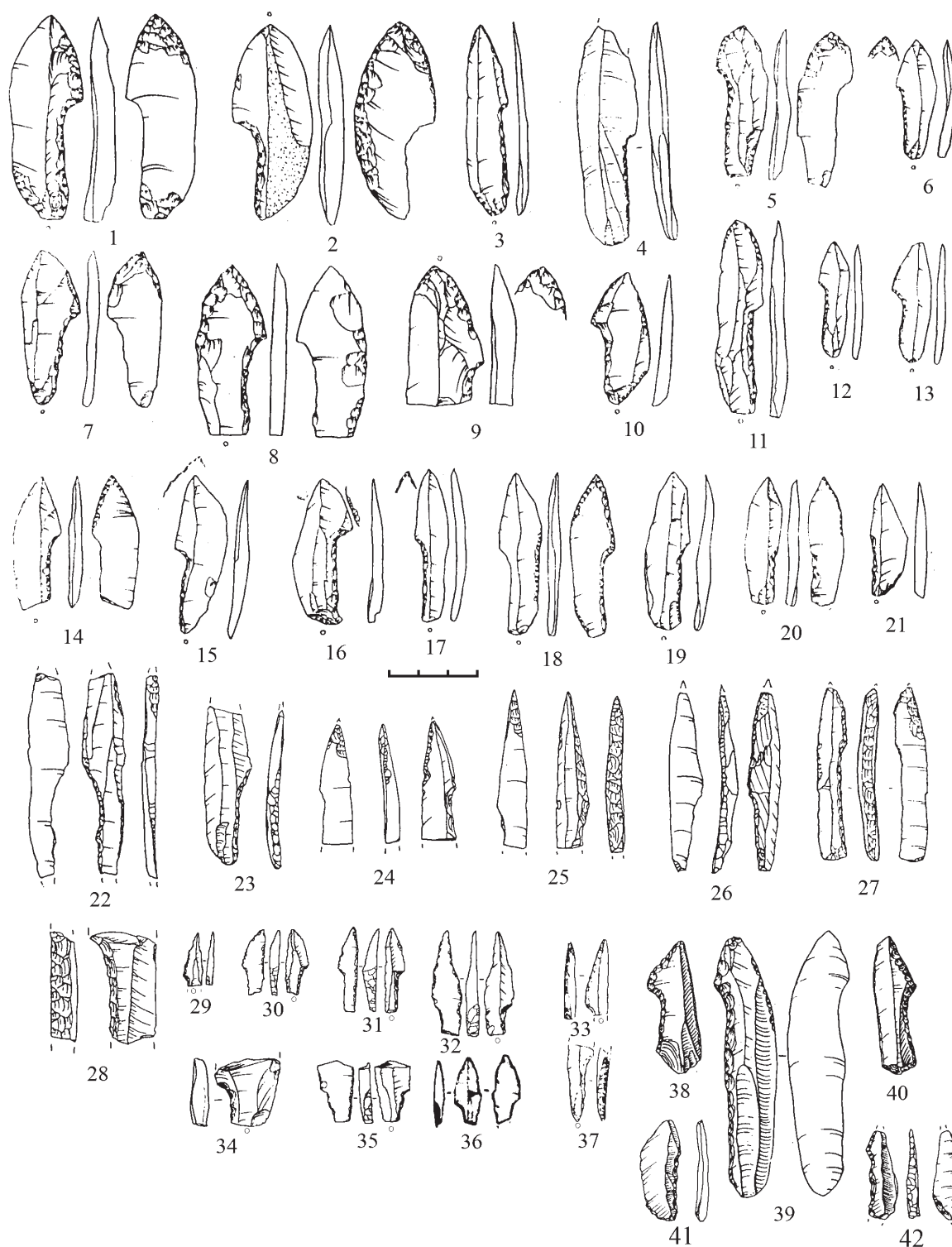

Рис. 4. Наконечники с боковой выемкой в инвентаре стоянок восточного граветта бассейна Десны: 1–21 — Авдеево (по: Гвоздовер, 1998), 22–28 — Хотыльёво 2 (по: Гаврилов, 2008), 29–37 — Октябрьское II (к.сл. 1) (по материалам С.Н. Алексеева), 38–40 — Пушкари I (по: Рогачев, Аникович, 1984), 41, 42 — Ключи (по материалам И.Г. Шовкопляса)

пливающей ретушью оформлены перо и черешок, по длине примерно равные друг другу (7 экз.). У одного изделия основание черешка подработано плоской вентральной ретушью (рис. 4, 26). Именно эта форма ближе всего к наконечникам с ретушированным пером и черешком, которые характерны для инвентаря Гагаринской стоянки.

Второй вариант представлен одним предметом, который, однако, весьма характерен. Он также обработан притупливающей ретушью, более крупной по сравнению с изделиями вышеописанной разновидности. Перо занимает треть длины всего наконечника. Основание черешка оформлено при помощи приостряющей ретуши и слегка скошено по отношению к длинной оси предмета, а перо имеет подработку плоской вентральной ретушью, которая была нанесена с краев пластины (рис. 4, 27). Основание также дополнительно подработано мелкой вентральной плоской ретушью, нанесенной с проксимального конца. Для изготовления этого наконечника с боковой выемкой использовалась заготовка и приемы вторичной обработки, присущие всему комплексу предметов с притупленным краем Хотылево 2, поэтому он не является случайным среди данной категории. Его можно рассматривать в качестве типа, характеризующего специфику хотылевского кремневого инвентаря. Однако некоторая аналогия этому предмету имеется в инвентаре стоянки Молодова V. В слое 7 был также обнаружен наконечник, у которого притупливающей ретушью были обработаны перо и черешок (Otte, 1981, p. 468, fig. 232, 23). Размеры пластины, а также соотношение пера и черешковой части почти полностью совпадают с хотылевским экземпляром. Отличия состоят в деталях: у молодовского экземпляра перо не имеет подработки вентральной ретушью, а основание обработано по дуге вентральной ретушью со стороны проксимального конца и неретушированного края. Хотылевский и молодовский наконечники могут рассматриваться как варианты одного и того же типа.

Среди хотылевских наконечников выделяется еще одна группа, которая может рассматриваться в качестве специфической, характеризующей особенности кремневого инвентаря Хотылево 2. Она состоит из пяти предметов, главной отличительной

чертой которых является использование встречной ретуши. Для них характерна также подработка пера у острия при помощи плоской вентральной ретуши, нанесенной со стороны одного или двух краев (рис. 4, 25).

Следующую группу наконечников с боковой выемкой составляют изделия, у которых боковая выемка оформлена крупной притупливающей или полукруглой ретушью, а перо имеет краевую ретушь на крае, противоположном боковой выемке. Таких предметов всего три, у двух перо имеет у острия подработку плоской вентральной ретушью, нанесенной с краев (рис. 4, 22, 24).

Один из наконечников (рис. 4, 22) по своим пропорциям схож с аналогичным предметом, найденным при раскопках южного комплекса третьего культурного слоя стоянки Костенки 21 (Гмелинская) (Праслов, Иванова, 1982, с. 205, 206, рис. 70, 16). Он также изготовлен на длинной узкой пластине⁴, притупливающая ретушь, которая оформляла боковую выемку, срезала до половины ширины заготовки, а перо и черешковая часть по длине примерно равны друг другу. У гмелинских наконечников также отмечается подправка пера краевой и вентральной ретушью. Исследователи Костенок 21 выделили данную форму в особый гмелинский тип. Хотылевский экземпляр может рассматриваться в качестве одного из вариантов данного типа.

Среди хотылевских наконечников есть экземпляр, который представляет форму, широко распространенную как среди памятников восточного граветта, так и в более поздних комплексах (рис. 4, 23). Этот предмет изготовлен на средних размеров пластине (ширина 15,5 мм, длина, по всей видимости, не превышала 60 мм). Притупливающей ретушью, срезающей до трети ширины заготовки, у него оформлена боковая выемка. Соотношение длин пера и черешковой части близко к пропорции 1:1.

В коллекции имеется также обломок предмета, изготовленного на крупной массивной пластине, который мог быть частью изделия с боковой выемкой, возможно, наконечника (рис. 4, 28).

⁴ Длина наконечника превышала 70 мм, ширина составила 14,5 мм.

В хотылевском инвентаре нет наконечников с боковой выемкой костенковского типа, изготовленных на крупных пластинах. Однако другие разновидности, которые до этого были выделены по материалам восточно-граветтийских памятников, в нем присутствуют.

Авдеево (рис. 4, 1–21). Категория наконечников с боковой выемкой в инвентаре этого памятника отличается одновременно стабильным сочетанием приемов вторичной обработки и вариабельностью метрических характеристик изделий.

Своеобразие каменной индустрии Авдеево, как в целом всех памятников костенковско-авдеевской археологической культуры, специфические наконечники костенковского типа. Последние характеризуются при помощи устойчивого набора определенных признаков: «1 — наличие выемки, начинающейся от основания орудия и занимающей около двух третей его длины <...> выполнена крутой ретушью, нанесенной обычно со спинки; 2 — противолежащий выемке край выпуклый (дугообразный); 3 — переход от выемки к перу резкий; 4 — перо треугольное, симметричное. Край пера иногда приострен ретушью. Угол пера устойчив» (Гвоздовер, 1998, с. 259). К этому необходимо добавить, что так называемые наконечники с боковой выемкой костенковского типа («типичные») изготавливались на крупных широких пластинах (рис. 4, 1–5, 7–10, 14–16). Чаще всего именно эти экземпляры подвергались переделке. Вообще неоднократная переделка и длительное использование предметов данной категории весьма характерны для Авдеево, что, собственно, и является одной из причин вариабельности наконечников. Для всей категории в целом характерно единство приемов вторичной обработки, различия в применении которой, скорее всего, вызывались особенностями использования в каждом конкретном случае. Какая-то общая закономерность может быть охарактеризована в том смысле, что вторичная подработка применялась для выравнивания неровностей края и уплощения конца и основания наконечников. Среди предметов данной категории имеются два крупных, изготовленных на правильных пластинах экземпляра (длиной более 10 см), у которых ретушью оформлена боковая выемка. Другие виды

вторичной подработки отсутствуют (рис. 4, 3, 4). Эти орудия представляют классический образец исходной, или идеальной, формы наконечников костенковского типа, столь характерной для индустрии Зарайской стоянки (Амирханов, 2000). Кроме того, в категории выделяется серия предметов, изготовленных на пластинах менее широких и массивных по сравнению с теми, которые обычно употреблялись для изготовления наконечников костенковского типа (рис. 4, 11–13, 17–21). Их ширина не превышает 20 мм, а толщина — 3 мм. Эти предметы условно могут рассматриваться в качестве «атипичных», хотя все они оформлены при помощи вторичной обработки, характерной и для «типичных» предметов, в частности при помощи вентральной ретуши. В этом смысле наконечники с боковой выемкой Авдеево отличаются большей гомогенностью по сравнению с НБВ Хотылево 2 и, как будет показано далее, других стоянок.

Пушкари I (рис. 4, 38–40). П.И. Борисовским выделено не менее 20 экземпляров наконечников с боковой выемкой, однако их количество, вероятно, меньше указанной цифры, поскольку в данную категорию были включены предметы с выемками на пластинах подтреугольных очертаний. Однако наконечники с боковой выемкой среди предметов с вторичной обработкой все же имеются. Их характерная черта — обработка пера и выемки притупляющей ретушью. Но в отличие, например, от хотылевских предметов, пушкаревские наконечники не имеют вентральной подработки пера и отличаются в целом укороченными пропорциями. В публикации А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича есть рисунок предмета, по своим пропорциям и характеру обработки выемки и пера напоминающего один из вариантов наконечника с боковой выемкой костенковского типа. Однако и в данном случае он не имеет вентральной подработки основания черешка и пера, и одновременно его перо весьма укорочено и ретушировано по тому же краю, на котором располагается боковая выемка. Среди наконечников костенковского типа укороченное перо, как правило, сочетается с двусторонней обработкой. В данном случае перо изначально имело укороченные пропорции, что, видимо, является от-

личительной чертой стоянки Пушкари I, поскольку этот же признак характеризует и остальные наконечники (рис. 4, 38, 40).

Клюсы (рис. 4, 41, 42). В каменном инвентаре этого памятника имеются два предмета данной категории. Оба изделия характерны в своем роде. Первый наконечник изготовлен на пластине, имеет укороченные пропорции (рис. 4, 41). Выемка оформлена притупляющей ретушью, очень неглубокая, занимает две трети длины изделия. Основание наконечника ретушировано по диагонали. Противоположный край не обработан, выпуклый. Перо треугольное, симметричное, без вторичной обработки. Практически такой же экземпляр имеется среди НБВ Авдеево (см. рис. 4, 21). Несмотря на свою «атипичность», этот предмет характерен именно для авдеевских наконечников и его присутствие в инвентаре стоянки Клюсы очень показательно. Второй наконечник изготовлен на пластинке (рис. 4, 42). Его перо и боковая выемка обработаны притупляющей ретушью по одному краю. Длина боковой выемки превышает две трети длины изделия. Соответственно, перо имеет укороченные пропорции и треугольную слегка асимметричную форму. Основание обработано вентральной ретушью по диагонали, ретушь заходит на противоположный боковой выемке край. Необработанный участок этого края прямой, сходящийся к острию по диагонали относительно длинной оси орудия. Такие признаки этого предмета, как обработка пера и выемки притупляющей ретушью по одному краю, соотношение пера и черешковой части, пропорции пера, а также прямая линия необработанного режущего края сближают его с пушкаревскими НБВ. К особенностям данного наконечника следует отнести использование в качестве заготовки пластинки, а также применение вентральной ретуши для оформления основания черешковой части.

Октябрьское II, сл. 1 (рис. 4, 29–37). Наконечники с боковой выемкой этого памятника представлены целой серией предметов, не отличающейся, однако, единством морфологических и метрических признаков. Среди них имеются предметы, изготовленные на пластинках (рис. 4, 30, 32, 33, 36), узких пластинах (рис. 4, 35) и микропластинах

(рис. 4, 29, 31). Один фрагмент, черешковая часть, может быть отнесен к НБВ на широкой пластине (рис. 4, 34). Для оформления наконечников использовалась притупляющая ретушь, как правило, оформляющая глубокие выемки. Ретуширование края пера, сопряженного с боковой выемкой, также зафиксировано (рис. 4, 33), однако насколько количественно представлены эти изделия, пока неизвестно. Большинство рисунков изображают наконечники без ретуши пера. Судя по тем же рисункам, перо занимало от одной трети до половины длины всего изделия. Собственно перо удлинненных пропорций. Характер заготовки, метрические пропорции наконечников сближают их с аналогичной категорией Гагаринской стоянки. Отличие заключается в том, что в Гагарино имеются наконечники с вентральной обработкой пера, что сближает их с хотылевскими орудиями, а также то, что гагаринские предметы практически все имеют притупляющую ретушь по краю пера, сопрягающегося с боковой выемкой.

Листовидные острия с вентральной обработкой концов

Авдеево. Орудия этой категории относятся к культуруопределяющим формам для памятников т.н. костенковско-авдеевской археологической культуры и восточного граветта в целом (Григорьев, 1968; Grigor'ev, 1993). Среди них выделяются два типа: костенковский и павловский.

Первый описывает двуконечные острия, изготовленные на широких пластинах с подпараллельными краями (рис. 5, 1–4, 7–10). Крупная вентральная плоская ретушь оформляет у них один или два конца. Листовидные острия данного типа в Авдеево не столь многочисленны, как наконечники с боковой выемкой и ножи костенковского типа, но столь же, если не более, вариabельны. Как и в случае с наконечниками, а также ножами костенковского типа, вариabельность форм листовидных острий связана с процессом переделки и длительного использования. Переоформление заключалось в более интенсивной вентральной ретушировке, которая затрагивала не только концы, но и края. Кроме того, края дополнительно обрабатывались дорсальной полукрутой и приостряющей крупной

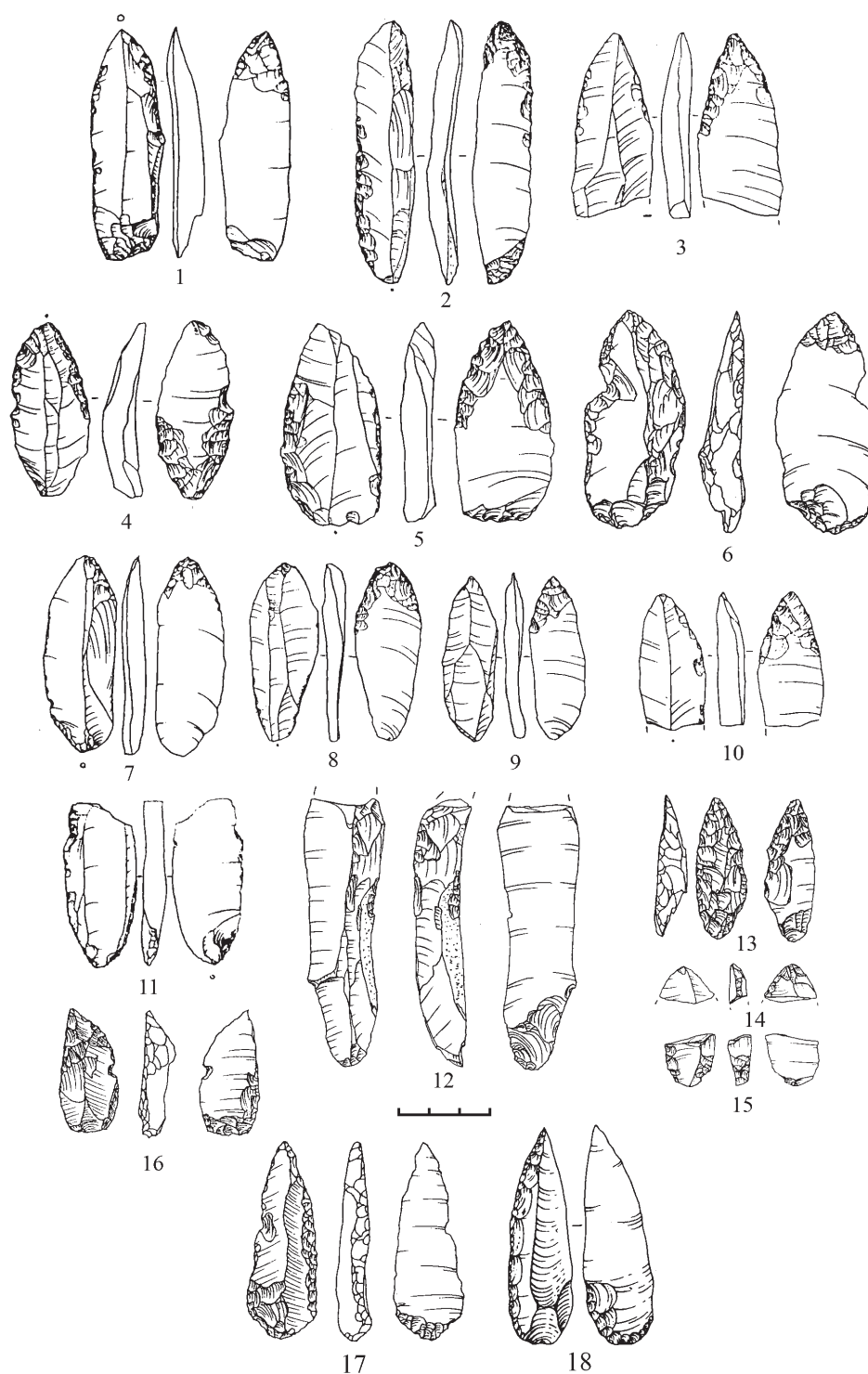

Рис. 5. Листовидные острия в инвентаре памятников восточного граветта в бассейне Десны: 1–10, 13 — Авдеево (1–5, 7–10 по: Гвоздовер, 1998; 6, 13 по материалам М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева), 11 — Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С.Н. Алексеева), 12, 14, 15 — Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008), 16, 17 — Ключсы (по материалам И.Г. Шовкопляса), 18 — Пушкари I (по: Рогачёв, Аникович, 1984)

ретушью (рис. 5, 4). В результате острия приобрели укороченные пропорции и двояковыпуклые очертания краев. В каменном инвентаре Авдеевской стоянки имеется также острие с интенсивной обработкой краев при помощи дорсальной ретуши, почти полностью покрывающей поверхность спинки (рис. 5, 13). Сочетание с вентральной обработкой концов и правого края, а также слабо выделенная черешковая часть делают это изделие сопоставимым с листовидными остриями-наконечниками стоянки Костенки 8 (Тельманская), к. сл. 1.

Второй тип, павловский, представлен в Авдеево единичными экземплярами (рис. 5, 5, 6). Они характеризуются использованием в качестве заготовки максимально широких пластин, отличающихся также повышенной массивностью. Это острия с одним концом и основанием прямой или выпуклой формы. В качестве основания использовался массивный проксимальный конец пластины. Крупная вентральная ретушь применялась для обработки как острых концов, так и оснований. Края также обрабатывались крупной полукрутой и приостряющей ретушью, форма краев выпуклая.

Хотылево 2. До последнего времени в каменном инвентаре этого памятника не выделялись предметы данной категории. Однако при раскопках нового пункта В было обнаружено одно изделие, которое может быть отнесено к листовидным остриям костенковского типа (рис. 5, 12), пока еще специфического для материальной культуры Хотылево 2. Речь идет о фрагменте листовидного острия, изготовленного на массивной пластине. Проксимальный конец пластины обработан вентральной плоской крупной ретушью. Особенностью данного орудия является то, что в качестве заготовки взята пластина более массивная по сравнению с теми, которые использовались при изготовлении аналогичных изделий в Костенках I, Авдеево или Зарайске. Тем не менее она по своим метрическим и морфологическим характеристикам относится к типичным крупным хотылевским пластинам.

Анализ полученной при раскопках на площади участка А (раскопы № 13–14) коллекции предметов с вторичной обработкой позволил выделить семь фрагментов острий, судя по размерам которых, по

крайней мере часть из них была изготовлена на широких пластинах. Среди этих фрагментов во всяком случае один экземпляр может быть отнесен к острию с вентральной ретушью конца (рис. 5, 14). Его атрибуция допускает два варианта оценок. Возможно, этот фрагмент является обломком пера наконечника с боковой выемкой. Выше отмечалось, что в коллекции Хотылево 2 имеется обломок черешковой части изделия, изготовленного на широкой массивной пластине. Однако возможно, что в данном случае мы имеем дело с обломком листовидного острия. Находка подобного изделия на участке пункта В допускает такое заключение. Кроме того, в той же коллекции из раскопов № 13–14 имеется один фрагмент, который может быть обломком базовой части листовидного острия костенковского типа (рис. 5, 15).

Пушкари I. Среди опубликованных предметов с вторичной обработкой выделяется одно острие, у которого основание по дуге обработано крупной вентральной ретушью и которое может быть отнесено к листовидным (рис. 5, 18). Своими очертаниями это изделие сопоставимо с листовидными остриями более ранних восточно-граветских памятников, возможно, типологически восходя к павловским. Однако пушкаревский вариант обладает выраженной спецификой. Во-первых, для его изготовления была использована более узкая и менее массивная по сравнению с остриями павловского типа Авдеево пластина. Во-вторых, один из краев острия полностью обработан крупной полукрутой ретушью, непосредственно у острия переходящей в приостряющую. В-третьих, базовая часть предмета обработана по дуге полукрутой ретушью, заходящей на край, противоположный дорсально ретушированному. На этом участке фасетки оформляющей ретуши налегают на более крупные негативы, судя по рисунку, уплощающие профиль изделия. Эта форма является законченной и, несмотря на свою единичность, неслучайной.

Клюсы. Каменный инвентарь этого памятника содержит один предмет. Практически он идентичен пушкаревскому листовидному острию (рис. 5, 17). Отличия заключаются в деталях оформления базовой части острия, а также в том, что в Клюсах острый конец совпадает с дистальным концом

пластины, тогда как в Пушкарях I острое располагается на проксимальном конце. Таким образом, описанные предметы из коллекции Пушкарей I и Клюсы можно рассматривать в качестве особого, пушкаревского, типа листовидных острий.

В каменном инвентаре стоянки Клюсы имеется еще один экземпляр листовидного острья. Он отличается укороченными пропорциями, наличием подтески основания и частично одного из краев на брюшке. Верх острья обработан полукрутой крупной ретушью, у самого острья переходящей в приостряющую. Острие асимметричное, треугольных очертаний. Края слабо выпуклые, в медиальной части неретушированные. У основания, тем не менее, видны фасетки регулярной ретуши, нанесенной, очевидно, до того, как базовая часть острья была переоформлена при помощи вентральной подтески. Данная форма изделия, скорее всего, является результатом длительного использования и утилизации орудия.

Октябрьское II, сл. 1. Достоверных данных о наличии листовидных острий в инвентаре этого памятника в настоящее время нет. Среди рисунков С.Н. Алексеева имеется изображение пластины с вентральной обработкой проксимального конца, которое предположительно может быть отнесено к листовидным остриям костенковского типа (см. рис. 5, 11). Параметры и форма заготовки у него такие же, как и у листовидных острий Авдеево. Однако характер вентральной обработки, напоминающий подтеску, ориентировка негативов от вентральных сколов, наличие на примыкающих к проксимальному концу участках краев фасеток нерегулярной ретуши сближают данный предмет с ножами костенковского типа. Без осмотра реального орудия окончательная атрибуция этого изделия затруднена.

Ножи костенковского типа (НКТ)

Авдеево. Ножи костенковского типа этого памятника (рис. 6, 8–11) составляют самую многочисленную после пластин и отщепов с ретушью категорию предметов с вторичной обработкой. Это не случайно. Только на памятниках типа Авдеево и Костенок I (верхний слой), к которым относится также Зарайская стоянка (Амирханов, 2000; Лев,

2009), данные орудия образуют столь значительные серии предметов. Они характеризуются наличием специально оформленного на торце заготовки плечика, с которого производилось утоньшение концов орудия и заострение края, прилегающего к плечу. Как правило, плечико оформлялось при помощи подтески, которая, по мнению М.Д. Гвоздовер, аналогична ядрищному способу вторичной обработки мустьерской эпохи (Гвоздовер, 1998, с. 250). Однако для оформления плечика могли применяться и поперечные плоские вентральные сколы, и, хотя и реже, один широкий вентральный скол. Фактически в данном случае мы имеем дело со специфическим техническим приемом оживления рабочей части ножа, который имеет типологическое значение при характеристике каменного инвентаря в целом.

Данная категория характеризуется большой степенью вариабельности форм по различным признакам — пропорциям, характеру оформления конца, форме края, частоты его ретуширования и др. М.Д. Гвоздовер выделяет две крайние формы в пределах категории. Это более всего соответствующая узкому понятию термина «нож костенковского типа» группа ножей на удлинённых пластинах, у которых плечико оформлено «с акцентом на угол» (рис. 6, 8, 9), и группа орудий укороченных пропорций (рис. 6, 11; Гвоздовер, 1998, с. 255). Вариабельность данной категории свидетельствует о достаточно длительном использовании отдельных ножей и неоднократном их переоформлении. М.Д. Гвоздовер не разделяет точку зрения некоторых исследователей (В.И. Беляева, Я. Козловский, Е.Ю. Гиря), которые считают возможным рассматривать ножи костенковского типа в качестве одного из этапов последовательного преобразования исходной заготовки в результате изнашивания и последующего оживления, и таким образом, объединяют технологически вентральные тронки (кладиковые пластины) и ножи костенковского типа (Гвоздовер, 1998, с. 257). В подтверждение своей точки зрения М.Д. Гвоздовер приводит тот довод, что типологически кладиковые пластины составляют самостоятельную группу орудий, лезвие которых «сформировано не чешуйчатыми разнообразными широкими фасетками, а регулярной

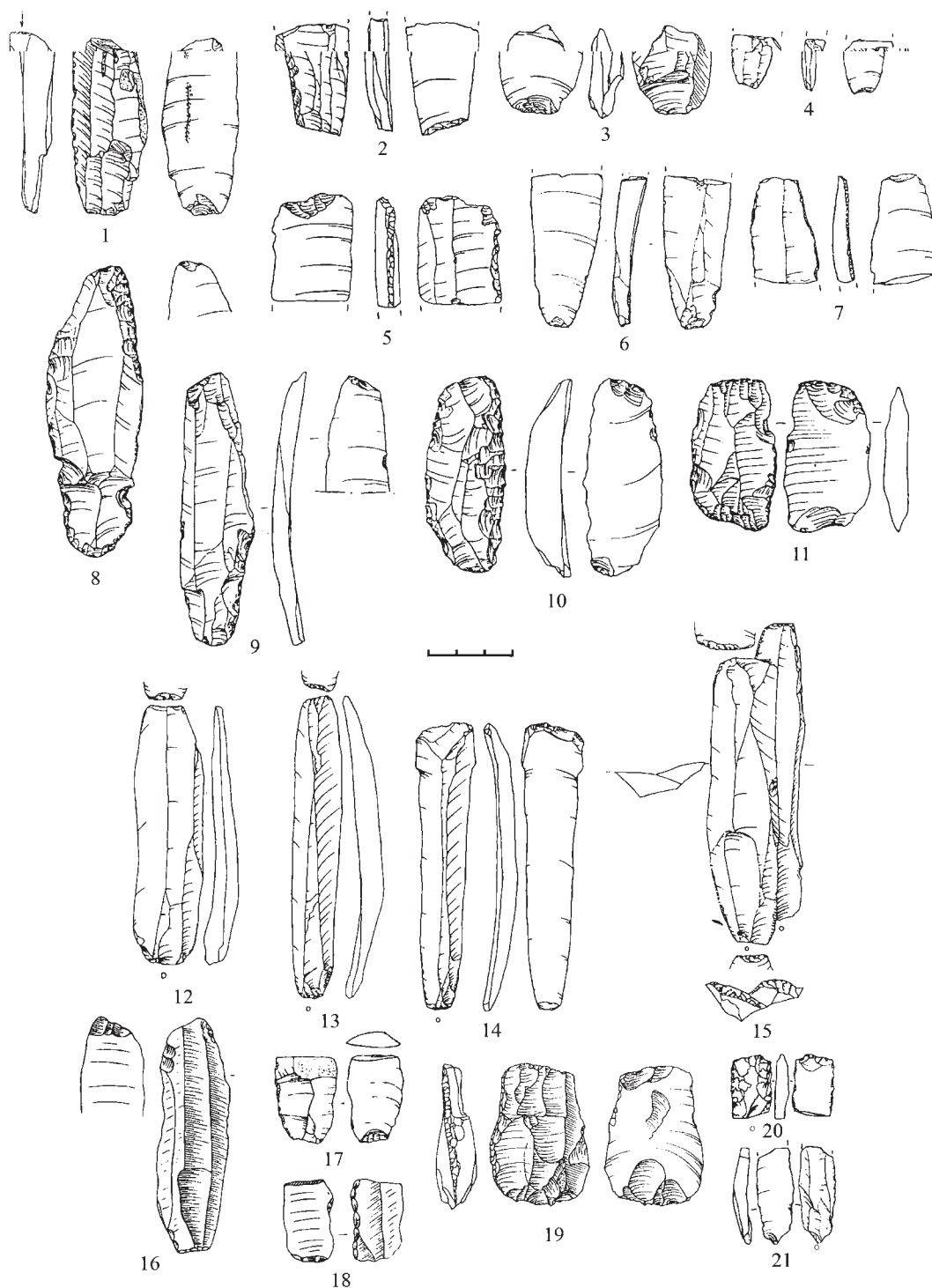

Рис. 6. Ножи костяного типа и пластины с подтеской концов на памятниках восточного граветта бассейна Десны: 1–7 — Хотылёво 2 (по: Гаврилов, 2008), 8–15 — Авдеево (по: Гвоздовер, 1998), 16, 18 — Пушкари I (по: Борисковский, 1953), 17 — Быки 7, н.сл. (по: Ахметгалеева, 2004), 19 — Ключи (по материалам И.Г. Шовкопляса), 20, 21 — Октябрьское II, к.сл. 1 (по материалам С.Н. Алексеева)

полукрутой ретушью» (Там же). Одновременно М.Д. Гвоздовер, опираясь на данные трасологического анализа ножей костенковского типа и вентральных тронке, который был проведен В.Е. Щелинским, пришла к выводу, что та или иная обработка конца могла быть связана с исходной формой заготовки (Там же, с. 258). Нам представляется, что в данной дискуссии нет предмета для спора. Типологически вентральные тронке (рис. 6, 12–15) и ножи костенковского типа могут быть различаемы, однако для этого необходимы серии орудий. Технически и технологически они вполне могли быть связаны в одном контексте, тем более что, по данным В.Е. Щелинского, часть ножей и вентральных тронке имели одинаковую функцию — ножа для резания мяса и шкур (Гвоздовер, 1998, с. 258). Но, вероятно, необязательно любое вентральное тронке должно было быть переделано в нож костенковского типа. Эта возможность, как показывают серии «настоящих» НКТ, потенциально могла реализоваться только на достаточно массивных в сечении и широких участках пластин.

Хотылево 2 (рис. 6, 1–7). Эта категория представлена в инвентаре пункта А не очень многочисленной, но достаточно выразительной серией предметов (22 экз.). Особенностью НКТ в Хотылево 2 является то, что они изготовлены с использованием минимального количества приемов вторичной обработки. Площадка у хотылевских орудий располагалась как скошенно, так и перпендикулярно по отношению к длинной оси заготовки. Негативы от плоских сколов на спинке присутствуют только у пяти предметов, а от краевого скола — у одного. Более половины изделий (13 экз.) имеют площадку непосредственно на проксимальном или дистальном концах пластин, которые обработаны небольшим количеством мелких чешуйчатых сколов (рис. 6, 1, 3, 5, 6). В некоторых случаях эти предметы напоминают так называемые кладиковые пластины Авдеево (ср. рис. 6, 5 и рис. 6, 12–15).

При изготовлении одного из ножей использовался лишь один чешуйчатый скол (рис. 6, 7). Конец пластины, оформленный сколом, был предварительно сломан. Края предмета оформлены мелкой притупляющей ретушью.

Таким образом, площадка у большинства ножей костенковского типа оформлялась при помощи подтески. Кроме того, в хотылевской коллекции имеются НКТ, у которых площадка подготавливалась при помощи широкого чешуйчатого скола, плоских косых широких резцовых сколов и крупной полукрутой ретуши, оформляющей сечение пластины (все — по одному экземпляру). Другими словами, в хотылевском инвентаре среди ножей костенковского типа имеются те же варианты оформления площадок, которые встречаются на памятниках, относимых к костенковско-авдеевской культуре. Однако почти все они представлены на отдельных экземплярах изделий. Особенности предметов данной категории связаны с их менее интенсивным использованием обитателями Хотылево 2 и, как следствие, единичностью форм, полученных в результате переформирования площадки или оживления режущего края⁵.

Пушкарки I. П.И. Борисовским к ножам костенковского типа были отнесены около десяти предметов с вторичной обработкой из коллекции данного памятника (Борисовский, 1953, с. 221). Судя по опубликованным рисункам, в данную категорию помимо НКТ в узком смысле, по М.Д. Гвоздовер, (рис. 6, 16) могли попасть и так называемые вентральные тронке (рис. 6, 18). Помимо названных предметов П.И. Борисовский отмечал наличие в инвентаре Пушкарей I единичных пластинок с подтеской концов.

Клюсы. Среди предметов с вторичной обработкой стоянки Клюсы имеется один нож костенковского типа, изготовленный на массивной широкой заготовке, вероятно, на пластинчатом отщепе (рис. 6, 19). Нижний и верхний концы оформлены в виде площадок при помощи подтески, имеются плоские сколы, нанесенные с верхнего плечика на спинку. Верхняя площадка слегка скошена по отношению к длинной оси орудия, левый край обработан притупляющей ретушью.

⁵ При раскопках пункта В среди предметов с вторичной обработкой был обнаружен нож костенковского типа с полным набором элементов, характерным для «классических» НКТ Авдеево и Костенок I.

Октябрьское II, сл. 1. Как и в случае с листовидными остриями, довольно трудно утверждать наличие ножей костенковского типа в инвентаре стоянки Октябрьское, сл. 1. На имеющихся рисунках (рис. 6, 20, 21) изображены предметы с подтеской концов, аналогичной той, которая встречается на НКТ и т.н. кладиковых пластинах Авдеево. Выше уже отмечалась возможность атрибуции широкой пластины с вентральной обработкой конца в качестве ножа костенковского типа (рис. 5, 11). Так или иначе, использование вторичной обработки, напоминающей подтеску НКТ и кладиковых пластин, сближает этот памятник с более ранними восточно-граветтскими стоянками региона.

Варианты каменных индустрий восточного граветта

Вариабельность каменного инвентаря памятников восточного граветта — достаточно очевидное явление (Otte, 1981; Noiret, 2007; Nuzhnyi, 2009). Проблема состоит в том, что именно отражает эта вариабельность. Она может быть связана с факторами частного порядка, такими как близость или удаленность от источников сырья, сезонность, хозяйственная или иная специализация конкретного участка или поселения в целом. Вариабельность может отражать и более общие закономерности, например развитие во времени, этнокультурную специфику.

Типологически каменные индустрии рассматриваемых памятников восточного граветта могут быть разделены на варианты, каждый из которых в пределах бассейна Десны представлен только одним памятником. Исключение составляют лишь Пушкири I и Клюсы. Индустрии остальных памятников — Хотылево 2, Авдеево, Октябрьское II (к. сл. 1) — таксономически располагаются на одном уровне, как и группа Пушкири I — Клюсы. Однако Авдеевская стоянка входит в более обширную группу памятников т.н. костенковского-авдеевской культуры, и на территории Верхнего Поднепровья к этой группе может быть отнесена каменная индустрия Бердыжской стоянки (Калечиц, 1984). Этот факт не позволяет, несмотря на ярко выраженные различия в каменном инвентаре

Хотылево 2 и Авдеево, рассматривать Посеймье и Подесенье как самостоятельные культурно-территориальные единицы. Специфика каменных индустрий этих памятников, скорее всего, отражает их индивидуальные характеристики. Например, особенности ножей костенковского типа Хотылево 2 и Авдеево частично связаны с близостью к источникам кремня первого и удаленностью от таковых второго поселения. Частично, поскольку такой памятник костенковского-авдеевской культуры, как Зарайская стоянка, расположенный у источников сырья, в отличие от Хотылево 2 демонстрирует широкую представленность предметов данной категории в каменном инвентаре (Лев, 2009). Последний факт может быть объяснен различной функциональной специализацией этих двух индустрий. По этой же причине с функциональными особенностями связана, скорее всего, и различная представленность, а также морфология таких категорий, как наконечники с боковой выемкой и листовидные острия Авдеево и Хотылево 2. Однако особенности пластин и микропластин с притупленным краем обоих памятников, как представляется, не могут быть объяснены только лишь их специализацией. Последняя может отражаться в метрических характеристиках предметов данных категорий. Например, в инвентаре Авдеево нет узких, буквально «игловидных», МППК и ППК или массивных ППК, обработанных при помощи встречной контрударной ретуши, столь характерных для инвентаря Хотылево 2. Такие признаки, как характер притупляющей ретуши и способы вторичной обработки концов, могут свидетельствовать о культурной специфике памятников, поскольку они не зависят напрямую от размеров МППК и ППК. Пластины и микропластины с притупленным краем Авдеевской стоянки характеризуются применением односторонней притупляющей ретуши, срезающей не более, а чаще — менее одной трети от ширины заготовки. Притупленный край, как правило, при этом имеет слабо-волнистую поверхность. Способы оформления концов, специфические не только для Авдеево, но и для остальных памятников костенковского-авдеевской культуры, заключаются в применении подтески,

а также в ретушировании концов таким образом, что они приобретали форму микросребкового лезвия (Лев, 2009). В Хотылево 2 широко использовалась встречная контрударная ретушь для оформления края как у пластин, так и у микропластин. Специфическим для Хотылево 2 приемом оформления концов является плоская вентральная мелкая ретушь, нанесенная с одного или двух краев, при этом часто конец оформлен в виде острия.

Технико-типологические особенности ведущих категорий каменного инвентаря таких памятников восточного граветта, как Пушкарки I, Ключи и Октябрьское II (к. сл. 1), позволяют, с одной стороны, разделить их на две различные с точки зрения культурной специфики группы, а с другой — вычленив общие для этих памятников признаки, отражающие их культурно-хронологическую позицию. Сходство между стоянками Пушкарки I и Ключи проявляется прежде всего в типологическом единстве таких категорий, как пластины и острия с притупленным краем, а также листовидные острия. Наконечники с боковой выемкой имеют меньшую степень соответствия, однако и среди части предметов этой категории обнаруживается сходство в способах вторичной обработки и общих морфологических характеристиках. Каменный инвентарь стоянки Октябрьское II (к. сл. 1) содержит иные типы наконечников с боковой выемкой и острий с притупленным краем и не имеет тех форм пластин с притупленным краем, которые характерны для Пушкарей I и Ключев. Тем не менее все три памятника могут рассматриваться в рамках одной культурно-хронологической стадии развития верхнего палеолита на территории бассейна Десна. Об этом свидетельствуют несколько признаков. Во-первых, острия с притупленным краем, найденные при раскопках этих стоянок, характеризуются укороченными пропорциями и значительной шириной по сравнению с граветтскими остриями Авдеево и Хотылево 2. Переход от края к острию у этих типов орудий оформлен часто в виде тупого угла, необработанный край выпуклый, основание дорсально ретушировано по прямой линии. Во-вторых, орудия на пластинах

с подтеской концов представлены экземплярами с минимальным набором элементов вторичной обработки и не являются серийными. В-третьих, наконечники с боковой выемкой, при всем разнообразии форм, зафиксированных в инвентаре Октябрьского II (к. сл. 1), Пушкарей I и Ключев, в массе своей представлены иными вариантами по сравнению с теми, которые известны для более ранних восточно-граветтских памятников. Их объединяет более простая схема формообразования, которая может отражать процесс стандартизации заготовок и, соответственно, упрощения приемов вторичной обработки. Наконец, имеется статистический признак, который может отражать культурно-хронологическую специфику стоянок Пушкарки I и Ключи. Это соотношение различных групп орудий внутри категории резцов. Установлено, что для восточно-граветтских памятников, которые существовали после окончания брянского времени преимущественно в первую половину поздневалдайского оледенения, характерно преобладание двугранных форм резцов над ретушными (Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000; Гаврилов, 2008). В инвентаре Пушкарей I и Ключев доля ретушных резцов возрастает, а двугранных, наоборот, снижается. М.Я. Рудинский отмечал, что в коллекции Пушкарей I 1932 г. большинство резцов является ретушными (Рудинский, 1947, с. 193). По данным П.И. Борисковского, преобладающими являются резцы на сломе заготовки и ретушные — 80 и 50 экз. соответственно, двугранных насчитывается около 30 предметов (Борисковский, 1953, с. 215). Резцы стоянки Ключи (145 экз., 30,7 %) составляют самую многочисленную категорию инвентаря. Большая их часть относится к ретушным (44 экз.) и двугранным (34 экз.). Среди резцов обоих памятников серийно представлены многофасеточные и нуклевидные формы. По этому показателю Пушкарки I и Ключи, как и Хотылево 2, демонстрируют присутствие в своем инвентаре ориньякоидного компонента. Это явление представляется неслучайным, поскольку различные проявления ориньякоидности в каменной индустрии памятников в целом характерны для восточного граветта Русской равнины (Амирханов, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев С.Н., Кашкин А.В. Октябрьское 2 // Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998. С.
- Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000.
- Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998. С.
- Ахметгалеева Н.Б. Кремневый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953.
- Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М., 2008.
- Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных орудий. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Гвоздовец М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М., 1998. С.
- Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
- Григорьев Г.П. Отношение восточного граветьена к Западу // Восточный граветт. М., 1998. С.
- Лев ИНИЦИАЛЫ Каменный инвентарь Зарайской стоянки // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. МЕСТО ИЗДАНИЯ, 2009. С.
- Праслов Н.Д., Иванова М.А. Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982. С.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С.
- Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микро-регион и его место в верхнем палеолите русской равнины. Брянск, 2001.
- Grigor'ev G.P. The Kostenki-Avdeevo Archeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo Cultural Unity // From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations. N.Y.; L., 1993. P.
- Noiret P. Le gravettien de moldavie (30 000–23 000 BP) // Paleo. 2007. № 19. P. 159–180.
- Nuzhnyi Dmytro Yu. The industrial variability of the eastern Gravettian assemblages of Ukraine // Quartär. 2009. № 56. P. 159–174.
- Otte M. Le Gravettien en Europe Centrale. Vs 1–2. Brugge, 1981.

Г. А. Хлопачев¹, М. В. Саблин²

ЖИЛИЩЕ № 2 ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЮДИНОВО: НАБОР КОСТЕЙ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫКЛАДКИ

Khlopachev G.A., Sablin M.V. The bone set and construction peculiarities of the dwelling construction N2 from Yudinovo Upper Palaeolithic site

The big Upper Paleolithic settlement of Yudinovo is located in the vicinity of Yudinovo village (Pogarski district of the Bryanskregion). The site is situated on high cape of the first floodplain terrace on the right bank of Sudost' river which is in turn a big right tributary of Desna river. The site came into notice due to the finding of five bone and earthy constructions of Anosovo-Mezin type. The dwelling 2 was discovered by K.M.Polikarpovich in 1947 and studied by his disciple D.V.Bud'ko in 1964. After the excavations the animal bones were moved to Minsk(Belarusian SSR at the time), where on basis of drawings and photos the reconstruction of the dwelling was done. Until the present time our impressions on dwelling 2 in general was based on a short paper of Bud'ko and scarce archive documents which are housed in Institute of Archeology of RAS. In contrast my project was based on study of original mammoth bones used for dwelling reconstruction. In the present paper I put detailed description of structural features of dwelling 2. The revealed elements of bone constructions were compared with those of other Yudinovo dwellings.

Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка расположена на окраине с. Юдиново (Погарский район, Брянская обл., Россия) на мысу высокой первой надпойменной террасы правого берега р. Судости — крупного правого притока р. Десны (рис. 1). Представительная серия радиоуглеродных датировок указывает на то, что стоянка существовала длительное время в период 15–12 тыс. л.н. (Хлопачев, Грибченко, 2012). Стоянка Юдиново открыта в 1934 г. известным белорусским археологом К.М. Поликарповичем. Исследовалась К.М. Поликарповичем (1947 и 1961 гг.), В.Д. Будько (1962,

1964, 1966, 1967 гг.), З.А. Абрамовой (1980–1985, 1987–1989, 1991 гг.), Г.В. Григорьевой (1990, 1993–1998, 2000–2003 гг.) и Г.А. Хлопачевым (2004–2012 гг.). В настоящее время на Юдиновской стоянке вскрыто и изучено более 2000 кв. м культурного слоя (Хлопачев, 2006).

На стоянке открыты остатки пяти жилищ аносовско-мезинского типа — жилых конструкций округлой формы из костей мамонта. Самое крупное «жилище», раскопанное К.М. Поликарповичем в 1947 г., имело размер 9,5×9 м (Поликарпович, 1968), другие конструкции имели меньшие размеры — 3,4×5 м, 5×6 м, 5×5 м и 5×5 м. При сооружении их стен использовались черепа мамонтов, которые устанавливались альвеолами вниз, лобными костями внутрь жилища, а также бивни, плече-

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

² Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия.

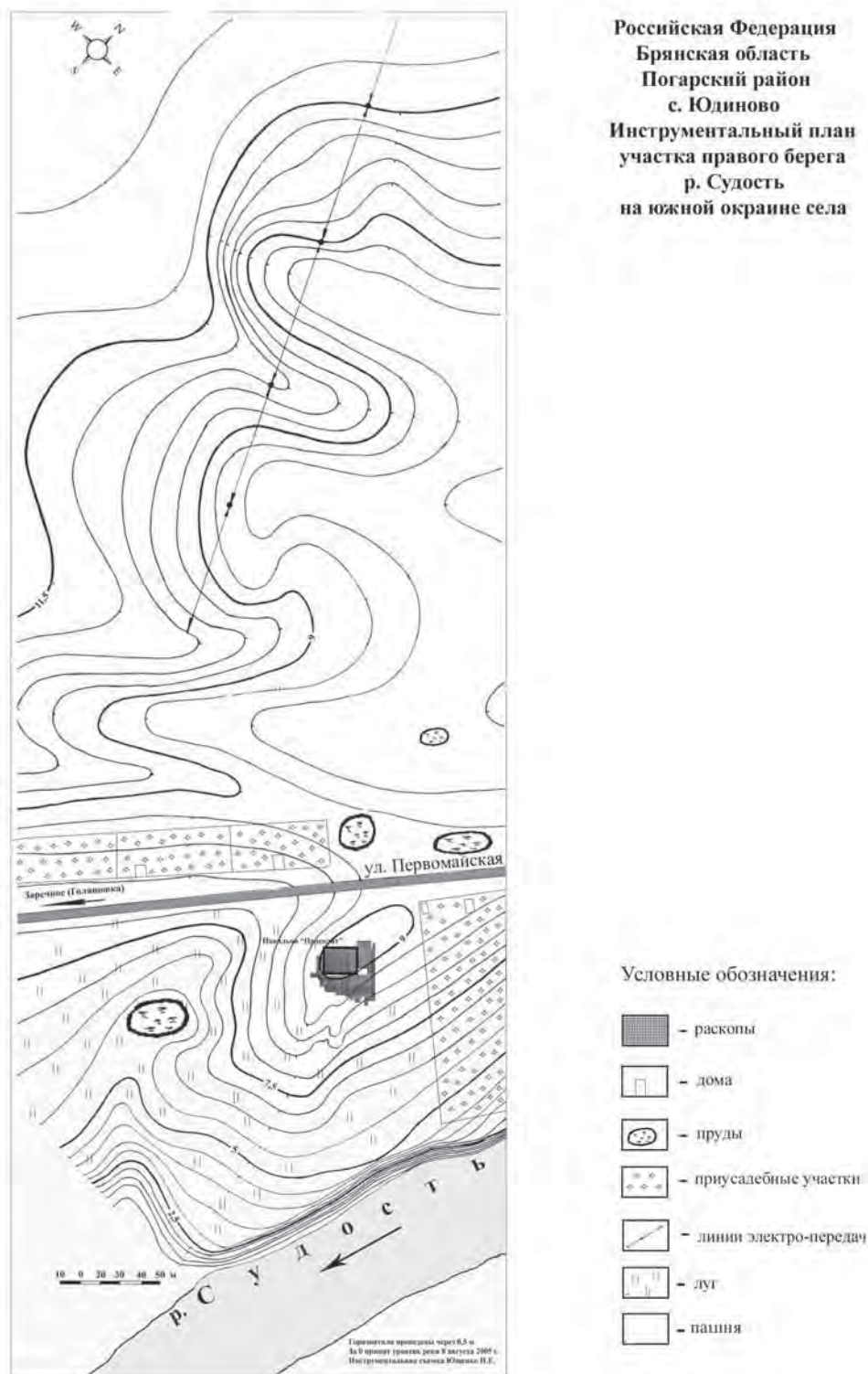

Рис. 1. Топографический план стоянки Юдиново

вые, бедренные, большие и малые берцовые кости мамонта. Важную конструктивную роль при строительстве жилищ играли лопатки мамонта, многие из которых имели намеренно проделанные отверстия. Два жилища, открытые З.А. Абрамовой, были оставлены *in situ* и музеефицированы. Рядом с одним из них (жилище № 4) изучены две крупные хозяйственные ямы округлой формы (1,1×1,1×0,6 и 1,5×1,5×0,45 м) и две овальной формы западины с котлообразным профилем (2,5×1,5×0,4 и 2,7×2,0×0,2/0,4 м), в каждой из которых были захоронены кухонные остатки — более 1300 костей разных животных (Хлопачев, Саблин, 2009). На территории межжилищного пространства стоянки выявлены многочисленные производственные участки по обработке кремня, изготовлению поделок из бивня мамонта и кости, разделке и свежеванию тушек песцов, обнаружены два небольших очага: один — внутри жилища № 1, исследованного в 1947 г., другой — в десятке метров к югу от жилища № 3.

Своей широкой известностью в научном мире Юдиновская стоянка обязана прежде всего обнаруженным и раскопанным на ней «жилым конструкциям» из костей мамонтов. Наиболее детально описаны «жилища» № 3 и 4 (Абрамова, 1995). Остатки этих конструкций были оставлены *in situ*, музеефицированы (рис. 2) и в настоящее время доступны для дополнительных научных исследований (Жермонпре и др., 2008). Эти жилища обладают как целым рядом общих признаков, так и присущими только каждому из них специфическими чертами (Абрамова, 1997, с. 54–55). Вопрос о характере различий между жилищами № 3 и 4 остается открытым. Учитывая то обстоятельство, что при явных различиях они все же «обнаруживают больше сходства между собой, чем с любым жилищем, отнесенным к аносовско-мезинскому типу» (Абрамова, 1997, с. 55), объектами для сравнения должны являться крупные конструкции из костей мамонтов самой Юдиновской стоянки.

Рис. 2. Юдиновская стоянка. Музеефицированные «жилища» № 3 и 4

К сожалению, судить о том, что собой представляло «жилище» № 1, можно было только по публикации К.М. Поликарповича, где представлены результаты его раскопок 1947 г. (Поликарпович, 1968), о «жилищах» № 2 и 5, которые в 1964 и 1967–1968 гг. исследовались В.Д. Будько, — по кратким сообщениям автора раскопок (Будько, 1966), а также не очень богатым архивным материалам (Абрамова, Григорьева, 1997; Сергин, 2008). Однако в настоящее время описание и характеристика «жилища» № 2 может быть существенным образом дополнена.

«Жилище» № 2 было обнаружено К.М. Поликарповичем в 1947 г. (Поликарпович, 1968), а раскопки производились В.Д. Будько в 1964 г. В отличие от судьбы других «жилищ» это конструкция не была ни засыпана/законсервирована на месте, ни музеефицирована. Остатки обнаруженной жилой конструкции были сняты со слоя, упакованы

и перевезены в г. Минск (Республика Беларусь), где в реставрационной мастерской на основании плана и фотографий она была воссоздана. Кости мамонта, образовавшие основание и цоколь «жилища» № 2, были размещены на девяти специально изготовленных металлических подставках в соответствии с тем положением, в котором они находились на момент обнаружения (рис. 3, 4, табл. 1). Такое техническое решение позволяло достаточно легко перевозить и монтировать данный «натуральный макет» на различных музейных площадках. В настоящее время «жилище» № 2 находится в краеведческом музее в средней школе с. Юровичи (Гомельская обл., Республика Беларусь) и готовится к экспонированию.

Жилая конструкция № 2 имела овальную форму (рис. 5). Всего в конструкции использована 151 кость мамонта (табл. 2). Специальная выкладка из крупных костей мамонта хорошо «читается»

Рис. 3. Кости мамонта, образовавшие основание и цоколь «жилища» № 2 Юдиновской стоянки, размещенные на специальных металлических подставках

Рис. 4. Блок 3 с размещенными и зафиксированными на металлической подставке костями мамонта из западной стены жилища № 2 Юдиновской стоянки

Таблица 1

Остатки мамонтов, сгруппированные по блокам, со стоянки Юдиново из «жилища», раскопки 1964 г.

Кости, шт.	Блоки «жилища»									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Центр
череп		2	1		2			1	1	1
в. челюсть			1					1		1
н. челюсть	5	3	3	4		1	2	3	2	4
бивни								1		
зубы		1								
шейные позвонки				1						
грудные позвонки				2	1					1
ребра							1	1		45
лопатка				3				1	1	5
плечевая			1		1		2	2	2	1
локтевая					1			3		
лучевая	1				1					
тазовая		1	2	1	1					
бедренная	2			1	1	1	3	2	1	1
кол. чашечка										
б. берцовая	1	2	1	1			5	1	1	2
м. берцовая				2				1		
Всего	9	9	9	15	8	2	13	17	8	61

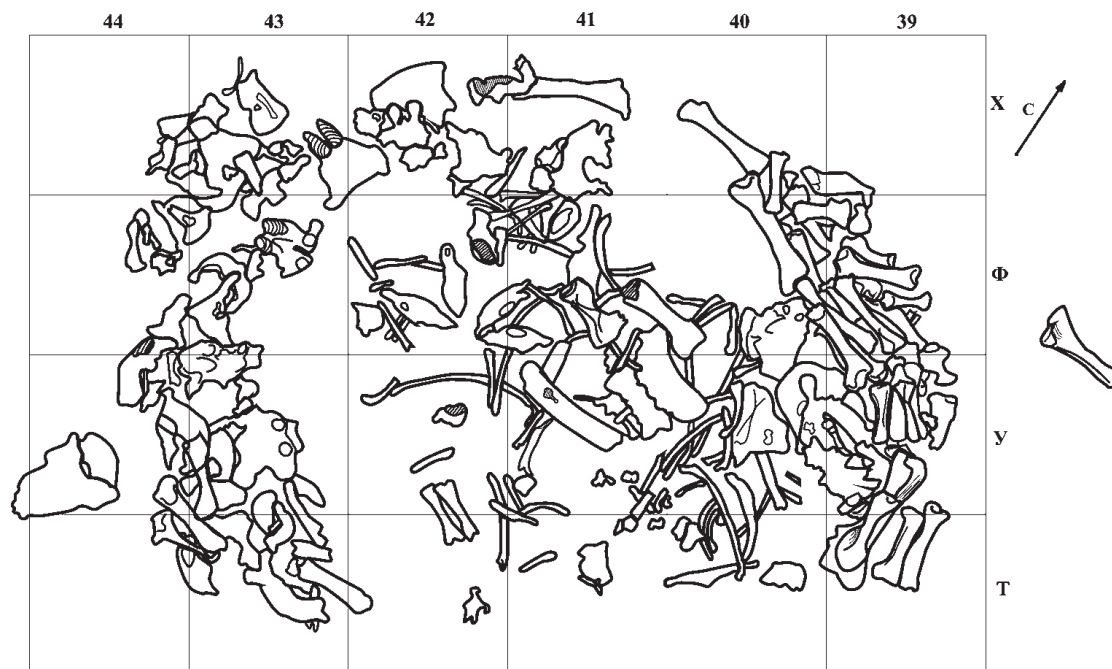

Рис. 5. Юдиновская стоянка. План «жилой» конструкции № 2 (выполнен по полевому чертежу В.Д. Бутько)

в западной и восточной стенах жилища. Граница северной стены «жилища» у В.Д. Бутько проведена по отдельным немногочисленным костям ма-

монта, закрывающим контур конструкции с этой стороны. С южной стороны контур жилища был разомкнут.

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ СТЕНЫ «ЖИЛИЩА» № 2

Западная стена имела дугообразную форму. Она была образована длинными трубчатыми костями мамонта, нижними и верхними челюстями, а также черепами мамонтов. С юга в конструкции находилась большая берцовая кость, поверх нее вплотную и параллельно ей была уложена большая берцовая кость, обе эти кости ориентированы дистальными концами на северо-запад. Еще одна бедренная кость находилась южнее бедренной кости, при этом ее проксимальный конец вплотную прилегал к проксимальному концу первой бедренной кости. К западу от этих трех трубчатых костей вплотную к ним располагались три половины нижних челюстей с зубами, которые были уложены на бок. Среди них размещались два сустава, принадлежащие этим же челюстям. Параллельно лежащие бедренная и берцовая кости своими дистальными концами прилежали к черепу крупного взрослого

мамонта, от которого сохранилась только альвеолярная часть. Череп располагался вертикально альвеолами вниз, лобной частью внутрь жилища. С севера к нему был прислонен небольшой фрагмент черепа мамонта с альвеолами, направленными вниз. Лобной частью этот череп был направлен на запад. Такая ориентация черепа, а также тот факт, что он был уложен вплотную к первому черепу, дает основание с уверенностью говорить о том, что при создании выкладки «жилища» № 2 древними обитателями стоянки использовался фрагментированный череп с отбитой затылочной частью. С запада к первому черепу широкой частью примыкала тазовая кость мамонта, которая лежала плашмя. К юго-западу от нее находилась правая ветвь нижней челюсти мамонта с зубом. Поверх этих костей лежали четыре крупных трубчатых кости, в том числе две уложенные параллельно

Таблица 2

Остатки мамонтов из «жилища» № 2 палеолитической стоянки Юдиново

Мамонт	“Жилище” 3 и 4		“Жилище” Будько	
	Кости	Особи	Кости	Особи
череп	53	53	8	8
в. челюсть	3	3	3	3
н. челюсть	24	22	27	17
бивни	27	17	1	1
зубы	6	1	1	1
грудина	95	3		
I шейный позвонок	4	4		
шейные позвонки	6	1	1	1
грудные позвонки	37	2	4	1
поясничные позвонки	2	1		
крестец	3	3		
ребра			47	2
лопатка	71	38	10	5
плечевая	35	19	9	5
локтевая	24	14	4	3
лучевая	8	5	2	1
тазовая	35	19	5	3
бедренная	25	13	12	6
кол. чашечка	1	1		
б. берцовая	39	21	14	7
м. берцовая	3	2	3	2
таранная	2	1		
метаподии	1	1		
неопределимые длинные кости	13			
Всего	517	63	151	17

большие (правая и левая) берцовые кости, которые принадлежали, скорее всего, одной особи. Эта пара костей залегала параллельно группе крупных трубчатых костей, описанных нами выше. Судя по плану, в ходе раскопок рядом с ними почти параллельно находилась также плечевая кость мамонта, которая на макете оказалась разрушена. Под ней в перпендикулярном положении находилась еще одна крупная трубчатая кость. К северу от этих костей размещались две половины нижней челюсти мамонта с зубами, уложенные на бок. В полуметре к северу от этих двух черепов находился еще один

крупный череп мамонта, который лежал на своем основании лобной поверхностью вверх и альвеолами на запад. К северу от него располагались два фрагмента от одной тазовой кости крупной особи животного. Еще севернее была уложена нижняя челюсть взрослого мамонта с двумя зубами симфизом вверх, подбородочной частью на север. Дальше конструкцию «жилища» продолжал крупный череп мамонта с двумя коренными зубами, который лежал на теменной поверхности альвеолами вверх, лобной поверхностью обращен в центр конструкции, что позволяет предположить, что он

находится в опрокинутом положении. К западу от этого черепа, образуя второй контур стены, были уложены плашмя самые разные кости мамонта (описание дается в направлении с юга на север) — бедренная кость проксимальным концом на юг, нижняя челюсть полувзрослого мамонта в анатомической позиции с коренными зубами, подбородочным выступом на запад, между ее ветвями располагался шейный позвонок, грудной позвонок лежал снаружи у левой ветви этой челюсти. К северу от этой челюсти находилось скопление костей, в основании которого располагалась лежащая плоско лопатка с пробитым отверстием. На ней были уложены 1) нижняя челюсть полувзрослого мамонта с коренными зубами, установленная вертикально симфизом вверх и подбородочной частью на запад; 2) бедренная кость полувзрослого животного; 3) суставная часть лопатки; 4) фрагменты двух малых берцовых костей; 5) фрагмент одной малой берцовой кости; 6) нижняя челюсть молодого мамонта; 7) грудной позвонок. Севернее этого скопления почти вплотную лежала плашмя тазовая кость крупного взрослого мамонта с пробитым от-

верстием. Севернее черепа № 54 (перевернутого) установлен череп взрослого мамонта с коренными зубами. Он располагается в той же позиции, что и соседний череп, за тем лишь отличием, что альвеолы у него отсутствуют и лобной частью он ориентирован также в центр конструкции. Рядом с ним севернее установлен еще один череп взрослого животного альвеолами вниз и лобной частью внутрь конструкции. Он лежит в анатомической позиции — на своем основании. С запада к нему примыкают вплотную грудной позвонок, остистый отросток которого направлен на север, и лопатка крупного животного с пробитым отверстием. С востока — фрагмент тазовой кости взрослого животного, а с севера — еще одна лопатка взрослого мамонта. К востоку от лопаток отмечено всего несколько крупных костей. На двух метрах предполагаемого периметра стены по ее оси лежат горизонтально две крупные кости — левая ветвь нижней челюсти взрослого мамонта с коренными зубами в анатомической позиции подбородочной частью на восток и правая бедренная кость взрослого крупного мамонта проксимальным концом на восток.

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ СТЕНЫ «ЖИЛИЩА» № 2

Восточная стена жилища была образована главным образом крупными трубчатыми костями мамонта. Она, так же как и западная стена, имеет дугообразную форму. По внешней кривизне ее длина около 7 м, ширина — 1–1,5 м. С северной стороны в выкладке («поленнице») находилась всего одна бедренная кость полувзрослого животного, которая лежит горизонтально дистальным концом на восток. Южнее ее располагаются трубчатые кости, уложенные двумя уровнями. Первый уровень образуют сразу несколько крупных трубчатых костей, уложенных параллельно, — неопределимая большая берцовая кость, бедренная кость проксимальными концами на восток, а также небольшой бивень мамонта. Второй уровень образован также трубчатыми костями, уложенными параллельно костям нижнего уровня, — большая берцовая проксимальным концом на восток и две большие берцовые (правая и левая) от одного животного, ориентированные проксимальными кон-

цами на запад, выше располагались две плечевые кости, ориентированные проксимальными концами на запад. К северу от этой группы трубчатых костей находилась левая ветвь нижней челюсти взрослого животного с коренным зубом, подбородочным выступом вниз и на север. Далее поленница продолжается группой крупных трубчатых костей, уложенных параллельно друг другу и предыдущим костям несколькими уровнями. Это самое широкое место, и создается ощущение, что здесь кости сползли по краям. Нижний уровень образовывали две большие берцовые кости, проксимальными концами ориентированные на восток, локтевая кость (проксимальным концом также на восток), неопределимая трубчатая кость. Второй уровень — две плечевые кости, ориентированные проксимальными концами на запад, фрагмент лопатки, суставной поверхностью на восток. Третий, самый верхний и сползший на край уровень образовывали две больших берцовых кости, которые распола-

гались под острым углом к другим трубчатым костям и проксимальными концами на запад. Далее поленницу продолжала еще одна группа трубчатых костей, уложенных параллельно и, вероятно, рассыпавших поленницу, — три локтевые кости, ориентированные проксимальным концом на запад, и фрагмент плеча, ориентированный также проксимальным концом на запад. Последний элемент выкладки стены был положен так, что придавал ей дугообразную форму. Он состоял из крупных трубчатых костей, уложенных параллельно. Две плечевые кости были положены друг на друга и ориентированы проксимальными концами на север, к западу от них разместились также уложенные друг на друга большая берцовая кость и бедренная кость, ориентированная проксимальными концами на юг. Ниже плечевых костей лежала плашмя лопатка суставной поверхностью на восток. С внутренней стороны стены вплотную к поленнице примыкали два черепа и две нижних челюсти. Один череп находился у описанных выше плечевых костей. Он располагался затылочной поверхностью вверх, зубами вниз, альвеолярная часть бивней отсутствует. Под ним находился фрагмент нижней челюсти, возможно от той же особи. К западу от него лежала нижняя челюсть с зубами симфизом вверх и подбородком на запад. Еще западнее находился череп, вкопанный альвеолами вниз, ориентированный лобной поверхностью на север. С южной стороны западная и восточная стены жилища крупными костями не соединялись. В центральной части жилища находилось беспорядочное скопление костей из 45 ребер, пяти лопаток, четырех нижних челюстей, двух больших берцовых костей, фрагмента черепа, а также одной бедренной, одной плечевой кости и одного грудного позвонка.

Всего в «жилище» № 2 на площади около 24 кв. м насчитывается 151 кость мамонта от 17 особей. В таблице 1 дано частотное распределение скелетных элементов. Средняя плотность составила чуть менее двух костей мамонта на квадратный метр. Скелетные элементы обычно не сочленены, однако заметна определенная искусственная сортировка отдельных костей скелета. Так, плечевые кости сконцентрированы в основном в блоках 7, 8 и 9.

В блоке 7 было найдено пять больших берцовых костей, при этом две из них принадлежали одной особи — взрослому животному с реконструированной высотой в холке всего около 171 см. Наибольшая плотность нижних челюстей наблюдается в блоке 1, содержащем пять их фрагментов, в 4 блоке и в центре «жилища», три лопатки обнаружены в блоке 4, пять — в центре «жилища». Ребра практически все сосредоточены в центральной части конструкции.

Череп мамонтов сильно повреждены — черепные коробки полностью или частично разрушены, в большинстве своем сохранились только фрагменты верхних челюстей и альвеолы бивней. Большинство повреждений, скорее всего, были вызваны действиями человека с целью добывания мозга и бивней. Необходимо отметить: большинство черепов находилось в культурном слое почти в вертикальном положении альвеолами вниз. Количество посткраниальных элементов скелета составляет 111 экземпляров (74 %). Три кости — тазовая и лопатка (блок 4) и лопатка в центре — имеют отверстия, сделанные человеком. Это может быть интерпретировано как архитектурная особенность, связанная с использованием этих костей в строительстве. Отверстия в лопатках могли также делать для облегчения транспортировки мяса или обработки туш. Порезы на костях мамонтов в «жилище» № 2 нами не обнаружены. Погрызы хищников на имеющемся материале также отсутствуют. Скорее всего, большинство скопленных костей было по какой-то причине недоступно для хищников либо слишком быстро перекрывалось лессом.

Как было указано выше, общее число вычисленных нами особей мамонтов из «жилища» Будько составило 17 экземпляров. Исследование показало: здесь, судя по размерам больших берцовых костей ($n = 10$), в основном представлены взрослые самки. Средняя реконструированная высота мамонта в холке — 213 см (табл. 3). Полностью или частично не сросшиеся большие берцовые кости указывают на присутствие лишь двух полувзрослых, младше тринадцати лет, особей. В целом для «жилища» № 2 определено (по нижним челюстям) 10 взрослых, четыре полувзрослых и три детеныша

Таблица 3

Рост мамонтов со стоянки Юдиново из «жилища», раскопки 1964 г.

Большая берцовая, длина, см	Высота в холке, см	Возраст
33	171,25	взрослый
33	171,25	взрослый
38	193	полувзрослый
46	227,8	полувзрослый
46	227,8	взрослый
47	232,15	взрослый
48	236,5	взрослый
50	245,2	взрослый
42,63	213,12	

младше двух лет. Большое количество взрослых самок указывает на то, что забивали в основном самок-лидеров вместе с их детенышами. Очевидно, что люди лишь изредка охотились на одиноких самцов, отделившихся от стада.

Таким образом, данные, полученные нами в результате изучения восстановленного в музейных условиях «оригинала жилища» № 2 (раскопки В.Д. Будько), позволяют сделать заключение о том, что по характеру набора костей мамонта, их целостности и сохранности, а также особенностям положения и взаиморасположения черепов, нижних челюстей и крупных трубчатых костей мамонтов в выкладке оно демонстрирует высокую степень сходства с «жилой конструкцией» № 4.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб., 1995.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.

Будько В.Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины // Древности Белоруссии. Минск, 1966.

Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. Вып. 1. СПб.: Наука, 2008. С. 91–112.

Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

Сергин В.Я. Малоизвестные жилища поселения Юдиново // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006.

Хлопачев Г.А., Саблин М.В. Ямы с костями мамонта Юдиновской стоянки (по материалам полевых исследований 2006–2007 гг.) // Радловский сборник. СПб., 2009. С. 109–114.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н. Возраст и этапы заселения Юдиновского верхнепалеолитического поселения // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 227. М., 2012. С. 134–143.

Г. В. Григорьева¹

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЮДИНОВО

Grigorieva G.V. Lithic assemblage from Yudinovo Upper Palaeolithic site

The settlement is located in the village of Yudinovo (the Pogarsky district, the Bryansk region).

This large settlement the Upper Palaeolithic of hunters on the mammoths, existing around 14000 to 13 000 years ago. In Yudinovo the remains of difficult dwellings from bones of mammoths and rich collections of stone and bone products remained. The stone's inventory is presented by numerous production wastes and tools. Tools consists of three main groups: cutters, scrapers and the retouched plates, there are much less than combined tools, more sharply, than pro-splittings, dolotovidny tools, are single I scraped. Separate group tools without the secondary processing make, the traces which have kept on a surface of work, chippers concern to them.

Yudinov's rather cultural accessory of opinion of researchers disperse. One carry a monument to madlensky time, others to энзравеммы. However, considering lamellar nature of preparations, the monotony of tools, lack of defining forms of the stone tools, a rich complex of bone products, a schematization of works of art, a geometrical ornament is obviously possible to determine this monument by madlensky time taking into account local features.

Одним из важнейших регионов палеолита Восточной Европы является Среднее Поднепровье, где сосредоточены памятники, получившие мировую известность. К их числу относится и крупное поселение Юдиново.

По геологическим данным наиболее активное заселение Поднепровья происходило во время валдайского оледенения (Величко и др., 1997). Выделено три этапа заселения территории Поднепровья. Третий из них, датируемый 15–12 тыс. л.н., включает две группы памятников. Юдиново входит во вторую группу, связанную с отложениями первой надпойменной террасы притоков р. Днепра.

Древние люди при выборе мест обитания предпочитали стабильную поверхность с незначительными ландшафтно-климатическими колебаниями (Грищенко и др., 2002). Это были обычно открытые пространства перигляциальной лесостепи с многолетней мерзлотой и резко континентальным климатом (Величко и др., 1999).

Поселение Юдиново расположено на правом берегу р. Судости, правого притока р. Десны, в 18 км от районного центра Погар Брянской области, на юго-западной окраине с. Юдиново. Памятник находится на мысу, ограниченном двумя неглубокими лощинами, прорезающими первую подпойменную террасу.

В Юдиново сохранились остатки сложных жилых сооружений, отличающихся конструктивными

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

особенностями: размерами, отбором костей, скоплениями. Для строительства жилищ использовали кости мамонтов, что характерно для памятников бассейна Днепра.

Юдиново представляет собой крупное поселение, в фауне которого преобладают костные остатки мамонтов и песцов. Костей других животных значительно меньше. Относительно охоты на мамонтов и «пушном промысле» в Юдиново существуют разные мнения (Верещагин, Кузьмина, 1977; Машенко, 1998; Саблин, 2002).

Мясо животных на поселении употреблялось в пищу, кости широко использовались для строительства жилищ и для отопления, о чём свидетельствуют костный уголь и зола, которыми насыщен культурный слой.

Исследования Юдинова дают представление о характере поселения в целом, структуре сооружений, хозяйственно-трудовой деятельности и духовной жизни древних людей. Для такого понимания памятника важен весь комплекс, включая набор костного и каменного инвентаря.

В Юдиново представлена богатая коллекция костяных изделий: от копий, дротиков и мелких стрел из бивней мамонтов до набора орудий хозяйственно-бытового назначения и украшений.

Существенной частью комплекса является каменный инвентарь. Набор и оформление каменных орудий определяет облик индустрии памятника. А.Н. Рогачев отмечал, что каменные орудия обладают свойствами социальных и общественных отношений. Эти свойства четко и полно отражены в форме орудий, меньше — в технике их изготовления и еще меньше — в их функциях (Рогачев, 1979).

В Юдиново для изготовления орудий в качестве сырья использовали кремнь из меловых отложений р. Десны, расположенных примерно в 70 км от памятника. Это прозрачный меловой темный и серый со светлыми и темными включениями кремнь. В окрестностях Юдинова кремня нет. Кроме кремня употребляли плитки и куски кварца, кварцита, сланца, известняка и песчаника.

Каменный инвентарь из жилищ обработан З.А. Абрамовой (Абрамова и др., 1997). В данную работу включен каменный набор, обнаруженный за пределами жилищ за период с 1988 по 2002 г.

С 2004 г. исследования в Юдиново возглавил Г.А. Хлопачев и продолжает их до настоящего времени.

Для каменного инвентаря Юдинова характерна призматическая техника расщепления. Для оформления орудий употребляли крутую, полукрутую и мелкую ретуши, резцовые сколы, реже подтёску. В качестве заготовок широко использовали пластинки и микропластинки. Крупных пластин значительно меньше, в основном они неправильной формы и представлены преимущественно фрагментами. Многочисленность отходов производства, мелких отщепов, чешуек свидетельствует об обработке сырья на памятнике.

Для получения заготовок использовали призматические нуклеусы длиной от 2,5 до 7 см разной формы: прямоугольные, квадратные, подтреугольные, овальные. За пределами жилищ обнаружено 149 нуклеусов, включая 37 обломков, и 89 сколов с нуклеусов с частью ударной площадки (табл. 1). Преобладают двухплощадочные со встречными и противолежащими площадками ядрища — 64 экз., одноплощадочных 34 экз., трехплощадочных 5 экз. и дисковидных 2 экз. (один целый с негативами сколов с двух сторон, второй — обломок), многоплощадочных 1 экз. и пренуклеусов 4 экз. Кроме получения заготовок ряд нуклеусов употребляли в качестве орудий — отбойников.

Отходы производства составляют отщепы, осколки, чешуйки, пластинчатые отщепы, различные сколы. Отщепы средних и крупных размеров длиной 3–6 см. Разнообразны пластинчатые заготовки: микропластинки длиной 1,5–3 см, пластинки длиной 3,5–4,5 см.

Всего же за указанные годы за пределами жилищ было найдено более 150 тысяч каменных предметов без вторичной обработки, включая нуклеусы и пластины.

Орудия представлены тремя основными группами: резцами, скребками, ретушированными пластинками (табл. 2).

Наиболее многочисленную группу орудий составляют резцы — 938 экз., включая обломки. Резцы изготовлены из пластинок, отщепов, единичные из краевых сколов и микропластинок. Преобладают боковые ретушные резцы — 576 экз. (рис. 1, 1–12).

Таблица 1

Наименование	Количество
Осколки	308
Плитки	43
Отщепы и чешуйки	140 325
Отщепы пластинчатые	88
Пластины и пластинки	4136
Микропластинки	6727
Нуклеусы	149
Сколы с нуклеусов	89
Сколы резцовые	2203
Сколы краевые	456
Итого	154 524

У большинства из них резцовый скол расположен по левому краю заготовки. Ретушированные концы резцов скошенные, реже прямые, вогнутые и выпуклые. У резцов из микропластинок длина резцового скола не превышает 3–4 мм, а длина рабочего лезвия не превышает 1–1,5 мм. По всей вероятности, они являются частью составных орудий. Боковые края у резцов ретушированы редко.

Угловых и на углу заготовки резцов меньше — 154 экз. Резцовыми сколами у них в основном оформлены края, реже концы (рис. 1, 13–19).

Немногочисленны срединно-двухгранные резцы — 24 экз. Среди них преобладают асимметричные орудия (рис. 1, 20–25).

Итак, большинство составляют одинарные резцы — 754 экз.

Выразительны многолезвийные резцы, но их в 4,3 раза меньше — 176 экз. Доминируют боковые двойные и сочетания боковых с другими типами: двойных боковых 84 экз., боковых угловых 62 экз., боковых срединных 3 экз., двойных угловых 24 экз. и двойных срединных 3 экз. Кроме того, тройных резцов 7 экз.: тройной боковой — 1 экз.; двойных угловых-однобоковой — 5 экз.; двойных боковых-одноугловой — 1 экз. Один резец четырёхлезвийный с резцовыми сколами по краям с обоих ретушированных концов. Резцы небольших размеров: 4–5 см длиной, единичные 6–8 см (рис. 2, 1–15).

Представительна группа скребков — 279 экз. вместе с фрагментами. Одинарных концевых скребков 201 экз.: из отщепов 113 экз., пластинок и пластин 65 экз., краевых сколов 22 экз., один нуклеус. У 13 скребков частично или полностью

ретуширован боковой край. Двойных скребков 23 экз., из них 17 изготовлены на отщепах, шесть — на пластинках, у четырех из них ретуширован край. Полуокруглых скребков на отщепах 20 экз., округлых 4 экз. Фрагментов скребков (рабочих лезвий) 31 экз. Скребки в основном небольших размеров: длина 2,5–4,5 см, за исключением экземпляров на крупных отщепах (рис. 3, 1–12, 17).

Ретушированные пластинки, микропластинки и пластины вместе составляют значительную группу после резцов — 673 экз. Среди них преобладают ретушированные пластинки — 450 экз., отличающиеся оформлением краев и концов (рис. 4, 12–18, 20, 22). Пластинок с притупляющей ретушью краев 141 экз. У 15 пластинок ретушированы оба края, у девяти пластинок край ретуширован с брюшка. Пластинок с ретушированным концом / концами 104 экз. У 76 из них ретуширован один конец, у 10 ретушированы оба конца, у семи пластинок конец ретуширован частично, у девяти — ретушь нанесена с брюшка, одна пластинка с противолежащей ретушью на концах: один конец ретуширован с брюшка, другой — со спинки; одна пластинка с ретушированной выемкой на конце; одна пластинка по форме напоминает ромб (?). У 68 пластинок ретушированы края и конец, 10 пластинок с ретушью обоих краев и конца, две пластинки с ретушью края со спинки, а конца — с брюшка. Пластинок с нерегулярной частичной ретушью по краям 77 экз. У 14 из них частичная ретушь по обоим краям, у 10 пластинок край ретуширован с брюшка. У 29 пластинок край оформлен мелкой краевой ретушью: у восьми пластинок частичная ретушь по краю, у трех пластинок ретушированы оба края, одна пластинка с ретушью края с брюшка. У двух пластинок мелкая ретушь нанесена по краю и концу, у девяти пластинок — только по концу. Единичными экземплярами представлены пластинки с противолежащей ретушью по краю (9 экз.), с встречной ретушью по краю (1 экз.), с зубчатыми краем и концом (2 экз.), с нерегулярной ретушью края и конца и маловыразительным резцовым сколом (1 экз.). Среди пластинок выделено 27 экз. со следами работы по краю.

Меньшей группой представлены ретушированные микропластинки — 168 экз. (рис. 4, 1–11).

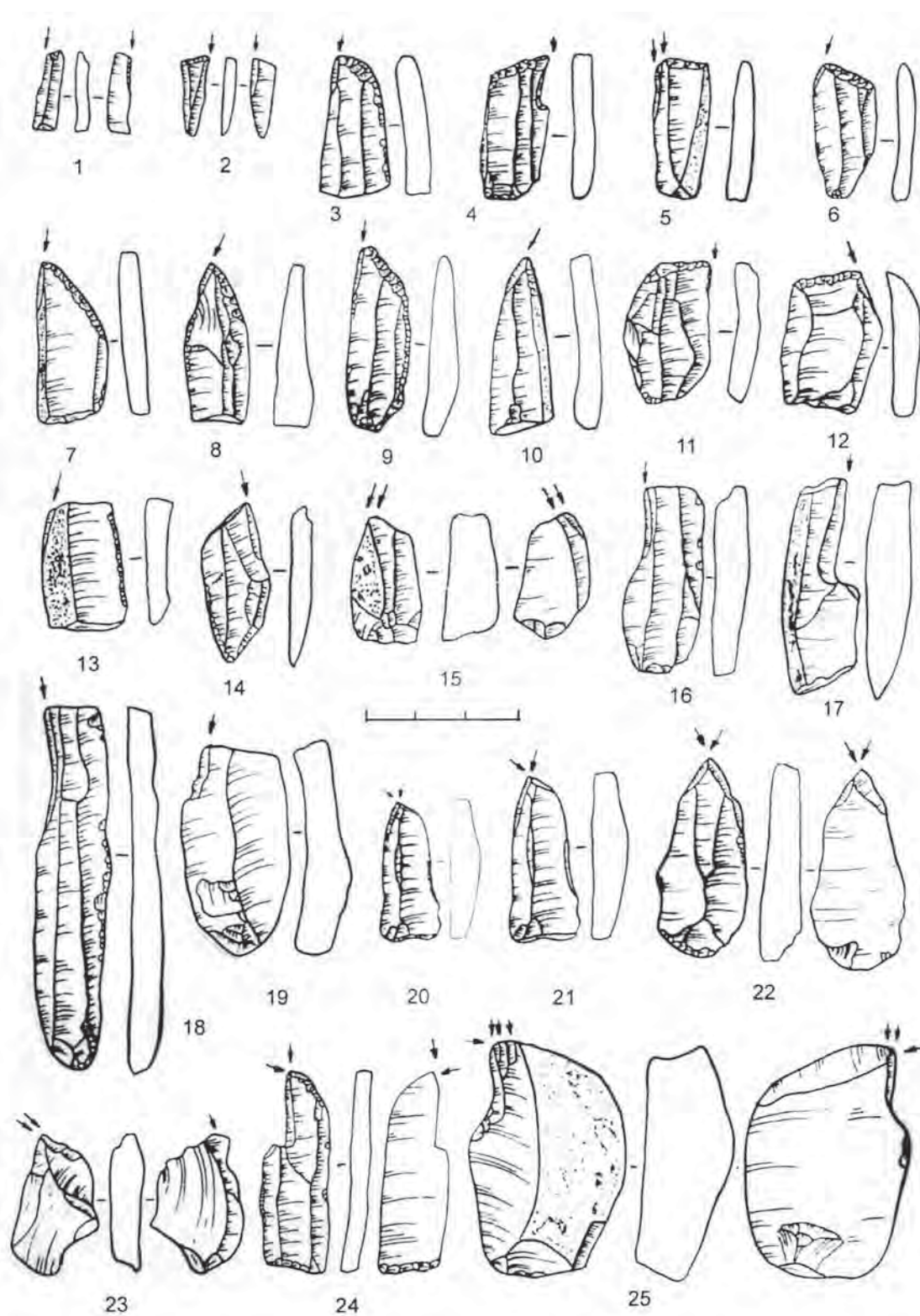

Рис. 1. Юдиново. 1–12 — боковые резцы; 13–19 — угловые резцы; 20–25 — срединные резцы

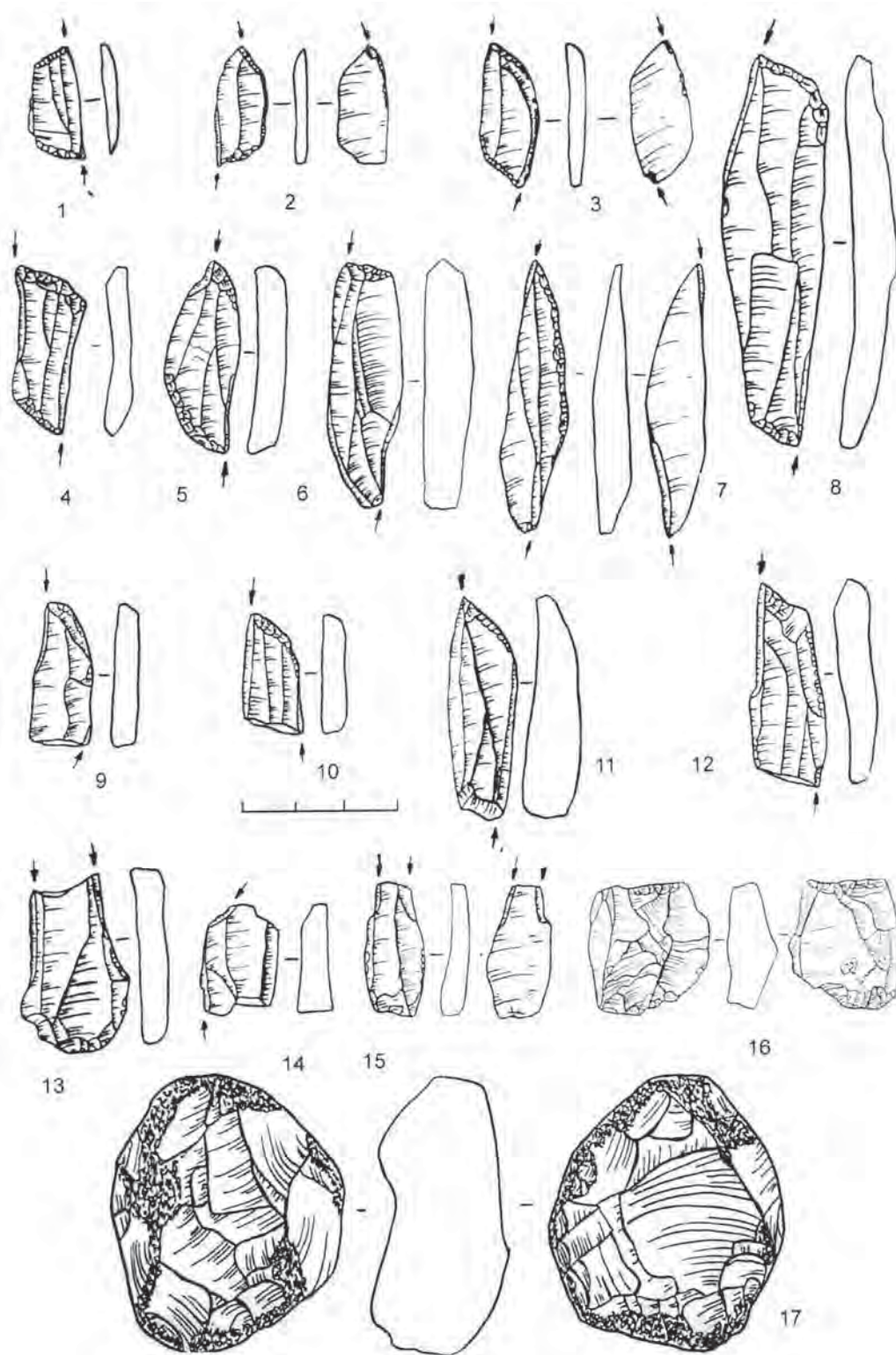

Рис. 2. Юдиново. 1–15 — двойные резцы; 16 — долотовидные орудия; 17 — отбойник

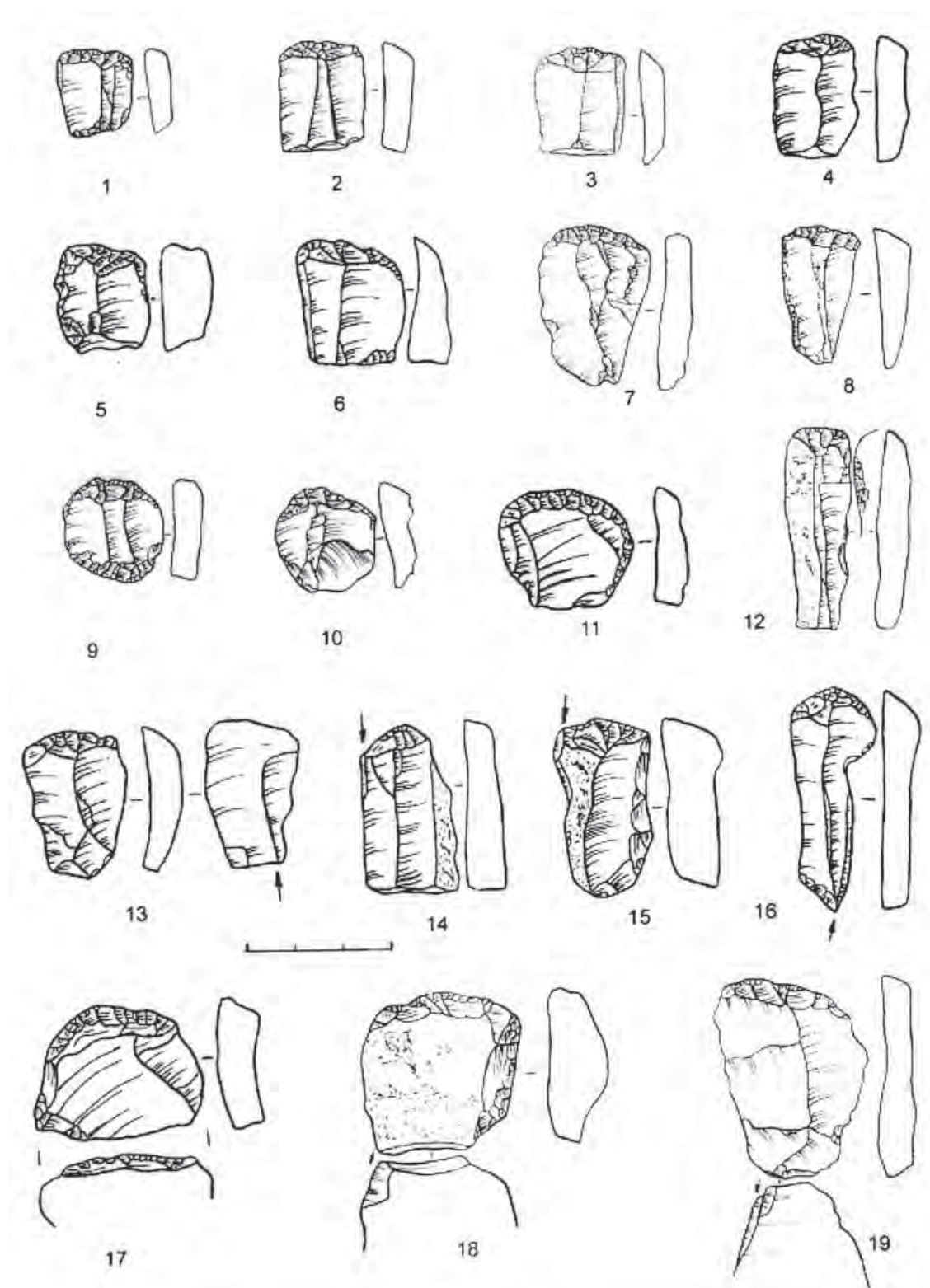

Рис. 3. Юдиново. 1–12, 17 — скребки; 13–16, 18, 19 — скребки-резцы

Рис. 4. Юдиново. 1–11 — микропластинки ретушированные; 12–18, 20, 22 — пластинки ретушированные; 19, 21, 23–25 — пластины ретушированные; 26–31 — острия

Микропластинок с притупливающей ретушью по краю / краям 102 экз.: восемь из них имеют ретушь по обоим краям, 17 — с частичной нерегулярной ретушью по краю, одна — с ретушью края с брюшка, одна — сегментовидной формы (?). У 26 микропластинок притупливающей ретушью оформлены край и конец, у двух — край ретуширован с брюшка, а конец — со спинки, у двух — край и оба конца имеют частичную нерегулярную ретушь, одна микропластинка с притупливающей ретушью края и обоих концов. У 19 микропластинок ретуширован только конец, у трех из них ретушь нанесена с брюшка. Микропластинок с мелкой краевой ретушью 18 экз., в том числе 2 экз. с ретушью обоих краев, 2 экз. с зубчатым краем, 2 экз. с ретушью конца и края, 1 экз. с мелкой ретушью по краю и невыразительным сколом (?), остальные — с полностью или частично ретушированным краем. У четырех микропластинок отмечены следы работы по краям.

Ретушированных пластин значительно меньше — 55 экз. (рис. 4, 19, 21, 23–25). С притупленным краем 27 экз., из них 15 экз. с нерегулярной частичной ретушью края, 2 экз. с ретушью края с брюшка, 1 экз. с притупливающей ретушью по краю, 1 экз. с обоими ретушированными краями. У 12 пластин ретуширован конец, у девяти пластин ретушью оформлен край и конец, у двух пластин край ретуширован полностью, а конец частично, у одной пластины, наоборот, край ретуширован частично, а конец полностью, у одной пластины ретушь по краю со спинки, а на конце — с брюшка, у одной пластины противоположная ретушь по краю и ретуширован конец, у остальных пластин нерегулярная ретушь по краю, и у семи пластин мелкая ретушь по краю.

Комбинированные орудия — сочетания скребков с резцами (46 экз.) и сочетания резцов с остриями (2 экз.). Среди резцов 37 боковых, 10 угловых и один срединный (рис. 3, 13–16, 18, 19).

Значительно меньшим количеством представлены в Юдиново другие группы орудий. В их числе 47 острий из пластинок, микропластинок и отдельные экземпляры из отщепов и краевых сколов (Рис. 4: 26 — 31). У большинства ретушью оформлен заостренный конец, единичные эк-

земпляры с противоположающей ретушью у конца, со скошенным концом и 2 треугольника.

Немногочисленна группа долотовидных орудий, изготовленных из отщепов, сечений пластин и краевых сколов (15 экз.). Они различаются оформлением: 1 экз. с подтеской обоих концов с двух сторон, 2 экз. с подтеской одного конца с двух сторон, 11 экз. с подтеской одного конца с одной стороны, 1 экз. с маловыразительными сколами одного конца со спинки, другого — с брюшка (рис. 2, 16).

Единичны проколки — 5 экз., четыре из них изготовлены на пластинках с противоположающей ретушью у острия, одна — на краевом сколе.

Среди орудий имеется одно скребло.

Кроме целых изделий обнаружено 42 фрагмента каменных орудий.

Наряду с готовыми орудиями в Юдиново использовали и отходы производства, о чем свидетельствуют 12 пластинчатых ретушированных отщепов: пять из них с притупливающей ретушью края, пять — с ретушью на конце, один — с зубчатым краем и один — с мелкой краевой ретушью. У 141 отщепа и 28 краевых сколов имеются ретушь и следы работы.

Отдельную группу в Юдиново составляют орудия без вторичной обработки, выделяющиеся следами сработанности. К таковым относятся отбойники — 45 экз. (рис. 2, 17). В качестве отбойников использовали нуклеусы (25 экз.) и плитки (7 экз.). Кроме того, имеется 13 фрагментов и сколов с отбойников со следами работы.

В целом для Юдинова характерен довольно однообразный набор орудий, среди которых преобладают резцы, большинство их составляют ретушно-боковые, за ними следует технико-морфологическая группа ретушированных пластинок, микропластинок и пластин, различающихся многообразием оформления, третью позицию по численности занимают скребки.

Итак, в Юдиново отсутствуют культуроопределяющие формы каменных орудий. Однако при этом следует отметить разнообразие пластинок с притупливающей ретушью.

Каменные изделия Юдинова использовали преимущественно для обработки бивней и костей.

Таблица 2

Наименование орудий	Количество
Резцы	980
боковые	576
угловые	154
срединные	24
двойные	176
Скребки	279
Пластинки ретушированные	450
Микропластинки ретушированные	168
Пластины ретушированные	55
Острия	47
Долотовидные орудия	15
Проколки	5
Комбинированные орудия	48
Скребла	1
Фрагменты орудий	42
Отбойники	45
Отщепы ретушированные	141
Краевые сколы ретушированные	28
Пластинчатые отщепы ретушированные	12
Итого	2266

П.И. Борисковский при описании каменного инвентаря Мезина отмечал, что тот близок к инвентарю Супонева и Тимановки, а также к таким мадленским памятникам Западной Европы, как Петерфельс, для которых типична развитая техника оформления орудий для обработки костей (Борисковский, 1953).

Каменный инвентарь деснинских памятников, в число которых входит и Юдиново, близок по составу, хотя в каждом из них имеются свои особенности, вместе с тем морфологическая специфика инвентаря, основной состав орудий больше объединяют их.

Относительно культурной принадлежности памятников Поднепровья мнения исследователей расходятся. П.П. Ефименко и П.И. Борисковский рассматривали памятники Поднепровья как этапы, или ступени, развития в пределах мадленского времени. П.И. Борисковский полагал, что они более сходны на узких территориях и менее похожи на более широких пространствах, где наряду с общими чертами обозначались черты местного своеобразия (Борисковский, 1953). А.Н. Рогачев, при-

знаявая особенности среднеднепровских памятников, считал их мадленскими по времени, а не по культуре (Гвоздовер, Рогачев, 1969).

И.Г. Шовкопляс объединял их в специфическую группу, составляющую локальный вариант культур мадленской поры Восточной Европы, который называл мезинской культурой (Шовкопляс, 1965).

В 1990-е годы верхнепалеолитические памятники начали анализировать в пределах регионов, учитывая их культурно-хронологическое значение и культурные особенности.

Украинскими археологами деснинские памятники были отнесены к эпиграветту. Они считают большинство памятников Украины синхронными мадлену Франции, Германии, Италии, Австрии и причисляют их к эпиграветту. Эпиграветтская культурная традиция, по их мнению, развивалась на территории Украины в течение почти всего верхнего палеолита. Противоречивые точки зрения существуют и относительно самого термина эпиграветт. Для происхождения эпиграветта предложены следующие варианты: 1) от граветта; 2) от виллендорфо-костенковской культуры и ее восточного граветта; 3) от ориньяка Западной Европы; 4) от синтеза граветта и ориньяка; 5) в разных регионах на разной культурной основе как универсальная стадия развития техники обработки кремня (Залізняк, 2010). Столь широкая вероятность происхождения эпиграветта лишает его определенности. В эпиграветте нет каменных орудий, которые определяли бы его культурные особенности. Микропластинки и пластинки с притупливающей ретушью разной конфигурации, на которые чаще всего ссылаются, в меньшем или большем количестве присутствуют в разнотипных памятниках верхнего палеолита.

Большинство исследователей относят памятники Поднепровья к мадленскому времени, характеризующемуся пластинчатой каменной индустрией, которая отличается однообразным набором орудий, представленных резцами, скребками и пластинками с притупливающей ретушью, разнообразным богатым комплексом костяных изделий, стилизацией и схематизацией произведений искусства, геометрическим орнаментом. Все перечисленное больше соответствует европейским памятникам

мадленского времени с учетом локальных особенностей.

П.И. Борисковский характеризовал деснинские памятники как «сочетание обширных сложных поселений, богатых уникальными находками как

из области первобытной техники, так и в области искусства» (Борисковский, 1953).

Поселение Юдиново по совокупности всех данных по праву можно считать одним из эталонных памятников верхнего палеолита Русской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб., 1997.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953 (МИА. № 40).

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. и др. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. Остатки млекопитающих из верхнепалеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне. М., 1977. (ТЗИН. Т. 72).

Гвоздовер М.Д., Рогачев А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры // Лесс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирова С.Н., Воскресенская Е.В. Литолого-стратиграфические осо-

бенности позднепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины // Верхний палеолит, верхний плейстоцен, динамика природных событий и периодизация археологических культур: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 90-летию А.Н. Рогачева. М., 2002.

Залізняк Л.Л. Періодизація та культурна диференціація верхнього палеоліту України // Археологія. 2010. № 4. С.

Мащенко Е.Н. Скелет и зубная система в индивидуальном развитии *Mammuthus primigenius* (Blum., 1799) Proboscidae, Elephantidae и некоторые черты биологии мамонта: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1998.

Рогачев А.Н. Каменные орудия как исторический источник. М., 1978. (КСИИМК. № 137).

Саблин М.В. Палеозоология стоянок Верхней Десны: новые данные // Верхний палеолит — верхний плейстоцен, динамика природных событий и периодизация археологических культур: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 90-летию А.Н. Рогачева. СПб., 2002. С.

*Н. П. Оленковский*¹

О «ПУТИ РАЗВИТИЯ» ОДНОЙ ИЗ ГРУПП ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИАЗОВЬЯ

Olenkovsky N. The «Way of Development» of one Group of Upper Palaeolithik Sites of the Northern Azov Region

The group of original Upper Palaeolithik of monuments investigated in northern Azov region. They have signs both Aurignacian and Gravettian of technocomplexes. Sites Amvrosievka, Novovolodimirivka II, Pershopokrovka I and kill-site Amvrosievka included in this group. Radiocarbon dating shows that their age is within 18,0–19,5 thousand years BP. These sites are younger than most recent sites of Epi-Aurignacian of Azov region, but precede the emergence there Epigravettian. Not numerous Aurignacian signs not allow to attribute this industry to Epi-Aurignacian. But this industry, in opinion the author, is not a wholesome Epigravettian.

The emergence of this industry more suddenly and not have a reasoned explanation. This article describes only the possible ways of her education. Traditions of this industry also disappear without leaving visible traces.

Для объяснения разнообразия материальной культуры в мустье Геннадием Павловичем Григорьевым было предложено понятие «путь развития». В дальнейшем эта категория была распространена М.В. Аниковичем, по мнению автора удачно, на поздний палеолит (Аникович, 1992, с. 15). Несомненно, отрадным является стремление восточно-европейских палеолитчиков быть ближе к европейской археологии каменного века. Но и это не мешает использовать понятие «путь развития» как альтернативу понятию «технокомплекс».

В Северном Приазовье имеется группа памятников с индустрией, находящейся на культурно-историческом и хронологическом стыке между «ориньякским» и «граветтским» путями развития. Это памятники типа Амвросиевка — Нововладимировка II. Ранее были выделены две археологи-

ческие культуры — амвросиевская (с включением стоянки Амвросиевка и Амвросиевского костыща) и нововладимировская (с включением стоянок Нововладимировка II и Перво-Покровка I) (Оленковский, 1989, с. 12; 1991, с. 176). Амвросиевка, Амвросиевское костыще и Нововладимировка II — выразительные памятники, полноценно исследованные раскопками. Перво-Покровка I — памятник с горизонтом переотложенного инвентаря и с коллекцией, собранной на поверхности (но при почти полной уверенности в несмешанности материала). В целом индустрии памятников этих культур очень близки. Основанием автору для выделения отдельной нововладимировской культуры в свое время послужило наличие в Нововладимировке II и Перво-Покровке I выразительных серий долотовидных орудий и присутствие специфичных орудий на резцовых сколах, отсутствующих в амвросиевских памятниках. Сейчас у автора имеются веские при-

¹ Г. Херсон, Украина.

чины для сомнений относительно разнокультурности памятников этой группы. Во-первых, мною не просматривались коллекции стоянки Амвросиевка и Амвросиевского костяка. Поэтому утверждать наличие или отсутствие в них долотовидных орудий и специфичных орудий на резцовых сколах нельзя. Во-вторых, в силу хозяйственно-экологических факторов эти категории орудий могли отсутствовать лишь на этих памятниках, но не в индустрии в целом.

Для этой группы памятников выделены следующие характерные показатели индустрии (Неприна и др., 1986, с. 39–49; Оленковский, 1991, с. 118–123; 2000, с. 33–48). Технично-технологические показатели материалов очень близки. Проявляется это в широком использовании тонких достаточно правильных микропластинок. Почти аналогичными являются показатели соотношения типов нуклеусов. Призматические ядрища хоть и составляют наиболее многочисленные группы, но ни в одном из памятников не достигают половины от состава нуклеусов. Хорошо представлены торцовые ядрища с преобладанием одноплощадочных. Многочисленны вторичные ядрища на отщепах. Крайне малочисленны конусовидные и пирамидальные нуклеусы — важный показатель в плане решения поставленной в статье задачи.

Изделия с вторичной обработкой составляют специфичные, но весьма типологически выразительные наборы орудий (табл.). Одним из важнейших в определении «пути развития» анализируемых памятников элементов индустрии являются так называемые микролиты. Наряду с резцами и ретушированными отщепами они представлены наиболее многочисленными группами орудий. Наборы микролитов состоят из острий и микроострий с притупленным краем, пластинок и микропластинок с притупленным краем, микропластинок с микроретушью (рис. 1, 2).

Острия и микроострия с притупленным краем составляют крайне малочисленную группу в наборах микролитов. Это почти исключительно мелкие микроострия, только в наборе Перво-Покровки I есть единичные более крупные орудия, которые по метрическим параметрам относятся к мелким остриям (рис. 2, 15, 17). Почти все эти

орудия граветтоидные — с прямым притупленным краем (спинкой), обработаны высокой притупляющей ретушью, обрезающей значительную часть заготовки.

Пластинки и микропластинки с притупленным краем хоть и многочисленны, но не отличаются типологическим разнообразием. В Амвросиевке и Нововладимировке II это исключительно орудия на микропластинках (иногда шириной 3–4 мм). Лишь в Перво-Покровке I есть несколько пластинок с притупленным краем шириной до 9 мм. Среди микропластинок с притупленным краем практически отсутствуют орудия с прямо- или косоусеченными ретушью концами. В отличие от микроострий до трети микропластинок обработано мелкой притупляющей ретушью, срезающей лишь очень ограниченную часть края заготовки.

Микроретушированные микропластинки имеются в наборах орудий всех трех анализируемых стоянок. Они представлены малочисленными группами. Важно, что эти орудия изготовлены не на так называемых чешуйках, а на правильных призматических микропластинках.

Количественно близки к микролитам в материалах памятников резцы. Спецификой этой категории орудий является выразительное преобладание срединных резцов над резцами других типов. Боковые и угловые резцы на стоянках Амвросиевка и Нововладимировка II суммарно уступают срединным. Единичными орудиями представлен поперечный тип резцов. Хорошо представлены двойные резцы, среди которых преобладают срединные и комбинированные (исключительно срединные-угловые). Показателем резцов этой группы памятников является практически полное (за исключением одного орудия в Нововладимировке II) отсутствие тройных и четверных резцов.

Скребки в 3–5 раз уступают количественно резцам. Они достаточно разнотипны. Примерно половина скребков относится к концевым (с приблизительно одинаковой пропорцией между орудиями на пластинах и отщепах). Среди них есть скребки с сужающимися к лезвию краями. Остальные представлены мелкими скребками-нуклеусами, стрелчатыми скребками, скребками «с носиком» и аморфными скребками на отщепах.

Таблица

Типологическое соотношение групп изделий с вторичной обработкой

Изделия	Памятники		Нововлади- мировка II		Перво- Покровка I	
	Амвросиевка*		кол.	%	кол.	%
Скребки:	26	11,3	6	3,3	8	4,7
концевые на пластинах	} 13	50,0	1	16,7	2	25,0
концевые на отщепах			1	16,7	2	25,0
двойные	1		—		—	
«с носиком»	2		1	16,7	—	
нуклевидные	3		2	33,4	—	
стрельчатые	1		1	16,7	2	25,0
на отщепах	3		—		1	12,5
фрагменты лезвий	3		—		1	12,5
Резцы:	73	30,3	26	14,4	38	22,4
срединные	43	59,0	10	38,5	15	39,5
боковые	13	17,8	4	15,4	9	23,7
угловые	3	4,1	4	15,4	10	26,3
поперечные	2	2,7	2	7,7	—	
двойные	12	16,4	5	19,2	4	10,6
тройные	—		1	3,8	—	
Микроорудия с притупленным краем или микроретушью:	54	23,4	34	18,8	33	19,4
острия и микроострия с притупленным краем	8	14,8	4	11,8	6	18,2
пластинки и микропластинки с притупленным краем	41	75,9	27	79,4	21	75,8
микропластинки микроретушированные	5	9,3	3	8,8	2	6,0
Долотовидные орудия	—		12	6,6	8	4,7
Проколки	—		7	3,9	4	2,3
Изделия с выемками	9	4,0	—		1	0,6
Косо и поперечно усеченные пластинки	—		3	1,7	2	1,2
Комбинированные орудия	—		4	2,2	2	1,2
Специфичные орудия на резцовых сколах	—		6	3,3	2	1,2
Пластинки с ретушью	} 69	29,5	25	13,8	30	17,6
Отщепы и краевые сколы с ретушью			56	30,3	41	24,1
Другие орудия	3	1,5	3	1,7	1	0,6
Всего:	232	100,0	182	100,0	170	100,0

*Типология орудий Амвросиевки приведена по материалам исследований А.А. Кротовой (Неприна и др., 1986, с. 40).

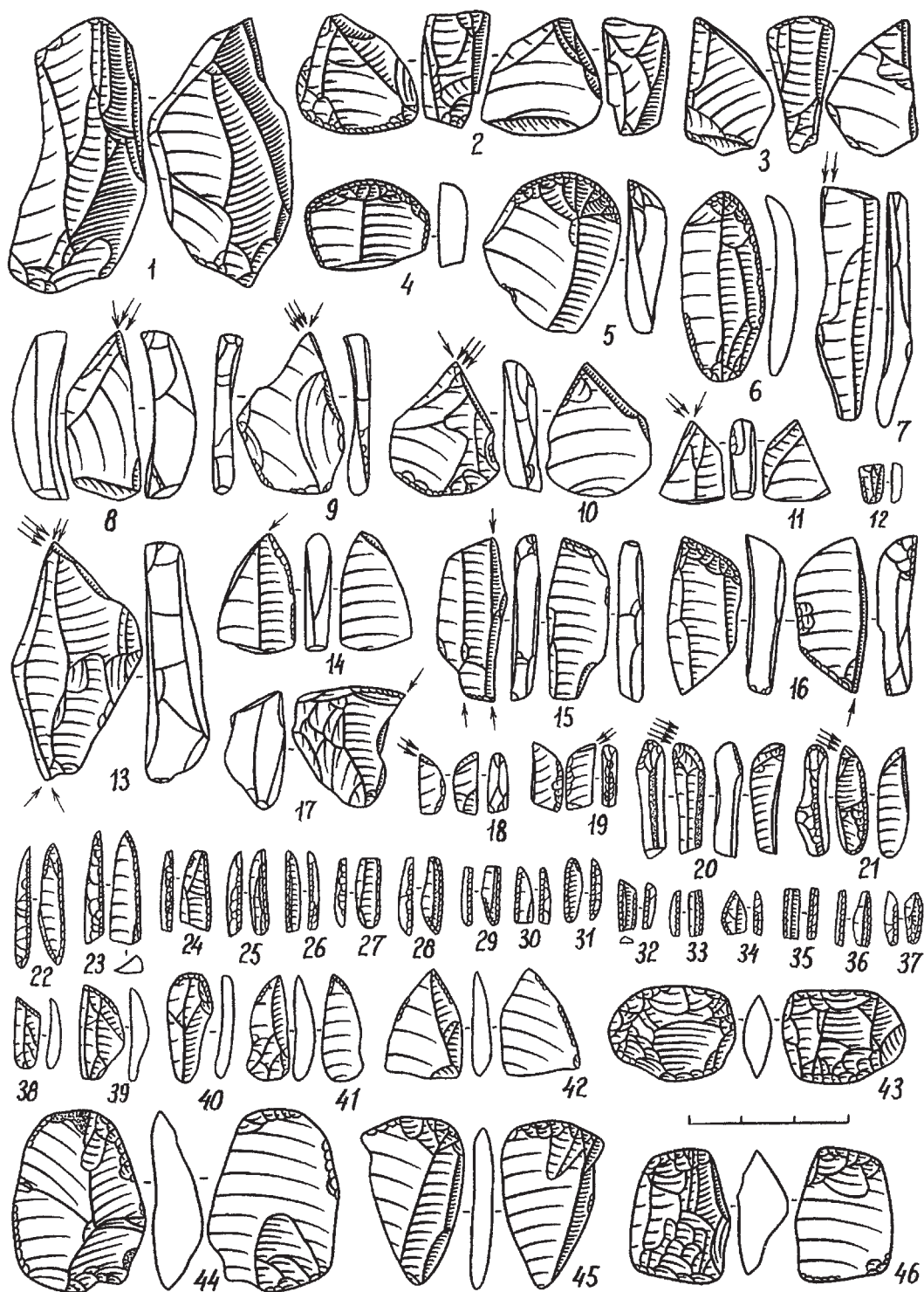

Рис. 1. Археологический материал стоянки Нововладимировка II

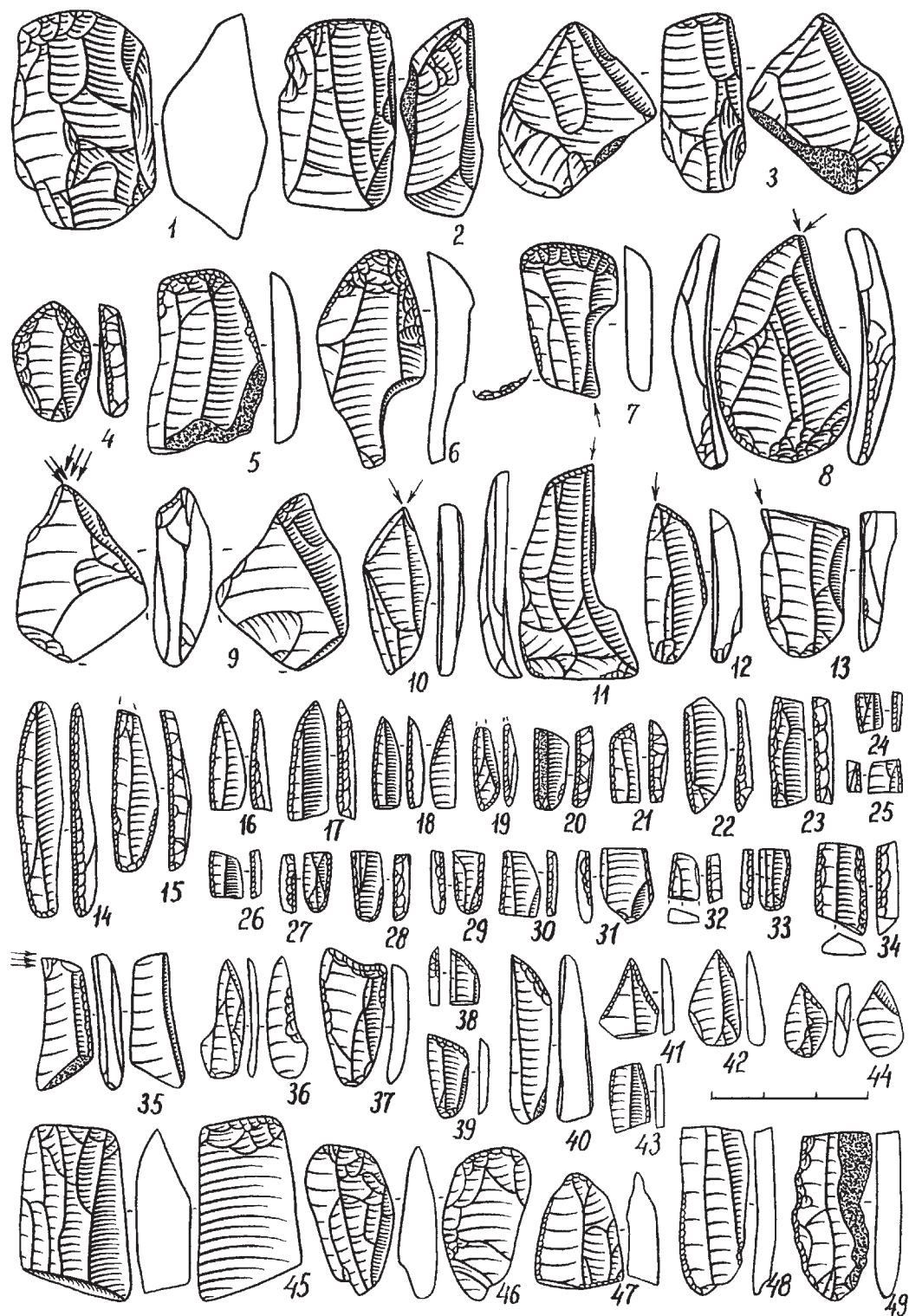

Рис. 2. Археологический материал стоянки Перво-Покровка I

Многочисленные группы составляют также такие категории орудий, как пластинки и отщепы с ретушью. Пластинки обработаны мелкой полукрутой ретушью, в большинстве на незначительном участке края заготовки. Есть пластинки с противоположащей и чередующейся встречной ретушью. Пластинки, обработанные крупной ретушью, отсутствуют.

Орудия других категорий представлены очень малочисленными группами. В Амвросиевке имеется несколько изделий с выемками, практически отсутствующие в материалах Нововладимировки II и Перво-Покровки I. В то же время в Амвросиевке совершенно отсутствует, по данным А.А. Кротовой, ряд категорий орудий, представленных в Нововладимировке II и Перво-Покровке I: долотовидные орудия, мелкие симметричные острия, проколки, пластинки со скошенным концом, комбинированные орудия (скребки-резцы), орудия на резцовых сколах (рис. 1, 18–21). Символично, что в коллекциях всех памятников совершенно отсутствуют стамески.

Для этих памятников имеется несколько радиоуглеродных дат. Учитывая геологическую невыразительность культурных слоев и культурно-историческое своеобразие индустрий, фактически не вписывающихся в общую схему позднего палеолита Восточной Европы, радиоуглеродное датирование является единственным достаточно надежным источником для определения возраста этой группы памятников. Для Амвросиевского костяка получена серия дат. Разброс трех дат показывает их ненадежность — 15250 ± 150 (ЛЕ-1673), 20620 ± 150 (ЛЕ-1805), 21500 ± 340 (ЛЕ-3403) (Svezhentsev, Popov, 1993). Шесть дат близки между собой — 18860 ± 220 (ОхА-4891), 18700 ± 240 (ОхА-4890), 18700 ± 220 (ОхА-4892), 18660 ± 220 (ОхА-4895), 18620 ± 220 (ОхА-4893), 18220 ± 200 (ОхА-4894) (Krotova, 1996). Именно на эти даты логично опираться в определении истинного возраста как стоянки Амвросиевка, так и Амвросиевского костяка. Получена одна дата и для стоянки Нововладимировка II — 19340 ± 95 (Ки-6203) (Оленковский, 2000, с. 159).

В определении культурно-исторического места амвросиевского комплекса памятников на протя-

жении шести десятилетий XX столетия высказывалось много различных мнений. Автор считает бессмысленным их рассматривать, так как они ничем не помогут в установлении «пути развития» (или «технокомплекса») этих памятников. Лишь в последние полтора десятилетия этой проблематике уделялось внимание украинских специалистов. Л.Л. Зализняком была выявлена граветтоидность Авросиевки (что, впрочем, никогда и не составляло сложности). Определение же этим исследователем Амвросиевки в качестве «классического восточнограветтского памятника» и отнесение его наряду с Мезином и Ямами к «древнейшим памятникам Восточного граветта в Украине» можно признать не более чем позднепалеолитическим курьезом профессионального мезолитчика (Зализняк, 1998, с. 116–117). Через несколько лет этот исследователь «исправил ошибку» и отнес Амвросиевку сначала к «эпиграветтскому сообществу», а позже к группе «древнейших микрограветтских стоянок юга» (Зализняк, 2000, с. 4; 2003, с. 14). Но что такое «микрограветт» для Восточной Европы? Ведь из текста статьи, в которой использовано это понятие, четко видно, что Л.Л. Зализняком «микрограветт» понимается совершенно не так, как центральноевропейскими палеолитчиками, которые этот термин использовали, а также, вероятно, и придумали. А.А. Кротова отмечала, что «комплекс Амвросиевки определяется как граветтоидный с некоторыми достаточно выразительными ориньякоидными чертами, которые, возможно, свидетельствуют о его ориньякской основе (генезисе — ?)» (Кротова, 2000, с. 95).

Высказывались мнения некоторых исследователей позднего палеолита Украины и относительно принадлежности к определенному пути развития Нововладимировки II. Д.Ю. Нужный нашел возможным отнести эту стоянку вместе с Мураловкой и Золотовкой I к «самым поздним ориньякским памятникам степной зоны» (Нужный, 1994, с. 210). Совершенно иное мнение в отношении этого памятника у А.А. Кротовой. Она считает, что Нововладимировка II, так же как Амвросиевка, относится к памятникам, в материалах которых преобладают граветтские черты, но присутствуют и черты, характерные для ориньякской культуры, при этом

отмечая, что ориньякские черты в Нововладимировке II менее выразительны, чем в Амвросиевке (Кротова, 2000, с. 32). Автору сложно понять логику последнего замечания, так как индустрии обоих памятников идентичны в плане разграничения на граветтоидную и ориньякоидную составляющие. Важно отметить, что оба исследователя изучали коллекцию Нововладимировки II «в живую»!

Автор, являясь специалистом в области изучения эпиграветта, не считает памятники типа Амвросиевка — Нововладимировка II эпиграветтскими. В своей докторской диссертации (от защиты которой по ряду причин пришлось отказаться) в 2005 г. я писал, что затрудняюсь однозначно отнести индустрию Нововладимировки II к «эпиграветту с эпиориньякскими чертами». В своей обобщающей монографии по эпиграветту Восточной Европы данную группу памятников я вообще не рассматривал (Оленковский, 2008). И наконец, специалист в области изучения ориньяка Ю.Э. Демиденко считает, что в Нововладимировке II почти отсутствуют ориньякские элементы. Памятники же Амвросиевка и Нововладимировка II — это «чистый своеобразный вариант эпиграветта» (из письма Ю.Э. Демиденко к автору от 16.04.2011). То, что два ведущих специалиста Украины в области исследований эпиграветта и ориньяка так оценивают памятники данного типа, символично и может свидетельствовать о сложности проблематики. То, что Д.Ю. Нужный и Ю.Э. Демиденко относят Нововладимировку II либо к «чистому» ориньяку, либо к «чистому» эпиграветту объяснимо: оба специалиста не признают в принципе возможности существования «переходных» индустрий (в рамках разных технокомплексов). Автор же в этом плане не столь категоричен, но тоже настроен пессимистически, хотя и задается вопросом — откуда же такие индустрии берутся?

Удивительно, но никто из специалистов не обращает внимание на то, что памятники типа Амвросиевка — Нововладимировка II хронологически «зажаты» между двумя пластами памятников различного пути развития. С одной стороны, это эпиориньяк Северного Причерноморья, а с другой — ранний классический эпиграветт.

Памятников «ориньякского пути развития» в Северном Причерноморье известно мало. Ориньякская проблематика этого региона изучена слабо, отсутствует обобщающее монографическое исследование. Плодотворно в этом направлении работает лишь Ю.Э. Демиденко (Demidenko, Otte, 2000–2001; Demidenko, 2008). Абсолютное большинство памятников сосредоточено в западной части региона — между Днестром и Нижним Поднепровьем (Зеленый Хутор I и Зеленый Хутор II — в Нижнем Поднепровье, Сагайдак I и Анетовка II — в Побужье, Ненасытец III и Ворона III — в Надпорожье, Любимовка I, Любимовка IV, Перемога I — в Нижнем Поднепровье, Вознесенка IV — в Присивашье, Сюрень I — в Крыму). И лишь один памятник — Мураловка — находится в восточной части, в Приазовье. Не вдаваясь в проблему разграничения памятников Северного Причерноморья на ориньякские и эпиориньякские, автор считает необходимым (в ракурсе решения поставленной задачи) проанализировать только позднейшие из перечисленных комплексов, объединенных Ю.Э. Демиденко в «эпиориньяк типа кремс-дюфур Северного Причерноморья» (Демиденко, 1999). В данном случае это эпиориньякские стоянки Сагайдак I, Анетовка I и Мураловка (стоянка Золотовка I автором не анализируется как находящаяся за пределами рассматриваемого региона). Их объединяет наличие в инвентаре своеобразных микроорудий и близкий, по мнению специалистов, возраст.

Для двух памятников установлена радиоуглеродная хронология. Даты Сагайдака I — 21240 ± 200 (JE-1602a) и 20300 ± 200 (JE-16026) (Svezhentsev, Popov, 1993). Две даты имеются и для Мураловки — 19630 ± 200 (JE-1601) и 18780 ± 300 (JE-1438). Не исключено, что даты Мураловки несколько омоложены. Во всяком случае палинологические данные позволили специалисту-палеоботанику уточнить возраст Мураловки с удревнением на 1–2 тыс. лет (Спиридонова, 1991, с. 129). В любом случае имеющиеся сейчас данные позволяют предположить возраст данного типа эпиориньякской индустрии в пределах 21 000–19 000 ВР. Приблизительно такими же рамками ограничивает возраст памятников и Ю.Э. Демиденко (Демиденко, 2007,

с. 70). Этим же возрастом может датироваться и Анетовка I.

Таким образом, эпиориньяк Северного Причерноморья непосредственно предшествует появлению памятников типа Амвросиевка — Нововладимировка II. При этом они выявлены только в левобережной части Северного Причерноморья. Сменяется индустрия типа Амвросиевка — Нововладимировка II эпиграветтом.

Самым древним эпиграветтским памятником Северопричерноморского региона является стоянка Анетовка II. Ее возраст устанавливается радиоуглеродными датами — 19170 ± 120 (JE-2947), 19090 ± 980 (JE-4610), 18265 ± 1650 (JE-4066), 18040 ± 150 (JE-2424) (Svezhentsev, Popov, 1993). Эти даты частично увязываются с датами Амвросиевки и Нововладимировки II, а частично следуют сразу же за ними. Анетовка II — типичный памятник раннего классического эпиграветта (Станко, Григорьева, Швайко, 1989). Он находится в Побужье, в пределах правобережной части Северного Причерноморья. С учетом радиоуглеродного датирования можно сделать аргументированный вывод, что в правобережной части Северного Причерноморья эпиориньяк сменился непосредственно классическим эпиграветтом. В левобережной же части Северного Причерноморья процесс смены технокомплексов происходил сложнее. Промежуток между эпиориньякским этапом и началом этапа эпиграветта здесь заполнен индустрией типа Амвросиевка — Нововладимировка II.

Классический эпиграветт распространен в левобережной части Северного Причерноморья лишь узкой полосой вдоль левого берега низовий Днепра. Радиоуглеродное датирование самого раннего памятника — стоянки Дмытривка — 16520 ± 95 (Ki-5826) (Оленковский, 2009). Судя по дате Дмытривки, классический эпиграветт проникает за Днепр около 17–16 тыс. л.н. Другие памятники, судя по инвентарю и радиоуглеродным датам, еще моложе (Оленковский, 2005).

Широкое развитие в левобережной части Северного Причерноморья, между Днестром и Доном, получили памятники восточного эпиграветта с определенным западно-кавказским влиянием, относимые к каменно-балковской и североприазов-

ской культурам (Рогачев, Аникович, 1984, с. 255; Оленковский, 2001–2002; Olenkovskiy, 2004; 2010). Значительное количество радиоуглеродных дат, имеющихся для нескольких памятников этого типа, свидетельствует, что индустрии данного технокомплекса появляются на Нижнем Дону и в восточной части Приазовья около 16 тыс. лет ВР. А в западной части Приазовья и в зоне левобережья Нижнего Днепра еще позже. Таким образом, выявляется двухтысячелетний разрыв между датированием памятников типа Амвросиевка — Нововладимировка II и памятников восточного эпиграветта. С чем еще предстоит разобраться.

В целом амвросиевско-нововладимировская индустрия уникальна. Она быстро появляется и быстро исчезает, практически не оставляя свидетельств своего участия в создании последующего восточного эпиграветта. Предположения некоторых украинских археологов об участии этой индустрии в образовании мезолитического кукрека несостоятельны, так как разделены десятилетиями хронологическим разрывом.

Попытка установления базы для образования амвросиевско-нововладимировской индустрии может быть более плодотворной. В этом плане логично осуществить анализ материалов предшествующих эпиориньякских памятников Северного Причерноморья. Прежде всего необходимо отметить, что материалы Сагайдака I, Анетовки II и Мураловки очень существенно различаются между собой. В отношении сходства между Мураловкой и Сагайдаком I Н.Д. Праслов совершенно справедливо отмечал, что аналогии в материалах этих памятников имеются только по наборам миниатюрных коротких треугольных острий, остальной же инвентарь этих памятников совершенно отличен (Праслов, 1972, с. 72). То же самое можно отметить и для открытой и изученной несколько позднее стоянки Анетовка I.

Аналогии (а также возможности преемственности) между инвентарем Сагайдака I и индустрией амвросиевско-нововладимировского типа отсутствуют совершенно (Станко, Григорьева, 1977). Рассмотрение коллекций Анетовки I и Мураловки с точки зрения поисков преемственности в индустрии амвросиевско-нововладимировского типа

более перспективно (Смольянинова, 1990; Праслов, 1972). Несомненны аналогии по ряду показателей между наборами скребков как Анетовки I и Мураловки, так и Амвросиевки и Нововладимировки II. Прежде всего это наличие в материалах всех стоянок небольших нуклевидных скребков и скребков «с носиком», а также отдельных кареноидных скребков. В отношении наборов резцов можно лишь отметить, что какие-либо выразительные специфичные черты, позволившие бы увидеть либо типологическое единство между анализируемыми памятниками, либо значительные отличия, практически отсутствуют. В Анетовке I и Мураловке нет преобладания одного из типов резцов в отличие от приоритетности срединных резцов в индустрии амвросиевско-нововладимировского типа (резко контрастирующей с показателем эпиграветтских индустрий). Соотношение между скребками и резцами в индустриях различно. Преобладание скребков над резцами в эпиориньякских памятниках логично. Значительное преобладание резцов над скребками в индустрии амвросиевско-нововладимировского типа — это уже показатель, свойственный северопрichernоморскому раннему эпиграветту.

Наиболее важен в поисках аналогий между индустриями Анетовки I — Мураловки и Амвросиевки — Нововладимировки II анализ микроинвентаря. Микроострия в них совершенно различны. Для первой — это орудия преимущественно симметричные, обработанные микроретушью, обычно

по обоим краям, на «чешуйках». Для второй — орудия с притупленным краем, на микропластинках. Иначе обстоит дело с микропластинками. По типу применяемой ретуши имеются определенные аналогии. Часть микропластинок всех памятников обработана мелкой притупляющей ретушью. Использовалась и более высокая притупляющая ретушь, срезающая часть края заготовки. Но если в наборах микролитов Анетовки I и Мураловки они единичны, то в наборах Амвросиевки — Нововладимировки II они преобладают. И наоборот, микропластинки с микроретушью в наборах Анетовки I и Мураловки преобладают, в наборах же Амвросиевки и Нововладимировки II они единичны. Правда, определенная близость в обработке микропластинок нивелируется различием использованных заготовок. В Анетовке I и Мураловке это преимущественно мелкие пластинчатые отщепы, а в Амвросиевке и Нововладимировке II — преимущественно правильные микропластинки.

Таким образом, появление индустрии типа Амвросиевки — Нововладимировки II неожиданно и не поддается пока аргументированному объяснению. Почему это происходило и как — на данном этапе исследований остается загадкой. В виде очень осторожной гипотезы можно предположить, что эта индустрия могла возникнуть с участием эпиориньяка типа Мураловки, в Приазовье. Но могла она сложиться и совершенно иначе, например под влиянием с севера (регионы Десны или Дона) или придти из зоны раннего классического эпиграветта.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В. Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблемы «граветтского эпизода» // Труды научного семинара «Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза». Одесса, 1992. С. 15–17.

Демиденко Ю.Э. Ориньяк типа кремс-дюфур Сюрени-I (Крым): его вариабельность и место в ориньяке Европы // Тез. докл. конф. «Локальные различия в каменном веке». СПб., 1999. С. 113–115.

Демиденко Ю.Э. Северное Причерноморье в европейском контексте проблематики раннего и среднего периодов верхнего палеолита // Человек в истории и культуре. Одесса; Терновка, 2007. С. 52–79.

Залізняк Л. Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ, 1998.

Залізняк Л.Л. Етнокультурні процеси у пізньому палеоліті та проблема епіграветту // Археологія. 2000. № 2. С. 4–11.

Залізняк Л.Л. Кам'яна доба України: проблеми та перспективи // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ, 2003. С. 11–17.

Кротова А.А. Синхронизация технокомплексов позднего палеолита в Северном Причерноморье // Археологический альманах. 2000. № 9. С. 89–98.

Кротова О.О. Граветтоїдні комплекси Північного Причорномор'я // Археологія. 2000. № 2. С. 30–36.

- Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
- Нужний Д.Ю. Пізньопалеолітична стація Ворона-3 на Дніпровських порогах та її місце серед оріньякських пам'яток Східної Європи // Археологический альманах. 1994. № 3. С. 204–216.
- Оленковский Н.П. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.
- Оленковский Н.П. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Херсон, 1991.
- Оленковский М.П. Палеоліт та мезоліт Присивашся. Проблеми епігравету України. Херсон, 2000.
- Оленковский Н.П. О происхождении и развитии северо-приазовской позднепалеолитической культуры // Stratum Plus. № 1. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001–2002. С. 383–292.
- Оленковский Н.П. Нижнеднепровская эпиграветтская культура // Stratum Plus. № 1. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. С. 307–333.
- Оленковский Н. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. Херсон, 2008.
- Оленковский Н.П. Эпиграветтская стоянка Дмытривка. Херсон, 2009.
- Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // М., 1972. С.70–77. (КСИА. № 131).
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 162–271.
- Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев, 1990.
- Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене. М., 1991.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В. Исследование памятников каменного века на р. Ингул // Древности Поингуля. Киев, 1977. С. 37–51.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев, 1989.
- Demidenko Yu.E. East European Aurignacian and its early/archaic industry of Krems-Dufour type in the Great North Black sea region // Praehistoria. 2008. Vol. 9. P. 107–140.
- Demidenko Yu.E., Otte M. Siuren-I (Crimea) in the context of a European Aurignacian // Prehistoire Europeenne. 2000–2001. Vol. 16–17. P. 133–146.
- Krotova A.A. Amvrosievka New AMS dates for a unique bison kill sites in the Ukraine // Prehistoire Europeenne. 1996. Vol. 9. P. 357–362.
- Olenkovskiy M. Upper Palaeolithik of the Sivash Region // The Use of Living Space in Prehistory. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists Sixth Annual Meeting in Lisbon 2000. Oxford, 2004. P. 51–59.
- Olenkovskiy M. The Eastern Epigravettian in the North Azov region (Ukraine) // Atti Soc. Preist. Friuli-V.G. XVII. Trieste, 2010. P. 7–26.
- Svezhentsev Yu.S., Popov S.G. Late paleolithic chronology of the East European Plain // Radiocarbon. 1993. Vol. 35. № 3. P. 495–501.

Ю. Г. Коваль¹

ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ НОВОКЛИНОВКА II В ЮЖНОМ ДОНБАССЕ (УКРАИНА)

Koval Y.G. The Terminal palaeolithic workshop Novoklinovka II in south Donbass (Ukraine)

The article is devoted to the results of last investigations at the Terminal Palaeolithic workshop of Novoklinovka II (1994–96, 98s). It is located in the middle part of the Krynka River valley (Southern Donbas, Donetsk region of the Ukraine). Initial excavations were carried out in the 1950, 1952s by P. Boriskovskiy. The workshop lithic industry is based on the local Upper Cretaceous source. The flint complex includes more than 4000 finds: two opposite platform cores, cone-shaped cores, Swiderian willow leafshaped point, burins, prismatic unfinished cores and numerous specimens of flint-production waste.

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1940-х — начале 1950-х годов Институтом истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) и Институтом археологии АН УССР (Киев) был организован Амвросиевский отряд под руководством П.И. Борисковского. В задачи отряда входило окончание раскопок Амвросиевской палеолитической стоянки (работы велись по заданию Ленинградского отделения Института истории материальной культуры им. П.Я. Марра Академии наук СССР и финансировались ЛОИИМК) и проведение археологических разведок по течению р. Крынки в пределах Сталинской (Донецкой) обл.

УССР и р. Миус на территории Матвеев-Курганского района Ростовской обл. РСФСР (работы проводились по заданию Института археологии Академии наук УССР и финансировались Институтом археологии).

В результате проведенных разведок на археологической карте Приазовья появилось около 15 новых разновременных памятников каменного века. Значительное количество пунктов было выявлено в бассейне р. Крынки. В их числе несколько местонахождений у х. Новоклиновка Амвросиевского района. Наибольший интерес среди них представляла мастерская Новоклиновка II, давшая не только обильный подъемный материал, но и находки, происходящие из культурного слоя.

¹ Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк, Украина.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКЕ

История исследования

Мастерская Новоклиновка II открыта П.И. Борисовским в 1949 г. Раскапывалась им в 1950 и 1952 гг. Общая вскрытая площадь составила 32 кв. м. Для выяснения границ распространения культурного слоя было заложено пять шурфов. Наиболее массовый и выразительный материал дал шурф № 1 площадью 6 кв. м, доставивший более 3000 находок (Павлова, 1952, с. 51–55, Борисовский, 1953, с. 363–368, Борисовский, Праслов, 1964, с. 25).

Повторно памятник был локализован А.А. Кротовой, по предложению которой автором в течение нескольких полевых сезонов (1994–1996, 1998 гг.) проводились небольшие по объемам стационарные исследования. При этом возобновление работ на памятнике имело целью уточнить высказанное ранее предположение о возможной связи Новоклиновской мастерской с Амвросиевским позднепалеолитическим комплексом.

Общая вскрытая площадь с учетом шурфов составила 34 кв. м. Суммарное количество находок (включая подъемные сборы) — более 4000 экз. В результате последних исследований были получены материалы, в значительной степени проясняющие культурно-хронологический контекст памятника. Настоящая работа посвящена публикации небольшой по объему, но достаточно диагностичной выборке изделий с вторичной обработкой, способной указать основные направления поиска технико-типологических параллелей кремневому комплексу мастерской.

Мастерская располагается напротив юго-западной окраины х. Новоклиновка (Амвросиевский район Донецкой области) на краю цокольной террасы правого коренного берега р. Крынки, возвышающейся над уровнем реки примерно на 10–12 м. Расколотый кремнь распространяется полосой приблизительно 80×60 м вдоль края террасы. Тем не менее раскопки и шурфовка показали, что реальные размеры мастерской меньше, а подобная растянутость материала является следствием многолетней интенсивной распахки. К сожалению, в ходе работ, проводившихся в 1990-х годах, не

удалось локализовать участки, исследовавшиеся П.И. Борисовским. Скорее всего, это центральная часть мастерской, которая сейчас находится в пределах лесозащитной полосы.

Стратиграфия

При выборе места для закладки раскопа предпочтение было отдано участкам мастерской, прилегающим к краю посадки. Здесь распахка носила менее интенсивный характер в отличие от территории, оказавшейся непосредственно на пахотном поле, где культурный слой в настоящее время практически полностью уничтожен.

Площадь основного раскопа составила 26 кв. м. По восточной стенке раскопа прослежена следующая стратиграфия:

0,40–0,45 м — чернозем с включением обломочного материала и переотложенных кремневых изделий;

0,45–0,55 м — горизонт с большим содержанием обломков кремня, мергеля и меловых окатышей;

0,55–1,15 м — причерноморский лессовидный суглинок палево-желтого цвета с включениями белоглазки;

1,15 м и ниже — супесь зеленовато-серого цвета.

По определению Н.П. Герасименко, осмотревшей разрез на месте раскопа, находки залегают в кровле причерноморского лессовидного суглинка.

Планиграфия

Кремневые изделия концентрировались в основном в пределах четырех скоплений. Скопление в кв. ЕЖ-3–4–5 (рис. 1В) самое значительное по размерам и по количеству расщепленного кремня. Скопление имеет вытянуто-овальную форму с четкими внешними границами, ориентировано по линии ЮВ-СЗ. Размеры 2,2×1,8 м. Кремни залегают в виде плотной линзы. В поперечном сечении верхняя граница скопления имела слабовыраженный линзовидный профиль. В нижней части четко прослеживался — «карман» (ямка). Максимальная мощность в центральной части 0,25 м, к периферии убывает до 5–7 см (рис. 1А). Среди находок абсолютно доминируют производственные отходы,

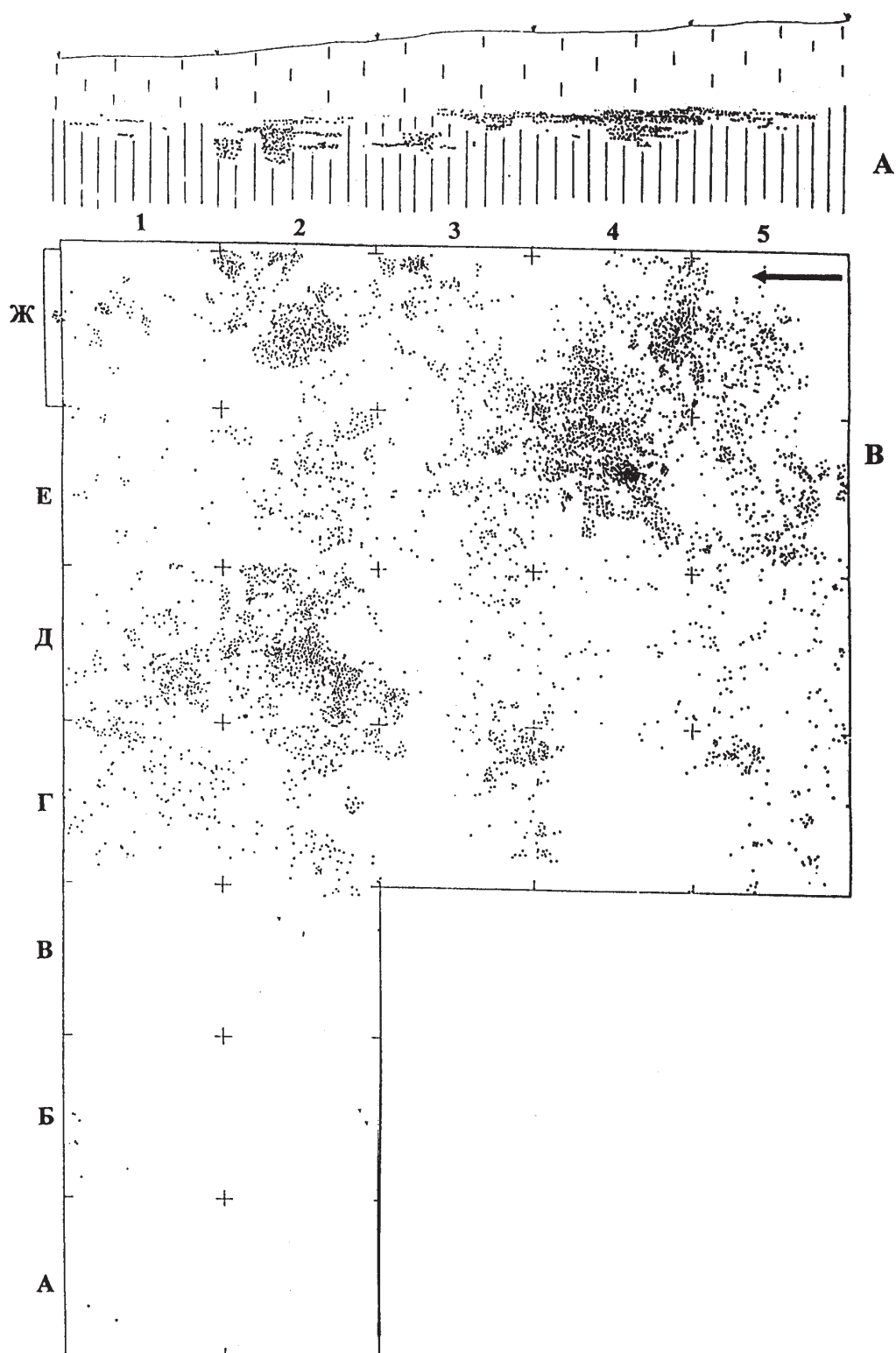

Рис. 1. А, В — профиль и план распределения кремневых изделий мастерской Новоклиновка II

связанные с первичной обработкой кремневых конкреций и изготовлением призматических нуклеусов.

Скопление в кв. Д-1. Размеры 0,5×0,4 м. В плане имело округлую форму. Содержало продукты первичного расщепления крупной кремневой конкреции (крупные первичные и полупервичные отщепы), в центре находился кремневый отбойник со следами интенсивной звездчатой забитости (рис. 1В).

Скопление в кв. Д-2–3 (яма). Размеры 0,9×0,5 м. В плане — подпрямоугольных очертаний. В профиле имела V-образную форму и опускалась до глубины 0,9 м от поверхности. Яма сплошь забита отходами производства, среди которых преобладали продукты расщепления, связанные с изготовлением и начальными стадиями расщепления призматических нуклеусов (рис. 1В). Кроме того, в верхней части скопления зафиксированы фрагменты рога со следами обработки.

Скопление в кв. Ж-2 (ямка). Размеры 0,6×0,45 м. В плане вытянуто-овальное, в профиле колоколообразной формы, опускалось до глубины 0,7 м. Была заполнена отходами первичной обработки кремневых конкреций (рис. 1В).

Сырье

В качестве сырья использовался меловой кремнь, повсеместно встречающийся в окрестностях мастерской. Ситуация, когда кремневые конкреции образуют компактные прослои в осадочных отложениях третичного и четвертичного возраста, явление, достаточно распространенное в районе исследования. Разрушение и размыв вмещающих меловых пород создавали предпосылки для последующего переотложения (включения) кремневых конкреций в более молодые геологические структуры. Представлены две основные разновидности кремня: преобладающий темно-серый стекловидный очень высокого качества, с характерными точечными включениями недоокремненного вещества и светло-серый непрозрачный, с более грубозернистой структурой и крупными известковистыми включениями. Встречается в виде обломков и конкреций различной конфигурации. Размеры отдельностей варьируют от мелких (5×4 см)

до крупных (25×16 см). Новоклиновский кремнь очень диагностичен. По структуре, качеству, форме и размерам конкреций, характеру первичной корки он значительно отличается от кремня, выходы которого имеются в районе пос. Родники в 2,5 км от мастерской и собственно от разновидности сырья, эксплуатировавшегося обитателями Амвросиевской стоянки. Здесь, так же как и в Новоклиновке, использовался кремнь, находящийся во вторичном залегании, непосредственно в пределах зоны обитания. В материалах мастерской зафиксирован всего один случай использования нетрадиционного для района исследования сырья. Это экземпляр призматической пластины, осмотренный по предложению автора канд. геол.-мин. наук В.Ф. Петрунем. Пластина изготовлена из непросвечивающей даже в тонких микроскопах, черной, сложенной кремнеземом (режет стекло, сталью не царапается, но мягче берилла с твердостью 8 единиц по шкале Мооса) породы с полужирным блеском и небольшим реликтом мелкобугристой желвачной корки, судя по отсутствию «псевдоперлитовости», типичной для галек не аллювиального, а элювиального генезиса. Излом субволнисто-полураковистый, отчасти с микрозанозистым рисунком. Патины, типичная для местного кремня, отсутствует. Судя по агрегатному показателю преломления и другим кристаллооптическим параметрам (двупреломление, характер погасания, участковая собирательная перекристаллизация) порода имеет кварц-холцедоновый состав и, таким образом, относится к кремнистым. Однако по сумме признаков это не осадочно-дегенетическая порода, как местные халцедоновые кремни, а, скорее всего, остаточное инфильтрационное новообразование предположительно из коры выветривания кристаллических пород Украинского щита, ближайшие выходы которого располагаются в 40–50 км к западу от Новоклиновки II. В целом, по мнению В.Ф. Петруни, сырье пластины в первом приближении можно считать западным и, скорее всего, остаточное-инфильтрационным по генезису. Однако для категорических выводов необходимы дополнительные исследования (Петрунь, 1995). С археологической точки зрения сырье пригодно для обработки практически в любой из существовавших в каменном

веке технологий, хотя по своим пластическим свойствам значительно уступает местному меловому кремню.

Характеристика кремневого комплекса

Комплекс кремневых изделий Новоклиновки II демонстрирует полный цикл производства, связанного с изготовлением призматических нуклеусов и частичного их расщепления с целью получения пластин. Последняя стадия представлена незначительно. Обработанный кремнь отличается хорошей сохранностью. Поверхность изделий патинирована. Патина контрастная, от голубой до плотной молочной. Противоположная поверхность часто покрыта интенсивным кальцитовым налетом.

Этап первичного отбора и апробации сырья представлен большим количеством конкреций, кусков кремня со следами предварительной оббивки.

В рамках технологической традиции нуклеусного расщепления Новоклиновки II можно выделить три варианта:

а) объемные, односторонние, одноплощадочные нуклеусы (рис. 2, 5). В качестве заготовок использовались объемные конкреции вытянуто-овальной или подцилиндрической формы. Поперечными сколами формировались черновые отбивные площадки, с которых без предварительной подготовки производились продольные снятия, формировавшие первичную призматическую огранку. В другом случае подготовка начиналась с формирования краевых реберчатых участков и лишь затем поперечной отбивной площадки;

б) двуплощадочные односторонние с поперечной подтеской тыльной стороны (рис. 2, 2–3; рис. 3, 2) и близкие к ним двуплощадочные торцовые (рис. 2, 1). Заготовками служили подпрямоугольные или подтрапцевидные в плане конкреции. Поперечной оббивкой дополнительно моделировались два продольных края, после чего формировалась поперечная отбивная площадка, с которой производилось снятие одного из продольных краевых участков. Затем расщепление переносилось на другую уплощенную сторону заготовки. При этом второе ребро оказывалось незадействованным и после подправки превращалось в тыльное. Вторая противоположная отбивная площадка появляется,

как правило, уже на стадии целевого расщепления нуклеуса для борьбы с заломками, часто возникавшими в процессе снятия пластин, либо для формирования специфического конвергентного окончания пластины, представлявшего собой естественное перо наконечника (Желтова, 1994, с. 183);

в) конические и карандашевидные (рис. 3, 1). Базовой преформой являлись подтрапцевидные или подпрямоугольные в плане конкреции или обломки кремня с двумя продольными боковыми ребрами. Они могли быть частью первичной морфологии и требовать незначительной дополнительной подправки, или же подобные параметры создавались намеренно посредством формирования краевых реберчатых участков серией моделирующих поперечных снятий (рис. 3, 3). В коллекции присутствуют соответствующие краевые односторонне-реберчатые и двусторонне-реберчатые сколы.

Следует заметить, что если первые два варианта технологии расщепления нуклеусов бесспорно базируются на ударной технике скола, то в последнем случае использовалась техника скола, в основе которой был ручной отжим.

Типологически выразительные орудия представлены в материалах мастерской единичными образцами. Среди них замечательный образец свидерского иволлистого наконечника с интенсивной плоской подтеской базисной части и пера. Наконечник снят с типичного двуплощадочного нуклеуса. Это хорошо видно по остаточным негативам огранки на дорсальной поверхности изделия (рис. 4, 1).

Резцов — три экземпляра: срединный на массивной пластине (рис. 4, 2) и два угловых поперечно-ретушных на отщепках (рис. 4, 3, 6). Скребки невыразительные, атипичные. Один экземпляр концевой на крупном первичном отщепе (рис. 4, 4), второй — двойной конце-боковой в смежных плоскостях на массивном обломке высокой формы (рис. 4, 7). Выразительны экземпляры проколов, в обоих случаях изготовленные на краевых реберчатых сколах. В одном случае (рис. 4, 5) жальце выделено мелкой краевой ретушью со стороны вентральной поверхности изделия, в другом (рис. 4, 8) — рабочую часть подчеркивает видная невооруженным глазом ретушь утилизации.

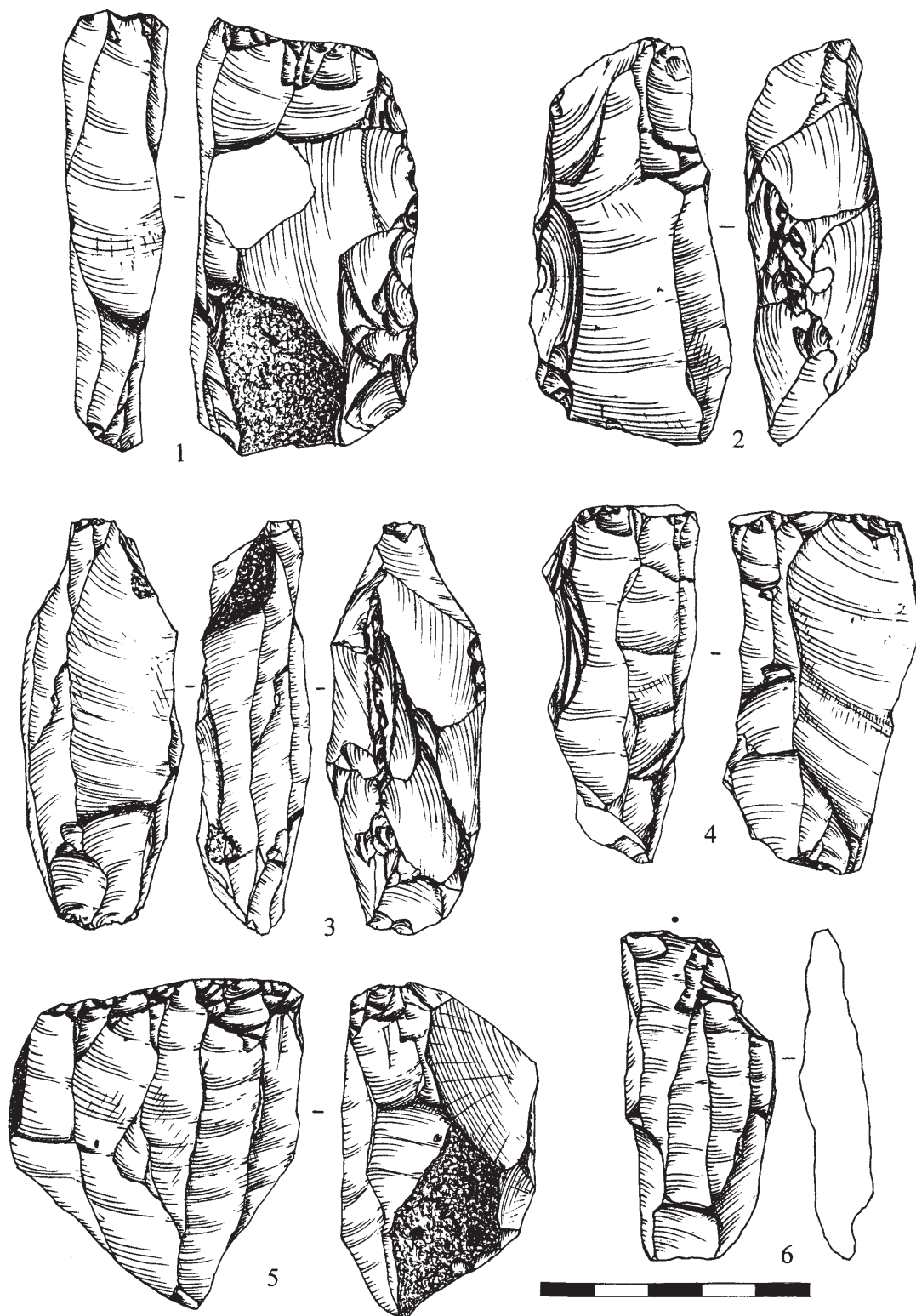

Рис. 2. Новоклиновка II. Кремневые изделия

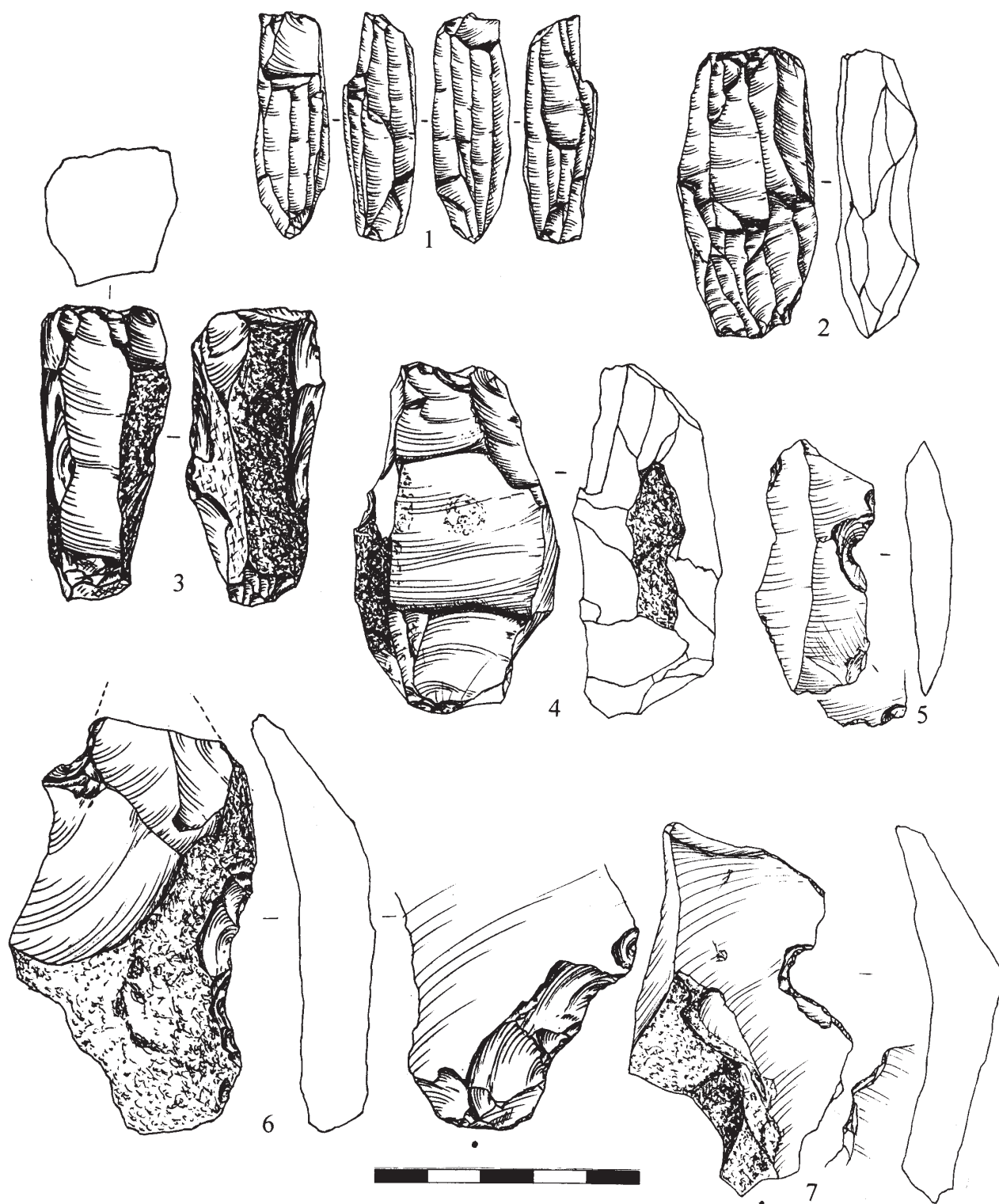

Рис. 3. Новоклиновка II. Кремневые изделия

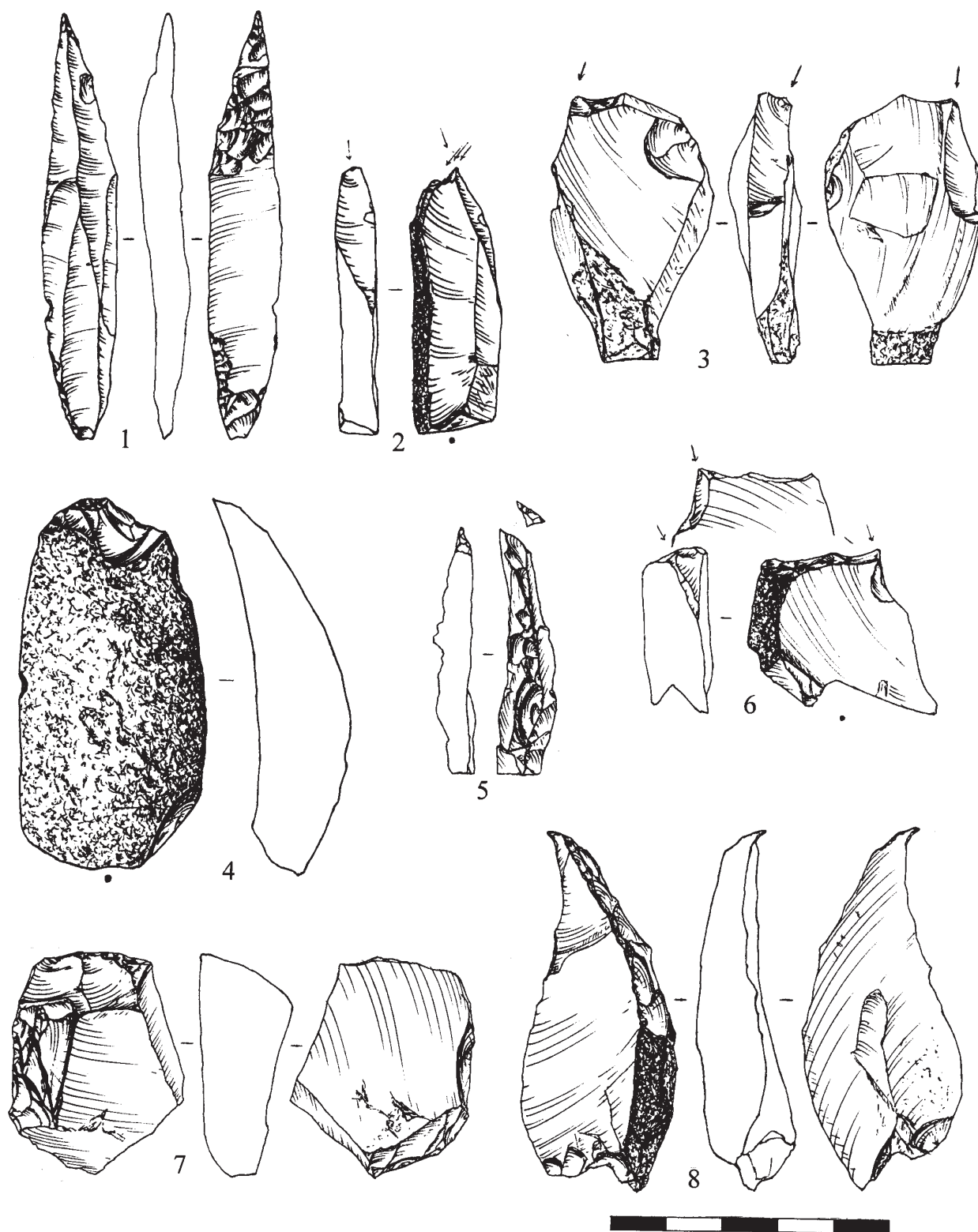

Рис. 4. Новоклиновка II. Кремневые изделия

Наиболее массовую категорию изделий с вторичной обработкой составляют различные отщепы и пластины с выемками и участками нерегулярной ретуши (рис. 3, 5–7).

Среди прочих находок заслуживает внимания фрагмент какого-то рогового орудия (рис. 5). По предварительным определениям к.б.н. А.В. Старкина (отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАНУ), изделие выполнено из рога мужской особи северного оленя (*Rangifer tarandus*). Фрагмент состоялся из нескольких обломков. Размер $5,8 \times 1,8 \times 1,0$ см. Изделие уплощенной формы, один конец обломан, другой имеет закругленную форму со следами залощенности (определение к.и.н. А.Н. Усачука (отдел археологии ДОКМ)).

Рис. 5. Новоклиновка II. Фрагмент орудия из рога северного оленя

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новоклиновка II является типичной мастерской для производства нуклеусов и, возможно, в незначительной степени пластин. Планиграфически это, по всей видимости, объект, состоящий из ряда обособленных кремневых скоплений со слабовыраженным хозяйственно-бытовым комплексом. Этому не противоречат и результаты исследований П.И. Борисковского 1950-х годов.

При определении культурно-хронологического положения памятника до получения результатов споро-пыльцевого анализа можно отталкиваться лишь от имеющихся технико-типологических данных. Присутствие в материалах мастерской типичного свидерского иволистого наконечника с плоской подтеской и характерных двуплощадочных нуклеусов с тыльным ребром указывает на то, что наиболее вероятные параллели Новоклиновской мастерской следует искать в материалах памятников свидерского круга. По распространенной схеме иволистые наконечники по аналогии с таковыми в позднесвидерских памятниках Польши принято датировать концом Дриаса III (Schild, 1975, p. 258–338; Залізняк, Яневич, 1987, с. 11–12; Janević, 1999). Возможно, наличие карандашевидных и конических нуклеусов в материалах мастерской дополнительно может конкретизировать (сузить) круг аналогий. Аналогичное сочетание технологий

нуклеусного расщепления известно нам в материалах стоянок Украинского полесья, таких как Березно 6, Прибор 13А, 13Г, 13Е, 13Ж (Залізняк, 1989, с. 20–40, 71, 78, 83; Ступак, 1999, с. 22–24) и Крыма Сюрень II, нижний сл. (Векилова, 1961, с. 143–149).

Новоклиновка II занимает промежуточное положение между этими двумя ареалами распространения традиций свидерского технокомплекса. По всей видимости, мастерская у х. Новоклиновки является кратковременным транзитным пунктом пополнения запасов кремня, оставленным какой-то небольшой мобильной группой финальнопалеолитических людей. Трудно предположить само направление движения, хотя, учитывая климатические условия в Дриасе III, препятствий для продвижения в южном направлении не было, т.к. Азовское море в это время отсутствовало, а его место занимали континентальные пространства (Гричук, 1982, с. 108, карта 11). Пока, опираясь на имеющийся у нас материал, подобная культурно-хронологическая интерпретация мастерской Новоклиновки II кажется наиболее целесообразной.

Исходя из вышесказанного вряд ли можно говорить и о какой-либо связи Новоклиновской мастерской с Амвросиевским позднелеполитическим комплексом.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисковский П.И.* Палеолит Украины // МИА. № 40. М.; Л., 1953. С. 362–368.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д.* Палеолит Днепра и Приазовья // САИ. Вып. А 1–5. М.; Л., 1964. С. 25.
- Векилова Е.А.* К вопросу о свидерской культуре в Крыму // КСИА. № 82. М.: Наука, 1961. С. 143–149.
- Гричук В.П.* Растительность Европы в позднем плейстоцене // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография. М.: Наука, 1982. С. 108, карта 11.
- Желтова М.Н.* Некоторые технолого-морфологические характеристики наконечников свидерского облика // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994. С. 182–187.
- Зализняк Л.Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наук. думка, 1989.
- Зализняк Л.Л., Яневич А.А.* Свідерські мисливці Гірського Криму // Археологія. 1987. № 60. С. 10–12.
- Павлова К.В.* Раскопки кремневой мастерской у хут. Новоклиновки в Приазовье // КСИИМК. Вып. LVIII. Л., 1952. С. 51–55.
- Петрунь В.Ф.* Краткое макро-иммерсионное заключение о нестандартном породном составе и возможном происхождении высокой ножевидной пластины с трапиевидным поперечным сечением из коллекции финальнопалеолитической мастерской Новоклиновка II в Амвросиевском районе Донецкой области: Письмо от 30 октября 1995 г., Одесса.
- Ступак Д.В.* Технології розщеплення кременю свідерської культури Українського Полісся за аналізом нуклеусів // Vita antiqua. 1999. № 2. С. 22–24.
- Schild R.* Pozny paleolit // Prahistoria ziem Polskich. Paleolit I mesolit. Warszawa, 1975. T. 1. P. 258–338.
- Janevic A.* Das Swiderien der Krim // Tanged points in Europe. Libeiskie materialy archeologiczne. T. XIII. Lublin, 1999. S. 36–46.

*А. А. Леонова*¹

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АНЕТОВКА 2

Leonova A.A. Bone industry from Anetovka 2 Upper Palaeolithic site

Raw materials for the bone industry of the upper palaeolithic site of Anetovka 2. Article discusses the manufacture of bone and antler tools on the Upper Paleolithic site of Anetovka 2. Description of used raw materials — namely reindeer antler rods — is presented in the paper. Data concerning statistics and morphology of antler fragments are also presented and accompanied by the evaluation of degree of utilization and spatial distribution of the material under discussion.

Общеизвестна значимая роль изделий из кости, рога и бивня в хозяйственной деятельности позднелепалеолитического человека. Они использовались наряду с каменными изделиями в качестве оружия и орудий труда. Наиболее популярным поделочным материалом, особенно в раннюю пору позднего палеолита, выступают бивни мамонта. Этот материал обладал большой плотностью и твердостью в сочетании со значительной упругостью, что позволило человеку очень рано оценить эти качества (Хлопачев, 2006; Хлопачев, Гиря, 2010).

Достаточно широко и повсеместно на памятниках позднего палеолита в качестве сырьевой базы для костяных изделий выступает и рог северного оленя. Этот материал обладает качествами, близкими к бивню, то есть достаточной твердостью и эластичностью (Хлопачев, Гиря, 2010). Поэтому особенно к концу позднего палеолита, когда охота на северного оленя приобретает большое значение

в жизни человека, рога этих животных широко утилизируются для всевозможных изделий.

К сожалению, в связи с различными тафономическими особенностями и плохой сохранностью фаунистического материала мы не всегда можем проследить этот элемент материальной культуры. В большинстве своем исследователь имеет дело прежде всего с набором орудий труда, который состоит из предметов охотничьего вооружения (наконечников копий, дротиков, стрел), кремневых орудий, необходимых для охоты или изготовления костяных или деревянных изделий, а также инструментов, предназначенных для обработки охотничьей добычи.

В настоящее время исследовано большое количество памятников каменного века, в культурном слое которых фиксируется высокий уровень косторезного мастерства позднелепалеолитического населения. Однако для степной зоны юга Восточной Европы этого времени Анетовка 2 является едва ли не единственным поселением, в производственной структуре которого фиксируются археологи-

¹ Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья ИА НАНУ, г. Одесса, Украина.

ческие находки, связанные с костеобрабатывающей индустрией.

Археологический материал коллекции был получен в ходе многолетних раскопок позднелитического поселения Анетовка 2. Памятник расположен на правом берегу реки Бакшалы у с. Анетовка Доманевского района Николаевской области. Памятник был открыт в 1978 г. Причерноморской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.Н. Станко. Поселение привязано к мысу 2-й надпойменной террасы на юго-западной окраине села (Станко и др., 1979, с. 29).

Выводы и умозаключения, содержащиеся в данной статье, базируются на изученном фактическом материале, полученном в ходе раскопок В.Н. Станко 1978–1991 гг., информации, содержащейся в отчетах о работе Причерноморской экспедиции в 1978–1991 гг., и личных наблюдениях автора статьи в ходе участия в археологических раскопках Анетовки 2 в период с 1997 по 2005 г. На данный момент коллекция анетовского археологического материала разделена и находится в фондах Одесского археологического музея НАНУ и в помещениях учебно-методической *лаборатории археологии и этнографии* степной Украины исторического факультета ОНУ им. И.И. Мечникова.

Методика раскопок, применяемая на Анетовке 2, на протяжении всего периода несколько раз менялась. Так, в первые годы раскопок снятие грунта на глубину до 1,05 м производилось лопатами, отбор находок фиксировался послойно (25 см) без нанесения данных на план. На глубине 1,05 и более площадь разбивалась на метровые квадраты, и грунт снимался ножом с четкой фиксацией находок на плане (Станко и др., 1980, с. 43). Основная толща культурного слоя подразделялась на условные горизонты. Первоначально выделялись два горизонта снятия, в 1985–1986 гг. количество условных горизонтов выросло до 10, однако высота горизонтов, а следовательно, и их количество было плавающим (Станко и др., 1987, с. 74). Высота условного горизонта лишь в 1990-х годах оформилась в норму снятия — 5 см. Начиная с 1986 г. стала применяться методика промывки грунта. Первоначально ею пользовались на выборочных

участках, а с 1992 г. методика промывки внедряется на постоянной основе.

В первые же годы В.Н. Станко отмечал, что археологический материал фиксируется по всей толще земляного покрова. Перерыва или стерильной прослойки проследить не удалось, однако насыщенность находками разных литологических горизонтов различна. Было зафиксировано отличие в динамике накопления кремня и кости. Так, если кремневый материал встречается во всех литологических слоях, постепенно увеличивая свою концентрацию, то фаунистические находки в основной своей массе фиксируются на глубине 0,95–1,25 м, образуя четко читаемые скопления. В более высоких горизонтах кости встречаются значительно реже и представлены небольшими неопределимыми обломками (Станко и др., 1980, с. 43).

Неоднократно отмечался автором раскопок и характер сохранности культурного слоя. Его взвешенность, по словам В.Н. Станко, указывает и на существенную роль разрушительного фактора. Еще в древности значительная часть фауны и кремня потерпели перемещения из-за длительного влияния водных потоков. Археологические находки перемещались как по вертикали, так и по горизонтали. Большой процент раскопанной территории показывает сильную размытость ливневыми потоками, которые изрезали памятник по всей площади промоинами и замоинами разной глубины, от 10 до 40 см. Огромное количество кротовин также в значительной степени усложнило процесс фиксации и пространственной интерпретации материала (Станко и др., 1984, с. 138; Станко и др., 1985, с. 28).

Еще одной отличительной чертой поселения Анетовка 2 В.Н. Станко считал пространственное накопление артефактов. Первые годы исследований были связаны с изучением восточной части памятника. Начиная с 1978 г. по 1984 г. исследовалась территория вдоль линии восточного оврага. Постепенно площадь раскопа увеличивалась за счет прирезок с севера и юга. Восточный участок раскопа характеризуется наличием мощного скопления кремня и фауны. По функциональному назначению предположительно можно выделить производственные места (где происходило изготовление орудий труда и охотничьего снаряжения, разделка

туш животных) и ритуальное место (Станко, 1999, с. 322–325). Выделение «ритуального места» определяется фаунистическим комплексом, представленным челюстями бизона, выложенными в круг, в центре которого располагались головы бизонов. Площадка вокруг данного комплекса, как и сами кости, были густо посыпаны красной охрой (Станко и др., 1984, с. 138). В 1984 году были сделаны прирезки на западной стенке раскопа. Открытые площади выявили 23 локальных скопления кремня и фауны (Станко и др. 1992, с. 10–23). Второй комплекс анетовского поселения, расположенный на западной окраине, характеризуется небольшим процентом находок по сравнению с первым, восточным комплексом. «Микроскопления» также отличаются малой плотностью распределения находок, как кремня, так и фауны, на квадратный метр (Станко, 1993, с. 4–8). С 1992 г. и по настоящее время раскопки концентрируются на северном участке восточного комплекса.

Сырьевой основой для костяной индустрии памятника Анетовка 2 является рог северного оленя *Rangifer tarandus L.* Почти все предметы из анетовской коллекции костяных изделий выполнены из этого материала. Исключениями служат несколько поделок — наконечники из метаподий лошади (*Equus latipes Grom.*) и подвеска из зуба медведя (*Ursus sp.*) (Станко и др., 1989). По данным палеозоолога А.В. Старкина, фауна поселения представлена 23-мя млекопитающими, в частности пятью видами копытных (Белан, 1983, с. 20–26; Старкин, 2001). И хотя в коллекции присутствуют изделия, выполненные из разных костей, использование в качестве основной сырьевой базы сохраняется за роговыми штангами северного оленя. Достаточно иллюстративным является тот факт, что основным промысловым охотничьим видом для жителей Анетовки 2 был бизон (*Bison priscus deminutus Grom.*), но костяные изделия изготавливались в основном из рогов северного оленя. Планиграфическая структура памятника фиксирует локальные зоны разделки туш бизонов, представленные большим количеством костяного материала (Станко, 1989а, с. 216–218; Станко, 1989б). Тем не менее в костяной индустрии этот материал не использовался. В свою очередь северный олень

Rangifer tarandus L. представлен на памятнике сброшенными роговыми штангами разной степени сохранности, несколькими рогами с фрагментами черепа. Также на поселении присутствуют части посткраниального скелета, позволившие определить восемь особей (Старкин, 2008, с. 54–70). Эти факты свидетельствуют об узкой направленности в выборе сырьевой основы для производства.

Уникальность Анетовки 2 заключается в присутствии в хозяйственно-бытовой структуре памятника составных элементов костеобрабатывающей индустрии: наличие сырья для изготовления орудий, фрагментированные части рога со следами утилизации и непосредственно сами изделия (Леонова, 2001, с. 159–171; Леонова, 2011, с. 149–158). Места локализации артефактов позволили выделить рабочие участки, связанные с процессом обработки рога северного оленя и изготовлением изделий.

Дадим общую характеристику каждого из этих элементов.

Фактически с первого года археологических работ на анетовском поселении начала собираться коллекция изделий из кости. Сегодня коллекция изделий из кости большая и разнообразная. К сожалению, сама коллекция до сих пор не была полностью обработана и опубликована. В рамках данной статьи мы ограничиваемся общей информацией о характере и составе охотничьего инвентаря и орудий труда.

Костяной инвентарь представлен во всех хозяйственных сферах позднелептостеинской жизнедеятельности анетовских охотников. Однако подавляющее количество изделий относится именно к охотничьему промыслу (Станко и др., 1989). Это наконечники стрел, копий, острия. Общее количество находок, относящихся к охотничьему инвентарю, более 600 изделий. В большинстве своем изделия фрагментированы. Значительная часть приходится на категорию «фрагменты наконечников», представленную сериями средней части изделия, без верхнего и нижнего конца. Далее следует группа изделий, состоящая из оснований наконечников и острий. Замыкают ряд изделий охотничьей специализации стрелки и острия-спицы (Станко и др., 1984, с. 138) (рис. 1).

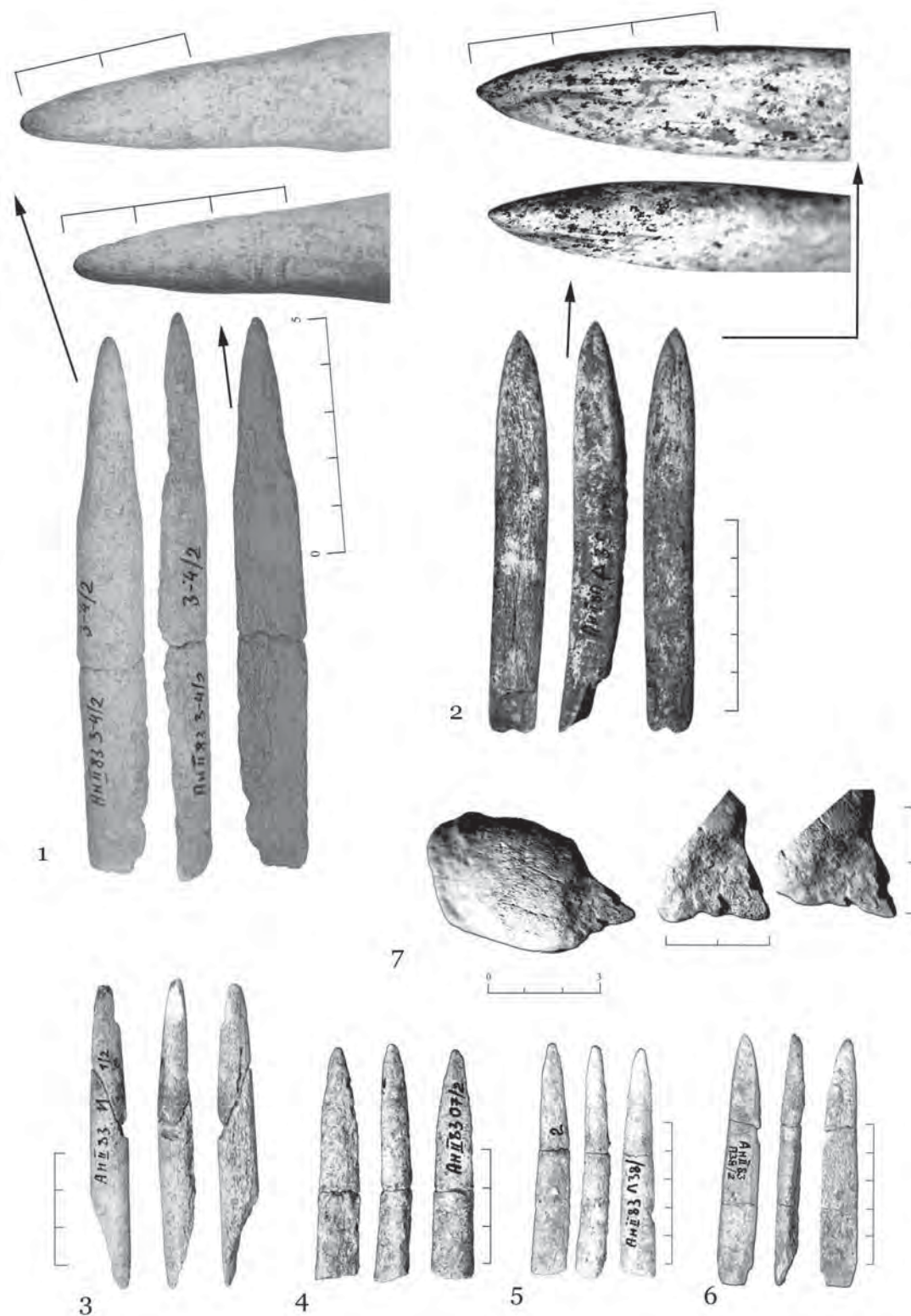

Рис. 1. Костяной инвентарь Анетовки 2: 1–2 — наконечники, 3–6 — стрелки, 7 — проколка

Г.В. Григорьева, рассматривая костяные изделия разнокультурных и разновременных памятников в пределах позднего палеолита Юго-Запада Восточной Европы, выделила группы памятников, содержащие схожие типы костяных изделий (Григорьева, 1989, с. 59–61). В частности, анализируя типы наконечников, она отмечает сходство ряда анетовских наконечников копий с находками из других памятников. Так, выделяя беспазовый тип наконечников, она объединяет в одну группу изделия «с заостренными обоими концами» из Анетовки 2, Косоуц и Молодовских стоянок и изделия «со скошенным основанием» из Анетовки 2 и Косоуц. Следующий тип — пазовые наконечники, где анетовские изделия представлены в группе «четырёхпазовых». Тут они находят аналогии с изделиями из Молодово V (3-й культурный слой). Также автор отмечает отсутствие в Анетовке 2 однопазовых и двухпазовых наконечников, часто встречаемых в Рашково VII, Амвросиевке, Косоуцах, Молодовских стоянках, Кормань IV (5а культурный слой).

При рассмотрении планиграфии распределения охотничьего вооружения на памятнике Анетовка 2 мы пришли к выводу, что все эти изделия привязаны к восточному комплексу поселения. Основная часть изделий концентрируется в секторах, связанных с эпицентром макроскопления, постепенно рассеиваясь в юго-восточном и северном направлениях.

Орудия бытового назначения — ложила, проколки, иглы, молотки и т.д. — также широко представлены в перечне костяных изделий анетовского поселения. Некоторые группы изделий формируют серии, как, например, ложила или проколки. Общее количество идентифицированных вещей приравнивается к 100. Однако кроме этих определенных предметов обихода также были обнаружены изделия со следами обработки и утилизации, однако их функциональное назначение так и осталось без объяснений. Яркими примерами может послужить роговая штанга с оформленным овальным отверстием. Отверстие располагается в верхней части, на уровне примерно 2/3 от общей длины роговой штанги. Отверстие не содержит следов использования или заполировки, само же тело роговой

штанги сильно заглажено. Размеры отверстия 1,4×0,9 см с заметным расширением к внутренней части рога (рис. 2, 16).

В отличие от изделий, связанных с охотничьим вооружением, орудия труда встречаются в культурном слое как восточного, так и западного комплекса. Изделия не формируют четких скоплений и полностью повторяют динамику накопления и соотношения других групп артефактов на памятнике. На западном комплексе единично разрозненное расположение, и, вполне вероятно, орудия использовались в процессе разделки туш бизонов и обработки шкур. На восточном макрокомплексе предметы бытовой направленности, так же и как изделия охотничьего вооружения, формируют единый массив.

Для более детального анализа костного инвентаря необходимо привлечение трасологических данных, которые позволят в огромном количестве предметов рабочего обихода и охоты выделить узкоспециализированные группы, определить степень утилизации. Привлечение трасологических данных помогло бы и в решении вопроса, связанного непосредственно с процессом изготовления костяных изделий. В огромном количестве фрагментов рога северного оленя, присутствующих на памятнике, а это более 800 единиц, необходимо определить степень утилизации и сработанности артефактов.

Следует отметить, что, во-первых, в процессе обработки коллекции проводилась склейка и ремонт рога, во-вторых, в рамках данной работы мы не учитывали фрагментированные рога, длина которых была менее 2 см, а также материал, происходящий из промывки культурного слоя. В результате склейки и ремонта количество материала сократилось с более чем 800 фрагментов до 638. Это разрозненные фрагменты разной длины и сохранности (Леонова, 2002, с. 52–53).

Для удобства анализа мы подразделили рог северного оленя на морфологические или составные части: 1) основание рога, зона от «розетки» до отростка второго уровня — ледового отростка. Эта часть рога относится к так называемой группе «пенек»; 2) центральная часть роговой штанги; 3) концевые фрагменты рога. Эта группа включает

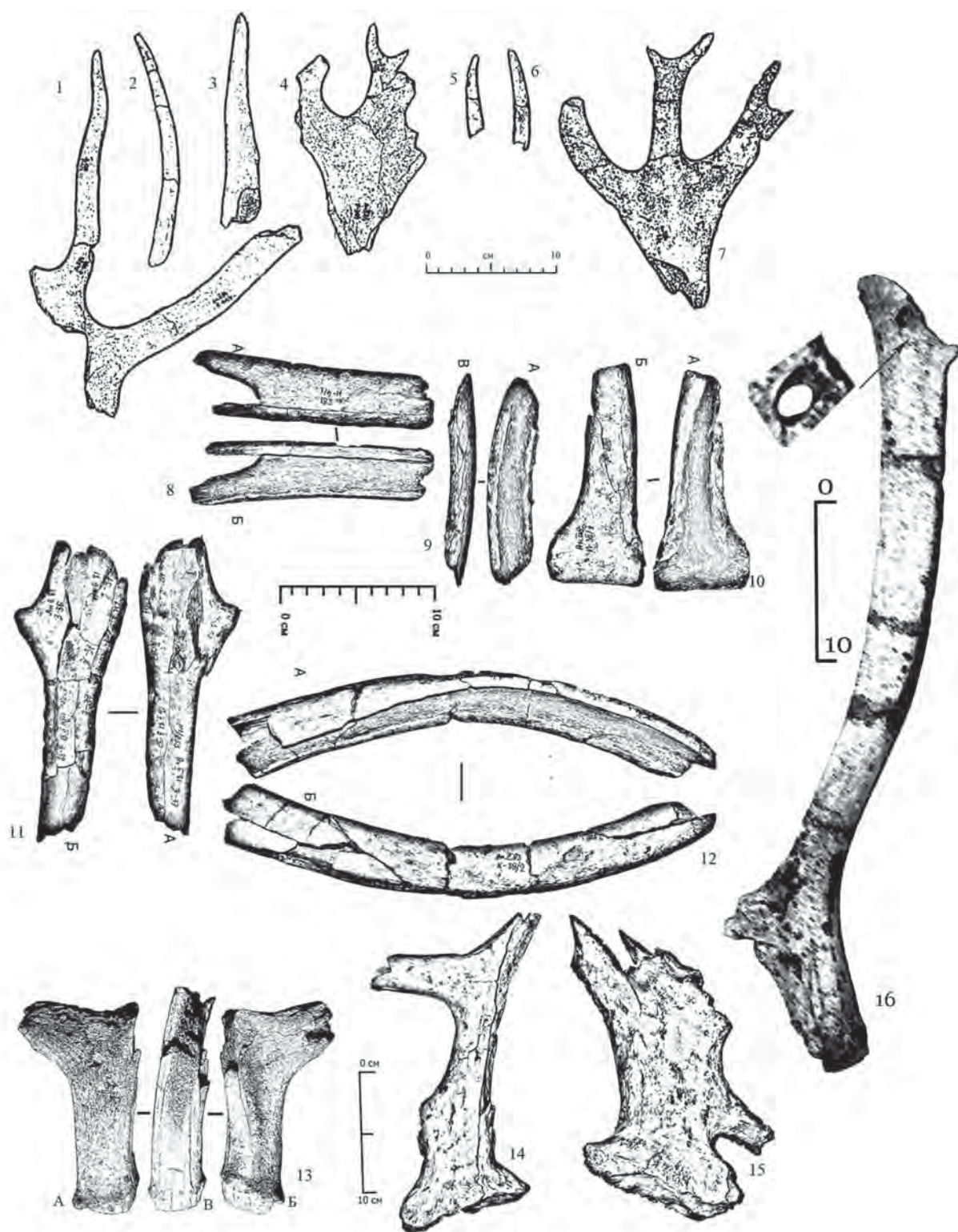

Рис. 2. Морфологические группы частей рога северного оленя: 1–7 — концевые фрагменты рога, 8–12 — центральная часть роговой штанги, 13–15 — основания рога «пенек», 16 — роговая штанга с прорезанным овальным отверстием

в себя лопатки с концевыми отростками, завершающими основной роговой ствол и первый глазной отросток (Леонова, 2001, с. 159–171) (рис 2, 1–15).

Сырьевая ценность составных частей рога разная. Так, основание рога могло служить основой для изготовления молотковидных изделий, широко известных на памятниках палеолита. Центральная часть роговой штанги была пригодна для изготовления практически любого изделия как из цикла охотничьего вооружения, так и хозяйственно-бытовой направленности. Концевые фрагменты рога наименее прочный материал. Они могли использоваться для мелких поделок.

Археологическая коллекция фрагментов рога северного оленя Анетовки 2 содержит все морфологические части рога. Присутствие всех составных частей дает возможность предположить, что все этапы изготовления костяного инвентаря, процесс обработки рога происходили в границах поселения. Количественное соотношение морфологических частей на памятнике выглядит следующим образом.

Составные части рога	Количество	%
Пенек	105	16
Центральная часть роговой штанги	362	57
Концевые фрагменты	171	27
Итого было идентифицировано по группам	638	100

Для определения общего количества роговых штанг взято количество оснований рога. Мы можем говорить о том, что на памятнике было найдено не менее 105 роговых штанг. Однако, скорее всего, количество принесенного сырьевого материала было больше.

На памятнике присутствуют практически целые роговые штанги и роговые штанги с отчлененными надглазничными отростками. Коллекция включает в себя роговые штанги с пропилами, заготовки для вырезки одного, двух и более наконечников. Прослеживаются разные техники подготовки роговой штанги к обработке. Например, с сохранением или отделением основания рога, разная методика от-

деления отростков. Таким образом, археологический материал отражает разные стадии изготовления изделий (Леонова, 2011, с. 149–158) (рис. 3, 4).

Наглядно иллюстрируются приемы, связанные с отчленением основания рога. Коллекция содержит ряд фрагментов оснований рога, обломанный край которых имеет неровный, «рваный» торец. Мы предполагаем, что основание рога случайно отламывалось в ходе вырезания и извлечения изделий, выполненных из центральной части роговой штанги (рис. 4).

В иных случаях основание рога аккуратно отчленялось от ствола посредством нанесения мелких, направленных друг к другу встречных ударов. Таким образом оформлялось углубление, которое опоясывало роговую штангу в месте планируемого слома. Этот прием фиксируется чаще всего. Выявить закономерность в выборе местоположения «планируемого слома» на роговой штанге не удалось. Вероятнее всего, целенаправленное отчленение основания рога определялось необходимостью получения конкретной, специальной заготовки (рис. 4).

Степень утилизации фрагментов рога различна. Некоторые роговые штанги использованы частично. Большая часть их поверхности не несет на себе следов подготовки для дальнейшего использования. Иные фрагменты максимально сработаны. Наличие на поселении роговых штанг без следов обработки свидетельствует прежде всего о существовании традиции запасаения и складирования сырья впрок.

Анализ соотношения степени утилизации составных частей рога показал, что наиболее востребованными оказались основания рога и центральная роговая часть. Высокий процент «дополнительной утилизации» подтверждает их сырьевую ценность. С учетом этих особенностей материала становится очевидным, что распределение и соотношение морфологических частей рога на площади раскопа указывает на соответствующую производственную динамику.

Выше мы затрагивали вопрос производственных комплексов анетовского поселения. Разница в накоплении культурных остатков для двух участков, западного и восточного, прослеживается для всех групп артефактов. Фрагменты рога северного

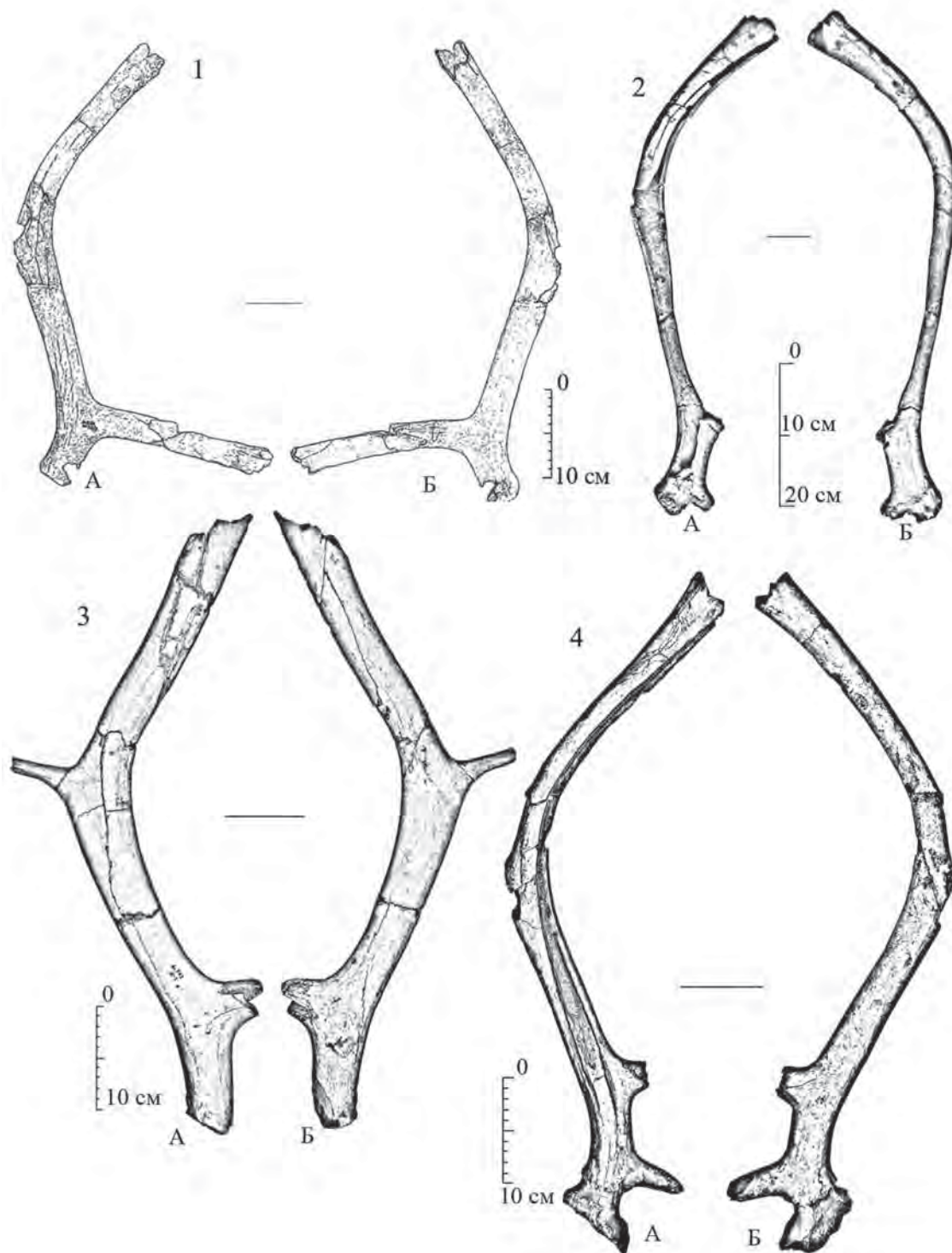

Рис. 3. Роговые штанги северного оленя: 1 — целая роговая штанга, 2, 4 — роговые штанги с пропилами, заготовки для вырезания одного, двух и более наконечников, 3 — роговая штанга с отчлененным надглазничным отростком (отросток 1-го порядка)

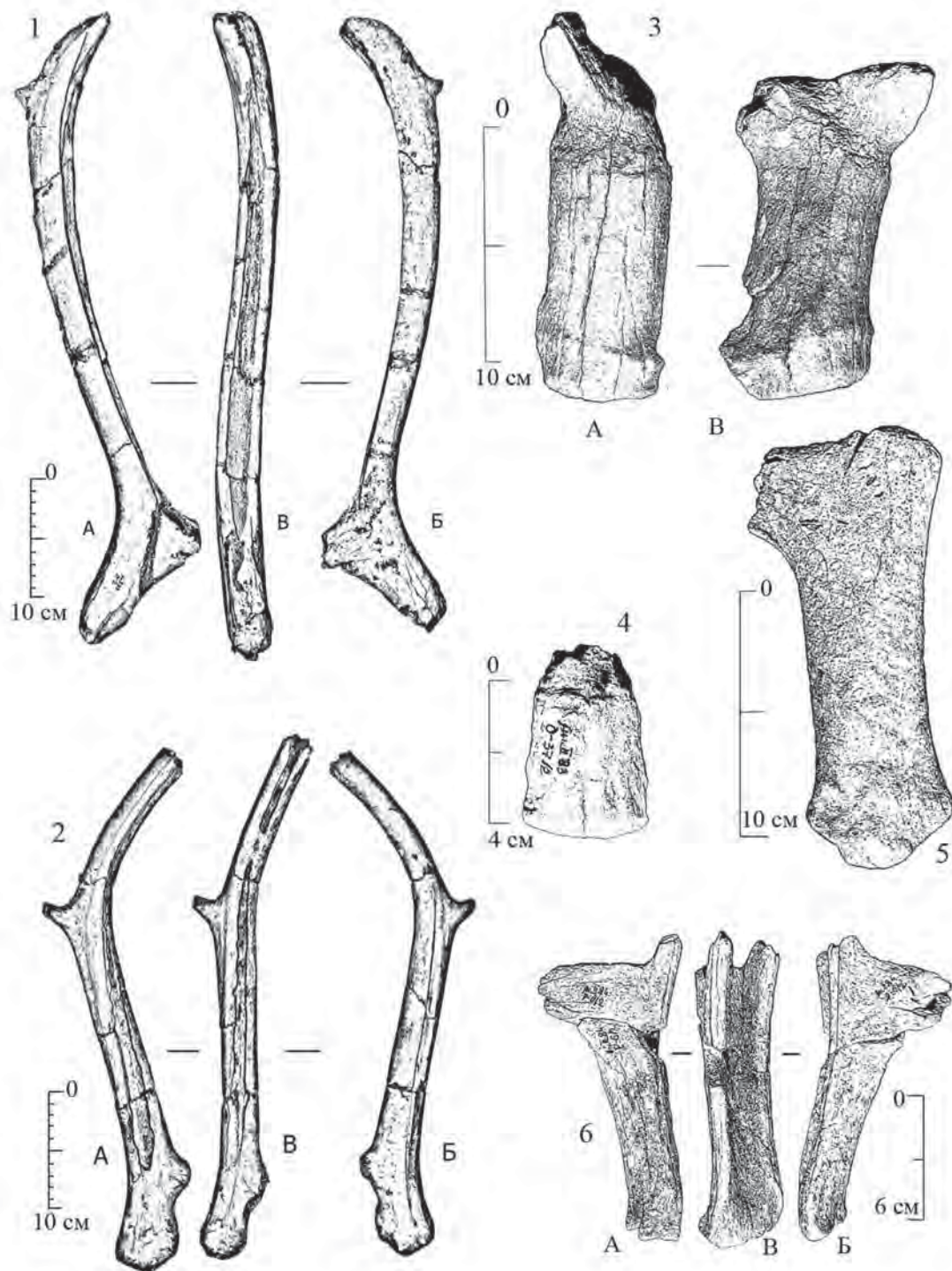

Рис. 4. Техника обработки и отчленения фрагментов рога: 1–2 — роговые штанги с пропилами, заготовки со следами извлечения одного и двух наконечников (с сохранением основания рога), 3–5 — основание рога с оформленным углублением «запланированный слом», 6 — «случайно» отломанное основание рога

олени не стали исключением. Необходимо отметить, что, рассматривая вопрос планиграфического размещения фрагментов рога, мы анализировали весь массив культурного слоя, без деления на условные горизонты.

Пространственно они распределены неравномерно по всей площади раскопа. На так называемом западном участке памятника присутствуют 85 фрагментов рога, а на восточном — 532 фрагмента. Пространственное накопление артефактов на этих двух участках принципиально разное. Западный участок представлен четко выраженными небольшими скоплениями, а восточный — единым массивным пятном с небольшим разряжением в северо-восточном направлении (рис. 5).

На западном участке выявляются локальные зоны, характер которых говорит об определенной

производственной активности. В каждом из этих локальных скоплений присутствуют основания рога и фрагменты центральной роговой штанги. Их количественно-пространственное распределение здесь указывает на то, что они образуют хорошо очерчиваемые скопления, расположенные в относительной отдаленности друг от друга. Закономерности в вертикально-планиграфическом (микрогоризонтальном) распределении не выявлены.

Необходимо уточнить, что автор статьи занимается разработкой проблемы анетовской костяной индустрии уже более 13 лет (Леонова, 2001, с. 159–171). В одной из первых статей, опубликованной по результатам работ, на западном участке было выделено семь скоплений, однако позже в ходе дальнейших исследований мы пришли к выводу, что скопления, обозначенные как 1 и 2, от-

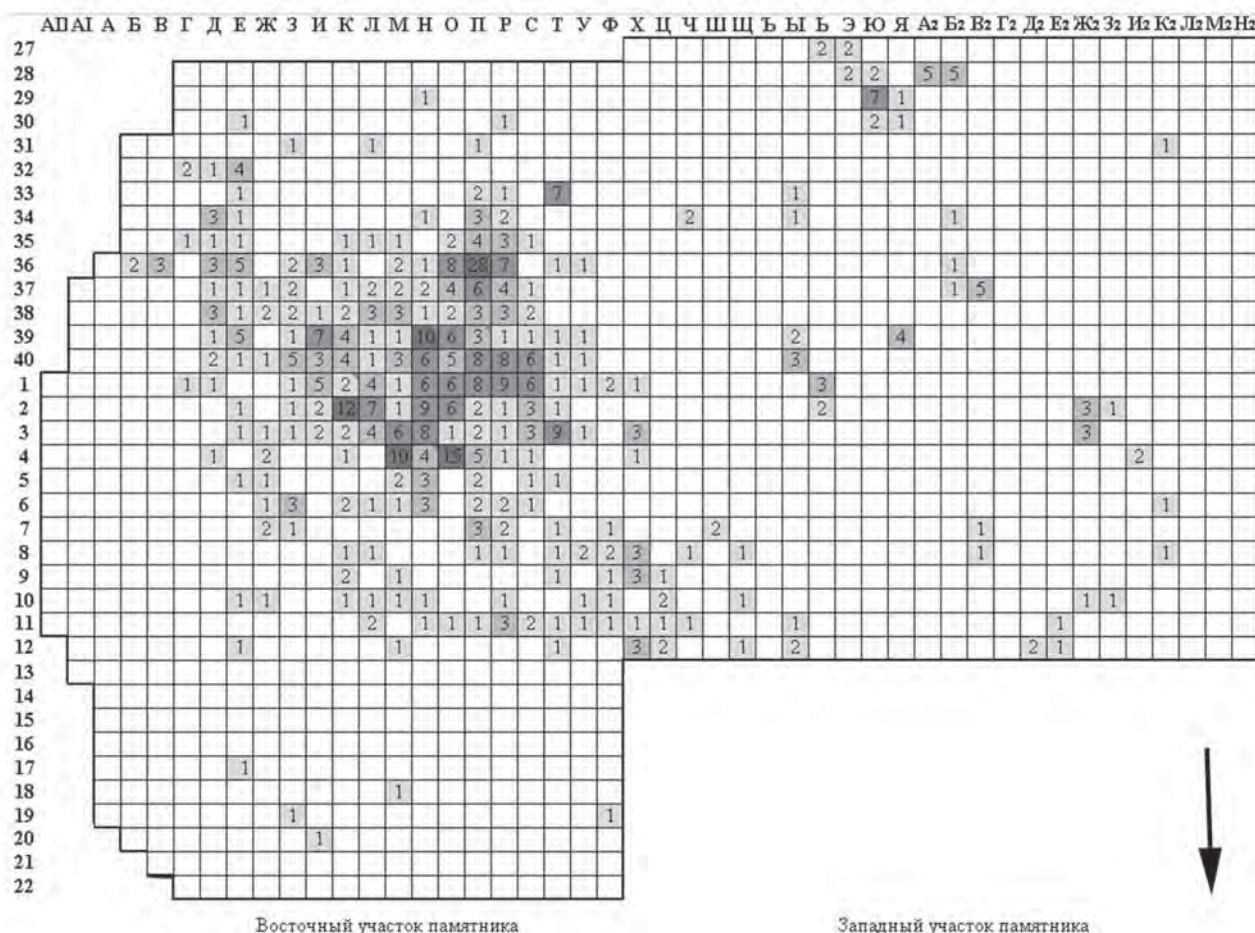

Рис. 5. План распределения фрагментов рога северного оленя *Rangifer tarandus* L. на поселении Анетовка 2

носятся к макрокомплексу, границы которого оказались растянуты. Таким образом, на данный момент мы выделяем пять участков.

Скопление 1. Расположено по линиям Б/В²-27/31. Южная граница этого скопления уходит в южную бровку раскопа, оно является самым большим из всех выделенных на восточном участке раскопа. Всего найдено 29 фрагментов на квадратах Б-27 (2 фрагмента), Э-27, 28 (4 фрагмента), Ю-28/30 (11 фрагментов), Я-29, 30 (2 фрагмента), А²-28 (5 фрагментов) и Б²-28 (5 фрагментов), из них 11 имеют следы утилизации.

Скопление 2. Включает в себя 12 фрагментов рога северного оленя, которые найдены по линиям Я-39 (4 фрагмента), Б²-34, 36, 37 (3 фрагмента) и В²-37 (5 фрагментов), пять из них обладают следами утилизации.

Скопление 3. Фрагменты рога северного оленя располагались по линиям Б-39, 40 (5 фрагментов) и Б-1, 2 (5 фрагментов), шесть из них несут на себе следы утилизации.

Скопление 4. Планиграфически это скопление в большей степени, чем остальные, локально и содержит девять фрагментов рога северного оленя, расположенных следующим образом: Ж²-2, 3 (6 фрагментов), З²-2 (1 фрагмент), И²-4 (2 фрагмента). Из них пять фрагментов содержат следы утилизации.

Скопление 5. В состав пятого скопления входят шесть фрагментов рога северного оленя, четыре из которых несут на себе следы утилизации. Фрагменты рогов зафиксированы на квадратах Д²-12 (2 фрагмента), Е²-11, 12 (2 фрагмента), Ж²-10 (1 фрагмент) и З²-10 (1 фрагмент). Северная граница скопления уходит в еще не раскопанный участок.

Таким образом, 66 фрагментов из 85 образуют скопления, а остальные 19 рассеяны по всей площади западного участка. Нерешенным остается и вопрос о происхождении скопления фрагментов в северо-восточном углу западного комплекса. Вероятнее всего, здесь также находился рабочий участок мастера-костореза. К сожалению, на данный момент определить границу растянутого восточного макрокомплекса не представляется возможным.

Анализ степени утилизации сырья показал преобладание на западном участке фрагментов с боль-

шим процентом обработки: 41 фрагмент несет на себе следы сильной степени утилизации, 29 — с минимальным процентом следов обработки и 15 мелких фрагментов. Процесс изготовления орудий из рога, по всей видимости, включал в себя обработку основания и центральной части рога. Это подтверждает их схожее количественное соотношение. Морфологические группы четко различимы. Практически все основания рога отсечены от фрагментов центральной роговой штанги (рис. 6). Все это говорит о производственном процессе, протекавшем на этой части поселения. Именно здесь существовали, скорее всего, центры по обработке рога и изготовлению костяного инвентаря.

Данные, полученные по восточному участку, противоположны. В структуре этой зоны поселения не выделено отдельных скоплений фрагментов рога. Количественное соотношение морфологических частей рога представлено достаточно равными долями: основания рога — 23 %, фрагменты центральной роговой штанги — 33 %, концевые фрагменты — 44 % (рис. 6).

По нашему мнению, это говорит о сложном и не однозначном процессе жизнедеятельности на восточном участке поселения. Возможно, производственная специфика этой зоны несколько раз менялась, возможно, комплекс костяной индустрии, относящийся к этой части поселения, был тесно взаимосвязан с иными хозяйственными или культурно-сакральными сферами. Но у нас не вызывает сомнения взаимосвязь западного и восточного участков в едином комплексе костяного производства. Вероятно, подтверждение этого мы получим, проведя более детальный анализ пространственного размещения фрагментов по восточному участку с привлечением данных по иным группам артефактов.

Интерпретация полученных результатов показывает, что процесс накопления культурного слоя, связанного с костяной индустрией, на этих двух участках, вероятнее всего, определяется дискретным характером производственно-хозяйственных и социально-культурных комплексов. Это обусловлено как тафономическими условиями, так и производственной спецификой поселения в целом.

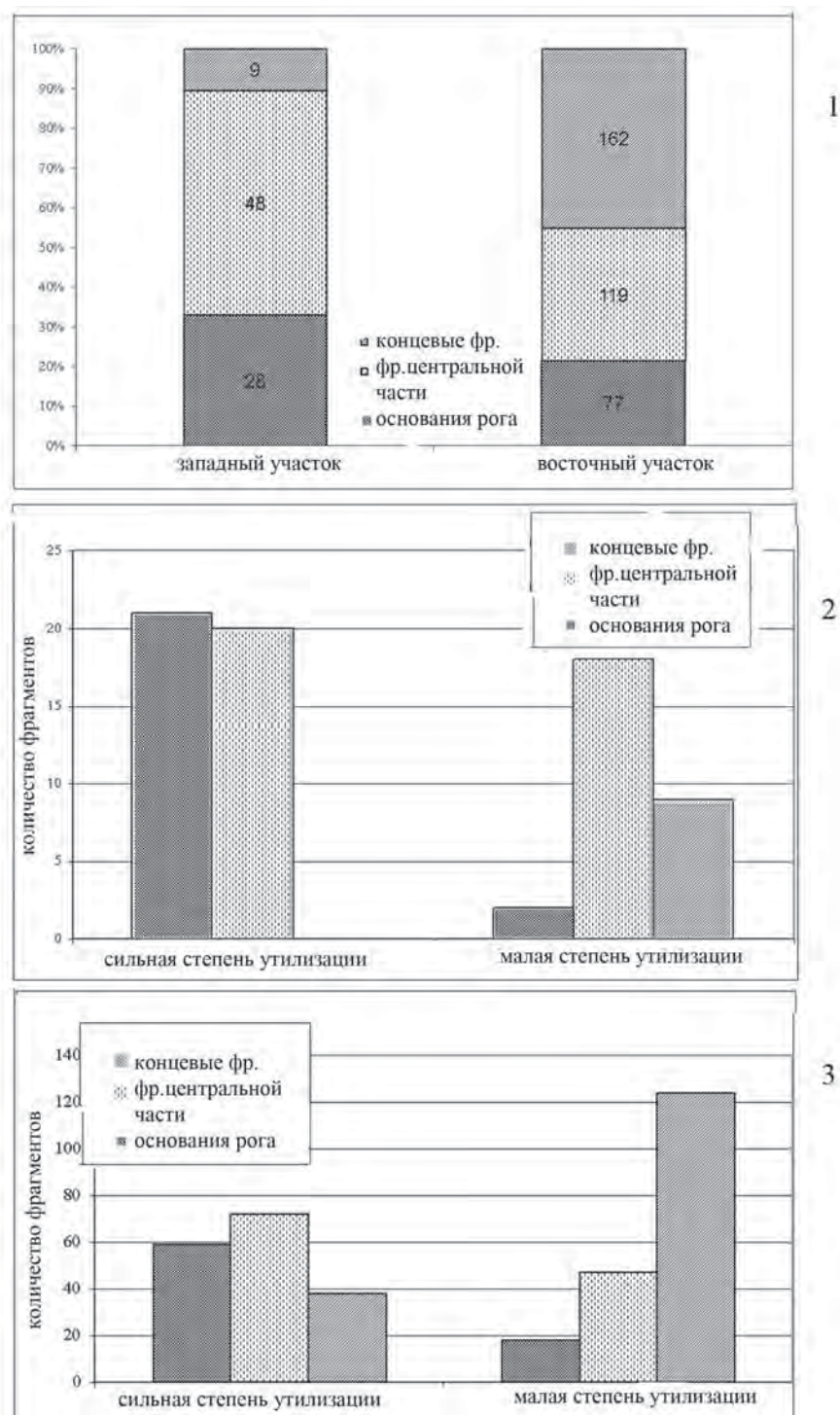

Рис. 6. Диаграмма: 1 — соотношение морфологических групп частей рога на западном и восточном комплексах поселения, 2 — соотношение морфологических групп частей рога по степени утилизации на западном комплексе поселения, 3 — соотношение морфологических групп частей рога по степени утилизации на восточном комплексе поселения

ЛИТЕРАТУРА

- Белан Н.Г. Позднеплейстоценовый северный олень Поднепровья // Вестник зоологии. 1983. № 5. С. 20–26.
- Григорьева Г.В. Костяные индустрии позднепалеолитических памятников Юго-Запада Восточной Европы // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США): Тез. докл. советско-американского симпозиума. Ленинград, июль 1989 г. / АН СССР, Институт археологии. Л., 1989. С. 59–61.
- Леонова А.О. Особливості планіграфічного розподілу фрагментів рогів північного оленя (*Rangifer tarandus* L.) на мікрокомплексах пізньопалеолітичного поселення Анетівка 2 // Записки історичного факультету / ОДУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 11. Одеса, 2001. С. 159–171.
- Леонова А.А. Некоторые аспекты реконструкции процесса производства костяного инвентаря на Анетовке 2 // Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження. Т. 3. Одеса, 2002. С. 52–53.
- Леонова А.О. Сировинна база кістяної індустрії пізньопалеолітичного поселення Анетівка 2 // Кам'яна доба України. Вип. 11. Київ, 2011. С. 149–157.
- Станко В.Н. О дискретном характере орудийного производства в ранней родовой общине // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989а. С. 216–218.
- Станко В.Н. Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите (по материалам поселения Анетовка 2) // Первобытная археология. Киев, 1989б. С. 42–54.
- Станко В.Н. Анетовка 2 — позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье // STRATUM Plus. № 1. Кишинёв; Одесса; СПб., 1999. С. 322–325.
- Станко В.Н., Смольянинова С.П. Отчет о работе Причерноморской экспедиции Института археологии АН УССР в 1978 году. Одесса, 1979.
- Станко В.Н., Смольянинова С.П. Отчет о работе Причерноморской экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 году. Одесса, 1980.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Смольянинова С.П. и др. Отчет о работе Причерноморской экспедиции Института археологии АН УССР в 1983 году. Одесса, 1984.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Старкин А.В. и др. Отчет о работе Причерноморской экспедиции Института археологии АН УССР в 1984 году. Одесса, 1985.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Краснокутский Г.Е., Старкин А.В. и др. Отчет о работе Причерноморской экспедиции Института археологии АН УССР в 1986 году. Одесса, 1987.
- Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. Киев, 1989.
- Станко В.Н., Краснокутський Г.Є., Старкін А.В. Деякі особливості структури поселень пізнього палеоліту (за матеріалами Анетівки II) // Археологія південного заходу України. Київ, 1992. С. 10–23.
- Станко В.Н. К методике изучения микроструктур памятников палеолита // Древности Причерноморских степей. Киев, 1993. С. 4–8.
- Старкин А.В. Позднеплейстоценовые териофауны степной зоны Юга Украины: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Киев, 2001.
- Старкин А.В. Некоторые аспекты проблемы и методики изучения истории формирования позднелепестовых териофаун // Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомишль): Матеріали міжнародної наукової конференції «Радомишль та його історія» 3–4 жовтня 2006 р. Київ, 2008. С. 54–70.
- Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.
- Хлопачев Г.А., Гирия Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири. Приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб., 2010.

В. М. Лозовский¹

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

V.M. Lozovsky. Stone industry from Mesolithic layers of site Zamostje 2

The typological analysis of both Mesolithic layers at site Zamostje 2 reveals close similarity between them. In both complexes the main type for tool making was flake, the number of tools made from flakes increases in the upper layer in comparison with the lower layer. The blades are not numerous and have massive and irregular proportions. Bladelets and cores with negatives of bladelets are single. In both layers we can point out some standardization in choice of blanks for the tools. It is very characteristic to find the combination of several working edges on one blank that has their reflection in a large number of multi-blade tools. In both industries scrapers are predominant (61,9 % and 44,4 %), the group of burins is completely absent. In the upper layer we observe a large increase in the number of multifunctional tools (17,3 %). In the upper layer we also observe a series of leaf-shaped arrow-heads worked by semi-abrupt retouch along perimeter of the blank. Roughly worked nodules, cores, bifacial and unifacial blanks are widespread in complexes. Group of polished cutting tools found in both layers finishes the brief analysis.

In short, in the Mesolithic layers from Zamostje 2 site demonstrate different cultural phenomenon, from those already known — Butovo and Yenevo cultures, the materials of this tradition is still to be recognized.

Изучение стоянки Замостье 2 проводится уже более 20 лет. Получен большой объем материалов, детально и разносторонне характеризующих культуру древних обитателей периода позднего мезолита — раннего и среднего неолита Волго-Окского региона (Lozovsky, 1996). Уже опубликованы костяной инвентарь памятника, опубликованы общие

характеристики памятника (Лозовский, 2003), но детальной публикации, посвященной каменной индустрии мезолитических слоев стоянки, еще не было. В данной работе мы восполняем этот пробел и приводим данные по каменной индустрии нижнего и верхнего мезолитических слоев Замостья 2 из раскопок автора 1989–1991 гг.

НИЖНИЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ

Всего в ходе раскопок нижнего мезолитического слоя было найдено 2134 предмета из камня. Большая часть коллекции представлена отщепами,

пластинами, осколками, заготовками и нуклеусами; количество орудий на отщепах и пластинах составляет всего 239 экз.

Сырье, то есть плитки или гальки кремня или кремневого сырья с пробными или естественными сколами, найдено в количестве 26 экз.

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Отщепов и их обломков найдено 1539 экз., в том числе 873 экз. — целые отщепы или их проксимальные фрагменты, остальные 666 экз. — неопределимые обломки и фрагменты отщепов с отсутствующей ударной площадкой.

Пластины и их обломки представлены 150 экз. (рис. 1, 6–11). Из общего количества пластин и их сечений 75 целых экземпляров, однако подавляющее число этих изделий имеют крупные размеры и неправильные очертания. Самые крупные экземпляры имеют размеры 76×28×33 и 80×38×22 мм. Средняя длина пластин составляет 5–7 см. Их массивность колеблется от 3 до 20 мм. Более или менее параллельную огранку имеют не более 10 экз. Очевидно, что эти изделия называются пластинами только по соотношению длины и ширины. Часть из них являются сколами оббивки конкреций сырья и сохранили остатки корки (22 экз.). Некоторые представляют собой технологические сколы переоформления ребра нуклеуса.

Проксимальные сечения — 22 экз. Длина фрагментов колеблется от 15 до 45 мм. Эти экземпляры отличаются большей правильностью огранки, однако среди них также присутствуют пластины с остатками корки (4 экз.) и сколы переоформления нуклеуса (3 экз.). Массивность сечений колеблется от 4 до 8 мм.

Медиальные фрагменты — 20 экз. Длина сечений варьирует от 15 до 45 мм. На большинстве экземпляров присутствует подпараллельная огранка. Массивность от 4 до 9 мм. Все сечения — результат случайных сломов и несут следы многочисленных повреждений (в том числе термических).

Пластины и их фрагменты с нерегулярной краевой ретушью найдены в количестве 33 экз. У всех на одном или обоих краях присутствует мелкая нерегулярная ретушь, иногда носящая характер обычной выкрошенности края. Более половины находок этой группы представлено медиальными сечениями.

Микропластины (15 экз.) нижнего мезолитического слоя не представляют собой единую группу и носят очевидно случайный характер. Восемь экземпляров имеют ширину 10–12 мм, пять имеют ширину до 1 см. Более того, можно отметить, что

подпараллельная огранка имеется только у четырех экземпляров. Массивность также относительно велика (от 2 до 5 мм). Все без обработки (рис. 1, 4).

Изделий из пластин найдено 42 экз.

Наконечники из пластин представлены двумя обломками: черешка и пера. Черешок оформлен с помощью крутой дорсальной ретуши по краям, ретушь образует пологие выемки. У второго экземпляра черешковая часть обломана, полукрутой ретушью со спинки обработан один край полностью и небольшой участок в зоне пера с другой стороны, обработка пера дополнена мелкой крутой ретушью (рис. 1, 1). На самом кончике с брюшка нанесена крупная плоская фасетка.

Скребок из пластин найдено 20 экз. Типологически они распадаются на следующие группы: концевые скребки из пластин — 13 экз. Оформление рабочего лезвия аналогично орудиям на отщепах — крутой или полукрутой ретушью. Лезвия, как правило, выпуклые, иногда заходят на боковые края. В некоторых случаях на боковых краях отмечается нерегулярная ретушь. Заготовки для скребков сильно варьируют от миниатюрных (2, 8×1, 2 см) до крупных (8, 1×4, 0 см) (рис. 2, 14, 17; 3, 1, 2). Концевые-боковые скребки из пластин представлены двумя экземплярами. Основное концевое лезвие дополнено боковым, оформленным полукрутой ретушью на одном из краев пластины. Нестандартные скребки — 5 экз. Два орудия представлены концевыми формами на пластинах. Округлое и прямое рабочие лезвия оформлены полукрутой ретушью. На проксимальном конце заготовок, около ударного бугорка у обоих орудий крутой ретушью выбраны симметричные выемки, в одном случае со спинки, в другом — со стороны брюшка. У третьего концевого скребка на пластине также присутствует оформление рукояточной части. Здесь с брюшка по обоим краям нанесена субпараллельная пологая-полукрутая ретушь (рис. 2, 4). Четвертый предмет представлен концевым скребком с узким слабовыпуклым лезвием на пластине, обработанной по всему периметру интенсивной крутой-отвесной ретушью, образующей извилистую кромку. На противоположном конце со смещением оформлено небольшое жальце, к которому примыкает пологая выемка. Последнее

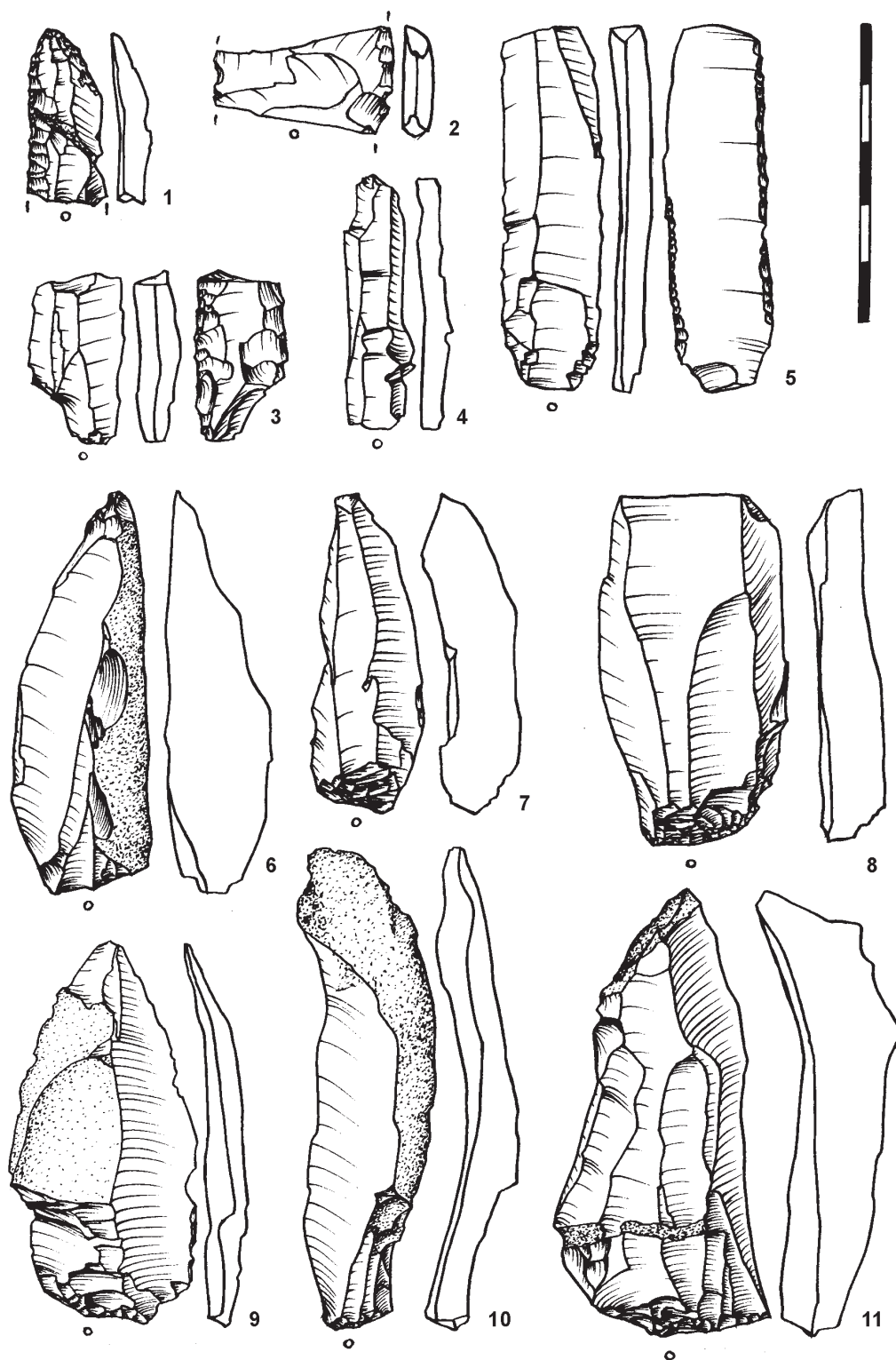

Рис. 1. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

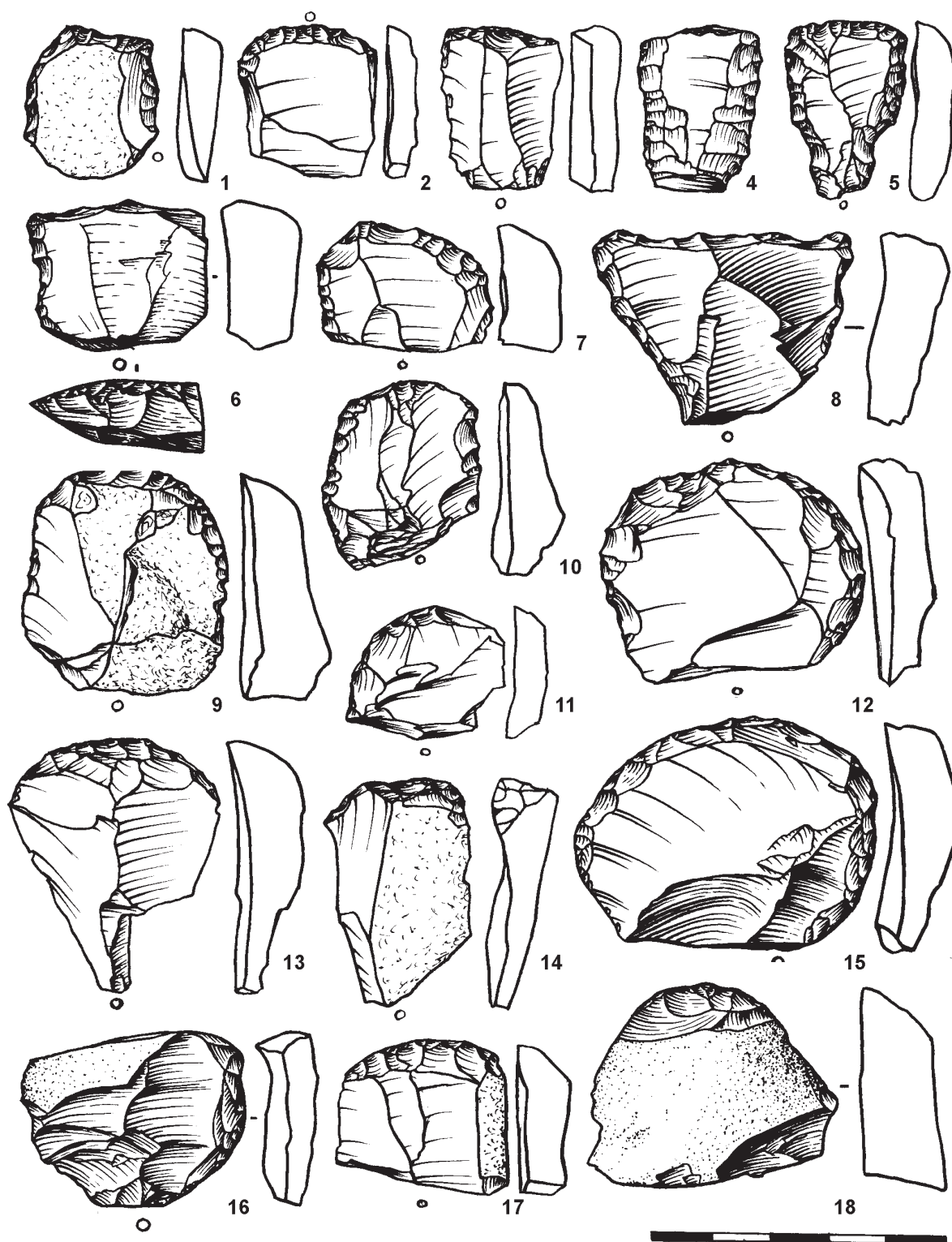

Рис. 2. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

орудие по своей форме напоминает изделие типа «скребачей», аналогичные тем, которые известны по материалам хойнице-пеньковской культуры Польши (Kozlovski, 1972). Это изделие подтреугольной формы с двумя сходящимися под острым углом лезвиями, выполненными скребковой ретушью. На стыке этих лезвий оформлено узкое округлое лезвие скребка.

Сверла-развертки и сверла представлены пятью экземплярами. Из этого числа четыре орудия оформлены на правильных пластинах, все на тупых концах или сломках массивных пластин. Отличительной особенностью является массивный рабочий конец, оформленный ретушью на торцевой грани заготовки (размеры от 40×24×11 до 105×28×16 мм). Ретушь часто отмечается на прилегающих участках краев заготовки со спинки и с брюшка. Визуально наблюдается сильная выкрошенность и стертость выступающих граней. Два экземпляра представляют обломки рабочих концов этих орудий. Последнее изделие этой группы отличается от вышеописанных тем, что изготовлено из ребристой пластины трехгранного поперечного сечения и имеет суженный рабочий конец.

Пластин и их фрагментов с регулярной краевой ретушью найдено 15 экз. В целом находки этой группы не образуют единый тип, и сюда отнесены фрагменты и почти целые пластины с крутой и полукрутой ретушью по одному или двум краям со стороны спинки (в одном случае со стороны брюшка), иногда образующей мелкозубчатое лезвие (рис. 1, 2, 3, 5). На одном изделии ретушью со стороны спинки нанесены две неглубокие симметричные выемки.

Орудий из отщепов найдено 197 экз.

Самой многочисленной группой орудий из отщепов и обломков являются скребки — 122 экз. Из них концевые формы представлены 60-ю экз. Размеры заготовок для орудий колеблются от мелких (2, 7×1, 8 см) до крупных (6, 6×6, 7 см), но в основном преобладают орудия на заготовках средних размеров (3, 5×3, 7 см). Ретушь, оформляющая скребковое лезвие, как правило, крутая или полукрутая. Лезвия у половины скребков округлые, иногда ретушь заходит на боковые края заготовки

(рис. 2, 9, 13, 18; 3, 3, 4). У четырех скребков рабочий край оформлен двумя сходящимися под тупым углом лезвиями. У одного скребка рабочее лезвие выполнено со стороны ударного бугорка (рис. 2, 2).

Концевые-боковые скребки представлены 26-ю экз. В основном изготовлены из заготовок средних размеров. Основное лезвие, оформленное на дистальном конце заготовки, как правило, дополняется еще одним лезвием на боковом краю заготовки (рис. 2, 6, 7, 11; 3, 5). У семи орудий скребковое лезвие было оформлено на обоих боковых краях (рис. 2, 1, 10). По этому признаку эти орудия близко смыкаются со следующим типом скребков с ретушью по периметру.

Подовальных или подокруглых скребков с ретушью по всему или большей части периметра заготовки найдено 12 экз. Оформление рабочего края ретушью аналогично вышеописанным орудиям. В этой группе преобладают орудия на заготовках крупного размера (7, 1×7, 0 см, 6, 2×5, 0 см) (рис. 2, 12, 15; 3, 6).

Боковых скребков, у которых скребковое лезвие оформлено на одном из краев заготовки, найдено 5 экз. (рис. 2, 16).

Двойных скребков найдено четыре. При этом на двух орудиях рабочие кромки оформлены на дистальном и проксимальном конце заготовки, у других двух — на противоположных краях.

Мелкозубчатые скребки (9 экз.) — эту группу составляют изделия одинакового размера, 1–2 см в диаметре, подокруглой или подпрямоугольной формы, из обломков. Их отличает оформление большей части лезвия скребковой ретушью, образующей извилистую кромку с небольшими углублениями-выемками и заостренными или чуть скругленными вершинками. Ретушь многоярусная, крутая.

Микроскребки (6 экз.) изготовлены из отщепов. Характеризуются наличием микроскребкового лезвия на острие или на остром углу слома заготовки. Его оформление близко оформлению прокола, то есть небольшая ретушь нанесена на самом кончике. В трех случаях наблюдается подправка с брюшка непосредственно кончика изделия. От прокола отличаются тем, что на скругленном или чуть прямом

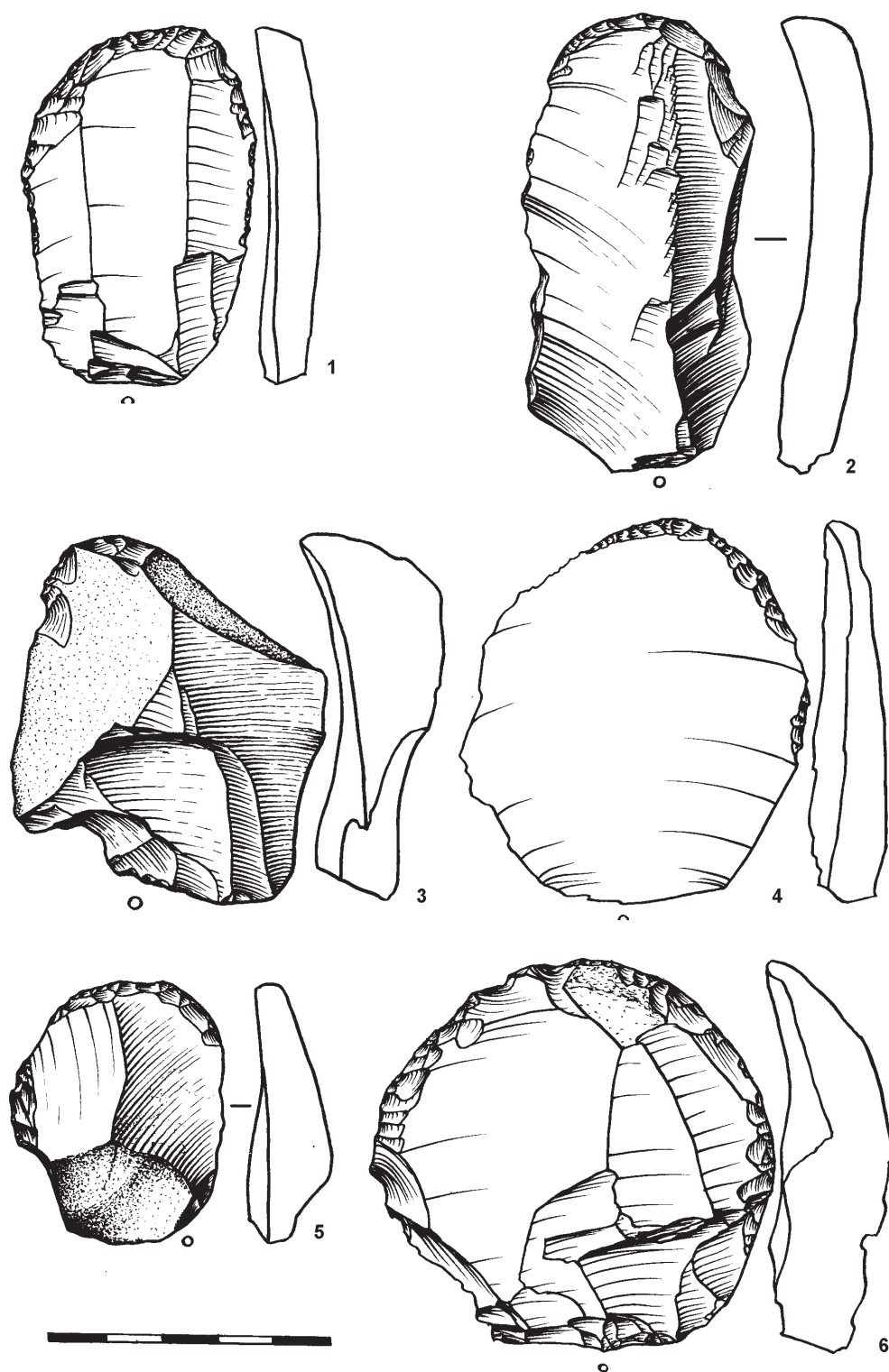

Рис. 3. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

лезвия поверх оформляющей ретуши присутствуют мелкие продольные снятия вдоль оси.

Проколки-острия нижнего мезолитического комплекса стоянки Замостье 2 насчитывают 20 экз. К ним относятся изделия на отщепах и их обломках с вытянутым острием или жалцем, оформленным с двух сторон регулярной ретушью или резцовидными снятиями. Они характеризуются значительным разнообразием форм и приемов изготовления, что может быть связано с использованием в основном нестандартных заготовок.

Проколки (14 экз.). Орудия выполнены на обломках отщепов небольших пропорций (размеры 17×27–25×30 мм). Острия приурочены к углам, образовавшимся естественным путем в результате поперечного или косо́го слома, на одном из краев заготовки. Лезвия проколов оформлены регулярной полукрутой и крутой более или менее интенсивной ретушью с двух сторон со спинки, а также с помощью плоских и угловых резцовых сколов. Жалца проколов в поперечном сечении как уплощенные, так и трех-четырёхгранные.

Проколки с вытянутым острием — острия (3 экз.). Орудия изготовлены из целых отщепов средних размеров. Характерная особенность этой группы заключается в оформлении на дистальном конце вытянутого острия с помощью протяженной дорсальной пологой-полукрутой ретуши, часто занимающей большую часть края заготовки. Углы заострения жалец значительно меньше, чем у всех остальных проколов.

Жалца на отщепах (3 экз.). Заготовки для проколов этой группы были крупными. Оформление тонких с острым кончиком проколов производилось на естественном углу заготовки или на углу слома мелкой тонкой ретушью. Остальная часть заготовки оставалась без обработки.

Сверла-развертки — 2 экз. Выполнены на массивных отщепах. Массивный рабочий конец оформлен ретушью на торцевой грани заготовки. Визуально наблюдается сильная выкрошенность и стертость выступающих граней.

Скребла — 9 экз. Все изделия этой категории выполнены на крупных грубых отщепах. Их объединяет наличие на одном из краев небольшого лезвия, оформленного со спинки (в двух случаях

с брюшка) пологой-полукрутой-крутой ретушью. Кромка этих лезвий часто извилистая, с мелкими выемками и выступами. Других элементов обработки на этих изделиях не отмечается.

Орудия с выемкой — 4 экз. Один изготовлен из крупного массивного отщепа, три — из мелких обломков. Характерной чертой этих орудий является наличие выемок от 1, 5 до 2, 0 см длиной и глубиной 3–5 мм, которые образованы интенсивной крутой многоярусной ретушью. Ретушь также заходит на небольшие участки рядом с выемкой.

Орудие с резцовыми сколами (1 экз.). Изготовлено из крупного отщепа, правый массивный край которого оббит отвесными сколами, и с образовавшейся площадки сняты два резцовых скола, скашивающих дистальный конец заготовки.

Орудия с участками противоположающей ретуши — 2 экз. Несмотря на то что оба изделия резко отличаются по размерам — 18×22 и 78×54 мм, их объединяет оформление конца, где под тупым углом сходятся два прямых, равных по длине лезвия, из которых левое обработано с брюшка, а правое — со спинки.

Орудия с мелкой регулярной ретушью (типа раклет) — 6 экз. Изготовлены из тонких отщепов средних размеров. Мелкая крутая одноярусная ретушь нанесена по одному из краев заготовки. Обработанные лезвия прямые или слабо выпуклые.

Орудий с подтеской найдено 8 экз. Выполнены на массивных отщепах подокруглой и подтреугольной формы. Характерной особенностью является подтеска на одном из краев, которая формирует массивное зубчато-выемчатое лезвие. На шести экземплярах подтеска нанесена с одной стороны, на двух — с обеих сторон.

Отщепы с ретушью и обломки орудий найдены в количестве 23 экз. В эту группу входят отщепы средних размеров и обломки неправильных очертаний с отдельными разнородными фасетками и группами фасеток, не составляющими сплошного лезвия.

Рубящие орудия и их заготовки представлены 27-ю экз. Из этого числа собственно топоров и тесел найдено 12 экз. Это орудия, изготовленные путем двусторонней оббивки с последующим краевым ретушированием и шлифовкой либо всей

поверхности орудия, либо только лезвия, а также с оформленным обушком. Целых экземпляров всего шесть, однако у четырех из них имеются значительные повреждения лезвия и у трех — обушка. Форма тесел удлиненная овально-подпрямоугольная (рис. 4, 3, 4; 5, 2), у одного — подтреугольная (рис. 4, 1), два сохранившихся лезвия слабовыпуклые (рис. 4, 2), в профиль асимметричные, острота лезвий 30° и 45° , поперечное сечение изделий сегментовидное (3 экз.) или прямоугольное. Размеры целых колеблются от $35 \times 32 \times 10$ до $105 \times 45 \times 27$ мм. Среди обломанных экземпляров можно отметить фрагмент идеально шлифованного острого (30°) лезвия (рис. 4, 5), два массивных средних обломка и тонкий, округлый в сечении обушок диаметром 17×20 мм (рис. 5, 1). К этой группе орудий примыкают также одна целая подготовленная асимметричная в профиль заготовка тесла с очень небольшими зашлифованными участками и обломок заготовки.

Группа рубящих орудий, представляющих собой массивные бифасы с оформленным суженным обушком и грубо заостренным лезвием, насчитывает 15 изделий. Шлифовка поверхности отсутствует. Эти орудия отличает грубая отделка, что позволяет предположить, что речь может идти о заготовках для шлифованных тесел или топоров. Общие очертания рубящих и тесел близкие — это вытянуто-подтреугольные или каплевидные и овально-подпрямоугольные в плане предметы, поперечное сечение от треугольного и сегментовидного до линзовидного. Лезвия неровные, более или менее округлые, на некоторых присутствуют следы забитости. Размеры колеблются от $43 \times 32 \times 10$ до $70 \times 47 \times 22$ и $85 \times 45 \times 23$ мм (рис. 6, 1, 2, 4–7).

Заготовки бифасов — 19 экз. Массивные предметы с частичной бифасиальной обивкой, общая форма выражена слабо, поперечное сечение подтреугольное, подпрямоугольное, овальное. Размеры колеблются от $45 \times 40 \times 15$ до $143 \times 77 \times 40$ мм (рис. 6, 3). Несмотря на немногочисленность трех последних групп, они выстраиваются в одну технологическую цепь производства шлифованных рубящих орудий.

Последняя группа предметов из камня, которая непосредственно связана с изготовлением орудий,

представлена обломками шлифовальных плит (15 экз.). Как правило, это обломки различной конфигурации из кварцита и других крупнозернистых пород камня. Одна из поверхностей предметов выровнена и заглажена от длительного шлифования, на ней видны невооруженным глазом мелкие параллельные бороздки. Чаще всего эта поверхность ровная, иногда чуть вогнутая. Все изделия представлены фрагментами размерами от $40 \times 25 \times 9$ до $65 \times 57 \times 37$ мм.

Нуклеусов в нижнем мезолитическом горизонте найдено 37 экз. Практически все экземпляры представлены ядрищами из мелкозернистого кремня, только четыре — из среднезернистого и два — из грубозернистого кремня. По технологическим признакам их можно разделить на следующие типы.

1. Торцовые для пластинок прямоугольной формы, площадка подправлена сколами с фронта — 11 экз. На двух предметах присутствуют противоположные поверхности скалывания. У одного экземпляра площадка и основание носят следы забитости, возможно использование в качестве орудия пикетажа. Размеры колеблются от $18 \times 40 \times 21$ до $54 \times 53 \times 22$ (рис. 7, 3, 4, 6; 8, 2).

2. Клиновидные для отжима пластинок прямоугольной и треугольной формы, площадка подправлена сколами сбоку и с фронта, на одном наблюдается забитость ребер. У одного присутствуют две противоположные поверхности скалывания. Всего 7 экз. Размеры от $27 \times 26 \times 18$ до $50 \times 49 \times 29$ мм (рис. 7, 2, 5; 8, 6).

3. Нуклеусы для отжима пластинок прямоугольной формы со взаимно-перпендикулярным расположением поверхностей скалывания — 2 экз. Площадка подправлена сколами сбоку и с фронта. Размеры $38 \times 28 \times 44$, $40 \times 30 \times 21$ мм (рис. 8, 3, 4).

4. Призматические нуклеусы для отжима пластинок прямоугольной и треугольной формы — 9 экз. Площадка подправлялась сколами сбоку и с фронта, в одном случае площадка подготовлена одним большим сколом с фронта. У одного экземпляра фронт плоский с двумя боковыми поверхностями, одна из которых оформлена пластинчатыми снятиями с основной площадки. Размеры варьируют от $34 \times 26 \times 26$ до $56 \times 36 \times 30$ мм (рис. 7, 1).

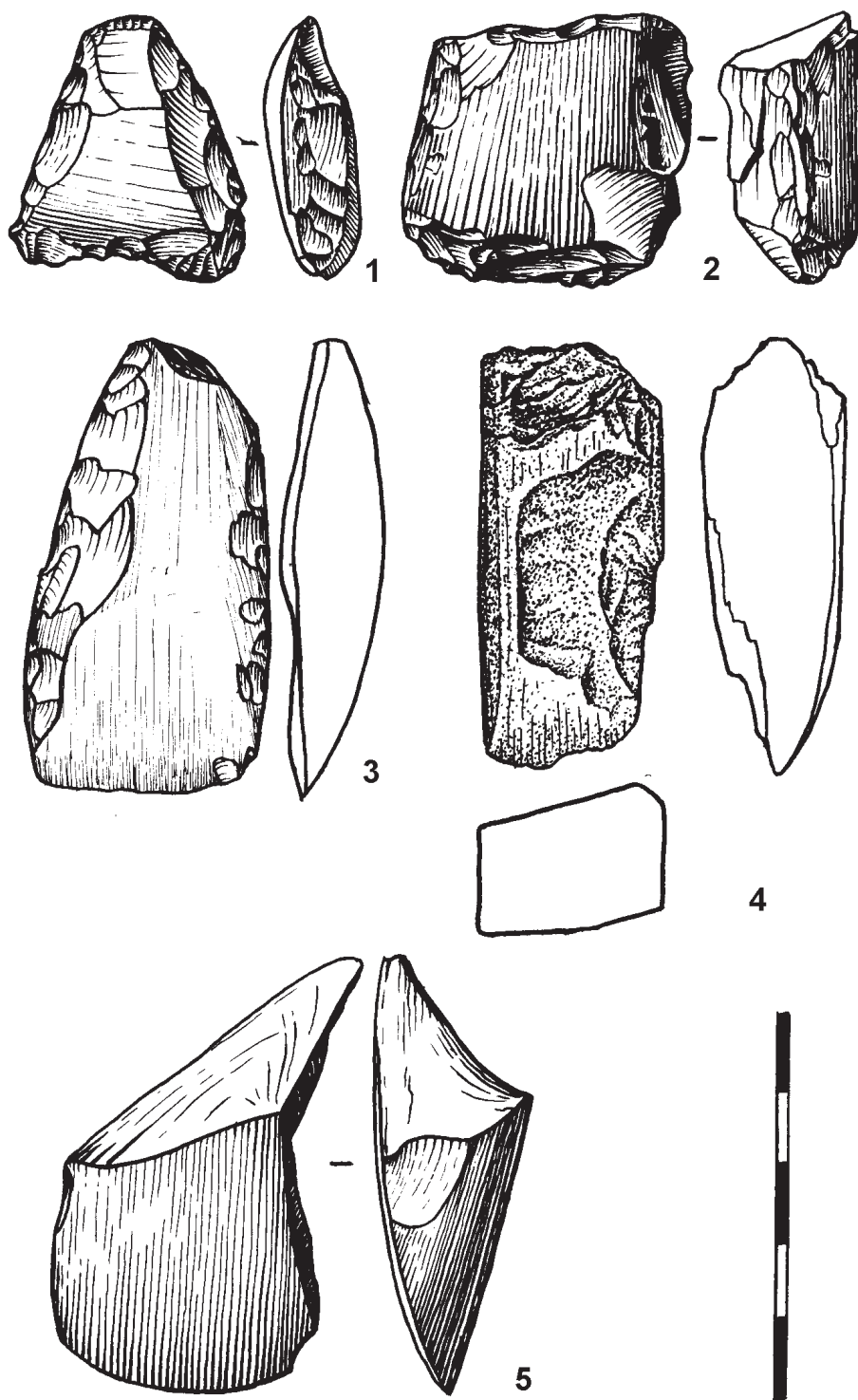

Рис. 4. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

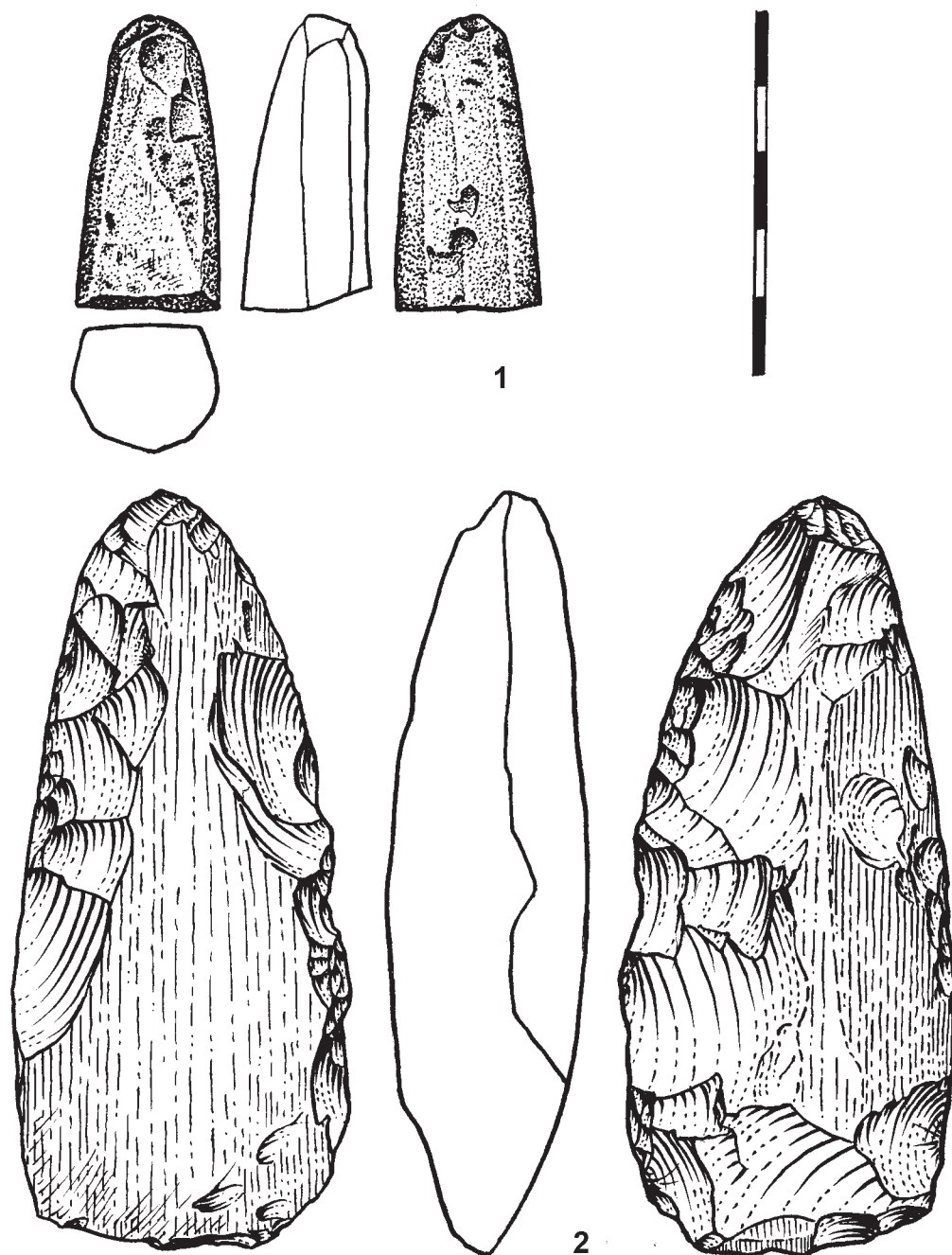

Рис. 5. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

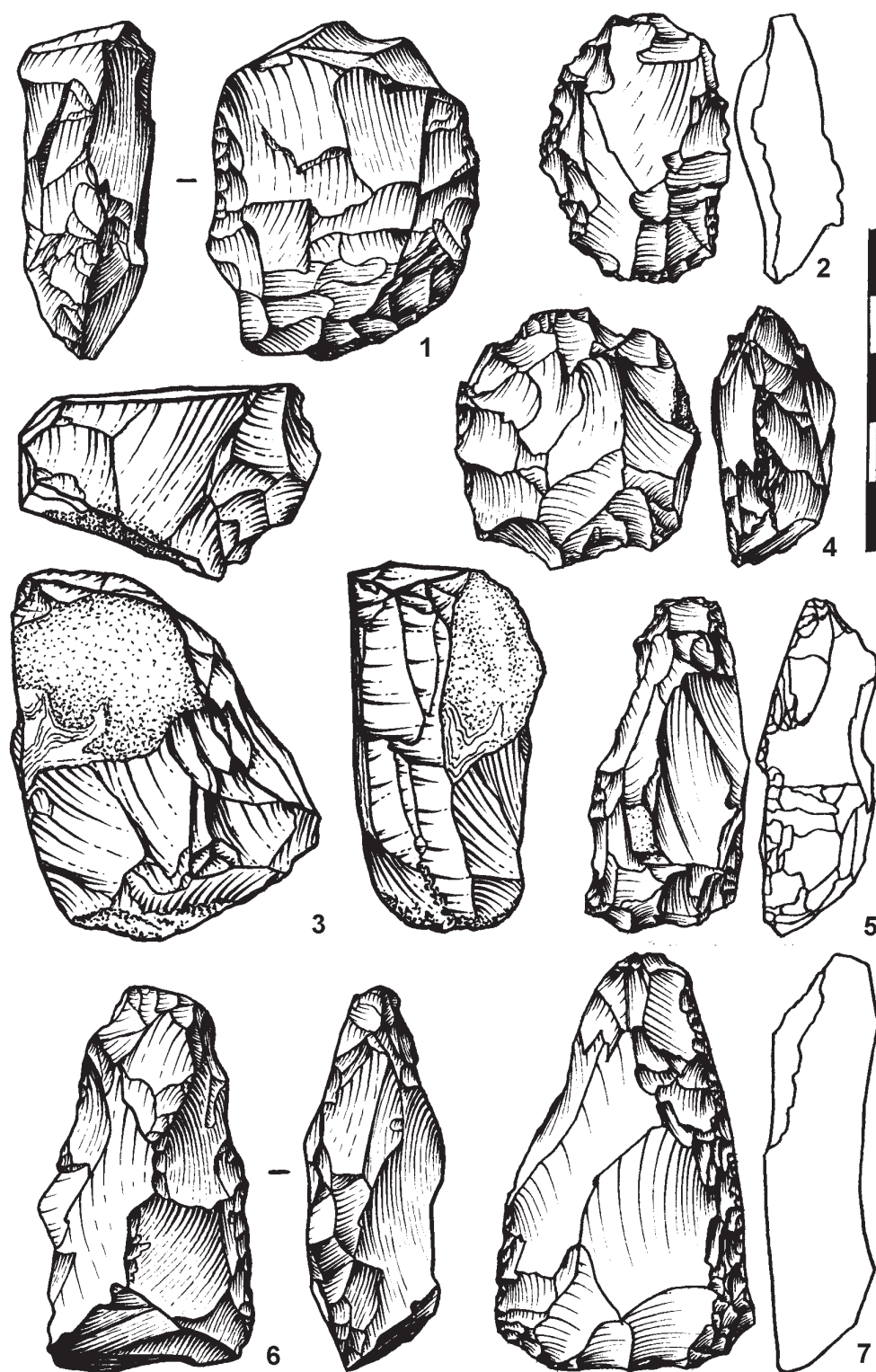

Рис. 6. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

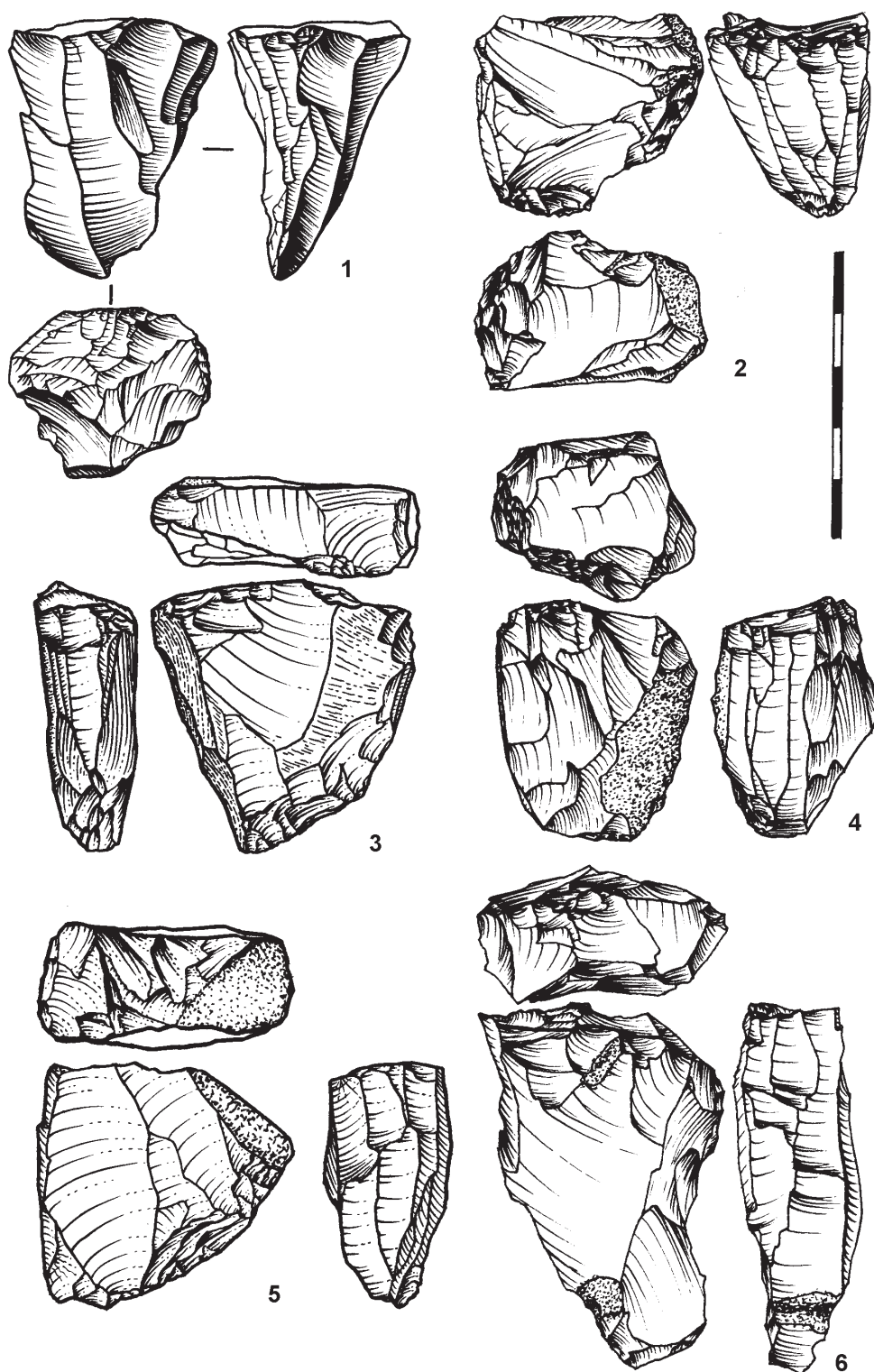

Рис. 7. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

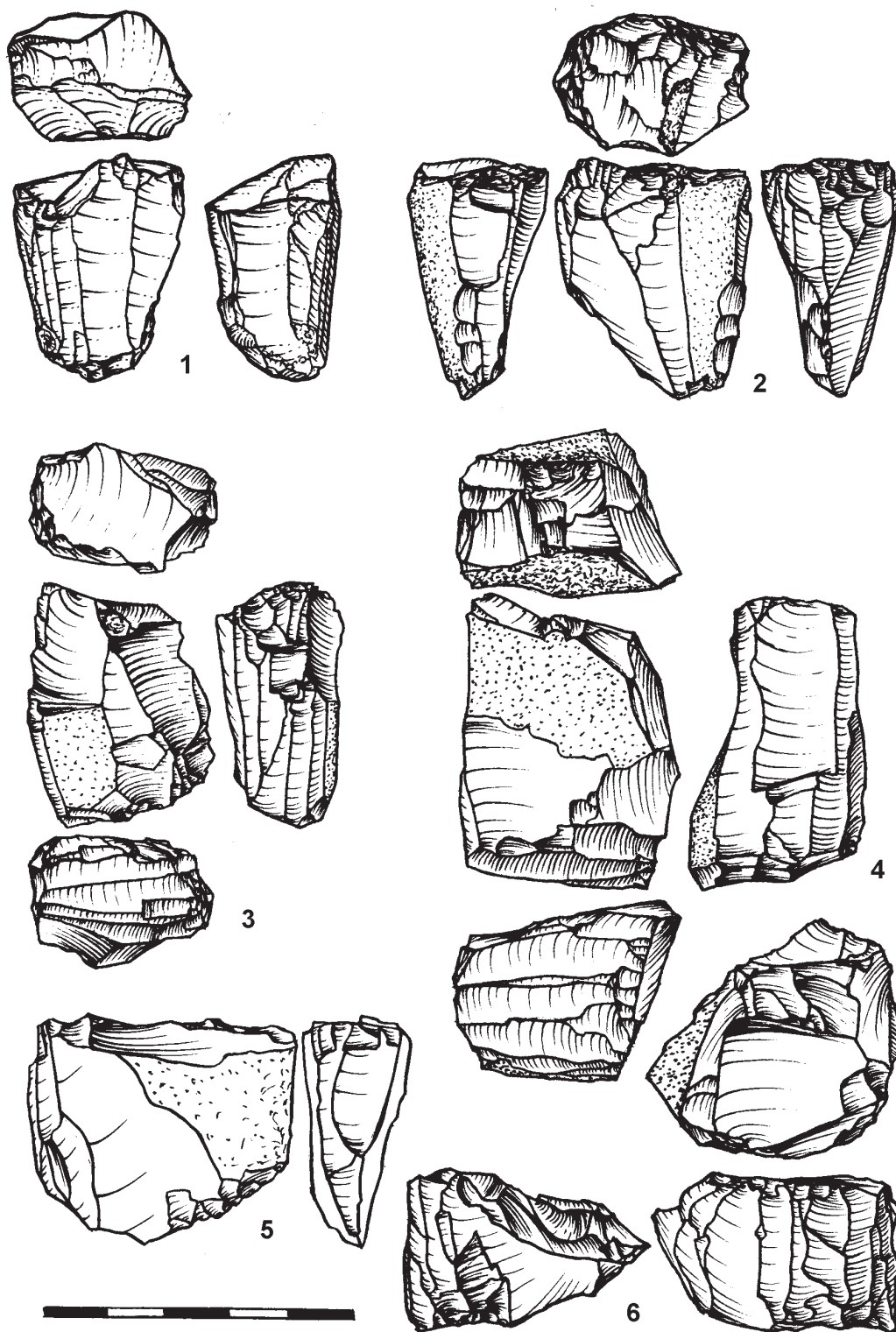

Рис. 8. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

5. Грубопризматические нуклеусы для пластин, прямоугольной формы (4 экз.). Площадка подправлена сколами сбоку и с фронта. Карнизы не убраны. На поверхности скалывания негативы от снятия нескольких широких пластин. Размеры от $56 \times 50 \times 36$ до $82 \times 79 \times 66$ мм (рис. 9, 1, 3).

6. Грубопризматические клиновидные нуклеусы треугольной формы для пластин — 3 экз. В двух случаях площадка подправлена сбоку и с фронта, в одном — оставлена без подработки. У всех карнизы не убраны и присутствует забитость ребер. На поверхности скалывания негативы от широких пластинчатых снятий. Размеры от $50 \times 40 \times 31$ до $70 \times 60 \times 37$ мм.

7. Грубопризматический пирамидальный нуклеус треугольной формы для пластин. Площадка не подправлена, карниз не убран. Размер $46 \times 50 \times 51$ мм (рис. 9, 2).

Нуклевидные обломки — 66 экз. В эту категорию нами отнесены облупни, пробные нуклеусы, заготовки в начальной фазе, пренуклеусы и другие нуклевидные формы с негативами сколов. Форма и степень обработки этих предметов отличаются исключительной степенью вариабельности: от кусков сырья с первыми пробными сколами до фрагментов с участками бифасиальной обработки.

Анализ комплекса изделий из кремня нижнего мезолитического слоя памятника, несмотря на их относительную немногочисленность (из общего количества 2134 предметов из кремня найдено всего 42 орудия на пластинах и 197 орудий на отщепках), позволяет нам сделать ряд выводов, которые характеризуют достаточно своеобразный для Волго-Окского региона комплекс.

В первую очередь необходимо отметить резкое доминирование отщепов, процент которых в шесть раз превышает процент пластин без ретуши (60,6 % против 10,4 %). Необходимо сразу отметить, что среди пластин к классическим правильным формам можно отнести только единичные изделия. Основную их массу составляют неправильные экземпляры, нередко с участками корки на спинке. Подчиненное положение пластин в комплексе подтверждает также небольшая серия нуклеусов различных типов с негативами пластинчатых снятий, которые

составляют всего 2, 6 % от всех изделий из камня. Среди последних достаточно многочисленны торцовые и клиновидные формы для снятия микропластин, а также особый тип нуклеуса для микропластинок с двумя взаимно-перпендикулярными поверхностями скалывания.

Это преобладание отщепа как основного типа заготовки и определило в целом характер орудейного набора памятника, где количество орудий из отщепов в 4, 5 раза превышает количество орудий из пластин. Среди последних ведущие группы составляют скребки и пластины с краевой ретушью, при небольшом количестве сверл и наконечников стрел, которые представлены маловыразительными обломками. При этом большая часть изделий изготавливалась с помощью крутой скребковой ретуши, которая в целом является определяющей как этого комплекса, так и вышележащих горизонтов.

Среди скребков из пластин достаточно устойчивый тип представляют концевые формы при небольшом количестве нестандартных скребков. Пластины с краевой ретушью, как уже отмечалось, не образуют единый тип, поскольку в эту группу включены как целые экземпляры, так и сечения пластин с различным характером ретуши на разных участках.

В группе изделий со вторичной обработкой из отщепов отмечается резкое доминирование скребков, количество которых почти в два раза превышает количество всех остальных изделий из отщепов. Среди скребков также можно отметить доминирование концевых форм при небольшом количестве боковых скребков, скребков с ретушью по периметру и микроскребков.

На втором месте по численности среди орудий из отщепов стоят проколки-острия, которые представляют собой один из самых характерных типов изделий памятника, образующих впоследствии вместе со скребками новый тип — комбинированные орудия, весьма характерные для комплекса финального мезолита — раннего неолита. Для всей группы проколов можно отметить определенное стремление к оформлению рабочего кончика на естественном углу заготовки, образовавшемся часто в результате слома, при этом характер первоначальной заготовки не имел никакого значения

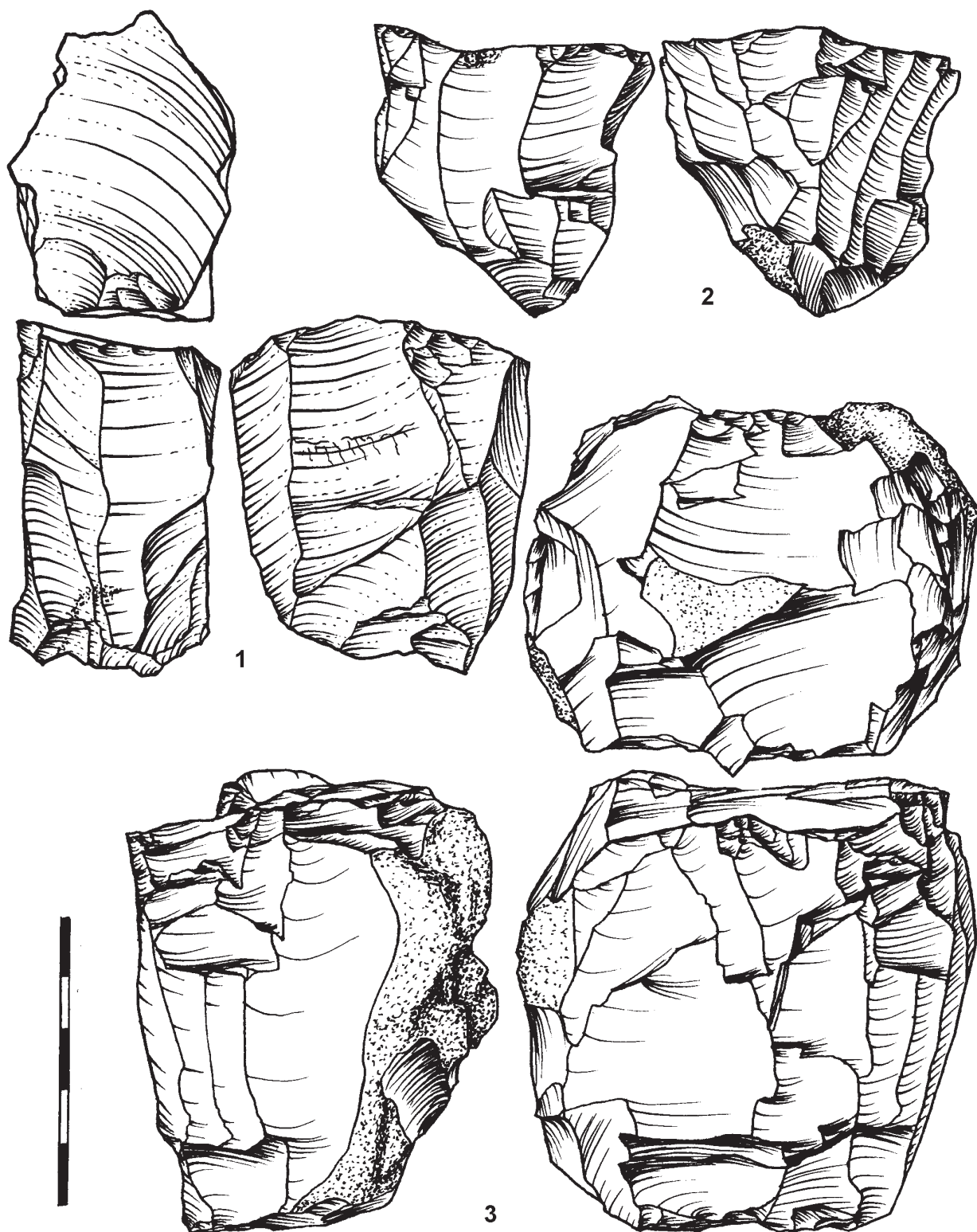

Рис. 9. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия нижнего мезолитического слоя

(это мог быть отщеп, обломок или сломанное орудие). Характер вторичной обработки зависел напрямую от степени естественного заострения кончика — могла использоваться как пологая, так и полукрутая-крутая ретушь разной степени интенсивности.

Другие орудия из отщепов представлены немногочисленными группами — скребла, орудия с подтеской, раклеты. Среди них отдельного упоминания заслуживают орудия с подтеской, поскольку этот прием оформления кромки изделий периодически встречается и в вышележащих слоях.

Остальные орудия встречены единично (сверла, резцы, орудия с выемкой, орудия с противоположащей ретушью). Факт единичной находки резца сам по себе достаточно удивителен для мезолитической стоянки этого региона, поскольку на всех стоянках Волго-Окского междуречья резцы являются одной из самых многочисленных категорий находок.

Рубящие орудия составляют небольшой процент находок от всего количества изделий из камня. Однако, несмотря на свою малочисленность, эта группа наиболее ярко характеризует кремневый

комплекс. В первую очередь это относится к шлифованным изделиям (топоры и тесла). Для них характерен определенный стандарт в изготовлении, при котором общая форма орудия была слегка вытянутой с приостренным обушком и широким лезвием. Шлифовке подвергалась либо вся поверхность изделия, либо только лезвие. Вторую группу рубящих орудий составляют двусторонне обработанные формы с выраженным лезвием. Несмотря на отсутствие шлифовки, по завершенности оформления лезвия их можно отнести к готовым изделиям.

Находки обломков шлифовальных плит также немногочисленны, однако являются обязательным атрибутом комплексов памятника (они присутствуют во всех трех, составляя стабильно один процент во всем комплексе).

Как непрременную черту кремневой индустрии слоя нужно также отметить наличие серии бифасов и многочисленных нуклевидных предметов, которые в технологическом плане являются звеньями одной цепочки производства рубящих орудий на памятнике (см. раздел технологический анализ).

ВЕРХНИЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ

Всего в ходе раскопок верхнего мезолитического слоя было найдено 7036 предметов из камня и кремны. Большая их часть представлена отщепами, осколками, пластинами, заготовками и нуклеусами, количество орудий из отщепов и пластин составляет всего 1067 экз.

Сырье, то есть плитки или гальки кремня или окремненных пород с пробными или естественными сколами, найдено в количестве 216 экз. Отщепов и их обломков — 4885 экз., в том числе отщепов и проксимальных фрагментов 2189, неопределимых обломков и фрагментов отщепов без ударного бугорка 2696.

Пластин без намеренной вторичной обработки найдено 550 экз. (рис. 10, 1–4). Эта группа находок распадается на следующие подгруппы.

1. Пластины целые (168 экз.). Размеры от 30 мм до 80 мм, в среднем 40–50 мм. Представлены в основном экземплярами с остатками естественной поверхности и реберчатыми сколами. Большинство

имеет неправильную огранку. Отличаются массивностью.

2. Проксимальные фрагменты найдены в количестве 94 экз. Представлены в основном экземплярами с огранкой, близкой к правильной.

3. Дистальных фрагментов найдено 34 экз. (в основном длинные фрагменты с отсутствующим ударным бугорком), многочисленны экземпляры с правильной огранкой, редко — с остатками корки и реберчатыми сколами.

4. Медиальные сечения от пластин средних размеров — 88 экз. Большинство из них — сечения правильных пластин минимальной толщины.

5. Пластины с нерегулярной ретушью (166 экз.), в том числе с коротким сечением — 82 экз., остальные — это целые или почти целые артефакты с правильной и неправильной огранкой, среди которых встречаются отдельные массивные экземпляры. В эту группу орудий включены изделия с фасетками, не являющимися результатом наме-

ренной вторичной обработки. Чаще всего это разрозненные мелкие фасетки или участки со смятым краем. Сюда же включены мелкие обломки пластин длиной до 1 см с участками регулярной ретуши (15 экз.) (рис. 10, 5; 11, 3).

6. Микропластины (16 экз.) с сечениями от 12 до 32 мм в длину, не более 10 мм в ширину. Почти на всех изделиях встречаются случайные мелкие фасетки.

Орудий на пластинах найдено 225 экз. Они включают следующие типы изделий.

Кремневые наконечники стрел (20 экз., в том числе 10 целых, 6 фрагментов основания и 4 фрагмента острия). Морфологический облик наконечников весьма разнообразен, ярко выраженные типы отсутствуют. Наиболее распространенной формой (7 целых и 3 фрагмента) можно считать листовидные наконечники удлинённых пропорций, однако их размеры колеблются от 26×11 до 70×13 мм. Использование для их изготовления неправильных пластин-заготовок определило интенсивную обработку обеих поверхностей изделий: со спинки многослойной полукрутой-крутой, реже плоской ретушью обработаны один или оба края (лишь в двух случаях со спинки ретушировано только острие), этим достигалась относительная симметрия наконечников, ретушь с брюшка, в основном плоская, реже полукрутая, была направлена на отделку острия и формирование зауженной черешковой части, на этих участках она покрывает всю поверхность; в отдельных случаях краевая ретушь заходит и на медиальную часть заготовки (рис. 12, 2, 3, 5–8, 14).

Два массивных наконечника (46×16×9 и 45×15×5 мм) близкой к листовидной формы, обработанные по всему периметру с обеих поверхностей (у одного уплощающей ретушью покрыта почти вся поверхность брюшка), отличаются от предыдущих отсутствием признаков намеренного выделения черешка, скорее всего, можно говорить о прямом или чуть скругленном основании без вторичной обработки (рис. 12, 12, 13).

Интересен самый маленький наконечник (16×9×2 мм) коллекции: он отличается укороченными пропорциями, крутой бисерной ретушью по

всему периметру со спинки и нерегулярной, в основном у острия, ретушью с брюшка, нижний конец изделия поврежден (рис. 12, 1).

Среди обломков можно отметить три фрагмента черешков (рис. 12, 9, 10, 16), один из которых приближается по приемам оформления к наконечникам первой из описанных групп, два других невыразительны; и два крупных обломка острий наконечников, обработанных по обоим краям со спинки крутой-полукрутой, с брюшка — пологой ретушью (рис. 19, 4, 17).

Скребки из пластин — 71 экз. Типологически они распадаются на следующие группы.

1. Концевые скребки на пластинах — 51 экз. Изготовлены из крупных пластин, пять из которых ребристые, большая часть (27 экз.) — из тонких пластин. На последних выделяется группа стандартных изделий укороченных пропорций с округлым в плане ровным лезвием (11 экз.), прямым лезвием (6 экз.), прямым скошенным лезвием (10 экз.). На восьми экземплярах наблюдается подработка полукрутой ретушью боковой стороны; у трех резцовыми сколами или участками ретуши подработаны углы проксимального конца под рукоятку. На крупных пластинах лезвия скребков, как правило, округлые (рис. 13, 4, 6), в трех случаях прямое, в двух — прямоскошенное. На пяти экземплярах также присутствует элемент подработки бокового края полукрутой ретушью. На трех орудиях угол заострения скребкового лезвия больше 90 градусов.

2. Скребки на пластинах с суженным слабовыпуклым лезвием — 4 экз. Изготовлены на крупных пластинах (три первичных скола и один ребристый). Скребковые лезвия, оформленные мелкой полукрутой ретушью, приурочены к узкому дистальному концу заготовок. В трех случаях от лезвия по боковому краю нанесена нерегулярная ретушь (рис. 15, 8).

3. Двойной скребок на массивной пластине. Ровные округлые скребковые лезвия оформлены на противоположных концах заготовки. Один край между ними также подвергся полукрутой ретуше, образующей зубчатую кромку.

4. Скребки на пластинах с ретушью по периметру — 6 экз. Три орудия изготовлены на массивных

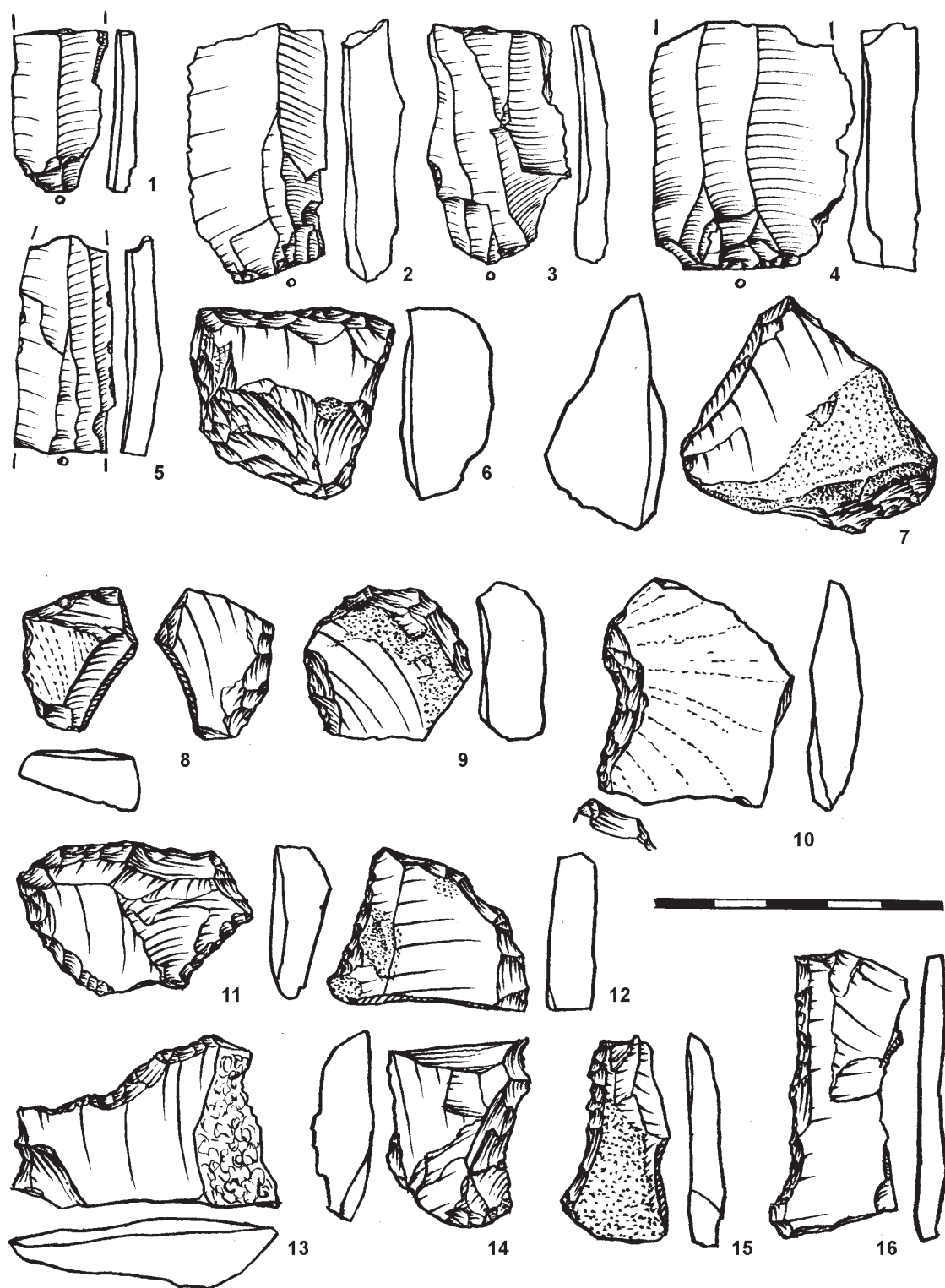

Рис. 10. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

толстых пластинах и имеют почти идентичную обработку: весь периметр орудий обработан крутой, почти отвесной ретушью, которая сформировала общую форму орудий — вытянуто-подпрямоугольную с прямыми лезвиями. На третьем самом крупном экземпляре (74×37 мм) проксимальный конец с брюшка подработан подтеской, снявшей ударный бугорок. Два миниатюрных скребка (18×12 и 26×16 мм) также обработаны крутой-полукрутой ретушью по всему периметру, иногда глубоко заходящей на спинку заготовки. У самого мелкого наблюдается подработка плоскими сколами на брюшке. Последнее орудие отличается от предыдущих тем, что изготовлено на тонкой пластине и полукрутая ретушь оформляет основное концевое округлое лезвие, остальные края оформлены в виде выемок.

5. Боковые скребки на пластинах — 3 экз. Выполнены на коротких сечениях пластин. Выпуклое слегка извилистое скребковое лезвие оформлено полукрутой ретушью на одной из боковых сторон заготовок.

6. Микроскребки на пластинах — 6 экз. Три из них выполнены на заостренном дистальном конце пластины. Один из них на пластине размерами 60×14 мм ретуширован вдоль одного края и половины другого полукрутой-пологой ретушью со спинки. Кончик микроскребка подработан также очень слабо с брюшка. На втором орудии естественное заострение дистальной части ретушировано с брюшка. Оба экземпляра характеризуются фасеткой с некониическим началом от острия вдоль оси поверх ретуши. У третьего экземпляра крутое лезвие выполнено длинными микропластинчатыми снятиями на всю толщину заготовки. У трех других на более массивных пластинах микроскребковое лезвие оформлено на углу между правым краем и сломом.

Проколки на пластинах — 13 экз. (рис. 16, 2, 11, 13, 14; 17, 7, 11): семь — на целых пластинах и шесть — на сечениях пластин. На всех целых пластинах острие проколки приурочено к заостренному дистальному концу и дополнительно подработано ретушью с одной из сторон на небольшом протяжении (5 экз.), на одном — резцовыми сколами, еще на одном, трехгранного сечения, по

одной плоскости ретушью, по другой — резцевидными снятиями. На обломках проколки оформлены на углах сломов и дополнительно ретушированы с одной из сторон. Одна из проколок на первичном сколе с брюшка с обоих краев подправлена плоскими снятиями (рис. 16, 14). Один экземпляр имеет на другом конце выемку и ретуширован по обоим краям.

Пластины с краевой ретушью — 76 экз. (рис. 11). Это достаточно неоднородная категория находок, типологически здесь выделяются следующие группы изделий.

1. Пластины с ретушью со спинки — 16 экз. Многие пластины и сечения имеют неправильную огранку, ретушь также разнородная. На четырех экземплярах наблюдается полукрутая-пологая или мелкая крутая ретушь на одном из лезвий, кромки прямые, одна чуть волнистая (рис. 11, 11). На двух других пластинах средних размеров оформлено выпуклое ровное лезвие, ретушь крупная пологая-полукрутая, в одном случае — чешуйчатая с заломом (рис. 11, 13), в другом — аккуратная пластинчатая, лезвие охватывает весь край заготовки. У четырех пластин (одна крупная) один край равномерно ретуширован по всей длине бисерной полукрутой-крутой ретушью (рис. 11, 12). Форма лезвия в трех случаях прямая, одна — слабовыпуклая. Пять фрагментов крупных пластин имеют ярко выраженную ретушь использования с заломом, вертикальной выкрошенностью и мелкозубчатую линию кромки.

2. Пластины с ретушью с брюшка — 29 экз. Изготовлены на сечениях достаточно тонких пластин разной длины, пять — почти целые. Ретушь по одному краю с брюшка встречена на 14 экз., ретушь плоская или пологая затрагивает либо весь отрезок края, либо его часть, других элементов вторичной обработки нет, лишь на одном орудии ретушированное лезвие слегка выпуклое (рис. 11, 5). На трех экземплярах оба края ретушированы с обеих сторон с брюшка (на двух — проксимальные сечения, на одном — медиальное), ретушь крупная плоская (рис. 11, 10); 6 экз. — с противоположной ретушью, плоской-полукрутой, один край ретуширован со спинки, противоположный — с брюшка (в том числе у трех — проксимальные

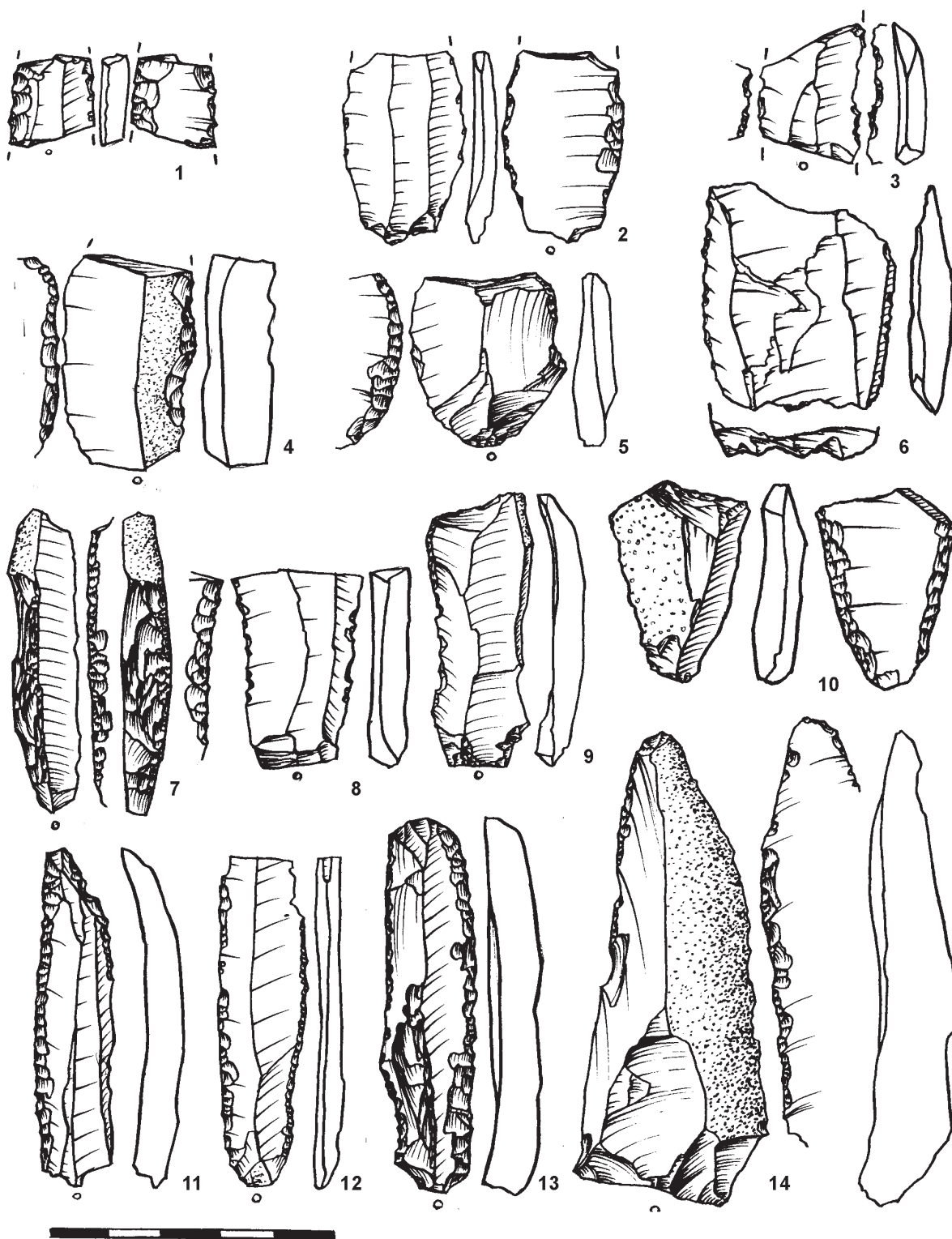

Рис. 11. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

сечения) (рис. 11, 1, 4). У четырех экземпляров один край ретуширован плоской ретушью с брюшка, другой имеет интенсивную случайную ретушь повреждения (вертикальные выломы, чередующиеся с участками забитости) (рис. 11, 2, 8). На двух пластинах разных пропорций ($56 \times 36 \times 9$ и $43 \times 20 \times 12$ мм) вдоль большей части одного края тянется однородная мелкая крутая ретушь, образующая слегка волнистое лезвие.

3. Массивные пластины с крутой ретушью (25 экз.) представлены фрагментами довольно массивных пластин от 20 до 45 мм в длину с крупной притупляющей ретушью, срезающей значительную часть края заготовки. У шести экземпляров ретушированы оба края заготовки со спинки. На одном экземпляре намечается выемка. На 17 изделиях ретуширован один край со спинки и на двух орудиях — противоположная ретушь (рис. 11, 7). В целом можно отметить отсутствие определенного стандарта в выборе заготовки и характере обработки.

4. Пластины с зубчатым лезвием (5 экз.) (рис. 11, 14) массивные, почти целые, оформлены крутой, почти отвесной ретушью с заломом, в одном случае с брюшка с одной стороны, в остальных случаях со спинки с двух сторон. У всех орудий лезвие вогнутое и извилистое. Только у одного экземпляра второе лезвие является прямым. У одного экземпляра на одном из концов тонкой ретушью оформлена проколка.

5. Пластина с подтеской проксимального конца. Здесь на широкой заготовке с брюшка нанесено несколько крупных полукрутых сколов, образовавших зубчатый край. По одному из боковых краев идет лезвие пилки с заломом и перемежающимися фасетками (рис. 11, 6).

Резцы (2 экз.) изготовлены на пластинах. У первого два резцовых скола нанесены с дистального конца вдоль правого и левого края. Образовавшееся между ними лезвие имеет подправку, направленную на получение резцового лезвия. Это лезвие с брюшка также имеет скол утоньшения. На втором экземпляре резцовый скол, снятый также с дистальной части, располагается на углу плоскости брюшка и боковой грани. На противоположном крае несколько резцовых сколов друг около друга

перекрываются серией заломов, возможно, от неудачных попыток снятия резцового скола.

Комбинированные орудия на пластинах (9 экз.) представлены орудиями типа скребок-сверло (рис. 18, 17, 18). Заготовками для этой группы являются пластины и пластинчатые отщепы сходной массивности — 7–10 мм. Все заготовки целые. На дистальном конце обычной скребковой ретушью оформлено округлое скребковое лезвие, только у одного орудия лезвие скребка прямое. На проксимальном конце, используя толщину ударного бугорка, оформлялось округлое лезвие сверла, во всех случаях по краям с одной или двух сторон лезвие заужалось с помощью неглубоких выемок, оформленных со спинки или с брюшка. В одном случае для этой цели использовался резцовый скол. На одном изделии интенсивная противоположная оббивка сняла боковые края так, что орудие приобрело подовальное поперечное сечение.

Сверла-развертки — 27 экз. (рис. 19). Форма заготовок, выбранных для этих орудий, стандартная — крупные массивные пластины и их обломки треугольного-четырёхугольного сечения, часто ребристые (7 экз.). Выделяются следующие типы.

1. Группа двойных сверл-разверток — 6 экз. Заготовками являются четыре массивных пластины и две более широкие пластинчатые заготовки. На обоих концах оформлены рабочие лезвия сверл. Обработка производилась оббивкой — ретушированием торца и прилегающих участков, направленным на скругление конца. Выступающие грани сильно пришлифованы. Боковые края заготовок со спинки ретушированы: у четырех изделий — один край, у одного — с брюшка 1 край, а у широких пластин обработке подверглись наиболее выступающие по ширине участки (рис. 19, 2, 4, 6).

2. Одинарные сверла-развертки — 20 экз. (рис. 19: 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10). Среди заготовок можно выделить аналогичные вышеописанным массивные пластины и их обломки и три тонкие пластины, у которых рабочее лезвие оформлено на проксимальном конце. Характер обработки рабочего конца аналогичен предыдущему. Однако здесь на некоторых экземплярах наблюдается дополнительная интенсивная подправка рабочего конца с брюшка (5 экз.) (рис. 19, 8). На трех изделиях грубой

интенсивной оббивке подверглась вся плоскость брюшка с обоих краев. Ретушь на боковых краях орудий со спинки наблюдается на девяти экземплярах (рис. 19, 7).

3. Сверло на ретушированной пластине. Орудие воссоздано из двух обломков, найденных на разных квадратах (единственный случай для стоянки). Представляет собой массивную пластину с обломанной ударной площадкой. С брюшка оба края подтесаны глубоко заходящей пологой ретушью. Дистальный конец обломан, присутствуют четкие следы затертости краев и выступающих участков, что характерно для сверл (рис. 19, 9).

Резчики на пластинах — 7 экз., из них пять — на сечениях и два — на целых пластинах. Резчики оформлены на углу слома, вторичная обработка включает плоское ретуширование с края и крутое ретуширование плоскости слома. На пересечении этих плоскостей образовано клювовидное лезвие. На одной целой пластине резчик оформлен на дистальном острие, а на другой — на проксимальной части, а на дистальном конце длинными тонкими микропластинчатыми фасетками оформлен очень узкий резчик-скребок (рис. 19, 1, 2).

Микропластины с краевой ретушью — 2 экз. На одной микропластине один край обработан со спинки мелкой крутой ретушью на всем протяжении, с брюшка крупная плоская ретушь занимает две трети длины. У второй микропластины (сечение 15 мм длиной) оба края ретушированы со спинки крутой-полукрутой ретушью.

Орудия на отщепах — 842 экз.

Самой многочисленной категорией являются скребки. Всего скребков из отщепов найдено 374 экз., среди них можно выделить следующие типы.

Концевые скребки на отщепах и обломках — 134 экз. Скребок лезвия оформлены на дистальном конце заготовки крутой-полукрутой скребковой притупляющей ретушью (рис. 13, 2, 3, 10; 14, 1; 15, 13). Подавляющее число заготовок представляют собой отщепы неправильной формы и обломки, часто с остатками корки на спинке. Отсутствие стандарта в выборе заготовки привело к тому, что размеры скребков варьируют от 20×15

до 55×55 мм. Форма, массивность и пропорции также сильно различаются. Можно отметить общее стремление скребкового лезвия к округлости, но у значительной части орудий оно неровное, часто мелкозубчатое. Представлено достаточно много обломков фронтальных частей скребков (20 экз.). В этой категории можно выделить серию коротких скребков на заготовках, у которых ширина (длина скребкового лезвия) превышает длину — 26 экз. Встречаются как скребки высокой формы, так и плоские скребки на тонких заготовках с полукрутой ретушью, образующей округлое ровное лезвие — 10 экз. (в том числе один с ретушью с брюшка). На большинстве скребков видны признаки подправки рабочего лезвия в процессе работы. На 19 орудиях угол заострения скребкового лезвия превышает 90 градусов. Какие-либо следы дополнительной вторичной обработки со стороны брюшка отсутствуют.

Скребки концевые-боковые (53 экз.). В эту группу включены орудия, у которых помимо основного концевого лезвия аналогичной крутой-полукрутой ретушью дополнительно оформлено боковое лезвие на одной из сторон заготовки (рис. 13, 1, 7; 14, 3, 11). Большинство изготовлено из отщепов мелких и средних размеров. Только шесть орудий можно отнести к скребкам высокой формы. Остальные выполнены на плоских заготовках. Кромки обоих скребковых лезвий ровные, исключение составляют четыре орудия с волнистой кромкой.

Скребок с лезвием, оформленным на боковой стороне заготовки, насчитывается 25 экз. Все выполнены на отщепах разнообразных очертаний, преимущественно средних размеров. Характерным элементом является скребковая ретушь, нанесенная по одному (рис. 15, 16) или обоим краям заготовки (4 экз.) (рис. 15, 10). Лезвия, как правило, ровные, слегка округлые или прямые. В одном случае отмечаются противоположащие лезвия (рис. 14, 7). Пять орудий изготовлены на тонких отщепах, на четырех из них скругленные лезвия.

Скребки с ретушью по периметру найдены в количестве 75 экз. Изготовлены из отщепов и обломков различных размеров от 20 до 60 мм в диаметре. Отличительной чертой этого типа является

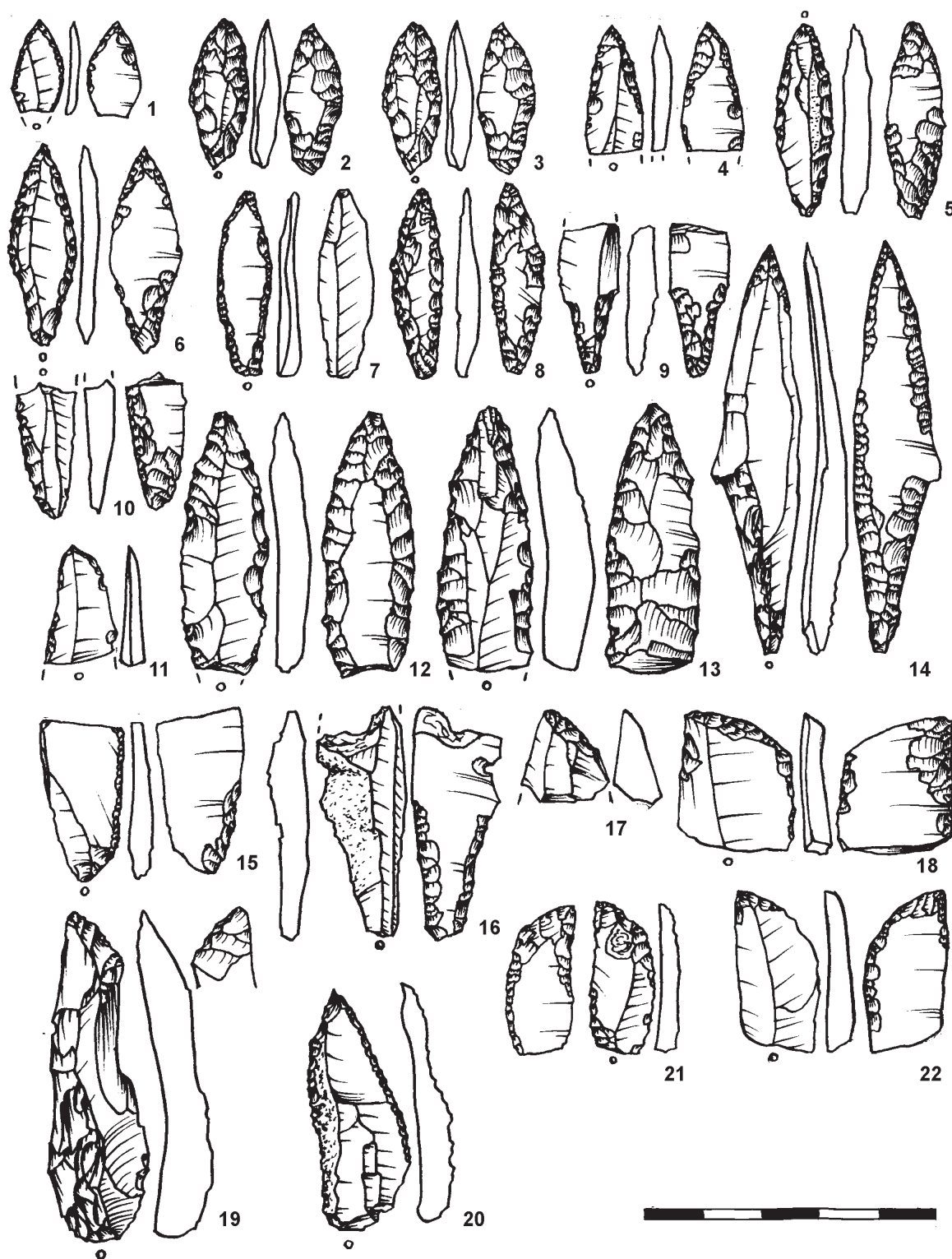

Рис. 12. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

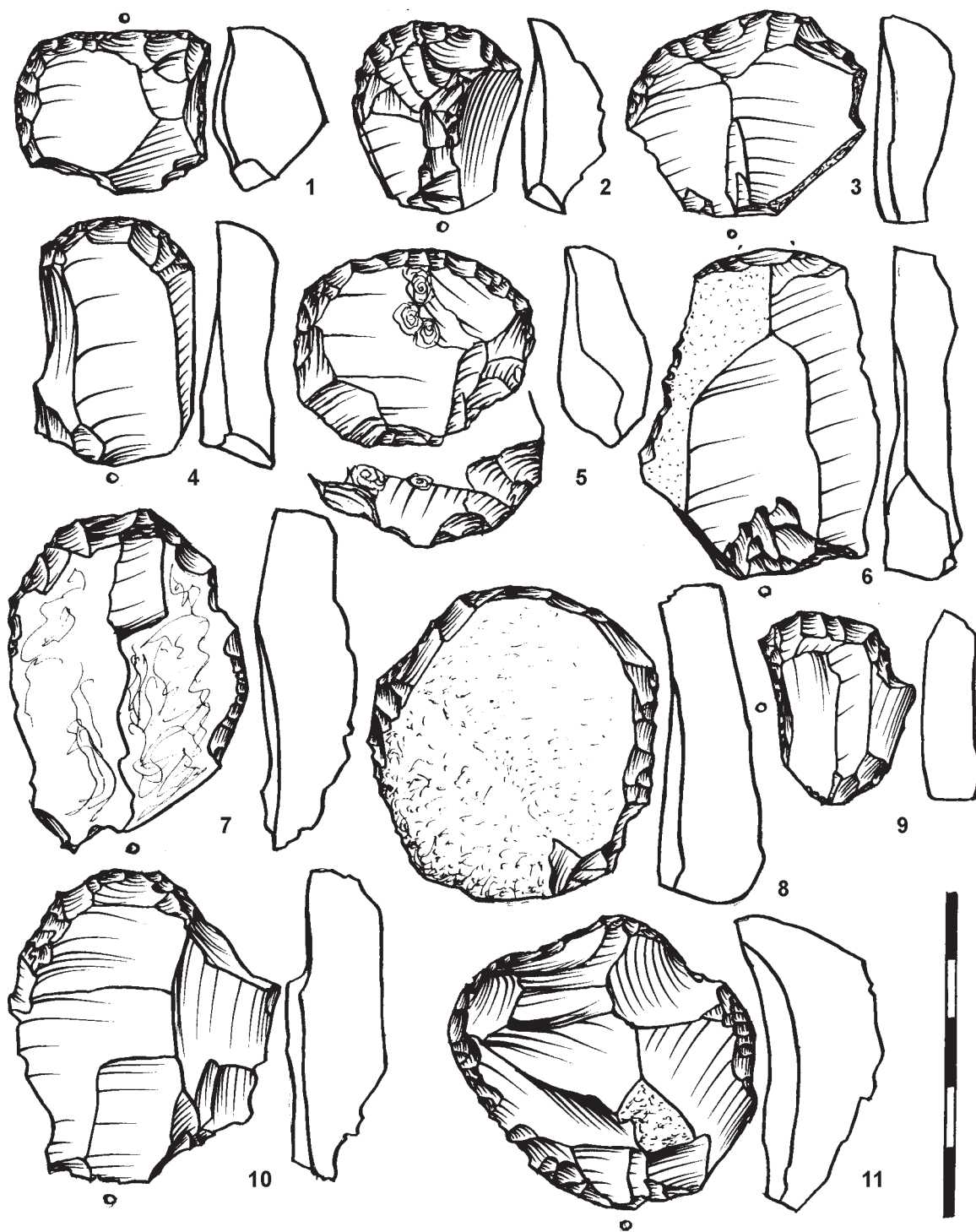

Рис. 13. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

наличие скребкового лезвия, оформленного по всему периметру заготовки или большей его части. Ретушь, как правило, крутая или полукрутая, образует ровное лезвие и определяет общую форму изделий. По форме изделия можно условно разделить на округлые и подовальные (45 экз.) (рис. 13, 8, 11; 14, 12; 15, 2, 4, 5, 15, 19, 20) и вытянуто-подпрямоугольные (26 экз.) (рис. 15, 1, 2, 9, 11). У четырех экземпляров форма орудия неправильная, отличительной чертой является наличие выпукло-вогнутого лезвия по периметру заготовки (рис. 14, 9). Среди первых большая часть изделий выполнена на уплощенных заготовках (26 экз.), среди вторых преобладают высокие формы (20 экз.), в некоторых случаях угол заострения скребкового лезвия превышает 90°.

Двойные скребки — 13 экз. Выполнены из отщепов средних и крупных размеров — от 3 до 5 см. Отличаются наличием двух скребковых лезвий, расположенных либо на противоположных концах заготовки, либо на углах одного поперечного края, где между лезвиями оставлен участок естественно вогнутого края (рис. 15, 7). Ретушь, оформляющая лезвие, крутая-полукрутая. В трех случаях угол заострения лезвия превышает 90°. Все лезвия равномерно скругленные.

Зубчатые скребки представлены 17-ю экз. Все изготовлены из грубых массивных отщепов (размер в диаметре от 3 до 6 см). Характеризуются наличием протяженного зубчатого лезвия, оформленного крупной грубой ретушью. Зубчатость края дополнительно усилена мелкими фасетками с заломами в глубине выемок. Некоторые экземпляры ретушированы почти по периметру заготовки. Вся обработка наносилась только со стороны спинки (рис. 15, 12, 18).

Скребки с намеренно суженным лезвием из отщепов и обломков (12 экз.). Их характерной чертой является узкое скребковое лезвие, полученное путем намеренного выбора соответствующего участка заготовки, или сужением с помощью интенсивной крутой ретуши, или формированием выемок (типа плечиков).

Скребки с подработкой — 39 экз. В эту группу объединены орудия, у которых помимо основного скребкового лезвия присутствует элемент допол-

нительной подработки ретушью под рукоятку или же подработка нанесена у лезвия. Всего выделены 4 группы скребков с подработкой: первая группа геометрических очертаний с обработкой черешковой части со стороны спинки — 9 экз. (рис. 15, 14) Выполнены на массивных заготовках средних размеров, скребки, оформленные на них, преимущественно высокой формы. Ретушь, оформляющая зауженную часть в трех случаях с одной стороны, в остальных случаях по спинке, крутая, иногда с заломами. Следующая группа (17 экз.) представлена скребками, близкими по форме предыдущим — от 2,5 до 4 см в диаметре на массивных заготовках со скребковыми лезвиями различной формы (прямые, округлые лезвия, лезвия с извилистой кромкой и зауженным лезвием). Отличительной чертой является подтеска со стороны брюшка основания и одного или двух краев плоскими крупными фасетками, в некоторых случаях пологими полукрутыми, имеющими целью уплощение обушковой части заготовки (рис. 14, 4, 5). В восьми случаях обработка с брюшка дополнена плоским или крутым ретушированием одного или двух краев со спинки. В некоторых случаях для той же цели (уплощение торца) были применены резцовые сколы, идущие от обушка. Третья группа (4 экз.) представлена скребками с ретушью по периметру на массивных заготовках диаметром около 4 см. Отличительной чертой является подтеска с брюшка скребкового лезвия крупными плоскими сколами (рис. 14, 2, 10). Последняя группа (9 экз.) — скребки на отщепах средних размеров, у которых крутое скребковое лезвие оформлено на более массивной части заготовки, противоположный тонкий конец дополнительно подправлен мелкой ретушью вдоль всего прямого края со спинки либо середина оставлена нетронутой (рис. 13, 5).

Скребок на нуклевидном обломке (50×47×24 мм). Представляет собой массивный обломок нуклеуса. Крутой ретушью оформлено округлое скребковое лезвие. Ретушь нанесена часто поверх негативов снятий нуклеуса.

По характеру изготовления к скребкам примыкает небольшая группа изделий (5 экз.), оформленных на массивных отщепах, где с помощью скребковой ретуши сформировано два прямых лезвия,

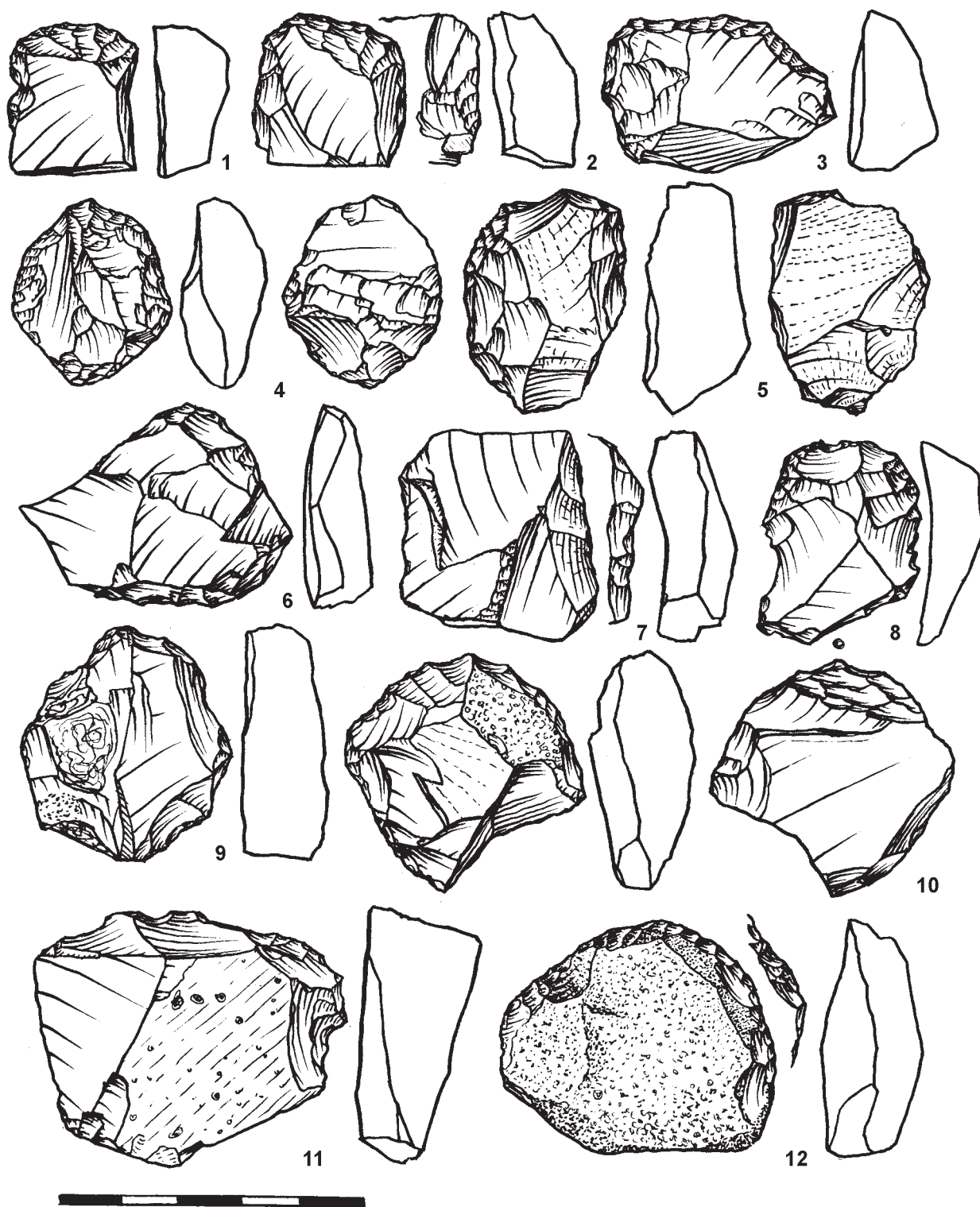

Рис. 14. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

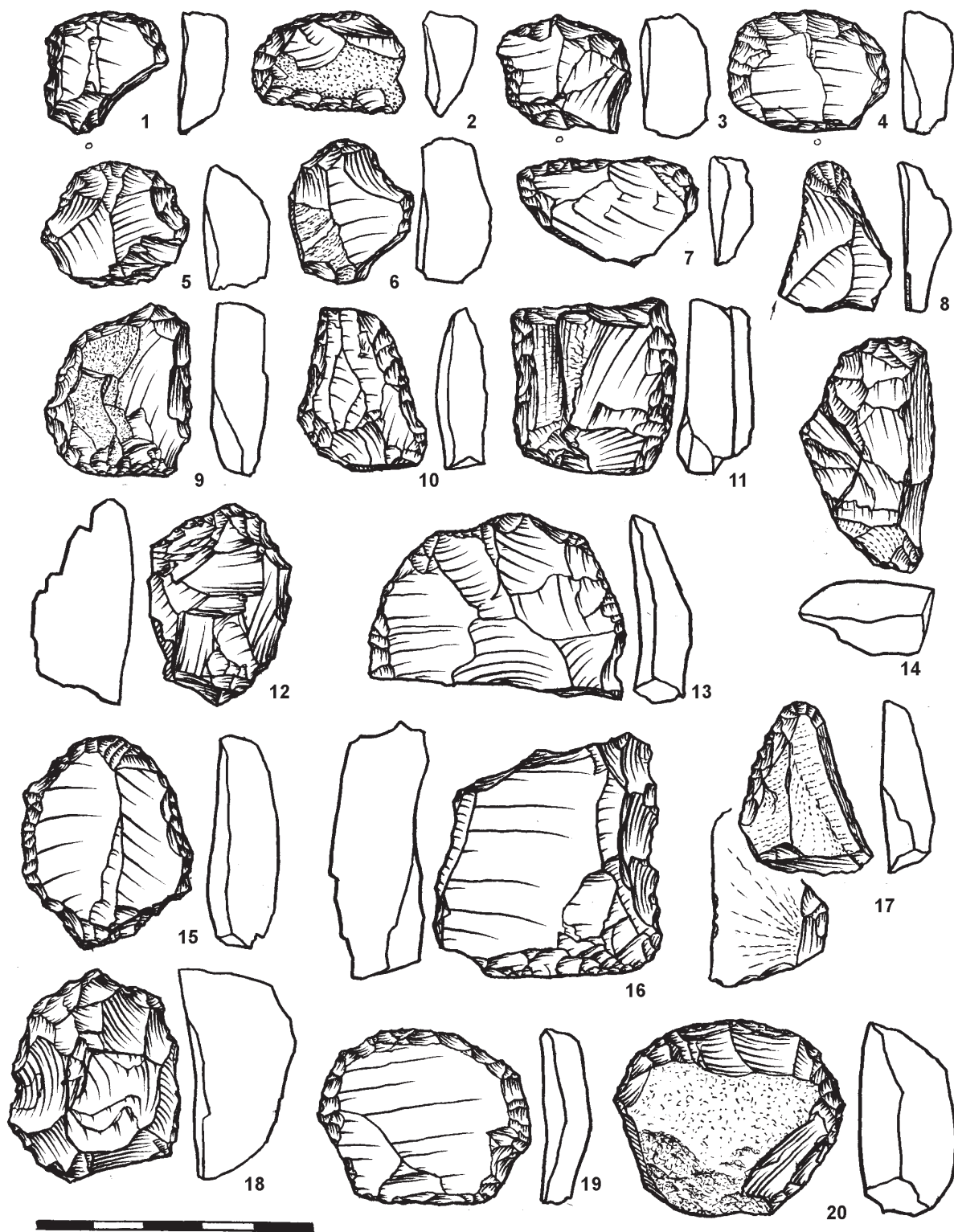

Рис. 15. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

сходящихся под прямым или острым углом друг к другу. На некоторых из них таким образом образованы два или три угла. На одном изделии также оформлено полукруглое лезвие с помощью чередующейся ретуши (рис. 10, 8–12).

Проколки и острия представлены изделиями на отщепах и обломках с вытянутым острием или жальцем, оформленными с двух сторон регулярной ретушью или резцевидными снятиями. Проколки и острия верхнего мезолитического комплекса стоянки Замостье 2 насчитывают в общей сложности 37 экз. Они характеризуются значительным разнообразием форм и приемов изготовления, что может быть связано с использованием в основном нестандартных заготовок.

Проколки с выделенным «плечиками» острием (9 экз.) (рис. 17, 1–6, 8–10). Орудия изготовлены из обломков и небольших отщепов. Острия приурочены к углам, образовавшимся естественным путем в результате поперечного или косоугольного слома на одном из краев заготовки. Лезвия проколки оформлены регулярной полукрутой и крутой ретушью с двух сторон со спинки, при этом хотя бы с одной стороны (обычно краевого лезвия) интенсивной многоярусной ретушью образована небольшая пологая выемка, с помощью которой отчасти корректировалась острота рабочего угла (в пределах 70–90°), отчасти ограничивалась собственно зона проколки. Таким образом, «плечики» проколки, выделенные выемками или ретушью, колеблются от 4×5 до 12×12 мм (в среднем 7×10–11×11 мм). В большинстве случаев вторичная обработка носила вспомогательный отделочный характер. Размеры орудий невелики и колеблются в пределах от 16×22×4 до 25×35×7 см. Характерно, что толщина заготовок совершенно равная — 7–9 мм.

Проколки с невыделенным рабочим кончиком (9 экз.) (рис. 16, 8–10, 12, 15–17). Заготовками для проколки этой группы служили целые отщепы и их обломки. Размеры изделий колеблются от 2×2 до 5,5×3 см. Оформление тонких с острым кончиком проколки производилось на естественных углах заготовок (рис. 16, 15) и дистальных концах (рис. 16, 16). Приемы оформления также разнообразны, кроме обычного ретуширования с двух или с одной стороны со спинки отмечено использование широ-

кой фасетки с неконическим началом — полулунного вылома. Большинство рабочих лезвий проколки слабо выступают над краем заготовки (4–7 мм у проколки с выделенным «жальцем» (рис. 16, 15, 16), у остальных — менее 2 мм (рис. 16, 12, 17).

Жальца-развертки с противолежащей ретушью (4 экз.) (рис. 17, 14–16). Орудия оформлены на отщепах и пластинах размером от 24×26×7 до 36×50×14 мм. Характеризуются обработкой острия с одного края (обычно слева) со спинки, другого — с брюшка. Расположение обработанного острия определялось в зависимости от конкретной формы заготовки. Так, у самого крупного изделия (рис. 17, 16) рабочее лезвие оформлено на естественном заострении в левой части заготовки, крутая с заломом ретушь на спинке (слева) и полукрутая-крутая на брюшке (до 3 мм длиной) (справа) протяженностью 12 и 10 мм образуют угол 65°. Другое орудие на фрагментированном отщепе (рис. 17, 14) с острием также слева от ударной площадки отличается тем, что угол (84°) был искусственно сделан на, очевидно, вполне ровном крае: слева, со спинки одной крупной (4 мм длиной) и несколькими мелкими фасетками образована пологая выемка (таким образом, «плечико» составляет 4 мм), справа и с брюшка интенсивная многоярусная ретушь (до 4 мм) не только формирует второе «плечико» (длиной 7 мм) и пологую выемку, но и значительно снимает край заготовки на всем его протяжении.

Острия с неполной обработкой (в том числе трехгранные) (10 экз.) (рис. 16, 1, 3–5, 7, 18; 17, 13). Эта группа является, пожалуй, наиболее специфической с точки зрения нестандартных вариантов оформления лезвия проколки. Сюда входят трех-четырехгранные острия, образованные на углах сломов или их пересечении (рис. 16, 3), обработанные с одной плоскости, а также острия с неполной односторонней обработкой, вариантом которой является не ретушь, а небольшие резцовые снятия (рис. 28, 18). В ряде случаев выбор заготовки с естественным вытянутым острием предопределил неполную вторичную обработку. Частично подправлялись две плоскости из трех (6 экз.). Заготовки для орудий самые разнообразные: от маленьких и средних обломков отщепов (рис. 16, 3) до круп-

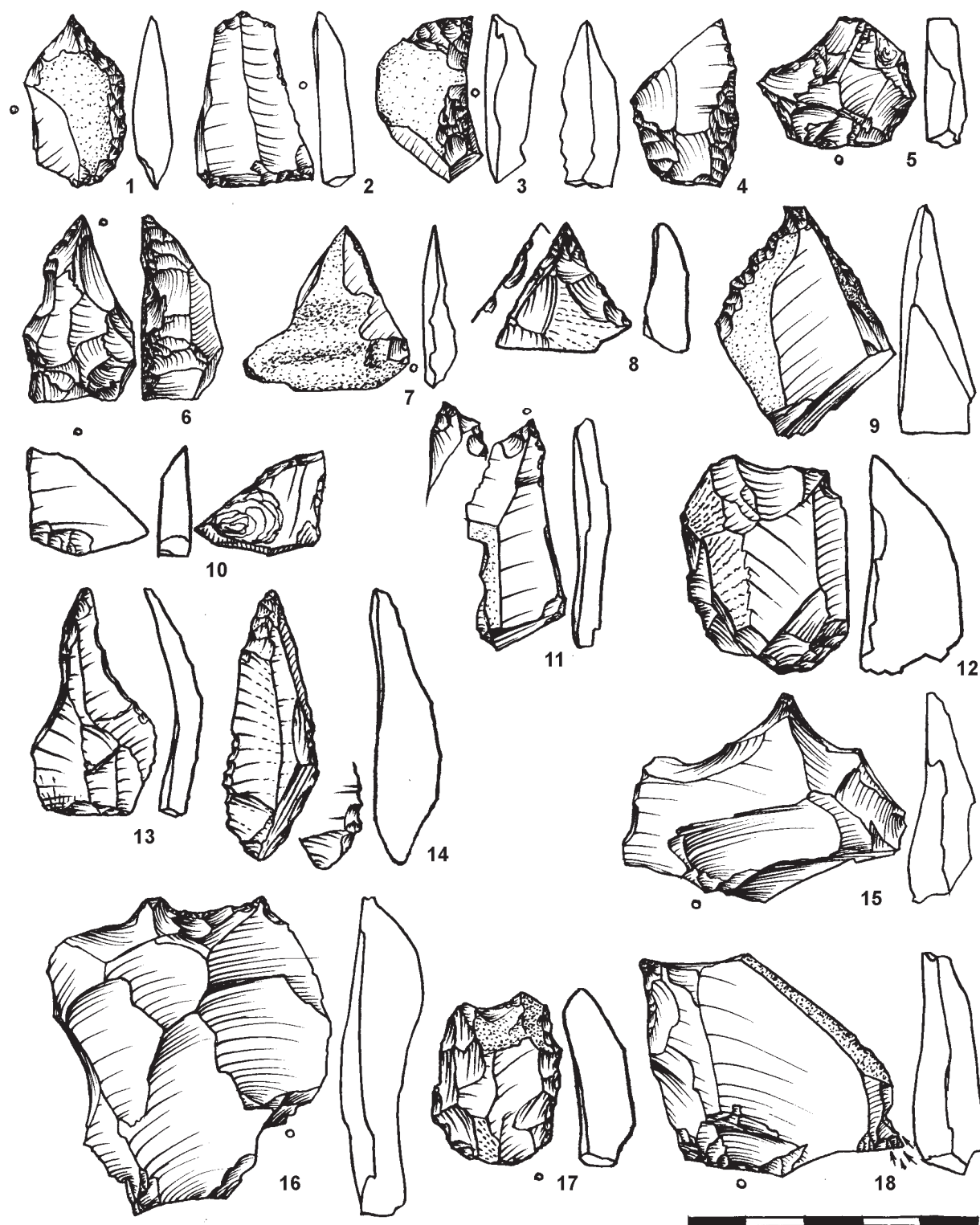

Рис. 16. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

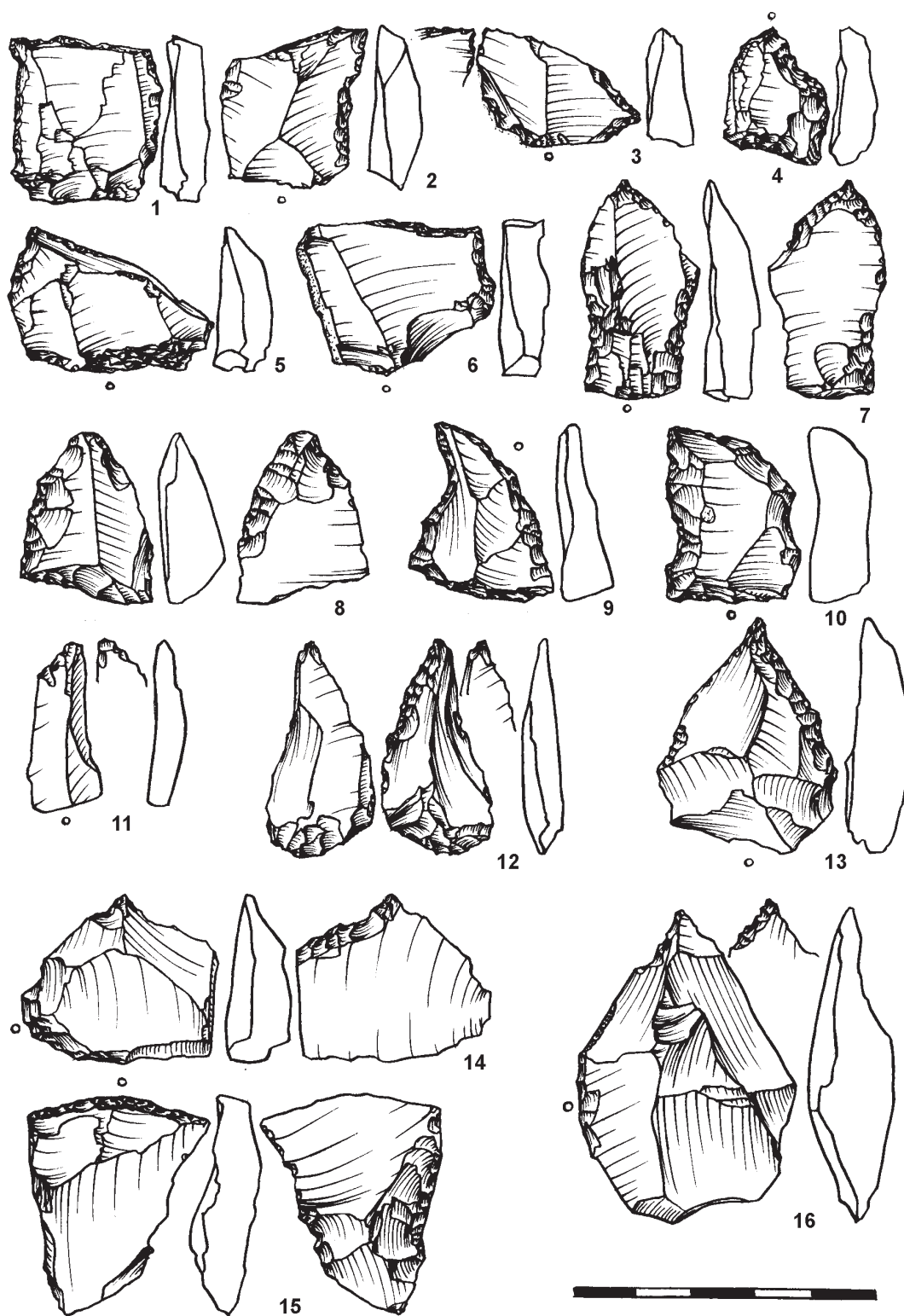

Рис. 17. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

ных, массивных и практически целых сколов (рис. 16, 18). Практически вся обработка произведена со спинки.

Проколки с подтеской с брюшка (5 экз.). Четыре предмета изготовлены из обломков и один из отщепа (рис. 17, 12). Размеры стандартные — 25×35 мм. Проколки выполнены в трех случаях на углу слома и в двух — на дистальных концах. Оформление проколов различное: две проколки на углах слома с неполной обработкой, одна на углу слома ретуширована с двух сторон со спинки, одна — на вытянутом участке заготовки и у одной тонкое жальце на дистальном конце ретушировано с двух сторон в обеих плоскостях. Отличительной чертой этой группы изделий является подтеска с брюшка основания заготовки, противоположного лезвию проколки. Подтеска плоскими довольно крупными фасетками с правого и левого края либо с торца. Такая обработка очевидно связана с оформлением рукояточной части орудия.

Комбинированные орудия найдены в количестве 146 экз. (рис. 18, 4–15). Основную массу этой категории находок составляют достаточно специфические многолезвийные орудия — проколка-микроскребок, условно названные нами «тип “Замостье”». Орудий этого типа найдено 125 экз. Это наиболее многочисленная группа орудий среди изделий со вторичной обработкой из верхнего слоя. Они выполнены на обломках отщепов примерно одинаковых размеров (в среднем — 2–3 см в диаметре). Форма изделий разнообразна — от подокруглой и подовальной до многоугольной. Характерной особенностью этих орудий является сочетание различных приемов вторичной обработки, таких как скребковая ретушь (скребок), пологие выемки, микроскребки или проколки на углах заготовок или на длинных сторонах, ретушь по большей части периметра, образующая часто извилистое лезвие. На большинстве представлены все из перечисленных признаков, на некоторых — их различные сочетания. Достаточно условно можно разделить на две подгруппы по наличию-отсутствию оформленной проколки. О преобладании же какого-либо из элементов судить сложно, потому что некоторые из них на могли являться чисто техническим приемом (рис. 18, 4–15).

1. Орудия с четко оформленной проколкой — 43 экз. (рис. 18, 4, 5) Чаще всего они оформлены на углу слома и края. Со стороны края всегда ретушированы, со стороны слома — легкая подправка со спинки и брюшка. Часто ретушью оформлялась мелкая выемка для большей выраженности острия. Острия в большей части выступают на 1–3 мм. В нескольких случаях острие оформлено с одной стороны мелким резцовым сколом. Часто проколка на заготовке противостоит скребковому лезвию. Кроме проколки на этих же орудиях встречаются также и микроскребковые лезвия. В одном случае отмечается оформление со стороны брюшка, в другом — с брюшка и со спинки.

2. Орудия с микроскребком на углу — 82 экз. Способы оформления микроскребков на углу (50 экз.) часто близки оформлению проколов: также присутствуют выемки по краям, которые приостряют этот участок, но в отличие от проколов у них скругленное лезвие, ширина которого в среднем 3–4 мм. Непосредственно кончик после нанесения ретуши подвергался обработке плоскими пластинчатыми снятиями. Большинство этих микроскребков приурочено к перегибам лезвия или углам (рис. 18, 9, 11). У микроскребков на широком лезвии (19 экз.) интенсивная скребковая ретушь глубоко сняла край, оставив выступ, на котором оформлен микроскребок (7 экз.). Эти изделия не столь четко выражены (рис. 18, 6, 7, 10).

Орудия со скребковым лезвием и широкой выемкой встречены в меньшем количестве, чем предыдущая группа, — 21 экз. (рис. 18, 8, 13, 14, 15, 16). Характерной чертой этой группы является выпуклое относительно широкое скребковое лезвие и широкая выемка. В трех случаях скребковое лезвие противостоит выемке, в том числе на двух оформление обоих элементов на противоположных сторонах заготовки, на остальных — скребковое лезвие и выемка располагаются рядом. У первых трех выемки оформлены крутой, почти вертикальной ретушью, у остальных — обычной полукрутой ретушью. Почти все изготовлены на обломках средних размеров.

Сверла с тонкими рабочими концами представлены 11-ю экз. Заготовками являлись небольшие массивные отщепы и обломки. Обработка лезвий

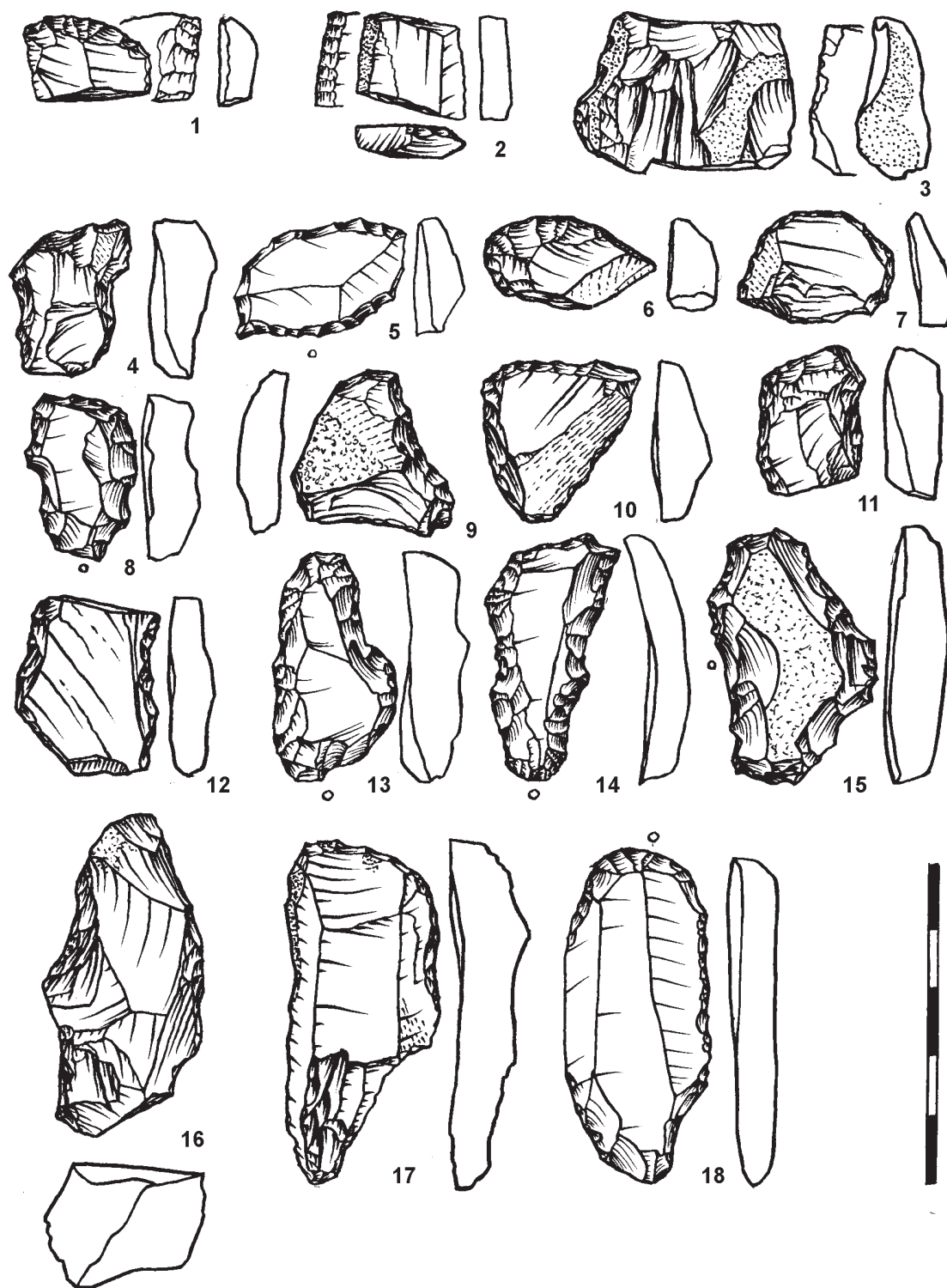

Рис. 18. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

орудий этой группы более индивидуальна и зависит от морфологии выбранного участка. Однако чаще всего ретушью подправляли 2–3 грани. На одном самом мелком изделии два рабочих кончика, скругленных от использования, не были оформлены ретушью. Рабочие участки орудий имеют диаметр от 2 до 4 мм. В то время как орудия вышеописанных групп — от 6 до 20 мм.

Орудия со сходящимися противоположащими лезвиями найдены в количестве 20 экз. Все изготовлены из отщепов и обломков средних размеров. Отличительной чертой этих орудий является стык двух лезвий под тупым углом (100–140°) с разных сторон заготовки полукрутой ретушью. На стыке лезвий располагается короткий участок лезвия, более или менее перпендикулярно расположенного к плоскости орудия, и в некоторых случаях это лезвие приближается по форме к лезвиям части резчиков. На одном изделии обработанные чередующейся ретушью стороны угла лежат в одной плоскости (рис. 10, 6, 7).

Орудия с узким острым лезвием. В эту категорию изделий со вторичной обработкой были включены орудия из отщепов и обломков, отличительной чертой которых является узкое острое ровное лезвие (от 4 до 14 мм), дополнительно приостренное мелкими плоскими фасетками с брюшка и со спинки. Это лезвие либо расположено на выступающих участках заготовок, либо заужено дополнительной ретушью, в ряде случаев оно ограничено сломами под прямым углом. На углах лезвия часто наблюдаются либо микрорезцовые сколы вдоль лезвий и по плоскости, либо ярко выраженное скругление кромки. На некоторых из резчиков отмечаются элементы других категорий (проколки, скребки), которые в данном случае не рассматриваются. Всего найден 41 экз.

Скребла представлены шестью экземплярами. Выполнены на отщепах и обломках средних и крупных размеров. Заготовки достаточно плоские, за исключением одного экземпляра. Характеризуются протяженным ровным прямым лезвием вдоль одного края, обработанным пологой-полукрутой ретушью. Остальные края без обработки. Отличаются от остальных скребковидных форм прямизной лезвия.

Скобели (орудия с выемчатым лезвием) — 10 экз. Выполнены на отщепах и обломках средних размеров и пластине. Лезвия расположены на наиболее протяженной стороне и имеют длину от 30 до 40 мм. Оформлены полукрутой-крутой, часто с заломами, ретушью. Представляют собой ряд углублений, не разделенных зубчиками (рис. 10, 13–16).

Отщепы с ретушью — 138 экз. Эта категория включает в себя неопределимые обломки орудий, а также отщепы и их обломки с более или менее протяженными ретушированными участками, но не обладающими достаточной выразительностью для отнесения их к какой-либо категории орудий. Размеры изделий колеблются от 20 до 80 мм в длину. Значительная часть отщепов является грубой с неправильной огранкой, многие несут остатки корки. Но есть фрагменты тонких пластинчатых снятий. Ретушированные участки в основном неровные, иногда отмечаются незаконченные попытки оформления скребкового лезвия.

Отщепов со следами использования найдено 59 экз. В эту группу входят целые отщепы и их фрагменты с участками нерегулярной ретуши и разрозненными фасетками, образовавшимися случайно или в результате использования. Размеры колеблются от 15 до 50 мм в длину.

Шлифованные топоры и тесла и рубящие орудия без шлифовки представлены 65-ю экз. (рис. 20, 21). Шлифованные топоры и тесла — характерная черта каменной индустрии мезолитических комплексов стоянки Замостье. Процесс их изготовления повлиял в целом на технологию расщепления камня (подробнее см. раздел «Технологический анализ»).

Топоры и тесла представляют собой бифасы с зашлифованной поверхностью, заостренным лезвием и оформленным обушком. Сырьем для изготовления этих изделий служил кремний и другие породы камня, в том числе плитчатое сырье и плоские гальки. Эта категория изделий дает большое разнообразие форм, о которых можно судить как по целым или почти целым экземплярам (11 экз.), так и по многочисленным обломкам (20 экз.). Размеры целых колеблются от 40×25×6 до 110×43×20 мм, общий контур удлинненно-

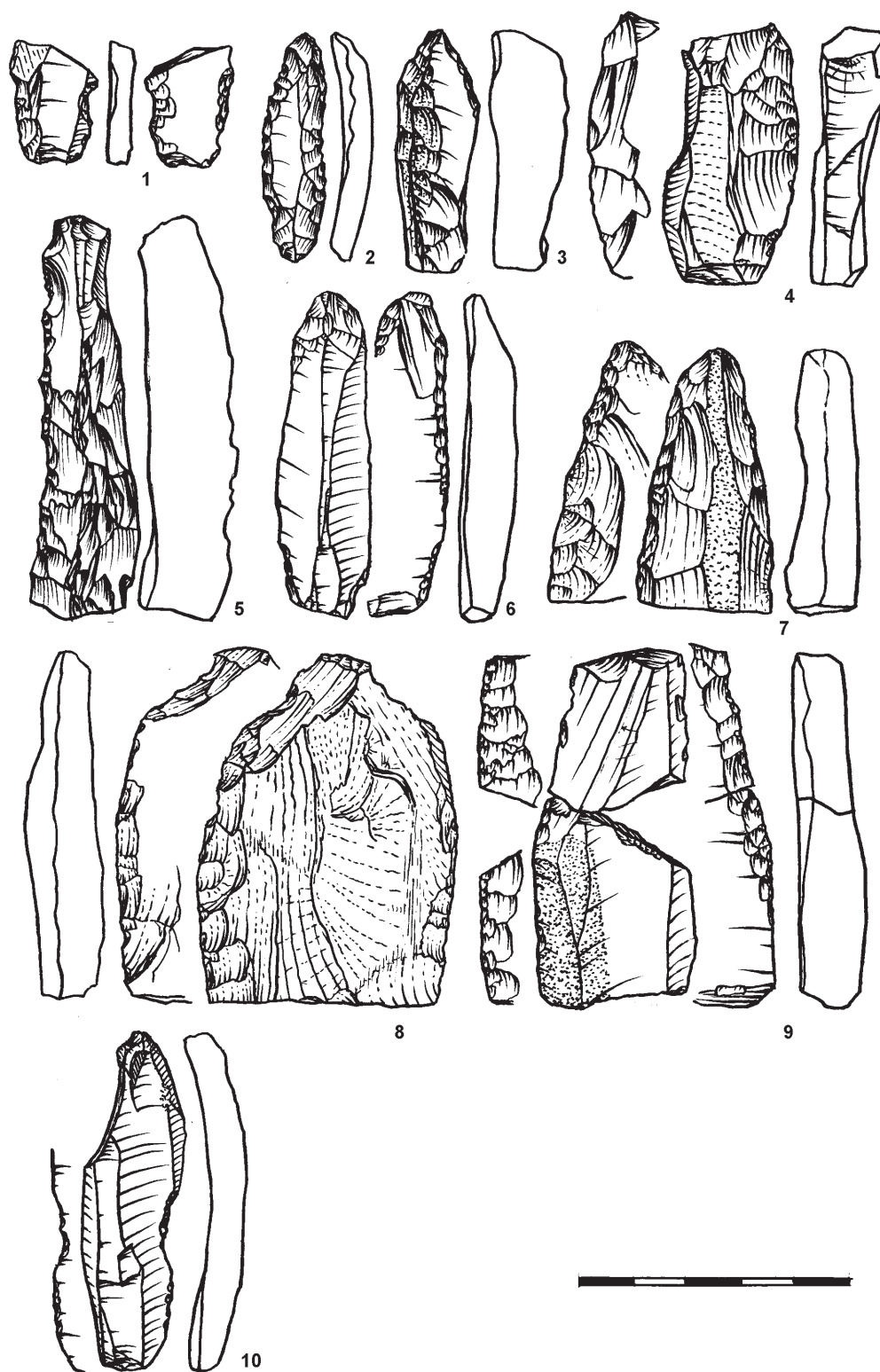

Рис. 19. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

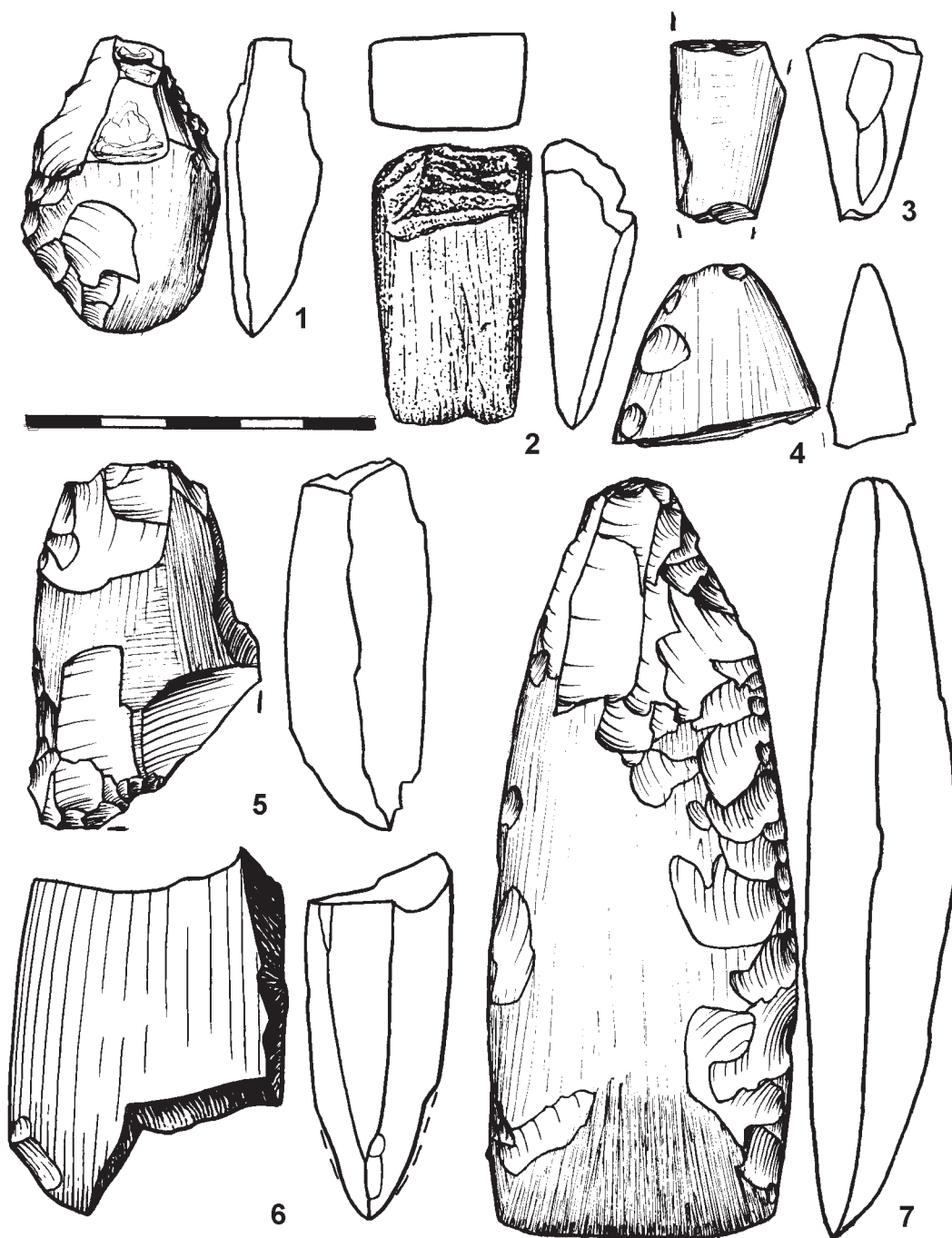

Рис. 20. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

подтреугольный со скругленной вершиной и слабовыпуклыми (1) или прямыми краями (3) (рис. 20, 7; 21, 3), укороченно-подтреугольный (3), овальный (1) (рис. 20, 1) или подпрямоугольный (3) (рис. 20, 5; 21, 1); поперечные сечения в средней части линзовидные, сегментовидные, подпрямоугольные и трапециевидные; у всех лезвия более или менее асимметричные в профиль (у трех — желобчатые (рис. 21, 1, 3) и прямые-слабовыпуклые в плане, угол заострения варьирует от 45° до 60°, у одного достигает 80°. Зашлифована вся поверхность на девяти экземплярах, на одном — только одна из поверхностей (плоская) и грань, примыкающая к лезвию. Однако почти на всех предметах имеются по краям фасетки сколов от повреждений или эпизодической подправки. Обушок располагается на суженной части орудий и чаще всего скруглен, реже обушок прямой. Среди обломков нужно отметить шесть обломков обушка, все уплощенные и зауженные по отношению к основной части орудий (рис. 20, 4), один экземпляр имеет сегментовидное сечение (ширина 13 мм, толщина 10 мм). Остальные обломки представляют собой крупные (7 экз.) и мелкие (5 экз.) фрагменты средней части тесел (рис. 20, 3; 21, 2) и лезвия (рис. 21, 2, 6).

Специфика применения обусловила интенсивный износ лезвий и, как следствие, частое переформление орудий, осуществляемое с помощью оббивки и повторной шлифовки (рис. 20, 1; 21, 1). Найдено семь бифасов, сходных с целыми экземплярами форм с небольшими участками шлифованной поверхности, оставшимися от предыдущей формы изделия, а также 10 оформленных заготовок тесел (в том числе три обломка заготовок) размерами от 43×28×10 до 55×35×14 мм.

Рубящие орудия (17 экз.) (рис. 22) представляют собой бифасы (в том числе два частичных бифаса на отщепах) без признаков шлифовки, отличительным признаком является скругленное или прямое грубо заостренное лезвие и суженный обушок. В эту группу отнесены как завершенные изделия (рис. 22, 3, 4), так и предметы в начальной стадии обработки (рис. 22, 1, 2). Форма изделий преимущественно подовальная и подтреугольная, у двух — подпрямоугольная, поперечное сечение линзовидное, ромбовидное или сегментовидное. Размеры

стандартные — от 40×25×19 до 65×38×23 мм. Следует отметить в целом довольно грубое оформление орудий, что может служить дополнительным аргументом в пользу отнесения их к заготовкам шлифованных рубящих орудий.

Заготовки бифасов — 39 экз. Это грубые изделия с двумя и более оббитыми поверхностями. Форма изделий еще не оформлена, поперечные сечения варьируют от ромбовидных и линзовидных до подпрямоугольных и треугольных. Размеры колеблются от 27×30×15 до 67×40×38 или 65×58×20 мм.

Обломки бифасов — 11 экз. Обломки в основном обушка, имеющие грубую оббивку с брюшка и со спинки. Некоторые имеют ромбовидное сечение (5 экз.). Очевидно представляют собой обломки заготовок с невыраженной формой.

Унифас (3 см в диаметре). Одна сторона на 2/3 занята коркой. Другая сторона уплощена длинными снятиями с одного края. Максимальная толщина изделия 1 см.

Последняя категория каменных находок — шлифовальные плиты, представленные обломками (33 экз.). Наиболее крупный из найденных обломков достигает размеров 115×77×33 мм. Сырьем для этих изделий служили в основном плитки крупнозернистых пород камня. Толщина варьирует от 5 до 30 мм. Края во многих случаях тщательно шлифовались. Широкая поверхность выглажена, иногда до зеркального блеска. На большей части предметов видны мелкие бороздки. В отдельных случаях она стала вогнутой в результате использования.

Нуклеусы в верхнем мезолитическом слое представлены 36-ю экз. Характер используемого сырья, судя по нуклеусам, был различным, хотя и преобладают экземпляры из мелкозернистого кремня (22 экз.), из среднезернистого найдено 8 экз. и 6 экз. из грубозернистого кремня. По технологическим признакам выделяются следующие типы.

1. Торцевой грубопризматический трапециевидной в плане формы от пластин. Карнизы не убраны. Размер 45×33×45 мм.

2. Уплощенный с двумя взаимоперпендикулярными поверхностями скалывания прямоугольной формы для пластин. Карнизы не убраны, забитость ребер. Размер 59×53×20 мм.

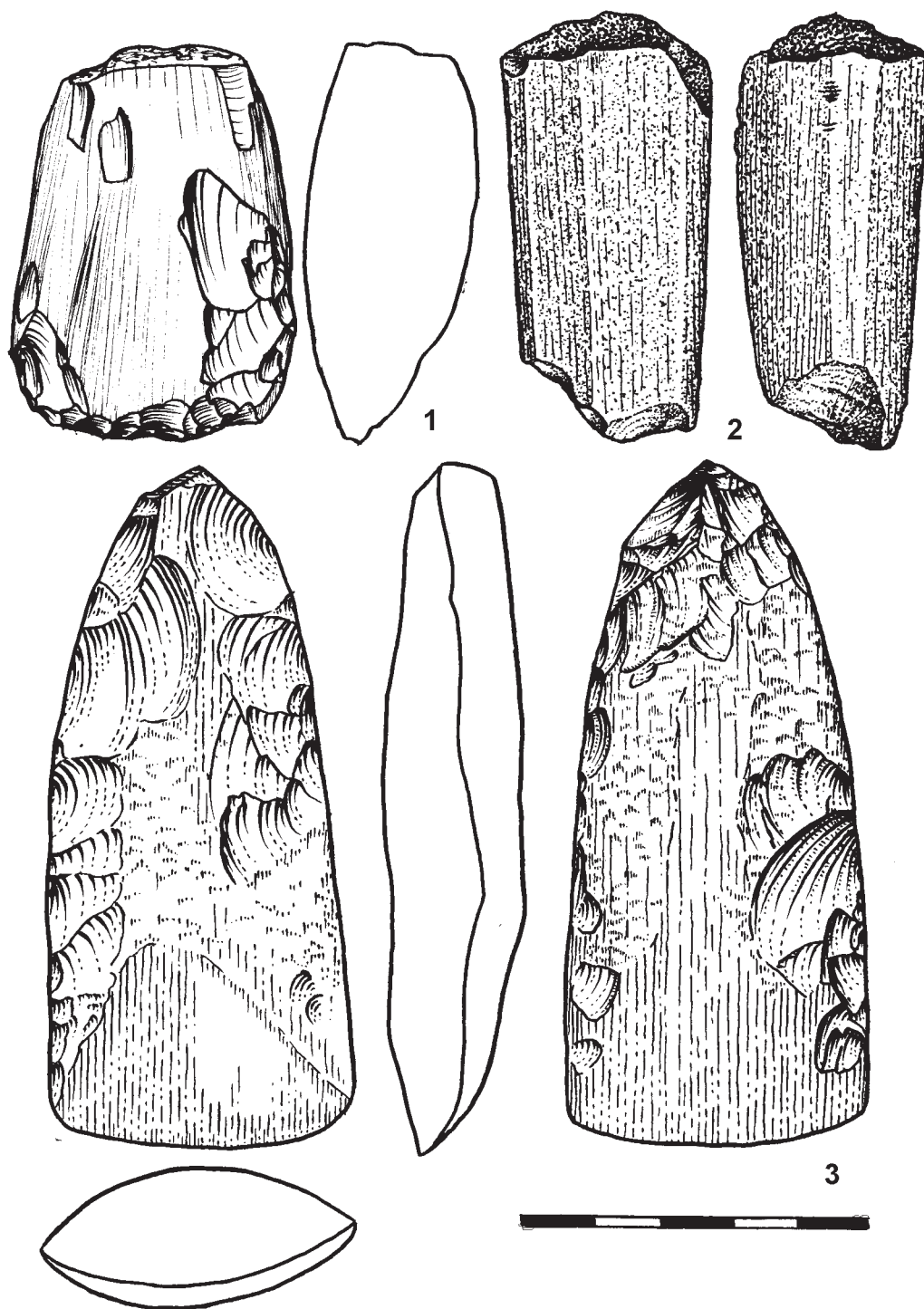

Рис. 21. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

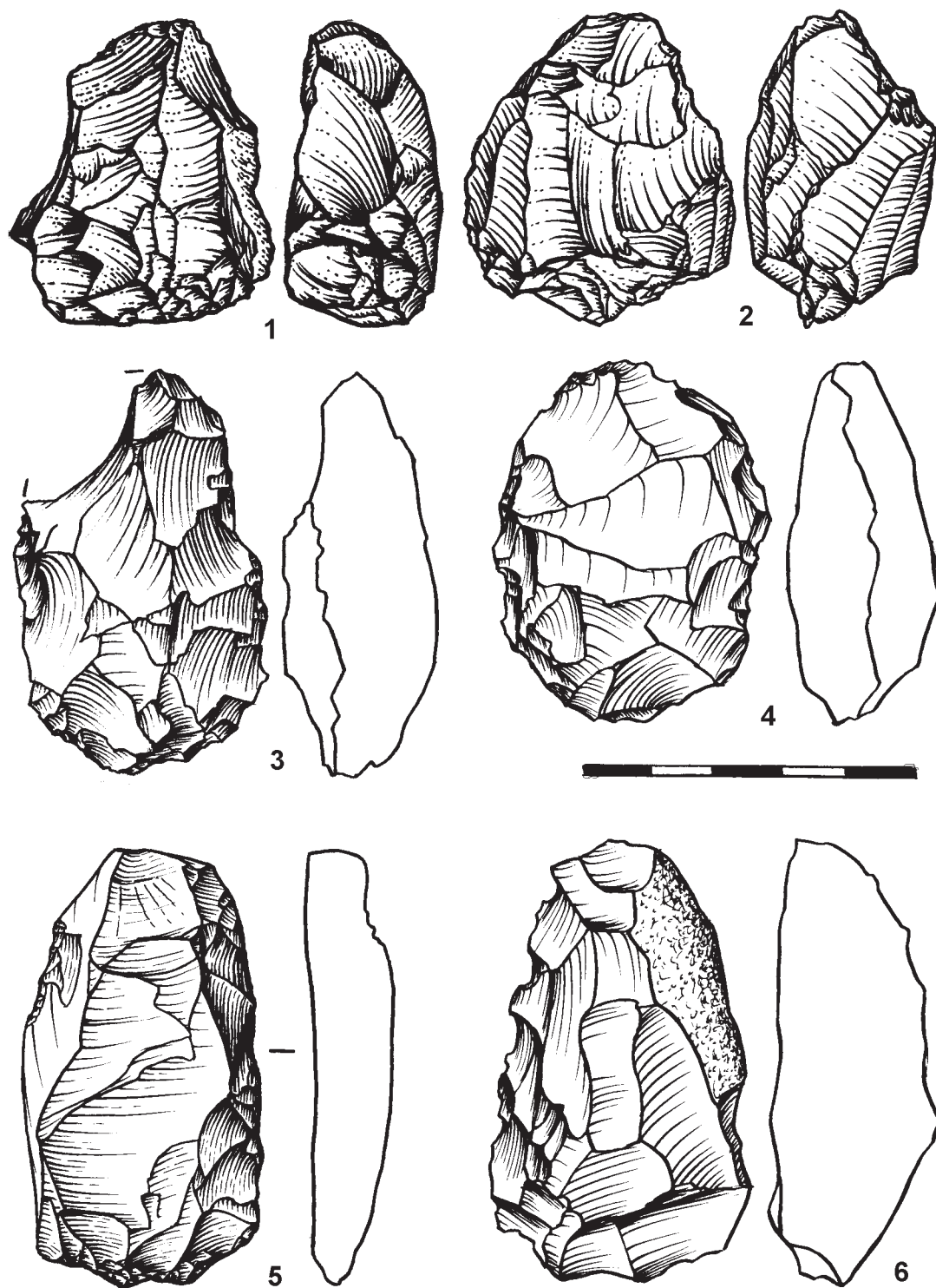

Рис. 22. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

3. Конические нуклеусы треугольной формы для отжима пластинок — 2 экз. Карнизы не убраны. Размер от 33×33×42 до 54×45×40 мм.

4. Клиновидные нуклеусы треугольной формы для отжима пластинок — 6 экз. Почти все оформлены на отщепах. На всех отмечаются попытки пластинчатого снятия в разной степени утилизации. На четырех предметах площадка подправлена сколами с фронта и сбоку, у одного нуклеуса площадочная часть усечена. Размеры от 31×22×21 до 80×30×87 мм (рис. 23, 1, 3, 6; 24, 1).

5. Подклиновидные нуклеусы треугольной формы для отжима пластинок — 3 экз. Почти все оформлены на отщепах. Карнизы не убраны. Размеры от 38×24×39 до 76×45×55 мм (рис. 23, 4).

6. Призматические нуклеусы различных очертаний (прямоугольной, трапецевидной, квадратной и вытянуто-треугольной форм) для отжима пластинок — 10 экз. Площадка подправлялась сколами сбоку и с фронта, в одном случае — с фронта. Карнизы не убраны. Размеры варьируют от 19×22×21 до 83×42×22 мм (рис. 23, 5; 24, 2).

7. Грубопризматические нуклеусы прямоугольной, квадратной и треугольной формы для пластин (13 экз.). Площадка в двух случаях подправлялась сколами с фронта, в одном — с фронта и с боковых краев. Карнизы не убраны. На поверхности скалывания негативы от снятия нескольких широких пластин. В одном случае присутствует забитость ребер. Размеры от 34×24×20 до 70×42×43 (рис. 23, 2; 24, 3, 4).

Нуклевидных обломков найдено 115 экз. Так же как и в нижнем горизонте, в эту категорию нами отнесены облупни, пробные нуклеусы, заготовки в начальной фазе, возможные пренуклеусы и другие нуклевидные формы с негативами сколов.

По количеству находок кремневый комплекс верхнего мезолитического слоя стоянки почти в три раза превышает количество находок из нижнего горизонта. Однако, несмотря на определенное изменение соотношений в составе находок, мы можем констатировать, что те характеристики и тенденции, которые удалось проследить по нижнему горизонту, остались почти неизменными.

В первую очередь это относится к резкому преобладанию отщепов над пластинами, хотя процент первых (53,1 %) снижается по отношению к нижнему горизонту, а процент последних несколько увеличивается (13,3). Так же как и в нижнем горизонте, среди пластин к правильным формам относятся единичные находки. Многочисленны неправильные пластины с участками корки на дорсальной поверхности. По отношению к нижнему горизонту процент нуклеусов с пластинчатыми снятиями (который и так был очень небольшим) уменьшается почти в три раза (с 2,6 % до 0,9 %), среди них доминируют грубопризматические и призматические формы, которые в нижнем слое были не столь многочисленны.

Преобладающее положение отщепа как типа заготовки, так же как и в нижнем горизонте, определило характер соотношения изделий из пластин к изделиям из отщепов. По сравнению с нижним слоем процент изделий из обоих типов заготовок в комплексе возрастает. Однако соотношение, наблюдаемое нами в нижнем слое, остается примерно таким же: количество орудий из пластин меньше количества орудий из отщепов в 3,7 раза. В характере вторичной обработки очевидно доминирует использование крутой скребковой ретуши при изготовлении различных типов орудий.

Так же как и в нижнем слое, в орудиях из пластин резко выделяются две ведущие группы — скребки (71 экз.) и пластины с краевой ретушью (76 экз.), при этом можно отметить появление новых достаточно многочисленных групп орудий — наконечников стрел (20 экз.), сверл (27 экз.), проколов (13 экз.).

Группа наконечников стрел представлена экземплярами, характерными для позднемезолитических памятников этого региона — это изделия из пластин листовидной или черешковой формы небольших пропорций с краевым ретушированием острия и черешка, которое иногда идет по всему периметру заготовки. Есть экземпляры с плоской ретушью с брющка на острие и черешке. По традиции они именуются наконечниками «постсвидерского» типа, одним из характерных для бутовской мезолитической культуры (Кольцов, 1989), хотя почти идентичные формы мы находим и в памятниках культуры Веретье (Ошибкина, 1982).

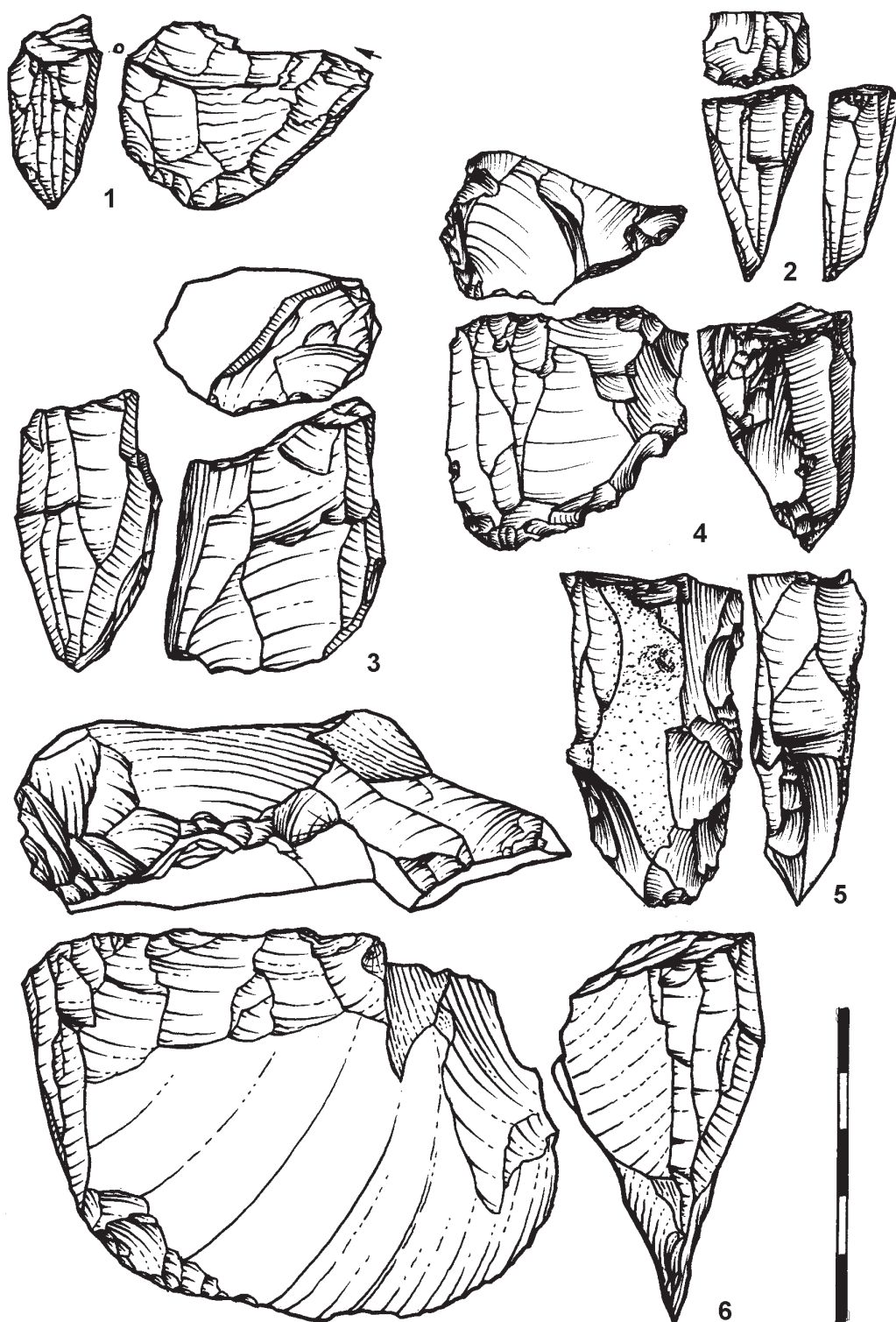

Рис. 23. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

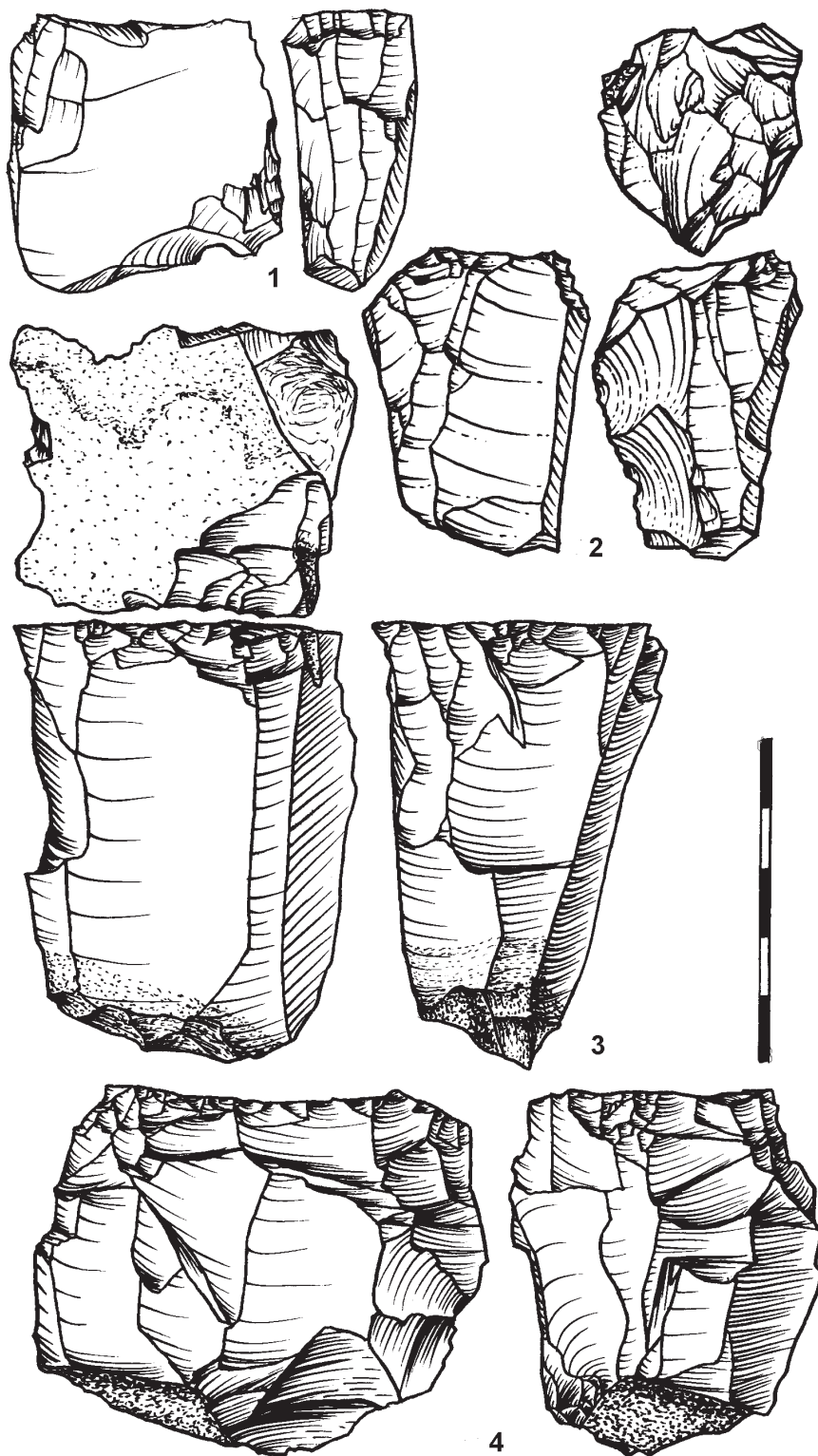

Рис .24. Стоянка Замостье 2. Кремневая индустрия верхнего мезолитического слоя

Среди скребков из пластин, так же как и в нижнем мезолитическом горизонте, ведущими в этой группе являются концевые формы при небольшом количестве других типов. Интересно отметить, что среди концевых скребков большинство орудий изготовлено из правильных пластин (27 экз.), в то время как в группе пластин без ретуши подобные заготовки практически отсутствуют.

Вторая ведущая категория находок в группе изделий из пластин (а по численности первая — 76 экз.) — пластины с краевой ретушью, которые, так же как и в нижнем слое, не составляют монолитной группы. Необходимо сразу отметить, что большинство предметов этой группы представлено обломками. Среди них есть изделия с плоской, полукрутой, крутой ретушью.

Сверла-развертки в отличие от нижнего слоя представляют достаточно многочисленную группу, при этом можно говорить о яркой выраженности этого типа, поскольку все орудия изготовлены на концах крупных пластин и их обломков и характеризуются массивностью и сильной сработанностью рабочей кромки.

Среди единичных находок из пластин присутствуют два резца, семь резчиков и девять комбинированных орудий. Здесь мы также можем отметить практически полное отсутствие в комплексе резцов как выраженной категории находок, поскольку среди изделий из отщепов этого типа орудий вообще не было найдено.

Последний момент, на котором необходимо остановиться при анализе кремневого инвентаря верхнего мезолитического горизонта, это присутствие в комплексе двух микропластин с ретушью. Они обнаружены только в этом горизонте, и, более того, можно сказать, что эти пластины играли достаточно важную роль, поскольку оба вкладышевых орудия с сохранившимися в них ретушированными микропластинами происходят из этого слоя. По всей видимости, и две изолированные находки микропластин с ретушью также связаны с вкладышевыми орудиями, поскольку на одной из них сохранились остатки смолы, которые были утеряны.

Переходя к анализу орудий из отщепов, можно также отметить резкое доминирование среди

них скребков, численность которых лишь ненамного уступает количеству других орудий из отщепов (374 экз. из 842 орудий из отщепов). Второй по численности является неизвестная ранее категория комбинированных орудий (146 экз.). Остальные категории не столь многочисленны.

В категории скребков из отщепов при доминировании концевых форм (около 200 экз. разных типов) отмечается определенная вариабельность орудий. Так, достаточно многочисленную группу (75 экз.) составляют орудия различных форм с ретушью по периметру (округлые, подчетыреугольные и др.) и боковые скребки, весьма характерной является группа скребков с подработкой рукоятки или лезвия. В целом надо отметить, что практически во всех группах отмечается подработка в той или иной степени боковых краев изделий регулярной или нерегулярной ретушью, образующей мелкие выемки или небольшие участки ровного края.

Следующая группа орудий, которая ярко характеризует верхний мезолитический комплекс стоянки, это комбинированные орудия, среди которых отчетливо выделяется особый тип изделий с сочетанием на одной заготовке различных приемов вторичной обработки — скребковидной ретуши, пологих выемок, наличие приостренных жалец. Порой бывает затруднительно выделить, какой элемент из встреченных на орудии является основным по отношению к другим. Поскольку выемка определяла появление на заготовке приостренного кончика (проколки), подработанный выделенный кончик, наоборот, мог служить своего рода приемом оформления рукоятки для скребка, лезвие которого было оформлено на противоположном конце. Все эти приемы, с одной стороны, встречаются в разных сочетаниях, с другой — они создают аморфный, но достаточно устойчивый в пределах комплекса тип орудий. Это стремление к максимальному использованию заготовки прослеживается и по другим группам орудий (скребки, проколки), где в том или ином виде указанные нами элементы также присутствуют на одной заготовке, только они не столь явно выражены, и скорее играют подчиненную роль по отношению к основному

(или основным) оформленному рабочему концу орудия.

В группе проколов-острий и группе сверл можно отметить морфологическое разнообразие, которое выразилось не только в случайности выбранных заготовок, часто бросового характера (то есть сломанных и нестандартных), но и в широком спектре размещения рабочих лезвий (углы сломов, естественные углы сколов-заготовок, дистальные концы, обычные краевые лезвия) и, отчасти как следствие этого, приемов оформления острий: с помощью всевозможных типов ретуши, резцовых снятий, с учетом естественных элементов. Тем не менее принципиальные отличия, которые отмечены нами в выделении нескольких типологических групп, связаны, вероятно, с различным функциональным назначением орудий, о котором можно будет судить более определенно лишь после проведенного трасологического анализа. Вместе с тем определенный стереотип, к которому стремились при изготовлении проколов, все же существовал. Был ли он также связан с функциональной целесообразностью или отвечал технико-культурной традиции, сказать в данном случае затруднительно. Однако нужно отметить, что во многих случаях ретушью, выемками или чем-то другим выделялось рабочее лезвие проколки-острия со сторонами («плечиками») равными 10 мм. В подавляющем большинстве отделка проколки сопровождалась по обеим сторонам пологими выемками, даже когда в этом не было необходимости для формирования определенного угла заострения.

В отдельные группы нами были выделены орудия со сходящимися противлежащими лезвиями (20 экз.) и орудия с суженным заостренным лезвием (41 экз.). Несмотря на разницу оформления этих орудий (в первом случае на стыке двух лезвий находится короткий участок лезвия, расположенного перпендикулярно к плоскости орудия, во втором — формирование острого ровного лезвия мелкими фасетками приострения, дополнительно ретушью, сломами), несомненно, целью являлось получение острой кромки (от 4 до 14 мм), аналогичной той, которая возникает в результате снятия резцового скола. По всей видимости, эти две кате-

гории являются своего рода «заменителями» резцов, категории, которая практически не представлена в материалах памятника. Однако однозначно ответить на этот вопрос можно будет только после проведения трасологического анализа этой группы орудий.

Остальные группы орудий (скребла и скобели) немногочисленны и сколько-нибудь выразительных серий не составили. Остается только отметить, что выемки, которые присутствуют на скобелях, по характеру оформления идентичны тем, которые мы наблюдаем на комбинированных орудиях, и не исключена возможность, что они являются своего рода незавершенными вариантами последних.

Процент рубящих орудий со шлифовкой и без в обоих мезолитических слоях практически идентичен (НМ — 1,9 %, ВМ — 1,6 %). Однако состав их меняется по отношению к нижнемезолитическому горизонту. Так, если в последнем количество шлифованных и нешлифованных орудий было примерно равным, то в верхнемезолитическом слое количество изделий со шлифовкой явно преобладает. Среди последних нет доминирования какого-то определенного типа: присутствуют орудия как удлиненных, так и укороченных пропорций различных очертаний и поперечного сечения. Объединяющим моментом для всех изделий являются зауженный обухок (скругленный или прямой) и расширенное лезвие. Степень шлифовки орудий различна — есть как полностью, так и частично шлифованные предметы. Однако почти на всех орудиях по краям присутствуют фасетки сколов периодической подправки. Рубящие орудия без шлифовки представляют собой двусторонние бифасы, идентичные по форме шлифованным орудиям, характерной чертой является наличие скругленного или прямого заостренного лезвия. Возможно, часть этих изделий — незавершенные заготовки, на которых отсутствует только элемент шлифовки.

Как уже отмечалось, процент обломков шлифовальных плит столь же небольшой, как и в нижнемезолитическом горизонте (0,8 %).

Столь же стабильным является процент бифасов (1,2 %), в то время как процент нуклевидных обломков уменьшается почти в два раза (2,6 %).

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕМНЕВОЙ ИНДУСТРИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2 СРЕДИ СИНХРОННЫХ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Приведенные выше материалы демонстрируют, что изученные комплексы несомненно обладают своеобразными чертами, которые даже на первый взгляд указывают на то, что памятник отличается от синхронных или близких материалов региона. Очевидно возникает вопрос, какое место занимают мезолитические комплексы стоянки Замостье 2 среди памятников Волго-Окского региона и можно ли говорить о связи кремневой индустрии мезолитических слоев стоянки с бутовской культурой Волго-Окского междуречья.

Впервые бутовская мезолитическая культура была выделена Л.В. Кольцовым по материалам работ Верхневолжской экспедиции Института археологии РАН (Крайнов, Кольцов, 1983, с. 267–271; Кольцов, 1984, с. 82–83). Исследователем неоднократно отмечалось, что бутовская культура являлась той мезолитической подосновой, на которой происходило формирование раннего неолита в регионе (Кольцов, 1984, с. 82; 1989, с. 76; 1994, с. 9; Кольцов, Жилин, 1999, с. 82–83). В связи с этим интересно будет рассмотреть вопрос о соотношении собственно бутовских материалов с материалами, полученными из мезолитических слоев стоянки Замостье 2, родственность которых с ранне-неолитическим комплексом, на наш взгляд, не подлежит сомнению.

Первая развернутая характеристика бутовской культуры была дана Л.В. Кольцовым в томе «Мезолит» серии «Археология СССР» (1989). Автором выделяются два основных этапа существования культуры — ранний и поздний (Кольцов, 1989, с. 69–76). Характеристика раннего этапа дается по стоянкам Тихоново и Бутово 1, к этому же этапу исследователь относит стоянку Соболево 7. Развернутая характеристика «поздних этапов бутовской культуры» (Там же, с. 72) представлена стоянками Микулино и Соболево 5, также упомянуты стоянки Берендеево 3, Заборовье 2, Ивановское 3 и 7 и целый ряд других памятников. Суммируя результаты исследований, ученым приводятся следующие основные общие показатели для стоянок поздней бутовской культуры: характер расщеп-

ления кремня и форма — коническая и призматическая — едины для всех памятников, основой заготовки для орудий везде являются ножевидные пластины и микропластины. Повсеместно распространены такие категории орудий, как концевые и подокруглые скребки, угловые резцы, вкладыши, ножи-скобели, симметричные проколки и сверла. Основные формы наконечников стрел — иволистная и черешковая (Там же, с. 75). Для отдельных локальных групп автором намечаются свои специфические различия. Так, для мешерской группы стоянок отмечается распространение геометрических микролитов — прямоугольников и единично трапеций. В нижнеокской группе памятников автором фиксируется раннее появление техники шлифовки, а для волжской группы — наличие рубящих орудий, которых нет в других группах (Там же, с. 75). Таковы основные параметры поздней бутовской культуры согласно Л.В. Кольцову.

Более развернутая характеристика приводится в обобщающей работе, специально посвященной бутовской мезолитической культуре в Волго-Окском междуречье (Кольцов, Жилин, 1999, с. 57–66). Авторы проанализировали огромный массив памятников, разделенных по географическому принципу: стоянки бассейна Верхней Волги — Бутово, Настасьино, Высокино, Жихарево, Кошево 2, Култино 1, 3, 4, Красново 1, Дмитровское 2, 3, Старокопанинская 3, Пищалкино, Орша, Заборовье 2, Окаево 4, 5, 29, Пекуново, Прислон, Озерки 5, 16, 17, Нушполы 11, Тихоново, Соболево 1, 3, 5, 7, Скнятино 1–3, Польцо, Лотово Гора, Подольское, Умиленье, Горшиха, Безводное, и др. — всего более 40 стоянок (Там же, с. 11–44) и памятники бассейна р. Оки — Жабынь, Гремячее, Турьинские дворики, Устье, Борки, Коростово, Дубровичи, Шумашь 2, Петрушино, Микулино, Задне-Пилево 1, 2, 4, 8, Исток 1, Борисово 1, Шильцева Заводь 5, Елин Бор, Лягалин Бор, Велетьминская 9, Угольново 1, 3, Новошино, Наумовка 1, Старая Пустынь, Утрех 3, 5, Боровское 3, 18, Ивановское 3, 7, Берендеево 3, Малая Ламна 3, Мордовское 1 и др. — всего более 34 памятников

(Там же, с. 44–53). В работе дается характеристика тех, которые не были опубликованы либо инвентарь которых носит эталонный характер, в остальных случаях приводится ссылка на публикацию. Тем не менее общий объем упомянутых в работе коллекций мезолитических стоянок, по нашим подсчетам, приближается к 100 000 изделий.

Собственно для анализа каменной индустрии бутовской мезолитической культуры авторами используются материалы 39 памятников Волго-Окского междуречья (Кольцов, Жилин, 1999, табл. 1). Общий массив изделий из кремня по этим стоянкам составляет 11 140 единиц. На основании этих данных авторами приводится развернутая характеристика облика каменной индустрии бутовской культуры. Так, основой для изготовления орудий из камня служили ножевидные пластины, полученные с помощью отжимной техники скалывания. Последняя находит свое отражение в находках двухплощадочных подпризматических и подконических нуклеусов (с преобладанием последних). Остальные виды нуклеусов встречаются единично (Там же, с. 62–63). Процент изделий со вторичной обработкой на раннем этапе составляет от 22 до 45 %. Во вторичной обработке «наиболее часто применяется крутая затупливающая ретушь, реже полого приостряющая, резцовый скол и оббивка. Шлифовка только начинает применяться» (Там же, с. 63).

Дальнейшее развитие каменной индустрии бутовской культуры шло по пути уменьшения роли пластинчатой техники. При этом ведущая роль пластины в качестве заготовки для орудий остается. Отмечается преобладание неправильных пластин, что нашло свое отражение в увеличении доли других типов нуклеусов помимо подпризматических и подконических, хотя последние по-прежнему преобладают. Процент изделий со вторичной обработкой на памятниках позднего и финального этапов бутовской культуры остается приблизительно тем же — от 26 до 41 %, во вторичной обработке «увеличивается количество орудий, приостренных пологой ретушью. Угасает обработка крутой ретушью вкладышей и площадок резцов <...> техники оббивки и шлифовки рубящих орудий развиваются» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63).

В результате авторы приходят к выводу, что «бутовская культура на протяжении всего периода своего существования сохраняет пластинчатую технику, направленную на получение заготовок с четко заданными параметрами» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63), хотя на поздних этапах, по замечанию авторов, ее роль снижается.

В орудийном наборе каменной индустрии бутовской культуры авторами отмечаются следующие признаки: широкое распространение скребков (из них наиболее часто встречаются концевые на пластинах и на отщепах), на всех памятниках обнаружены резцы, среди которых доминируют резцы на сломе заготовки. Геометрические микролиты встречены единично или небольшими сериями, среди которых наиболее характерными считаются прямоугольники и микропластины с затупленным краем и концом, помимо этого характерны также вкладыши из пластинок и микропластинок со вторичной обработкой. На большинстве бутовских памятников найдены также острия различных типов. Одним из культуроопределяющих типов являются наконечники стрел на пластинах, выполненные в постсвидерской традиции. Пластины с краевой ретушью, скобели, сверла и проколки также отмечаются практически на всех стоянках. Рубящие орудия, как оббитые, так и шлифованные, также встречены на большинстве памятников. При этом авторами отмечается увеличение доли шлифованных орудий на поздних этапах развития культуры (Кольцов, Жилин, 1999, с. 63–67).

Сравнивая приведенные выше данные с материалами стоянки Замостье 2, можно сразу отметить существенные отличия кремневого комплекса мезолитических слоев стоянки Замостье 2 от памятников бутовской культуры. В первую очередь это касается техники расщепления кремня, где в отличие от бутовских памятников основой заготовки для орудий являлся отщеп. Вся технологическая цепочка изготовления изделий из камня во всех слоях стоянки Замостье 2 связана в первую очередь с производством рубящих орудий, и технологии, направленной на получение пластин с «четко заданными параметрами» нами не прослежено. Да, обитателям стоянки Замостье 2 была известна технология получения микропластин,

однако она занимает несущественное место в общем технологическом контексте и связана только с очень узконаправленным производством — изготовлением вкладышей для составных орудий, процент которых в общем массиве инвентаря очень невелик. Следующим существенным отличием является характер орудийного набора обоих комплексов стоянки Замостье 2, где практически неизвестны такие категории находок, как резцы и вкладыши с притупленным краем, которые являются одними из важнейших признаков бутовской культуры.

Достаточно развернутая характеристика памятников бутовской культуры приведена в работе А.Н. Сорокина «Бутовская мезолитическая культура», в которой четко охарактеризованы практически все упоминаемые в литературе памятники этой культуры, дан критический анализ источников и выделены те комплексы, которые могут являться базовыми для бутовской культуры.

Характеризуя памятники бутовской культуры, А.Н. Сорокин использует в своей работе как памятники, располагающиеся в Мещерской низменности (бассейн р. Оки) и исследовавшиеся им самим, так и памятники, исследовавшиеся другими авторами в бассейне Верхней Волги. Всего автором по принципу «достаточности» и «надежности» из общего списка 94 памятников отобрано только 15 стоянок, материалы которых, по его мнению, представляют чистые представительные коллекции — это Борисово, Елин Бор (средний слой), Заборовье 2, Задне-Пилево 1, Задне-Пилево 2, Исток 1, Красное 3, Микулино, Малая Ламна 3, Новошино, Панюшенка, Петрушино, Соболево 5, Суконцево 7, Черная 1 (Сорокин, 1990, с. 25). Общий массив по всем указанным памятникам составляет 17 786 каменных предметов (Там же, с. 106).

Остановимся кратко на тех характеристиках, которые были получены А.Н. Сорокиным для памятников бутовской культуры.

Для первичной обработки характерно доминирование нуклеусов параллельного снятия с круговым скалыванием, среди которых явно преобладают одноплощадочные ядрища конической формы, дополняемые призматическими и торцевыми формами. Пластинчатость коллекций указанных

памятников варьирует в широких пределах, но для морфологически четких форм наблюдается преобладание орудий на пластинах над другими заготовками. Среди первичных сколов превалируют отщепы (49,5 %), пластин в среднем до 16,3 %. Показательно преобладание заготовок мелких размеров (до 2 см), для пластин — микропластинчатых сколов (ширина 7–10 см) (Сорокин, 1990, с. 107).

Среди орудий доминируют резцы (43,8 % в комплексе, 18,8 % среди орудий), среди которых доминируют резцы с естественной площадкой скола (85 % в среднем). Скребки в морфологически четких формах составляют, как правило, вторую по численности категорию орудий, среди которых преобладают концевые формы (в общем составе концевых скребков до 75 %), далее следуют боковые и подокруглые. Скребла, скобели, сверла с невыделенным рабочим концом немногочисленны. Пластины с приостряющей ретушью присутствуют во всех комплексах (0,6 % и 2,8 %), зубчатая ретушь практически отсутствует. Рубящие орудия немногочисленны (0,1 %, 0,6 %), но присутствуют во всех коллекциях, среди них доминируют тесла подтрапезиевидной формы из бифасов, часто с зауженным обушком. Процент комбинированных орудий почти идентичен проценту пластин с краевой ретушью (0,6 %, 2,5 %), среди которых преобладают комбинации резцов с другими формами. Косые острия — одна из выразительных форм орудий и столь же многочисленная. Острия с поперечно срезанным концом, которые близки косым остриям, лишь незначительно уступают им в проценте (0,4 % и 1,8 %). Из геометрических микролитов на памятниках бутовской культуры представлены трапеции и прямоугольники. Ведущим культуроопределяющим признаком для бутовской культуры являются микролиты с затупленным краем. Наконечники стрел представлены изделиями с постсвидерским характером обработки иволистной или черешковой форм. В среднем составляют 0,3 % в комплексе и 1,3 % по группе орудий. Другие типы наконечников встречены единично (Сорокин, 1990, с. 109–114). В общих чертах эта же характеристика бутовской культуры была подтверждена А.Н. Сорокиным и в более поздней работе (Сорокин, 2002, с. 118).

Как видно из приведенного списка характеристик памятников бутовской культуры, комплекс кремневой индустрии и орудийного набора, который был выделен для стоянок этой культуры в целом, кардинально отличается от тех характеристик, которые были выделены нами для мезолитических слоев стоянки Замостье 2. Это касается практически всех пунктов. Начнем с системы расщепления, которая базируется в бутовской культуре на утилизации конических нуклеусов преимущественно с круговой системой скалывания. В мезолите Замостья эти формы практически неизвестны. Второй момент: на всех памятниках бутовской культуры исследователем отмечается доминирование орудий на пластинах для морфологически выраженных форм, в обоих мезолитических слоях Замостья, наоборот, процент орудий из отщепов в четыре раза превышает процент орудий из пластин. Сам индекс пластинчатости меньше, чем тот, который был выявлен для памятников бутовской культуры, не говоря уже о том, что подавляющее большинство пластинчатых сколов на памятниках бутовской культуры является микропластинами, а большинство пластинчатых сколов индустрий Замостья можно только с натяжкой назвать пластинами.

В орудийном наборе памятников бутовской культуры отмечается доминирование резцов. В обоих мезолитических горизонтах стоянки Замостье 2 эта группа орудий вообще неизвестна. Зато определенное сходство прослеживается в группе скребков, где в бутовской культуре доминируют концевые, потом идут боковые и подокруглые. Та же картина по скребкам наблюдается и в Замостье. Однако это сходство нельзя рассматривать как культуруопределяющее, поскольку в целом категория скребков — непременный атрибут всех стоянок каменного века. Скребла и скобели в Замостье столь же немногочисленны, как и в бутовской культуре. Зато следующая группа — сверла и проколки — для мезолитических слоев стоянки Замостье 2, несомненно, является одной из характерных в отличие от памятников бутовской культуры. Пластины с ретушированным краем, присутствующие в бутовской культуре, есть и в мезолите Замостья, однако в отличие от бутовской

культуры их вторичная обработка более разнообразна: часто используется перемежающаяся, зубчатая, крутая и полукрутая ретушь. Небольшой процент комбинированных орудий, которые мы находим в бутовской культуре и среди которых доминируют комбинации резца с другими орудиями, противопоставляется верхнему мезолитическому горизонту Замостья, где встречается достаточно много комбинированных орудий, среди которых нет ни одного резцового снятия. Рубящие орудия и в особенности шлифованные топоры и тесла, которые по результатам технологического анализа были целью производства в мезолитических слоях Замостья, на памятниках бутовской культуры встречаются в очень небольшом количестве. Это в основном рубящие со шлифовкой. Косые острия, тронкированные пластины, геометрические микролиты (трапеции и прямоугольники), микролиты с затупленным краем — все эти группы, являющиеся, по А.Н. Сорокину, культуруопределяющими для бутовской культуры, также абсолютно неизвестны в материалах мезолитических слоев стоянки Замостье 2.

Таким образом, мы совершенно однозначно можем констатировать, что мезолитические горизонты стоянки Замостье 2 никакого отношения к бутовской культуре не имеют. Из всего вышеперечисленного комплекса признаков только два (а точнее, полтора) совпадают — это состав группы скребков, которые в бутовской культуре изготавливались в основном из пластин, и наличие наконечников стрел на пластинах с «постсвидерским» характером обработки. Однако, как замечает А.Н. Сорокин, «ареал его распространения (наконечника с «постсвидерским» характером обработки. — В.Л.) гораздо шире территории бутовской культуры и наличие их в каких-либо комплексах само по себе не может свидетельствовать ни о проникновении, ни даже о контактах обитателей таких территориально удаленных стоянок с бутовским населением» (Сорокин, 1990, с. 112). Это замечание в полной мере относится и к мезолиту стоянки Замостье 2.

В конечном счете затруднительно говорить о том, что облик кремневой индустрии целой культуры (бутовской) изменился до степени полной

неузнаваемости, что мы наблюдаем при сравнении бутовских памятников и мезолита стоянки Замостье 2. Очевидно, что здесь мы имеем дело с явлением совсем иного порядка. Выделять ли оба мезолитических слоя стоянки Замостье 2 в отдельную культуру или нет — это отдельный вопрос. С точки зрения достаточности материала это возможно (вспомним, что количество изделий из кремня из обоих слоев Замостья только в два раза уступает массиву, полученному по 15 эталонным памятникам этой культуры), однако, на наш взгляд, следует дожидаться появления других памятников, облик индустрии которых и характер технологии изготовления орудий был бы аналогичен прослеженному в материалах мезолитических горизонтов стоянки Замостье 2. Велика также вероятность сосуществования памятников с разной культурной атрибуцией в позднемезолитическое время в Волго-Окском междуречье.

Среди памятников Волго-Окского междуречья, а точнее, на его границе — Валдайской возвышенности, которая является Волго-Балтийским водоразделом, в 1983–1986 гг. В.В. Сидоровым в зоне строительства Калининской АЭС была исследована группа стоянок (Акулово 1, Васильево 1, Курово 4), материалы которых также не вписываются в традиционную для Волго-Окского мезолита картину.

Одним из показательных объектов этой группы является стоянка Васильево 1. Анализ кремневой индустрии этого памятника показал следующее: в группе сколов доминируют крупные массивные пластинчатые отщепы, микропластины присутствуют в очень небольшом количестве, но скорее как инородная добавка, чем как характерная черта комплекса. Нуклеусы для микропластинок единичны. Техника оббивки, следы которой несут почти все нуклеусы, встречена на многочисленных рубящих орудиях, скребках и макросверлах. То есть здесь мы видим уже знакомую нам по мезолитическим слоям стоянки Замостье 2 картину неопределенности различения собственно нуклеусов, пренуклеусов и заготовок рубящих орудий, при которой конечной целью производства являлись рубящие орудия. Изделия из пластин также немногочисленны — концевые скребки, наконечник

стрелы, единичные резцы (полная аналогия мезолиту Замостья), пластины с краевой ретушью. В комплексе нет типологически выраженных орудий с резцовыми сколами, что также роднит эту индустрию с индустрией мезолитических слоев стоянки Замостье 2. Показательно и отсутствие микролитов. В другом памятнике этой группы — стоянке Курово 4 — тенденции, отмеченные для стоянки Васильево 1, еще более усиливаются: этот комплекс уже характеризуется неразвитой техникой скола, резким преобладанием орудий на отщепах, при достаточно многочисленных пластинах, среди которых есть вкладыши с ретушью и редкие геометрические микролиты. Многочисленны скребки на осколках отщепов, но присутствуют и концевые формы. Огромной серией представлены рубящие орудия, пятая часть которых великолепно шлифована, есть желобчатые тесла, плоские тонкие стамески. Довольно много сверл, в том числе крупных массивных, имеются сланцевые подвески, пластины с выделенной ретушью головкой-пуговкой, представлена большая серия постсвидерских наконечников (Сидоров, 1994 с. 12; 1996; Лозовский, 1988, с. 15–16).

Все перечисленные признаки сближают эти комплексы с кремневой индустрией мезолитических стоянок Вологодской области (Андозеро-М, Муромское 7, Нижнее Веретье 1, Попово) (Ошибкина, 1981; 1983, с. 265–266). Для мезолитических комплексов культуры Веретье характерны многочисленные рубящие орудия, в том числе сланцевые шлифованные, топоры и тесла трапецевидной формы. Здесь также разнообразны и нестандартны кремневые наконечники, пластины с краевой ретушью, часто неправильные с нерегулярной ретушью. Такие категории находок, как микролиты, единичны и не составляют серий. Ведущим типом заготовки для изготовления орудий являлся отщеп, в орудийном наборе также прослеживается доминирование скребков различных форм при относительно небольшом количестве других типов изделий и в первую очередь резцов (Ошибкина, 1997, с. 41–68).

Для нашей работы представляет несомненный интерес детализированная характеристика кремневого комплекса стоянки Андозеро-М (Ошибкина,

1979, с. 21–27), которая датируется исследователем второй половиной бореального — началом атлантического периодов (Ошибкина 1989, с. 38). Анализируя материалы данного памятника, мы помимо прямых аналогий этого комплекса с материалами мезолитических стоянок бассейна р. Съежи находим немало поразительных совпадений с кремневыми комплексами мезолитических слоев стоянки Замостье 2. Так, в комплексе стоянки Андозеро-М многочисленны крупные рубящие орудия, некоторые из них со шлифовкой. Существенным отличием является использование сланца для изготовления топоров (Ошибкина, 1979, с. 21). Коллекция орудий из кремня характеризуется в первую очередь преобладанием скребков нестандартных форм, часто изготовленных из отщепов случайных очертаний. Такая категория орудий, как резцы, за исключением пяти находок, практически отсутствует в коллекции (прямая аналогия мезолитическим комплексам стоянки Замостье 2). Найденные на памятнике наконечники изготовлены из пластин путем краевого ретуширования, так же как и на-

ходки из Замостья 2, их можно условно назвать «постсвидерскими». Изделия из пластин дополняются 14-ю вкладышами из их сечений (Там же, с. 21–24). Найденные на памятнике нуклеусы несут негативы снятия пластин, при этом найдены также два экземпляра с перпендикулярно расположенными площадками, именно такие присутствуют и в мезолите Замостья 2.

В последнее время благодаря работам Н.В. Косоруковой в бассейне р. Шексны стали известны новые памятники, инвентарь которых имеет близкое сходство с материалами стоянки Андозеро-М (Косорукова, 1998, с. 162–166). Полученные для этих комплексов радиоуглеродные датировки определяют возраст изученных стоянок более ранним временем, чем мезолитические слои стоянки Замостье 2 (стоянка Лиственка 3-А — 9090±60 л.н., ГИН-6578, стоянка Усть-Андога 1 — 8540±100 л.н., ГИН-5585) (Косорукова, 1998, с. 165; Васильева, Косорукова, 2000, с. 8–9), что косвенно подтверждает наше предположение о возможной связи рассматриваемых нами комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

- Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. 25 лет (1959–1983 г.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.
- Кольцов Л.В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья. М., 1984. (Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины).
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999.
- Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
- Лозовский В.М. Технология расщепления нуклеусов в мезолите бассейна Верхней Волги // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М., 1988. С. 14–16.
- Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003. С. 219–240.
- Мезолит / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М., 1989. (Археология СССР).
- Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
- Сидоров В.В. Тысячи лет культурной преемственности // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
- Сидоров В.В. Мезолит бассейна р. Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
- Ошибкина С.В. Мезолитическая стоянка Андозеро-М. М., 1979. (КСИА. Вып. 157).
- Ошибкина С.В. Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье. М., 1981. (КСИА. Вып. 165).
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Ошибкина С.В. Мезолит центральных и северо-восточных районов севера Европейской части СССР // Мезолит. М., 1989. (Археология СССР).
- Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
- Lozovski V. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Edition CEDARC. 1996.

А. М. Жульников¹

К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ КРЕМНЕВОЙ СКУЛЬПТУРЫ И НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Zulnikov A.M. Upon a question on similarities between flint figurines and rock art of Northern and Eastern Europe

Первым обобщающим исследованием, посвященным анализу кремневой скульптуры Северо-Восточной Европы, является статья С.Н. Замятнина (1948), в которой была опубликована большая часть известных к середине XX в. кремневых скульптурок, сделаны предположения о датировке и семантике фигурного кремня, предложена классификация кремневой скульптуры. По справедливому замечанию исследователя, пик использования кремневой скульптуры в мировой культуре падает на время, переходное от эпохи камня к эпохе энеолита. С.Н. Замятнин предположил автохтонное происхождение кремневой скульптуры Северо-Востока Европы, отметив, что возможность культурных связей в духовной сфере требует анализа «перемен в среде, для которой заимствование становится исторически необходимым или хотя бы возможным» (Замятнин, 1948, с. 102).

С.Н. Замятнин, обнаружив множество параллелей в репертуаре кремневой скульптуры и петроглифов, обратил внимание, что большая часть фигурного кремня найдена за пределами распространения наскальных изображений. Это дало

основание исследователю рассматривать кремневую скульптуру как функциональный аналог петроглифов, проявившийся в тех районах Европы, где отсутствовали скальные выходы (Замятнин, 1948, с. 113).

В настоящее время после уточнения возраста наскальных изображений и кремневой скульптуры стало ясно, что мы имеем дело с разновременными явлениями. Большая часть петроглифов Карелии была создана в эпоху неолита, тогда как массовое распространение кремневой скульптуры на территории Восточной Европы происходит в энеолите (Жульников, 2006, с. 203).

Тем не менее нерешенным остается фундаментальный вопрос о причинах сходства между наскальными изображениями и кремневой скульптурой Северной и Восточной Европы не только по репертуару образов, но и по сходству деталей ряда изображений. Изучение этого вопроса представляет интерес как для исследования процессов взаимодействия в духовной сфере древнего населения Северной Европы, так и для реконструкции мировоззрения человека эпохи камня. Сопоставление особенностей стиля изображений, выполненных в разной технике, позволяет также отчасти ответить на основополагающий для крем-

¹ Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия.

невой скульптуры вопрос — что изображено или кто изображен?

С момента выхода статьи С.Н. Замятнина количество кремневой скульптуры на памятниках Восточной Европы возросло примерно в четыре раза (около 400 экз.), а число неолитических наскальных изображений на территории Фенноскандии — примерно в десять раз (около 15 000 фигур), что значительно расширяет возможности для статистических сопоставлений. Существенно расширилась и география памятников мобильного и наскального искусства, появились материалы, связанные с контекстом кремневой скульптуры. Кремневая скульптура в последние десятилетия была обнаружена в тех районах Карелии, где находятся наскальные изображения (Жульников, 1993). Основной ареал распространения кремневой скульптуры на Севере и Востоке Европы охватывает Волго-Окское междуречье, западную часть бассейна Белого моря и восточную часть бассейна Балтийского моря. В настоящее время уточнена датировка и культурная принадлежность кремневой скульптуры, появились классификации для отдельных видов фигурного кремня — антропоморфных изображений (Уткин, Костылева, 1996; Кашина, 2006) и символических фигур (Жульников, 2010). Ряд данных, полученных автором данной работы, свидетельствует о том, что наскальные изображения и кремневая пластика относятся к миру мужской субкультуры. Имеющийся контекст кремневой скульптуры говорит о том, что ритуальные функции петроглифов и кремневой скульптуры не могут быть тождественными (Жульников, 2010).

Методика данного исследования:

1. Сопоставление репертуара сходных и отличающихся образов наскальных изображений и кремневой скульптуры проведено на основании не только качественных, но и количественных данных.

2. Определение стилистических приемов и канонов, позволяющих различать изображения животных и антропоморфных персонажей в кремневой скульптуре, выполнено с опорой на наскальные изображения Фенноскандии.

3. Изучение пространственных масштабов проявления того или иного сходного признака позво-

лило выявить некоторые причины сходства наскальных изображений и кремневой скульптуры.

Наскальные изображения, как и кремневая скульптура, широко распространены на территории земного шара, однако используемые для их создания наборы образов оказываются неодинаковыми, что обусловлено природно-географическими различиями регионов, спецификой хозяйственной деятельности и локальными особенностями мифологических представлений древних людей.

С.Н. Замятнин отметил наличие в кремневой скульптуре и на петроглифах Северной и Восточной Европы следующих сходных образов: птица, бобр, лось, медведь, морской зверь, символическое изображение в виде месяца, в том числе с одним или двумя выступами, ассоциированная с символическим изображением фигура животного, выдра-щерица, фронтальная антропоморфная фигура, змея, рыба (рис. 1, 1–24).

В последние десятилетия XX в. репертуар сходных образов на петроглифах и кремневой скульптуре пополнился следующими изображениями: дерево, лосиноголовый жезл, профильный антропоморфный персонаж, символическая фигура в виде креста, пушной зверь (волк, лиса и т.п.), сдвоенная фигура птиц, собака (?), редуцированная фигура лося или голова лося (?) (рис. 1, 25–42). Некоторые из этих аналогий, не исключено, имеют случайный характер, то есть за сходными по форме изображениями, могут стоять совершенно разные образы. Требуется уточнения методами трасологического анализа изобразительный характер некоторых кремневых фигур, особенно это касается изображений в виде лосиноголовых жезлов, напоминающих по форме ножи углового типа.

Прослеживается сходство специфических приемов изображения некоторых антропоморфных персонажей (рога или уши на голове, согнутые в коленях ноги) и фигур птиц (выступ на спине) (рис. 2).

Кремень мало пригоден для изображения мелких деталей у фигур (особенно орнамента), что отчасти, видимо, обусловило ряд отличий в составе образов наскальных изображений и кремневой скульптуры.

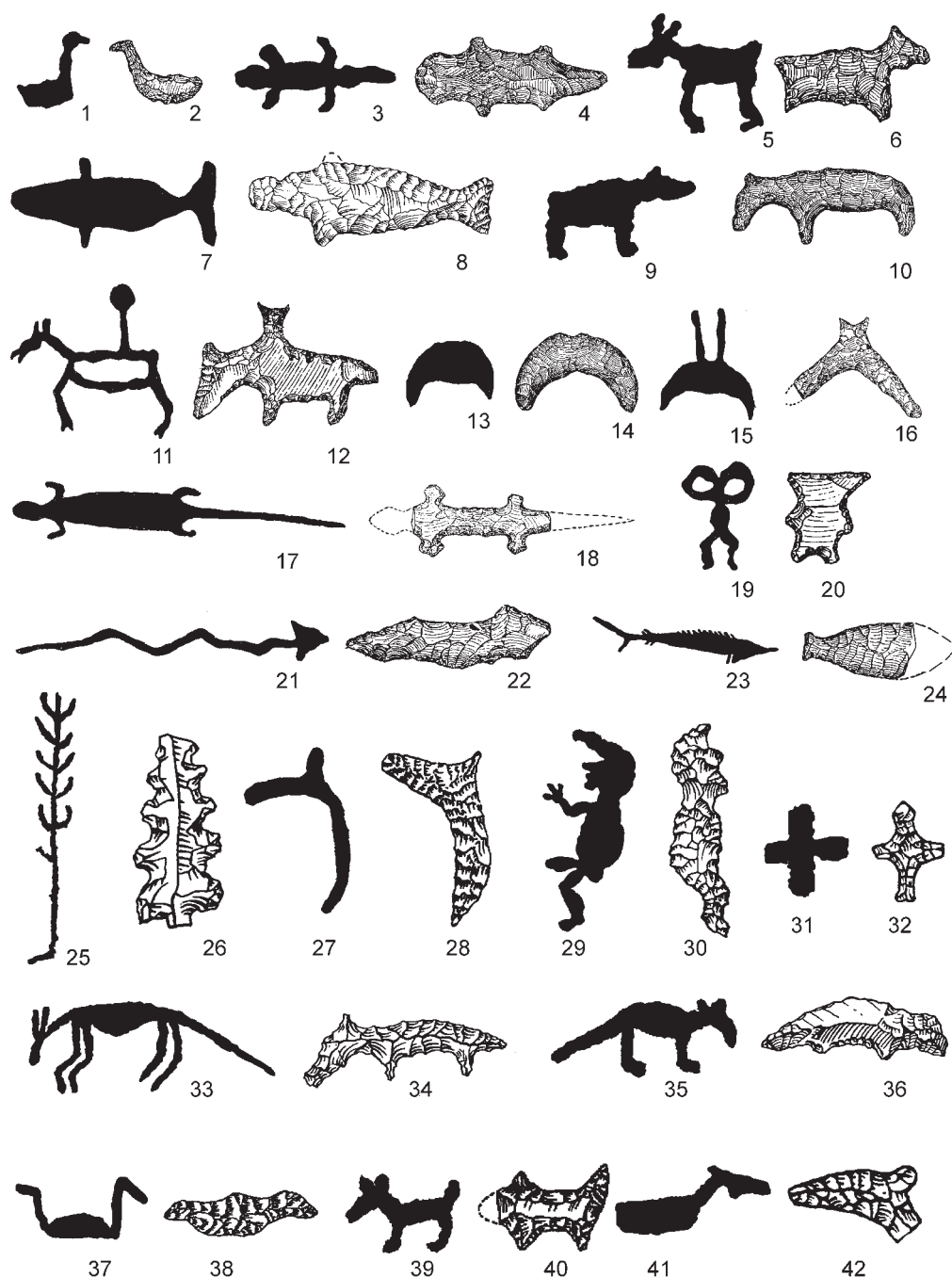

Рис. 1. Сходные изображения на петроглифах Финноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1, 3, 5, 19, 29, 41 — Пери Нос III, 7, 17, 23, 25 — Бесов Нос (западная группа), 9, 31 — Бесовы Следки (северная группа), 13 — Бесов Нос (северная группа), 21 — Пери Нос II, 27 — Альта, 33 — Карецкий Нос, 35 — Остров Большой Гурий, 37 — Кладовец Нос, 39 — Пери Нос IV, 2, 14, 16, 24 — Волосово, 4 — Казань, 6, 8, 10 — Зимняя Золотица, 12 — Дуденево, 18 — Извезово, 20 — Бологое, 22 — Панфилово, 26, 34 — Сухое, 28 — Старомазиковская III, 30 — Ольский Мыс, 32, 38 — Вёкса, 36 — Залавруга IV, 40 — Тихманга, 42 — Тунгуда V (Равдоникас, 1936; 1938; Замятнин, 1948, рис. 3, 5, 4, 3, 5, 9, 5, 9, 13, 15, 22, 6, 1, 11, 21; Савватеев, 1977, рис. 78, 8; Шевелев, 1986, рис. 1, 1; Шевелев, 1990, рис. 1, 5; Жульников, 1993, рис. 6, 4; Никитин, 1996, рис. 64, 1; Ошибкина, 1996, рис. 74, 5, 9; Недомолкина, 2000, рис. 2, 2, 4, 9)

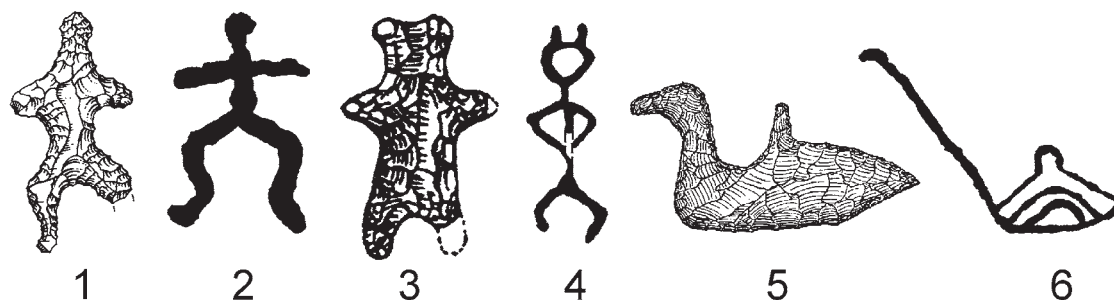

Рис. 2. Сходные приемы изображения антропоморфных персонажей и водоплавающих птиц на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — Сухое (Ошибкина, 1996, рис. 74, 2), 2 — Карецкий Нос, 3 — Уница (Замятнин, 1948, рис. 3, 7), 4 — Келтавуори (Lahelma, 2008, fig. 10, e), 5 — Модлона (Замятнин, 1948, рис. 5, 4), 6 — Пери Нос III (Равдоникас, 1936, табл. 13)

Различия в составе образов на скальных и кремневых изображениях имеют в ряде случаев определяющее значение для решения вопроса о функции памятников монументального и мобильного искусства. Особо следует отметить отсутствие в кремневой пластике изображений лодок, которые в обилии представлены во всех крупных неолитических скоплениях на скальном ис-

кусства Фенноскандии (рис. 3). Образ лодки, неразрывно связанный с понятием «община» (Ревуненкова, 1974), подчеркивает общественную значимость памятников монументального искусства. Напротив, отсутствие образа лодки в мобильном искусстве явно связано с преимущественно индивидуальным характером использования этого вида изделий.

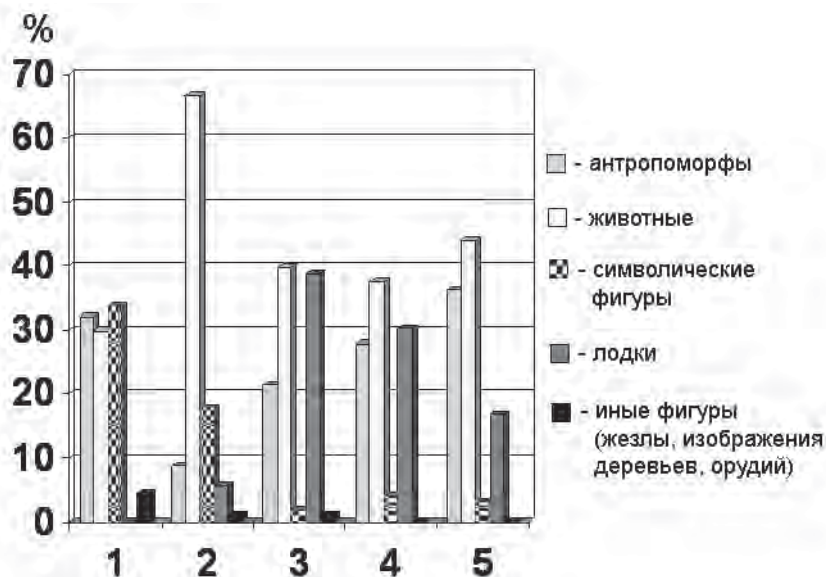

Рис. 3. Количественное соотношение образов на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы (без учета линий, неясных фигур, следов и т.п.):

1 — кремневая скульптура (225 изделий), 2 — онежские петроглифы (1080 фигур), 3 — беломорские петроглифы (1425 фигур), 4 — канозерские петроглифы (418 фигур), 5 — писаницы Финляндии (420 фигур)

В кремневой пластике в отличие от памятников наскального искусства отсутствуют фигуры в виде следов ног животных или людей (петроглифы), отпечатков ладоней (писаницы), изображения весел и других орудий труда. На петроглифах нет фигур, похожих на изображения рогов (Замятнин, 1948, рис. 5, 21). Отсутствие на неолитических петроглифах Фенноскандии изображений кабана (?), встречающихся в кремневой скульптуре Поволжского региона (Ошибкина, 1992, рис. 86), явно обусловлено природно-климатическими условиями Севера Европы, где это животное в неолите — энеолите почти не встречалось.

Следует отметить некоторые различия в деталях изображений одного вида на кремневой скульптуре и в наскальном искусстве. В частности, в кремневой скульптуре у антропоморфных персонажей нет явных признаков мужского пола, тогда как в наскальном искусстве Фенноскандии часто встречаются антропоморфные фигуры с обозначенным фаллосом. На петроглифах Онежского озера признаками мужского пола обладают 19 из 95 антропоморфных фигур, на Канозерских петроглифах 26 антропоморфных персонажей из 104 имеют обозначенный фаллос (Колпаков, 2007, с. 161). Ряд признаков позволяет уверенно распознать на наскальных изображениях персонажи женского пола (Жульников, 2006, с. 85; Колпаков, 2007, с. 161–162). Женские изображения в кремне могут быть выделены пока только условно — по наличию выступов в средней части фигур.

В кремневой скульптуре выделяется антропоморфная фигура, у которой обе ступни напоминают изображение головы змеи (рис. 4, 1). Эту фигурку (из Пено) иногда сопоставляют с костяной зооантропоморфной скульптурой из Кубенино, у которой на ногах вырезаны копыта лося (Студзицкая, 1994, с. 64). Отмечу, что копыта на скульптуре из Кубенино имеют характерную раздвоенную форму, полностью соответствующую облику копыт лося, тогда как завершение ног у кремневой фигурки из Пено совершенно иное — оно сходно с изображением головы змеи на кремневой скульптуре (Уткин, Костылева, 2000, рис. 3, 2, 3). Среди наскальных изображений Фенноскандии полные аналогии кремневой скульптуре из Пено не про-

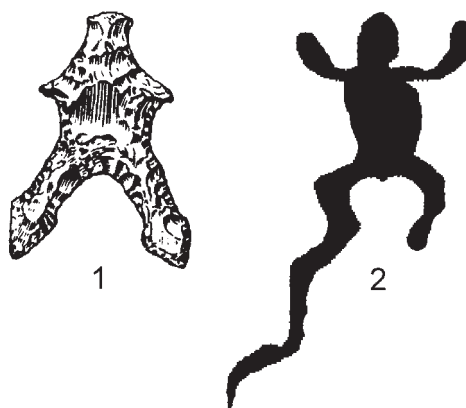

Рис. 4. Антропоморфные фигуры с ногами в виде змеи (?): 1 — Пено (Студзицкая, 1994, рис. 3, 1), 2 — Канозеро (Колпаков, 2007, с. 164)

слеживаются, но можно отметить наличие на писаницах Финляндии и петроглифах Канозеро нескольких антропоморфных фигур, одна из ног которых имеет змеевидную форму (рис. 4, 2).

Интересные результаты были получены при изучении количественного соотношения разных видов образов в кремневой скульптуре и наскальных изображениях (рис. 5). При статистическом анализе образов не рассматривались данные по неопределимым фрагментированным изображениям, неясным или сомнительным фигурам. Кроме того, не учитывался ряд изображений на петроглифах и писаницах, которые невозможно воспроизвести в кремневой скульптуре (линии, следы животных, людей, лыжных палок, лыж, отпечатки ладоней). Всего на Онежских петроглифах было учтено 1080 фигур, на Беломорских — 1425, на Канозерских — 418, на писаницах Финляндии — 420. Наиболее многочисленными в кремневой скульптуре (255 учтенных экземпляров) оказались антропоморфные и символические изображения (в том числе сдвоенные изображения птиц) — более 32 %. Животные в кремневой скульптуре занимают по численности лишь третью позицию — около 29,8 %. Эти данные с учетом соотношения видов животных в кремневой скульптуре, единичности кремневых фигур животных в исследованных погребениях позволяют высказать сомнения

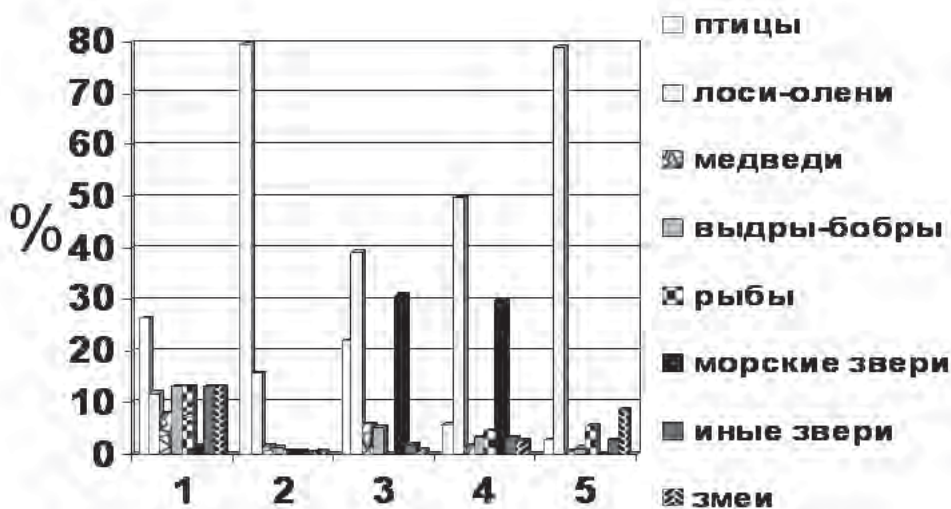

Рис. 5. Количественное соотношение изображений животных разных видов на петроглифах Фенноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — кремневая скульптура (76 фигур), 2 — онежские петроглифы (718 фигур), 3 — беломорские петроглифы (504 фигуры), 4 — канозерские петроглифы (157 фигур), 5 — писаницы Финляндии (185 фигур)

по поводу часто встречающегося в археологической литературе предположения о связи кремневой скульптуры с тотемистическими представлениями древних людей.

На Онежских петроглифах доминируют изображения животных — 66,5 %, тогда как доля символических фигур, включая сдвоенные фигуры птиц, составляет 17,8 %, антропоморфных персонажей — 8,8 %, лодок — 5,7 %, другие виды изображений (орудия, деревья, жезлы) — 1,2 %. На петроглифах Белого моря наиболее многочисленны изображения животных (39 %) и лодок (38,7 %). Количество антропоморфных персонажей на Белом море составляет 21,4 %, геометрических фигур (овалы, кресты, прямоугольники и т.п.) — 1,8 %, других изображений — 1,2 %. На писаницах Финляндии доля изображений животных 41,6 %, антропоморфных персонажей — 33,3 %, геометрических фигур и орнаментов — 9,8 %, лодок — 15,3 %. На петроглифах Канозеро доля изображений животных 33,7 %, антропоморфных персонажей — 27,3 %, геометрических фигур — 3,5 %, лодок — 29,4 %, другие виды изображений — 3,0 %.

Состав видов животных, изображенных на петроглифах и в кремневой пластике, оказался прак-

тически идентичен, однако количественные данные по использованным образам не совпадают (рис. 5). В кремневой пластике виды животных представлены примерно в равных долях, с некоторым преимуществом по численности фигур водоплавающих птиц. На петроглифах Восточной Фенноскандии, напротив, заметно доминируют обычно один, два или три вида животных — повсеместно это копытные, а также птицы (Онежские и Беломорские петроглифы) и морские звери (петроглифы Белого моря и Канозеро) (рис. 5). Доля остальных видов животных колеблется от 4,7 % (Онежские петроглифы) до 21,1 % (писаницы Финляндии).

Среди видов животных, нашедших заметное место в репертуаре кремневой скульптуры и наскальных изображений, особо следует отметить изображение змеи. Устойчивое и частое использование этого образа в первобытном искусстве не позволяет согласиться с высказанным Д.А. Крайновым тезисом о том, что значение животного как символа определялось его главенствующей ролью в промысле (Крайнов, 1978, с. 108). В подтверждение тезиса об отсутствии прямой связи между количеством изображений животных и их промысловым значением можно привести данные по ко-

стояной неолитической скульптуре Восточной Европы. Так, на территории этого региона известна всего одна костяная подвеска-нашивка в виде фигуры лося (Кашина, 2006, рис. 5, 13), тогда как количество неолитических костяных фигур змей, без учета изображений их голов, составляет 13 экз. На писаницах Финляндии среди изображенных животных второе место по численности занимает образ змеи (8,6 %), уступая лишь изображениям лося/олени (78,9 %).

Сопоставление параметров фигур животных одного вида или антропоморфных персонажей на петроглифах Фенноскандии позволяет выявить некоторые специфические каноны их изображения, которые служат для распознавания образов, представленных в кремневой скульптуре. Возможность такого сопоставления основана на том, что при неизбежной стилизации фигуры животного или антропоморфного персонажа, связанной с технологическими трудностями обработки камня, первобытному человеку необходимо было обеспечить узнаваемость образа.

В качестве примера использования петроглифов для распознавания кремневой скульптуры можно привести фронтальные антропоморфные изображения из кремня (рис. 6, 7–14). Эту скульптуру ряд исследователей определяет как фигуру медведя, стоящего на задних лапах, или как изображение медвежьей шкуры (Крайнов, 1978, с. 101–102; Шпилов, 2009). Изучение наскального искусства Фенноскандии показывает, что медведи повсеместно изображались только в профиль, тогда как среди антропоморфных персонажей имеются как профильные, так и фронтальные фигуры (рис. 6, 1–6). На неолитических наскальных изображениях Фенноскандии явные изображения шкур животных не представлены. Среди зооантропоморфных персонажей на петроглифах отсутствуют и фигуры с головой медведя. В кремневой скульптуре Восточной Европы есть два изображения медведя, видимо, стоящего на задних лапах, но в обоих случаях это также профильное изображение (рис. 6, 18, 19). Судя по этим данным, вряд ли можно сомневаться, что рассматриваемые фронтальные фигуры из кремня являются антропоморфными персонажами.

Медведи на петроглифах изображены в основном бесхвостыми или в единичных случаях хвост обозначен в виде небольшого выступа. Отличительными признаками медведей, выбитых на скалах, является прогнутая нижняя часть морды, на ногах четко выраженные ступни, выступающие вперед (рис. 6, 14–17). У лосей/олени хвост показан обычно довольно коротким. Доля лосей/олени с обозначенным хвостом в разных группах наскальных изображений колеблется примерно от 50 до 90 %. Основным признаком, позволяющим определить на петроглифах и писаницах изображения пушных зверей и собак, является наличие у фигуры животного, изображенного в профиль, относительно длинного хвоста. У собак, распознаваемых на петроглифах, в том числе по содержанию охотничьих композиций (Альта), хвост иногда изображен поднятым вертикально. Эти признаки могут быть использованы для определения изображений мелких млекопитающих, выполненных в кремне. В качестве примера распознавания образа можно привести фигурку зверя со стоянки Зимняя Золотица (рис. 6, 21). Эта фигурка характеризуется в археологической литературе как изображение медведя или песца, однако отсутствие у данного животного отчетливо выраженного хвоста не позволяет относить его к мелким пушным животным. Прогнутая нижняя часть морды у фигурки с Зимней Золотицы является признаком, указывающим на то, что в данном случае, видимо, изображен медведь.

На петроглифах Фенноскандии выдра и бобр, в отличие от других животных, всегда изображаются в проекции сверху (рис. 1, 3, 17), что, видимо, определяется положением этих образов-символов в структуре представлений человека эпохи камня о мироустройстве (Жульников, 2006, с. 196). На петроглифах фигуры выдры и бобра, как правило, различаются по форме хвоста и головы. По этим признакам фигуры бобра и выдры, выполненные в кремне, можно отличить не только друг от друга, но и от других пушных зверей с длинным хвостом, изображенным в профиль (рис. 1, 33–36).

В охотничьем наскальном искусстве Северной Европы, Урала и Западной Сибири почти не встречаются фронтальные изображения летящих птиц.

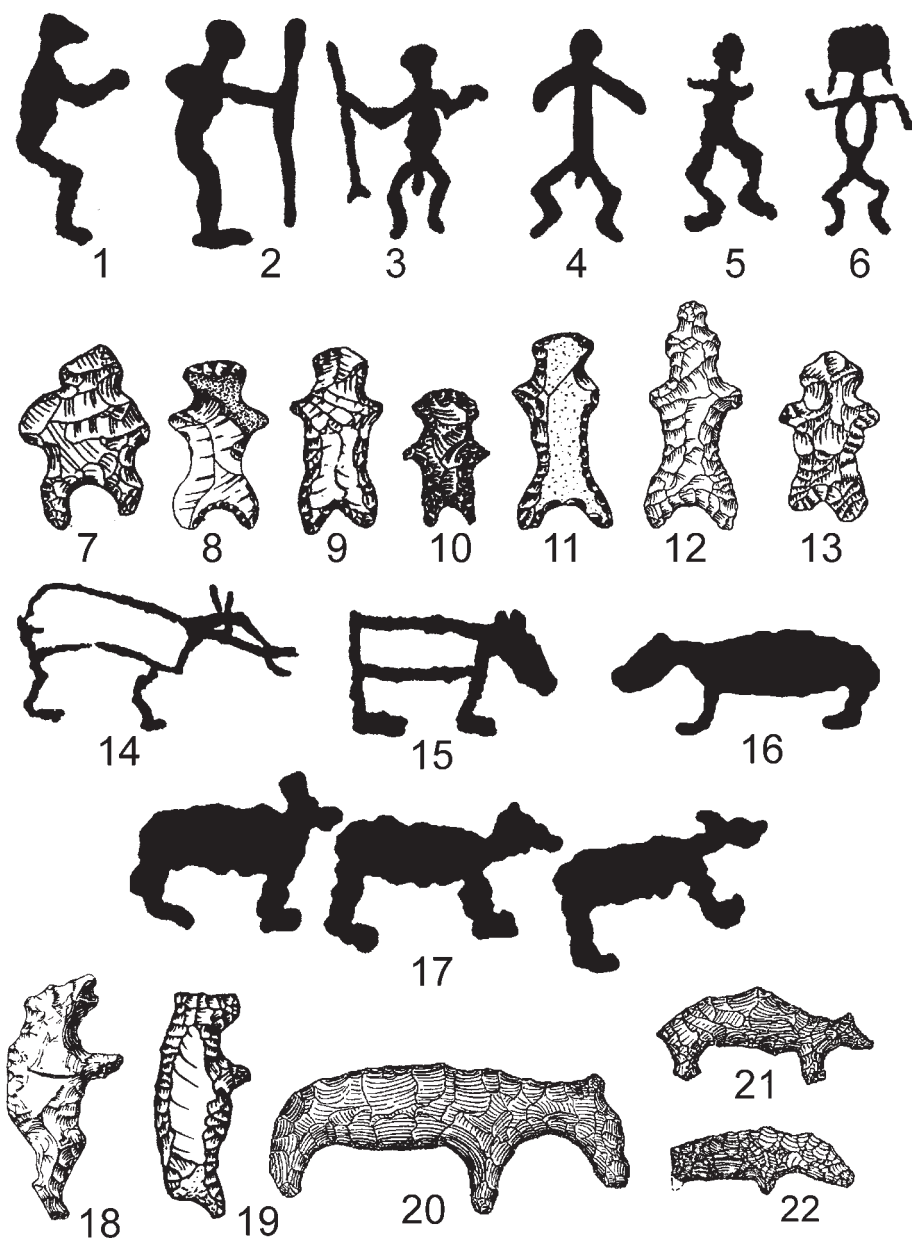

Рис. 6. Изображения антропоморфных персонажей и медведей на петроглифах Финноскандии и в кремневой скульптуре Восточной Европы:

1 — Бесов Нос (западная группа) (Poikalainen, 2004, fig. 22, b), 2 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 26), 3 — Каменный (Канозеро), 4 — Уиттамонсалми (Lahelma, 2008, fig. 10, b), 5 — Карецкий Нос (Равдоникас, 1936, табл. 1), 6 — Пери Нос III (Савватеев, 1970, рис. 108), 7 — Сахтыш Па, 8 — Сахтыш I, 9 — Круглое, 10 — Волосово, 11 — Репище, 12 — Усть-Яренга (Уткин, Костылева, 1996, рис. 2, 3), 13 — Вологда (Недомолкина, 2000, рис. 6, 7), 14 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 32), 15 — Лебединый Нос (Poikalainen, Ernits, 1998, fig. 115), 16 — Устье р. Черная (Жульников, 2006, рис. 140, 3), 17 — Новая Залавруга, группа VIII (Савватеев, 1970, рис. 48), 18 — Багон-отмель (Студзицкая, 1994, рис. 1, 21), 19 — Синяя Гора I (Черных, 1996, рис. 5, 1), 20, 21 — Зимняя Золотица (Замятнин, 1948, рис. 4, 2, 3), 22 — Вис II (Семенов, 2006, рис. 1, 9)

Неизвестны подобные фигуры и среди неолитических резных изображений из кости и янтаря, найденных на территории Северной и Восточной Европы. Эти данные не позволяют согласиться с трактовкой ряда кремневых фигур как изображе-

ний «птицы в полете» (Крайнов, 1992, с. 97; Костылева, Уткин, 2009, с. 66). Напротив, эти фигуры (рис. 7, 12–17) имеют очевидное сходство с изображениями двухголовых птиц, известных не только на петроглифах (рис. 7, 6–11), но и среди

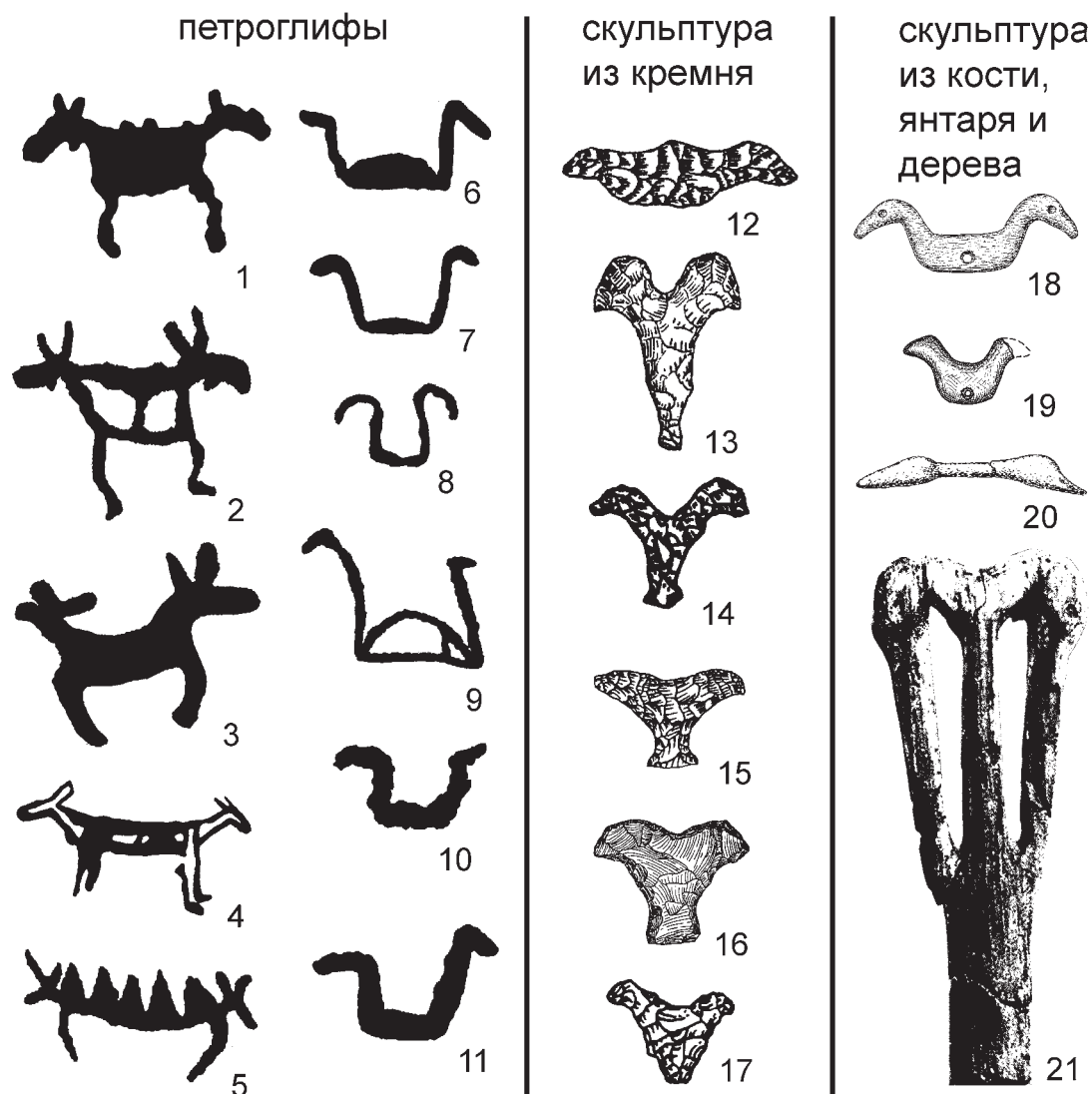

Рис. 7. Сдвоенные изображения лося-олени и птицы в культуре неолитического населения Северной и Восточной Европы:

1 — Ерпин Пудас III (Савватеев, 1987, рис. 3), 2, 3 — Немфорсен (Hallström, 1960, р. 292–293), Амтманнснес (Альта) (Helskog, 1988, р. 64), Сараакаллио (Lahelma, 2005, fig. 1), Кладовец Нос (Равдоникас, 1936, табл. 34), 7, 8 — Бесов Нос (западная группа) (Равдоникас, 1936, табл. 28), 9 — Кочковнаволоок (Poikalainen, Ernits, 1988, р. 171), Пери Нос VI (Равдоникас, 1936, табл. 20), 11 — (Савватеев, 1970, рис. 7), 12 — Вёкса (Недомолкина, 2000, рис. 4, 9), 13, 16 — Волосово (Замятин, 1948, рис. 6, 8, 17), 14 — Сахтыш I (Студзицкая, 1994, рис. 5, 9), 15 — Кончанский могильник (Зиминая, 1992, рис. 167, 5), 17 — Модлона (Ошибкина, 1996, рис. 75, 35), 18 — Николо-Перевоз, 19 — Языково, 20 — Звейниеки, погребение 221 (Загорский, 1983, рис. 2, 6), 21 — Усвяты IV (Жульникова, 2006, рис. 46, 10)

костяной, янтарной, деревянной скульптуры (рис. 7, 18–21). Отмечу, что расположение отверстия на сдвоенных фигурках птиц со стоянок Николо-Перевоз и Языково (рис. 7, 18, 19) свидетельствует о том, что подобные фигурки носились «вверх ногами». Получает объяснение и расположение выступа на некоторых кремневых изделиях в виде сдвоенных птиц (рис. 7, 13–16). Этот выступ служил, видимо, для привязывания шнура, соответственно, эти фигурки носились в «перевернутом» виде.

Разрешить все спорные вопросы с трактовкой кремневой скульптуры, опираясь только на петроглифы, видимо, невозможно, однако привлечение этого сравнительного материала повышает надежность наших определений.

Различия в территории распространения сходных признаков на памятниках изобразительного искусства, общих для кремневой скульптуры и наскальных изображений, дают основание разделить их на три основных группы.

Группа 1. Сходство признаков проявляется в разных видах изобразительных памятников на широкой территории, охватывающей не только Северную Европу, но и Зауралье и иногда весь север Евразии. К числу таких сходных количественных и качественных признаков отнесены следующие: почти полное совпадение в репертуаре изображаемых животных в наскальном искусстве и кремневой скульптуре, устойчивое сочетание образов животных с антропоморфными фигурами, «рогатые» антропоморфные персонажи, лосиноголовые жезлы, фигуры в виде месяца, изображение антропоморфных персонажей с согнутыми в коленях ногами.

Группа 2. Сходство признаков прослеживается только в ареале распространения кремневой скульптуры и наиболее близких к нему территориально Онежских и Беломорских петроглифах (символические изображения в виде месяца с одним-двумя выступами на выпуклой стороне, сдвоенные изображения птиц, многочисленные изображения водоплавающих птиц).

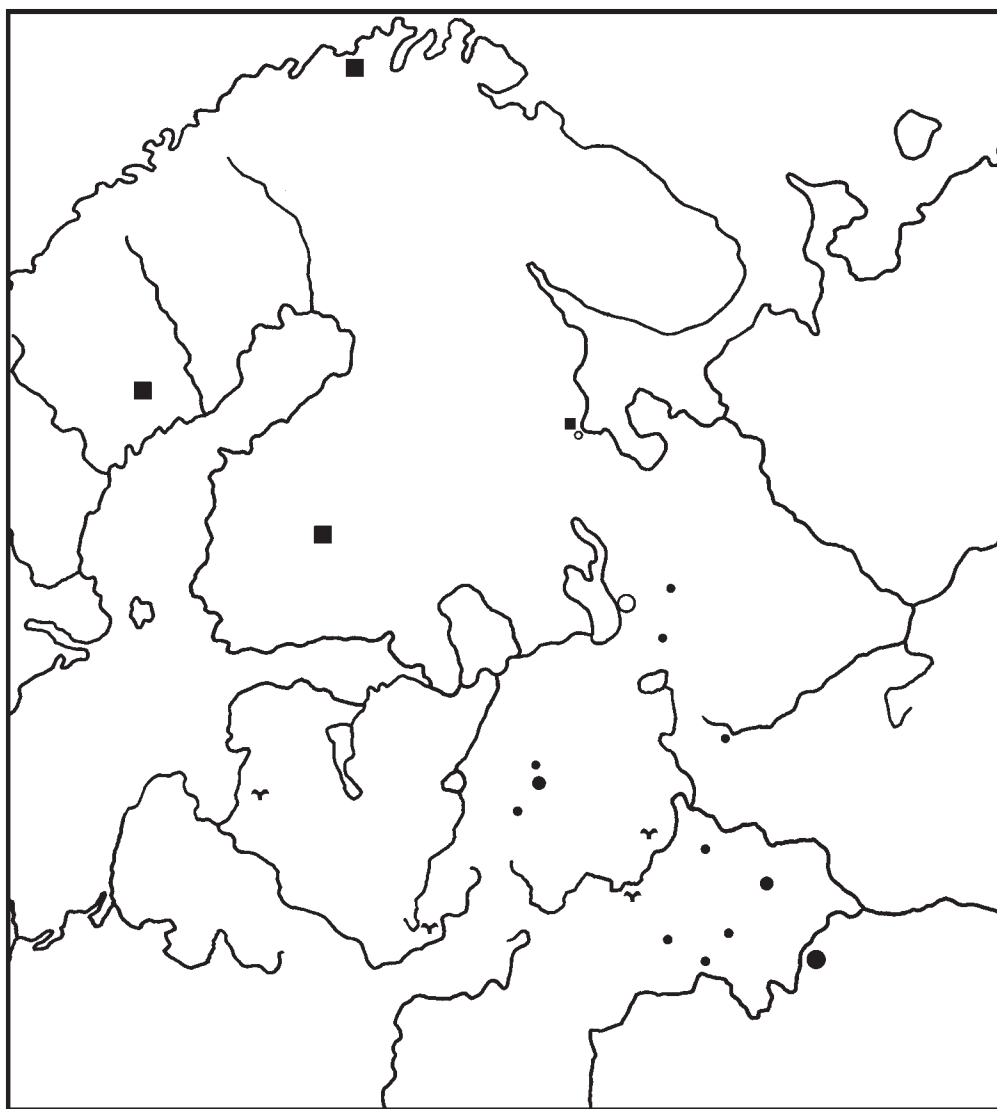
Группа 3. Сходство признаков носит единичный характер. Оно наблюдается в основном между петроглифами Онежского озера и кремневой скульптурой (антропоморфные фигурки с чубом, водо-

плавающая птица с выступом на спине, животное, ассоциированное с символическим изображением).

Первая группа признаков, судя по их широкому территориальному распространению, может рассматриваться в качестве проявлений универсалий первобытной культуры, отражающих близость мифологических представлений охотников и рыболовов Северной Евразии об облике некоторых мифических персонажей, о мироустройстве и т.д. Например, «рогатые» антропоморфные персонажи встречаются не только среди наскальных изображений Фенноскандии и кремневой скульптуры Волго-Окского междуречья, но и на петроглифах/писаницах Урала и Сибири. Фигуры в виде месяца, изготовленные из кости, камня, металла и других материалов, известны во многих древних культурах Евразии.

Вторая группа признаков имеет локальный характер, территориально охватывает стык трех водных бассейнов — Беломорского, Балтийского и Каспийского. Мифологические представления, которые лежат в основе использования сдвоенных изображений, фигур в виде месяца, носят универсальный символический характер, однако в данном случае мы видим оригинальное изобразительное воплощение этих символов (сдвоенные фигуры копытных и птиц, фигуры в виде месяца с одним или двумя выступами на выпуклой стороне). Сдвоенные изображения лося/олени известны пока только на петроглифах и писаницах (рис. 7, 1–5). Сдвоенные фигуры птиц известны на петроглифах, в кремневой, костяной, янтарной скульптуре и изделиях из дерева (рис. 7, 6–21). Сдвоенные изображения копытных встречаются только на территории Фенноскандии, тогда как сдвоенные фигуры птиц характерны для юго-восточной части Балтии, западной части бассейна Белого моря и Верхневолжского бассейна (рис. 8). Достаточно показательна территориальная близость пунктов находок сдвоенных фигур птиц на Онежских и Беломорских петроглифах и в кремневой пластике.

Кремневые фигуры в виде месяца с одним или двумя выступами найдены только в верхней части бассейна Волги, в восточной части бассейна Балтийского моря и в западной части Белого моря (рис. 9). В пределах этой территории находятся

Кремневые двоянные изображения птиц: ● - 1 изображение ● - 2-3 изображения ● - 5 изображений

Двоянные изображения птиц на петроглифах: ○ - 1 изображение ○ - 10 изображений

Двоянные изображения копытных животных на петроглифах: ■ - 1 изображение ■ - 2 и более изображений

Двоянные изображения птиц из кости, янтаря, дерева: ♀ - 1 изображение

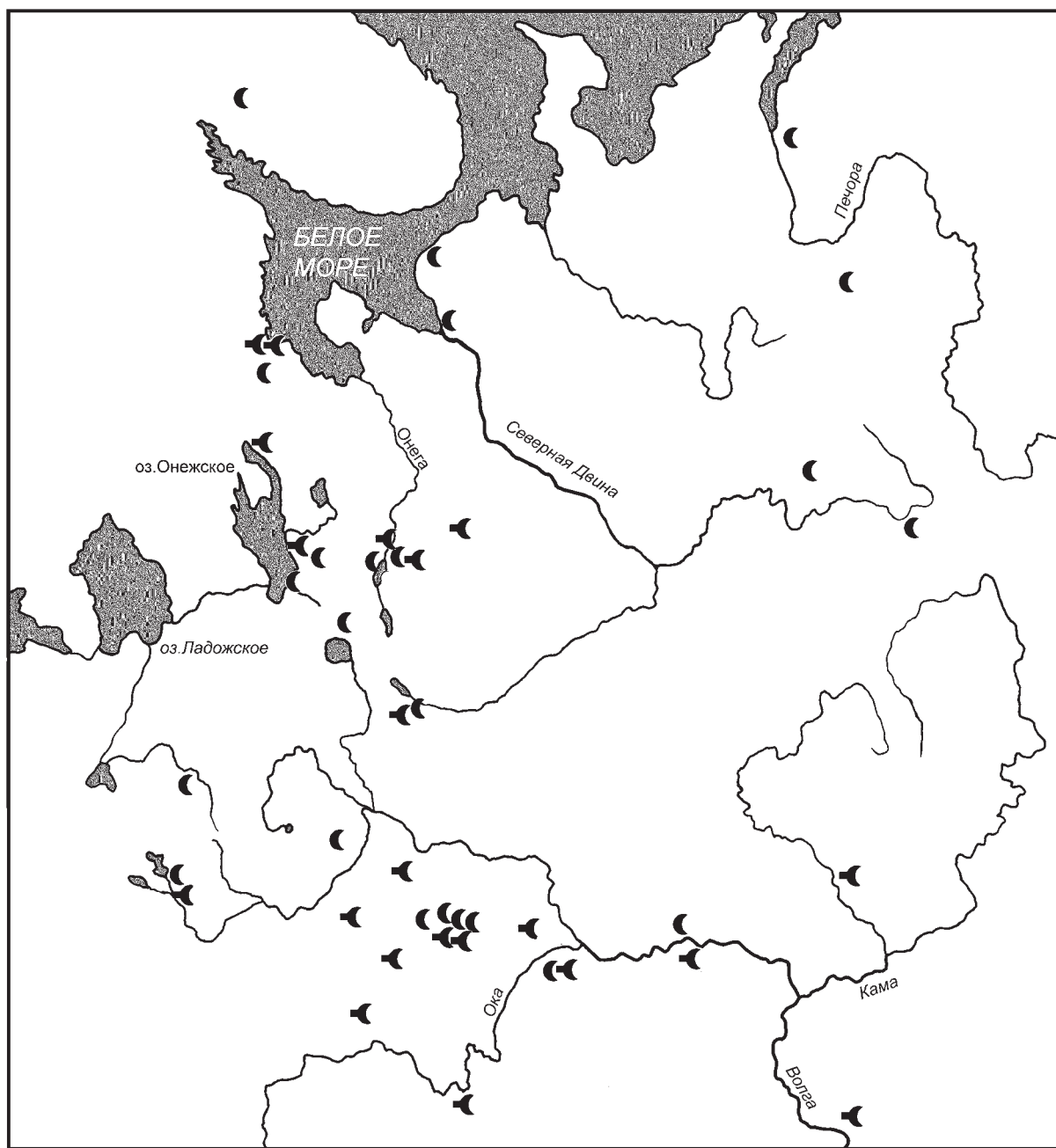
Рис. 8. Памятники со двоянными неолитическими изображениями птиц и лосей/олень на территории севера Восточной Европы

и Онежские петроглифы, где распространены подобные по виду изображения.

Фигуры птиц часто встречаются на петроглифах Онежского озера и Белого моря, которые близки территориально к основному региону распростра-

нения кремневой скульптуры. В других крупных скоплениях наскальных изображений Фенноскандии фигуры птиц наблюдаются редко.

Судя по этим данным, связи в духовной сфере для древних людей, проживавших на окраине круп-

☾-а ☾-б

Рис. 9. Памятники с неолитическими находками фигур в виде месяца и месяца с выступом или выступами на выпуклой стороне (петроглифы, кремневая скульптура) на территории севера Восточной Европы:
а — находки фигур в виде месяца, б — находки фигур в виде месяца с одним или двумя выступами

ного водного бассейна, были направлены во многом на население соседних крупных водных бассейнов.

Третья группа признаков позволяет предполагать некоторое влияние визуальных образов Онеж-

ских петроглифов на кремневую скульптуру. Этот вывод подтверждается тем, что три кремневых скульптуры, наиболее близкие по своим специфическим признакам к некоторым фигурам на Онеж-

ских петроглифах (рис. 1, 30; 2, 1, 5), были найдены на территориально близких к Онежскому озеру стоянках бассейна реки Онеги.

Появление на Онежских петроглифах и в кремневой скульптуре со стоянки Модлона (бассейн реки Онеги) единичных фигур птиц с выступом на спине, возможно, связано с влиянием сходных по стилю изображений птиц на неолитической керамической посуде (Гурина, 1972, рис. 10, 1–3, 5, 10; Жульников, 2006, рис. 36, 1, 2). Показательно, что подобные по стилю изображения на керамической посуде были распространены в неолите в восточной части бассейна Балтийского моря и (в единичном случае) в юго-западной части бассейна Белого моря (рис. 10).

В целом наблюдаемое сходство между кремневой скульптурой и наскальными изображениями обусловлено разными причинами, среди которых наиболее примечательны те, которые позволяют

конкретизировать наши представления о направлениях и формах взаимодействия в духовной сфере древних жителей Севера Европы. Распространение ряда видов сходных изображений на прилегающих друг к другу территориях трех крупнейших водных бассейнов Северной и Восточной Европы свидетельствует о наличии здесь локальной общности древнего населения, осуществлявшего активные контакты в духовной сфере. На данной пограничной территории в неолите и энеолите получили распространение несколько типов керамики, видимо, отражающих определенные этнические различия между группами населения региона. Следовательно, круг брачных связей группы древних людей, фиксируемый по керамике, может не совпадать территориально с областью взаимодействия этой же группы населения в духовной сфере, выделяемой по данным анализа памятников изобразительного искусства.

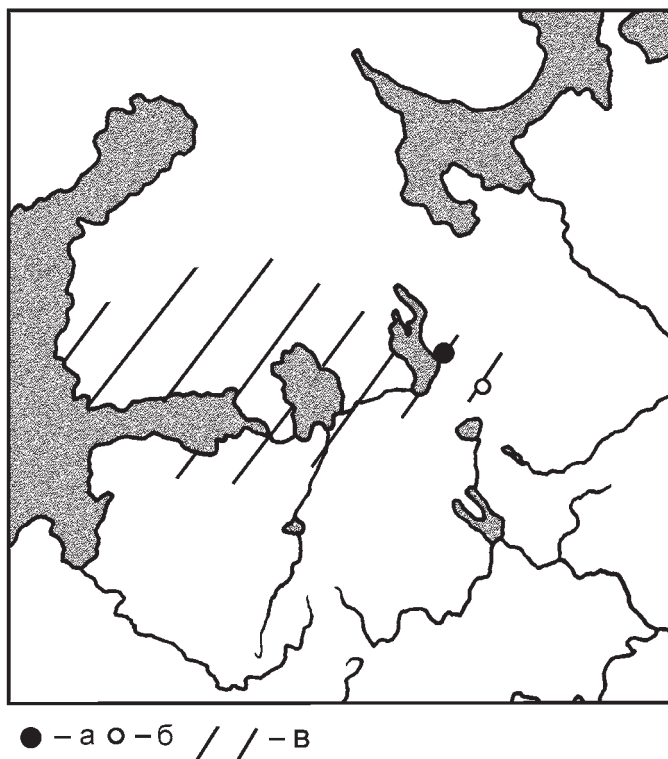

Рис. 10. Памятники с неолитическими находками на севере Европы изображений водоплавающих птиц с обозначенным крылом: а — онежские петроглифы, б — Модлона, в — территория неолитических находок фрагментов керамических сосудов с изображениями водоплавающих птиц с обозначенным крылом

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. М., 1972. (КСИА. Вып. 131).
- Жульникова А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
- Жульникова А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
- Жульникова А.М. Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов // Человек и древности. М., 2010. С.
- Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Вып. X. С.
- Загорский Ф.А. Костяная и роговая скульптура из могильника Звейниек // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 138–142.
- Зимица М.П. Запад Русской равнины // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Кашина Е.А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006.
- Колпаков Е. М. Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. СПб., 2007. С.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 44: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: Мат-лы науч. конф. СПб., 2009. С.
- Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптурки со стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.
- Крайнов Д.А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С.
- Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000. С.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996. (Тр. Марийской археолог. экспедиции. Т. IV).
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936.
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938.
- Ревуненкова Е.В. «Корабль мертвых» у батаков Суматры // Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. С.
- Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С.
- Ошибкина С.В. Каргопольская культура и памятники типа Модлона // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 221–230.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970. Ч. 1: Петроглифы.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1977. Ч. 2: Стоянки.
- Семенов В.А. Фигурный кремль Северо-Востока Европейской России: атрибуция и интерпретация // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С.
- Студизкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М., 1994. С. (Труды ГИМ. Вып. 85).
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С.
- Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С.
- Шевелев В.В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. 1986. № 1. С.
- Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополя // СА. 1990. № 3. С.
- Шитилов А.В. Кремневая скульптура эпохи неолита — энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // РА. 2009. № 1. С.
- Hallström G. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm, 1960.
- Helskog K. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta, 1988.
- Lahelma A. The boat as a symbol in Finnish rock art // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М., 2005.
- Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // Iskos 15. Helsinki, 2008.
- Poikalainen V. Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004.
- Poikalainen V., Ernits E. Rock Carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu, 1998.

А. Ю. Тарасов¹, А. Крийска²

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ

Tarasov A. Y., Kriyska A. Chopping tools of Russian-Karelian type from the territory of Latvia: Upon a question of exchange in the final Stone Age

В центре внимания статьи находится вопрос об обмене между населением удаленных друг от друга регионов в каменном веке. Каменные рубящие орудия русско-карельского типа выбраны в качестве объекта рассмотрения именно в связи с тем значением, которое они приобрели в контактах такого рода. В статье подробно рассматриваются характеристики изделий этого типа, найденных на территории Латвии — в регионе, где производился другой важный продукт, активно использовавшийся в обменных операциях в финальном каменном веке — янтарные украшения. Особенности выборки каменных рубящих орудий, произведенных в очень удаленном производственном центре — на побережье Онежского озера — и обнаруженных в латвийском археологическом контексте, позволяют сделать некоторые важные заключения об организации такого обмена.

Рубящие орудия русско-карельского типа обратили на себя внимание исследователей на рубеже XIX–XX вв. Крупные, отличающиеся строгой гео-

метрической формой и очень качественной обработкой инструменты этого типа составили значительную часть коллекций каменных орудий, собранных на территории современной Карелии финскими коллекционерами — членами финского Общества любителей древностей. Наиболее активным из них был школьный учитель Л.В. Пяакконен (Äyräpää, 1944, s. 55–55; Nordquist, Seitsonen, 2008, p. 30–32). Основным признаком этого типа было признано трапециевидное или треугольное поперечное сечение. Название «русско-карельский тип», впервые предложенное Ю. Айлио в 1909 г. (Ailio, 1909, s. 26), появилось наряду с двумя другими вариантами — «восточно-карельский» или «олонецкий тип» (Heikkurinen, 1980, s. 1–2). Все три варианта означали, что такие предметы характерны для «Русской», «Восточной» или «Олонецкой» Карелии, как тогда называли этот регион в Финляндии. Вариант «русско-карельский тип» вслед за работами А.Я. Брюсова (Брюсов, 1940; 1947; 1952) закрепился в российской археологической традиции, в то время как в Финляндии вслед за А. Эйряпя такие предметы стали называть «восточно-карельскими» (Heikkurinen, 1980, s. 2 и литература, на которую даны ссылки; Edgren, 1984, s. 42).

¹ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия.

² Тартуский университет, Институт истории и археологии, Эстония.

Проблема русско-карельского типа изначально оказалась тесно связана с вопросом о так называемом «онежском зеленом сланце», а также с вопросом о связях и обмене в среде древнего населения, поскольку изделия из такого «зеленого сланца» встречены далеко за пределами Карелии. Еще Л.В. Пякконен обратил внимание на особое значение района в устье реки Шуи вблизи г. Петрозаводска, из которого происходило очень значительное количество находок крупных сланцевых орудий. Во второй половине XIX в. под руководством Ю. Айлио начался анализ находок из Карелии, собранных в Национальном музее Финляндии. Тогда же геологом Э. Мякинен был произведен петрографический анализ каменных изделий, который показал, что большая часть предметов была изготовлена из туфа, который происходит из района северо-западного побережья Онежского озера, к северу от устья р. Шуи (Äygrää, 1944, s. 57–59). В археологической литературе данную породу начали называть аунуским (олонецким) или онежским зеленым сланцем, потому что она часто бывает пластинчатой или сланцевидной (Äygrää, 1944, s. 58).

В 1943 г., во время финской оккупации, этот район обследовал А. Эйряпя. Исследователь пришел к выводу о существовании здесь крупного центра по изготовлению орудий из местного «зеленого сланца», представленного в виде крупных галек и валунов. Производившиеся здесь вещи, по его мнению, предназначались для торговли (Äygrää, 1944, s. 60). Эта идея, высказанная в рукописной статье (Äygrää, 1944), стала общепринятой в финской археологии и была использована в книге Дж.Г.Д. Кларка «Доисторическая Европа» (Кларк, 1953, с. 246–247). Советский археолог А.Я. Брюсов отмечал, что изделия русско-карельского типа встречены далеко за пределами Карелии, вплоть до Урала (Брюсов, 1947, с. 16). Тем не менее в примечании к русскому изданию книги Кларка он высказал несогласие с мнением о существовании крупного производственного центра в устье р. Шуи (Кларк, 1952, с. 246). Несмотря на это, версия, изложенная Кларком, позже была повторена Н.Н. Гуриной (Гурина, 1974, с. 15). Таким образом, она вошла и в российскую археологическую традицию, хотя и не стала здесь общепринятой.

Уточнение хронологической позиции и культурной принадлежности русско-карельского типа шло вслед за расширением источниковой базы. А.Я. Брюсов считал тип местным по происхождению и одним из основных, определяющих своеобразие выделенной им «карельской культуры» (Брюсов, 1952, с. 103–104). После того как стало ясно, что единой карельской культуры каменного века не существует, В.Ф. Филатова предложила связать возникновение русско-карельского типа с пришлой культурой ямочно-гребенчатой керамики. Исследовательница представила сводку об известных к тому времени находках изделий данного типа в Карелии и за ее пределами и предложила считать его чужеродным для карельской территории, так же как и саму культуру ямочно-гребенчатой керамики (Филатова, 1971, с. 37–38). Подобной точки зрения придерживался и Г.А. Панкрушев, но отмечал, что за пределами Карелии находки изделий этого типа единичны (Панкрушев, 1978, с. 6). В течение 1980–1990-х годов А.М. Жульниковым (Жульников, 1999) была исследована серия чистых комплексов периода энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста. Оказалось, что орудия русско-карельского типа почти в обязательном порядке входят в состав инвентаря этих памятников и составляют абсолютное большинство среди рубящих орудий из таких комплексов. При этом на памятниках с чистыми комплексами других культур Карелии такие изделия отсутствуют (Тарасов, 2008). Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что русско-карельский тип орудий существовал в эпоху энеолита с асбестовой керамикой, которая по имеющимся радиоуглеродным датам датируется в диапазоне от 4410 ± 50 л.н.³ (ТА-1748, поселение Войнаволок XXVII) до 3150 ± 100 л.н. (ТА-1007, поселение Палайгуба II), всего 23 даты (Жульников, 1999, с. 75–79).

В 1990-е годы начались систематические работы в устье р. Шуи. Были вновь локализованы стоянки-мастерские и проведены новые сборы. В 2000 г. А.М. Жульников провел первые раскопки мастерской Фофаново XIV. Новые материалы позволили установить, что на памятниках этого района, кото-

³ Некалиброванный C¹⁴ возраст.

рые могут считаться стоянками-мастерскими, изготавливались преимущественно орудия русско-карельского типа. Результаты анализа всего технологического контекста, полученного в результате новых исследований, включая материалы с мастерских и постоянных поселений периода энеолита, представлены в ряде работ одного из авторов этой статьи (Тарасов, 2002; 2003; 2004; 2006; 2008).

В настоящее время не только в Карелии, но и в других регионах имеется возможность установить датировку находок изделий русско-карельского типа и их связь с теми или иными комплексами. После раскопок значительного количества поселений во второй половине XX в. в нашем распоряжении оказался важный археологический контекст, существенно дополняющий случайные находки. Сейчас возможно подготовить достаточно адекватную статистику относительно общего количества и качественных особенностей таких изделий в Карелии и за ее пределами, оценить особенности их использования и механизмы обмена, способствовавшие их распространению на значительной территории. В связи с этим назрела необходимость подготовки максимально полного каталога находок орудий русско-карельского типа. Работу над составлением такого каталога мы начали с изучения археологических коллекций из Прибалтийского региона.

Территория Прибалтики в данном контексте интересна в связи с тем, что здесь также производились изделия, которые распространились на очень обширной территории — янтарные украшения (Ванкина, 1970; Гурина, 1974; Вуоринен, 1984; Лозе, 1985; Zhulnikov, 2008). Рубящие орудия из туфа и янтарные украшения теоретически могли быть ценностями одного порядка, востребованными в процессах обмена, происходивших в лесной зоне Восточной Европы.

Присутствие в коллекциях находок с территории Эстонии каменных орудий, предположительно импортированных из Карелии, было отмечено еще в первой половине прошлого века, когда финскими исследователями было произведено картографирование изделий из «олонецкого зеленого сланца» (Tallgren, 1922, Lk. 58; Äyräpää, 1944, s. 59). Часть найденных в Эстонии рубящих орудий из сланца,

как и в Финляндии, считалась происходящей из Карелии (напр., Moora, 1936, Lk. 46; Янитс, 1959, с. 216; Kriiska, Tvauri, 2002, Lk. 64).

До настоящего времени мало внимания обращали на рубящие орудия русско-карельского типа, найденные на территории Латвии. Но все же они были описаны в анализах археологического материала, например, со стоянки Сарнате, особо подчеркивалось трапецевидное поперечное сечение и его схожесть с рубящими орудиями русско-карельского типа Финляндии и Карелии (Ванкина, 1970, с. 98). При этом на стоянке Лубанские низины с самым многочисленным археологическим материалом позднего неолита в округе рубящие орудия русско-карельского типа отдельно не выделены (Лозе, 1979), но упомянут тот факт, что долота и тесла были изготовлены из сланца, который, вероятно, происходит с территорий Финляндии или Карелии, а также подчеркивалась особая роль сланца в межплеменном обмене позднего неолита (Лозе, 1979, с. 66).

В 2009 г. нами был произведен поиск орудий русско-карельского типа среди коллекций каменных изделий, найденных на территории Эстонии. Были просмотрены материалы основных музеев и научных центров. В итоге в базу данных были включены описания 40 предметов. Возможно, какие-то предметы, хранящиеся в маленьких местных или школьных музеях, остались вне нашего поля зрения, однако собранная выборка вполне достаточна для обобщающих выводов. В выборку входят несомненные изделия русско-карельского типа, целые и фрагменты (23 экз.), мелкие фрагменты и сколы со шлифованных орудий, с большой вероятностью отделенные от орудий русско-карельского типа, орудия других типов, с большой вероятностью также связанные с индустрией позднего неолитического — энеолитического времени в Карелии, и вещи, морфологически соответствующие данному типу, но отличающиеся по сырью и технологии, которые предположительно могли являться местными подделками импортированных образцов.

Все эти вещи относятся только к контексту использования таких орудий. Производственный контекст в эстонских материалах отсутствует

полностью. Таким образом, уже по итогам археологического изучения можно было утверждать, что на территории современной Эстонии такие вещи не производились. Этот вывод был полностью подтвержден результатами петрографического анализа. На данный момент определен материал 22 предметов. В абсолютном большинстве случаев это метатугф, как правило, серо-зеленого цвета, не встречающийся на территории Эстонии даже в виде обломочного материала, принесенного с территории Балтийского щита четвертичными ледниками. Ближайшие выходы такого материала имеются только на западном побережье Онежского озера (Тарасов, Крийска, Кирс, в печати). Следовательно, данные орудия были изготовлены в мастерских на западном побережье Онежского озера и оказались на территории Эстонии в древности в результате обмена.

В Эстонии предметы такого типа найдены везде, где имело место интенсивное хозяйственное освоение или есть памятники, исследованные на широкой площади (рис. 1). Большинство целых предметов являются случайными находками. На поселениях, где обнаружены такие вещи, представлены смешанные разновременные комплексы, среди которых имеются материалы, связанные с поздней гребенчато-ямочной керамикой, частично синхронной асбестовой керамике в Карелии.

В 2010 г. эта работа была продолжена на территории Латвии, где были просмотрены коллекции Национального музея истории Латвии, Исторического музея города Екабпилса, Латгальского музея истории культуры, Гулбенского музея истории и искусства, Мадонского краеведческого и художественного музея. В итоге в базу данных были внесены описания 17 предметов (табл. 1) из Национального музея истории Латвии. Они могут быть разделены на несколько групп.

I. Орудия русско-карельского типа (9 экз.). Группа включает предметы, степень сохранности которых позволяет определить все диагностические типологические и технологические признаки, и эти признаки позволяют трактовать их как изделия русско-карельского типа.

1. *Целые орудия*, т.е. предметы, у которых сохранились лезвийная, средняя и обушная части

(3 экз.). Два из них являются случайными находками — топор из Клаукани (рис. 1, рис. 2, 8, табл. 1) и тесло из Дебеле (рис. 1, рис. 2, 3, табл. 1). Еще один топор происходит из поселения Сарнате (рис. 1, рис. 2, 2, табл. 1). Все эти предметы имеют небольшие отклонения от классического варианта русско-карельского типа, но эти их индивидуальные особенности остаются в пределах допустимых вариаций. Топор из Клаукани имеет очень выпуклое брюшко, что нередко отмечается у топоров данного типа. Тесло из Дебеле отличается низкими пропорциями (отношение ширины к толщине равняется 2,5, в то время как для большинства изделий русско-карельского типа значение этого показателя равняется или близко к 1,5). Вероятнее всего, это связано с тем, что исходной заготовкой для этого изделия послужил широкий крупный отщеп. Все остальные признаки совпадают. Топор из Сарнате имеет асимметрично-трапециевидное сечение. Одна его боковая грань является ровной и плоской, вторая — округлой в сечении, в результате чего форма сечения всего орудия — полутрапеция-полуовал. Эта особенность, несомненно, связывается с неудачей в оформлении плоской поверхности на одной из боковых граней еще в процессе расщепления. При шлифовке эта грань была равномерно закруглена.

У всех трех изделий отмечаются следы работы, заметные невооруженным глазом — мелкие сколы и царапины в лезвийной части. На обухе видна заполировка, западающая в негативы отдельных сколов, которые не были полностью уничтожены шлифовкой, и повторяющая все неровности микро-рельефа этих негативов. Ее возникновение, вероятнее всего, связано с трением о рукоять. Для обеих случайных находок характерна сильная жирная залощенность по всей поверхности, а также серии коротких и глубоких поперечных царапин. Данные следы следует связывать с позднейшим использованием этих предметов крестьянским населением в магических практиках.

2. *Орудия с отломанной обушной частью, использование которых в качестве инструментов после разлома было продолжено.* Имеется всего один такой предмет — тесло с выпуклым брюшком, происходящее из поселения Абора I (коллекция

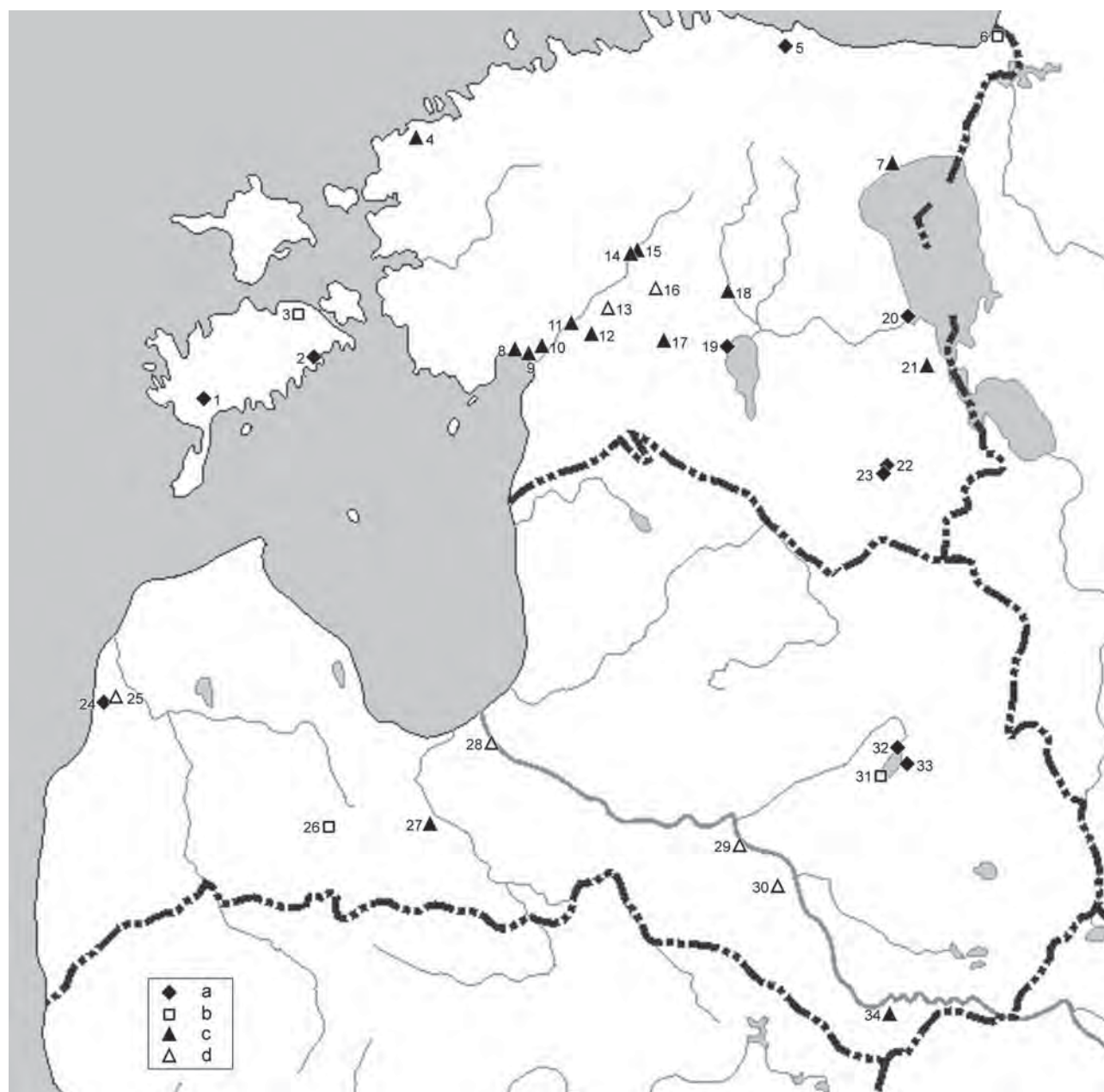

Рис. 1. При изучении рубящих орудий русско-карельского типа учтенные места находок в Эстонии и Латвии: а — стоянка, откуда найдено рубящее орудие русско-карельского типа или его обломок, б — стоянка, откуда найдено орудие или его обломок, которые, вероятно, относятся к русско-карельскому типу, но доказать это невозможно, в — случайная находка рубящего орудия русско-карельского типа, г — случайная находка, которая, вероятно, относится к русско-карельскому типу, но доказать это невозможно; 1 — Накамье (Naakamäe), 2 — Асва (Asva), 3 — Кунингусте (Kuninguste), 4 — Алликлэпа (Alliklepa), 5 — Кунда Ламмасмяги (Kunda Lammasmägi), 6 — Кудрукюла (Kudruküla), 7 — Уускюла (Uusküla), 8, 9, 10 — Нижнее течение реки Пярену, 11 — Мурака (Muraka), 12 — Рииса (Riisa), 13 — Аэсоо (Aesoo), 14, 15 — Йяндя (Jändja), 16 — Йялэвэрэ (Jälevere), 17 — Мустивэрэ (Mustivere), 18 — Умбуси (Umbusi), 19 — Валма (Valma), 20 — Акали (Akali), 21 — Араву (Aravu), 22 — Вилла (Villa), 23 — Тамула I (Tamula I), 24, 25 — Сарнатэ (Särnate), 26 — Лэясцискас (Lejasciskas), 27 — Дэбэлэ (Debele), 28 — Катлакальнс (Katlakalns), 29 — Абели (Ābēli), 30 — Дигна (Dignā), 31 — Сулка (Sulka), 32 — Абора I (Abora I), 33 — Звидзэ (Zvidze), 34 — Клаукани (Klaucani)

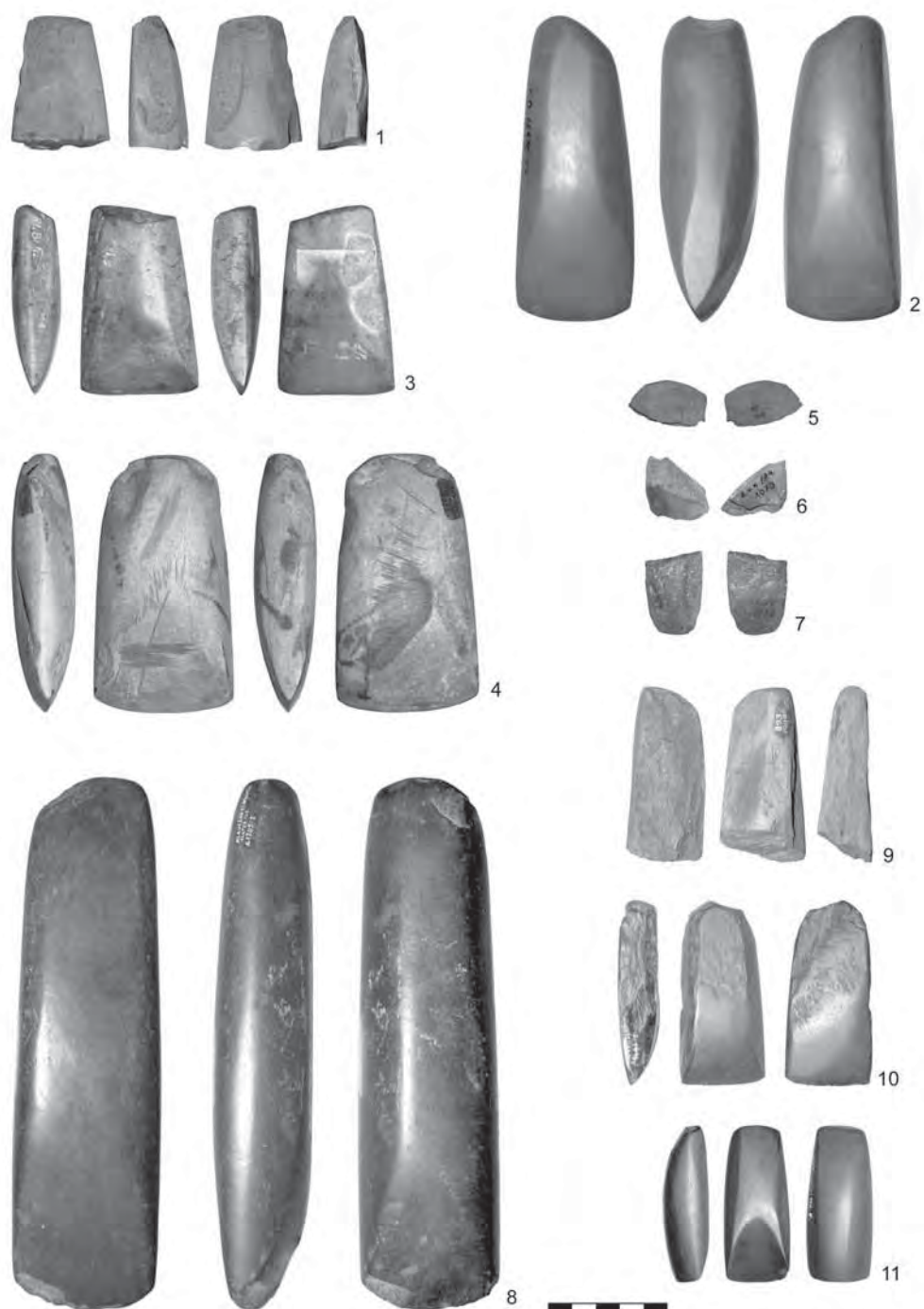

Рис. 2. Рубящие орудия русско-карельского типа и орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу или предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии, с территории Латвии: 1 — Сарнатэ А 11417:105, 2 — Сарнатэ А 11420:47; 3 — Дэбэлэ R4B:5, 4 — Сарнатэ V 9693, 5 — Апора I 780 Ab/6, 6 — Звидзэ Z.v.k./74 1079, 7 — Звидзэ Z.v.k./75 1732, 8 — Клаукани А 12115:1, 9 — Абора I (893 Ab/85), 10 — Абели А 10447:20, 11 — Катлакальнс А 11194:1

Тартуского университета, АК-668). При работе такое орудие должно было использоваться брюшком вверх, в противном случае оно бы постоянно застревало в обрабатываемом предмете. После разлома обушная часть изделия была подправлена с помощью нескольких сколов. На подправленном таким образом обухе заметна сильная залоченность, вероятно, возникшая от трения о рукоять. Заметны следы работы на лезвии — кромка сточенная, на ней различимы негативы мелких сколов.

3. *Мелкие обломки орудий, не имеющие следов вторичного (после разлома) использования в древности.* Выделены пять предметов: два фрагмента лезвий желобчатых тесел, одно из поселения Сарнате (А 11580:112) и одно из поселения Звидзе (рис. 1, рис. 2, 6, табл. 1), и три фрагмента обушной части, два из поселения Сарнате (рис. 1, рис. 2, 1, табл. 1) и одно из поселения Абора I (рис. 1, рис. 2, 9, табл. 1). На лезвии желобчатого тесла из Сарнате заметна сточенность кромки и есть негативы мелких сколов с лезвия, кромка желобчатого тесла из Звидзе уничтожена серией небольших сколов, вероятно, в процессе работы. На двух фрагментах обухов из Сарнате заметна заполировка, западающая в негативы сколов.

Все изделия русско-карельского типа зашлифованы на 4/5 площади и заполированы. Наличие полировки отмечается и на всех фрагментах из данной группы. Для всех предметов, кроме фрагмента обуха из Абора I, отмечается использование приема многогранной шлифовки, при которой на поверхности изделия формируется множество длинных узких граней, параллельных продольной оси. Этот прием очень характерен для орудий русско-карельского типа с территории Карелии.

II. Орудия других типов, вероятно, также происходящие с территории Карелии. Учтены два предмета, являющиеся случайными находками: овальное в сечении желобчатое тесло из Катлакальнс (рис. 1, рис. 2, 11, табл. 1) и тесло со смещенным линзовидным сечением (одна грань более выпуклая, чем другая), случайная находка из района Сарнате (рис. 1, рис. 2, 4, табл. 1). Технологически, скорее всего, оба предмета являются двусторонне обработанными (бифасами), но у одного грани в разной степени выпуклые (смещенный бифас).

Оба предмета зашлифованы на 4/5 площади и заполированы, у них отмечается многогранная шлифовка, то есть по особенностям абразивной обработки они вполне соответствуют изделиям русско-карельского типа. Их материал также выглядит идентичным, хотя окончательно это можно будет утверждать только после петрографического изучения. Подобные вещи тоже характерны для индустрии макроорудий Карелии, где они могут быть встречены как в комплексах периода энеолита с асбестовой керамикой, так и на более ранних поселениях с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, в которых изделия русско-карельского типа еще не представлены. У обоих предметов заметны следы использования на лезвии и обухе. На поверхности тесла прослеживаются продольные и поперечные царапины — расчесы, нанесенные, скорее всего, уже в позднейшее время.

Изделий, не относящихся к русско-карельскому типу, но происходящих с территории Карелии, может быть несколько больше, однако их сложнее выделить только на основании типологического критерия. Основным критерием в данном случае может быть материал, для определения которого требуется участие специалиста-петрографа. Среди таких вещей могут быть и небольшие стамески, долотца, круммеисели, изготовленные уже на месте из фрагментов и сколов с орудий, импортированных из Карелии.

III. Орудия, соответствующие русско-карельскому типу по основным морфологическим признакам, однако отличающиеся по сырью и (или) технологии. Имеются два предмета такого рода — тесло с асимметричным трапециевидным сечением, являющееся случайной находкой из Абели (рис. 1, рис. 2, 10, табл. 1), и маленькое желобчатое тесло без вышлифованного желоба из поселения Звидзе (рис. 1, рис. 2, 7, табл. 1).

Тесло из Абели имеет небольшие размеры (длина 66 мм), изготовлено из отщепы с помощью поперечных сколов с одной боковой грани и шлифовки. Несмотря на морфологическое сходство с русско-карельским типом, технология является гораздо более простой, чем та, которая характерна для данного типа (Тарасов, 2003). Не совпадают также пропорции (отношение ширины к толщине

2,2) и особенности абразивной обработки — изделие зашлифовано только на половине площади, многогранной шлифовки нет. Полировка отмечается, однако поверхность изделия имеет следы очень интенсивного позднейшего использования, из-за которого поверхность сильно изменилась, явно поменялся цвет (стал черным), поэтому пока нельзя быть уверенным, что полировка была сделана уже в древности.

Лезвие орудия из Звидзе образовано скосом с брюшка на спинку, как у желобчатых тесел, однако продольный желоб сделан не был. Обушная часть отломана. Сохранившийся фрагмент имеет очень небольшие размеры (35×24×13 мм). Форма соответствует русско-карельскому типу, однако, насколько можно судить, эта форма была сделана только с помощью шлифовки. При этом полировки нет, многогранная шлифовка не отмечается. Материал, из которого изготовлен данный предмет, кристаллический, черного цвета, совершенно нехарактерный для орудий русско-карельского типа.

Предположительно данные предметы могут быть связаны с попытками местного населения воспроизвести импортированные образцы. Однако такое предположение вряд ли может быть окончательно доказано.

IV. Мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий. Имеется один фрагмент лезвия желобчатого тесла из поселения Лэясци-скас (A7853:73 H6) и три скола со шлифованных орудий из поселений Сулька (S/65409), Абора I (780 Ab/64) и Звидзе (Zv/74 1308). Во всех случаях нет полной уверенности, что эти предметы были отделены от орудий русско-карельского типа. В то же время внешнее совпадение материала, наличие полировки и многогранной шлифовки (отмеченной в одном случае) делает такое предположение достаточно вероятным.

Описанные здесь группы находок полностью соответствуют тем, которые были выделены среди материалов с территории Эстонии. Так же, как и в Эстонии, представлен только контекст использования орудий и полностью отсутствует технологический контекст, связанный с их изготовлением. Имеющихся материалов слишком мало, чтобы исчерпывающе сравнить качественные показатели

выборки с территории Латвии с выборками из Эстонии и Карелии. Можно отметить только, что по качеству материала (все изделия из Латвии сделаны из твердой породы, с твердостью выше 6 по шкале Мооса) и по качеству абразивной обработки эти выборки в целом совпадают. Наиболее длинное изделие, обнаруженное в Латвии (топор — случайная находка), имеет почти равную длину с наиболее длинным изделием с территории Эстонии (желобчатым теслом со стоянки Валма), соответственно 230 и 223 мм, однако остальные целые изделия не очень крупные, менее 150 мм в длину.

Памятники каменного века в различных регионах Латвии изучены очень неравномерно. Однако можно говорить, что орудия русско-карельского типа входят в комплексы достаточно хорошо исследованных поселений, содержащих материалы финального каменного века, так же как в Эстонии (рис. 1). Случайные находки в то же время происходят не из всех районов, где их можно было бы ожидать в связи с активным сельскохозяйственным освоением территории в XIX — начале XX в. На поселениях, где обнаружены предметы русско-карельского или предположительно русско-карельского типа, имеются комплексы с поздней гребенчато-ямочной керамикой, частично синхронной асбестовой керамике в Карелии (Ванкина, 1970; Лозе, 1979).

На поселении Сарнате помимо жилищ с поздней гребенчатой керамикой имеются также жилища с керамикой сарнатского типа, поздний вариант которого также относится в основном к рассматриваемому периоду (Bērziņš, 2008, p. 105). Три предмета русско-карельского типа из четырех, происходящих с этого поселения, связаны с комплексами сарнатского типа: целый топор, найденный вблизи жилища «О», фрагмент обуха из жилища «Т», фрагмент лезвия желобчатого тесла из жилища «V» (Ванкина, 1970, с. 50–52, 56–63, табл. XXVI). Одно из этих жилищ — жилище «Т» — является уникальным, поскольку это единственная двухкамерная постройка на поселении. Четвертый предмет — обломок обуха — происходит из жилища № 2 с гребенчато-ямочной керамикой. В этом жилище было найдено наибольшее количество янтарных изделий, в том числе отходов производства, в свя-

зи с чем жилище было интерпретировано как мастерская по обработке янтаря (Ванкина, 1970, с. 75–78, табл. XXVI).

Имеется ряд радиоуглеродных дат, полученных из образцов с поселений, на которых найдены изделия русско-карельского типа. Со стоянки Абора I из деревянной верши получена дата 3770 ± 60 л.н. (ТА-394) (Лозе, 1979, с. 21). По стоянке Сарнате имеются семь радиоуглеродных дат, которые располагаются в интервале от 5480 ± 40 (Ua-33828) до

4490 ± 250 (Ta-24) л.н. (Bērziņš, 2008, p. 105). Жилище «Т», где был обнаружен фрагмент орудия русско-карельского типа, датируется 4700 ± 250 л.н. (ТА-26) (Ванкина, 1970, с. 129). Это дата отклоняется от ожидаемого диапазона, однако она не может считаться абсолютно надежной. Образец сборный: он был составлен из костей лося и оленя, найденных в жилище. После калибровки дата выглядит следующим образом: 3400 ± 700 cal BC. Таким образом, она имеет очень большую погрешность.

ВЫВОДЫ

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что орудия русско-карельского типа с территории современной Латвии синхронны таким орудиям с территории Эстонии. Так же, как и изделия из эстонской серии, они не были произведены на месте и попали в регион в результате обмена. Выборка из Латвии по своим качественным особенностям совпадает с выборкой из Эстонии, но при этом в ней гораздо меньше предметов. Если все находки русско-карельского типа с территории Эстонии составили 7 % от количества таких находок на поселениях с чистыми комплексами с асбестовой керамикой в Карелии (вместе с заготовками, но без учета сомнительных фрагментов и сколов со шлифованных орудий), то находки из Латвии — только 3 %.

В комплексах поселений — производственных центров (таких как Сарнате и памятники Лубанской низины (Ванкина, 1970; Лозе, 1979), на которых происходила заготовка и обработка янтаря, также активно использовавшегося в обмене экзотическими изделиями, импортных орудий русско-карельского типа не больше, чем на более северных при-

балтийских поселениях, обитатели которых воздерживались от активного участия в обмене янтарем. Незначительное число случайных находок изделий русско-карельского типа свидетельствует о том, что реальное количество таких изделий, попавших в древности на территорию Латвии, действительно меньше количества, поступавшего на территорию Эстонии. (Условия для собирания случайных находок в обоих регионах были примерно одинаковыми.)

Таким образом, можно предположить, что основным фактором, влияющим на абсолютную численность импортированных изделий данной категории, являлось расстояние от производственного центра. Следовательно, прямого обмена между центрами производства рубящих орудий из метатуфа и украшений из янтаря не было. Данные свидетельствуют о таком варианте обмена, при котором объекты этого обмена двигались от одной соседней общины к другой в течение длительного времени. Тем не менее расстояние, которое преодолевали такие объекты, в некоторых случаях могло быть очень значительным.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование осуществлено при поддержке гранта Эстонского научного фонда «Побережье и континентальная территория. Дуалистическое заселение восточной части Балтийского моря времен каменного века и периода раннего металла», совместного

гранта Эстонского научного фонда и Российского гуманитарного фонда «Население Нарвско-Лужского региона в каменном веке и периоде раннего металла» и Европейского фонда регионального развития ЕС (Центр теории культуры СЕСТ).

Таблица

Рубящие орудия русско-карельского типа и орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу или предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии, из Латвии

группа	наименование	сохранность	контекст, коллекционный номер	номер на карте (рис. 1)
орудия русско-карельского типа	топор	целое изделие	случайная находка, Клаукани (Klaucani), An12115:1	34
	тесло	целое изделие	случайная находка, Дебелее (Debele), R4B:5	27
	топор	целое изделие	поселение Сарнате (Sārnate), вблизи жилища «О» (A 11420:47)	24
	тесло	без обуха	поселение Абора I (Agora) (AI 668)	
	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Сарнате (Sārnate), жилище «V» (A 11580:112)	24
	?	обушная часть	поселение Сарнате (Sārnate), жилище «Т» (A 11417:220)	24
	?	обушная часть	поселение Сарнате (Sārnate), жилище № 2 (A 11417:105)	24
	?	обушная часть	поселение Абора I (Agora I) (893 Ab/85)	32
	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Звидзе (Zvidze) (Z.v.k./74 1079)	33
орудия, предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу	желобчатое тесло	целое изделие	случайная находка, Катлакальнс (Katlakalns) (A 11194:1)	
	тесло	целое изделие	случайная находка, район Сарнате (Sārnate) (V 9693)	25
	тесло	целое изделие	случайная находка, Абели (Ābēli) (A 10447:20)	29
	тесло	без обуха	поселение Звидзе (Zvidze) (Zv/75 1732)	33
мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий предположительно, русско-карельского типа	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Лэяскаскас (Lejasciskas) (A7853:73 H6)	26
	скол со шлиф. орудия		поселение Сулька (S/65409)	31
	скол со шлиф. орудия		поселение Абора I (Agora I) (780 Ab/6)	32
	скол со шлиф. орудия		поселение Звидзе (Zvidze) (Zv/74 1308)	33

ЛИТЕРАТУРА

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970.

Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 54–60.

Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940. (Труды ГИМ. Вып. IX).

Брюсов А.Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 9–34.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Гурина Н.Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. М., 1974. Вып.138: Торговля и обмен в древности. С. 12–23.

Жульников А.М. Энеолит Карелии: памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск, 1999.

Жульников А.М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 134–145.

Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979.

Лозе И. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 58–77.

Панкрусев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 2: Неолит.

Соколов В.А., Куликов В.С., Стенарь М.М. (ред.). Геология Карелии. Л., 1987.

Тарасов А.Ю. Изменчивость метрических признаков каменных орудий с поселений Карелии (неолит — ранний железный век) // Вестник КГМ. 2002. Вып. 4. С. 70–87.

Тарасов А.Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические вести. Вып. 10. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 60–74.

Тарасов А.Ю. Изменения сырьевой базы индустрии макроорудий в неолите — раннем железном веке на территории Карелии // Российская археология. 2004. № 1. С. 77–83.

Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий на территории Карелии: к вопросу о специализации в производстве // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004. С. 94–97.

Тарасов А.Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в неолите — раннем железном веке // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековые). Петрозаводск, 2006. С. 73–112.

Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып. 1. СПб.: Наука, 2008. С. 190–201.

Тарасов А.Ю., Крийска А., Курс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: по результатам археологического

и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии. В печати.

Филатова В.Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // СА. 1971. № 2. С. 32–38.

Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.

Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I–II. Helsingfors, 1909.

Bērziņš V. Sārņate: Living by a Coastal Lake during the East Baltic Neolithic. Acta universitatis Ouluensis. B Humaniora 86. Oulu, 2008.

Edgren T. Kivikausi // Suomen historia, 1. Espoo, 1984. S. 18–95.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980.

Kriiska A. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-eastern Estonia // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart, 1996. P. 359–369.

Kriiska A., Tvaauri A. Eesti muinasaeg. Tallinn: Avita, 2002.

Lang V. The Bronze Age and Early Iron Ages in Estonia. Estonian Archaeology, 3. Tartu: Tartu University Press. Humaniora: archaeologica, 2007.

Lang V., Kriiska A. Eesti esiajaloo periodiseering ja kronoloogia // Eesti Arheoloogia Ajakiri. 2001. № 5/2. P. 83–109.

Moora H. Kiviaeg // Esiajalugu ja muistne vabadusõitlus. Eesti ajalugu, I. Tartu, 1935. Lk. 10–62.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Raukas A., Teedumäe A. (eds.). Geology and mineral resources of Estonia. Tallinn: Estonian Academy Publisher, 1997.

Suuroja T. Eesti põhjaranniku mesoliitiliste ja neoliitiliste asulakohtade kiviaines // Stilus, 6, Eesti Arheoloogia Seltsi Teated, 1. Tallinn, 2009. Lk. 30–36.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922.

Zhulnikov A. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // Estonian Journal of Archaeology. 2008. 12/1. P. 3–15.

Äyräpää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos, 1944. S. 55–73.

М. Э. Полковникова¹, А. Н. Мазуркевич², М. А. Кулькова³

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗОН НА МНОГОСЛОЙНЫХ ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОГО ВЕКА СЕРТЕЙСКОГО МИКРОРЕГИОНА: ДАННЫЕ ГЕОХИМИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ⁴

Polkovnikova M.E., Mazurkevich A.N., Kul'kova M.A. Reconstruction of functional areas in multilayer sites of Serteya microregion: data of geochemical and archaeological studies

This article shows the applications of the geochemical indication method on multilayer Stone Age settlements, located on the mineral banks of the paleolakes of the Dvinsko-Lovatskoe confluence (Smolensk region). Analytical research into the nature of the distribution of individual indicator-elements of anthropogenic systems, and also their associations, identified with the help of mathematical statistical methods, the compilation of single-and multi-element charts and comparison of geochemical data with archeological findings has allowed us to establish the location of functional zones and has provided us with the possibility of their preliminary interpretation. The use of the "multi-element" method of analysis on Serteya 3–3, Serteya XIV settlements in collation with archeological data, has allowed us to determine the functional areas inhabited by ancient man.

На протяжении нескольких десятков лет Северо-Западной экспедицией Государственного Эрмитажа проводятся комплексные исследования на многослойных поселениях каменного века, которые были открыты на минеральных берегах палеоводоемов Двинско-Ловатского междуречья (Псковская и Смоленская области). На этих памятниках кроме собранного археологического материала были

выявлены остатки объектов/построек не очень хорошей сохранности. Проведенные исследования показали, что под воздействием геологических, климатических, почвенных и антропогенных процессов происходили изменения качественного и цветового характера культурного слоя и объектов, содержащихся в нем.

Информативная ущербность культурного слоя памятников, в котором плохо сохраняются объекты, конструкции и почти не сохраняются органические остатки, создает необходимость поиска метода, способного помочь реконструировать ставшие «невидимыми» культурные объекты. Сложность интерпретации культурных остатков заключается в том, что не всегда можно визуальным способом на археологическом объекте их зафиксировать. Один из методов, который может помочь, — метод геохимической индикации. Целью применения геохимиче-

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

² Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

³ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

⁴ Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ № 07-01-9016 а/б, РГНФ, 2010, № 10-01-00553а/Б, ФР6-NEST-028192, РГНФ, грант 10-01-00553, РФФИ, грант 10-06-00096-а.

ского метода является выявление групп элементов-индикаторов, которые могут охарактеризовать антропогенные и геологические процессы, участвующие в формировании осадочных отложений. На различных памятниках могут быть выделены определенные группы элементов-индикаторов, характеризующие тот или иной тип функциональной антропогенной активности.

Нами были проведены археологические исследования на многослойных памятниках каменного века Сертя XIV и Сертя 3-3. Здесь были выявлены комплексы элементов-индикаторов, позволившие более четко реконструировать различные функциональные зоны и особенности жилых структур на территории древних разновременных поселений.

Рельеф в этом районе характеризуется хорошей сохранностью ледниковых и водно-ледниковых

форм, множеством озер, молодостью гидрографической сети. Цепочка озер начала формироваться в конце плейстоцена — начале голоцена после отступления валдайского ледника на участках холмисто-моренного и камового рельефа, представляющих собой краевые образования максимального продвижения ледника и последующих отступаний и наступаний бологовской и едровской стадий (Рельеф, 1961). В настоящее время древние озерные котловины заболочены и унаследованы узким руслом реки Сертейки, которая является правым притоком р. Западной Двины. Среди древних цепочек палеоозер выделяются Сертейская — большая озерная котловина и малая Нивниковская озерная котловина (рис. 1). Сертейская озерная ванна сложена рыжевато-красными моренными суглинками. Нивниковская озерная ванна — флювиогляциальными камовыми отложениями, представленными

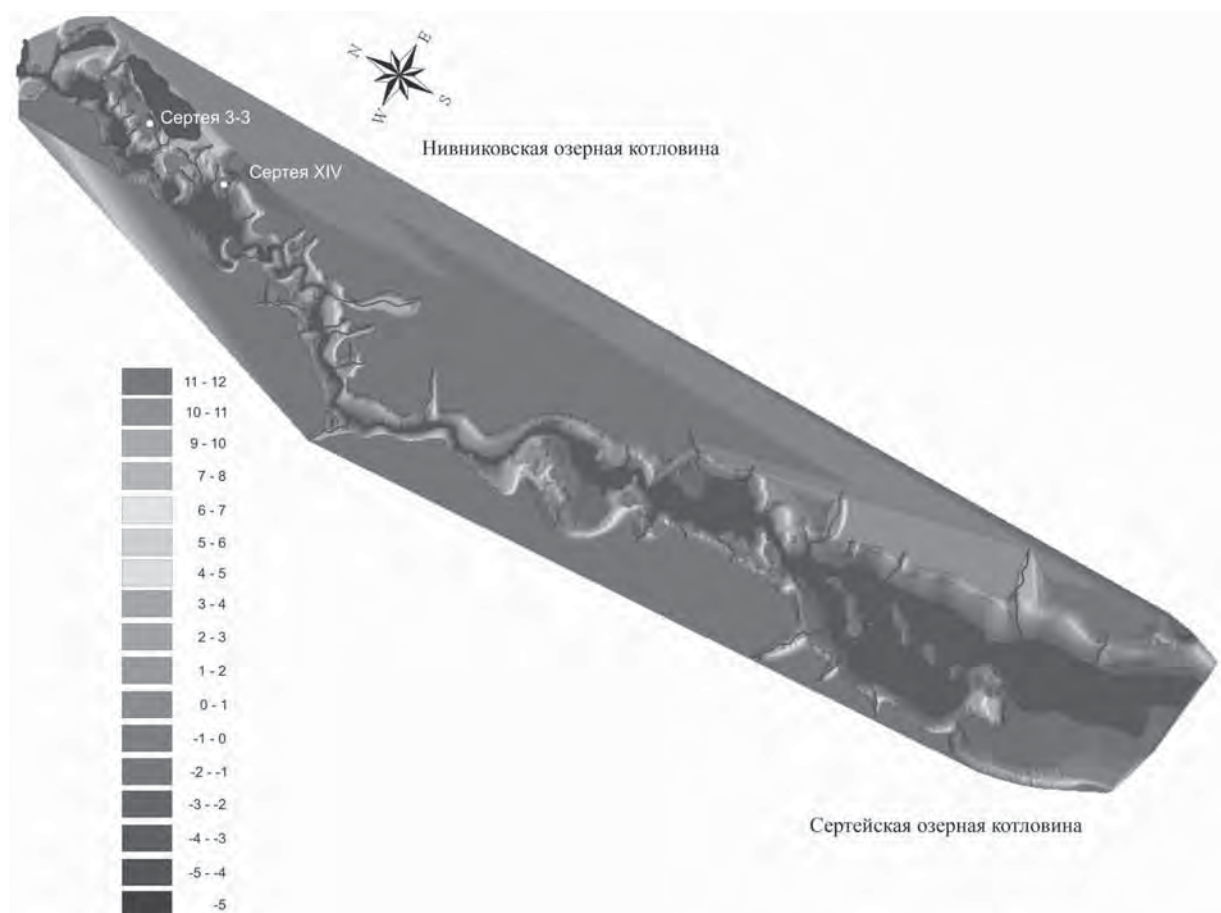

Рис. 1. Карта с расположением памятников Сертя 3-3 и Сертя XIV

тонкослоистыми средне- и мелкозернистыми хорошо сортированными песками желтого и желто-розового цвета. Граница конечноморенных и камовых отложений проходит в северной части Сертейской котловины.

Многослойный памятник Сертея XIV расположен в Нивниковской котловине на древних озерных террасах, сформировавшихся и частично погребенных в голоценовом периоде (Кулькова, 2005) и сложенных мелкозернистыми слоистыми озерными песками. Культурный слой на памятнике Сертея XIV представлен несколькими «культурными горизонтами», которые визуальнo по цвету отложений невозможно разделить. Разделение на «культурные горизонты» было нами проведено на основе анализа планиграфии и высотных отметок археологического материала и остатков различных конструкций (Мазуркевич и др., 2004).

На площади кв. г–ж/1–3 в слое светло-серой супеси (в котором залегает «первый культурный горизонт») было выявлено скопление камней овальной формы диаметром около 3,9 м. Скопление состояло из колотых и частично обожженных камней, и было интерпретировано как остатки обкладки наземной жилой конструкции. В кв. з–и/2–3 хорошо читались скопления камней округлой формы (диаметром около 0,7–0,5 м). Возможно соотнести их с остатками очагов, так как часть камней имеет следы термического воздействия, а в заполнении внутри скопления камней встречались мелкие угольки и фрагменты кальцинированных костей (Мазуркевич и др., 2004). С целью проверки нашего предположения на этом участке поселения Сертея XIV были отобраны образцы на площади 16 кв. м на месте скопления камней. Образцы отбирались по сетке на площади памятника через каждые 60 см в квадратах з–и/2–3. Контрольные образцы были отобраны за границами памятника.

Исследование минерального состава отложений было выполнено с помощью методов инфракрасной спектроскопии, рентгенофазового анализа и оптическими методами (под бинокуляром). Образцы из первого культурного «горизонта», многослойного памятника Сертея XIV были представлены тонкозернистым песком серого цвета с включе-

нием органических остатков и состояли на 35 % из кварца, на 40 % из полевого шпата, который был представлен плагиоклазом и микроклином, 15 % составляли глинистые (каолинит, иллит) и слюдистые минералы (мусковит, флогопит), 5 % — акцессорные минералы, такие как циркон, титаномагнетит, гранат, гидроокислы железа, 5 % — органическое вещество.

Химический состав антропогенных и фоновых отложений за пределами поселения на памятнике Сертея XIV был определен с помощью следующих методов: спектральным эмиссионным полукolicественным анализом и рентгеноспектральным флуоресцентным анализом были получены содержания кальция, стронция, рубидия, с помощью метода пламенной фотометрии было определено содержание калия. Фосфор определялся методом сравнительного колориметрического анализа. Всего было исследовано 42 образца.

Полученные данные были обработаны методами математической статистики (Клеcka, 1980). Обработка результатов проводилась с помощью пакета компьютерной программы «Statistica 6.0». Факторный анализ позволил определить группу элементов-индикаторов антропогенной деятельности на поселении. Он дал возможность выявить соотношения между элементами, характеризующими антропогенную деятельность на поселении, и остальными элементами. Формула первого фактора (28,46 %): $Mn_{(0,67)}, P_2O_{5(0,35)}, Sr_{(0,32)}/Na_2O_{(0,83)}, Sc_{(0,81)}, Zr_{(0,7)}$. На основании этих данных были построены карты распределения отдельных элементов на площади изучаемых квадратов (рис. 2).

На рисунках 3, 4 и 5 показаны зоны распределения содержания фосфора P_2O_5 (г/т), кальция — $CaO/(CaO+Na_2O)$ (г/т) и стронция — $Sr/(Sr+Na)$ (г/т). Для того чтобы разделить кальций и стронций, входящие в состав антропогенных остатков, от кальция и стронция, входящих в состав породообразующих минералов, использовались соотношения $CaO/(CaO+Na_2O)$ и $Sr/(Sr+Na)$ (рис. 3, 4, 5). Участки повышенных концентраций этих элементов часто связывают с зонами разделки туш животных (da Costa and Kern, 1999). Вероятно, на площади кв. з–и/1–3 эти небольшие по размерам зоны

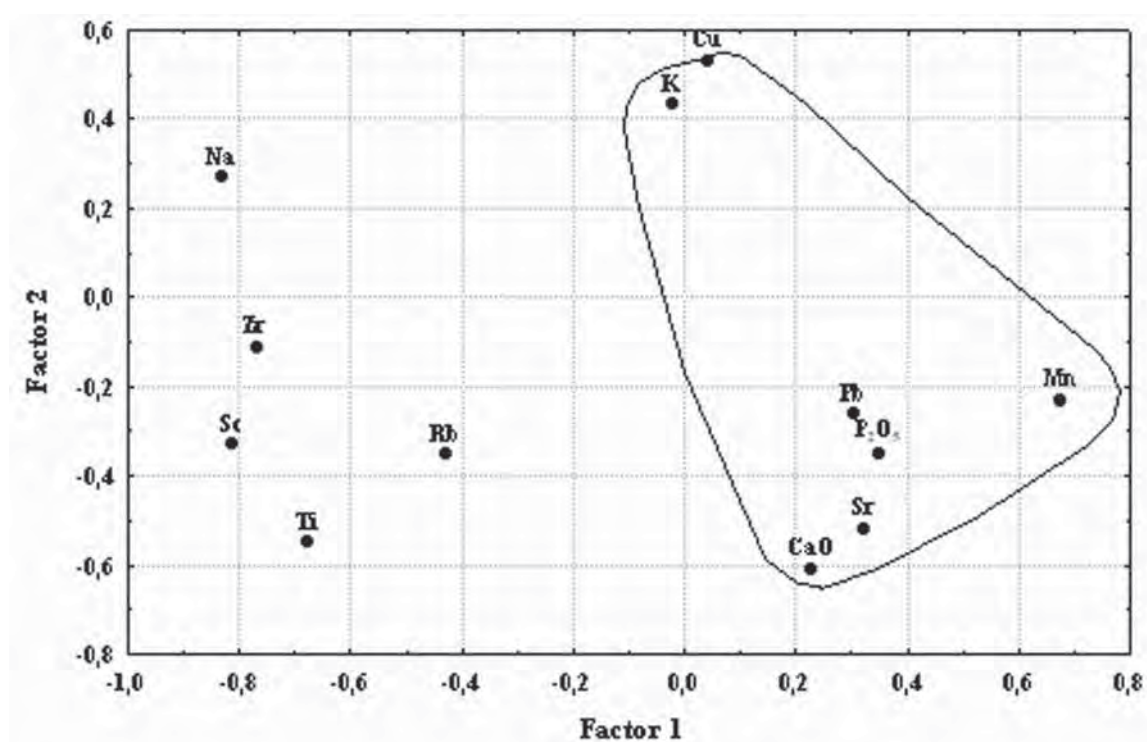
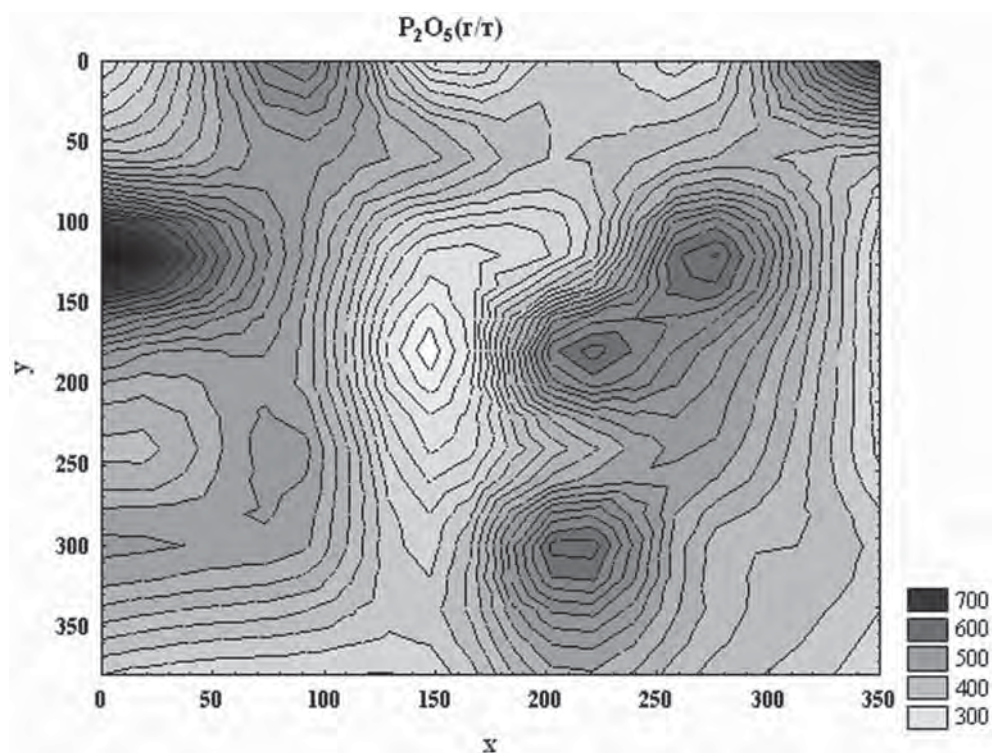

Рис. 2. Элементы-индикаторы антропогенной деятельности на поселении Сертя XIV по данным факторного анализа

Рис. 3. Распределение содержания фосфора P_2O_5 (г/т) по площади кв. з-и/1–3 на поселении Сертя XIV

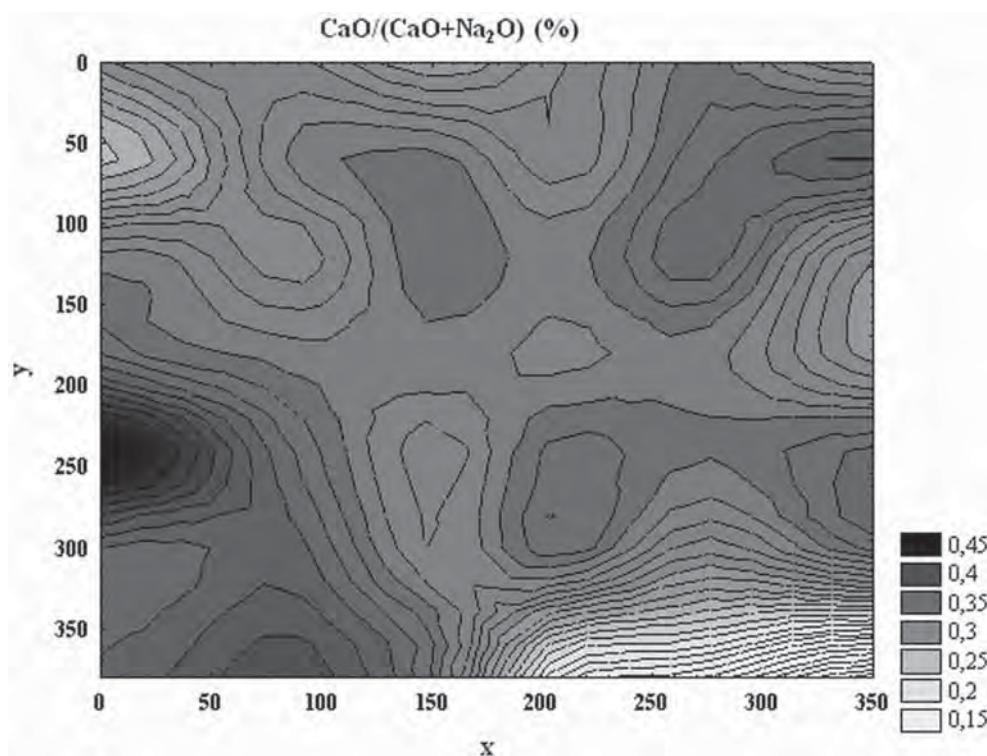

Рис. 4. Распределение содержания кальция — CaO/(CaO+Na₂O) (г/т) по площади кв. з-и/1–3 на поселении Сертя XIV

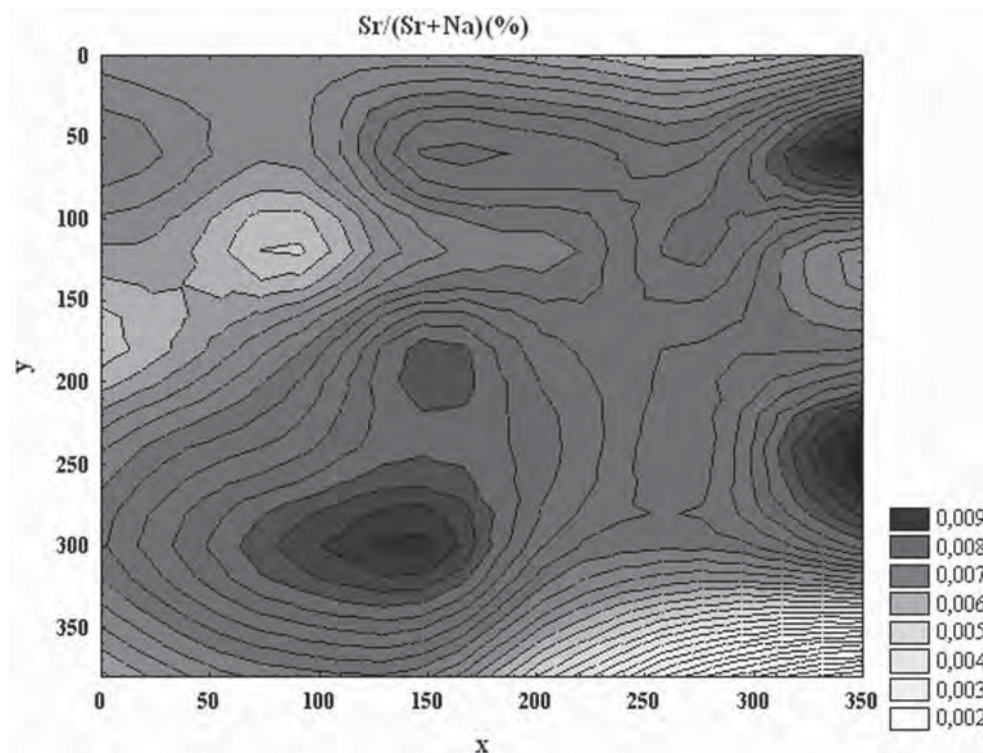

Рис. 5. Распределение содержания стронция — Sr/(Sr+Na) (г/т) по площади кв. з-и/1–3 на поселении Сертя XIV

можно интерпретировать как места концентрации органических остатков. Кроме того, места повышенных значений показателя $Sr/(Sr+Na)$ (г/т) совпадают с зонами, входящими в сферу деятельности древнего человека. Повышенные значения стронция в структурах жилых помещений связаны с накоплением остатков ороговевшей ткани (Middleton, 1996). Такие ареолы на площади поселения Сертя XIV могут быть связаны с длительным пребыванием человека на участках возле открытых очагов.

Положительные корреляционные связи фосфора с показателями $K/(K+Na)$ и $Rb/(Rb+Na)$ дают возможность использовать эти показатели для реконструкции антропогенной деятельности на поселении. На рисунках 6 и 7 показаны зоны распределений значений показателей $K/(K+Na)$ (г/т) и $Rb/(Rb+Na)$ (г/т) (рис. 6, 7). Аномальные значения показателя $K/(K+Na)$ совпадают с местом расположения наземных очагов. Возможна следующая предварительная интерпретация. Планиграфическое распределение $Rb/(Rb+Na)$ и $K/(K+Na)$ как

индикаторов зола на участке кв. 3-и/1-3 показывает наличие нескольких зон выбросов зола, что, вероятно, соответствует существованию здесь нескольких (3-4) разновременных очагов, имевших по периметру обкладку из небольших камней. Более ранние очаги располагались на площади кв. 3-и/1-2 и постепенно смещались вниз по склону в кв. 3-и/2-3 (рис. 8).

Второй памятник, для которого была проведена реконструкция функциональных зон с помощью метода геохимической индикации, — Сертя 3-3 — располагается на камовом останце, на борту протоки, соединяющей Нивниковскую котловину и р. Западную Двину.

Здесь была прослежена следующая стратиграфия: культурные остатки залежали в темно-желтом песке мощностью от 15 до 25 см, который располагался на поверхности желто-розовых камовых песков Валдайского оледенения. Анализ стратиграфии и палеорельефа памятника позволил сделать вывод, что место для поселения было выбрано с учетом особенностей древнего рельефа: осве-

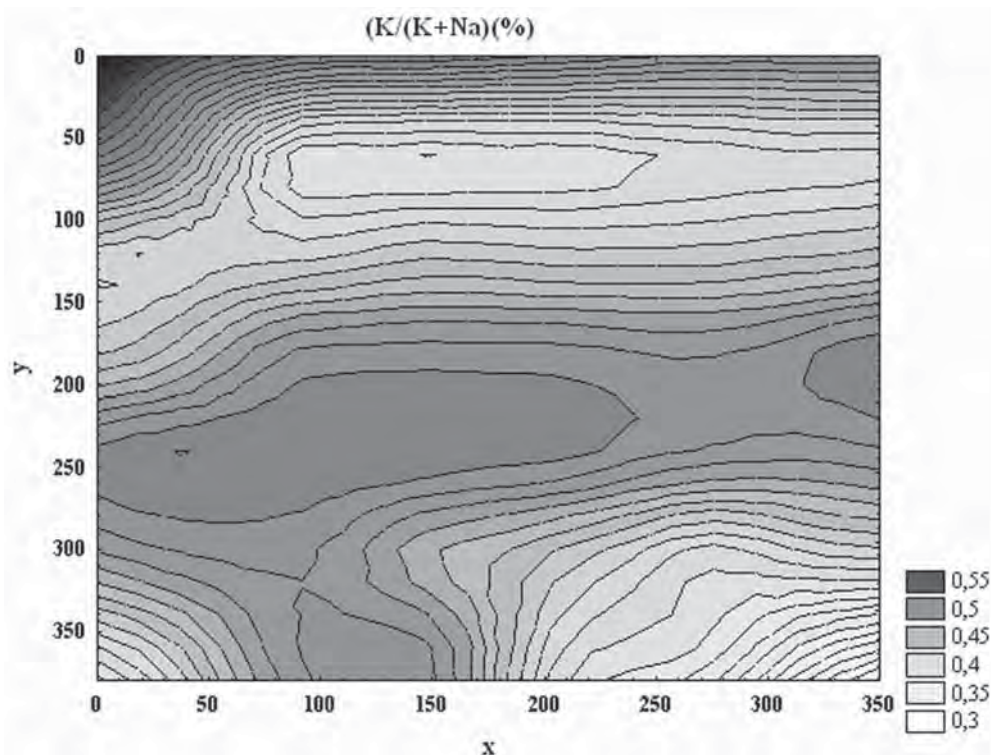

Рис. 6. Распределение содержания калия — $K/(K+Na)$ (г/т) по площади кв. 3-и/1-3 на поселении Сертя XIV

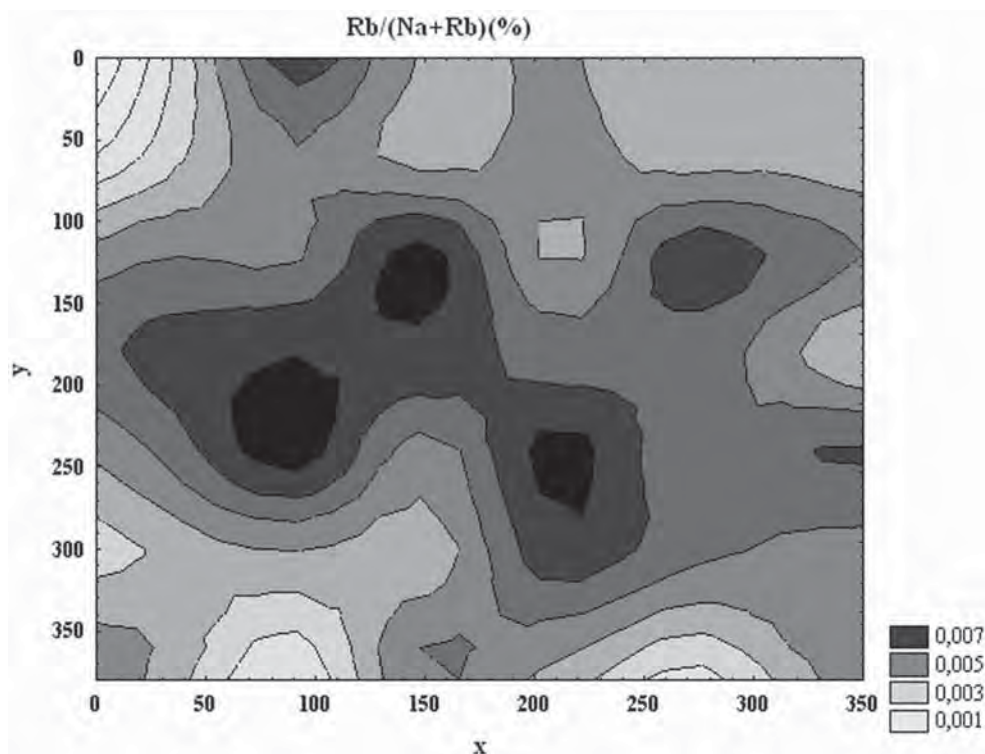

Рис. 7. Распределение содержания рубидия — $Rb/(Rb+Na)$ (г/г) по площади кв. 3-и/1-3 на поселения Сертя XIV

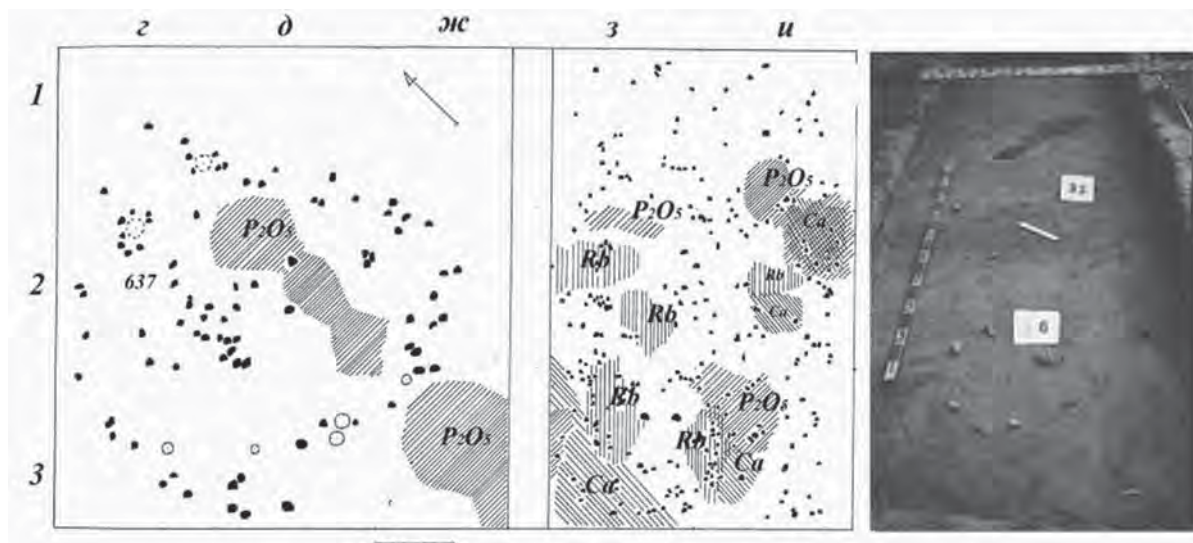

Рис. 8. Планиграфическое распределение $Rb/(Rb+Na)$ и $K/(K+Na)$ как индикаторов расположения золы и очагов, фосфора P_2O_5 (г/г), кальция — $CaO/(CaO+Na_2O)$ (г/г) и стронция — $Sr/(Sr+Na)$ (г/г) как индикаторов различных функциональных зон, входящих в сферу деятельности древнего человека, на участке кв. 3-и/1-3 поселения Сертя XIV

ценности в течение года, закрытости от северных и северо-восточных ветров, характера грунта и наличия ровных площадок. Можно предпо-

жить следующую последовательность заселения этого участка местности в древности. К первому периоду относятся зафиксированные остатки очаж-

ных и столбовых ям, расположение которых может свидетельствовать о существовании на памятнике трехкамерной жилой конструкции, которая датируется по керамическому комплексу ранним неолитом (Мазуркевич, Полковникова, 2008). Конструкции принадлежат фрагменты двух сосудов с накольчато-прочерченной орнаментацией, относящейся к фазе «а» раннеолитической сертейской культуры. Эта конструкция (или площадка) могла использоваться долгое время, о чем свидетельствуют находки сосуда фазы «b-1». Позднее этот участок был размыт небольшими ручьями, русла которых постепенно затягивались песком. Анализ планиграфии остатков ям и раннеолитического и среднеолитического керамического и кремневого комплексов указывают на периодичность в посещении памятника. Поздний период существования поселения характеризуется керамическим и кремневым комплексами, которые находят аналогии в материалах культур шнуrowой керамики. Эти комплексы соотносятся с остатками «очажных» пятен, которые были зафиксированы на кровле темно-желтого песка.

Антропогенные отложения на памятнике Сертея 3-3 представлены рыжевато-желтыми песками, сформированными на камовых песках, состоящих на 30 % из кварца, 46 % — полевого шпата (альбит, микроклин), 7 % — слюдистых (мусковит, флогопит) и глинистых (иллит, монтмориллонит) минералов, 5 % составляют акцессорные минералы, такие как циркон, титаномагнетит, гранат, амфибол, гидроокислы железа, 2 % — органическое вещество. Для определения химического состава отложений на памятнике Сертея 3-3 и контрольных образцов за его пределами был использован рентгеноспектральный флуоресцентный анализ. Всего было проанализировано 89 образцов.

Корреляционный анализ химического состава отложений позволил выявить ассоциации химических компонентов с наиболее высокими корреляционными связями, то есть элементы, на накопление которых влияли одинаковые внешние факторы. Метод главных компонент факторного анализа дал возможность разделить ассоциации химических элементов, сформировавшихся в различных условиях. Таким образом, выявленные ассоциации

могут характеризовать условия окружающей среды и деятельность древнего человека, которые повлияли на накопление той или иной группы химических компонентов.

Было выявлено несколько групп ассоциаций химических компонентов:

I группа: SiO_2 ;

II группа: Al_2O_3 , Fe_2O_3 , MgO , TiO_2 , Na_2O ;

III группа: K_2O , Ba ;

IV группа: P_2O_5 , CaO , MnO , LOI .

При сравнении с контрольными образцами образцы из зоны поселения содержат более высокие значения таких химических компонентов, как P_2O_5 , CaO , MnO , K_2O , которые почти в два раза превышают концентрации этих элементов в зонах за пределами поселения. Кроме того, исследования на памятнике Сертея XIV подтвердили, что ассоциация выделенных элементов связана с антропогенной деятельностью. Таким образом, можно утверждать, что химические компоненты, входящие в III и IV группы, накапливались в результате деятельности древнего человека на этом участке.

В группу I вошел только один компонент — кремнезем, который может отражать состав материнских пород, представленных камовыми песками, главным компонентом которых является кварц.

Группа II включает химические компоненты: Al_2O_3 , Fe_2O_3 , MgO , TiO_2 , Na_2O , которые связаны с выветренными камовыми отложениями, обогащенными глинистой и полевошпатовой составляющей, главными минералами в этих отложениях являются иллит — $(\text{K}, \text{H}_2\text{O})\text{Al}_2[(\text{Al}, \text{Si})\text{Si}_3\text{O}_{10}](\text{OH})_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$, альбит — $\text{Na}[\text{AlSi}_3\text{O}_8]$, монтмориллонит $(\text{Na}, \text{K}, \text{Ca})(\text{Al}, \text{Fe}, \text{Mg})[(\text{Si}, \text{Al})_4\text{O}_{10}](\text{OH})_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$ с повышенным содержанием окислов и гидроокислов (магнетит, титаномагнетит, гидрогетит), что объясняет появление в этой группе Fe_2O_3 , TiO_2 .

Первый фактор (F1 — 41,3 %) по данным факторного анализа описывается формулой $\text{SiO}_{2(0,96)} / \text{Al}_2\text{O}_{3(-0,90)} \cdot \text{MgO}_{(-0,87)} \cdot \text{Fe}_2\text{O}_{3(-0,80)}$. Данные первого фактора показывают, что отложения, обогащенные кремнеземом, и отложения с высокой глинистой составляющей были сформированы в различных геохимических условиях. Сравнение с рельефом древней дневной поверхности, соответствующей первому и второму периоду заселения этого участ-

ка, показало, что формирование выветренных, обогащенных глиной отложений приурочено к повышенным участкам рельефа, тогда как в понижениях, небольших оврагах или углублениях, соответствующих древним ручьям, происходило отложение песка, богатого кремнеземом (рис. 9). Таким образом, по изменению значений первого фактора можно охарактеризовать развитие древнего рельефа на площади поселения.

Второй фактор (FII — 16,8 %) отражает антагонизм ассоциаций элементов Na_2O , SiO_2/Ba , K_2O . Повышенные концентрации в отложениях таких компонентов, как K_2O и Ba, скорее всего, связаны с накоплением в культурном слое древесной золы. Антагонизм этих компонентов к кремнезему и натрию, входящих в состав породообразующих мине-

ралов, показывает, что они накапливались в других геохимических условиях и не связаны с формированием вмещающих пород. Геохимическая карта, построенная по значениям второго фактора, показывает, что зоны, обогащенные калием и барием (отрицательные значения второго фактора), располагаются внутри и по периметру остатков трехкамерного жилища, а также в северо-западной части памятника. Вероятно, к участку жилой зоны можно отнести и остатки наземного «очага», который маркируется повышенными значениями антропогенных элементов второго фактора (Ba, K_2O) на площади кв. в/В. Зоны повышенных значений компонентов (P_2O_5 , LOI, CaO) на площади кв. Б-а/1-2 граничат с месторасположением скоплений керамики фазы «с-1» и также сопровождаются

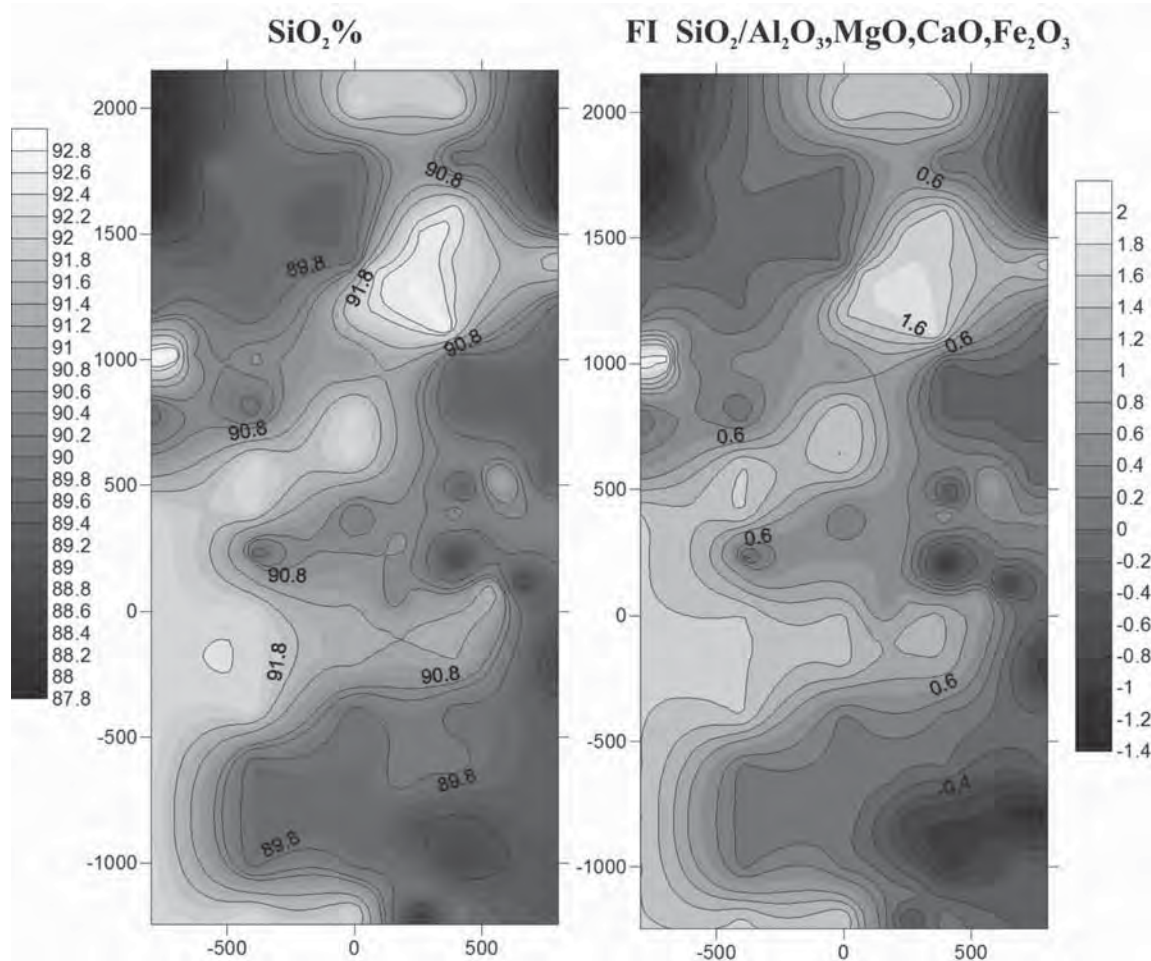

Рис. 9. Карта распределений значений I фактора, отражающего особенности микрорельефа на участке поселения Сертея 3-3 в период формирования «нижнего» культурного горизонта

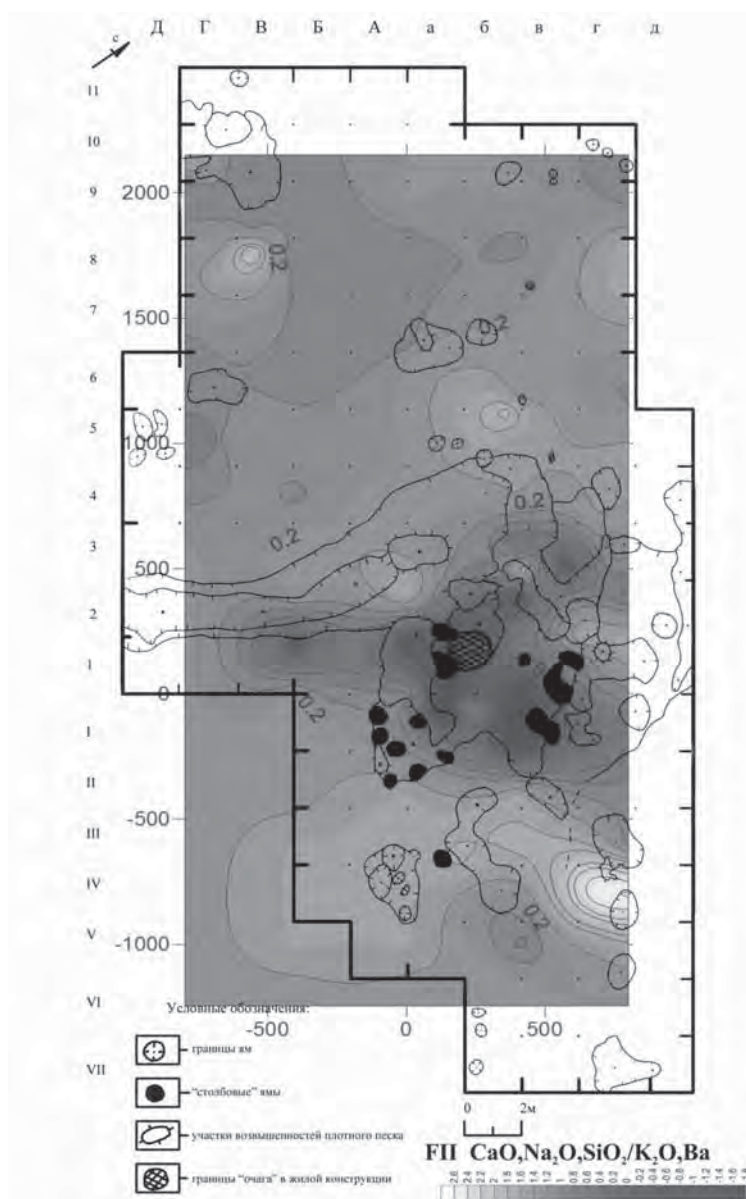

Рис. 10. Геохимическая карта, показывающая аномальные концентрации K_2O и Ba , связанные с участками обогащения древесной золой на площади «нижнего» культурного горизонта поселения Сертея 3-3

аномальными концентрациями антропогенных элементов второго фактора (Ba , K_2O) (рис.10).

Третий фактор (FIII — 11,6 %) — K_2O , Al_2O_3 / MnO , LOI , Fe_2O_3 . Отрицательные значения третьего фактора характеризуют отложения, обогащенные органическим веществом, окислами марганца и железа (MnO , LOI , Fe_2O_3). Зоны, в которых накапливаются эти компоненты, связаны с древними участками максимального гумусирования. По

данным различных исследований, высокая селективная и общая концентрация марганца растениями происходит в условиях кислой и сильнокислой реакции среды. Осаждению марганцевых соединений благоприятствует кислотно-щелочной геохимический барьер. Сброс кислых растворов с высоким содержанием марганца в щелочную среду приводит к его накоплению в виде минеральных соединений (Галота, 2002). Таким образом, участ-

ки на поселении, в которых накапливались и сгнивали растительные и древесные остатки, а также шкуры и животные ткани, могли играть роль кислотно-щелочного барьера, благоприятного для концентрации нерастворимых соединений марганца. Также марганец присутствует в этих зонах в виде органометаллических комплексов, так как имеет высокую корреляционную связь с органическим веществом. Значения третьего фактора позволяют охарактеризовать участки, где были рас-

положены скопления деревянных предметов и органических материалов, связанных с хозяйственной деятельностью древнего человека. Концентрация этих элементов имеет максимальные значения на площади трехкамерного жилища и в северо-западной части памятника. Выделяются также новые участки, для которых характерна повышенная концентрация данных элементов — на площади кв. в-г/7–8, А–Б/1–I, А–Б/5–6, г–д/V–VI (рис. 11). На этих участках был обнаружен керами-

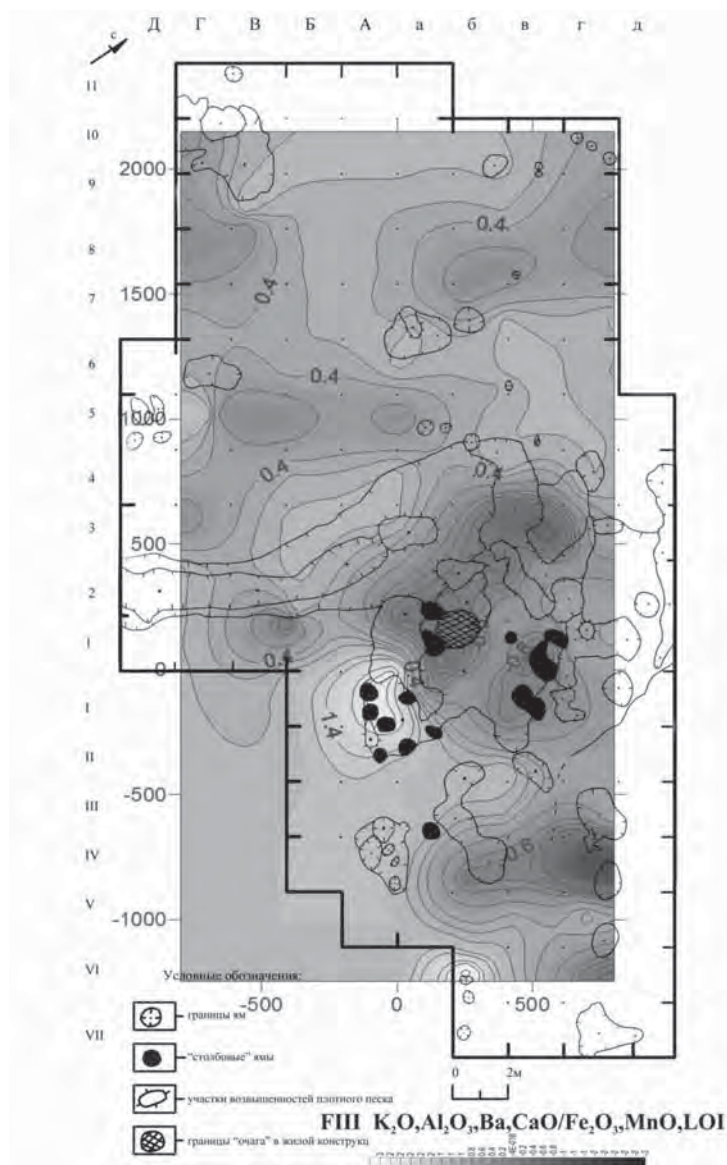

Рис. 11. Карта распределения аномальных значений MnO , Fe_2O_3 , LOI , связанных с местами гниения растительных и древесных материалов, шкур, животных тканей на участке «нижнего» культурного горизонта поселения Серая 3-3

ческий комплекс, различающийся типологически (фазы «а», «б-1», «с-1» ранненеолитической сертейской культуры) и хронологически. Это позволяет выделить участки обитания, которые соответствуют каждому новому посещению данного места в раннем неолите.

Четвертый фактор (FIV — 9,7 %) — $MgO, Fe_2O_3, TiO_2/P_2O_5, LOI, CaO$ — устанавливает antagonизм порообразующих элементов (MgO, Fe_2O_3, TiO_2), генезис которых связан с составом материнских пород, к антропогенным компонентам (P_2O_5, LOI, CaO), которые накапливались при участии древнего человека. Аномальные значения антропогенных элементов (отрицательные значения четвертого фактора) маркируют границы участков скопления органических остатков, в состав которых входили кости и органические ткани. Антропогенный характер этих элементов также подтверждается исследованиями, проведенными на памятнике Сертя XIV.

Участки жилой конструкции характеризуются аномальными значениями таких компонентов, как MnO, LOI, Fe_2O_3 . Особенно отчетливо это фиксируется в центральной части (3,2×2,5 м) жилой конструкции, где комплекс этих элементов маркирует участки интенсивного гумусирования, что, вероятно, связано с залеганием и сохранением здесь большого количества органических материалов (дерева, костей, шкур), которые могли входить в состав конструкции жилища. Повышенные значения компонентов (Ba, K_2O) фиксируются в приочажной зоне центральной части жилой конструкции и в северной части этой конструкции в кв. г/3 вокруг еще одного очага. Высокие значения антропогенных компонентов четвертого фактора (P_2O_5, LOI, CaO) совпадают с областями ям, расположенных вокруг жилой конструкции.

Сопоставление с планиграфическим распределением археологического материала по площади памятника за пределами жилой конструкции показывает, что максимальная концентрация антропогенных элементов, входящих в формулу второго и четвертого факторов, приходится на участки с минимальным количеством находок. Скопления фрагментов керамики приурочены к границам геохимических аномалий: керамика сертейской

ранненеолитической культуры фазы «с-1» тяготеет к кв. а-б/2-3, фазы «а» — к кв. а/V, «б-1» — к кв. д/V и в-г/II. Группа тонкостенной лощеной керамики (елшаноидного типа) сосредоточена на площади кв. Б-А/І-ІІ. В этой зоне было зафиксировано повышенное значение антропогенных элементов (MnO, LOI, Fe_2O_3), относящихся к третьему фактору. Максимальные значения антропогенных элементов четвертого фактора (P_2O_5, LOI, CaO) на площади кв. А-б/ІІІ-V совпадают с концентрацией фрагментов посуды фазы «а» с накольчато-прочерченной орнаментацией (рис. 12).

Факторный анализ, выполненный по результатам химического состава отложений кровли светло-желтого песка, позволил выявить три значимых фактора. Первый фактор показывает распределение главных порообразующих компонентов и связан с особенностями рельефообразования на площади памятника. Второй и третий факторы отражают антропогенное воздействие при формировании отложений. Повышенные содержания элементов (Ba, MnO), которые входят в формулу второго фактора ($Ba, MnO/Na_2O, CaO$), фиксируют зоны гумусирования, связанные с жизнедеятельностью древнего человека. Третий фактор показывает antagonизм порообразующих окислов (MgO, K_2O), входящих в состав минералов песка, к антропогенным компонентам (P_2O_5, LOI). При анализе распределения этих и других антропогенных индикаторов ($K_2O/(Al_2O_3+K_2O); CaO/SiO_2$) в отложениях на кровле желтого песка, соответствующего позднему неолиту, были получены следующие данные.

Аномалии второго фактора (Ba, MnO) приурочены к зонам около очажных пятен и, вероятно, маркируют участки, на которых происходило разложение древесных и органических остатков. Они могут быть интерпретированы как места расположения жилых площадок (рис. 13). Повышенные значения антропогенных элементов третьего фактора (P_2O_5, LOI), которые связаны с органическими остатками, сосредоточены к югу от «очажных» пятен и могут фиксировать места «свалок» (рис. 14). В пользу последней интерпретации может свидетельствовать максимум содержания соотношения CaO/SiO_2 , которое является

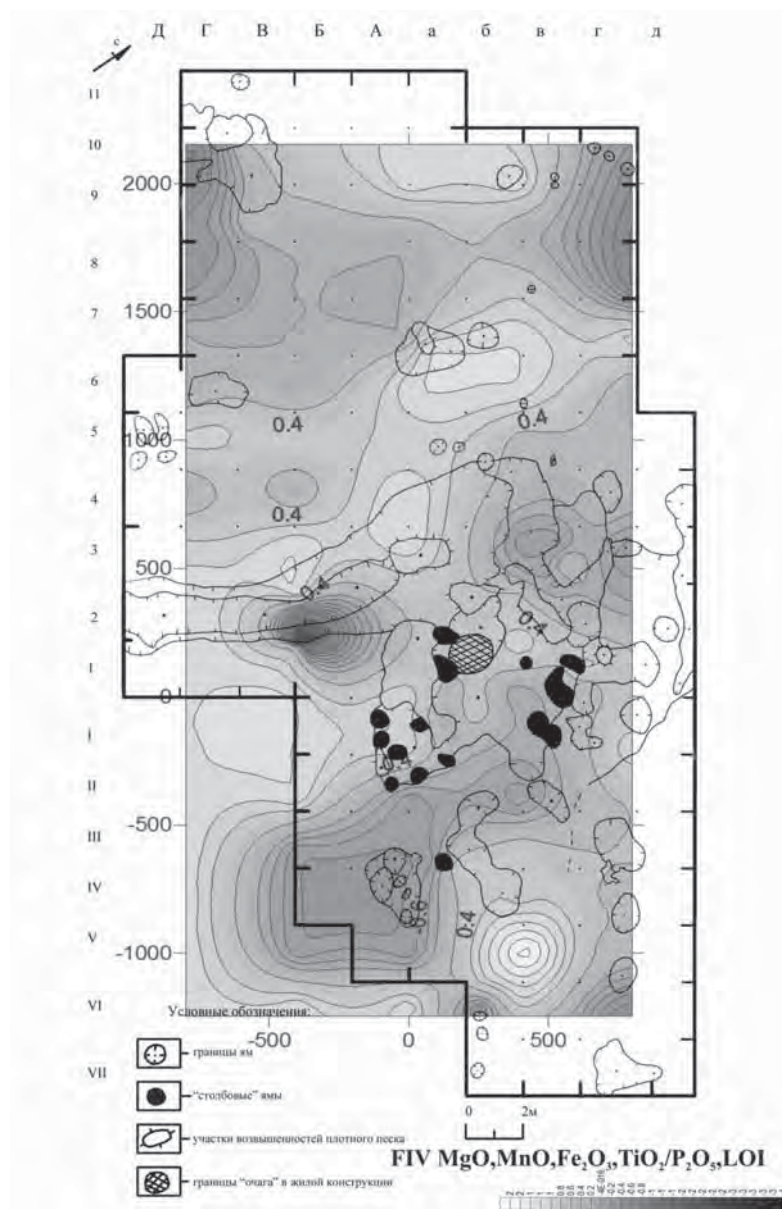

Рис. 12. Карта распределения аномальных значений P_2O_5 , LOI, CaO, связанных с зонами обогащения костными остатками и органическими тканями на участке «нижнего» культурного горизонта поселения Сертея 3-3

индикатором костных тканей. Скопления костных остатков приходятся на периферию памятника и «оконтуривают» места расположения «очажных» пятен и прилегающих к ним зон со скоплениями органических материалов (рис. 15).

Соотношение $K_2O/(Al_2O_3 + K_2O)$ является индикатором древесной золы в отложениях культурного слоя и может в данном случае рассматриваться как

маркер участков приочажных зон и «свалок» на площади поселения, куда выбрасывались заполнения очагов после их чистки. Примечательно, что, как правило, ареолы высоких значений $K_2O/(Al_2O_3 + K_2O)$ расположены с северной и северо-западной стороны от «очажных» пятен. На площади поселения K_2O аномалии фиксируются в центральной части раскопанного участка, в котором обна-

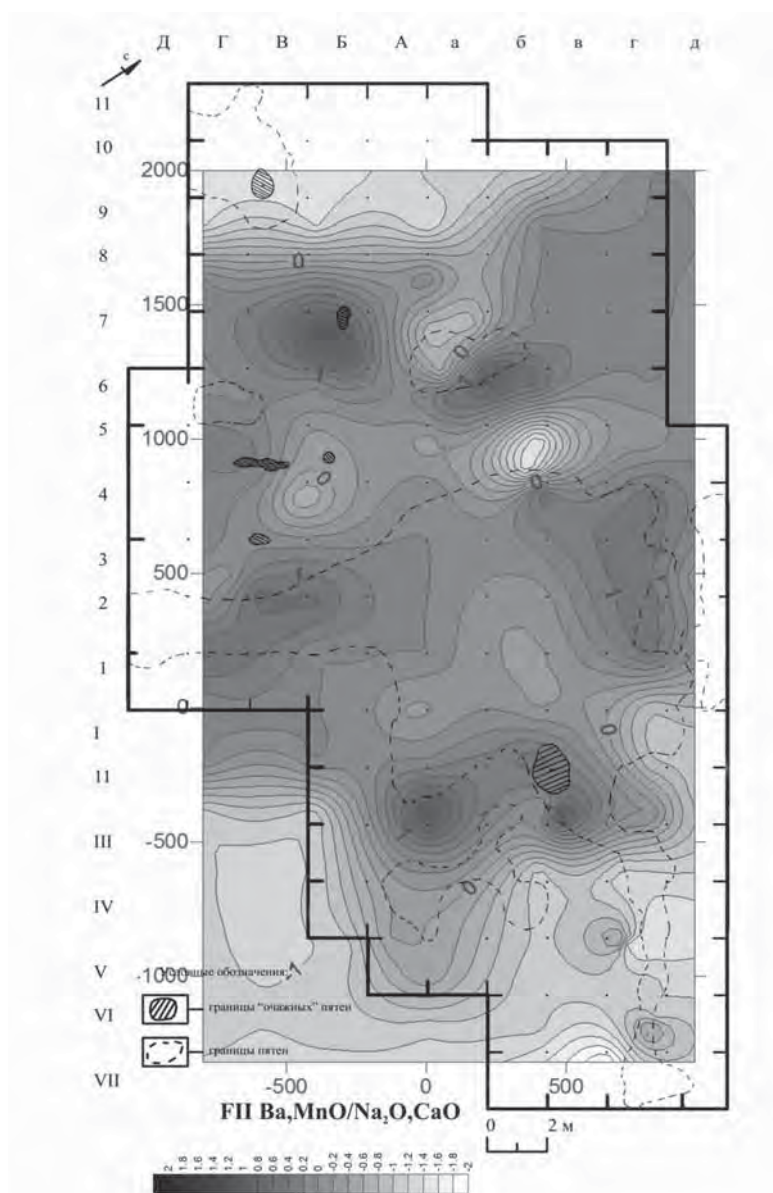

Рис. 13. Карта распределения аномальных значений Ba, MnO в кровле желтого песка «верхнего» культурного горизонта, маркирующих остатки древесины, связанной с жилыми площадками на поселении Сертея 3-3

ружены остатки древнего русла ручья (вероятно, в него происходил сброс золы) (рис. 16).

Важную роль в выявлении компонентов, связанных с древней антропогенной активностью, играет обработка данных по химическому составу отложений с площади культурного слоя методами математической статистики. Корреляционный анализ позволяет выявить элементы, накаплива-

ющиеся в одинаковых геохимических условиях. Факторный анализ по соотношению групп различных компонентов позволяет охарактеризовать геохимическую среду их накопления и выявить компоненты, связанные с антропогенной активностью. На многослойных поселениях каменного века (Сертея XIV и Сертея 3-3), различных по ландшафтной приуроченности, был выявлен ком-

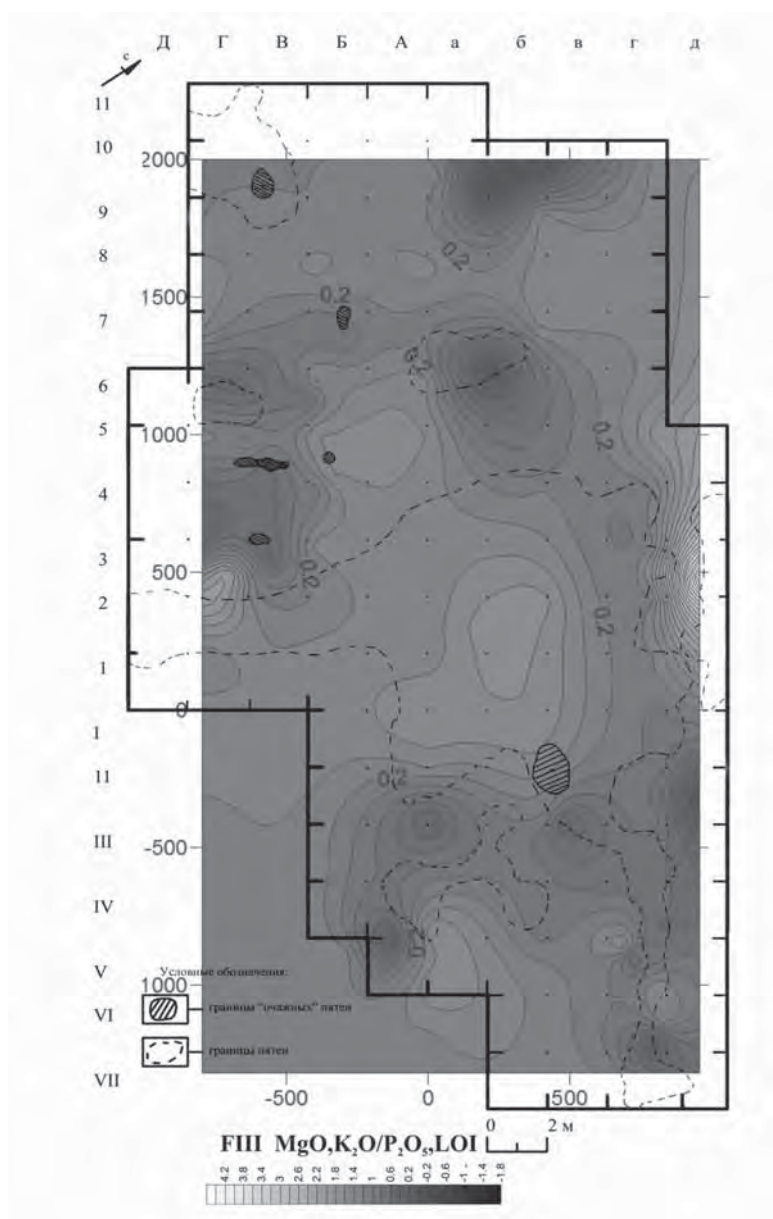

Рис. 14. Зоны расположения свалок и жилых площадок по данным распределения P_2O_5 , LOI

плекс химических компонентов и микроэлементов (P_2O_5 , CaO, K_2O , MnO, LOI, Ba, Sr, Rb), связанных с жизнедеятельностью древнего человека и накапливающихся в культурных слоях. Распределение индикаторных соотношений химических элементов, а также групп химических компонентов по площади поселений характеризует различные функциональные зоны. Планиграфический анализ распределения археологических находок

и объектов в культурном слое, распространение их по площади и сопоставление с геохимическими аномалиями позволяют более точно интерпретировать характер функциональных зон и структуры поселений.

С развитием и применением высокоточных аналитических методов исследования вещества появилась возможность получить полный анализ минерального и химического состава отложений,

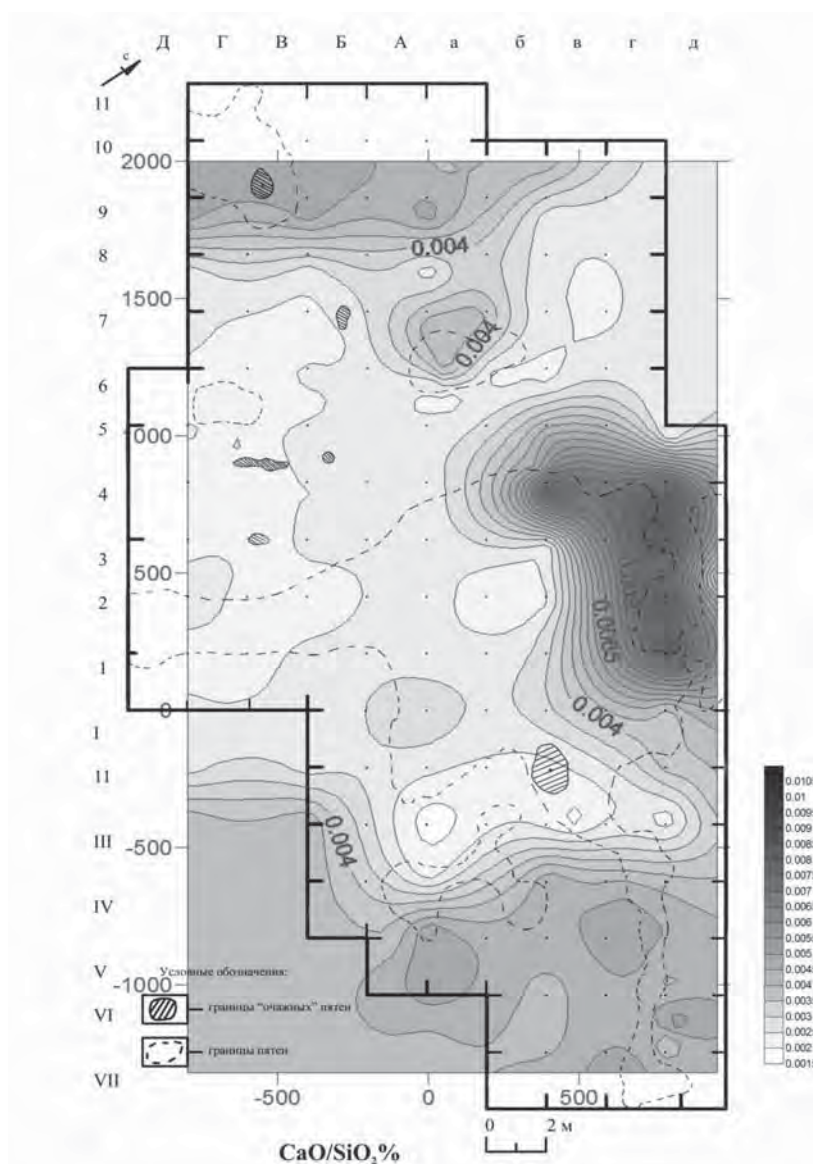

Рис. 15. Геохимическая карта распределения показателя CaO/SiO_2 (%), фиксирующего скопления костных остатков в «верхнем» культурном горизонте на поселении Серая 3-3

которые накапливались в результате геоморфологических процессов и деятельности древнего человека. Аналитические исследования характера распределения отдельных элементов-индикаторов антропогенных систем, а также их ассоциаций, выявленных с помощью методов математической статистики, составление моно- и полиэлементных карт и сравнение геохимических данных с археологическими объектами устанавливают расположение функциональных зон и дают возможность

интерпретировать их как хозяйственные зоны (очаги / кострища, производственные/ хозяйственные площадки различного назначения, хозяйственные ямы, остатки жилых конструкций). Исследователями было отмечено, что наряду с современным технологическим загрязнением окружающей среды антропогенное влияние на четвертичные отложения проявляется в увеличении биогенных элементов в местах древних стоянок (da Costa, Kern, 1999).

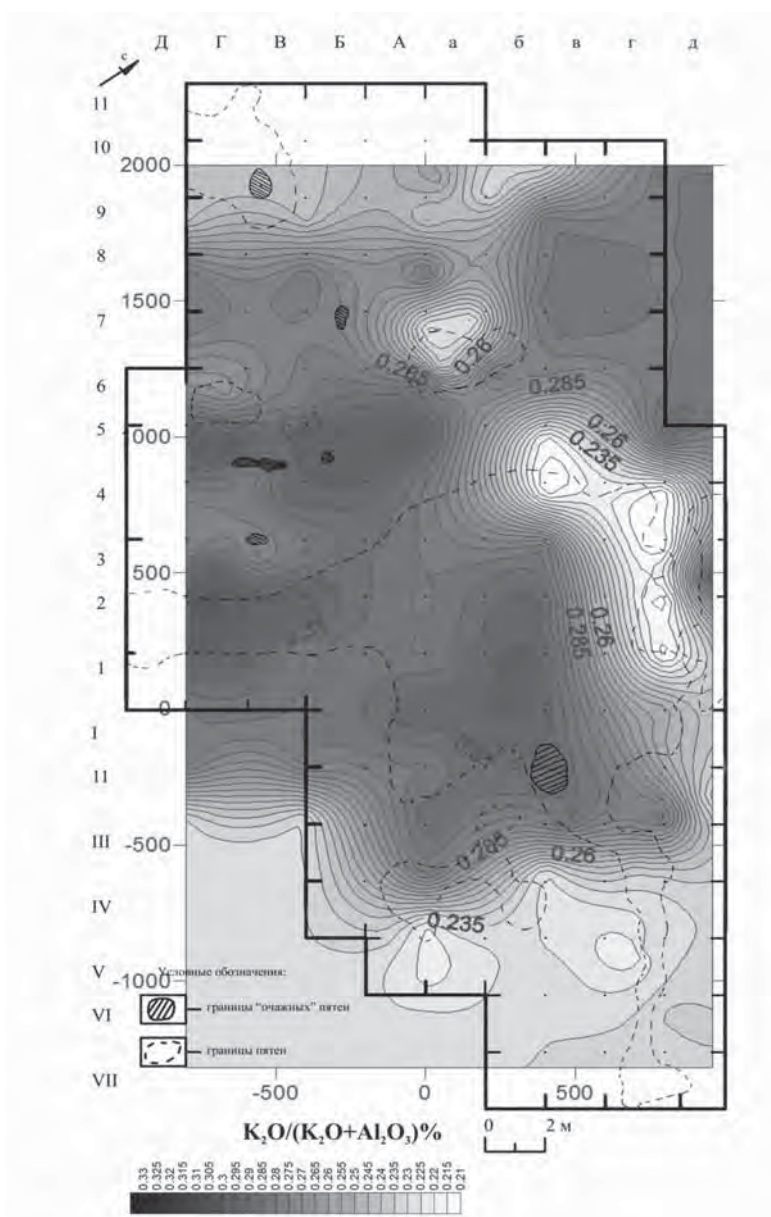

Рис. 16. Приочажные зоны, зоны выброса золы по данным индикаторного значения $K_2O/(K_2O+Al_2O_3)$ (%) в «верхнем» культурном горизонте на поселении Сергея 3-3

До настоящего времени применение геохимических методов исследования в археологии ограничивалось определением общего содержания фосфатов в почвах для выявления мест, где расположены древние поселения (Веллесте, 1952; Hamond, 1983; Österholm, 1997). Были проведены исследования по установлению мест скопления органики в обнаруженных конструкциях на архео-

логических памятниках, что позволило определить различные хозяйственные зоны (Герасимова и др., 1998). В последние годы стали проводиться работы по изучению динамики распределения фосфора в антропогенных почвах и выявлению различных форм нахождения фосфора в культурных слоях памятников (Holliday and Gartner, 2007). Дж. Энтвистле отмечает, что в последние десятилетия,

применялся очень ограниченный набор химических элементов для реконструкции древних поселений. Обычно использовались фосфор, кальций, магний и калий (Entwistle et al., 2007). Микроэлементы барий (Ba), стронций (Sr), медь (Cu), свинец (Pb), цинк (Zn), марганец (Mn), хром (Cr) и никель (Ni), которые также могут накапливаться в палеопочвах в результате антропогенной деятельности, используются для реконструкций древней антропогенной активности в меньшей степени.

Каждая фаза антропогенной активности на территории, где проживал древний человек (поселение, стоянка), изменяет свойства и состав почв, оставляя свой геохимический след в отложениях. Антропогенная модификация древних почв проявляется в увеличении концентрации химических элементов и их соединений, которые связаны с определенной деятельностью человека. Главными элементами, которые могут характеризовать антропогенное воздействие, являются фосфор, кальций и стронций (Nunez, 1977; da Costa, 1999). Это основные компоненты, входящие в состав минеральной части костной ткани, зубов, роговых образований. В процессе захоронения карбонат-апатит, из которого состоит минеральная часть костной ткани, практически не растворяется и не выносится водными потоками. Поэтому в местах поселений и особенно в местах захоронений людей и животных содержания фосфора, кальция и стронция имеют большие аномальные значения.

Другими элементами, которые также используются для характеристики антропогенного влияния, являются калий (K) и рубидий (Rb). Исследователи связывают аномальные содержания калия и рубидия на поселениях и в местах жилых помещений с зонами очагов, так как в древесной золе растений были зафиксированы высокие содержания калия (Middleton et al., 1996). Проведенные исследования, которые базируются на сопоставлении анализов состава современной древесины и древесной золы, показали, что эти вещества обогащены марганцем (Mn) и в некоторой степени цинком (Zn) (Aston et al., 1998). Повышенные концентрации калия в почве на поселениях также связывают со скоплениями в почве древесины или пепла (Griffith, 1981). Некоторые исследователи, изучая почвенные отложе-

ния средневековых поселений (Greaulin, XVIII в.), расположенных на островах Северного моря, установили, что высокие содержания калия в почвах были связаны с морскими водорослями, которые использовались в качестве удобрения в этих районах (Entwistle et al., 2007). В результате тотальной вырубki на островах были уничтожены древесные ресурсы, которые могли являться источником калия при их захоронении в почвах. Повышенные концентрации в почвах калия и фосфора могут указывать на места, в которых накапливались экскременты человека или животных, ткани из шерсти животных и шкуры (Griffith, 1981).

Средний химический состав навоза составляет N — 0,5 %, P_2O_5 — 0,25 %, K — 0,6 % (Миронов, 2005). При хранении и переработке в навозе происходят различные изменения, вызываемые микроорганизмами. Интенсивное протекание микробиологических процессов приводит к превращению элементов (N, P, K) из органических форм в минеральные, которые накапливаются в почве. Повышенные содержания в животных экскрементах и навозе таких микроэлементов, как Cu, Zn и Pb, наряду с фосфором также позволило использовать эти элементы как индикаторы древней антропогенной активности (Davies et al., 1988; Bintliff et al., 1990; Aston et al., 1998). Концентрация этих микроэлементов увеличивается в слабощелочных условиях, а в кислых условиях, при большом количестве гумуса, они становятся мобильными.

Исследования последних лет показали, что использование одного элемента или его соединения для характеристик археологических объектов и функциональных зон поселения не всегда корректно, так как появляется намного больше археологических и природных контекстов, с которыми может быть интерпретирован данный результат. Накопление того или иного элемента зависит от различных природных факторов формирования отложений и их последующего диагенетического преобразования, продолжительности и интенсивности заселения древними людьми данного места, а также процессов, происходящих после погребения древних отходов. Поведение отдельных элементов зависит от pH, Eh условий, содержания органического вещества в почвах, минерального

состава и текстуры почв, поэтому разные элементы ведут себя по-разному в одинаковых геохимических условиях при почвообразовании на поселении.

В настоящее время для оценки древнего антропогенного влияния на окружающую среду используется многоэлементный анализ (Wilson et al., 2007; da Costa, Kern, 1999; Parnell et al., 2002). Применение методов математической статистики позволяет разделить всю совокупность химических элементов, полученных при исследовании антропогенных почв, на несколько групп. Ассоциация химических компонентов в группе с наиболее близкими корреляционными связями показывает, что эти элементы образовывались в одинаковых геохимических условиях. Таким образом, можно выявить группу элементов, которая связана непосредственно с антропогенной деятельностью. Такие исследования, например, были проведены на берегу реки Амазонки, где были обнаружены археологические памятники эпохи неолита. Культурный слой залегал на глубине около 50 см от поверхности в желтых песчаных почвах, от которых отличался черным цветом и наличием в нем большого количества фрагментов керамики, кремня и раковин. Геохимический анализ и обработка данных методами математической статистики были проведены для того, чтобы выявить ассоциации химических элементов, связанные с культурным слоем (da Costa, Kern, 1999). В результате проведенной работы было выделено несколько групп ассоциаций химических элементов.

I группа: MgO , P_2O_5 , Zn , Mn , Cu , CaO , Sr , Ba , Cl . В эту группу входят компоненты, которые показывают высокие концентрации внутри культурного слоя и которые являются геохимическими маркерами антропогенной активности. Химические компоненты отражают состав материала, привнесенного человеком при заселении этой зоны: MgO , P_2O_5 — компоненты, входящие в состав остатков пищи животного происхождения; Zn , Mn , Cu — компоненты, характеризующие пищу растительного происхождения и деревянную утварь; CaO , Sr , Ba — компоненты, входящие в состав раковин, то есть эта ассоциация элементов может быть связана с использованием раковин в пищу.

II группа: Pb , Cr , Co , Cd , Na_2O , Sc , V , Fe_2O_3 , Ga , Nb , Zr , Hg . В этой группе выделяются две субассоциации элементов: V , Fe_2O_3 , Ga , Nb , Zr , Sc — элементы, связанные с процессами выщелачивания почвы в тропических условиях, которые также хорошо коррелируют с высокими содержаниями гидрооксидов, и Pb , Cr , Co , Cd — элементы, связанные с органическим материалом. Они входят в состав органометаллических соединений, образующихся вблизи дневной поверхности.

Группа III: F , As , B , Y — элементы, которые одинаково распределены как в слое с культурными остатками, так и во вмещающих отложениях и не связаны с антропогенной активностью.

Другим примером использования геохимических данных для реконструкции функциональных зон с использованием методов многовариантной статистики является исследование, проведенное на одном из Шетландских островов (Wilson et al., 2007). На острове Папа-Стаур были взяты образцы почвенного слоя из разрушенной и покинутой фермы, которая существовала с XVII в. до 1950-х годов. Также были отобраны образцы отложений земляного пола под почвенным слоем внутри жилой усадьбы, хлева и из валунной глины, которая подстилала эти отложения. Исследования образцов должны были показать с помощью ассоциаций химических элементов возможность интерпретации или реконструкции функциональных зон фермы, установить ключевые элементы, отражающие антропогенные процессы, которые происходили здесь, а также определить и понять контекст ассоциаций и корреляций химических элементов, отражающих процессы почвенной химии. Данные по химическому составу отложений были обработаны иерархическим кластерным анализом и ступенчатым дискриминантным анализом, для того чтобы выявить наиболее близкие друг к другу ассоциации химических элементов, обогащающие антропогенный слой и отражающие различные виды деятельности человека на территории фермы — функциональные зоны фермы.

Полученные результаты ясно показали существенные различия в почвенной химии между различными функциональными зонами фермы. Почвенный слой из очажной зоны был обогащен

Ca, P, Ba, Cu, Sr, и Zn, содержание которых в несколько раз выше, чем в отложениях глин, подстилающих этот горизонт, и почв, отобранных за пределами фермы. Отложения пола внутренней части усадьбы были обогащены Ca, Mg, Cu, Ba, Li, Na, Nd, Ni, P, Sr и Zn. Повышенные концентрации таких элементов, как Ca, Mg, Ba, Li, Na, Sr, обнаружены в составе штукатурки, обломки которой были погребены под почвенным слоем. Образцы из отложений хлева содержали немного меньшие концентрации этих элементов и были обогащены V, Sc, Yb, Y, Sr. Почвы из амбара характеризуются повышенными значениями Ca и Sr. Для мусорной кучи были характерны повышенные концентрации Cu, Ba, Pb, Zn и Fe. Высокие концентрации Pb, Zn, Cu, Fe также были зафиксированы в золе древесного угля и торфа, которые использовались как топливо. Остатки золы были обнаружены и в мусорной куче. Почвы огорода содержали более низкие концентрации всех элементов по сравнению с жилыми помещениями, но по сравнению с почвами за пределами фермы были обогащены Fe, P, Ba, Cu, Zn, Sr. Распределение таких элементов, как Ti, Cr, Al, не было связано с антропогенной активностью и характеризовало геохимию материнских пород, на которых происходило почвообразование.

Применение многовариантной статистики для обработки данных по химическому составу антропогенных почв на поселениях возраста 600–1000 лет н.э. Эль Кайоте в северо-западном Гондурасе позволило охарактеризовать, выявить и объяснить различия между местами ритуальной практики, ремесленными и хозяйственными зонами (Wells, 2004). Так, в группу 1 вошли элементы Ti и Fe, которые связаны с местоположением ремесленных мастерских по обработке камня. Повышенное содержание этих элементов наблюдается в обсидиановых инструментах, обломки которых преобладают в этих зонах. Группу 2 составляют элементы P, Ca, K, Na, аномальные значения которых характеризуют зону ритуальной практики, где приготавливались сакральная пища и напитки. Останки животных, после их разделки, а затем при захоронении и разложении обогащали почву этими элементами.

Приведенные примеры и исследования на многослойных памятниках каменного века показывают, что реконструкция функциональных зон на древних поселениях с помощью метода геохимической индикации представляет собой сложную задачу. Для корректного решения этой задачи необходимо:

- 1) проанализировать геологическую ситуацию рассматриваемого региона, и территорию конкретного памятника;

- 2) выявить и проанализировать условия и факторы, влияющие на минеральный и химический составы отложений;

- 3) охарактеризовать процессы седиментации и почвообразования в зоне древних поселений;

- 4) выявить ассоциацию антропогенных элементов, которые не связаны с процессами выветривания, почвообразования, оруденения и диагенетического преобразования;

- 5) для более точной интерпретации полученных данных и выявления контекста следует сопоставить полученные методом геохимической индикации результаты с археологическими исследованиями. Это позволит получить важную дополнительную информацию для выявления функциональных зон памятника и интерпретации назначения различных участков памятника, построек, ям и иных объектов.

Благодаря проведенным исследованиям на многослойном неолитическом памятнике Сертея XIV было установлено, что распределение повышенных значений фосфатов (P_2O_5), а также аномальные значения показателей $CaO/(CaO+Na_2O)$ и $Sr/(Sr+Na)$ характеризуют область, занимаемую поселением, и зоны внутри поселения, на площади которых, вероятно, было скопление органических материалов, которые могли возникнуть, например, при разделке и обработке туш животных и/или приготовлении пищи. Эти зоны располагаются как внутри жилых конструкций, так и в приочажной зоне у открытых очагов. Месторасположения около очажных зон и интерпретация различных объектов как древних очагов могут быть выявлены на основе индикаторных значений $K/(K+Na)$ и $Rb/(Rb+Na)$.

Для многослойного поселения Сертея 3-3 были установлены группы антропогенных компонентов,

с помощью которых можно определить различные хозяйственные структуры и зоны. Аномальные значения группы компонентов (MnO , LOI , Fe_2O_3) для нижнего культурного «горизонта» могут быть связаны со структурными особенностями жилища. Аномалии группы элементов (Ba , MnO) для верхнего культурного «горизонта» маркируют участки, на которых происходило разложение древесных и органических остатков, и фиксируют места рас-

положения жилых площадок. Повышенные концентрации компонентов (P_2O_5 , LOI) для этого же горизонта связаны с участками скопления органических остатков либо жилых площадок вокруг очагов. При сопоставлении с археологическими данными, а также моноэлементных и полиэлементных карт между собой и удалось выявить различные и разновременные функциональные зоны как на поселении, так и внутри жилой конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Велесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. 42. С. 135–140.

Голота В.В. Подготовительная стадия осадочного марганцеворудного процесса. Уфа, 2002. (Препринт по дополненному изданию РНТИК «Баштехинформ», 2000).

Герасимова Н.Г., Мазуркевич А.Н., Иванько Н.И. О возможностях фосфатного анализа при изучении культурного слоя // Поселения: среда, культура, социум: Мат-лы темат. науч. конф. СПб., 1998. С. 56–59.

Кулькова М.А. Геохимическая индикация ландшафтно-климатических условий в голоцене в регионах Двинско-Ловатского междуречья и Южной Сибири: Автореф. дис. ... канд. геолого-минерал. наук. СПб., 2005.

Мазуркевич А.Н., Короткевич Б.С., Полковникова М.Э., Кулькова М.А., Михайлов А.В. Исследования Северо-Западной археологической экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. С. 3–15.

Мазуркевич А.Н., Полковникова М.Э. Особенности пространственной организации памятника Сертея 3 (Велижский район Смоленской области) // Acta Archaeologica Albaruthenica. 2008. Vol. III.

Миронов В.В. Влияние режимов подготовки на агрохимический состав компоста // Вестник ВГУ. Сер. «Химия, биология, фармация». 2005. № 2. С. 146–148.

Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений Северо-Запада Русской равнины: Сб. науч. тр. / Отв. ред. К.К. Марков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–90.

Aston M.A., Martin M.H., Jackson A.W. The use of heavy metal analysis for archaeological surveying // Chemosphere. 1998. № 37. P. 465–477.

Bintliff J.L., Davies B.E., Gaffney C.F. & Waters A. Trace metal accumulation in soils on and around ancient

settlements in Greece // S. Bottema, G. Entjes-Nieborg, & W. van Zeist (eds.). Man's role in shaping of the eastern Mediterranean landscape. Rotterdam: A.A. Balkema, 1990. P. 159–172.

Davies B.E., Bintliff J.L., Gaffney C.F., Waters A.T. Trace metal residues in soil as markers of ancient site occupancy in Greece // D.D. Hemphill (ed.). Trace substances in environmental health XXII, a symposium. Colombia, MO: University of Missouri, 1988. P. 391–398.

Griffith M.A. A pedological investigation of an archaeological site in Ontario, Canada: An examination of the soils in and adjacent to a former village (Pt 2) // Geoderma. 1981. № 25. P. 27–36.

Entwistle J.A., McCaffrey K.J.W., Dodgshon R.A. Geostatistical and Multi-Elemental Analysis of Soils to Interpret Land-Use History in the Hebrides, Scotland // Geoarchaeology: An International Journal. 2007. Vol. 22. № 4. P. 391–415.

Hamond F.W. Phosphate analysis of archaeology sediments // T. Reeves-Smyth, F. Hamond (eds.). Landscape Archaeology in Ireland, BAR British Series. 1983. № 116. P. 47–80 (Oxford, UK).

Klecka W.R. Discriminant analysis. Sage Publications. L., 1980.

da Costa M.L., Kern D.C. Geochemical signatures of tropical soils with archaeological black earth in the Amazon, Brazil // Journal of Geochemical Exploration. 1999. № 66. P. 369–385.

Middleton W.D., Price T.D. Identification of Activity Areas by Multi-element Characterization of Sediments from Modern and Archaeological House Floors using Inductivity Coupled Plasma-atomic Emission Spectroscopy // Journal of Archaeological Science. 1996. № 23. P. 673–687.

Nunez M.G. Archeology through soil chemical analysis: an evaluation. Helsinki, 1977.

Österholm I. Spot tests as a phosphate survey method in the field: practical experiences // European Archaeology. 1997. № 1. P. 137–152.

Parnell J.J.A., Terry R.E. Soil Chemical Analysis Applied as an Interpretive Tool for Ancient Human Activities in Piedras Negras, Guatemala // *Journal of Archaeological Science*. 2002. № 29. P. 379–404.

Holliday V.T., Gartner W.G. Methods of soil P analysis in archaeology // *Journal of Archaeological Science*. 2007. № 34. P. 301–333.

Wells E.C. Investigating Activity Patterns in Pre-hispanic Plazas: Weak Acid-Extraction ICP-AES Analysis of Anthrosols at Classic Periodel Coyote, Northwestern Honduras // *Archaeometry*. 2004. Vol. 46. № 1. P. 67–84.

А. А. Костылева¹

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ГЛИНЯНОЙ ОБМАЗКИ С ПОСЕЛЕНИЯ СЕРТЕЯ II, СЛОЙ á

Kostileva A.A. Multidisciplinary analysis of burned clay from Serteya II site, layer á

The article deals with the analysis of clay daub from the multilayer settlement Serteya II, layer á (RF, Smolensk Reg.), derived during the 2008 — 2009 field seasons. From the total amount of researched material different categories of clay daub fragments, which differ from each other with form, presence or absence of plant prints and nature of the prints, are marked out. On the basis of these characteristics an attempt to reconstruct the type of construction, which these fragments belonged, is made. The bedding of material in occupation layer of settlement is analysed. And using this as basis a ccultural and chronological interpretation of clay daub fragments is carried out. The necessity both of subsequent research of the settlement and more attentive attitude to such category of archaeological material as clay daub, which can be not the least of the sources of information for the reconstruction of processes in the past, is substantiated.

Многослойное поселение Сертея II, слой á было открыто Северо-Западной экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Микляева в 1972 г. Было выделено три слоя с материальными остатками разных эпох. Начиная с 1981 г. памятник исследовался в целях изучения раннего железного века на территории Смоленской области. Раскопки дали многочисленный и разнообразный керамический и кремневый материал, который показал сложность и неоднозначность обнаруженного поселения. Кроме того, исследования дали ряд находок, показывающих знакомство древних людей с добычей железа: были найдены немногочисленные куски железного шлака, куски шихты. На возможность обнаружения горна для выплавки железа из болотной руды указывало обнаружение

многочисленных обожженных фрагментов глиняной обмазки. За полевой сезон 1984 г. с площади 24 кв. м было получено 823 фрагмента (Микляев, 1984, с. 34). Однако убедительных остатков железоплавильного горна выявлено не было. Однозначная культурная привязка обнаруженного памятника к той или иной археологической эпохе была осложнена по причине его многослойности. Вопрос происхождения глиняной обмазки и ее датирования остался открытым.

В 2008 г. работы на поселение Сертея II, слой á были возобновлены. Нерешенный вопрос датирования памятника, его неоднозначность послужили поводом для начала работ. Проведенные тогда же исследования немецкого профессора Йорга Фасбиндера выявили на территории, граничащей с раскопом 1981–1985 гг., зоны геомагнитной аномалии. Для выяснения того, что стоит за этим явлением, нахождения свидетельств объектов, вслед-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

ствие которых эти аномалии возникли, и была сделана прирезка с северо-западной стороны раскопок предыдущих лет. Материал, извлеченный в ходе разборки культурного слоя памятника, был аналогичен находкам 1980-х годов. Помимо внушительного количества керамического и кремневого материала было получено не менее значительное количество фрагментов обожженной глиняной обмазки различных форм и размеров, аналогичной той, которая во время раскопок 1980-х годов предположительно была определена как остатки сооружения для выплавки железа из болотной руды. Однако раскопки последних двух лет выявили совершенно иной характер залегания глиняной обмазки. Это заставило нас вновь обратиться к проблеме происхождения данного материала и произвести комплексный анализ глиняной обмазки с поселения Сертея II, слой *а*.

ГЛИНЯНАЯ ОБМАЗКА С ПОСЕЛЕНИЯ СЕРТЕЯ II, СЛОЙ *а*

За полевые сезоны 2008–2009 гг. было получено 7152 фрагмента глиняной обмазки. Вся она представляет собой куски глины от нескольких миллиметров до 7 — 8 см в длину и толщиной от 0,2 мм до 5 см. Все глиняные фрагменты обожжены, что позволило им сохраниться до наших дней. Однако характер обжига неодинаковый. Цветовой спектр варьирует от светло-серого, едва желтоватого до ярко-оранжевого. Глиняных фрагментов ярко-оранжевого цвета больше всего. Некоторые экземпляры обожжены настолько, что имеют темно-оранжевую, иногда даже коричневую стекловидную поверхность. Характер самой глины однородный. Примесей в глине нет.

При детальном рассмотрении исследуемого материала, были выявлены различные отпечатки растительного происхождения. Просмотрев все экземпляры, удалось выделить несколько групп с характерным набором отличительных признаков. Повторяемость признаков позволила составить критерии отбора для той или иной группы. Критериев получилось несколько, но, как нам кажется, они достаточно полно раскрывают отличительные особенности отдельных элементов среди общей массы материала. В дальнейшем это позволило нам

Проведенная работа преследовала несколько задач. Во-первых, изучить сами фрагменты обмазки, их морфологические особенности. Во-вторых, проследить отношение обмазки к той или иной археологической культуре, основываясь на полученном керамическом материале, то есть определить уровень ее залегания в культурном слое. В-третьих, попытаться ответить на вопрос происхождения и нахождения именно в таком виде фрагментов глиняной обмазки на памятнике.

Глиняная обмазка, обнаруженная на памятниках разных археологических эпох, трактуется по-разному. Поэтому было важно выявить характерные особенности обнаруженного материала, которые бы приблизили нас к наиболее верной его интерпретации ввиду всех имеющихся в нашем распоряжении фактических данных.

составить возможный вариант конструкции, которая могла существовать здесь. Так, основными критериями были 1) наличие или отсутствие отпечатков растительного происхождения; 2) расположение отпечатков; 3) характер отпечатков; 4) форма фрагмента.

Исходя из этого имеющийся материал в первую очередь был поделен поквратно на две основные категории — фрагменты, имеющие отпечатки растительного происхождения, и фрагменты, отпечатки на которых простым глазом незаметны. Из 7152 фрагментов 2318 несут на себе следы каких-то элементов, скорее всего, растительного происхождения, 4834 фрагмента не имеют никаких видимых отпечатков (табл. 1). Как видно, фрагментов с обмазкой без отпечатков больше половины из общего количества материала.

Среди фрагментов без видимых отпечатков можно выделить пять групп с отличными друг от друга признаками. Самая многочисленная из них — это фрагменты без определенной формы (4150 экз.). Данная категория глиняной обмазки представляет собой куски глины с неровными поверхностями вытянутых, округлых, подовальных форм (рис. 1, 2). Размеры этих фрагментов: длина от нескольких

Таблица 1

**Количественное распределение изучаемых фрагментов
глиняной обмазки за 2008–2009 гг.**

Характер материала	Количество экземпляров	Количество экземпляров (%)
Обмазка с растительными отпечатками	2318	32,4 %
Обмазка без видимых растительных отпечатков	4834	67,5 %
Общее количество	7152	100 %

Таблица 2

**Количественное распределение фрагментов обмазки
без видимых растительных отпечатков за 2008–2009 гг.**

Глиняная обмазка без видимых растительных отпечатков	Количество экземпляров	Количество экземпляров (%)
Без определенной формы	4150	86 %
Фрагменты обмазки с одной заглаженной поверхностью	609	12,5 %
Фрагменты обмазки, обе поверхности которых заглажены	53	1,09 %
«Уголки» и угловые формы	17	0,35 %
Фрагменты в форме «мисочки»	5	0,1 %
Всего	4834	100 %

миллиметров до 7–8 см, толщина от $\approx 0,2$ см до 4–5 см.

Следующая по численности группа — фрагменты с обмазкой без видимых отпечатков, одна сторона которой заглажена (табл. 2). Противоположная сторона имеет неровную поверхность. Форма фрагментов определена этой единственной заглаженной поверхностью. Сказать, что они приплюснутые, сложно, так как внешний вид противоположной стороны всегда разноуровневый и кажется более случайным, нежели преднамеренным. Размеры данных фрагментов также сильно варьируют — от совсем маленьких экземпляров (длиной и толщиной до 1 см) до крупных (длиной до 5–6 см, толщиной до 3 см) (рис. 2). Цветовой спектр — от светло-серого до ярко-оранжевого.

Третья группа не столь многочисленная (53 фрагмента), но явно отличается от предыдущих двух — это фрагменты обмазки, обе стороны которой имеют ровную гладкую поверхность (табл. 2, рис. 3) Толщина их в среднем не превышает одного сантиметра. Стоит отметить, что одна из поверхностей качественным образом отличается от про-

тивоположной и от той единственной заглаженной стороны, которая характерна для второй группы обмазки без видимых растительных отпечатков. Поверхность эта более пористая, и на ней сохранились едва заметные песчинки. Обжиг данных фрагментов равномерно оранжевый и типичен для всех экземпляров.

Еще одна интересная группа глиняной обмазки без видимых растительных отпечатков — это «уголки» (17 фрагментов, табл. 2). Названы они так, потому что имеют четкую угловую форму (рис. 4, 1, 2). У элементов данной группы может быть ровной и заглаженной как одна сторона, а другая, соответственно, быть неровной (случайной), так и обе поверхности. Данные кусочки обмазки отличаются небольшими размерами — в длину до двух сантиметров и толщиной от 0,2 см до 1–2 см.

Следующая группа обмазки насчитывает всего пять экземпляров, но, несмотря на небольшое число, они совершенно определенно не подпадают ни под одну из вышеперечисленных категорий. Фрагменты эти по своей форме приближаются к форме

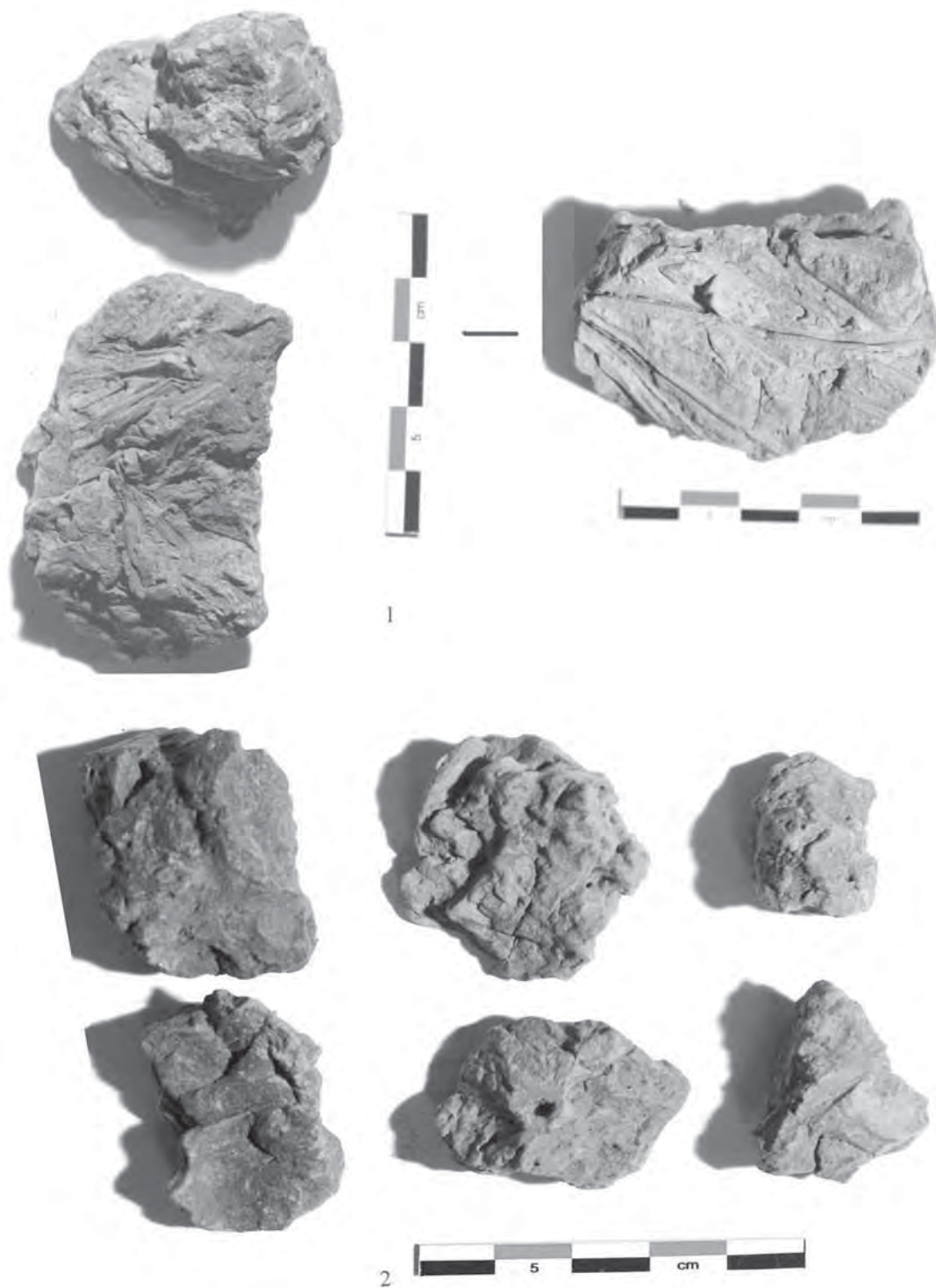

Рис. 1. Сертея II, слой á. Фрагменты обмазки без определенной формы: 1 — с растительными отпечатками, 2 — без растительных отпечатков

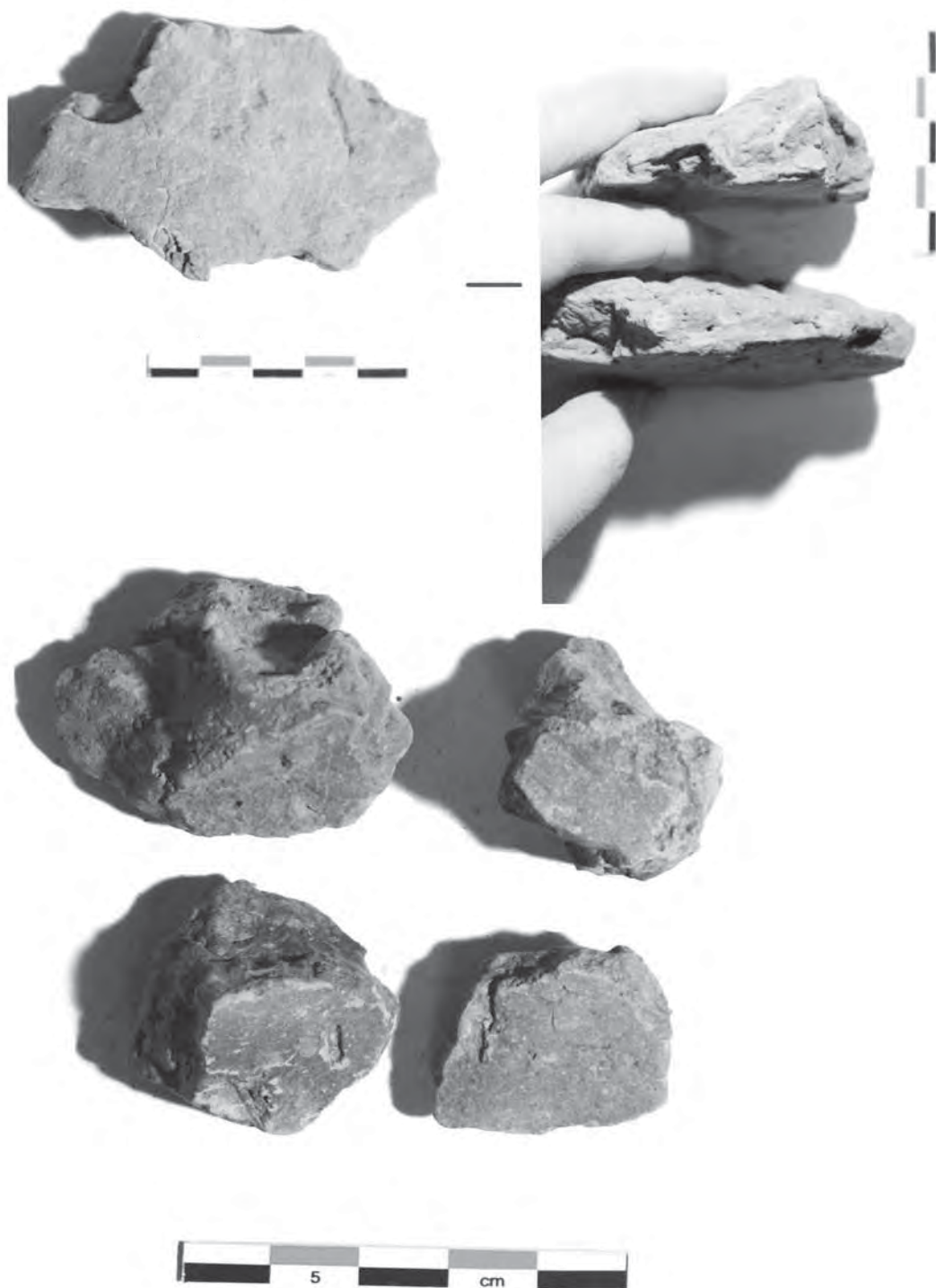

Рис. 2. Сертя II, слой 4. Фрагменты обмазки без растительных отпечатков с одной заглаженной поверхностью

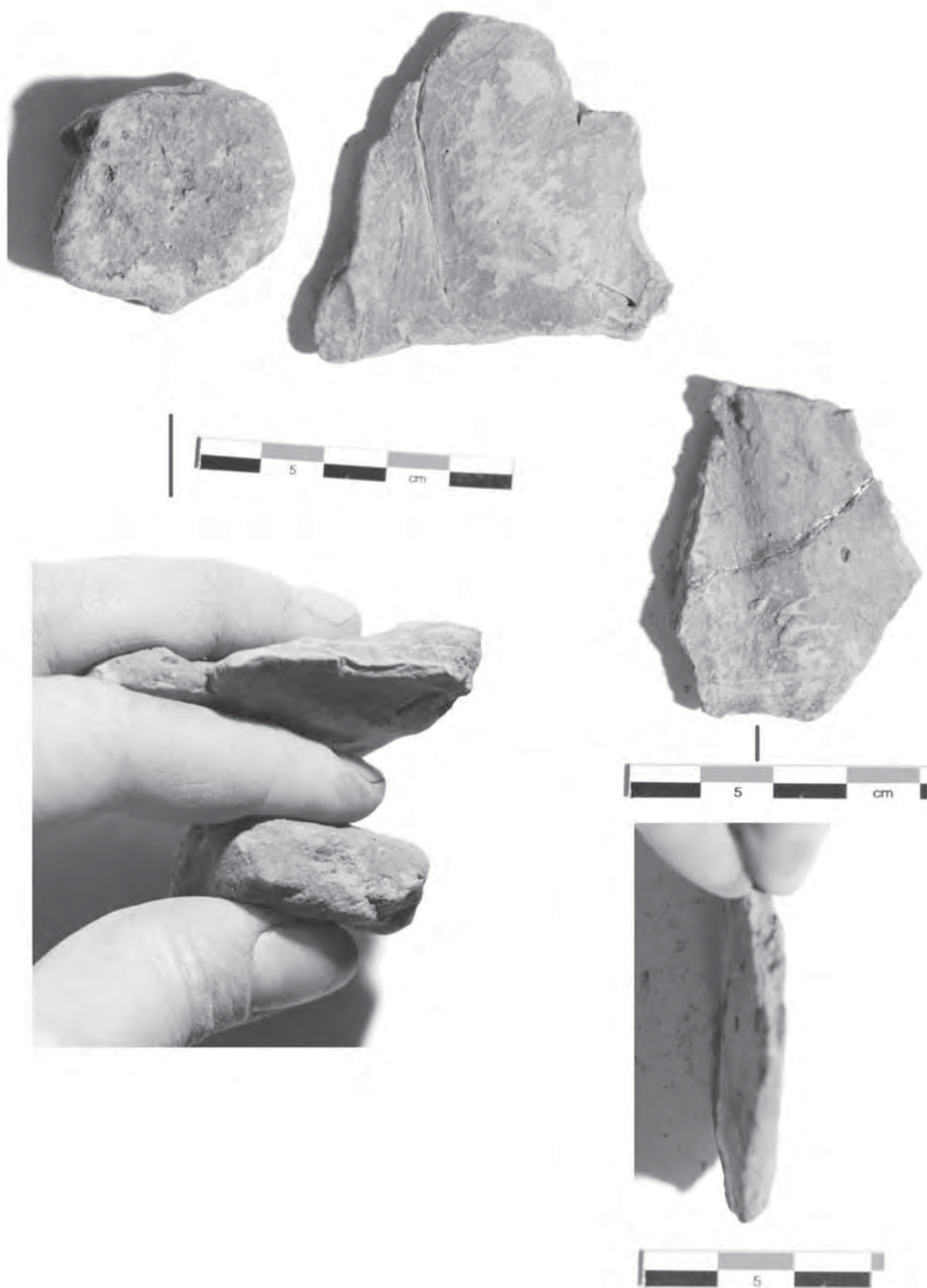

Рис. 3. Сертея II, слой á. Фрагменты обмазки с двумя заглаженными поверхностями

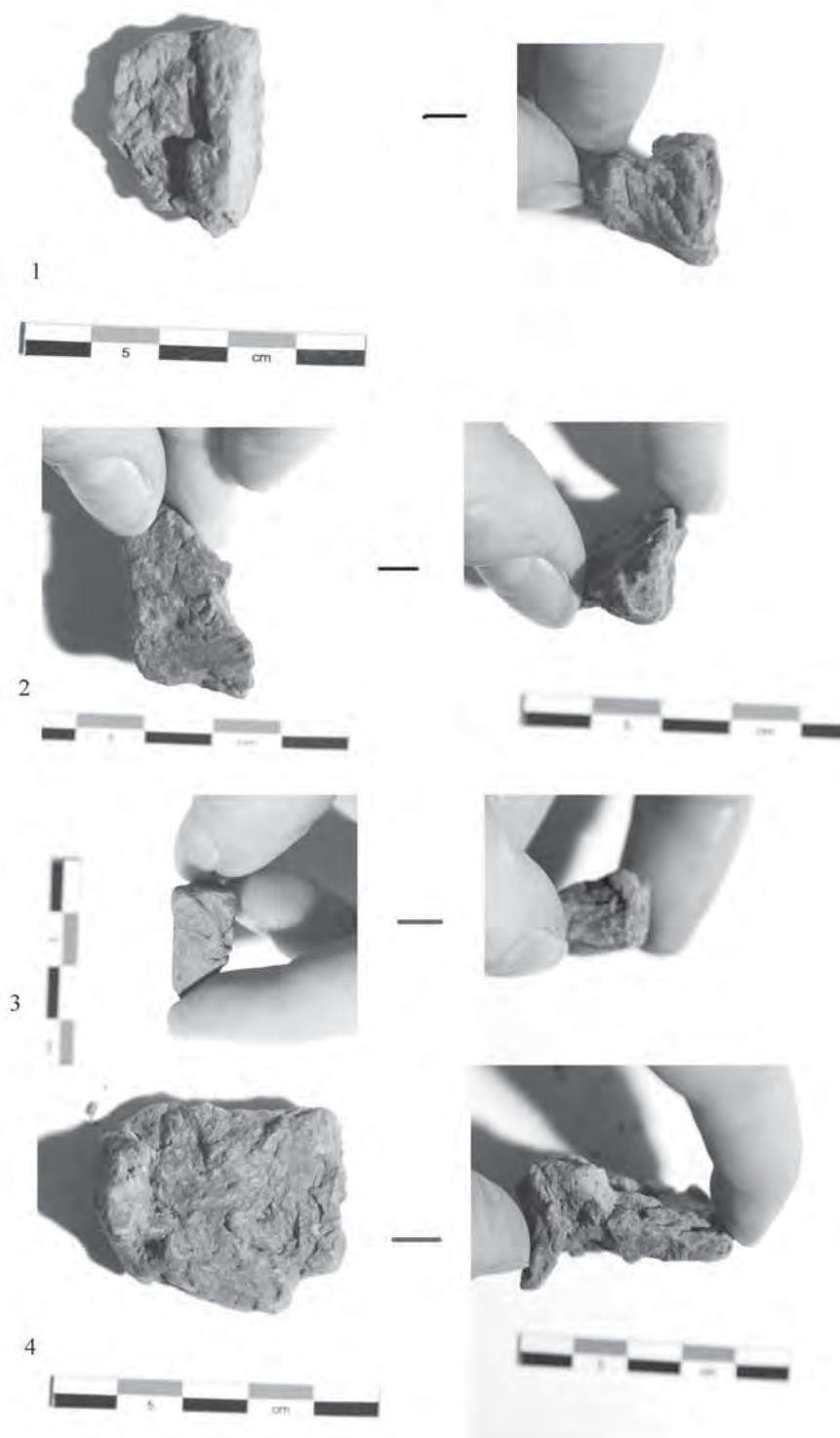

Рис. 4. Сертя II, слой 4. Угловые формы: 1, 2 — без растительных отпечатков, 2, 3 — с растительными отпечатками

Таблица 3

**Количественное распределение глиняной обмазки
с растительными отпечатками за 2008–2009 гг.**

Глиняная обмазка с растительными отпечатками	Количество экземпляров	Количество экземпляров (%)
Без определенной формы	1738	75 %
Фрагменты обмазки с одной заглаженной поверхностью	213	9,2 %
Фрагменты обмазки с отпечатками на одной поверхности	224	9,6 %
Фрагменты с отпечатками цилиндрических форм	118	5 %
«Уголки» и угловые формы	19	0,8 %
Фрагменты с «отпечатками пальцев»	6	0,25 %
Всего	2318	100 %

«мисочки». Так, одна поверхность округлая и выпуклая относительно плоской противоположной (рис. 5). Поверхности не заглажены. Диаметр округлой части в среднем не превышает трех сантиметров. Толщина выпуклой части не более полутора-двух сантиметров.

Фрагменты глиняной обмазки со следами растительных отпечатков в свою очередь тоже делятся на несколько групп (табл. 3). Самая многочисленная — 1738 фрагмента. Как и в случае с обмазкой без видимых отпечатков, это группа фрагментов без определенной формы с хаотичным расположением отпечатков обычной полевой травы (рис. 1, 1, рис. 6). Размеры такой обмазки варьируют от нескольких миллиметров до 7–8 см. Более крупных экземпляров найдено не было. Цветовой спектр — от светло-серого до ярко-оранжевого.

Другая группа глиняной обмазки (213 шт.) отличается от предыдущей наличием одной заглаженной стороны (табл. 3). Обратная сторона таких фрагментов имеет неровную поверхность. Эта группа очень сходна с такими же фрагментами без видимых отпечатков. Но на противоположной лощеной стороне этих кусочков имеются травяные отпечатки (рис. 7). Форма данных фрагментов чаще всего приплюснутая. Размеры: от небольших до одного сантиметра в длину и 0,2 см в толщину до 4–5 см длиной и толщиной до двух сантиметров.

Выделяется среди общей массы еще одна группа фрагментов (224 шт.). Одна сторона их несет следы травяных отпечатков, обратная же отпечат-

ков не имеет, но она не заглажена, как это характерно для предыдущей группы, а просто слегка неровная (рис. 8). По форме эта обмазка так же, как и вышеописанные фрагменты, чаще сплюснутая. Размеры в среднем небольшие — до 4 см в длину и нескольких миллиметров в толщину.

Немногочисленная (118 шт.), но, пожалуй, самая отличающаяся категория глиняной обмазки с отпечатками от цилиндрических форм — это фрагменты, сохранившие следы от каких-то веточек или толстых стеблей (табл. 3). Выгорев, они оставили на глине характерный округлый след (рис. 9). Вогнутая поверхность сильно затерта. Обратная же сторона неровная и за редким исключением имеет растительные отпечатки. По вогнутой части мы можем судить о диаметре той палочки, на которую эта глина наносилась. Встречаются как небольшие экземпляры — до 1 см в диаметре, так и достаточно крупные — до 3 см в диаметре. Примечательны два фрагмента, на которых сохранились перпендикулярные вогнутые отпечатки (рис. 10). Размеры самих кусочков не превышают в длину 5 см. Степень обожженности их также разнится.

Несколькими фрагментами (19 шт.) представлена следующая группа (табл. 3). Они есть и в обмазке без видимых отпечатков. Это так называемые «уголки» и угловые формы (рис. 4, 3, 4). Единственное их отличие от вышеописанных — это наличие на внутренней стороне растительных отпечатков. Стоит отметить, что внешняя поверхность данных фрагментов не всегда заглажена. Встречаются экземпляры и с неровной поверхностью.

Рис. 5. Серея II, слой а. Фрагменты обмазки: 1 — в форме «мисочки», 2, 3 — с «отпечатками пальцев»

Рис. 6. Сертея II, слой 6. Фрагменты обмазки без определенной формы с растительными отпечатками

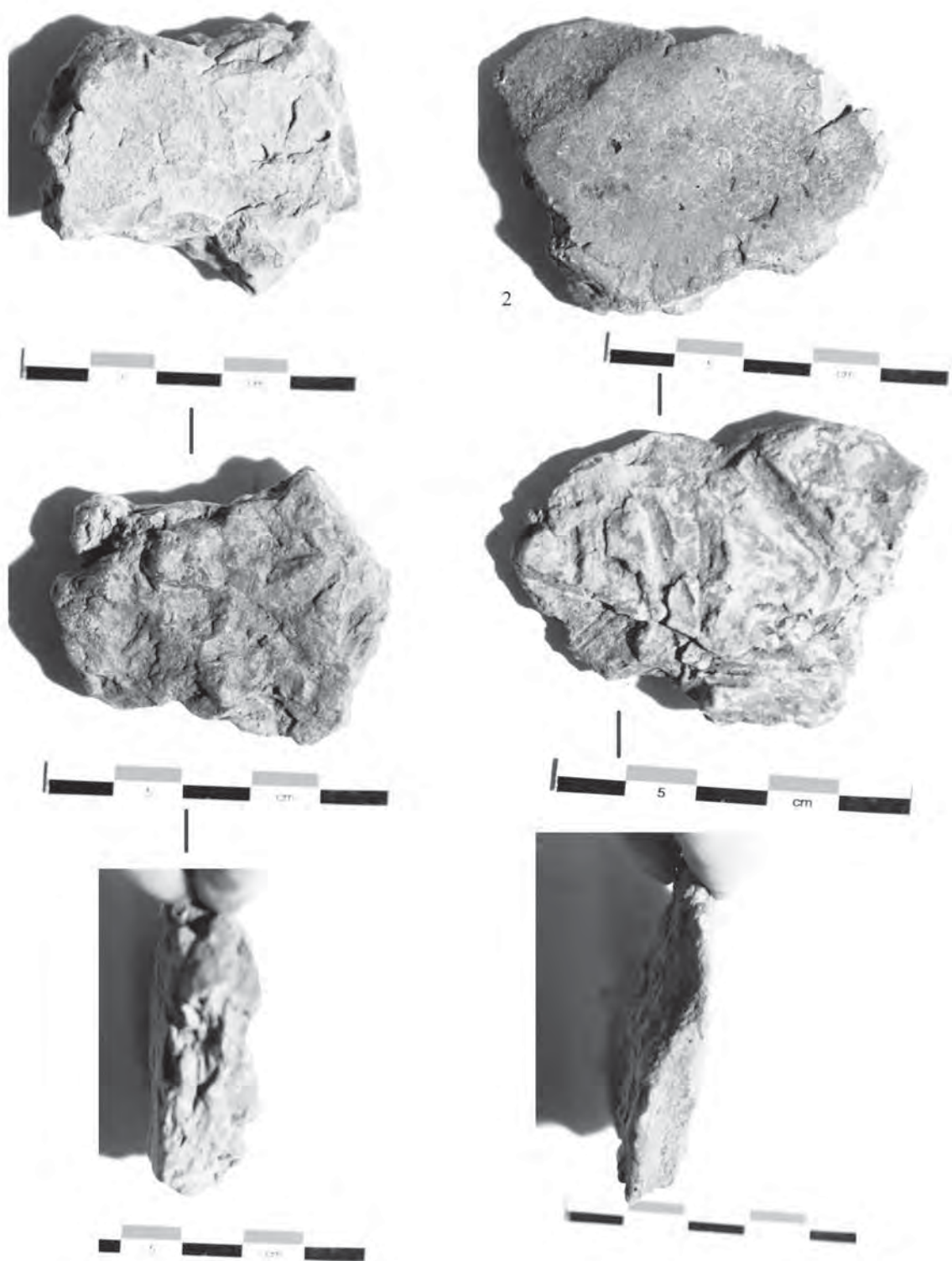

Рис. 7. Сергеев II, слой 4. Фрагменты обмозки с растительными отпечатками с одной заглаженной поверхностью

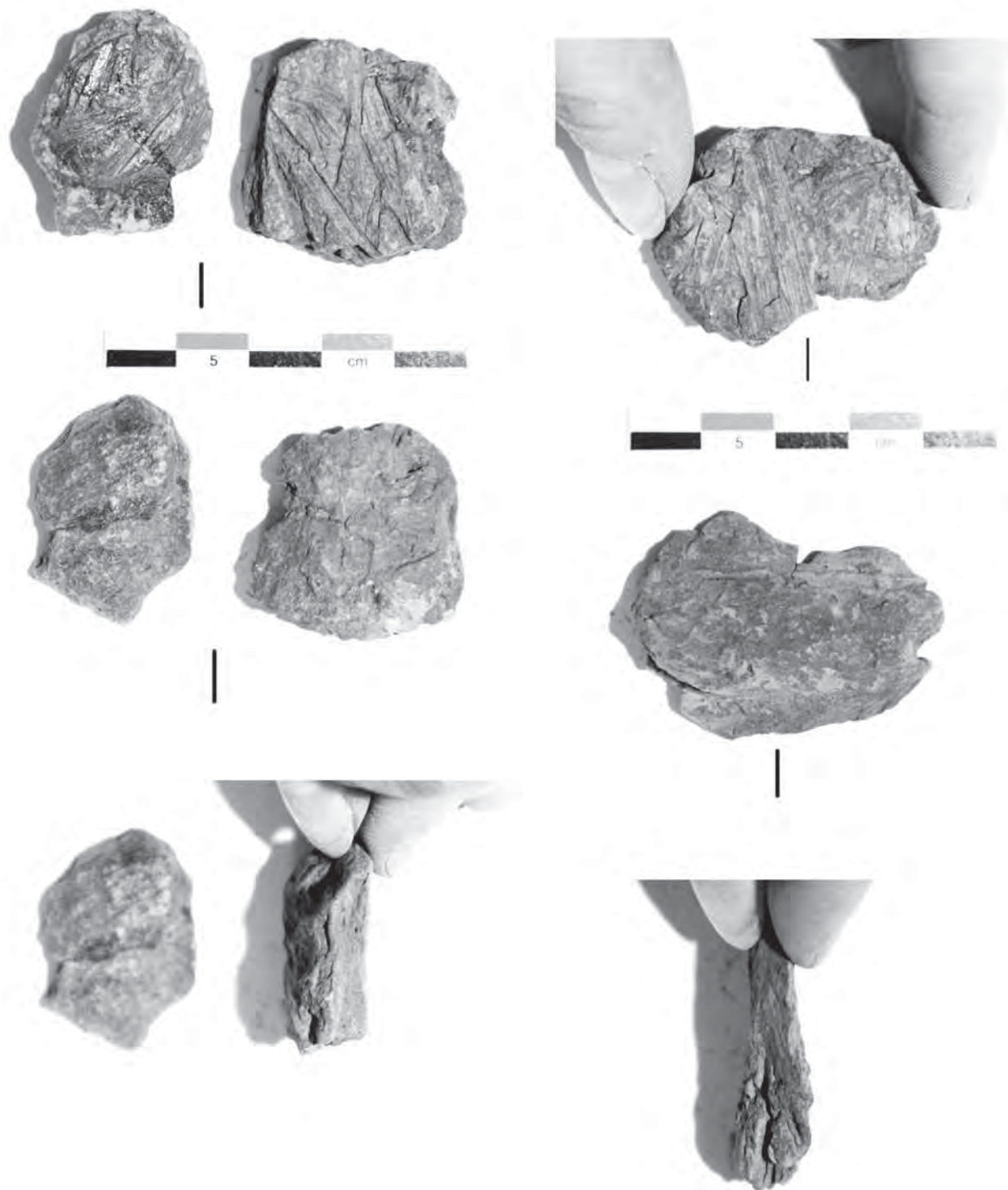

Рис. 8. Сертея II, слой а. Фрагменты обмозки с растительными отпечатками на одной стороне

Рис. 9. Сергеев II, слой 4. Фрагменты обкладки с отпечатками цилиндрических форм

Рис. 10. Сертея II, слой á. Фрагменты обмазки с перпендикулярными друг другу отпечатками цилиндрических форм

Следующая категория глиняной обмазки стоит особняком — это фрагменты (6 шт.), которые, как нам кажется, на одной из сторон сохранили отпечаток пальца, вдавливающего некогда сырую глину (рис. 5, 2, 3). Сказать однозначно сложно, так как ни простым глазом, ни под микроскопом папиллярный узор пальца не прослеживается. Поэтому данная категория условна. Однако если

не брать во внимание возможный отпечаток пальца на одной из поверхностей, то эти кусочки обмазки могут быть отнесены как к группе неопределенной формы с растительными отпечатками, так и к группе с растительными отпечатками. Видимый след может быть от несильного вдавливания какого-либо округлого предмета.

АНАЛИЗ СТРАТИГРАФИЧЕСКОГО И ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ ГЛИНЯНОЙ ОБМАЗКИ

В процессе раскопок отдельные фрагменты глиняной обмазки стали встречаться сразу после снятия слоя почвы. Скорее всего, это связано с гораздо более поздними внешними факторами антропогенного или природного свойства. Основная же масса материала концентрировалась на высоте в пределах от –15 до –30. Помимо отдельно залегавших фрагментов там были выявлены крупные скопления. Данные скопления

представляли собой плотные напластования мощностью до 5–6 см из отдельных небольших (до 1 см в длину и ширину) фрагментов (рис. 11). Стоит отметить, что в самих скоплениях также были найдены фрагменты керамики. Ниже, вплоть до материкового слоя, глиняная обмазка встречалась в виде отдельных находок, не создавая скоплений и не локализуясь в одном каком-то месте.

Рис. 11. Сертея II, слой а. Скопления глиняной обмазки, выявленные в результате разборки культурного слоя. 2008 г.

Благодаря проведенной с использованием программы «Surfer 8 Software» реконструкции глубинного распространения глиняной обмазки в культурном слое памятника были выявлены разные уровни и особенности их залегания. При соотношении полученных данных по обмазке и таким же образом обработанных (в программе «Surfer») отдельных групп керамики, относящихся к разным археологическим культурам, была зафиксирована определенная перемешанность по линии квадратов Б-В-Г-15 фрагментов глиняной обмазки и керамики раннего железного века, относящейся к середине I тыс. н.э. На разрезе по линии квадратов Б-15–10 глиняная обмазка граничит с уровнем залегания той же керамики. Сравнение с уровнями залегания керамического материала других культур, представленных в культурном слое поселения, убедительных выводов не дало. Стоит отметить, что характер самой глиняной обмазки — цвет, обжиг, наличие или отсутствие растительных отпечатков — един для всего полученного в ходе раскопок материала. Этот факт в совокупности с данными анализа стратиграфии, как нам кажется, может быть доказательством существования на памятнике Сертея II, слой *á* одного уровня залегания глиняной обмазки, который соответствует по времени раннему железному веку. Таким образом, ранее существовавшее мнение о культурной привязке данной категории находок подтверждается.

Перемешанность фрагментов керамики и глиняных форм, фиксируемая нами по разрезу линии Б-В-Г-15, может быть вызвана намывными процессами, постоянно здесь происходившими из-за близости воды — фрагменты обмазки и керамики могли быть смыты сверху и в таком переотложенном состоянии сохраниться до наших дней. Наверху же, судя по стратиграфическому разрезу линии квадратов Б-15–10, слой глиняной обмазки по каким-то причинам в меньшей степени подвергся внешним — природным и антропогенным — воздействиям, поэтому керамика с глиняной обмазкой сохранилась в том положении, в котором она могла находиться сразу после разрушения того объекта, который дал столь многочисленный глиняный материал.

На общем плане (рис. 12) видно, что основные скопления обмазки располагаются в квадратах Б-В-14–13. Как нам кажется, выделяются две зоны распространения материала, которые подтверждаются и данными стратиграфии, описанной выше. Одна — по линии квадратов В-Г-15 и частично заходя в кв. Б-15. Глиняная обмазка здесь залегала отдельными фрагментами, не образуя скоплений. Другая условная зона приходится на площадь квадратов Б-В-14–13, под углом уходя также в квадрат Б-15. Интересно, что в кв. Б-15 в относительно большом количестве представлены все выделенные группы глиняной обмазки (табл. 4). Возможно, это связано именно с тем фактом, что здесь сходятся две выделяющиеся зоны распространения материала. Верх культурного слоя второй зоны представлен уже описанными выше плотными скоплениями. Ниже, вплоть до материкового слоя, обмазка встречалась отдельными фрагментами. Как нам кажется, это и есть остатки той возможной постройки, глиняные элементы которой были нами обнаружены и детальным образом изучены. Весь же остальной материал, собранный с других квадратов, появился в результате смыва с места основных скоплений. Из-за этого, возможно, и образовалась та характерная для всего культурного слоя памятника перемешанность, которая отразилась на стратиграфическом разрезе по линии квадратов Б-В-Г-15. Об этом свидетельствует еще и тот факт, что обмазка, собранная в результате раскопок 1984–1985 гг., была сильно окатанной, а крупных фрагментов, которые могли нести какую-то информацию, найдено не было. Во многом поэтому она и не была вывезена для хранения и изучения в Государственный Эрмитаж. В целом мы можем заключить, что раскопки 1980-х годов затронули периферию распространения глиняной обмазки на поселении Сертея II, слой *á*. Логичным нам кажется предположить, что и выше линии квадратов Б распространение глиняной обмазки продолжится, но об этом можно будет узнать только после проведения дополнительных раскопок.

Так как фиксация материала в процессе раскопок ввиду его большого количества происходила большими группами, а отдельный номер получали только самые крупные фрагменты, мы не можем

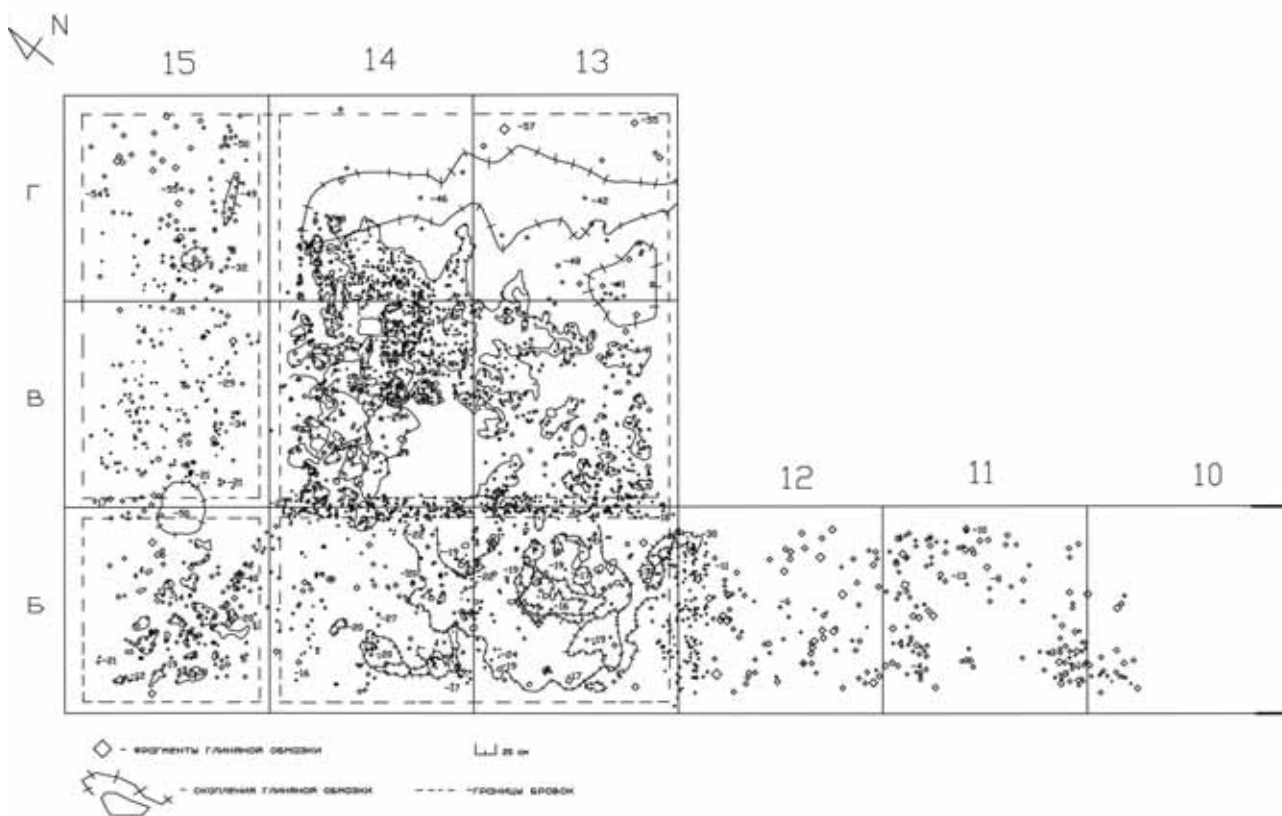

Рис. 12. Сергеев II, слой а. Общий план распространения фрагментов глиняной обмазки, выявленной при разборке культурного слоя.

сказать об особом расположении фрагментов, относящихся к той или иной выделенной категории. Тем не менее отмеченные индивидуально наиболее значительные экземпляры тяготеют к местам наи-

большей концентрации материала. Если обратиться к общему плану (рис. 2), то это будет линия на границе квадратов Б-В-14–13, частично заходящая в кв. Б-15.

ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ. АНАЛОГИИ

В ходе изучения фрагментов глиняной обмазки с поселения Сергеев II, слой а, полученных в результате раскопок 2008–2009 гг., было выделено 11 групп. Зафиксированные отличия, как нам кажется, отражают определенное место в общей конструкции. Исходя из этого мы попытались проследить и восстановить принципы конструирования, которые, как нам кажется, могли применяться.

Так, основой одних поверхностей являлся деревянный каркас. Наличие его мы отчетливо можем вывести из сохранившихся вогнутых отпечатков,

которые остались от небольших веточек или толстых стеблей тростника (диаметром от 0,8 до 3 см). Данная категория обмазки (118 шт.) отнесена нами к большой группе фрагментов с отпечатками растительного происхождения. Выше были указаны два фрагмента, на которых прослеживаются вогнутые отпечатки, располагающиеся перпендикулярно друг друга. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что каркас конструкции представлял собой плетень из ветвей небольшого размера или крупных стеблей тростника, который мог произрастать по берегам водоема.

Свободное пространство между ветвями или стеблями тростника и поверх них заполнялось сырой глиной. От этого, условно назовем, первого слоя обмазки до нас дошли фрагменты неопределенной формы без видимых растительных отпечатков. В количественном отношении (4150 шт.) эти фрагменты преобладают над остальными, что, возможно, говорит о большой площади либо объеме поверхности. Поэтому мы считаем логичным определить их как «стены» конструкции. Для повышения прочности данного сооружения поверх первого слоя глины наносился второй, который тщательно заглаживался и был конечным. Доказательством этого может быть группа фрагментов обмазки, одна поверхность которых имеет заглаженную сторону, а противоположная — неровную. Так, заглаженная поверхность — это внешняя, наружная сторона стен той конструкции.

Фрагменты обмазки, поверхности которых с обеих сторон заглажены, как нам кажется, имеют отношение к другому элементу конструкции, который правильнее всего назвать «полом». Земляное основание, над которым возводилась постройка, полностью либо частично покрывалось небольшим слоем глины. Была ли это приочажная зона, связанная с хозяйственной деятельностью, или что-то иное, сказать однозначно сложно. Относительно небольшое количество фрагментов данной группы (53 шт.) затрудняет их интерпретацию.

Другая основная группа обмазки (1738 шт.), выделенная нами, это фрагменты неопределенной формы с хаотичными отпечатками травы. Если наши предположения верны относительно двух вышеописанных элементов конструкции, то логично предположить наличие какой-то элементарной двускатной кровли. Из тех материалов, которые могли быть использованы древним человеком для сооружения крыши, самым легкодоступным и многочисленным, скорее всего, была произраставшая вокруг полевая трава и полученное из нее сено. Оно в свою очередь могло связываться для прочности в небольшие снопы, вязанки или просто настилом укладываться на деревянные перекладки крыши. Для предохранения от осадков трава могла смазываться все той же глиной. Затекая и застывая между сеном сырая глина сохранила

на себе его отпечатки, а случившийся пожар сохранил эти фрагменты со следами травы до наших дней. При заглаживании и прижимании глины к травяной подложке сохранились фрагменты приплюснутой формы с отпечатками на одной стороне. Эти фрагменты составили другую выделенную нами группу обмазки, которая немногочисленна (всего 224 экземпляра), но по внешним признакам явно отличается от остальной массы. Скорее всего, как и в случае со стенами, для повышения прочности конструкции сверху наносился еще один слой глины, который в конце работы был тщательно заглажен. От этого слоя до нас дошли фрагменты обмазки, одна сторона которых неровная, со следами травы, а противоположная — гладкая, без видимых отпечатков.

Как к стенам или полу, так и к кровле могут относиться фрагменты угловой формы, что естественно при наличии прямых, ограниченных размерами поверхностей. Причем выделенное внешнее различие — с видимыми растительными отпечатками и без них — может быть индикатором принадлежности либо к крыше, либо в равной степени к полу и стенам соответственно.

Среди значительного количества глиняной обмазки без видимых растительных отпечатков фрагменты, по форме приближающиеся к неглубоким «мисочкам», представляют самые большие трудности для интерпретации. Так, наиболее вероятной возможностью их происхождения будет, скорее всего, процесс подновления поверхностей конструкции или заделывания небольших дыр, щелей. Глина — очень хрупкий и быстро растрескивающийся при высыхании материал, поэтому данные действия необходимы при желании как можно дольше использовать одну и ту же постройку. Отсутствие отпечатков травы на обеих сторонах фрагментов наиболее вероятно говорит об их принадлежности к стенам конструкции. Стены, несущие на себе тяжесть крыши, наиболее подвержены естественным процессам разрушения.

Среди общей массы глиняной обмазки, полученной с поселения Сертея II, слой á, шесть экземпляров, как нам кажется, сохранили на себе отпечатки человеческих пальцев. Как уже было сказано ранее, папиллярный узор на этих фрагментах

практически не различим даже при увеличении, поэтому полной уверенности быть не может. Продолговатые вогнутые отпечатки, внешне отличные от тех, что явно относятся к наличию каркаса из ветвей или крупных стеблей тростника, также могут быть связаны с деревянной основой всей конструкции.

Статистический анализ распространения тех или иных групп обмазки по отдельным квадратам (табл. 4) подтверждает данные планиграфии и стратиграфии. Так, самое большое количество фрагментов различных групп собрано именно с квадратов Б-15–13 и В-14–13. Из таблицы видно, что фрагменты без отпечатков растительного происхождения с одной сильно заглаженной поверхностью, в большинстве своем относятся к кв. Б-15–13 и В-14–13. Согласно нашей интерпретации, данная группа обмазки относится к возможным стенам конструкции. Примерно в равных количествах на указанных квадратах были найдены фрагменты обмазки, отнесенные нами к возможной крыше, а также экземпляры с отпечатками от каркаса. Как нам кажется, данные показатели напрямую связаны с выявленными скоплениями, которые, скорее всего, непосредственно относятся к остаткам постройки. Хорошо выделяющийся подпрямоугольный контур из плотно лежащих фрагментов (рис. 12), возможно, повторяет очертания самой конструкции, которая разрушилась, упала, скорее всего, выше по склону, ее остатки долгое время размывались и в итоге дошли до нас в виде тех самых пятен и отдельных фрагментов.

О функциональном назначении данного сооружения говорить однозначно сложно. Отсутствие четких контуров затрудняет восстановление возможных размеров конструкции. Она в равной степени могла быть как хозяйственной, так и жилой. Тем не менее после проведенной работы мы можем с уверенностью заявить, что к железодельному производству фрагменты глиняной обмазки с поселения Сертея II, слой *а* отношения не имеют. Во-первых, из-за отсутствия на памятнике очевидных следов горнов для добычи железа из болотистых руд. Во-вторых, из-за характера самой обмазки, найденной на памятнике. Глиняная об-

мазка, остающаяся от горнов — сильно обожженные, остекленевшие немногочисленные фрагменты. Различие цвета глины (от ярко-оранжевого до темно-коричневого) на изломе указывает на близость той или иной стороны к огню, где плавилась руда. Глиняная обмазка с поселения Сертея II, слой *а* обожжена относительно слабо, структура ее рыхлая. Вероятность длительного пребывания в огне маловероятна. Скорее всего, это было однократное попадание в открытый стихийный огонь, а близость к огню или, наоборот, удаленное расположение от него и дало разнообразную цветовую гамму — от светло-серого до ярко-оранжевого, которую мы наблюдаем.

Тип строительства — с использованием деревянной основы и глины в качестве обмазки поверхностей — фиксируется на памятниках обширных территорий начиная с раннего неолита (Кларк, 1953, с. 330). Интересным для нас является поселение *Ecsefalva 23* в Венгрии, относящееся к культуре Кёриш. Там было найдено значительное количество фрагментов глиняной обмазки, которая иногда имеет растительные отпечатки. В некоторых случаях эта обмазка близка по внешнему виду той, что была обнаружена на поселении Сертея II, слой *а*. В качестве основной растительной добавки в Кёриши использовались стебли тростника, камыша. Вертикально укладываясь, они составляли своеобразную прослойку, на которую потом наносилась сырая глина. Этой смесью заполнялось пространство между вертикально установленными жердями и более крупными деревянными столбами, которые составляли деревянный каркас конструкции. Поверх наносился еще один слой глины, от которого сохранились фрагменты с одной заглаженной поверхностью (Carneiro, Mateiciucová, 2007, р. 260–263). Из общей массы там также выделяются угловые формы и небольшие фрагменты «уголков», фрагменты с отпечатками пальцев и с отпечатками от деревянных жердей небольшого диаметра. Помимо отсутствия отпечатков травы используемая на *Ecsefalva 23* глина имеет органические примеси, тогда как глина с Сертея использовалась в чистом виде. К сожалению, это единственная работа по изучению глиняной обмазки, найденная нами.

Таблица 4

Количественное распределение групп глиняной обмозки по квадратам

№ кв.	Б/10	Б/11	Б/12	Б/13	Б/14	Б/15	В/13	В/14	В/15	Г/13	Г/14	Г/15
Группа обмозки												
Без отпечатков растительного происхождения:	Количество экземпляров											
1. Без определенной формы	43	139	347	407	553	465	431	451	197	291	268	170
2. Фр. обмозки с одной заглаженной поверхностью	92	17	48	50	64	75	56	48	25	33	35	25
3. Фр. обмозки, обе поверхности которых заглажены		4	1	1	4	23	8	3	1	1	3	
4. «Уголки» и угловые формы		1				11	2			1		1
5. Фр. в форме «мисочки»					1	2						
С отпечатками растительного происхождения	Количество экземпляров											
6. Без определенной формы	44	75	112	150	225	231	211	146	102	134	52	88
7. Фр. обмозки с одной заглаженной поверхностью	8	15	12	9	12	70	31	13	12	9	4	6
8. Фр. обмозки с отпечатками на одной поверхности	3	4	7	14	32	15	31	28	7	15	6	20
9. Фр. с отпечатками цилиндрических форм	4	3	8	10	16	15	16	14	5	14	2	5
10. «Уголки» и угловые формы					2	2	2	2	8	1	1	1
11. Фр. с «отпечатками пальцев»		1			2		1			2		

В эпоху железного века традиция использования глины в строительстве сохраняется. Свидетельства существования поселений с длинными домами, стены которых были плетеными и мазанными глиной, достаточно многочисленны (Кларк, 1953). Поэтому мы можем предположить, что и на многослойном поселении Сертея II, слой а существова-

ла постройка, относящаяся именно к такому типу строительства — с использованием деревянных каркасов, на которые затем наносилось несколько слоев сырой глины.

Полученные нами выводы должны быть дополнены и проверены дальнейшим исследованием памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Кларк Д.Г.Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.

Микляев А.М. Отчет о работе Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа. Л., 1984–1985.

Carneiro A., Mateiciucová I. Daub fragments and the question of structures // House-structures under change on the Great Hungarian Plain in earlier phases of the neolithic. Homage to Milutin Garasanin. Belgrade, 2006. P. 255–285.

Ю. Б. Сериков¹

ОБ ОСВОЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ УРАЛА В ЭПОХУ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Serikov Y.B. On settlement the territory of the Urals in Upper Palaeolithic

Исследователей палеолита всегда интересовали вопросы не только начала освоения той или иной территории, но и степени ее заселенности. На первый взгляд, этот вопрос можно решить при помощи картографирования. Казалось бы, большое количество памятников на определенной территории покажет степень ее освоенности. Но, во-первых, все эти памятники неравнозначны. Среди них есть долговременные или сезонные поселения, а есть и кратковременные стоянки и местонахождения. И второе — между этими памятниками может быть большой хронологический разрыв, исчисляемый сотнями и даже тысячами лет. Наличие монументальных жилищ из костей мамонтов, на основании которых можно было бы говорить о постоянном населении, тоже не может использоваться в качестве критерия освоенности территории. В последнее время их долговременность подвергается большим сомнениям.

В настоящее время на Урале известно немногим более 150 палеолитических памятников разного типа: поселения с сезонными жилищами, кратковременные стоянки, святилища. Большая часть памятников является местонахождениями с не-

большим количеством артефактов. Раскопками исследовано около 50 памятников. Значительная часть раскопок носила рекогносцировочный характер. Раскопы, по площади превышающие 100 кв. м, можно пересчитать по пальцам. Все палеолитические памятники Урала характеризуются слабой насыщенностью культурными остатками не только из кости, бивня, рога, но и из камня. Достаточно широкие исследования верхнепалеолитических стоянок открытого типа проводились на небольшом числе памятников. На стоянке Талицкого (р. Чусовая) вскрыто раскопками 500 кв. м и получено 30 костяных и около 5000 каменных изделий (Щербатова, 1994, с. 22–53). На стоянке Широфаново II (Камское водохранилище) раскопом изучено всего 50 кв. м, но коллекция находок за счет сбора подъемного материала составила свыше 5000 экз. (Павлов, 2009, с. 15). Еще один памятник находится на берегу Камского водохранилища — Гарчи I. Раскопами площадью около 160 кв. м получено 4120 каменных изделий (Павлов, Макаров, 1998, с. 4–10). Пятьсот каменных изделий дали рекогносцировочные раскопки стоянки Горная Талица (р. Чусовая) (вскрыто 16 кв. м). Еще около 3,2 тыс. собрано в виде подъемного материала (Мельничук, 2007, с. 11). На стоянке Заозерье (р. Чусовая) на вскрытой площади в 150 кв. м найдено 20 костяных

¹ Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил, Россия.

и 1400 каменных изделий (Павлов, 2004, с. 5–15). На стоянках Талицкого, Гарчи I и Горная Талица выявлены остатки наземных жилых сооружений, на основании чего их можно отнести к сезонным поселениям. Все указанные памятники располагаются на западном склоне Среднего Урала — на берегах реки Чусовой и Камского водохранилища.

Количество находок на других памятниках открытого типа заметно уступает указанным выше. На стоянке Бызовая (р. Печора) раскопками изучено 338 кв. м. Но удалось получить всего 253 каменных изделия (Канивец, 1976, с. 50–71; Павлов, 1996, с. 90–95). Такие же небольшие коллекции происходят с исследованных памятников Южного Урала: Большие Аллаки (208 экз. — 30 кв. м) (Жилина, Петрин, 1989, с. 46–47), Богдановка I (208 экз. — подъемный материал) (Широков, 1989, с. 164), Троицкая I (188 экз. — 70 кв. м) (Широков и др., 1996, с. 4–11).

С некоторых памятников коллекции получены путем сбора подъемного материала. Значительные комплексы происходят с размываемых памятников Камского водохранилища: Русское Веретье — около 1200 экз., Усть-Пожва III–IV — 757 экз., Усть-Пожва V — 735 экз., Гарчи II — 620 экз., Горка — 520 экз. (Мельничук, 2007, с. 12–14). На восточном склоне Урала на Гаринской стоянке (р. Сосьва) собрано около 700 каменных изделий и 120 костей со следами обработки (Сериков, 2007, с. 42–64).

Подобным образом характеризуются и пещерные памятники Урала. В Медвежьей пещере (Северный Урал) раскопками исследовано 184 кв. м, коллекция находок составляет чуть более 1500 экз. (Гуслицер, Канивец, 1965, с. 98–120). Это самый крупный пещерный комплекс Урала. К нему можно добавить еще два комплекса с Южного Урала. В пещере Байсланташ вскрыто 78 кв. м, получено полтора десятка костяных поделок и около 1400 каменных изделий (Котов, 2004, с. 36–52). Раскопки в Игнatieвской пещере со вскрытой площади в 74 кв. м дали 600 каменных изделий. Еще 750 артефактов собрано с поверхности пещеры (Петрин, 1992, с. 87–108); 25 % пещер исследованы на площади от 25 до 40 м². По несколько сот находок известно в пяти пещерах: гротах Столбовой (около 200 экз.), Близначева (около 300 экз.), Бобылек (около 600 экз.) (все на Сред-

нем Урале), Каповой пещере (213 экз.) и гроте Кульюрт-Тамак (359 экз.) (Южный Урал). Почти половина всех пещер представлена незначительными комплексами находок: от 12 до 95 экз.; 30 % всех пещер содержат единичные находки (до 10 экз.) (Сериков, 2009, с. 310–315).

Теперь рассмотрим костяную индустрию Урала. Изделия из кости, рога и бивня мамонта в количестве около 300 экз. найдены на 25 позднепалеолитических памятниках. Отличительной чертой костяной индустрии палеолита Урала является исключительное использование так называемых природных форм, то есть костей животных, которые использовались либо совсем без обработки, либо с минимальной подработкой. Среди них кости мамонта и носорога с глухими боковыми или торцовыми отверстиями, кости со следами абразивной обработки, оббивки, ретуширования, резки, рубки. На некоторых костях без обработки зафиксированы следы использования в качестве скребков и шильев. Таких изделий в коллекции уральского палеолита около 86 %.

Среди изделий, являющихся результатом глубокой переработки кости, рога и бивня, преобладают украшения. Небольшие серии бус из бивня мамонта найдены в гроте Бобылек (6 экз.), пещере Байсланташ (Башкортостан) (4 экз.), Каповой и Игнatieвской пещерах (по 2 экз.). К ним нужно добавить подвески из зубов и костей животных — 6 экз.

Из предметов вооружения отметим вкладышевые кинжалы (стоянка Талицкого и грот Бобылек), кинжал из трубчатой кости (грот Безымянный), вкладышевое изделие из ребра северного оленя (Медвежья пещера). Замечательной выделки вкладышевые наконечники стрел из бивня мамонта (2 экз.) найдены в Шайтанской пещере (Свердловская обл.).

Кости животных использовались в качестве подставок, рабочих столиков, наковален, ударных инструментов, землекопных орудий, скребков, скребел и шильев. Единичными изделиями в палеолите Урала представлены ложила, нож, струг, долото, разбивник и выпрямитель древков. Обломки тщательно выделанных игл найдены только на трех памятниках — стоянке Талицкого, пещерах Байсланташ и Каповой.

Из произведений искусства, изготовленных из кости, в палеолите Урала можно отметить всего несколько предметов. Уникальной находкой является стилизованное изображение хищника семейства кошачьих, выполненное из бивня мамонта в стиле плоской скульптуры. Найдено оно в гроте Безымянном на р. Пышме (Свердловская обл.). Длина фигурки 7, 9 см, толщина всего 2 мм (Петрин, Смирнов, 1977, с. 60). На Урале это пока единственная палеолитическая скульптура. В палеолите Евразии аналогий ей не имеется. На Гаринской стоянке найдена личина из межпозвонкового диска мамонта. По всей видимости, изделие изображало морду медведя в фас (Сериков, 2000, с. 200). Подобные «натуральные макеты» зверя, по мнению А.Д. Столяра, являлись одним из элементов верхнепалеолитической культуры (Столяр, 1985, с. 205–210). Также к произведениям искусства можно отнести бивень мамонта с ритмическими насечками, найденный на местонахождении Мамонтова Курья (Республика Коми), и два орнаментированных ребра с Гаринской стоянки.

Изделий, которые можно было бы поставить в один ряд с лучшими образцами косторезного палеолитического производства Евразии, в палеолите Урала всего шесть. Это скульптурное изображение хищника из грота Безымянного, вкладышевый кинжал со стоянки Талицкого, два вкладышевых наконечника из бивня мамонта из Шайтанской пещеры и две мотыги из Усть-Койвинской пещеры (р. Чусовая).

Если суммировать все данные по верхнему палеолиту Урала, то получим следующую картину. Из 150 известных памятников раскопками исследовано около трети. Вскрытая площадь не превышает 5000 кв. м. Со всех палеолитических памятников Урала получено около 40 тыс. каменных артефактов и около 300 костяных изделий. А на территории Русской равнины только на стоянке Пушкари I на 150 кв. м раскопанной площади найдено 115 тыс. каменных изделий. Комплекс Мезинской стоянки составляет свыше 100 тыс. каменных изделий, Костенок 4 — 60 тыс., Хотылево 2 — 40 тыс. и т.д. Такая же ситуация и с костяными изделиями. На стоянках Русской равнины изделия из кости представлены десятками и сотнями

экземпляров. В большом количестве присутствуют украшения. На Сунгире найдено свыше 10 тыс. украшений, на стоянке Юдиново — около 20 тыс. бус и их заготовок. На многих стоянках обнаружены скульптуры из камня, бивня и кости. Широко представлены костяные изделия, украшенные гравировками. Ничего этого мы не видим на палеолитических памятниках Урала. Все это свидетельствует о специфике освоения Урала в верхнем палеолите. С чем связана такая особенность уральского палеолита, еще предстоит выяснить.

Радиоуглеродных дат для верхнего палеолита Урала крайне мало. Большая их часть относится к пещерным памятникам. Количество продатированных памятников открытого типа незначительно — 10. На Южном Урале находится стоянка Лабазы I, возраст которой оценивается в 40,3 тыс. лет (История башкирского народа, 2009, с. 33). Самым ранним памятником Среднего Урала, видимо, является стоянка Заозерье, для которой имеет-ся 8 дат возрастом от 31,5 до 35 тыс. лет (Павлов, 2009, с. 7). К сожалению, в разных публикациях П.Ю. Павловым приведены разные даты, что вносит в характеристику стоянки некоторую путаницу (Павлов, 2004, с. 7; 2009, с. 7). К этому же промежутку времени относится и орнаментированный бивень с местонахождения Мамонтова Курья — 34 тыс. лет. Материалы Горновского местонахождения (Южный Урал) датируются в пределах 21,3–29,7 тыс. лет (Радиоуглеродная хронология палеолита, 1997, с. 62–63). Единственная дата получена для верхнего слоя стоянки Гарчи I — 28,7 тыс. лет (Павлов, Макаров, 1998, с. 6). Единственный культовый палеолитический памятник открытого типа, расположенный на озере Большие Аллаки (Челябинская обл.), имеет дату 24,7 тыс. лет (Жилина, Петрин, 1989, с. 47). Большой разброс дат — от 14,1 до 25,7 тыс. лет — характеризует стоянку Бызовая. Шесть дат получены по костным материалам размытой Гаринской стоянки — от 15 до 20,5 тыс. лет. Два образца из мерзлотного клина показали сходные параметры — 18,1 и 18,5 тыс. лет (Сериков, 2007, с. 65). Кроме этих дат по материалам «кладбищ мамонтов» в окрестностях Гаринской стоянки получено еще 28 дат возрастом от 11 до 29 тыс. лет. Для стоянки Талицкого известна

только одна дата — 18,7 тыс. лет. Самым молодым памятником открытого типа является стоянка Троицкая I (Южный Урал) — 16,3 тыс. лет.

Из 34 исследованных раскопками пещер радиоуглеродные даты имеют 23 памятника. Это в 2,5 раза больше, чем у памятников открытого типа. Но анализ датирования не позволяет делать какие-либо серьезные обобщения. Почти у половины пещер (11) имеется всего по одной дате. По две и три даты имеют три пещеры. От четырех до семи радиоуглеродных дат имеют всего шесть пещер: Бобылек, Смеловская 2, Капова (по 4 даты), Заповедная (5), Игнatieвская (6) и Медвежья (7).

Материалы раннего этапа, который условно определяется в рамках 36–27 тыс. лет, выявлены в пяти пещерах. В четырех пещерах их значения превышают 30 тыс. лет: Смеловская 2 (Южный Урал) (41 тыс. лет), Бобылек (34,5 тыс. лет), Большой Глухой (р. Чусовая) (38,2 и 33,9 тыс. лет) и Кумышанская (р. Чусовая) (33,6 тыс. лет). Две близкие даты получены из грота Близнецова и пещеры Заповедной (Башкортостан) — соответственно 28,5 и 28,7 тыс. лет. Дата из Заповедной относится к костеносному слою без артефактов. Известна еще одна пещера с датой такого же уровня — Горновская (Башкортостан). К сожалению, даты одного и того же образца, полученные в разных лабораториях дали разные значения: 29,7 и 21,3 тыс. лет. Объяснения этому факту специалисты пока не находят (Радиоуглеродная хронология палеолита, 1997, с. 42).

Таким образом, ранний этап освоения пещер Урала представлен невыразительными комплексами с малочисленными находками и противоречивыми датами. Только в гроте Близнецова найдены следы кострищ, значительные комплексы каменных изделий (около 300 экз.) и плейстоценовой фауны (около 3000 экз.). Четыре пещеры с ранними датами расположены на Южном Урале, а три — на Среднем. Причем грот Большой Глухой и Кумышанская пещера находятся на реке Чусовой, а грот Близнецова — недалеко от устья Чусовой на берегу Камы. Следует подчеркнуть, что река Чусовая с глубокой древности являлась трансуральской магистралью, связывающей восточный и западный склоны Урала. Она берет начало из озера Сурны

в Челябинской обл., протекает вдоль восточного склона Урала, затем пересекает Уральский хребет с востока на запад и впадает в Каму уже на западном склоне Уральских гор (Сериков, 1998, с. 44–46).

К среднему этапу (27–21 тыс. лет) относятся два пещерных памятника — один из слоев грота Бобылек (23,7 и 23,5 тыс. лет) и грот Столбовой с датой комплекса в 22,9 тыс. лет. Возможно, с этим же этапом следует связывать и материалы Горновской пещеры.

Все остальные датированные пещеры относятся к позднему этапу палеолита, который, тем не менее, можно разбить на два периода. К раннему периоду отнесены памятники с датами от 19 до 16–15 тыс. л. Это грот Безымянный (19,2 тыс. л) Медвежья пещера (16,1–18–18,7 тыс. л.), навес Студеный (16 тыс. лет), навес Устиново (16 тыс. л.), грот Кульюрт-Тамак (15–15,8 тыс. л.), грот Максютковский (15,6 тыс. л.), и Смеловская пещера 2 (15,6 тыс. л.).

Большая часть датированных пещерных памятников относится к позднему периоду, даты которого укладываются в рамки от 15 до 12 тыс. лет. На Северном Урале такие даты имеет только Медвежья пещера — 11,5–12,2–12,7–13,2 тыс. л. На Среднем Урале памятники этого периода представлены гротами и небольшими пещерами: грот Бобылек (14,2 тыс. л.), грот Зотинский (13,6 тыс. л.), пещера Котел (13,2 тыс. л.), Усть-Койвинская пещера (12,7 тыс. л.) и Кумышанская пещера (12,4 тыс. л.). На Южном Урале картина противоположная — к позднему периоду относятся пещеры длиной свыше 100 м: Капова (15–14,7–13,9 тыс. л.), Игнatieвская (14,2–14–13,5–13,3 тыс. л.), Байсланташ (13,5 тыс. л.) и Заповедная (12,4 тыс. л.). Возможно, это чистая случайность, которая объясняется тем, что датирование небольших гротов просто еще не производилось. Не исключено, что к этому же периоду следует отнести еще одну пещеру, видимо, с омоложенной датой — Сикияз-Тамак I (11,7 тыс. л.) (Житенев, 2006, с. 201).

Определить характер использования пещер в палеолитическую эпоху очень сложно из-за преобладания традиционного взгляда на пещеры как на убежища и кратковременные стоянки. Если идти

традиционным путем, то все пещерные комплексы Урала могут быть охарактеризованы как кратковременные стоянки и святилища. Комплекс грота Безымянного с уникальными костяными украшениями и скульптурой, возможно, является разрушенным погребением (Петрин, 1992, с. 84). Не вызывающими возражений святилищами являются пещеры с живописью (Капова, Игнatieвская и 2-ая Серпиевская) и демонстрационными комплексами в виде черепов животных (Кумышанская, Заповедная, возможно, Сикийз-Тамак I). Однако детальный анализ многих уральских пещерных комплексов позволяет выявить аспекты, которые допускают и иное (сакральное) использование пещер (Сериков, 2007а, с. 17–19). Культовые комплексы обнаружены в Медвежьей и Уньинской пещерах на Северном Урале (скопление тысяч сброшенных рогов северного оленя) (Павлов, 1996, с. 83–85). Следы ритуальных действий выявлены в гроте Зотинском, пещерах Котел и Усть-Койвинской (Сериков, 2000, с. 199–200). Внимательного изучения в этом плане заслуживает самый крупный на Урале комплекс костяных изделий (в том числе украшений) в гроте Бобылек. Интересно отметить, что на Южном Урале все пещеры длиной свыше 100 м использовались в качестве святилищ (Капова, Игнatieвская, 2-ая Серпиевская, Заповедная). Кстати, Медвежья и Уньинская пещеры также имеют длину свыше 100 м. Единственным исключением является пещера Байсланташ длиной около 110 м. Однако и в этой пещере имеются детали, происхождение которых возможно объяснить сакральными причинами. При значительной коллекции каменных и костяных изделий (соответственно 1360 и 24 экз.) в палеолитическом слое пещеры обнаружено всего около 50 экз. расколотых костей крупных животных (бизона и лошади), что абсолютно нехарактерно для уральских пещер. Явно неутилитарное назначение имели и украшения, выявленные в комплексе пещеры — круглые и квадратные бусы (нашивки) и подвеска из гальки с естественным отверстием («курий бог»).

При определении характера использования пещер особое внимание следует обращать на наличие в них предметов символической деятельности (Дервянко, Рыбин, 2005, с. 232–233). Ви-

димо, неслучайно в Каповой пещере обнаружен значительный комплекс украшений, в который входят свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями, четыре каменных и две костяных бусины, подвески из галек и кости. Крайне интересным и отчасти загадочным является комплекс украшений из пещеры Смеловская 2. Кроме 53 каменных изделий в ней найдены 31 подвеска из талька и 10 тальковых кусков и пластин, которые, возможно, были заготовками украшений (Бадер, 1971, с. 202, 206, 207). Кроме указанных пещер украшения в виде подвесок и бусин выявлены в пещерах Игнatieвская, Туристов, Байсланташ, гротах Безымянный, Бобылек. Необходимо добавить, что в уральских пещерных святилищах послепалеолитического времени найдено почти 95 % всех известных украшений из природных форм (раковин, зубов и костей животных, галек, плиток камня). Эти факты могут косвенно свидетельствовать в пользу сакрального использования пещер с украшениями и в эпоху палеолита.

Таким образом, современные материалы показывают, что в период от 40 до 28 тыс. л.н. на территорию Урала с разных направлений проникали отдельные немногочисленные группы верхнепалеолитического населения. Примерно около 23–24 тыс. л.н. населения на Урале становится больше. К этому времени относится и первый памятник с культовым хрустальным комплексом (78,8 % горного хрусталя) — Большие Аллаки II. Совсем иная картина вырисовывается в позднем этапе палеолита (19–12 тыс. л.н.). Из 21 датированного памятника семь пещер достоверно использовались в культовых целях (Медвежья, грот Безымянный, Кумышанская, Капова, Игнatieвская, Заповедная, Сикийз-Тамак I). К ним можно добавить еще два недатированных комплекса в пещерах Уньинской и 2-ой Серпиевской, которые, судя по всему, относятся к этому же периоду. Еще в семи пещерах выявлены комплексы, появление которых с разной степенью достоверности можно связывать с определенными ритуальными действиями (Зотинский, грот Бобылек, Котел, Усть-Койва, Кирпичный, Байсланташ, Смеловская 2) (Сериков, 2007а, с. 7–24).

Появление святилищ, на взгляд автора, возможно только при наличии на данной территории постоянного населения. Именно этот фактор

может стать определяющим критерием освоённости территории Урала в конце верхнего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. 1971. № 173. С. 200–208.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.; Л., 1965.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 232–255.

Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озёрного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Свердловск, 1989. С. 46–48.

Житенев В.С. Череп пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 201–203.

История башкирского народа. М., 2009. Т. 1.

Канивец В.И. Палеолит Крайнего Северо-Востока Европы. М., 1976.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинской). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 36–55.

Мельничук А.Ф. Финальный палеолит Пермского Приуралья: Автореф. дис. ... к.и.н. Ижевск, 2007.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.

Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004.

Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: Автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 2009.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.

Павлов П. Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Северо-Востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 4–17.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гrotтах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 56–71.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

Серигов Ю.Б. Река Чусовая — трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 1997. С. 44–46.

Серигов Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.

Серигов Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.

Серигов Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007а. Вып. 1. С. 7–24.

Серигов Ю.Б. О времени и характере освоения пещер палеолитическим населением Урала // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Мат-лы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск, 2009. С. 310–315.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

Широков В.Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 162–165.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 3–17.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.

В. Г. Котов¹

ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА УРАЛА И КОНЦЕПЦИЯ Г.П.ГРИГОРЬЕВА

Kotov V.G. Problems of the Upper Palaeolithic of the Urals

The article presents a comparative analysis of the technology and typology of industries from the Upper Paleolithic sites of the Urals in terms of similarity with Talitsky site in the Kama region. At the same time the author considers different perspectives of the development of the Upper Palaeolithic from the Urals. Basing his materials of the new monuments, the author concludes that the monuments of early, middle and late stages of the Upper Palaeolithic of the Urals region display a close resemblance, and we must proceed from the understanding of a common cultural tradition that had been existing for more than 20 thousand years. The author criticizes the idea of P.Pavlov to classify a number of monuments of the late stage of the Upper Paleolithic as an “archaeological culture of the Urals.” For this reason, it is necessary to assume a gradual, evolutionary change in the material component of cultural traditions, suggesting stability and resistance to outer changes of cultural characteristics of the Urals population in the Upper Paleolithic in the range from 30 to 9 thousand years. It is of the Siberian Upper Paleolithic, as believed by G.Grigor'ev, the absence of spatial dispersion and typological homogeneity of monuments, as well as their temporal indivisibility are characteristic features. This indicates according to the concept G. Grigor'ev, attribution of the Upper Paleolithic sites of the Urals region to the Siberian Upper Paleolithic as a whole, forming a kind of surface area to the west of the Siberian cultural world.

В 1980-х годах были предприняты первые попытки обобщения накопленного к тому времени еще немногочисленного материала верхнепалеолитических памятников (Щербакова, 1986б, с. 15–16). В то время наиболее значительная коллекция эпохи верхнего палеолита была представлена материалами стоянки **Островской им. М.В. Талицкого** — около 5 тыс. экз. каменных изделий. Она расположена на правом берегу р. Чусовой, в ее нижнем течении (рис. 1). Исследовалась с 1938 по 1952 г. М.В. Талицким, М.П. Грязновым, В.И. Громовым, А.А. Ис-

сеном, О.Н. Бадером. Вскрыто около 500 кв. м площади. Изучение стратиграфии показало, что культурные отложения сформировались за один сезон и памятник является сезонной охотничьей стоянкой. Здесь были расчищены семь округлых очагов, слегка углубленных в землю. Фаунистические остатки указывают на преобладание в охотничьей добыче северного оленя. Также обитатели стоянки охотились на мамонта, шерстистого носорога, лошадь, песца и зайца. Получена радиоуглеродная датировка по углю 18700 ± 200 лет (ИГАН-1907) (Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99).

Т.И. Щербакова считает, что первичное расщепление на стоянке основывалось на принципах

¹ Институт Истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия.

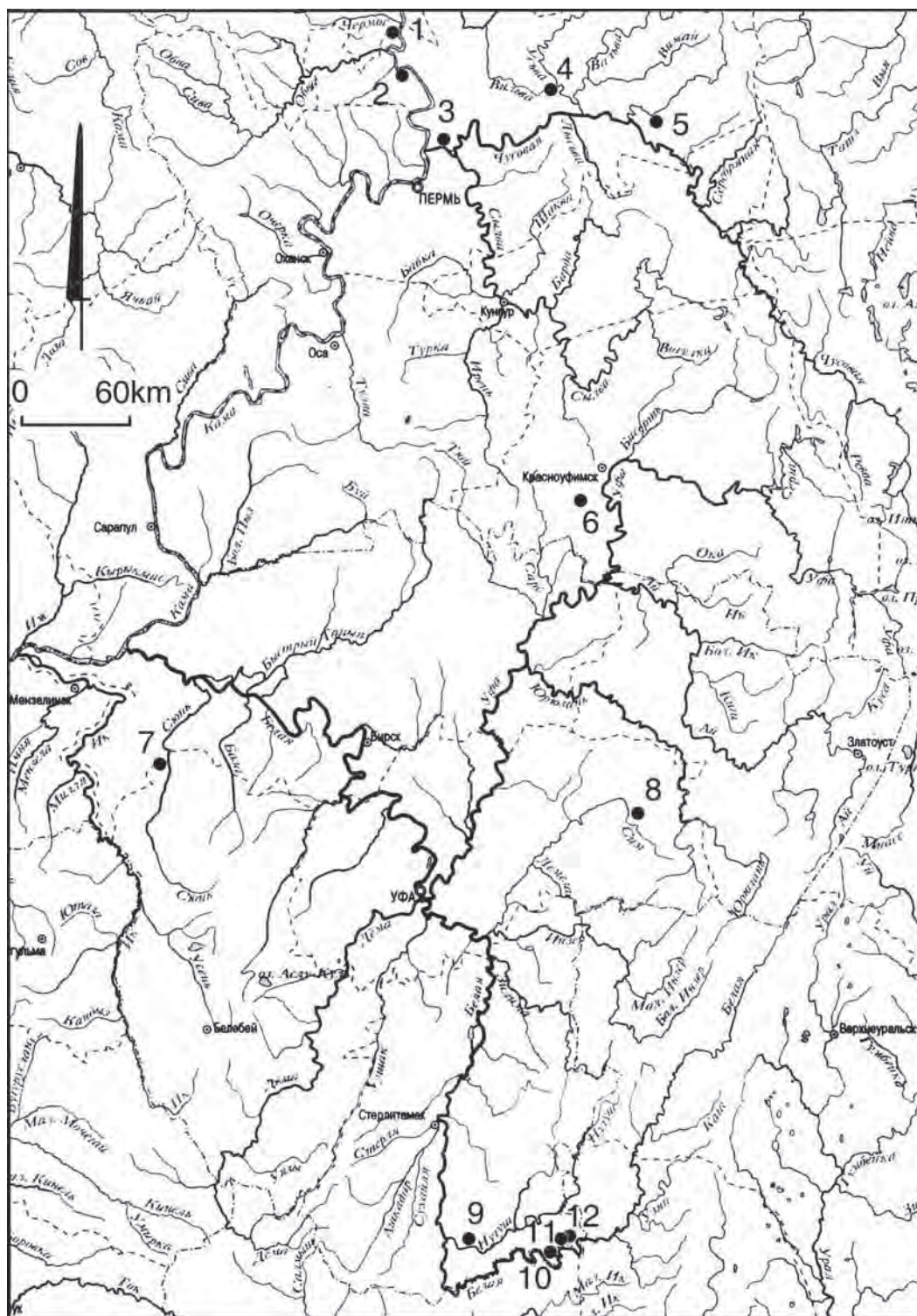

Рис. 1. Карта памятников верхнего палеолита Урала: 1 — ст. Широфаново II, 2 — местонах. Ганичата II, 3 — ст. Талицкого, 4 — грот Столбовой, 5 — грот Большой Глухой, 6 — грот Бобылек, 7 — ст. Сюнь 2, 8 — пещера Игнатиевская, 9 — ст. Сергеевка 1, 10 — пещера Байсланташ, 11 — пещера Кульюрт-Тамак, 12 — пещера Шульган-Таш (Каповая)

параллельного снятия с применением призматического, торцевого и уплощающего способов раскалывания нуклеусов, направленных в основном на получение пластин средних размеров, причем микропластинчатая техника не имела широкого распространения (Щербакова, 1986б, с. 7, 15). Это не совсем так, поскольку в коллекции есть три нуклеуса радиального скалывания, один из которых Т.И. Щербакова ошибочно отнесла к долотовидным орудиям (рис. 2, 16), а два других — к скреблам (рис. 3, 1, 2) (Щербакова, 1986а, рис. 26, 16; 34, 1, 2). Также широко использовались плоские нуклеусы параллельно-встречного и ортогонального характера снятий (рис. 2, 19, 20, 23, 25) (Там же, рис. 13, 2; 16, 1–2; 17, 5; Григорьев, 2001, табл. 1, 1, 2; Голдина, 1999, рис. 10, 1). Вызывает сомнения утверждение о незначительном характере производства микропластинок, что опровергается большим количеством небольших нуклеусов с негативами микропластинчатых снятий и самих микропластинок (рис. 2, 19) (Щербакова, 1986а, рис. 13, 2–5; 16, 3–5; 17, 1–3, 5–7; 19, 1–3). Отщепы составляют 38 % всех сколов (Там же, с. 7).

Т.И. Щербакова пишет, что для оформления орудий характерно использование чешуйчатой подтески концов и оформление выступов. В инвентаре представлены единичными экземплярами резцы и острия, распространены укороченные скребки и скребки на пластинах, пластинки с притупленной спинкой, долотовидные подчетыреугольных очертаний (рис. 2, 2, 3, 6–11, 13, 15). Архаичные изделия представлены простыми скреблами на отщепах, чоппингами и крупными унифасами, а точнее крупными скреблами с радиальной огранкой дорсала, имеющими зубчатое лезвие (рис. 3) (Щербакова, 1986а, с. 16; Голдина, 1999, рис. 10, 4). Между тем типология скребков более разнообразна. В коллекции присутствуют стрельчатые скребки, концевые скошенные, с шипом, прямые, двойные скребки (рис. 2, 4–7, 9, 10, 13). Специфической формой является группа двойных скребков небольшого размера с двумя шипами (рис. 2, 6). В коллекции представлена большая серия клювовидных форм, орудий с шипом (рис. 2, 11), усеченных пластин, острий и проколов (рис. 2, 1, 8). Имеются изделия из кости, в частности кость

с нарезками, игла и костяной наконечник с вкладышами из пластинок с притупленной спинкой (рис. 2, 17, 22, 26) (Щербакова, 1986а). Весьма интересной особенностью памятника является наличие плиток с полосами охры (Синицын, 1997).

Еще один памятник исследователи считают аналогом стоянки Талицкого — **грот Столбовой** в Прикамье. Грот расположен на р. Усьва в 4–5 км вниз по течению от пос. Усьва на высоте 120 м над уровнем реки (рис. 1). Вход имеет ширину 15 м, ориентирован на север. Вскрыто 54 кв. м, культурный слой залегал на глубине 1,45–1,7 м в желтой глине. Культурные отложения представлены 200 экз. каменных изделий и более трех тысяч костей животных, среди которых, по определению И.Е. Кузьминой, присутствуют следующие виды: заяц, северный олень, лемминг, лошадь, песец, сайга, носорог, бизон, птицы (Кузьмина, 1975). Инвентарь представлен в основном нуклеидными формами и сколами. Нуклеусы конические, призматические уплощенные и торцевые — самые многочисленные — 7 экз. (рис. 4, 1, 6, 8, 12, 13). Один нуклеус ортогональный, что является прямой аналогией со стоянкой Талицкого (рис. 4, 14). Ведущим типом скола являлись пластины и пластинки шириной 0,9–1,5 см (рис. 4, 4, 5, 7). По мнению Т.И. Щербаковой, техника первичного расщепления находит аналогии на стоянке Талицкого. Сходство дополняется одинаковым характером сырья, а также незначительной величиной большинства изделий в сочетании с отдельными крупными предметами, а также близостью видового состава фауны (Щербакова, 1986б, с. 9; 2001, с. 159). Стоянка была временной, но пребывание сопровождалось первичной обработкой камня, причем большая часть пластин и изделий была унесена из грота. Возраст памятника определен по радиоуглеродной датировке кости 22890 ± 200 лет (ЛЕ-2773) (Щербакова, 2001).

Большой интерес для нас представляет стоянка **Троицкая I**, которая выпала из контекста обсуждения проблем верхнего палеолита Урала. Памятник был обнаружен в 1984 г. в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской обл. (рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок (1990 г.) здесь было найдено 126 костей мамонта

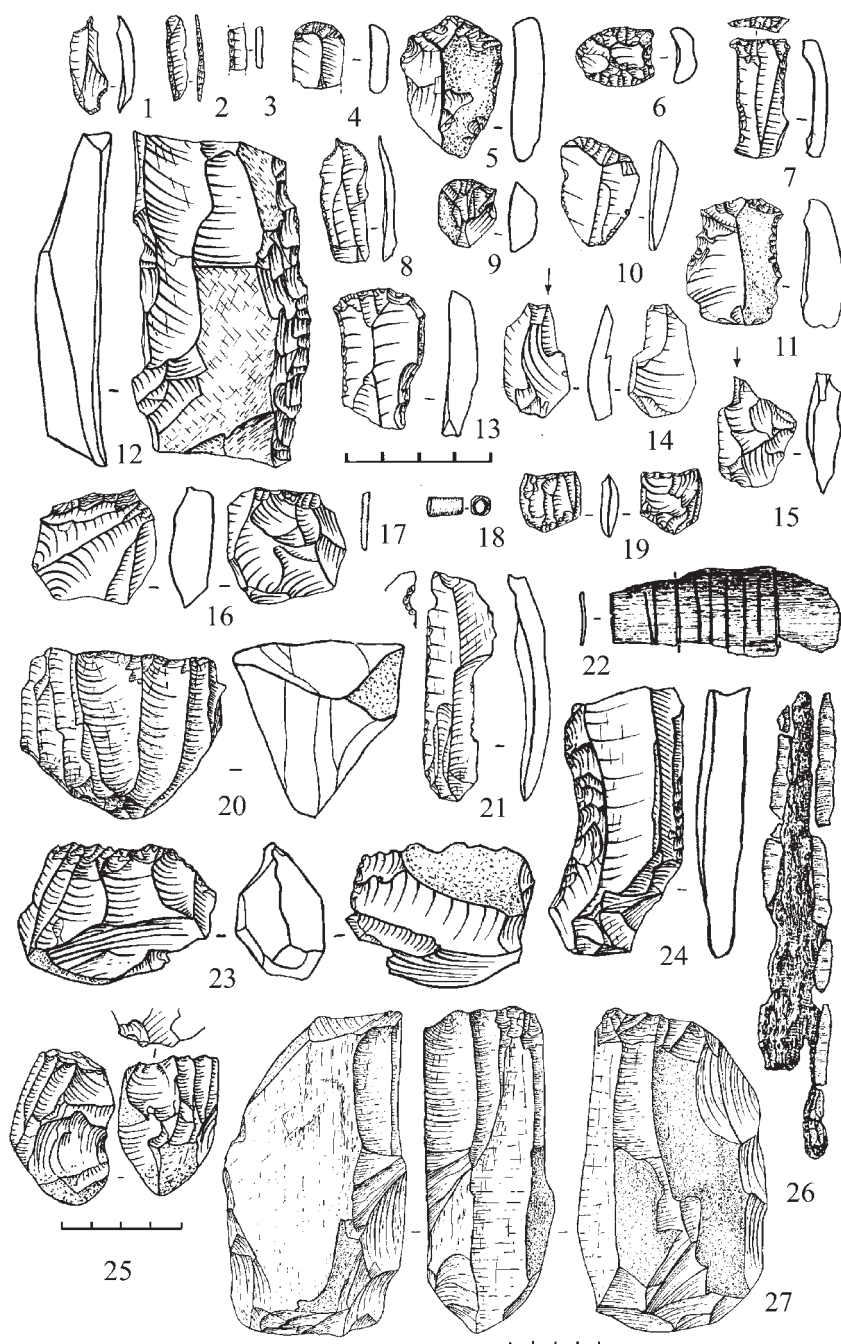

Рис. 2. Стоянка Талицкого (по: Щербакова, 1986): 1, 8 — проколки, 2, 3 — пластинки с притупленной спинкой, 4, 13 — концевые скребки на пластинах, 5 — скребок стрельчатый, 6 — скребок двойной укороченный с шипами, 7, 11 — орудия с шипом, 9 — скребок укороченный, 10 — скребок концевой скошенный на отщепе, 14, 15 — резцы боковые, 16 — нуклеус двусторонний вееровидно-радиальный, 17 — фрагмент костяной иглы, 18 — костяная пронизка, 19 — нуклеус плоский, 20, 25 — нуклеусы конусовидные, 21 — пластина с выемкой, 22 — фрагмент кости с нарезками, 23 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 24 — пластина с вогнутым краем, 26 — костяной двухпазовый наконечник, 27 — нуклеус торцовый

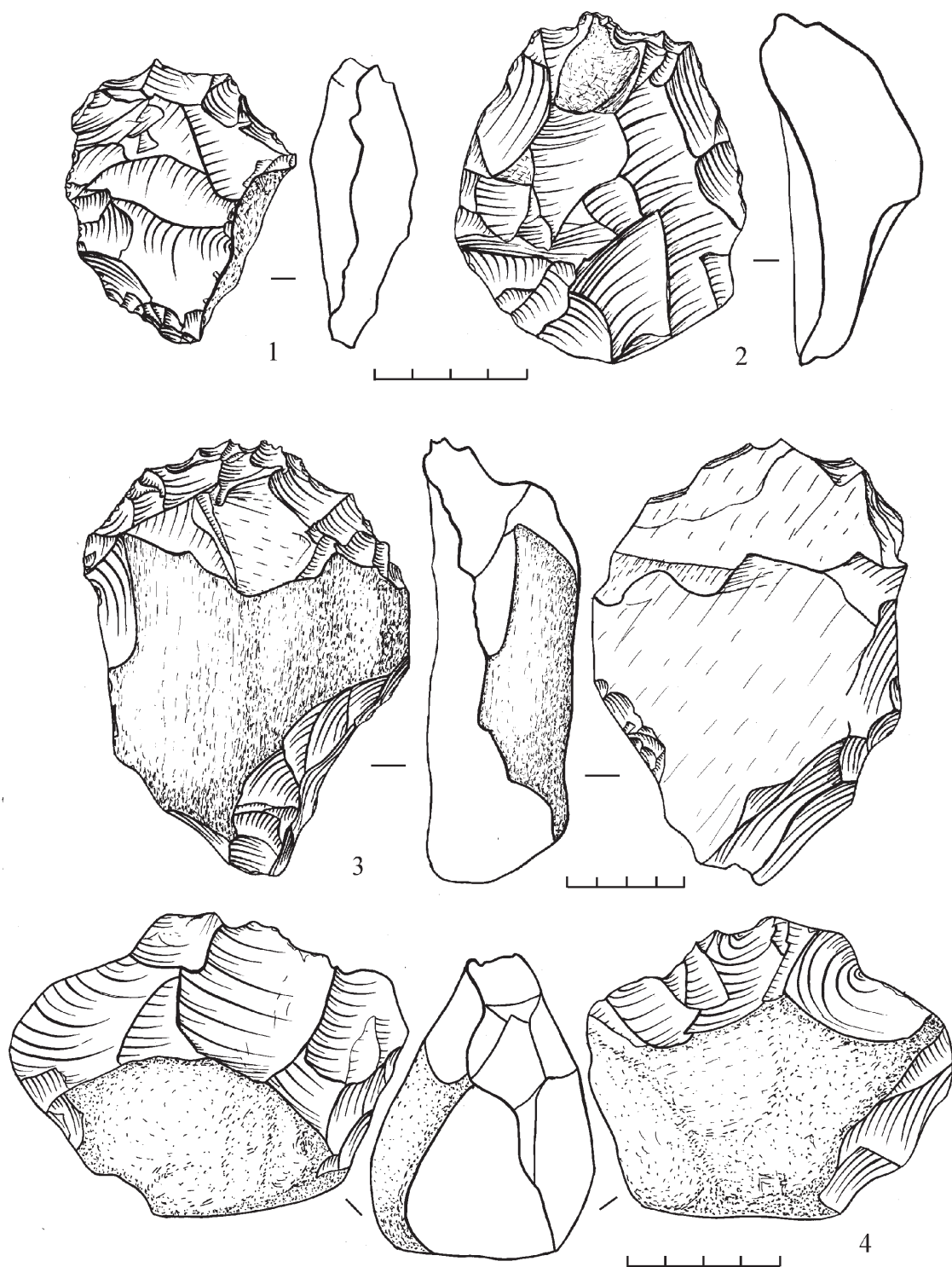

Рис. 3. Стоянка Талицкого (по: Щербакова, 1986): 1, 2 — дисковидные нуклеусы-скребла, 3 — скребло-скобель, 4 — чоппинг

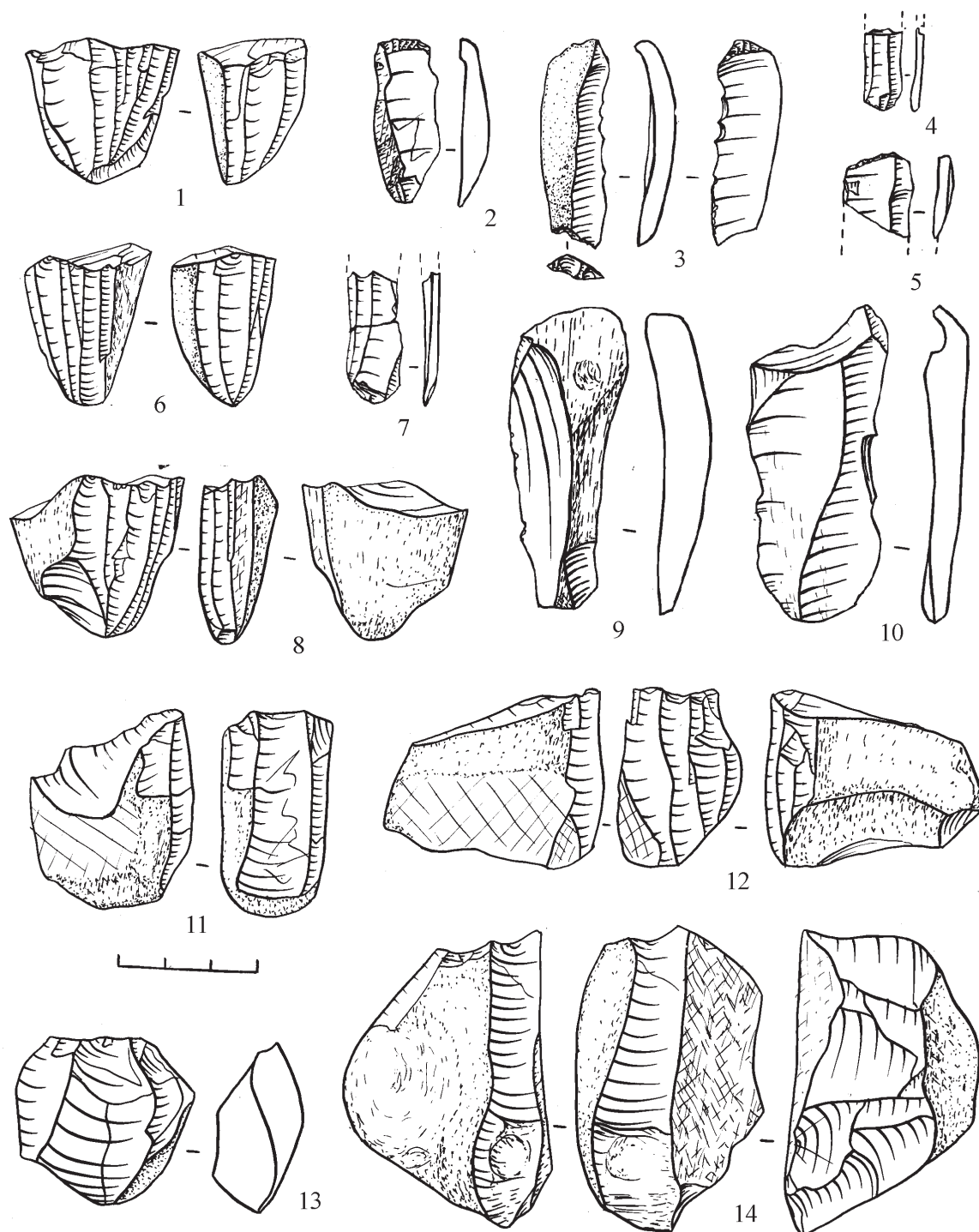

Рис. 4. Грот Столбовой (по: Щербакова, 1986): 1, 6 — нуклеусы конусовидные, 2, 3 — скребки концевые на пластинах, 4, 7, 9, 10 — пластины, 8, 11, 12 — нуклеусы торцевые, 13 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 14 — нуклеус ортогональный

от трех-четырех особей и 38 костей лошади. Радиоуглеродная дата была получена по кости мамонта — $16\,300 \pm 300$ лет (ИЭРЖ-165). По мнению исследователей, данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных (Широков и др., 2005; Широков и др., 1996, с. 21). Каменные изделия (188 экз.) были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины — из хрусталя. Нуклеусы подразделяются на торцевые (рис. 5, 13, 14) и двусторонний, вееровидно-радиальный (рис. 5, 1). В качестве заготовки использовались неправильные широкие пластины (рис. 5, 3, 9, 10, 12, 15, 16) и отщепы с радиальной или бессистемной огранкой (рис. 5, 2, 4, 5, 11). Орудия — 6 скребков укороченной формы (рис. 5, 4, 6, 7, 8) и 3 резца на сегментах пластин (рис. 5, 9, 10, 12). Изделие на отщепе с бессистемной огранкой представляет собой стрелчатый скребок (рис. 5, 5). Один двойной скребок с двумя шипами аналогичен изделию со стоянки Талицкого (рис. 5, 6). Орудие на дистальном фрагменте пластины имеет ретушь по поверхности слома, образуя шиповидное острие (рис. 5, 16). Уникально костяное изделие из пястной кости лошади с просверленным отверстием (рис. 5, 17).

Небольшое количество находок ограничивает возможности анализа, но с нашей точки зрения технико-типологические характеристики этого памятника, в частности наличие различных нуклеусов, аморфность пластин, отщепы с бессистемной огранкой, укороченные скребки, орудие с шипом, указывают на принадлежность этого памятника к той же культурной традиции, что и стоянка Талицкого.

От концепции Т.И. Щербаковой отличаются взгляды П.Ю. Павлова. Он первоначально исходил из принципиального сходства памятников верхнего палеолита, которые разделил на две хронологические группы. Первая группа объединяет памятники, относящиеся к среднему и началу позднего валдая в промежутке 30–20 тыс. лет. Вторая группа относится к позднеледниковью, ко времени 12–10 тыс. лет.

Памятники первой хронологической группы П.Ю. Павлов разделял на два варианта. К первому, который он предлагает назвать «среднеуральским»,

были отнесены памятники, близкие по облику стоянке Талицкого: стоянка им. Талицкого, грот Столбовой, V слой грота Большой Глухой, местонахождения Ганичата III и Драчево в Прикамье, а также Медвежья пещера в верховьях р. Печоры на Северном Урале. Второй вариант был представлен стоянками Бызовая и Заозерье. Грот Блинецова был выделен в отдельную группу, не относящуюся ни к одному из вариантов.

Для среднеуральского варианта, по П.Ю. Павлову, характерно следующее: использование галечного сырья, призматические, торцевые и, реже, плоские нуклеусы, присутствие крупных орудийных форм типа чопперов и скребел. Орудия представлены следующими категориями: скребки концевые на фрагментах пластин и округлые на отщепах, изделия с выемками и шипами, усеченные пластины, долотовидные орудия, проколки с плечиками, пластины и микропластины, пластинки с притупленным краем, скребла, орудия с «носи́ком» верхнекамского типа. Причем тогда только предполагалась их связь с памятниками позднеледникового времени (Павлов, 1988, с. 16–17; 1996, с. 124–125). В своей первой монографии П.Ю. Павлов рассмотрел подробнее характеристики «среднеуральского варианта», куда он добавил стоянку Гари в Среднем Зауралье (Павлов, 1996, с. 124–126). Уже в следующей монографии «Археология Республики Коми» (1997) памятники «среднеуральского варианта» им были объединены в «среднеуральскую культуру», существовавшую в период 17–13 тыс. л.н. (Павлов, 1997, с. 72). Обосновывая прерывистый характер заселения Северо-Востока Европы, П.Ю. Павлов на XV Уральском археологическом совещании предложил уже другие временные рамки среднеуральской верхнепалеолитической культуры (или группы родственных культур) — 19–12 тыс. л.н., которая генетически родственна «культурам мальтинского круга верхнего палеолита Северной Азии» (Павлов, 2001, с. 56).

В последующем Т.И. Щербакова поддержала мнение П.Ю. Павлова и включила в группу типа стоянки Талицкого местонахождения Драчево и Ганичата III (Щербакова, 2001). В частности, она считает, что эти местонахождения близки по тех-

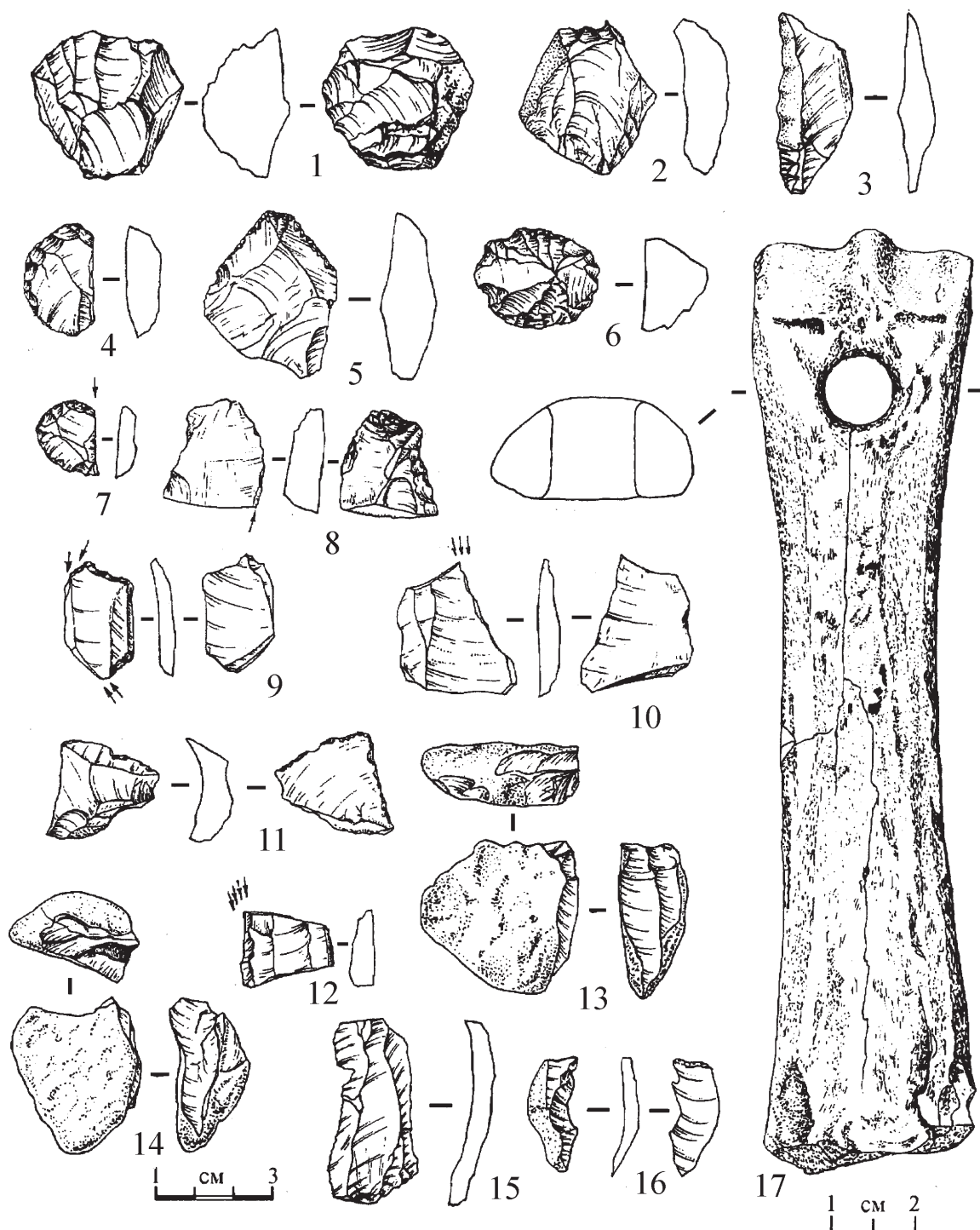

Рис. 5. Стоянка Троицкая I (по: Широков и др., 1996): 1 — нуклеус двусторонний параллельно-дисковидный, 2, 8, 11 — отщепы с ретушью, 3, 15 — пластины, 4 — скребок боковой, 5 — скребок стрелчатый, 6 — скребок двойной укороченный с шипами, 7 — скребок-резец, 9, 10, 12 — резцы, 13, 14 — нуклеусы торцовые, 17 — кость лошади с отверстием

нике первичной обработки, выбору сырья, наличию шиповидных изделий, некоторых форм скребков, микропластинок с притупленной спинкой (Там же, с. 161). С этим нельзя не согласиться.

В этой же работе Т.И. Щербакова подробно рассмотрела материалы из **грота Близнецова** в сравнении со стоянкой Талицкого. Грот находится на р. Косье, левого притока р. Камы (рис. 1). Памятник выявлен Е.П. Близнецовым. Раскопки производились в 1967 г. О.Н. Бадером. Было получено 300 экз. каменных изделий и около трех тысяч костей. Большая часть остатков фауны, по определению И.Е. Кузьминой, принадлежит мамонту, также представлены кости северного оленя, лошади, зайца, песца, носорога, сайги, овцебыка, лося, бизона. По кости была получена дата 28540 ± 300 лет (JE-2766), что в совокупности с присутствием животных умеренного климата, лося и овцебыка, характеризует эти отложения как относящиеся к ленинградскому горизонту (Щербакова, 2001, с. 162). Следовательно, по фауне и возрасту грот Близнецова отличается от стоянки Талицкого. Различия дополняются использованием другого сырья — мелового кремня. Первичное расщепление представлено торцевыми, клиновидными, призматическими и радиальными нуклеусами (рис. 6, 6–11). Среди нуклеусов имеются уплощенные формы (рис. 6, 7, 10). Присутствуют пластины и отщепы. Среди отщепов много изделий с радиальной огранкой (рис. 6, 2), что дополнительно свидетельствует в пользу присутствия нуклеусов радиального скалывания. Среди орудий выделяются орудие с шипом, вентральный скребок, скребки высокой формы на обломке и на массивном сколе (рис. 6, 2, 3, 5). По этим двум признакам Т.И. Щербакова относит индустрию грота Близнецова к иной традиции и сближает ее с индустрией стоянок раннего этапа верхнего палеолита: Бызовой, Заозерье, Горново и грота у Каменного Кольца (Там же, с. 164). Этот вывод явно основан на абсолютизации выделения отдельных «специфических изделий», которые имели характер «диагностических форм», принадлежащих определенной эпохе или стадии палеолита (Щербакова, 2001, с. 164). Согласно такому подходу нуклеусы радиального скалывания и скребки высокой формы должны были

относиться к раннему этапу верхнего палеолита. Между тем весь набор нуклеусов имеет полную аналогию как на стоянке Талицкого, так и на стоянках Троицкая 1 и Сергеевка 1. Точно так же не противоречат этому сближению и состав орудий. На стоянке Талицкого есть скребки высокой формы (Щербакова, 1986а, рис. 21, 5, 7, 8, 10, 11), а также с ретушью на вентрале (Григорьев, 2001, табл. 1, 4, 7). Орудия же с шипом являются чуть ли не визитной карточкой памятников, близких стоянке Талицкого. Поэтому на памятнике нет ничего, что противоречило бы отнесению грота Близнецова к кругу памятников этой традиции. Остаются, правда, два момента, которые отличают грот Близнецова от стоянки Талицкого, — это охотничье предпочтение мамонта остальным животным и то, что памятник древнее на 10 тыс. лет.

В русле нашего рассмотрения большое значение имеют материалы стоянки **Шированово II** в устье р. Иньвы на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Шированово (Ильинский район Пермского края) (рис. 1). Памятник был открыт и обследовался с 1990 по 2000 г. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. — П.Ю. Павловым (Макаров, Павлов, 2007). Стратиграфическое положение культурных отложений стоянки Шированово II имеет сходство со стоянками Талицкого и Ганичата II, что предположительно указывает на их сходный возраст (Там же, с. 8–9). На стоянке Шированово II были собраны кости плейстоценовых животных: лошади (абсолютно преобладает), мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5000 экз., среди них около 700 орудий. Каменное сырье представлено разнообразными породами аллювиального галечника местного происхождения. Интересно, что для этой стоянки характерно подавляющее использование уплощенных форм нуклеуса с одной или двумя сильно скошенными площадками. Об этом свидетельствуют многочисленные заготовки с негативами параллельно-встречных снятий (Макаров, Павлов, 2007, рис. 3, 4, 5; 4, 3, 4, 9, 25, 26, 28; 6, 19, 21, 27; 7, 4, 18). Чрезвычайно важно, что, по мнению П.Ю. Павлова, «характерными для данной индустрии являются также нуклеусы с двумя поверхностями расщепления, расположенными перпендикулярно»,

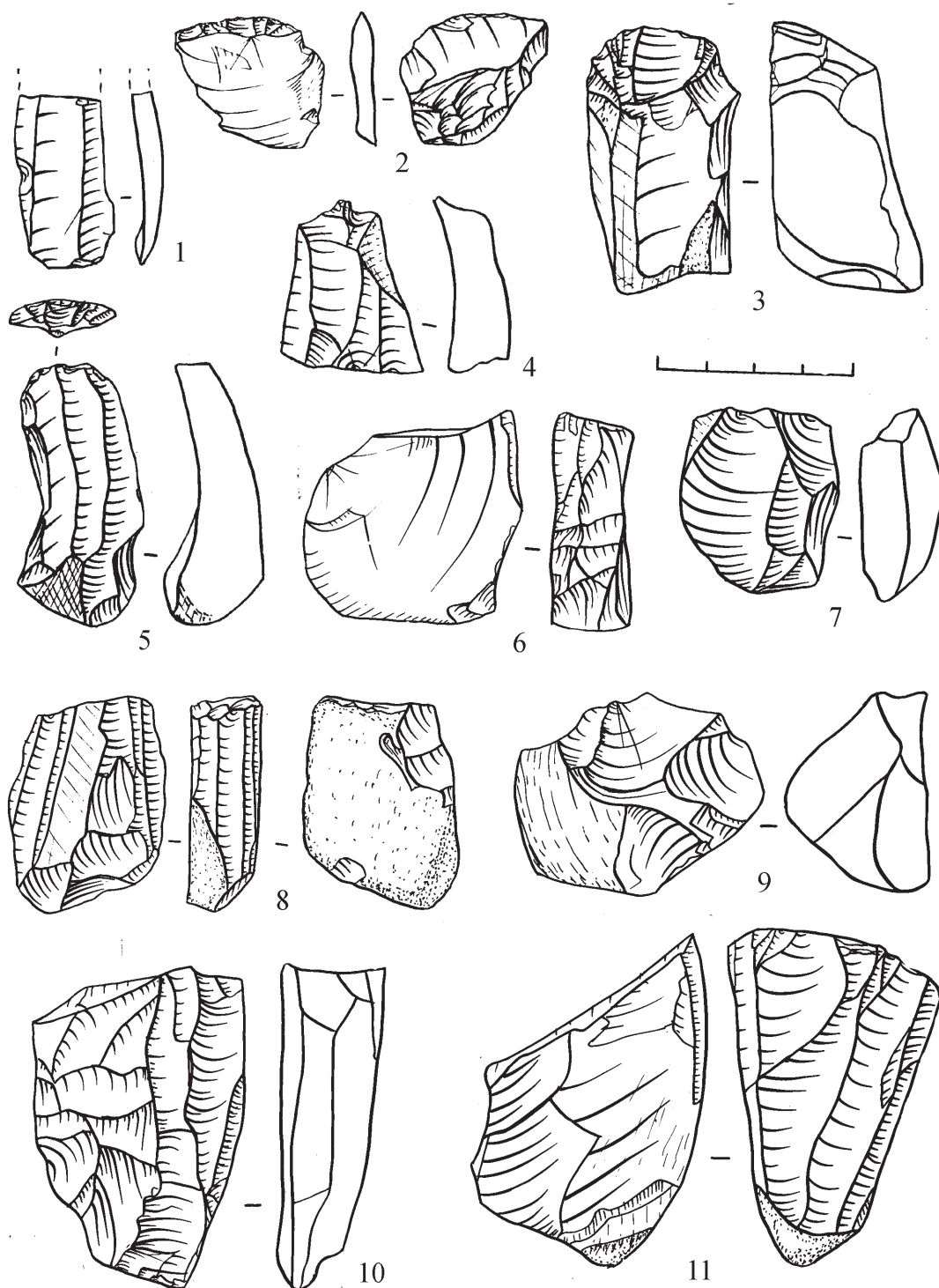

Рис. 6. Грот Близнецова (по: Щербакова, 1986): 1 — пластина, 2 — скребок вентральный, 3 — скребок концевой высокой формы, 4 — орудие с шипом, 5 — скребок концевой, 6, 8, 10 — нуклеусы торцовые, 7 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 9 — нуклеус радиальный, 11 — нуклеус конусовидный

то есть ортогональные нуклеусы, и только в небольшом количестве встречены торцовые и плоские формы ядрищ (Макаров, Павлов, 2007, с. 9). Вместе с тем по рисункам видно, что большой процент отщепов имеет радиальную или бессистемную огранку (Там же, рис. 3, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11, 16; 4, 14; 5, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 12, 16; 6, 4; 7, 1, 3, 12, 16; 8, 9). Это говорит о том, что на памятнике были широко представлены нуклеусы радиального снятия.

Среди орудий преобладают скребки высокой формы, укороченные, с ретушированными краями, а также округлой формы с ретушью по всему периметру. Большой серией представлены разнообразные резцы. П.Ю. Павлов особо выделил орудия с носиком верхнекамского типа. Долотовидные орудия типологически однородны и сопоставимы с подобными изделиями со стоянки Талицкого. Другие орудия отнесены к остриям, проколкам и ножам. Перечисленные выше характеристики, а также наличие поперечных или продольных скребел, зубчато-выемчатых орудий или скребел, чопперов и чоппингов подтверждают вывод П.Ю. Павлова о том, что «стоянка Широфаново II по технико-морфологическим и типологическим характеристикам каменного инвентаря является полной аналогией стоянки Талицкого» (Макаров, Павлов, 2007, с. 12). Единственное отличие — наличие большого количества резцов в материалах стоянки Широфаново II (Там же, с. 13). Следует также отметить и такую немаловажную деталь, как присутствие приема вентральной обработки орудий (Там же, рис. 3, 19; 4, 18, 19; 5, 2, 6, 5, 6, 22, 26, 27; 7, 12, 18; 8, 1, 7, 8), что можно считать архаическим признаком для индустрии конца верхнего палеолита.

В последние годы П.Ю. Павлов конкретизировал свои представления о верхнем палеолите Урала (Павлов, 2007; 2008; 2012). Он обосновывает резкое отличие памятников начального и раннего этапа верхнего палеолита от ряда памятников позднего валдая, которые объединяет в уральскую культуру, существовавшую 19–9,5 тыс. л.н. Ее он разделяет на два периода: позднего верхнего палеолита и финала верхнего палеолита. Первый период подразделяется на два этапа: ран-

ний (19–16 тыс. л.н.), куда относятся стоянка Талицкого, Медвежья пещера, Ганичата II, Широфаново II, возможно, Троицкая I, и средний (15–13 тыс. л.н.), к которому отнесены сначала V слой грота Большой Глухой, грот Бобылек, пещеры Кульюрт-Тамак, Байсланташ, Каповая, Игнatieвская (Павлов, 2008). Затем из этого списка исчез V слой грота Большой Глухой и были добавлены стоянки Кумышанская, Гари, Усть-Койвинская пещера, пещера Котел и ранний комплекс Игнatieвской пещеры, причем верхняя граница периода достигла 12,5 тыс. л.н. (Павлов, 2012, с. 12). Для этого периода характерно использование галек из речных отложений. Первичная обработка основана на параллельном способе объемного и плоскостного расщепления. Нуклеусы призматические, уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием, коническими и торцевыми формами. В качестве заготовок в равной степени присутствуют отщепы и пластины. Во вторичной обработке широко использовались приемы резцового скола, чешуйчатой подтепки, оформление шипов и выступов. Орудийный набор характеризуется концевыми скребками на пластинах и отщепах, в том числе высокой формы, округлыми, укороченными скребками, пластинами с ретушью, пластинами с притупленной спинкой, усеченными пластинами, шиповидными и зубчатыми формами, остриями на пластинах, проколками «с плечиками», боковыми, поперечными, угловыми резцами, чопперами и чоппингами, крупными скребками, двусторонними и односторонними наконечниками из кости (Павлов, 2007, с. 74).

К финальному этапу (11–9,5 тыс. л.н.) относятся стоянка Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, III культурный слой грота Большой Глухой. П.Ю. Павлов отмечает большое сходство индустрий памятников этого этапа с предшествующими. Отличия, с его точки зрения не имеющие принципиального характера, заключены в следующем: на памятниках финального этапа больше правильно ограненных пластин, и они длиннее, появляются новые типы орудий — пластинки с притупленной спинкой и обработанными концами, высокие трапеции, скошенные острия, бесчерешковые наконечники стрел, топоры с пере-

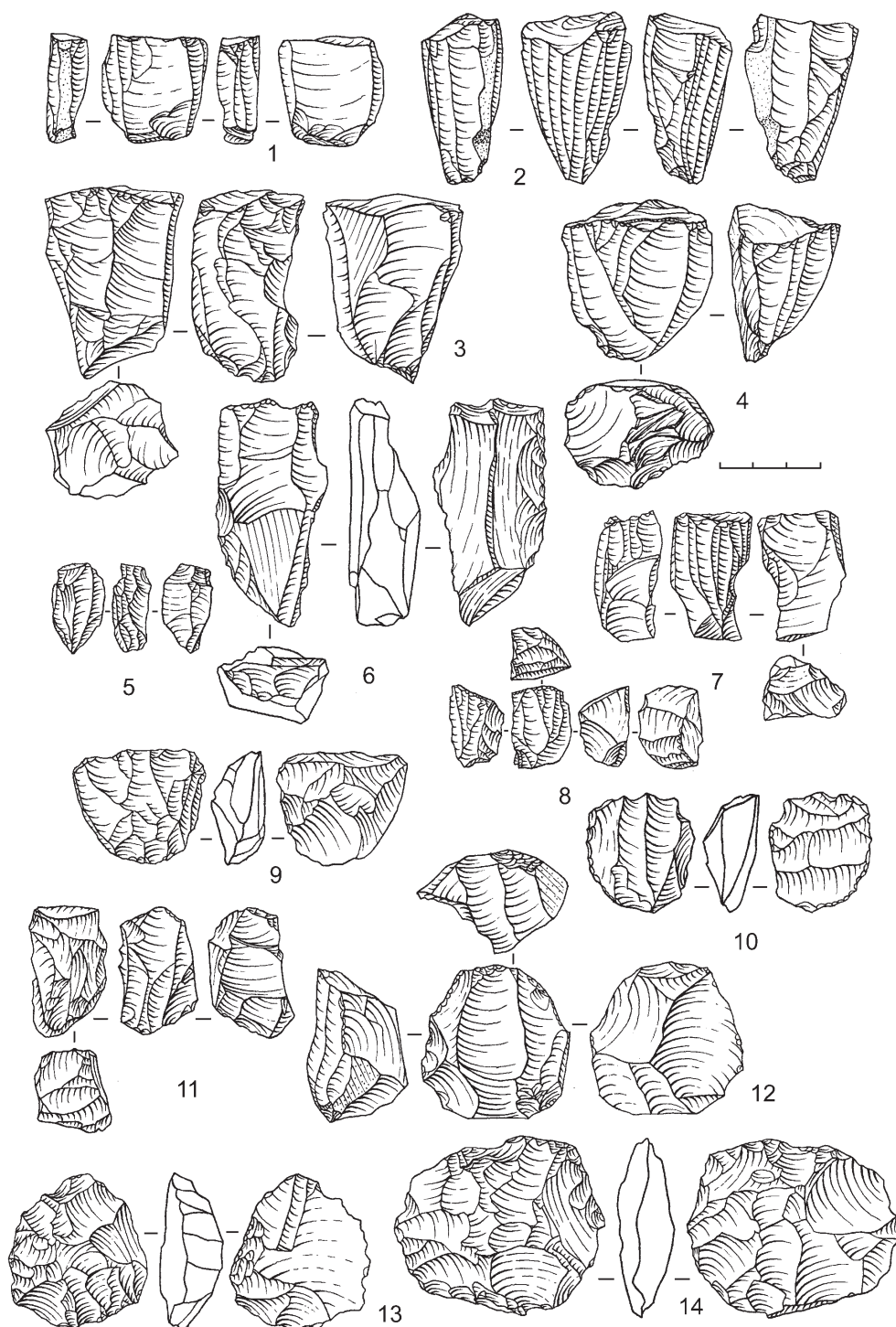

Рис. 7. Стоянка Сергеевка 1. Нуклеусы: 1 — торцовый, 2, 4 — конусовидные, 3, 5 — двуплощадочные параллельно-встречного снятия, 6 — торцовый двуплощадочный, 7 — призматический, 8, 11 — ортогональные, 9, 10, 12 — двусторонние параллельно-радиальные уплощенные, 13, 14 — двусторонние радиальные уплощенные

хватом (Павлов, 2007, с. 74). В последней публикации исчезает разрыв в два тысячелетия между средним и финальными периодами «уральской культуры» и последний начинается от 12,5 тыс. л.н. (Павлов, 2012, с. 12). К этому этапу были отнесены новые памятники: Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой, стоянка Пымва Шор I и «поздний комплекс» Игнатиевской пещеры, к которому П.Ю. Павлов отнес смешанную коллекцию из подъемного материала (Павлов, 2012, с. 12; Петрин, 1992, с. 117–138).

П.Ю. Павлов указывает на сходство памятников «уральской культуры» со стоянкой Постников овраг в Самаре, стоянкой Черноозерье II на Иртыше, с местонахождением Луговское в Притоболье (Павлов, 2007, с. 77). Он не включил их в «уральскую культуру», хотя разброс памятников на Урале допускает такую возможность. Также П.Ю. Павлов указывает на близость к памятникам ангаро-чулымской общности средней стадии верхнего палеолита Сибири, которая может иметь характер генетического родства. На этом основании он считает, что «уральская культура» принадлежит к сибирскому верхнему палеолиту. При этом автор концепции не видит никакой связи с памятниками раннего этапа верхнего палеолита Урала и Сибири, поскольку в уральской культуре нет значительного мустьерского компонента (Там же, с. 77, 78).

Слабость гипотезы П.Ю. Павлова заключается в следующих положениях. Памятники разбросаны на огромной территории — от Северного Урала до южного окончания Южного Урала, от устья Камы на западе до Сибирских Увалов на востоке. Их временной интервал более чем 10 тыс. лет противоречит нашим представлениям о характере существования археологических культур. Грот Столбовой в Прикамье имеет возраст более 22 тыс. лет и формально не может относиться к этой группе памятников. По технико-типологическим характеристикам стоянки Гари и Медвежья пещера существенно отличаются от стоянки Талицкого и не могут на этом основании принадлежать к одной археологической культуре (Сериков 2009, с. 84–85). На стоянке Талицкого единичными экземплярами представлены резцы, в то время как на других памятниках они являются ведущей после скребков

орудийной формой. Т.И. Щербакова и П.Ю. Павлов не «заметили» в индустрии стоянок Талицкого, Широфаново II и Троицкой I приемов радиального раскалывания нуклеусов. Это в совокупности с приемом ортогонального расщепления нуклеусов указывает на неустойчивость ударной площадки, что наряду с наличием плоских форм нуклеусов является важным признаком «мустьерской» технологии вместе с другими «мустьерскими» элементами (чопперами, крупными скреблами, вентральной обработкой и др.). Еще более усложняют картину выводы, полученные на основе анализа материалов недавно открытой стоянки Сергеевка 1 в Южном Приуралье.

Стоянка **Сергеевка 1** расположена в Мелеузовском районе Башкирии на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения р. Нугуш (рис. 1). Памятник открыт в 2008 г. археозоологом Д.О. Гимрановым, в 2009–2010 гг. обследовался экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.Г. Котова. Памятник приурочен к выположенной части второй надпойменной террасы р. Нугуш высотой до затопления 20–30 м. Южная граница представляет вертикальный обрыв высотой 2 м. По зачистке обрыва в центре стоянки было установлено, что культурный слой залегает на контакте темно-бурого тяжелого суглинка, относящегося к Кудашевскому горизонту верхнего неоплейстоцена, и светло-бурой глины с известняковым щебнем (Гимранов и др., 2012, с. 24–25). На поверхности стоянки были найдены кости плейстоценовой сохранныости — 192 экз., большая часть которых принадлежит лошади (86 экз. — 90 %), бизону (5 костей — 6 %), носорогу, оленю, мамонту (по 1 кости). По костям была получена дата 18000 ± 340 лет (Ле-9603) (Котов, Румянцев, 2012).

Изделия из яшмы и кремня различной окраски были изготовлены из приносного сырья. Всего собрано 1528 изделий из камня. Особенностью памятника является большое количество изделий из галек. Большая их часть — нуклеусы (70 экз.). Среди кварцитовых нуклеусов обнаружено одноплощадочных 35 экз., двухплощадочных 13 экз., ортогональных 9 экз. (рис. 8, 4), дисковидных 4 экз. (рис. 8, 1). Типы этих нуклеусов совпадают с ядри-

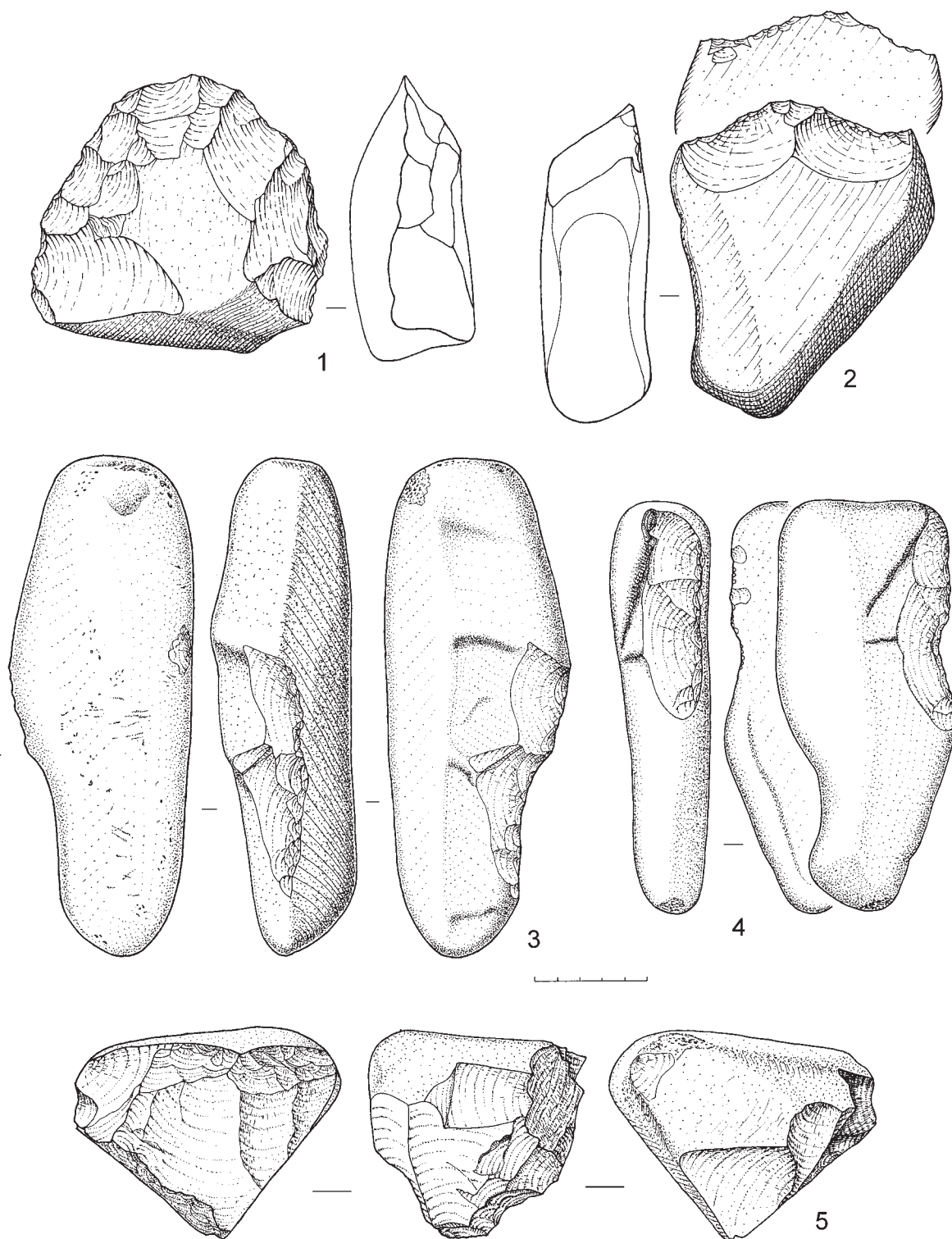

Рис. 8. Стоянка Сергеевка 1. Кварцитовые изделия: 1 — нуклеус радиальный, 2 — чоппер, 3 — молот-отбойник, 4 — рубящее орудие (цалди), 5 — нуклеус ортогональный

щами из кремнистых пород. Основной формой заготовки с кварцитовых нуклеусов являлись отщепы (82 экз.).

Пластины и пластинчатые отщепы из кремнистых пород составляют 196 экз., или 12 % от всех находок. В целом технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекцию как единый комплекс и указывают на верхнепалеолитический облик индустрии. Оригинальным является сочетание развитой пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и мустьерских технологий. Первичное расщепление имело направленность в получении пластин средней ширины (1–2 см) длиной 3–5 см (рис. 10, 1, 9, 10, 12; 11). Большинство целых пластин имеет изогнутый профиль и хорошо выраженный ударный бугорок. Не случайно основное количество пластинчатых заготовок фрагментировано (рис. 10, 1, 9–12; 11, 1–10, 12, 14–18). При разнообразии нуклеусов ведущей формой являлись объемные — призматические, конусовидные, ортогональные и торцевые (рис. 7, 1–7). Наряду с этим большие серии составляют уплощенные и плоские формы: ортогональные и радиальные нуклеусы (рис. 7, 8–14; 8, 1). Много нуклеусов небольших размеров для получения микропластинок (рис. 7, 5, 8). Важная особенность первичного раскалывания — неустойчивость расположения ударных площадок, что проявляется в параллельно-встречном, ортогональном и радиальном характере снятий заготовок. Это видно по наличию леваллуазских нуклеусов, леваллуазских сколов и в радиальной огранке многих отщепов. Самой многочисленной категорией оказались резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные и пр. (рис. 9, 6–20).

Следующая категория — скребки. Они также имеют различную форму. Среди них наиболее характеризуют памятник следующие типы: стрельчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы (10, 2–6, 8). Есть комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие и др. Не менее многочисленны различные изделия с чешуйчатой подтеской углов, шиповидных выступов и острий: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия (рис. 10, 1, 7, 9, 11; 11, 9).

Среди орудий есть выделенные морфологически проколки с плечиками (рис. 10, 10). Внушительное количество (70 экз.) составляют ретушированные пластины (рис. 11, 17, 19, 21). Большую серию образуют орудия с выемками на пластинах и отщепах (рис. 10, 12; 11, 14, 20, 21). Хорошо выражены долотовидные, в основном они имеют четырехугольную форму (рис. 9, 1–5). Единичными экземплярами представлены усеченные ретушью пластины (рис. 11, 15, 16, 18) и пластинки с притупленным краем (рис. 11, 1, 8, 9). Четыре сегмента пластин с ретушированными краями треугольной и трапецевидной формы напоминают геометрические вкладыши (рис. 11, 2–5).

Мустьерские черты в орудийном наборе стоянки Сереевка 1 проявляются в наличии крупных скребел на массивных леваллуазских отщепах — 9 экз. (рис. 10, 13–15) и галечные орудия (чопперы, молоты и рубящее орудие типа «цалди») (рис. 8, 2–4). Архаическими чертами в оформлении орудий следует считать размещение рабочих участков на вентрале или на проксимальном участке пластин и отщепов (рис. 10, 10; 11, 16–18).

Эти характеристики находят аналогии не только на памятниках среднего этапа верхнего палеолита «типа стоянки Талицкого», но и на памятниках, которые были исключены из этой традиции, поскольку их относили из-за наличия признаков радиального расщепления нуклеусов к раннему этапу верхнего палеолита: грот Близначева в Прикамье и грот у Каменного Кольца на р. Сим в Челябинской области. Кроме того, становится понятным сочетание пластинчатой индустрии и мустьерских орудий на стоянке Горново в Уфимском районе Башкортостана, которая датируется 27–30 тыс. л.н. (Котов, 2011, с. 33). Точно так же не противоречит верхнепалеолитическому возрасту материалы стоянки Ильмузино в Кушнаренковском районе Башкортостана, сочетающие изделия на пластинах и дисковидные нуклеусы (Матюшин, 1976, с. 75, 313, табл. 15, 8, 15). Вместе с тем памятники с пластинчатой индустрией появляются на Южном Урале более 31 тыс. л.н. — это пещерная стоянка Смеловская II, нижний культурный слой (датировки 31 и 41 тыс. л.н.) в Южном Зауралье (Бадер, 1971; Кузьмина, 1997) и открытые стоянки

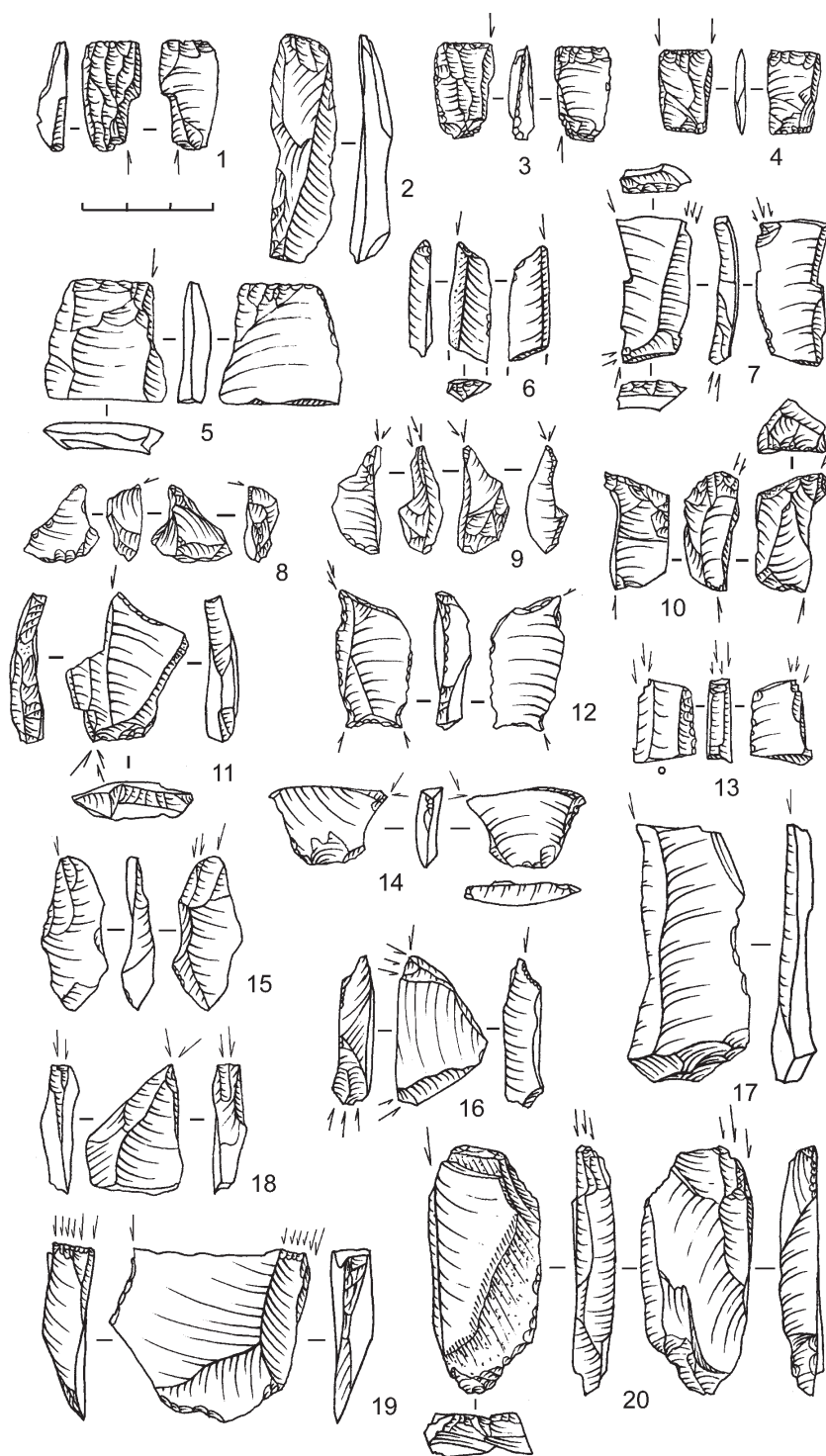

Рис. 9. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1 — орудие с шипом, 2 — нуклеус-скребок, 3–5, 8 — скребки высокой формы, 6 — микроскребок на пластинке с ретушью, 7 — острие на пластинке, 9, 11 — острие двойной на ретушированной пластине, 10 — проколка, 12 — орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине, 13 — конвергентное скребло, 14 — скребло с зубчатым лезвием, 15 — скребло-рубящее орудие на леваллуазском отщепе

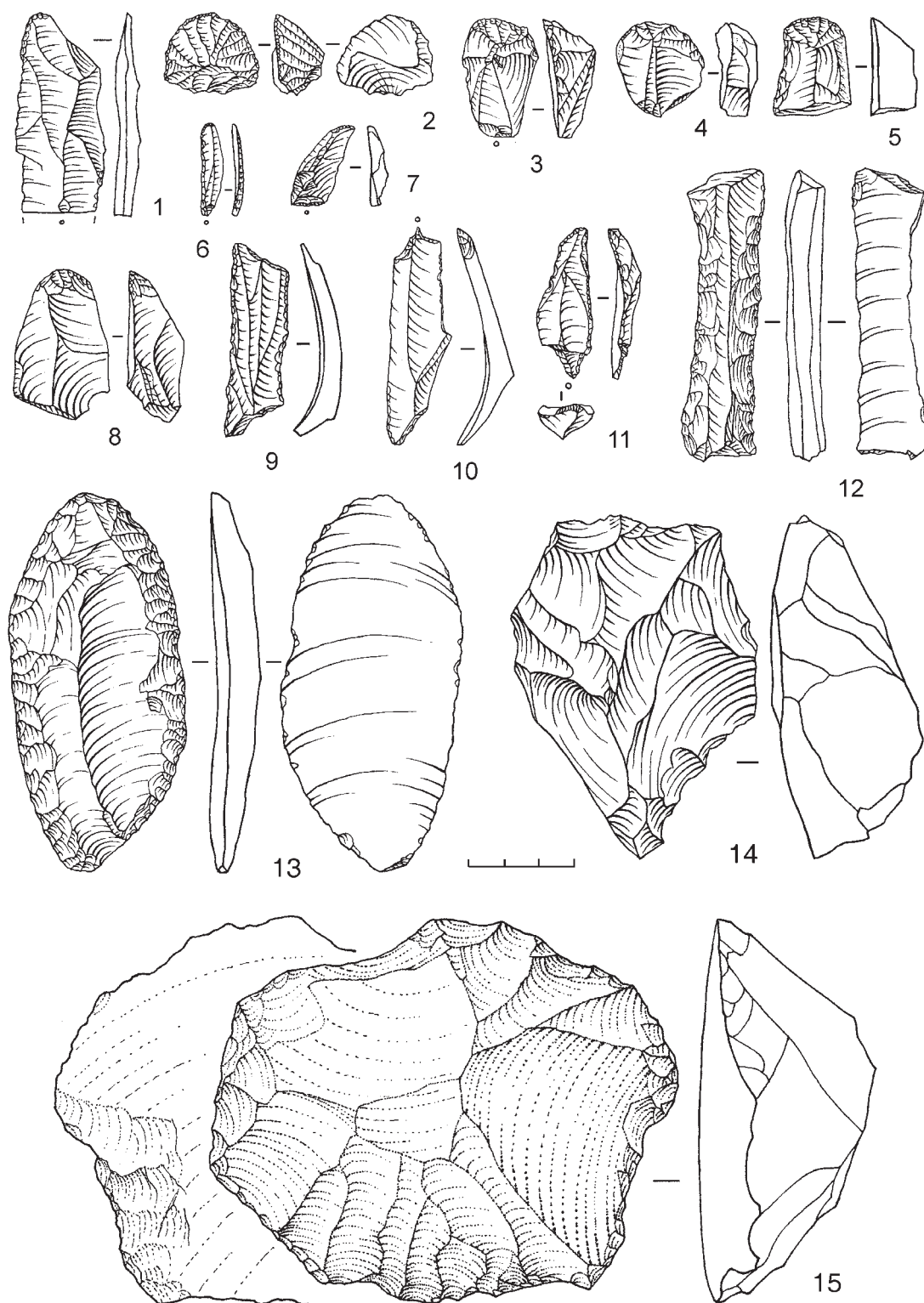

Рис. 10. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1–5 — долотовидные орудия, 6–20 — резцы

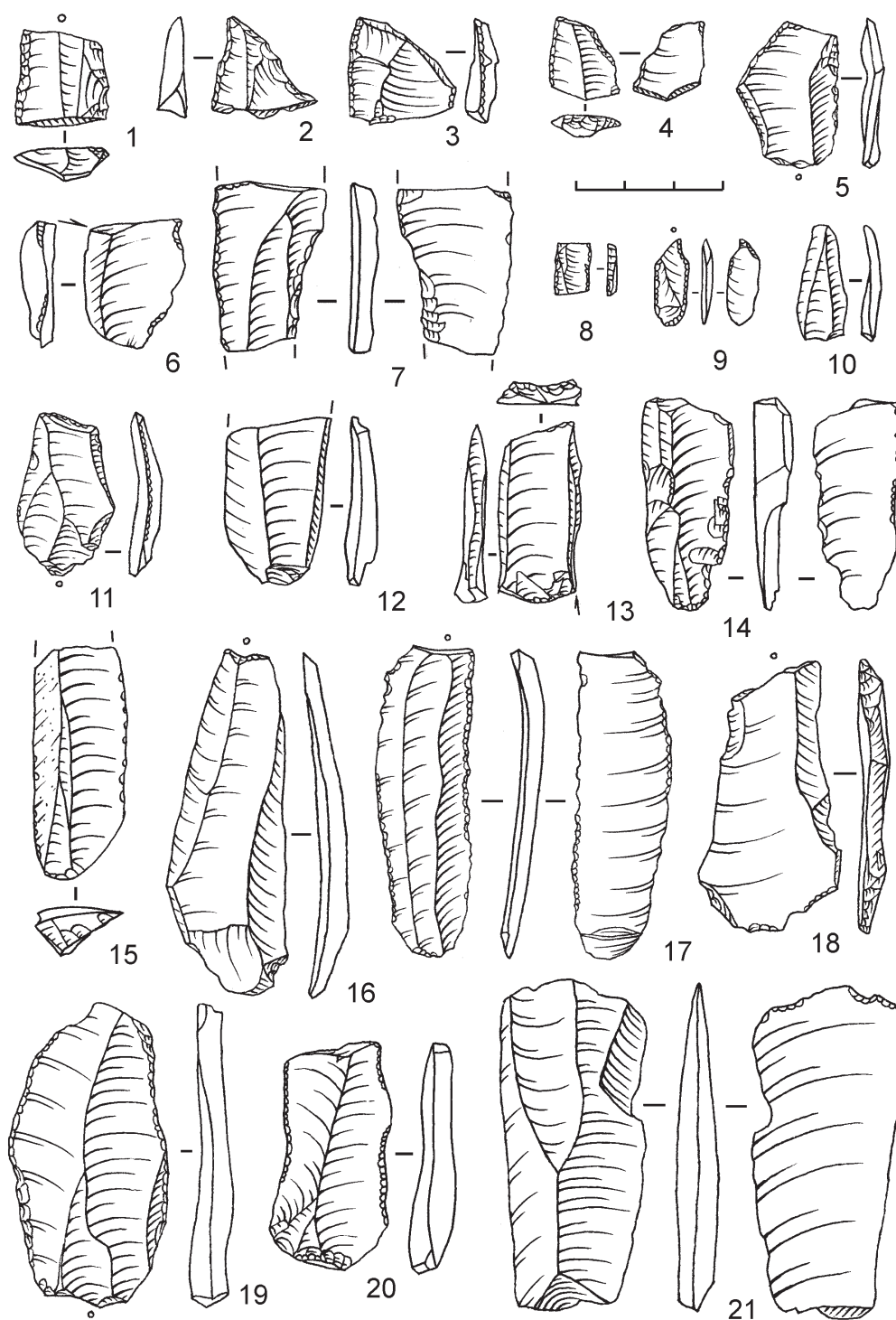

Рис. 11. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1 — сегмент пластины с притупленной спинкой, 2–5 — геометрические вкладыши, 6 — орудие с шипом, 7, 14 — ретушированная пластина с частично двусторонней обработкой вогнутого края, 8 — пластинка с притупленной спинкой, 9 — проколка, 10 — пластина, 11, 17, 19–21 — пластины с ретушью, 12 — фрагмент пластины, 13 — пластина с ретушированной ударной площадкой, 15, 16, 18 — усеченные ретушью пластины

Лабазы 1 и 2 в Оренбургской области (датировки 40310 ± 3830 (ИГАН-3442) и 36820 ± 3830 (ИГАН-3442) и 36820 ± 2100 (ИГАН-3458) (Богданов, Ко-

тов, 2008, с. 30, 36). Поэтому вопрос о возникновении памятников типа стоянки Талицкого остается в настоящее время открытым.

ВЫВОДЫ

Поскольку памятники раннего, среднего и позднего этапов верхнего палеолита Уральского региона обнаруживают близкое сходство, мы должны исходить из представлений о единой *культурной традиции*, существовавшей на протяжении более чем 20 тыс. л.н. Поэтому относить памятники, имеющие сходные технико-типологические характеристики к единой «уральской археологической культуре» нет никаких оснований. Соответственно, можно предполагать постепенное, эволюционное изменение материальной составляющей культурной традиции, что позволяет предполагать стабильность и устойчивость к внешним воздействиям культурных характеристик уральского населения в эпоху верхнего палеолита в промежутке от 30 до 9 тыс. л.н. Это не исключает внешние импульсы, в частности проникновения на Урал групп костенковско-стрелецкой культуры (Павлов, 2008, с. 36)

и западно-европейского населения — носителей традиции декорирования пещерных святилищ (Шульган-Таш (Каповая), Игнatieвская и др.) (Григорьев, 2001, с. 138–139). Именно для сибирского верхнего палеолита, как считал Г.П. Григорьев, характерно отсутствие пространственного рассредоточения и типологическая однородность памятников, а также их временная неделимость (Там же, с. 142–144). Это указывает на принадлежность части верхнепалеолитических памятников Уральского региона к *сибирскому* верхнему палеолиту. Они образуют своеобразную контактную зону на западе сибирского культурного мира (Там же, с. 145–146). Необходимо отметить, что эта тенденция культурной преемственности сохранялась в каменном веке Урало-Поволжского региона и в эпоху голоцена (Крижевская, 1968, с. 113; Матюшин, 1976, с. 287; Мосин, 2005, с. 48).

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Смеловская II — палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // Палеолит и неолит СССР. М., 1971. Т. 6. С. 200–208. (МИА. № 137).

Богданов С.В., Котов В.Г. Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская область) // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 27–38.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999.

Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 136–155.

Котов В.Г. Исследования А.П. Шокуровым палеолитических памятников на Южном Урале // Сб. статей «Наследие веков». Вып. 2: Мат-лы Регионал. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. Уфа, 2011. С. 3–41.

Котов В.Г., Румянцев М.М. К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал-Алтай: через века в будущее: Мат-лы V Всерос. тюрколог. конф., посвящ. 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа. 2012. С. 180–182.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968.

Кузьмина С.А. Позднепалеолитическая стоянка Смеловская 2 на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы Междунар. конф. Уфа, 1997. С. 136–137.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Широфаново II — новый памятник позднего палеолита в бассейне верхней Камы // Каменный век Европейского Севера: Сб. статей. Сыктывкар, 2007. С. 7–21.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

Мосин В.С. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 2005.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока европейской части СССР: Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.

Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева, П.Ю. Павлов, К.С. Королев, А.М. Мурыгин. М., 1997.

Павлов П.Ю. Заселение человеком Северо-Востока Европы в эпоху палеолита // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 55–56.

Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33).

Павлов П.Ю. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 6–23.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск. 1992.

Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Тез. докл.

Междунар. науч. конф. «Пещерный палеолит Урала». Уфа, 1997. С. 97–99.

Серигов Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые вопросы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2009.

Синицин А.А. Раскрашенные плитки стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 86–87.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.

Широков В.Н., Волков Р.Б. Нестерова Г.М. Палеолит и мезолит Урала: Учеб. пос. Екатеринбург, 2005.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986а.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986б.

Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнцова на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 156–169.

*Е. В. Акимова*¹

ПЛАСТИНЫ С РЕТУШЬЮ В ПАМЯТНИКАХ «МЕЛКИХ ПЛАСТИНЧАТЫХ ИНДУСТРИЙ» СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Akimova E.V. Retouched blades from sites of “small blade industries” of the Middle Enisey

One of the main features for the Late Palaeolithic sites of the Middle Yenisei, concerned to so-called industry of the “small blades” is presence of the blades of small sizes with retouch in different combinations. The analysis of their metric characteristics, forms, variants of the dislocation and retouch’s character allows to divide two local variants of the development inside uncertainly outlined and degraded community (archaeological culture). The dates from 22000 to 10 000 yrs for the sites, contained these specific forms of the tools, confirm existence both variants of this community at all Sartarian time.

Одним из наиболее ярких диагностических признаков для памятников т.н. «мелких пластинчатых индустрий» Приенисейской Сибири являются пластины с ретушью, нанесенной в разных комбинациях по обоим краям и фасам заготовки. В свое время на это обратила внимание З.А. Абрамова, выделив «микропластины неправильных очертаний с ретушью по одному краю, краю и концу, с выемкой» на Тарачихе и Афанасьевой горе (Абрамова, 1972; 1983). Подобная ситуация была отмечена и на Ачинской стоянке («большой процент пластин длиной 3–4 см, обработанных ретушью, по продольному, иногда и поперечному краям, имеются пластины с выемками, обработанные тонкой ретушью») (Абрамова, 1972). Позже для тех же памятников, а также Шленки, Приморской, Новоселово XIII, «пластинки с притупленной спинкой и концом» наряду с просто ретуширован-

ными пластинками отмечал Н.Ф. Лисицын (Лисицын, 2000).

Прямые аналогии между енисейскими стоянками и Мальтой-Буретью были установлены еще в начале 1960-х годов (Абрамова, 1966). На Мальте «основой для орудий служила преимущественно пластина средних размеров призматической формы. Часто очертания таких пластинок неправильные и грани неровные. Они обработаны ретушью на концах и по краям и представляют, таким образом, многочисленные острия, проколки, резчики с прямым или асимметрично расположенным жалом» (Абрамова, 1966). М.М. Герасимов отмечал, что пластинки «многочисленны и сильно варьируют как по форме, так и по функциональному назначению», в том числе он выделял «скребки с прямым рабочим краем» или «пластинки с прямым рабочим лезвием» (Герасимов, 1935, с. 104). Представительная серия ретушированных пластин была получена позже при анализе «невыставочных» коллекций М.М. Герасимова и новых исследова-

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Красноярск, Россия.

дованиях Мальты 1990-х годов (Медведев и др., 2001). Сходство в характере, способе нанесения и дислокации ретуши сочетается с многообразием форм и сравнительно крупными размерами заготовок на Мальте².

На сегодняшний день пластинки средних и мелких размеров (1–5 см) с ретушью обнаружены на 16 памятниках Восточного Саяна и Северо-Минусинской котловины: Лиственка (19 к.с.) (окрестности г. Дивногорска), Конжул (к.с. и экспонированный к.с.), Ближний лог (к.с.), Малтат (к.с.) (Дербинский археологический район), Волчиха I, II и Камжа (подъемные сборы) (правый берег Красноярского водохранилища), Шленка (к.с.), Приморская, пункт 2 (подъемные сборы), Малый Ижуль III (э.к.с.), Усть-Ижуль II (э.к.с.), Трифоновка (подъемные сборы), Тарачиха (н.к.с.), Новоселово XIII (3, 2 к.с.), Афанасьева гора (к.с.), Каштанка 1 (1 к.г.), Саженцы (к.г.) (левый берег Красноярского водохранилища).

Традиционно для памятников мелкопластинчатых индустрий Енисея приняты хронологические рамки в пределах 22–16 (15,5) т.л.н. (Лисицын, 2000). Последние работы в Дербинском заливе позволили отодвинуть верхнюю границу практически до конца сартанского времени: для к.с. Конжула получены достоверные даты 11980 ± 155 , 12160 ± 175 (СОАН-4953, 4954). К поздней группе относятся и другие памятники Дербинского залива: Конжул (э.к.с.) и Ближний лог — около 12–11,5 т.л.н., Малтат (около 14 т.л.н.) (Акимова и др., 2002; 2003; 2004; Мотузко и др., 2003). Возраст 16–17 т.л.н. определен для 19 к.с. Лиственки (Акимова, 1998). В диапазоне 24–18 т.л.н. располагаются Новоселово XII (3 к.с.), Тарачиха и Шленка (Лисицын, 2000), Саженцы и Каштанка I (Акимова, Стасюк и др., 2009; Хроностратиграфия, 1990). Для двух к.с. Новоселово XIII получены даты в пределах 15–13,5 т.л.н. (Лисицын, 2000). Афанасьева гора датирована геологически по аналогии с Тарачихой. Неясным остается возраст Приморска, Волчихи, Трифоновки, Камжи, Усть-Ижуля II и Малого Ижуля III.

В настоящее время актуальной является проблема археологических критериев хронологической и территориальной дифференциации археологических комплексов «мелкопластинчатых» индустрий Среднего Енисея. Пластинки с ретушью представляются нам наиболее удобным объектом на начальной стадии разработки данной темы, благодаря разнообразию форм и относительной количественной представительности.

Нами использованы коллекции материалов из фондов КГПУ (Лиственка, Конжул, Ближний лог, Малтат, Волчиха, Усть-Ижуль II, Малый Ижуль III, Волчиха, Каштанка, Саженцы), ИИМК РАН (Тарачиха, Афанасьева гора, Приморская стоянка, Новоселово XIII, Шленка), археологического музея пос. Подгорный (Приморская стоянка), сборов М.Ю. Тихомирова (Волчиха). Пластинки с ретушью из пяти памятников (19 к.с. Лиственки, к.с. Малтата, э.к.с. Конжула, подъемные сборы Приморска и Волчихи) были проанализированы по 36 признакам в программах Microsoft Access и Microsoft Excel (размеры, характеристика заготовки, дислокация и характеристика ретуши по разным участкам, наличие выемок и усложняющих элементов).

Материалы указанных местонахождений неравноценны как количественно, так и качественно, что, несомненно, сказывается на объективности результатов. Так, на Волчихе (51 экз.) подъемные сборы производились на песчаном пляже, мелкие предметы терялись, что привело к увеличению средних размеров пластин по сравнению с другими памятниками, где коллекции получены в культурном слое (Лиственка, Малтат) или при сплошном поквадратном сборе экспонированного материала (Конжул). Кроме того, немногочисленные материалы двух пунктов Волчихи рассматривались совместно из-за полной их идентичности. Наиболее количественно показательный материал с Конжула (86 экз.) представляет собой смешение двух культурных слоев: более раннего, датированного 11,9–12,1 т.л.н. и частично размытого в тыловой части береговой отмели, и более позднего, полностью размытого водохранилищем. Коллекция пластин с ретушью «чистого» культурного слоя Конжула слишком малочисленна. Сборы с Приморска (67 экз.) производились в 1970-е годы,

² Впрочем, иркутские исследователи отмечают наличие микроформ — ретушированных пластинок длиной до 1,5 см (Медведев и др., 2001, с. 74).

и, вероятно, менее показательная часть коллекции была утеряна. Этим может объясняться такая «кучность» результатов для Приморска. Наиболее достоверные результаты, вероятно, должны быть для Малтата (65 экз.) и 19 к.с. Лиственки (57 экз.), раскопанных на площади до 40 кв.м с промывкой грунта.

В целом орудия на пластинах характеризуются разнообразием форм и способов оформления. Ретушь, как правило, чешуйчатая, крутая или отвесная, расположена в подавляющем большинстве случаев по дорсалу. В зависимости от толщины и степени коррекции обрабатываемого края выделяется мелкая однорядная ретушь и ступенчатая ретушь с овальными фасетками до 1,5–2 мм высотой. В ряде случаев по противоположному краю

прослеживается ретушь утилизации, не позволяющая с уверенностью считать «основной» ретушированный край рабочим. Вентральная ретушь встречается сравнительно редко и чаще как дополнительный элемент.

По характеру дислокации дорсальной ретуши можно выделить следующие варианты (рис. 1).

1. Ретушь располагается по одному краю пластины полностью или локализуясь на отдельных участках. Это самый распространенный вариант, встречающийся на всех памятниках. За счет обломков количество предметов в этой группе всегда завышено. Чаще других комбинируется с вентральной ретушью. Как правило, она располагается по одному или обоим краям, крайне редко — по поперечному и скошенному концу.

1		8	
2		9	
3		10	
4		11	
5		12	
6		13	
7	

Рис. 1. Схема дислокации дорсальной ретуши для пластин позднепалеолитических местонахождений Среднего Енисея

2. Ретушь по обоим краям. Эта группа более вариабельна, но количественно, как правило, уступает предыдущей.

3. Ретушь по краю и одному концу пластины. Угол между рабочими краями составляет как 90° , так и $100\text{--}160^\circ$, крайне редко — около 85° . Поперечный рабочий край формируется как на предварительно усеченном конце пластины, так и на конце, имеющем изначально соответствующую форму. В последнем случае рабочий край может располагаться на площадке пластины или прямом дистальном конце. Количественно это одна из наиболее представительных групп, в том числе и за счет обломков пластин четвертой группы (рис. 2, 4, 8, 14–17, 20–21; 3, 1, 4, 9, 11, 13, 14; 4, 2–4, 6, 7, 13, 15, 25, 29; 5, 12, 13, 16, 19, 21; 6, 1–7, 11–16). Подобные пластины не найдены только на ижувских памятниках и трех к.с. Новоселово XIII. За пределами Енисея пластины с ретушью по краю и поперечному концу известны на Мальте (Медведев, 2001) и Ачинской стоянке (Лисицын, 2000). Внутри данной группы выделяется серия орудий, характерная исключительно для Приморска и Шленки — «приморский тип» (см. ниже).

Ретушь по краю и обоим концам пластины (рис. 2, 6, 9, 10; 3, 3; 5, 18; 6, 9, 17). Как правило, оба угла составляют 90° , реже встречается комбинация 90 и 110° . Острые углы не выявлены. Концевые рабочие края оформлялись как на отсеченных участках, так и на прямых естественных концах заготовки. Наиболее представительная серия подобных орудий найдена на Афанасьевой горе, что позволило выделить «афанасьевский тип» пластин с ретушью (см. ниже).

4. Ретушь по прямому или наклонному, естественному или усеченному концу пластины. Группа весьма разнообразна по форме и размеру заготовок. Такие предметы найдены на Лиственке, Малтате, Конжуле, Волчихе, Трифоновке, Афанасьевой горе, Малом Ижуле III (рис. 2, 1–3, 18, 27, 34, 36, 38–41, 45–47, 50–52; 3, 2, 12, 20, 21, 29, 32, 33; 4, 9, 26; 5, 9–10, 22, 24, 28, 29; 6, 20–22). Отсутствуют, видимо, в Приморске и Шленке. За пределами Енисея известны на Ачинской стоянке и Мальте (Авраменко, 1963; Лисицын, 2000; Медведев, 2001).

5. Ретушь по обоим концам. Встречается крайне редко, в частности, единственный экземпляр найден на Волчихе (рис. 5, 36). Экземпляр с Трифоновки имеет ретушь по обоим концам, но по разным фасам (рис. 5, 11). Широко распространены на Мальте (Медведев, 2001).

6. Ретушь по поперечному краю и примыкающему участку продольного края, иногда с неглубоким «плечиком». В единичных экземплярах найдены на Конжуле, Ближнем Логу, Малтате и Лиственке (рис. 3, 10; 4, 22, 32, 34; 5, 1, 5).

7. Орудие треугольной формы с ретушью по катетам. Подобная форма образовывалась как за счет диагонального рассечения заготовки, так и, вероятно, подбиралась среди случайных асимметричных сколов. Встречена, в частности, на Афанасьевой горе (Лисицын, 2000) и Приморске (рис. 6, 18).

8. Пластины-острия. Ретушь располагается по одному (Лиственка, Афанасьева гора, Конжул) (рис. 2, 22, 23; 4, 16) или по обоим конвергентным краям, что в последнем случае образует острие (Лиственка, Афанасьева гора) (рис. 2, 26).

9. Ретушированы оба края (один не полностью) и поперечный, как правило, наклонный, конец пластины (рис. 6, 8, 10)³. Единственная небольшая серия выделена в Приморске и может быть расценена как разновидность того же «приморского типа». В ряде случаев ретушь по острому концу сливается с мелкой ретушью утилизации по кромке. Единичные менее выразительные экземпляры найдены на дербинских стоянках и Волчихе (рис. 4, 1).

10. Ретушь формирует глубокую выемку (две смежные) по одному краю пластины (рис. 2, 42, 44; 3, 5, 15, 27; 4, 28; 5, 26, 31, 33, 35; 6, 19), которая в ряде случаев комбинируется с ретушью по прямому краю или поперечному концу⁴.

³ Теоретически возможный вариант «ретушь по периметру заготовки» на практике не встречается.

⁴ Собственно говоря, небольшие пологие выемки как результат утилизации орудия можно увидеть и во всех описанных выше вариантах. Эту группу мы выделили из-за явной преднамеренности формирования выемки, учитывая, впрочем, что такое понимание может быть субъективным.

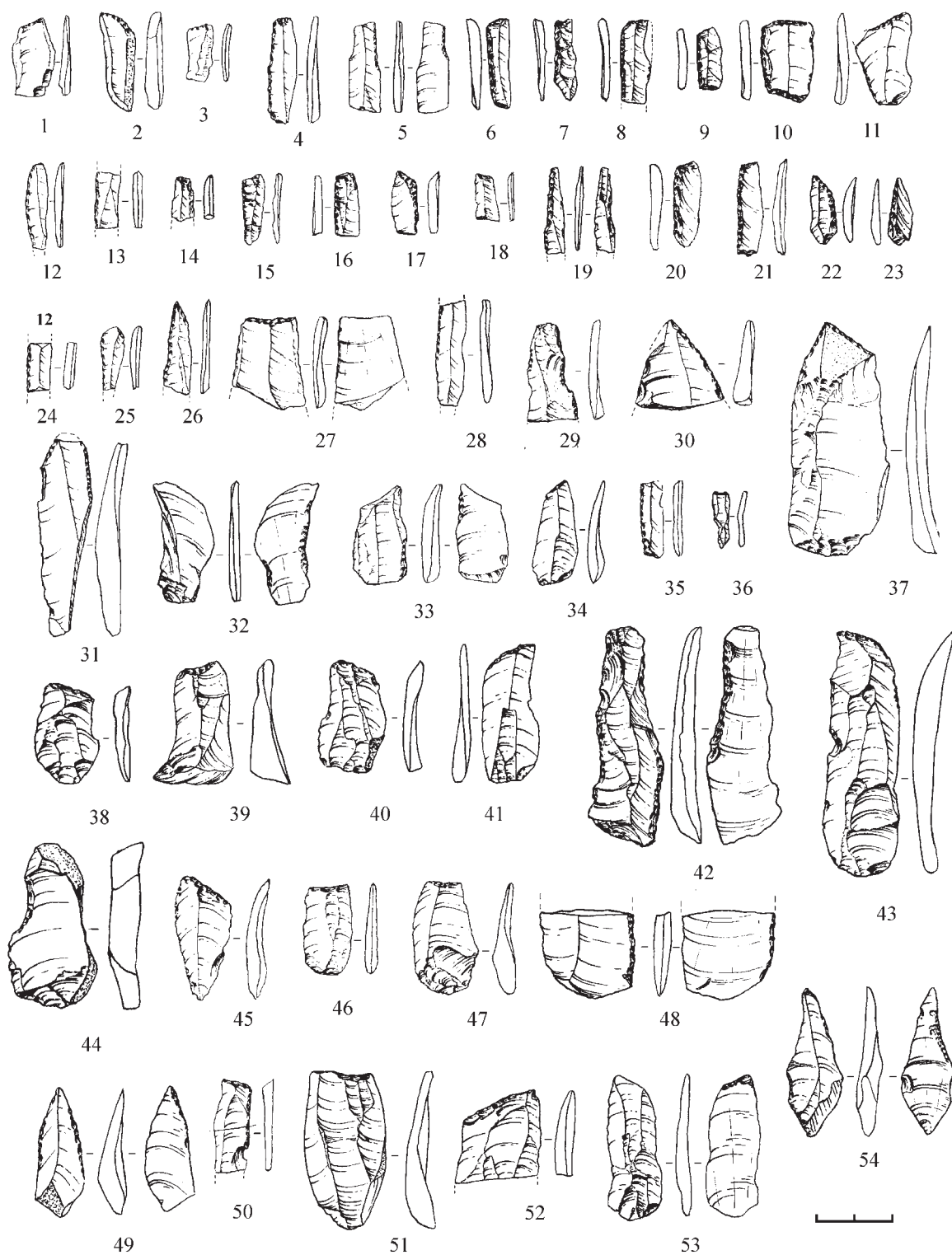

Рис. 2 Стоянка Лиственка (19 культурный слой)

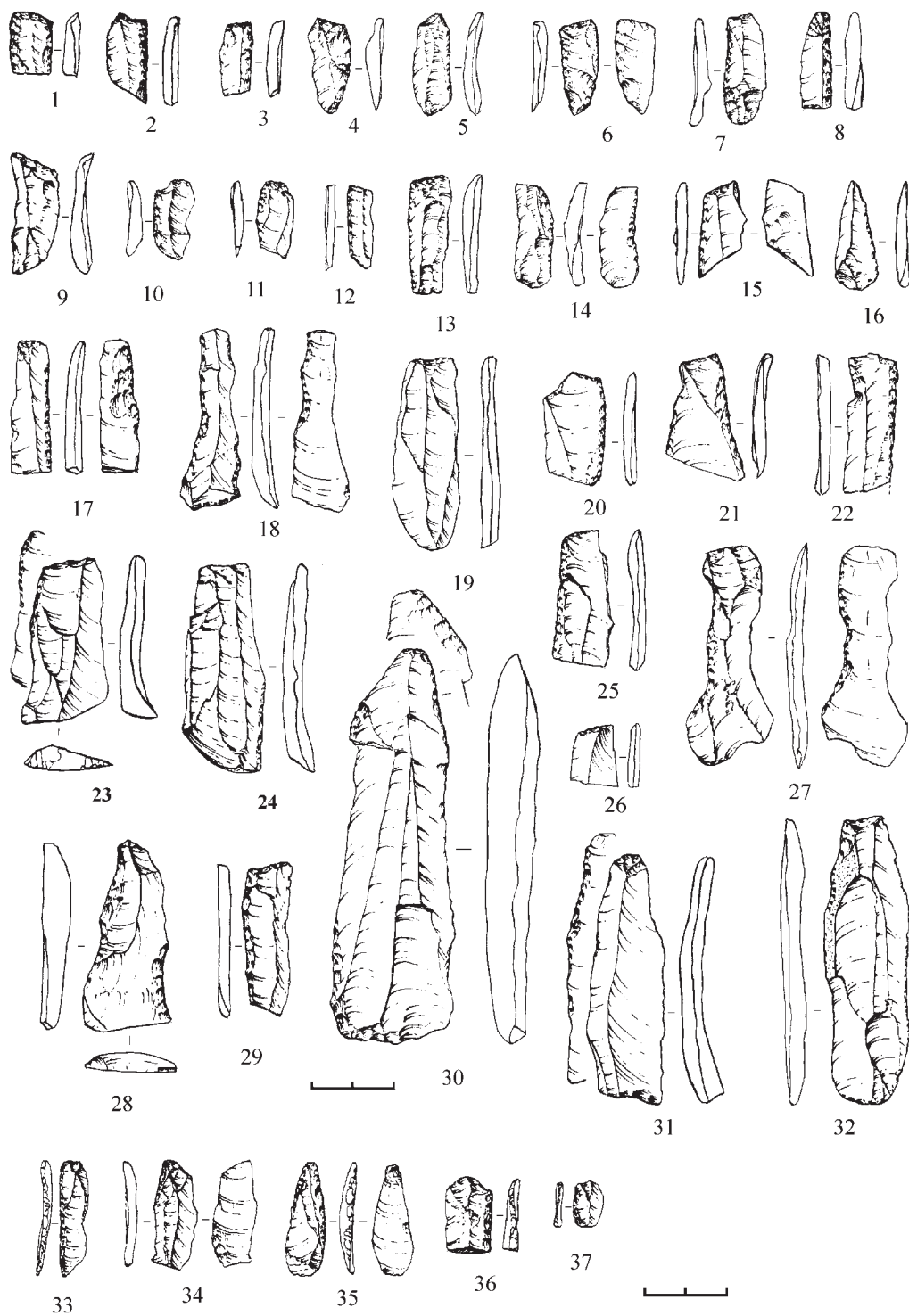

Рис. 3. Местонахождение Конжул (1–32 — экспонированный культурный слой, 33–37 — культурный слой)

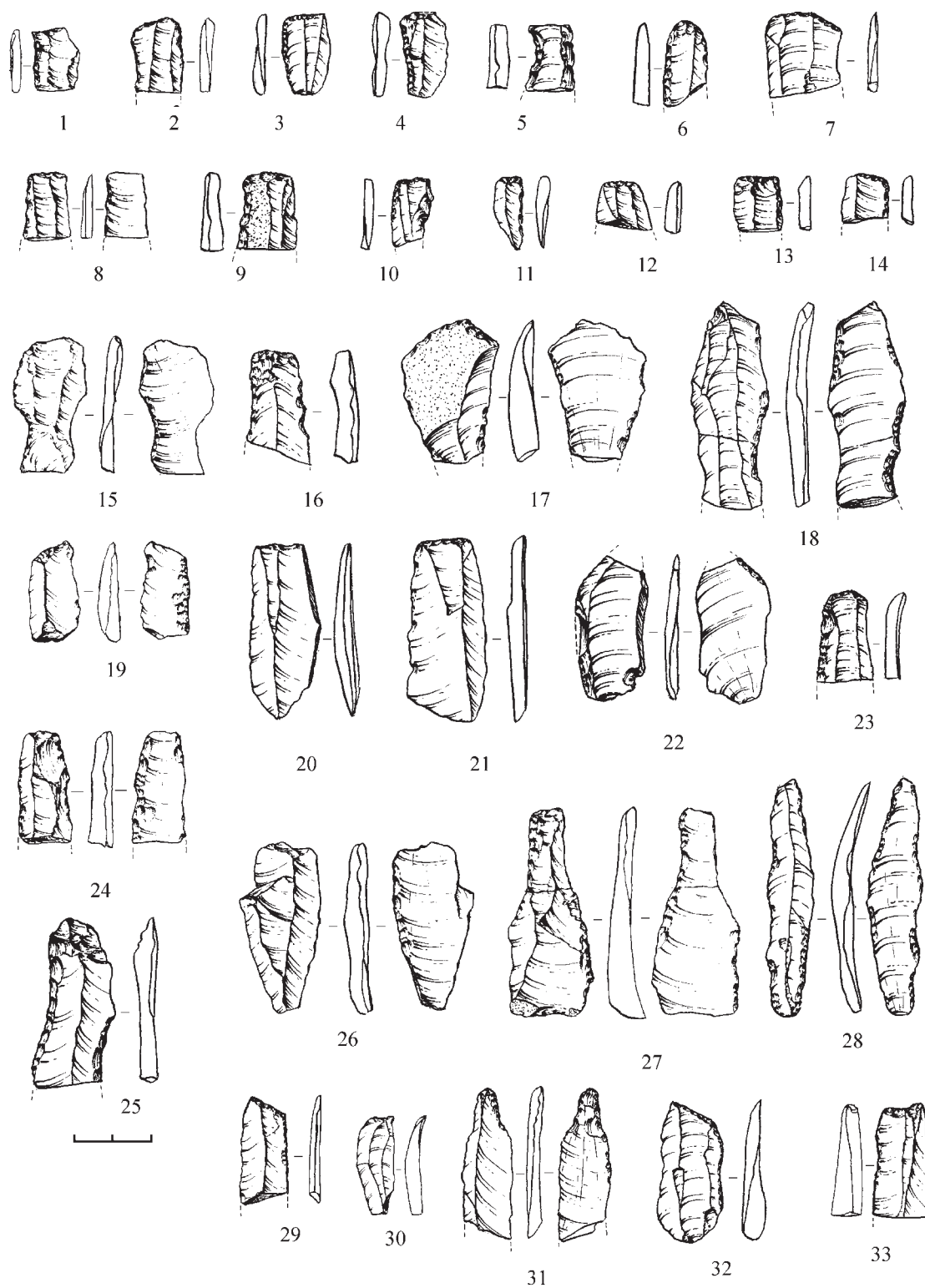

Рис. 4. Стоянка Малтат (культурный слой)

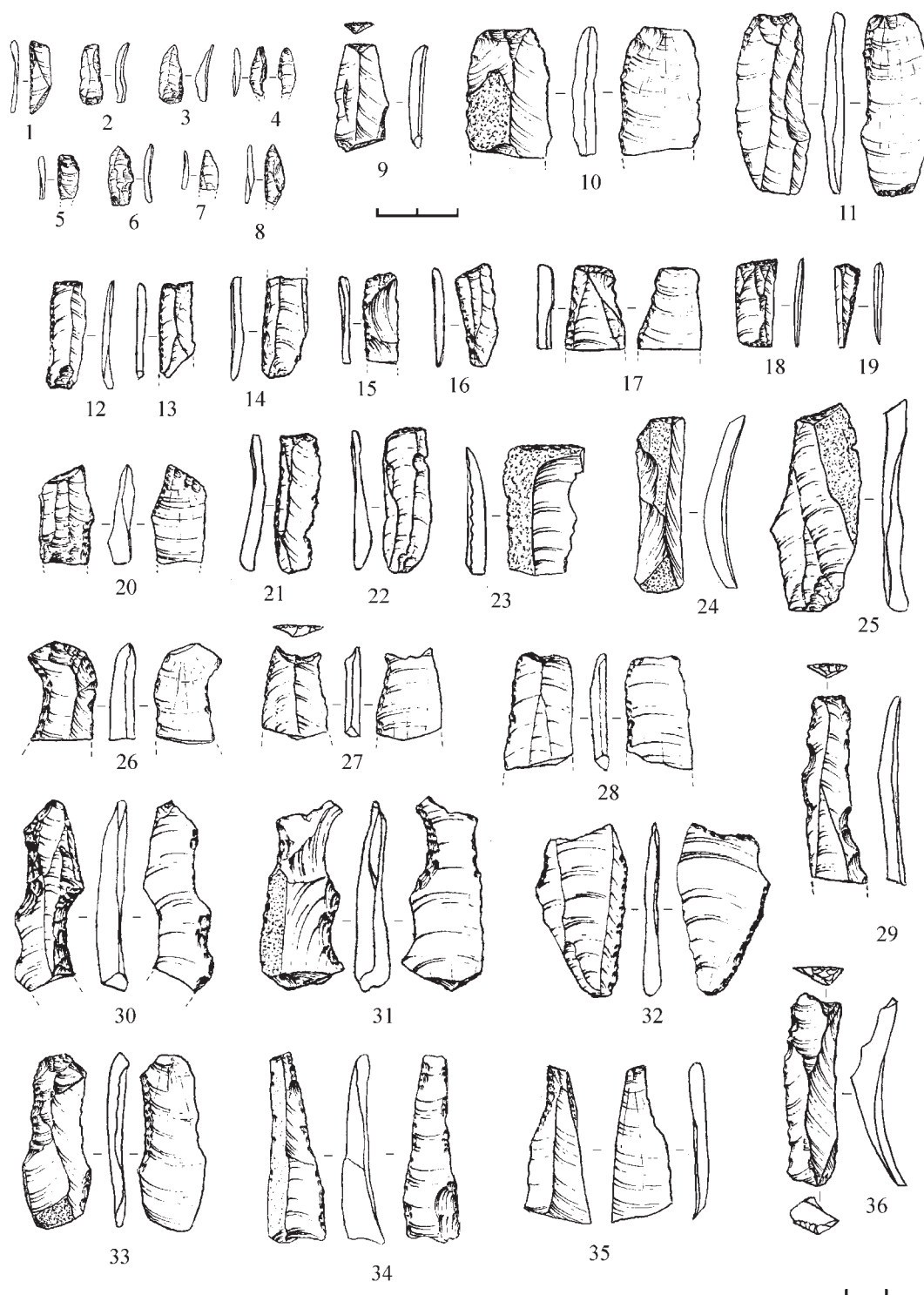

Рис. 5. Стоянка Ближний Лог (1–8 — культурный слой), стоянка Трифоновка (9–11 — подъемные сборы), местонахождение Волчиха II (12–25 — подъемные сборы), Волчиха I (26–36 — подъемные сборы)

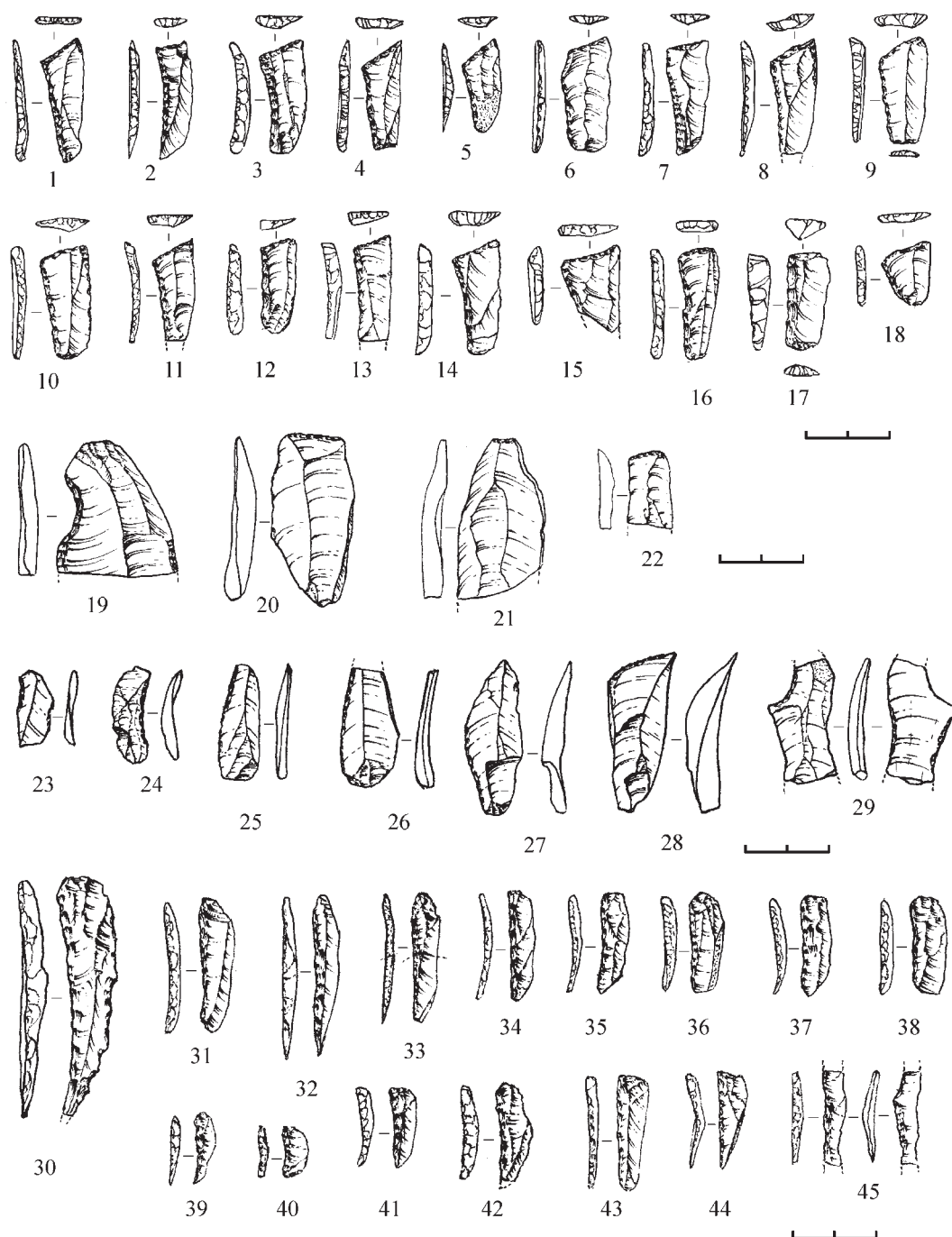

Рис. 6. Местонахождение Приморск (1–18 — подъемные сборы), местонахождение Малый Ижуй III (19–22 — экспонированный культурный слой), местонахождение Усть-Ижуй II (23–29 — экспонированный культурный слой), стоянка Сажень (30–45 — культурный слой)

11. Ретушь формирует две противоположащие выемки на обоих краях заготовки. Эта группа наиболее представительна в варианте комбинации дорсальной и вентральной ретуши, когда обе выемки ретушируются с разных фасов. Подобные орудия найдены на Афанасьевой горе, Волчихе, Малтате, Конжуле (рис. 3, 25, 27; 4, 18, 27; 5, 30, 31).

12. Ретушь по широкому овальному концу заготовки, что иногда позволяет сближать данные орудия с концевыми скребками. Найдены в одном-двух экземплярах только на Волчихе и Малтате (рис. 3, 7, 17; 5, 23).

Внутри каждой группы можно выделить от двух до шести вариантов дислокации дорсальной ретуши (форма краев, наклон, распространение ретуши и т.д.). При этом все они встречены не только в «чистом» виде, но и в комбинации с вентральной ретушью, расположенной по краям, концам, участкам краев и т.д., что создает разветвленную схему с многообразием *единичных* вариантов. Так, только вентральная ретушь отмечена в 1-й группе на Малтате и Волчихе, в 1-й и 3-й — на Приморске, 1-й, 2-й и 5-й — на Конжуле и Лиственке. Комбинация дорсально-вентральной ретуши повсеместно прослеживается в 1-й, 2-й и 12-й группах. Кроме того, единичные случаи пластинок с разными вариантами дорсально-вентральной ретуши, относящиеся к 5-й, 7-й, 11-й и 12-й группам, отмечены на Малтате, 3-й, 7-й, 11-й — на Волчихе, 3-й, 4-й — Приморске, 3-й, 5-й — Конжуле, 9-й — Лиственке⁵.

На всех перечисленных местонахождениях Красноярского водохранилища найдены пластинки с ретушью по одному или обоим краям (группы 1, 2). Этот вариант дислокации ретуши является универсальным практически для всех периодов и территорий. В нашей выборке из пяти памятников наиболее представительные серии пластин с ретушью 1-й и 2-й групп в различных комбинациях прослеживаются на Волчихе и дербинских памятниках: Малтате и Конжуле. Однако на всех памятниках данные орудия оформлены, как правило,

мелкой пологой ретушью. Фрагменты, оформленные крутой чешуйчатой ретушью, в большинстве случаев представляют собой обломки орудий других групп. Единственным исключением являются Саженцы, где абсолютно преобладают пластинки «с притупленной спинкой» без каких-либо усложняющих элементов (рис. 6).

Наибольшую информацию предоставляют более сложные варианты (группы 3–5 по нашей схеме), позволяющие выделить три наиболее характерных типа орудий на ретушированных пластинах.

Афанасьевский тип. Специфику пластин с ретушью на Афанасьевой горе отметили еще ее первые исследователи — З.А. Абрамова и Н.Ф. Лисицын. «К мелким ретушированным пластинкам относятся предметы длиной 3–5 см при ширине 0,6–1,0 см. Четырехугольная в плане геометрическая форма пластинки создавалась в процессе нанесения крутой или полукрутой ретуши на ее край и один из концов. Другой конец также ретушировался или отсекался» (Лисицын, 2000, с. 32). Н.Ф. Лисицын также выделял подгруппы «с двумя обработанными концами и краем, с одним ретушированным концом, с двумя усеченными концами». Именно на Афанасьевой горе найдена наиболее выразительная серия орудий на пластинках, ретушированных по одному краю и обоим концам, в виде удлиненного прямоугольника с пропорцией длины к ширине, как правило, 3:1. Для них характерны размеры 3–3,5 × 1 см. Предметы меньшей длины единичны. Особенностью афанасьевских пластин является ретуширование левого края пластины (при стандартном расположении предмета проксимальным концом вверх). Ретушь по продольному краю и концам всегда крутая до отвесной, мелкая, чешуйчатая, в ряде случаев по противоположному краю располагается мелкая рабочая (?) ретушь.

Сам афанасьевский принцип оформления орудий (край и оба поперечных конца) в пределах одного-трех предметов отмечен практически везде (на Малтате, Конжуле, Волчихе, Приморске) (рис. 3, 3; 5, 18; 6, 9, 17), но наиболее представлен только на стоянке Лиственка (11 %) (рис. 2, 6, 9, 10). Однако как по количественным, так и по

⁵ Достоверный количественный анализ здесь затруднен как обилием обломков, так и разномасштабностью самих коллекций.

метрическим показателям орудия Лиственки не соизмеримы с Афанасьевой горой. По параметрам они представлены двумя вариантами: микропластины ($2-2,5 \times 0,6-0,8$ см) и сегменты пластин ($2-2,5 \times 1,5$ см).

Приморский тип. На Приморской стоянке (пункт 2, сборы Е.С. Анненского⁶) абсолютное большинство составляют орудия другого типа, который можно назвать приморским (рис. 6, 1–15). Длина изделия составляет 2,5–3 см, максимальная ширина — 1 см. Пластина рассекалась диагонально под углом $110-160^\circ$. Мелкой, как правило, крутой, чешуйчатой или узкофасеточной ретушью оформлялись короткий край пластины и примыкающий к нему усеченный конец. В зависимости от противоположного конца заготовки орудие приобретало асимметричную треугольную или трапециевидную форму. В ряде случаев острый угол, образовавшийся на пересечении длинного края и линии рассечения, ретушировался в виде острия. Подобные орудия присутствуют и на стоянке Шленка (Лисицын, 2000, с. 35–37). Одиночные экземпляры на стоянках Волчиха II и Конжул (Акимова и др., 1997, с. 17; Акимова и др., 2002, с. 12) могут быть скорее интерпретированы как случайное отклонение от стандартного прямого угла. Заострение конца орудия на других стоянках, за пределами Приморска и Шленки, не встречается.

Промежуточное положение между приморским и афанасьевским типами занимают пластины с ретушью по краю и одному концу с углом около $90-100^\circ$ (рис. 2, 4, 6, 8, 14–17, 20–21; 3, 1, 4, 9, 11, 13, 14; 4, 2–4, 6, 7, 13, 25, 29; 5, 12, 13, 19, 21; 6, 16). Орудие могло иметь как прямоугольные контуры, так и вытянуто-треугольные в том случае, если противоположный конец (как правило, дистальный) имел естественно обуженную форму. Показателен факт, что эти орудия встречаются как одновременно с предметами афанасьевского и приморского типов (Шленка, Лиственка, Конжул э.к.с.), воспринимаясь как случайные отклонения от одной модели, так и самостоятельно. Например, только

«прямоугольные» орудия найдены на Волчихе и Малтате, «треугольные» — на Афанасьевой горе, Тарчихе, Приморске.

На многих памятниках Красноярского водохранилища (Лиственка, Малтат, Конжул, Волчиха, Малый Ижуй III, Афанасьева гора, Трифоновка, Шленка) встречается тип пластин с ретушью по прямому проксимальному (реже дистальному) концу, в ряде случаев, отсеченному поперечно или с небольшим наклоном (группа 5).

Наиболее разнообразная коллекция подобных орудий найдена на Лиственке (рис. 2, 1–3, 18, 27, 34, 36, 38–41, 45–47, 50–52). Здесь дорсальной (вентральной — в единственном случае) ретушью обработан прямой конец или разлом заготовки, образующей прямой, выпуклый (всегда скошенный) или вогнутый рабочий край. В единичных случаях отмечается рабочая (?) вентральная ретушь по одному краю заготовки. На всех других памятниках подобные орудия единичны⁷ и картина более однообразна: преобладают средние по размеру пластины с ретушью по проксимальному (Малтат, Конжул) или дистальному (Конжул, Волчиха, Малый Ижуй III, Афанасьева гора)⁸ концу. Практически все немногочисленные образцы, имеющиеся на этих памятниках, находят аналогии на Лиственке. Данный тип орудий может быть назван лиственским, однако надо учитывать его богатую вариативность.

Таким образом, при анализе пластин с ретушью Малтата, Конжула, Волчихи, Лиственки и Приморска были сделаны следующие наблюдения.

Размеры орудий. В связи с большим количеством обломков такой показатель, как длина пластины, не дает объективной информации. Большинство целых орудий на Малтате, Конжуле и Волчихе имеют длину либо около 30, либо около 50 мм. На Лиственке большинство целых пластин имеют длину 30 мм. Наиболее часто встречаемая

⁶ Материалы Е.С. Анненского хранятся сейчас в музее пос. Подгорный Красноярского края (Акимова, Анненский, 2005).

⁷ Так, если на Малтате и Конжуле (э.с.) подобные орудия составляют соответственно 9 и 8 % относительно общего количества пластин с ретушью, то на Лиственке — 19 %, на Волчихе — 15,6 %.

⁸ Единственный подобный экземпляр из коллекции Шленки не имеет по рисунку указаний на сегмент.

ширина орудий на всех памятниках варьирует от 6 до 20 мм, причем самые узкие пластинки (менее 10 мм) встречены на Конжуле, самые широкие (до 15 мм) — на Волчихе и Малтате. На Лиственке встречаются оба эти варианта. Данные Приморска учитывать бессмысленно из-за однородности выборки: все имеющиеся экземпляры имеют длину 30 мм и ширину 10 мм. Самые тонкие (в районе проксимального сегмента) пластины преобладают на Лиственке (от 2 до 3 мм), для Волчихи, Приморска и Конжула наиболее характерны пластины толщиной от 3 до 4 мм, для Малтата — от 5 до 6 мм. Но в любом случае на Малтате, Конжуле, Волчихе и Лиственке пластинки толщиной от 2 до 5 мм составляют около 75–80 % всей выборки. Однако минимальные размеры пластин отмечены на Ближнем Логге. Здесь средняя длина, ширина и толщина составляют соответственно 10, 3, 1 мм.

По характеру огранки заготовок для всех местонахождений прослеживается общая закономерность: абсолютное преобладание двух- и трехгранных пластин. При этом если для Малтата и Конжула преобладание двухгранных, а для Волчихи и Приморска — трехгранных пластин может быть связано только со статистической погрешностью для небольших чисел, то для Лиственки преобладание двухгранных пластин (65 %) над трехгранными (26 %) более показательно. Первичных пластин на данных местонахождениях практически нет: единичные экземпляры относятся исключительно к 1-й или, реже, ко 2-й группам. Участок галечной корки на дистальном конце или по одной грани пластины встречается соответственно максимум в 8 % и 11 % случаев. Минимальное количество пластин с бессистемной огранкой, как и с галечной коркой или ее фрагментами, по нашему мнению, свидетельствует о средней степени сработанности нуклеусов, когда не использовались, как правило, первичные пластины, а снятия с уже уплощенных фронтов практически не производились.

В оформлении орудий абсолютно преобладает дорсальная ретушь: ее доля достигает 91 % на Приморске и 70–75 % на остальных местонахождениях. Вентральная ретушь составляет от 1,5 % на Приморске до 14 % на Лиственке, в то время как на Конжуле, Волчихе и Малтате этот показатель

варьирует в пределах 5,8–7,7 %. Комбинация дорсальной и вентральной ретуши минимальна на Приморске и Лиственке (7,5–10,5 %), но достигает 20–25 % на Малтате, Конжуле и Волчихе.

Ретушированный конец пластины для всех групп (3–7, 10) мог располагаться под углом около 90° и более 100° относительно оси заготовки. В этом случае соотношение поперечных и диагональных концов на Конжуле, Малтате и Волчихе практически одинаково: в пределах 58–62 % против 42–38 % с преобладанием поперечных, на Лиственке же ситуация противоположная: 58 % против 42 % с некоторым преобладанием диагональных концов. На Приморске диагональные концы составляют более 70 % выборки.

При учете всех орудий, имеющих поперечный или диагональный рабочий (ретушированный) край, установлено, что его оформление производилось в четырех вариантах: по усеченным дистальному или проксимальному концам, по площадке и широкому дистальному концу. В целом усеченные заготовки абсолютно преобладают только на Приморске (около 80 %), в остальных случаях чаще использовались целые пластины (от 68 до 90 %). При учете же расположения рабочего края на дистальном или проксимальном сегментах наблюдается другая комбинация. Так, на Конжуле, Малтате, Лиственке и Приморске отмечено преобладающее расположение рабочего края на проксимальном сегменте пластины, но если на Конжуле соотношение проксимальной ориентации рабочего края к дистальной составляет 84 % против 16 %, то на других памятниках разница сокращается: Малтат — 66 % против 34 %, Лиственка — 62 % против 38 %, Приморск — 55 % против 45 %. Иная ситуация на Волчихе: здесь в 70 % случаев преобладала дистальная ориентация рабочего края.

На Малтате, Конжуле, Волчихе и Лиственке количество пластинок с выемками составляет от 15,8 до 24 %⁹. Наименьшее количество выемчатых форм прослеживается на Лиственке и Волчихе, при

⁹ В коллекции Приморска собственно выемчатых форм нет, а грань между вогнутым сработанным краем и преднамеренно сделанной выемкой слишком субъективна.

этом на Малтате и Лиственке наиболее распространен вариант одной краевой выемки, две противоположащие встречаются соответственно в 2,5 и 8 раз реже. Все остальные варианты единичны. Наибольший выбор вариантов (6) отмечен на Конжуле (для сравнения: на Малтате и Волчихе — 3, на Лиственке — 2 варианта).

Наиболее выразительными представляются нам орудия 3-й, 4-й, 5-й, 7-й и 10-й групп. В связи со сравнительно небольшим количеством предметов (Волчиха — 18, Конжул — 24, Малтат — 25, Лиственка — 32, Приморск — 61 экз.) процентные показатели малоинформативны. Можно отметить абсолютное преобладание пластин 3-й гр. на Приморске. На Малтате и Конжуле относительное большинство также за пластинами 3-й гр., на втором месте — пластины 5-й гр. На Волчихе соотношение противоположное: около половины пластин относятся к 5-й гр., около четверти — к 3-й гр. На Лиственке обе эти группы представлены одинаково и вместе составляют абсолютное большинство. Все остальные варианты проявляются только в единичных предметах. Так, на Конжуле отмечены пластины 7-й гр., на Лиственке — 4-й, на Приморске и Волчихе — 10-й. Вместе с тем на Конжуле, Малтате и Лиственке полностью отсутствуют орудия 4-й, 8-й и 10-й гр., на Волчихе и Приморске — 7-й, только на Приморске — 5-й. В данном случае важен последний факт: отсутствие пластин с ретушью по концу достоверно фиксируется как по материалам Н.Ф. Лисицына, так и по материалам Е.С. Анненского. Учитывая данные по поперечным и диагональным ретушированным концам, можно отметить, что сходство Приморска и остальных четырех стоянок, проявляющееся в многочисленности пластин 3-й группы, практически сходит на нет: «приморский тип» пластин с ретушью характерен исключительно для Приморска, во всех остальных случаях угол между ретушированным концом и краем не превышает 100–110°.

В целом создается крайне мозаичная картина пересечения и противопоставления разных признаков. Однако анализ всех в разной степени доступных и в разной степени представительных коллекций пластин с ретушью все же позволяет

сделать вывод, что все указанные местонахождения относятся к одной археологической культуре. Это единство выражается, в частности, в размерах, основных технических приемах расщепления нуклеусов, изготовления орудий и разнообразных вариантах их оформления, часть из которых образуют устойчивые типы. Однако сочетание этих типов на разных памятниках дает основание выделять две группы: с одной стороны, это Лиственка, Волчиха, Конжул и Малтат, Афанасьева гора, два к.с. Новоселово XIII, а также, вероятно, Трифоновка и Тарчиха, с другой — Приморск и Шленка.

Большую объемность этой картине придает наложение на нее других артефактов. Для Афанасьевой горы, Лиственки, Малтата, Волчихи, Новоселово XIII характерны в первую очередь одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с плоским или выпуклым фронтом. На Конжуле, Приморске и Шленке вместе с простыми плоскостными монофронтами найдены сложные формы кубовидных двухплощадочных бифронт. Для Афанасьевой горы, Лиственки, Малтата, Волчихи и Конжула характерны резцы, практически отсутствующие на Приморске и Шленке. При этом резцы Лиственки отличаются сравнительно мелкими размерами и упрощенным оформлением. Скребки в достаточно большом количестве найдены везде кроме Лиственки. Долотовидные орудия найдены только на Малтате, Конжуле, Волчихе и Тарчихе. Их нет на Афанасьевой горе, Лиственке, Приморске, Шленке, как и на остальных известных местонахождениях (Новоселово XIII, ижульские памятники и т.д.). Только на Афанасьевой горе и Лиственке найдены микроострия, только на Лиственке и Усть-Ижуге II — проколки. Таким образом, и здесь складывается картина, лишенная всякой логики.

Лиственка. Культурный слой Лиственки представляет собой остатки жилища с достаточно определенной функциональной структурой (Акимова, 1998). Все четыре скребка были найдены на одном участке, практически свободном от отходов, где, вероятно, и происходила обработка шкур. Поэтому малое количество скребков должно считаться случайным и объясняться именно хозяйственной спецификой вскрытого участка памятника. В то же

время полное отсутствие долотовидных орудий в зоне, где шла интенсивная обработки кости, может свидетельствовать о том, что эти орудия на Лиственке вообще не использовались. Таким образом, Лиственка по всем параметрам укладывается в группу Афанасьевой горы — Волчихи — Малтата, для которой характерны одноплощадочные монофронтальные нуклеусы, упрощенные торцовые нуклеусы как перевод снятий на торец у сработанных плоскостных форм, резцы, скребки, пластины с ретушью по одному поперечному (горизонтальному или скошенному) концу (гр. 5), по концу и краю (гр. 3), по обоим концам и краю (гр. 4) с углами около 90–100° градусов. Отсутствие долотовидных орудий и наличие микроострий объединяет Лиственку с Афанасьевой горой и противопоставляет Волчихе и Малтату. Учитывая наши представления о возрасте стоянок, можно считать, что микроострия указывают на более ранний возраст, а долотовидные орудия, как уже отмечал Н.Ф. Лисицын — на поздний. Единственное принципиальное отличие: по мнению Н.Ф. Лисицына, поздний этап мелкопластинчатых индустрий датируется 16–15,5 т.л.н., в то время как по нашим данным — 15–11 т.л.н.

Конжул. Экспонированный слой Конжула представляет собой смешение двух культурных слоев и при этом только нижний к.с. на ограниченном участке был вскрыт *in situ*. Однако именно благодаря этому было установлено, что принципиальное различие между слоями заключается в используемом сырье. По данным 2002 г., в нижнем слое *in situ* из 546 каменных артефактов из кремня и халцедона выполнено 307 экз. (56 %), из эффузивов — 136 экз. (25 %), в подъемных сборах — 70% артефактов из эффузивов и только 2,9 % — из кремня и халцедона (Акимова и др., 2002; 2005). Так, все резцы и долотовидные орудия, собранные с поверхности пляжа, были изготовлены из кремня, халцедона и горного хрусталя, в то время как скребки — из разных пород. Ретушированные пластины в экспонированном слое выполнены на эффузивах и кремне, при этом пластины пятой группы распространены в меньшей степени, чем пластины третьей группы и изготовлены в отличие от последних именно из кремнистых пород. В нижнем

слое Конжула не найдено информативных нуклеусов, в то время как в подъемных сборах собрано около 40 экземпляров из эффузивов. Среди нуклеусов присутствуют мелкие сработанные одноплощадочные монофронты и двухплощадочные бифронты, как плоскостные, так и торцовые. Бесспорно, что разделение смешанного комплекса на два, основанное исключительно на характере сырья, безупречным быть не может, но тенденция прослеживается достаточно отчетливо: оба слоя Конжула различаются по набору и характеру каменного инвентаря. Нижний к.с. по категорийному набору артефактов ближе к группе, в которую входят Лиственка, Афанасьева гора, Волчиха и Малтат. Близость Малтата и н.к.с. Конжула подчеркивают находки каменных бусин на обоих памятниках. Недостатком данного заключения является отсутствие в нижнем к.с. Конжула нуклеусов. Верхний к.с., вероятно, не имеет «своих» резцов и долотовидных орудий, но располагает характерными формами нуклеусов, что позволяет сближать его с Приморском и Шленкой.

Пока не ясна ситуация с такими памятниками как Ближний Лог, Усть-Ижуй II, Малый Ижуй III и н.к.с. Новоселово XIII. Микропластинки с ретушью по краю, краю и концу, серией представленные на Ближнем Логу, аналогов в инвентаре других памятников не имеют. Среди же пластин с ижуйских памятников практически нет «классических» форм: здесь найдены пластинки с ретушью по краям (гр. 1, 2), с ретушью по широкому дистальному концу (гр. 13), пластины с выемками (гр. 11). К группе 5 можно отнести два орудия с Малого Ижуля III. В то же время двулезвийные скребки найдены только на Ближнем логу и Усть-Ижуле II. По характеру нуклеусов Малый Ижуй III тяготеет к Приморску-Шленке, хотя на нем найдены несколько весьма схематично оформленных пластин 5 группы. Усть-Ижуй II занимает свою нишу: специфика сырья (плитняки аргиллита) позволила более широко использовать торцовое расщепление. На Ближнем Логу нуклеусы не найдены. Нижний к.с. Новоселово XIII недиагностичен. Возможно, Н.Ф. Лисицын прав, относя его к группе мелкопластинчатых индустрий, ее самому раннему этапу, но серьезных аргументов у него не было.

Иная ситуация на стоянках Каштанка 1 (1 к.с.) и Саженцы с датами 24–22 т.л.н. Пластинки с ретушью миниатюрны и представляют собой овално-треугольные удлинённые изделия с крутой или отвесной чешуйчатой ретушью по одному краю (классические «пластинки с притупленной спинкой»), реже — изделия сегментовидной формы с ретушью по вогнутому участку. В единичных случаях ретушь наносилась по обоим краям и фасам микропластинки. Для всех орудий данной категории свойственно расположение притупленного участка только по правому краю дорсала. Ранее такая закономерность была отмечена только на Афанасьевой Горе. В то же время пластинки Саженцев отличаются от подобных орудий Афанасьевой горы своим устойчивым однообразием, отсутствием вариативности. Не найдено ни одного орудия с ретушью по усечённым концам, с ретушью по краю и усечённому концу, отсутствуют пластины с ретушированными выемками (Хроностратиграфия, 1990; Археология, 1992; Акимова, Стасюк и др., 2009).

Таким образом, мы предлагаем следующее:

1. Все перечисленные памятники относятся к одной археологической общности, главным реперным признаком которой является использование ретушированных пластин длиной в пределах 30–50 мм, шириной 6–20 мм, толщиной 2–5 мм. Ретушь чешуйчатая, краевая, отвесная, крутая или полукрутая. Нанесение ретуши очень «свободное», по обоим фасам и всему периметру, различным его участкам. Можно выделить несколько разновидностей дислокации ретуши (конец, край — конец, два конца и край и др. с различной ориентацией рабочих краев), при этом наиболее устойчивое сочетание признаков позволяет говорить о конкрет-

ных типах орудий (афанасьевский, приморский и, возможно, листовенский).

2. Внутри данной общности (археологической культуры) прослеживаются по крайней мере два локальных варианта, различающихся по типам нуклеусов, наиболее распространенным способам нанесения ретуши, набору основных категорий орудий: 1) Афанасьева гора, Лиственка, Малтат, Волчиха, Конжул (н.к.с.), возможно, 2 к.с. Новоселово XIII, Тарчиха, Трифоновка; 2) Приморск, Шленка, Конжул (в.к.с.). Место в этой схеме 3 к.с. Новоселово XIII, Усть-Ижуля II, Малого Ижуля III, Ближнего лога пока не установлено.

В этой пестроте и противоречивости сочетаний внутри каждой группы намечаются определенные хронологические различия. Состояние этого вопроса изучено в меньшей степени. Если мы датируем нижнюю границу культуры по радиоуглеродным датам Шленки, 3 к.с. Новоселово XIII, 2 к.с. Тарчихи в пределах 22–18 т.л.н., а верхнюю — по н.к.с. Конжула (около 12 т.л.н.), то, очевидно, что эволюция культуры должна будет прослеживаться на протяжении почти 10 тыс. лет. Для первой группы различия между ранним и поздним этапами пока выражаются, в частности, в отсутствии-появлении долотовидных орудий, исчезновении микроострий, возможно, в увеличении массивности пластин (здесь приходят в противоречие даты для Лиственки и принятая датировка для Афанасьевой горы). Для второй группы этот вопрос разрешен пока быть не может, главным образом, из-за разрозненности коллекций и разобщенности мест их хранения. Возможно, к концу сарганского времени деградирует «приморский» тип пластин, сокращается угол пересечения ретушированных краев, увеличивает-ся массивность заготовок.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея // Советская археология. 1966. № 3. С. 9–16.

Абрамова З.А. Палеолитическая стоянка Тарчиха на Енисее // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 43–50.

Абрамова З.А. Периодизация палеолитических памятников Сибири // Проблемы изучения четвертичного периода. М., 1972. С. 255–258.

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991. 158 с.

Авраменко Г.А. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 21–26.

Акимова Е.В. Позднепалеолитическое жилище-мастерская в 19 культурном слое стоянки Лиственка

(Средний Енисей) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 301–309.

Акимова Е.В. Финальный палеолит Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 8–14.

Акимова Е.В. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. СПб.: Наука, 2008. С. 37–47.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ. 2011. Сер. История, филология. Т. 10. Вып. 7. С. 111–118.

Акимова Е.В., Анненский Е.С. Новые данные по археологии позднепалеолитической стоянки Приморская (Красноярское водохранилище) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С.В. Киселева. Минусинск, 2005. С. 18–21.

Акимова Е.В., Мотузко А.Н., Кравченко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малтат: проблемы стратиграфического и археологического изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 11–16.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. Красноярск; Новосибирск: Универс; Наука, 2005. 180 с.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Кукса Е.Н., Мотузко А.Н. Позднепалеолитическая стоянка Саженцы в зоне Красноярского водохранилища // Вузовская научная

археология и этнография Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. С. 175–181.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н. К проблеме изучения «мелкопластинчатых индустрий» в палеолите Средней Сибири // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 15–20.

Васильев С.А. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 64–82.

Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР. М.; Л., 1935. С. 78–124. (Известия ГАИМК. Вып. 119).

Лисицын Н.Ф. Афанасьева гора // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 23–36.

Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. 1996. № 4. С. 5–17.

Лисицын Н.Ф. Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб., 1997. 120 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб, 2000. 230 с. (Труды ИИМК РАН. Т. II).

Медведев Г.И., Слагода Е.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Генералов Е.О., Ощепкова Е.Б., Воробьева Г.А., Шмыгун П.Е. Каменный век Южного Приангарья. Вып. 2. Бельский геoarхеологический район. Иркутск, 2001. 241 с.

Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Орлова Л.А. Палеонтологическое обоснование возраста местонахождений Конжул и Ближний Лог (Дербинский археологический район) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 187–192.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея): Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Института истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. 184 с.

С. Н. Астахов¹

ПЛОЩАДКИ ОБИТАНИЯ В КУЛЬТУРНЫХ СЛОЯХ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ

Astakhov S.N. Habitation areas in cultural layers of some Late Palaeolithic sites in the Enisey region

For the reconstruction of the primitive hunters life, we have a variety of sources. Among them are fireplaces and the so-called multi activity area. The paper considers some of such area of the Paleolithic sites of the Yenisey: Kokorevo 4, Kantegir 1, Golubaja 1, Nizni Idzir 1. As a general rule a habitation feature is the occupational debris of light transportable dwelling with a single fireplace. It is dominated by a single dwelling with fireplace

There are also objects with some fireplaces superimposed on each other. The analysis showed that this is also the palimpsest remains of some «hat with one hearth». Consequently, the same community necessarily came to his place several times. This suggests that the hunting area was the possession of the team. So may be the fireplace is a sign on the owner of the territory?

Для изучения и в определенной степени реконструкции жизнедеятельности палеолитического человека мы располагаем разными по степени информативности источниками в зависимости от того, что сохранилось и доступно нашему анализу.

Оставляя в стороне памятники со скудными данными, рассмотрим некоторые стоянки с сохранившимися т.н. площадками обитания. Это обычно насыщенные культурными остатками и иными структурными элементами участки культурного горизонта, чаще всего оставшиеся от бывших когда-то наземных жилищ. Они тщательно изучаются многими археологами (назовем, к примеру, работы А.В. Константинова «Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит)», монографию «Палеолит Енисея. Лиственка» под общей редак-

цией А.П. Деревянко и монографию С.А. Васильева «Поздний палеолит Верхнего Енисея»). Но проблемы анализа палеолитических памятников обширны, и любые дополнения и попытки интерпретации будут небесполезны.

В статье использованы в основном материалы раскопок автором стоянок Кокорево IVA, IVБ, Голубая I, Кантегир I и Нижний Иджир I. Будут рассмотрены некоторые детали зон со скоплениями культурных остатков, прежде всего участков с очагами.

Одна из площадок обитания (есть и другие термины — жилые площадки, жилые зоны) была выявлена при раскопках стоянки Кокорево IVA в 1962 г. в пятом слое первого раскопа (Астахов, 1987, с. 29). Раскоп был расположен на краю II террасы Енисея, на плане видна его часть со скоплением каменных изделий, обломками костей и очагом в центре (рис. 1).

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

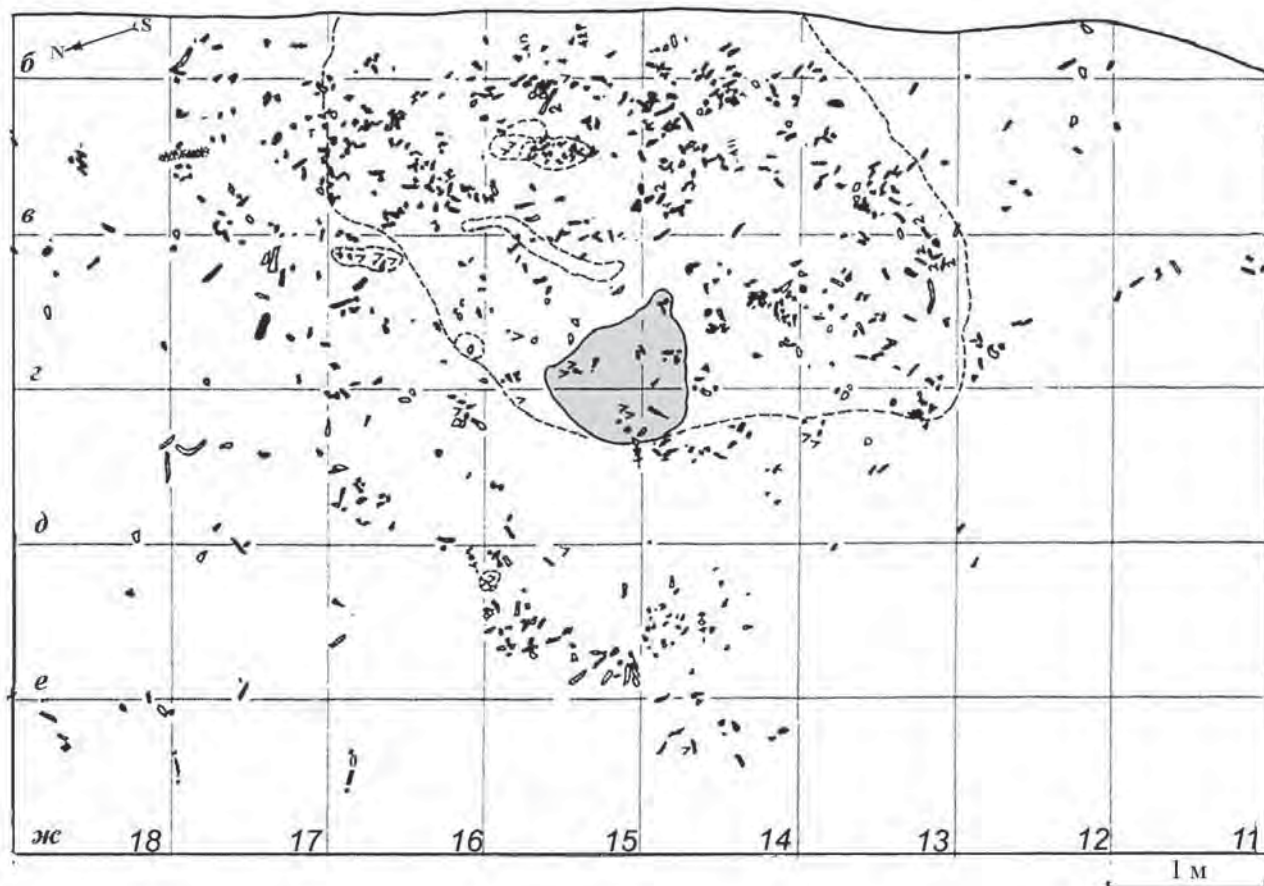

Рис. 1. Часть плана пятого слоя раскопа 1 стоянки Кокорево IVA с одним очагом

Культурные остатки залежали неравномерно, пятнами, и в тех местах слой был окрашен в коричневый цвет. На квадратах В15, Г15 и 16 имелись ямки, на квадрате В17 в заполнении ямки были крупинки охры. Участок, о контуренный штриховой линией, представляет площадку с окрашенностью и основной массой остатков, четко залегающих на ее поверхности. Площадка довольно ровная, лишь в восточной части были трещины (мерзлотные?), по которым изделия опускались или проваливались ниже основного уровня слоя. В центре всего скопления расположен очаг, точнее плоский очаг, слегка оползший по склону к реке. Его поперечник около 80 см. В те годы для анализа требовалось много угля, поэтому угольки, собранные из 3-го, 4-го и 5-го слоев в лаборатории объединили, и таким образом была получена первая радиоуглеродная датировка для палеолита

Енисея — 14320 ± 330 л.н. (JE-469). Судя по этой радиоуглеродной дате и более определенной датировке второго слоя раскопа 4 — 15460 ± 330 (JE-540), пятый слой раскопа 1 вряд ли древнее 16 т.л.н. (Астахов, 1966, с. 294).

В четвертом слое раскопа 1 этой же стоянки был также обнаружен очаг, слегка размытый, был ли он углублен — неясно. В другой части площадки на расстоянии 5,5 м от этого очага был центр второго скопления культурных остатков, уходящих в стенку раскопа, соотношение между ними не прослежено.

В третьем слое с двумя горизонтами, которые можно было выделить не по всей площади, были две практически смыкающиеся зоны с культурными остатками. Одна вокруг очага на кв. Г17, поблизости от которого лежали валун (рис. 2), двуплощадочный нуклеус, много отщепов, орудия,

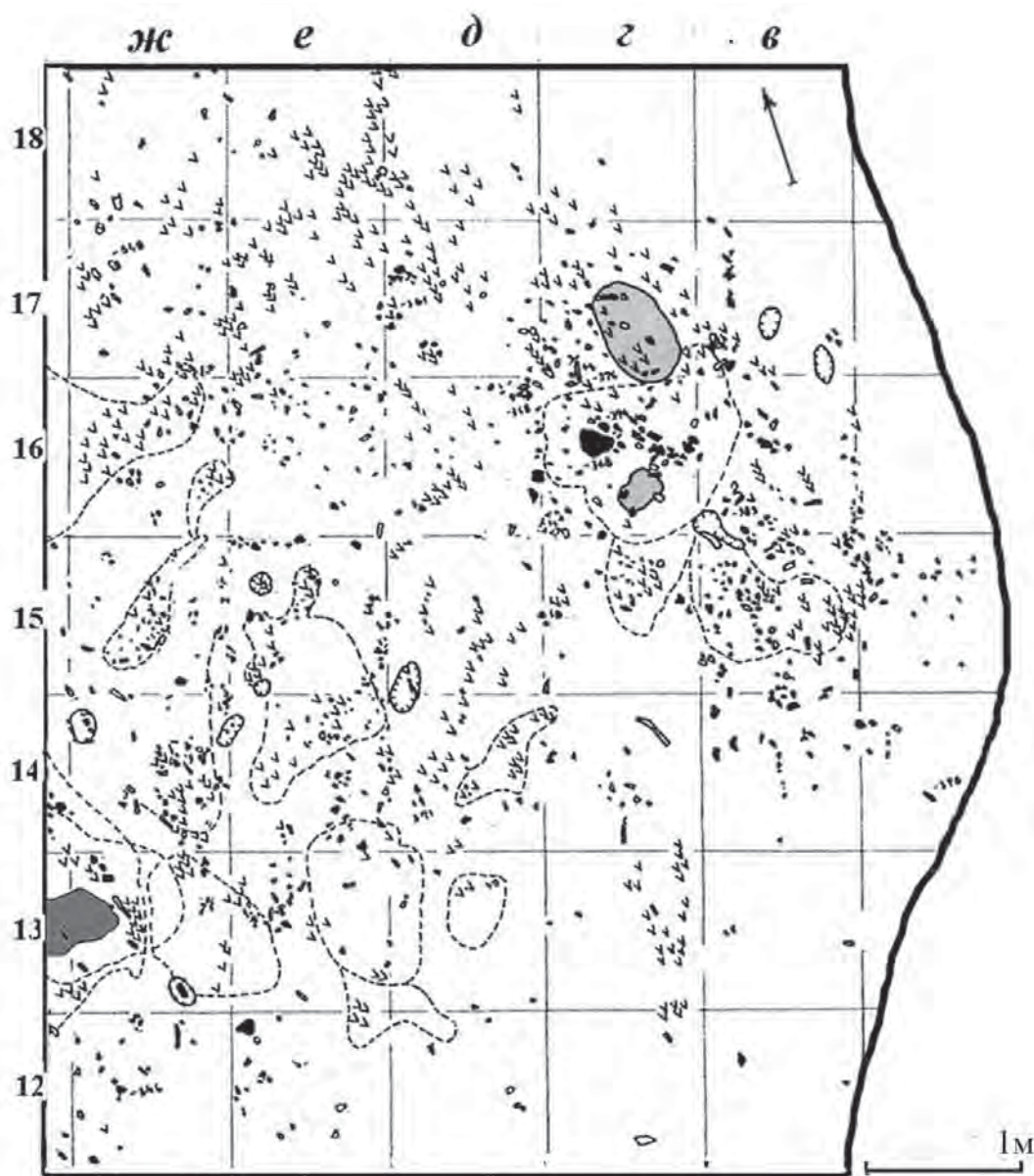

Рис. 2. Часть плана раскопа 1 слоя 2 стоянки Кокорево IVA с двумя жилыми зонами с очагами

и маленький очажок на кв. Г16. Примерно в 5 м к западу, на кв. Ж13, был небольшой очажок, уходящий в стену, и много культурных остатков (рис. 2).

Возможно, это было площадка обитания (жилище?), а место около очага на кв. Г17 — рабочая площадка в стороне (см. выше о слое 4).

Подобные площадки обитания выявлены на стоянках Кокорево IVБ, Голубой I и Нижний Иджир I.

На площадке с четкими границами распространения находок в раскопе 4 (Кокорево IVБ) вскрыт сложный очаг кольцевой формы, ооконтуренный вырытыми плитками песчаника диаметром около 80 см. Его дно немного выпукло в середине (рис. 3).

Интересно, что очаг был подновлен вторым рядом плиток после небольшого намыва слоя су-глинка малинового цвета, такие прослойки есть

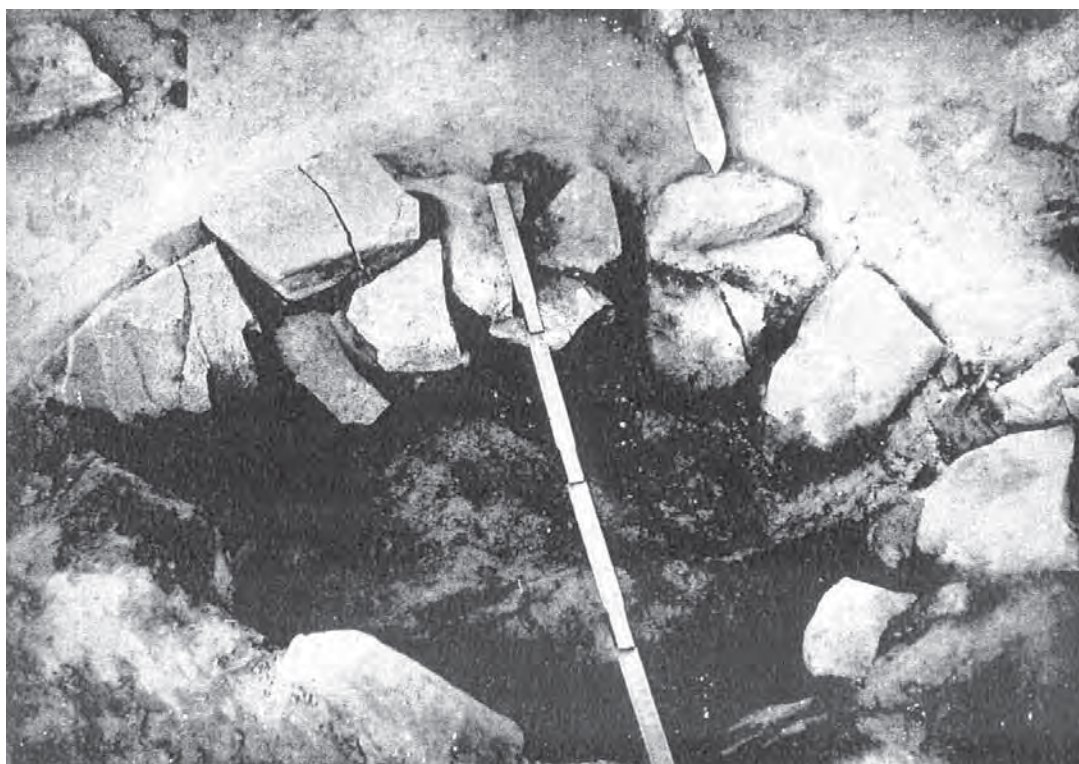

Рис. 3. Очаг с обкладкой плитками по краям во втором слое раскопа 4

в разрезе и выше слоя (Астахов, 1966, с. 294). Случилось ли это в результате сильного склонового смыва в период обитания комплекса, или был годичный перерыв — определить трудно. Подобные очаги с обкладкой плитками известны в стоянке Кокорево I (Абрамова, 1979, с. 11–25), Майнинской стоянке (Васильев, 1996, с. 23–37), Лиственке (Акимова и др., 2005, с. 135–138).

Весьма выразительна площадка обитания (жилище) на стоянке Голубая I, где очаг сначала был сделан в виде небольшого углубления, некоторое время функционировал, а затем был обложен плоскими валунчиками (Астахов, 1986, с. 162).

Площадка обитания диаметром около 4 м на стоянке Нижний Иджир I в долине р. Ус тоже относится к типу одноочажных простых (Астахов, 1986, с. 76). Памятник несомненно являлся охотничьим лагерем, сезонным жилищем.

Можно считать, что на рассматриваемой территории в период 17–13 т.л.н. преобладали жилища с одним очагом типа чума (нет ямок от иного типа конструкций). Вместе с тем на многослойных сто-

янках Енисея имеются и более сложные объекты, где очаги и кострища как бы наслаиваются, обычно со смещением на небольшое расстояние, и чаще залегают в разных уровнях культурного слоя (палимпсест). Как характерный пример рассмотрим средние слои стоянки Кокорево IVA и нижние слои стоянки Кантегир I.

Второй слой раскопа 1 Кокорево IVA был подразделен на три горизонта. В верхнем горизонте имеется своего рода нагромождение из трех очагов и еще одного поблизости (рис. 4).

Три очага из группы на квадратах ВГ-12, 13 были сделаны почти на одном и том же месте, хотя отделены прослоями супеси. Имеется много угольков в виде шлейфа, протянувшегося по течению Енисея (может быть, это результат высоких паводков, характерных для арктических условий?).

При раскопках стоянки Кантегир I десятью годами позже тоже были выявлены сложные напластования очагов (Астахов, 1986, с. 87–92). Как и в Кокорево IVA, в двух верхних слоях Кантегира,

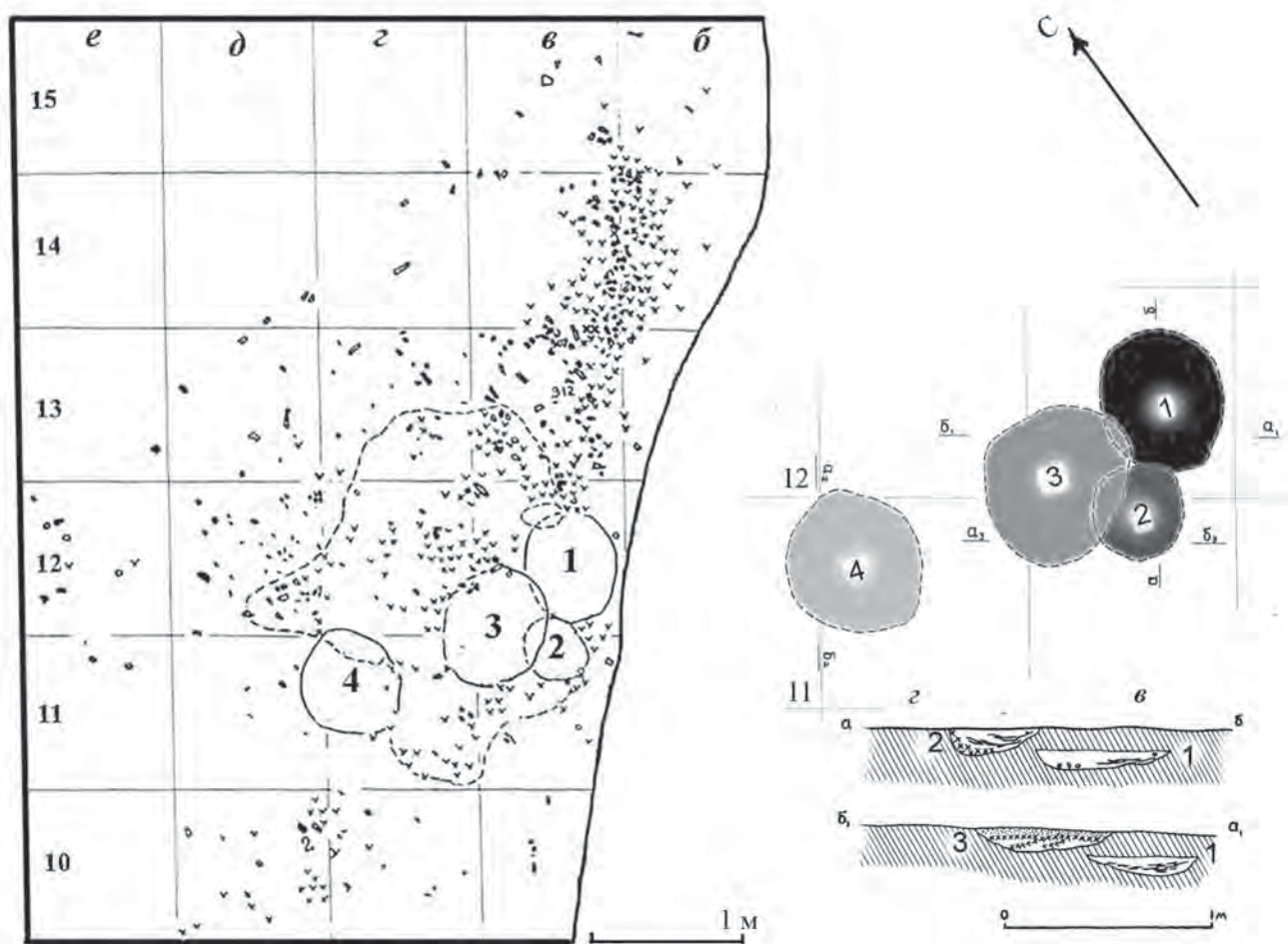

Рис. 4. Часть плана верхнего горизонта слоя 2 стоянки Кокорево IVA (слева) и отдельно очаги (справа)

имеющих немногочисленные находки каменных изделий и обломки костей, были только скопления угольков.

В третьем слое, выраженном лучше, встречались зольные пятна и угольки. Однако хорошо выраженные скопления культурных остатков и очаги были в 4-м и 5-м слоях. Судя по стратиграфии и мерзлотным деформациям, 3–5-е слои стоянки Кантегир относятся к тому же периоду, что и 3–5-е слои Кокорево IV.

Очаги слоя 4 в раскопе 2 (№ 3–6) расположены на квадратах В, Г-39, 40 (рис. 5) и один примерно метрах в четырех северо-восточнее на квадрате Г43.

Между третьим и четвертым очагами была отчетливая прослойка супеси, между третьим и пя-

тым также был прослой супеси с линзочками песка. Последовательность сооружения очагов такова — сначала очаг № 5, затем номера 6, 4, 3.

В слое 5 основное скопление культурных остатков и очаги были сосредоточены на квадратах А, Б-41, 42 (см. рис. 4), отдельное зольное пятно было найдено в пяти метрах к северо-востоку. Наслаивание очагов позволило подразделить пятый слой на несколько микрогоризонтов. В нижних горизонтах был очаг № 8. Он образован слиянием двух — более глубокий очажок А объединен с очажком Б. Получившееся очажное пятно в отдельных местах было сплошь покрыто осколками костей, отщепами, чешуйками и орудиями.

Очаг № 7 стратиграфически был выше восьмого, при расчистке он выявился раньше. Примеча-

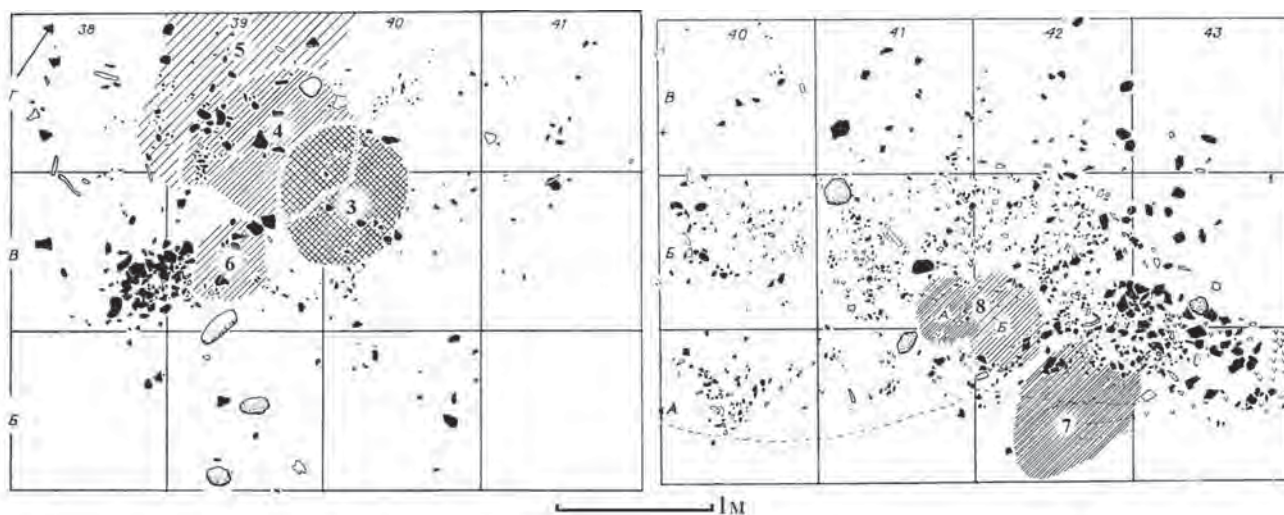

Рис. 5. Фрагменты планов четвертого (слева) и пятого (справа) слоев стоянки Кантегир I

тельно, что в разрезе были видны два чашеобразных углубления, объединенных угольной прослойкой.

Таким образом, на стоянках, о которых шла речь выше, имеются по крайней мере два вида соотношений очагов и зон обитания, или два типа остатков очагов — один очаг или несколько. Строго говоря, наслаивание очагов — только то, что мы видим. Вероятнее всего каждый раз был один очаг, а остальные делались на месте предыдущего. Эти факты позволяют сделать определенные предположения.

Нет сомнения, что в период позднего Сартана на Енисее в палеолите бытовали наземные жилища с очагом, возможно, переносного типа.

Существенно, что налицо упорное стремление ставить жилище и восстанавливать очаг на ранее занимаемом месте. Скорее всего, это связано с возвращением коллектива после охоты в других мес-

тах, куда откочевывали олени (в составе фаунистических остатков кокоревских стоянок до 90 % принадлежит северному оленю). Для стойбищ на Кантегире это объяснение не столь убедительно.

В любом случае люди возвращались на свои места и в свои охотничьи угодья, то есть имело место закрепление определенных территорий за определенными коллективами.

Допустим, это еще одна функция огня, помимо создания комфорта, освещения, приготовления пищи (термическая обработка экономила энергию, что уменьшало количество потребной пищи). Может быть, очаг — своего рода знак владения территорией?

Таковы краткие замечания, вытекающие из рассмотрения обычных площадок обитания, жилых зон или попросту дошедших до нас следов когда-то стоявших жилищ, в данном случае наземного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Кольцова В.Г., Санько А.Ф., Шпикова Е.Г. Деревянко А.П. (ред.). Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск; Красноярск, 2005.

Астахов С.Н. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV // Советская археология. 1966. № 2. С. 294.

Астахов С.Н. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986.

Астахов С.Н. Палеолитическая стоянка Кокорево IVA. Новосибирск: Наука, 1987.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. (По материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское востоковедение, 1996.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001.

В. В. Питулько¹, П. А. Никольский²

ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ (ПОДВЕСКИ) ИЗ РАСКОПОК ЯНСКОЙ СТОЯНКИ: МАССОВЫЕ И ЕДИНИЧНЫЕ ТИПЫ ИЗДЕЛИЙ

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types of artifacts

Article reports numerous personal adornments yielded by the excavations of Yana site, Arctic Siberia. Various types of pendants constitute a sufficient part of ornaments in Yana. Both mineral and biogenic raw material was used to produce the pendants. While biogenic materials such as mammoth ivory and animal tooth are being used widely, artifacts made of minerals (amber and anthraxolite) are substantially rare. Since these materials are available far away from the site, their presence indicates long-distance transportation of them. Excavations yielded a series of ring-shaped ivory pendants finding analogy in Upper Paleolithic sites in Yenisei and Trans-Baikal regions. These are Kurtak-type pendants which appear to be wide spread across Siberia within the Early Upper Paleolithic. The animal tooth pendants are the most common type and bear some peculiar features. Many of them are made of incisors of different herbivore species and have drilled holes in the root area. Contrary to European sites where carnivores are common, in Yana (and in Siberia in general) tooth of reindeer, bison, and horse are used, between which reindeer is the most abundant. Carnivore species represented by wolf and Arctic fox fangs are extremely rare among perforated tooth pendants. Some of the pendants were coloured with red ochre paint. Use of reindeer fat for the paint, together with herbivore incisors used as the most common 'preform' for decorations (and rare use of carnivore tooth for the same purpose) reflects certain symbolic behavior practised by Yana humans, perhaps self-positioning as 'reindeer killers' or 'wolf people'. Remarkably that except finished artifacts (perforated pendants) there are several findings of caches that contained selection of tooth prepared for making necklaces (both untached and already perforated incisors). Whatever the reasoning was, number seven was chosen with certain purpose and then Yana finds demonstrate a great antiquity of that magic number.

ВВЕДЕНИЕ

Среди личных украшений людей верхнего палеолита, встречающихся при раскопках памятников палеолита Северной Евразии, наиболее распространены бусы и простейшие подвески из зубов животных. Массовые находки в большинстве случаев происходят из погребений, например в

Сунгире (Бадер, 1998), Ушках (Диков, 1977), на моравских памятниках (Svoboda et al., 1996). Наряду с прочими их принято относить к предметам с неутилитарной функцией, или к искусству в широком значении этого слова. Так или иначе, они являются свидетельством прошлой символической деятельности человека.

В материалах верхнего палеолита Сибири эти находки относительно многочисленны, несмотря на то что их общее количество в сибирских памят-

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

² Геологический институт РАН, Москва, Россия.

никах до недавнего времени в целом было невелико. По сводке Г.И. Медведева (Medvedev, 1998), общее количество предметов с неутилитарной функцией составляло около 600 экз., большинство из них получено при исследованиях Мальты и Бурети. С учетом находок в алтайских и забайкальских памятниках, сделанных в последнее десятилетие, их количество, видимо, незначительно превышает 700 экз.

В основном эти предметы происходят из памятников, характеризующих ранний верхний палеолит, в том числе его начальные этапы. Древнейший в Сибири комплекс со следами проявления символической деятельности человека — стоянка Кара-Бом, уровень 5 — имеет возраст $43\,300 \pm 1800$ (GX-17596). Наиболее многочисленные из них (31 неутилитарный предмет) происходят из слоя 11 Денисовой Пещеры с возрастом $>37\,235$ (Деревянко, Рыбин, 2003). Подавляющее большинство сибирских находок, связанных с символической деятельностью человека раннего верхнего палеолита, известно из южной части центральной Сибири и Забайкалья — стоянки Хотык, Каменка, Подзвонкая и др. (Лбова, 2000; Деревянко, Рыбин, 2003; Ташак, 2009).

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

Наряду с бусами двух типов (рис. 1, 2, 6, 7), общее количество которых превышает 5000 экз. (Питулько и др., 2012), разнообразные подвески являются одним из наиболее распространенных типов украшений, известных на Янской стоянке. Среди подвесок представлены как серийные, так и уникальные формы. К серийным изделиям относятся подвески из зубов животных (рис. 1, 1–5) и кольцообразные подвески из бивня мамонта (рис. 2). Уникальные формы представлены преимущественно изделиями из минерального сырья, хотя среди них встречаются и предметы, изготовленные из кости, например плоская подвеска неправильной формы с центральным отверстием, выполненным биконическим сверлением (рис. 1, 9). Для ее производства использован фрагмент стенки массивной кости. Другой необычный предмет из этой категории находок получен при пробных раскопках на

За пределами этой области до начала работ на Янской стоянке (Pitulko et al., 2004) такие находки известны лишь из позднейших памятников верхнего палеолита — Ушки I, слой 6 и 7 на Камчатке (Диков, 1977; 1979), недатированного нижнего комплекса стоянки Хета в Верхнем Приколымье, предположительно имеющего финально-плейстоценовый возраст (Слободин, 1999) и из Берелехского геоархеологического комплекса в бассейне Нижней Индигирки (Питулько, 2011; Pitulko, 2011), где представлены разнообразными по форме подвесками, изготовленными из мягкого камня.

В ходе исследований Янской стоянки, расположенной в нижнем течении р. Яны на севере Яно-Индигирской низменности под 71° с.ш., получена значительная коллекция подвесок, бус, других украшений и орнаментированных изделий, традиционно относимых к свидетельствам символической деятельности человека. Возраст этого уникального памятника верхнего палеолита Сибири, древнейшего в Арктике, составляет около 28 000 л.н. (Питулько, Павлова, 2010). В настоящей работе рассматриваются различные типы личных украшений — подвесок, изготовленных из биогенного и минерального сырья.

участке Яна-В. Это подвеска из резца лошади с зарубкой в корневой части (рис. 1, 11).

Подвески, изготовленные из минерального сырья, немногочисленны. К ним относится изделие из мягкого минерала смолянисто-черного цвета (антракосилит, разновидность окаменевшего битума) со сверленным биконическим отверстием (рис. 1, 10). Оно удлиненной формы, отверстие для подвешивания расположено асимметрично, одна из сторон прямая, искусственно сформированная. Вблизи отверстия имеется группа штрихов неясного назначения. В целом подвеска напоминает условно переданную голову какого-то животного, скорее всего, плейстоценовой лошади. Другая подвеска изготовлена из янтарной галечки красного цвета и имеет двойную круговую нарезку (рис. 1, 8). Янтарь низкого качества, хрупкий и, скорее всего, местного происхождения. В пределах региона

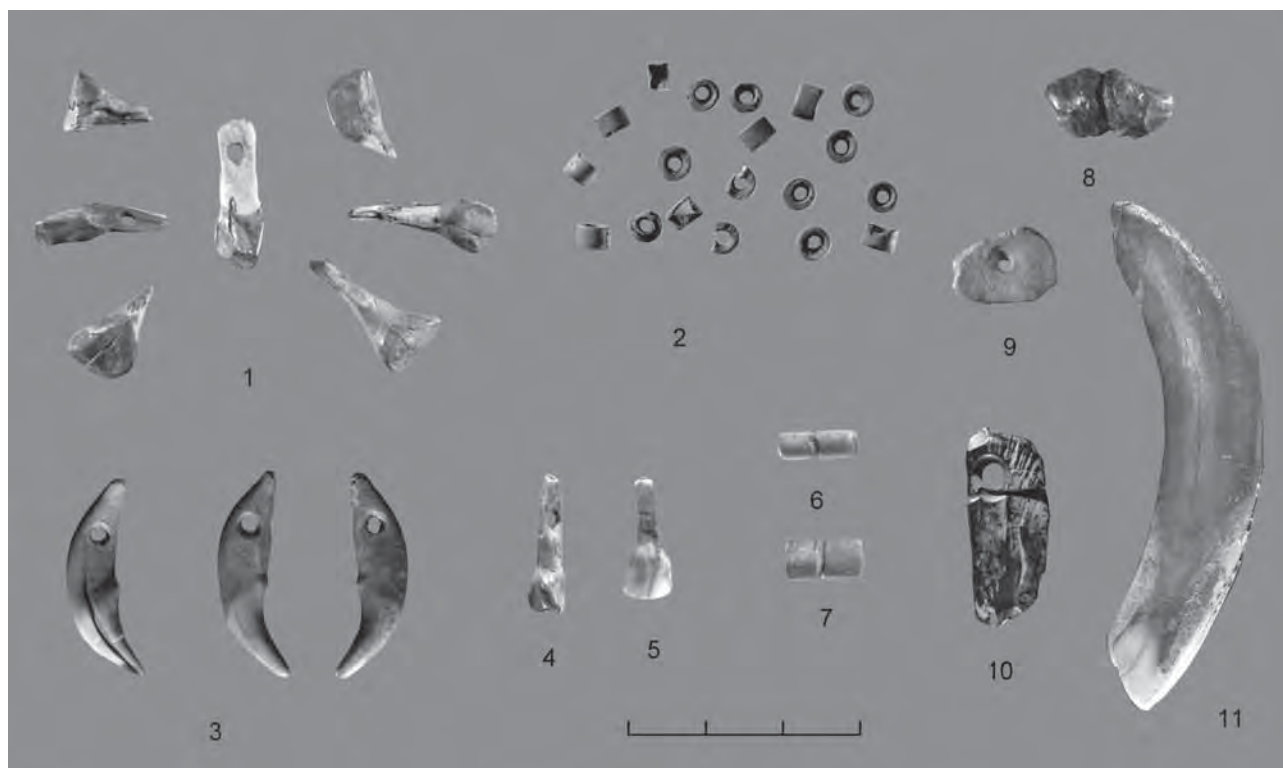

Рис. 1. Бусы и подвески Янской стоянки: 1 — подвески из зубов северного оленя; 2 — бусы 1-го типа (простые круглые из бивня мамонта); 3 — просверленные клыки мелкого хищника (песец?); 4 — просверленный резец северного оленя; 5 — резец северного оленя с круговой нарезкой; 6 и 7 — бусина 2-го типа (пронизка) с круговой нарезкой в центральной части; 8 — янтарная подвеска с двойной круговой нарезкой в центре; 9 — подвеска из кости; 10 — подвеска из антраксолита; 11 — подвеска из резца лошади с зарубкой у корня (1–10 — Янская стоянка, участок Северный, 11 — участок Яна-В)

он описан для о-ва Новая Сибирь (мыс Утес Деревянных Гор на южном берегу острова) примерно в 600 км к северу от Янской стоянки, там же встречаются антраксолиты, угли, окаменевшая миоценовая флора (Гаккель, 1967), что подтверждается в том числе полевыми наблюдениями авторов.

Кольцеобразные подвески из бивня представлены в небольшом количестве (8 шт.), в основном фрагментами (рис. 2, 5–7). К этой же группе условно отнесено кольцеобразное изделие из бивня мамонта (рис. 2, 8). Диаметр изделий составляет 2,5–3 см, толщина около 0,5 см, диаметр центрального отверстия около 1 см на начальной стадии изготовления, впоследствии увеличивается приблизительно до 2 см.

Имеются изделия различной степени готовности. Для их производства использовались есте-

ственные щепки бивня мамонта (рис. 2, 1) и, вероятно, отщепы, в которых первоначально по контуру прорезалось отверстие. В результате данной операции появлялись «таблетки» из бивня мамонта, являющиеся специфическим отходом производства (рис. 2, 2–4). На следующем этапе формировался внешний контур подвески и расширялось отверстие. Аналогичные серийные изделия впервые были найдены Н.Ф. Лисицыным на Верхнем Енисее на стоянке Куртак 4. Возраст этого памятника близок ко времени существования Янской стоянки и на основании нескольких радиоуглеродных дат определен в интервале 26 000–23 000 л.н. (Лисицын, 2000). Этот специфический культурный элемент (кольцеобразные подвески) (рис. 2, 5–7) определяется нами как «подвески типа Куртак» (Питулько и др., 2012).

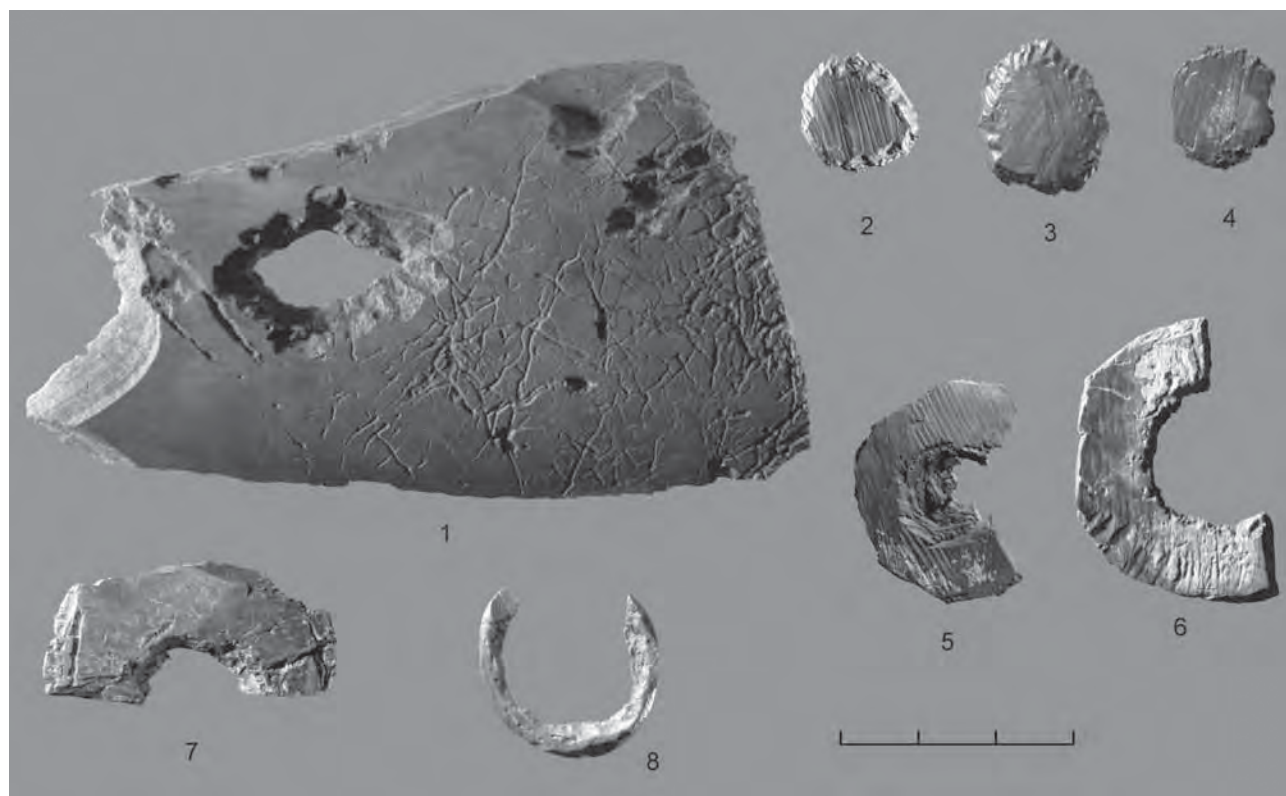

Рис. 2. Подвески типа Куртак (изделия, полуфабрикаты, отходы): 1 — полуфабрикат (щепка бивня с прорезанным отверстием); 2–4 — «таблетки» из бивня, образующиеся при прорезывании отверстий; 5–7 — подвески типа Куртак (фрагменты); 8 — кольцообразная подвеска с тонким краем, также отнесенная к подвескам типа Куртак

На Янской стоянке наиболее распространены подвески из зубов животных (81 экз.). За исключением подвески из резца лошади (рис. 1, II), обнаруженной при пробных раскопках в пункте Яна-В, все остальные происходят из раскопок в пункте Северном. Они встречаются как единично (рис. 3, 5–7), так и небольшими группами (по два-три предмета), однако, будучи найденными в значительном количестве на том или ином участке раскопа, чаще всего оказываются рассеяны на небольшой площади — около квадратного метра или чуть более (рис. 3, 8).

Относительно редкой находкой являются «клады» заготовок для изготовления наборов таких подвесок. В них компактной группой всегда представлено семь предметов. Компактность залегания и в особенности количество сложенных вместе зубов (чаще всего резцов), а также повторяемость находок на различных участках раскопа однозначно указывает на намеренность действий, совершен-

ных в прошлом (рис. 3, I–4). Всего встречено пять таких достоверных групп, и происходят они из тех же участков, на которых осуществлялось изготовление бус и пронизок. В коллекции имеется дополнительно некоторое количество изолированных зубов, встреченных единично и группами по 2–3 предмета в условиях, не предполагающих их случайное попадание в культурный слой, то есть вне фаунистического контекста, которому они могли бы принадлежать. Они, скорее всего, также являются заготовками зубных подвесок, однако данное утверждение не будет доказательным. В отношении упомянутых пяти группировок сомнения, по приведенным соображениям, отсутствуют, тем более что в одной из таких групп в кв. К34, байд-жарах Центральный 3, из семи зубов «клада» два перфорированы (рис. 3, I).

Помимо особенностей пространственного размещения подвесок заслуживает внимания также

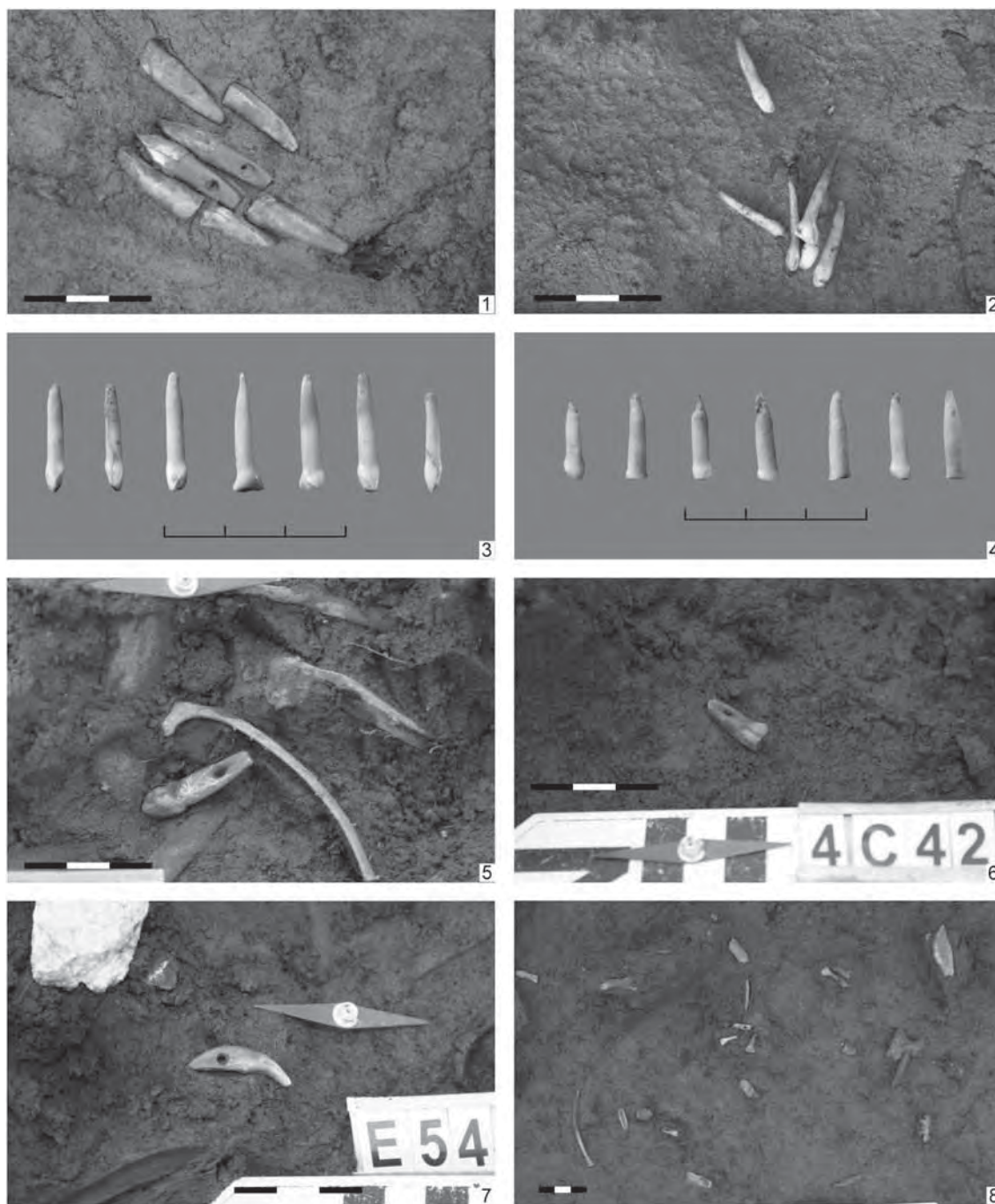

Рис. 3. Янская стоянка. Подвески из зубов животных и их заготовки (пространственная организация находок): 1 — группа из семи зубов, состоящая из двух сверленных зубов бизона и пяти заготовок (изолированных резцов бизона), кв. К34, раскопки 2007 г.; 2 — группа из семи зубов северного оленя, кв. N51, раскопки 2009 г.; 3 — группа из семи молочных резцов северного оленя, кв. 144, раскопки 2008 г.; 4 — группа из семи молочных резцов северного оленя, кв. 4A37, раскопки 2008 г.; 5 — подвеска из резца северного оленя, кв. 2V52, раскопки 2011 г.; 6 — подвеска из резца северного оленя, кв. 4C42, раскопки 2010 г.; 7 — подвеска из клыка песца, кв. E54, раскопки 2010 г.; 8 — группа из семи подвесок из резцов северного оленя, кв. 4C43, раскопки 2010 г.

Таблица

Характеристика видовой принадлежности единичных находок и групп сверленных подвесок и их заготовок из зубов млекопитающих (раскопки Янской стоянки 2003–2010 гг.)

Вид	Характеристика артефакта	Число единичных находок	Число групп	Число в группе	Общее число
Северный олень, резец	Сверленный зуб	23	2	7	37
Северный олень, резец молочный	Сверленный зуб	9			9
Северный олень, резец молочный	Несверленная заготовка	6	2	7	15
Бизон, резец	Сверленный зуб	3	3	I группа: 7 II группа: 2 сверленных резца бизона + сверленный резец сев. оленя III группа: 2 сверленных резца бизона + 5 заготовок из резцов бизона	19
Лошадь, резец	Сверленный зуб	1			1
Лошадь, резец	Зуб с зазубриной в корневой части	2			2
Волк, клык	Зуб с зазубриной в корневой части	1			1
Волк, первый нижний премоляр	Зуб с зазубриной в корневой части	1			1
Песец, клык	Сверленный зуб	9			9

видовой состав животных, из зубов которых они сделаны. Легко заметить, что зубы хищных составляют здесь явное меньшинство — 11 из 81 шт., причем песцу принадлежат девять клыков (как верхних, так и нижних), а волку — только два зуба, клык и премоляр. Остальные принадлежат крупным травоядным (перечислено в порядке возрастания частоты встречаемости) — лошади, бизону, северному оленю (табл., рис. 3). С учетом зубов-заготовок из «кладов» преобладание зубов северного оленя (с перфорацией, нарезками или без оных) является абсолютным. Как интересную деталь следует отметить присутствие в наборах молочных резцов северного оленя.

Украшения из зубов различаются по способу подвешивания и методу оформления отверстия. Простейшим и наиболее редким в Янской коллекции является способ подвешивания с помощью небольшой зарубки или кольцевой нарезки, сделанной в корневой части зуба. Таких изделий всего четыре, два из них — зубы лошади, два других принадлежат волку (табл.). Вероятнее всего, эти

предметы носились как самостоятельные украшения-подвески, подобные рассмотренным выше формам, встреченным единично (подвески из антракослита, янтаря и др.).

Все остальные имеют отверстия, выполненные односторонним или биконическим сверлением (видимо, в последнем случае с дополнительной зенковкой внутренней части отверстия, выполнявшейся с тем, чтобы придать ему цилиндрические очертания). Отмечены случаи повторной перфорации, осуществлявшейся после повреждения первоначального отверстия. Перфорация прорезанием полностью отсутствует.

Отверстие чаще всего располагали в корневой части зуба на уровне примерно 2/3 общей его высоты, измеренной от поверхности коронки до кончика корня. Перед сверлением отверстия поверхность корня подготавливали, формируя абразивной обработкой плоские ровные поверхности, удобные для начала работы. В точке сверления, видимо, наносились ориентирующие штрихи. Уплотнение, вероятно, было необходимо не только

технологически, но и функционально, в ходе монтажа украшения. Возможно, в этих композициях участвовали крупные бусы и пронизки, в небольшом числе имеющиеся в коллекции.

Как было показано выше, есть основания думать, что по крайней мере часть этих украшений содержала семь зубных подвесок. Возможно, были и другие наборы, но случай с семеркой в отличие

от них очевиден. Можно определенно сказать, что среди таких композиций из перфорированных зубов травоядных (считая и наборы зубов в «кладах») преобладают те, в которых представлены зубы животных одного вида — бизона (2 случая) или северного оленя (4 случая). В группе из трех подвесок, найденных совместно, определены резцы бизона (2) и один — северного оленя.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ДИСКУССИЯ

Рассмотрим предметы, встреченные при раскопках в пункте Северный Янской стоянки в единичных количествах. Несмотря на малочисленность, данные находки весьма информативны. Прежде всего это относится к кольцеобразным подвескам, определяемым как подвески типа Куртак. Они встречаются в Сибири помимо Янской стоянки на памятнике Куртак IV в Минусинской котловине, где, как и янские, имеют доледниковый возраст в интервале 26 000–23 000 л.н. или чуть древнее (Лисицын, 2000), а также на стоянке Хотык в Забайкалье, имеющей существенно более древний возраст — около 40 000 л.н. или древнее (Ташак, 2009). В слое 3 этого памятника найден фрагмент кольца, изготовленного из мягкого камня. Возраст горизонта определяется в интервале от 34 000 до 26 000 л.н. Различную степень сходства с янскими имеют находки из Денисовой пещеры (Деревянко и др., 2003; Деревянко, Рыбин, 2003), стоянки Каштанка I (Лисицын, 2000), Усть-Кова (Medvedev, 1998), при этом только Каштанка I существенно моложе Янской стоянки. Известны также предметы и за пределами Сибири, например в ориньякском комплексе стоянки Спи на северо-востоке Франции (Taborin, 2004).

Интересна находка пуговицеобразной костяной поделки с центральным отверстием (рис. 1, 9). Подобные изделия, но изготовленные из ископаемой скорлупы яиц страуса, известны в Забайкалье на стоянке Подзвонка (Ташак, 2009). Прочие подвески, встреченные в единичных экземплярах, изготовлены из антраксолита (рис. 1, 10) и янтаря (рис. 1, 9). Янтарная подвеска находит аналогии в мальтинских материалах, где подобное изделие с двойной нарезкой для привязывания трактуется

как антропоморфное изображение (Medvedev, 1998). В обоих случаях трудно сказать, так ли это, но янские подвески из минерального сырья в любом случае дают ценную информацию о дальности и направлении перемещений населения. Небольшое месторождение антраксолита имеется вблизи пос. Тикси в 220 км к ЗСЗ от Янской стоянки, а оба вида сырья доступны на о. Новая Сибирь, примерно в 600 км по меридиану.

Другая категория личных украшений представлена на Янской стоянке массовыми находками подвесок из зубов животных. Большинство из них имеют сверленное отверстие для подвешивания, нарезки сделаны только в четырех случаях. Они весьма интересны в видовом отношении — полностью преобладают крупные травоядные, а среди них — северный олень, тогда как хищные представлены преимущественно песцом (рис. 3, табл.), волк чрезвычайно редок, хотя в фаунистическом материале стоянки прекрасно представлен как посткраниальным, так и краниальным скелетом, имеются и целые черепа. В целом подвески из зубов — вполне обычная разновидность украшений, широко представленная на памятниках верхнего палеолита Северной Евразии пространственно и хронологически (Абрамова, 1962; Бадер, 1998; Abramova, 1995; Gvozdozer, 1995; Svoboda et al., 1996), в том числе и в Сибири (Астахов, 1999; Деревянко, Рыбин, 2003; Medvedev, 1998). Как справедливо отметил В.С. Житенев, наиболее интересными являются случаи, когда таких подвесок много (Житинев, 2007).

В обзоре материалов Восточной Европы В.С. Житенев обращает внимание на то, что в памятниках раннего и среднего палеолита на этих

территориях заметно преобладают подвески из зубов песца/лисицы (Житенев, 2007: табл. 1). Характернейшим примером может служить Сунгирь, где таких подвесок известно более 200, Костенки 15 (около 180 экз.) или Авдеево (175 экз. — Старый объект, 145 экз. — Новый). Стоянок, в материалах которых такие изделия представлены десятками, также довольно много — Зарайская, Костенки 4, 14, 17, Хотылево II, Авдеево и др. На основании планиграфии находок в погребениях Сунгирия и Дольни Вистонице В.С. Житенев предполагает, что порядок использования подвесок из зубов животных связан прежде всего с головными уборами и поясами. Это весьма возможно, однако, как уже было отмечено в отношении бус, требует специальных доказательств, поскольку «ожерелья» из клыков песца/лисицы могли быть нашиты на головной убор в сборе либо помещены в могилу непосредственно во время акта погребения и размещены соответствующим образом. В то же время пояса с расшивкой зубами животных известны на Северо-Западе США и на Чукотке в материальной культуре эскимосов (Степанова, 1949). И в том и в другом случае использовались передние зубы северных оленей, снятые вместе с кусочком челюсти и пришитые к основе пояса в сборе.

Тем не менее в анализированных В.С. Житневым выборках налицо сознательный выбор определенных классов зубов песца/лисицы. Таким образом, людьми верхнего палеолита Русской равнины сбор материала для «украшений» осуществлялся на основании каких-то смысловых значений создаваемой композиции. Подчеркнем еще раз, что в янских материалах травоядные, а среди них северные олени полностью преобладают, что также является несомненным признаком сознательного символического поведения.

Говоря об особенностях планиграфического пространства подвесок из зубов животных, В.С. Житенев обращает внимание в том числе на так называемые «кладки» из заготовок, отмечая при этом, что не всегда можно с уверенностью трактовать эти скопления как разовый намеренный акт, поскольку происходят они из полузакрытых или открытых комплексов. В качестве примеров тем не менее приведены скопления из Авдеево (либо по 29, либо по

14 зубов) и из Зарайской стоянки (32 зуба). Скопления заготовок для подвесок из зубов, обнаруженные при раскопках Янской стоянки, всегда включают в себя семь предметов, таких скоплений обнаружено пять, в четырех из них были собраны резцы северного оленя (в двух случаях молочные).

Можно предполагать, что сверленные подвески из резцов травоядных входили преимущественно в какие-то композиции. Для индивидуальной носки, подобно изделиям из минералов и некоторым костяным (рис. 1), были предназначены подвески с нарезками в корневой области. На основании находок групп подвесок и их заготовок, в которых с заметной повторяемостью представлено по семь предметов, можно говорить о том, что число «семь» имело в жизни янских людей определенное значение.

Про магию числа «семь» написано огромное количество работ. Нет ни одной религии мира, где семерка не играла бы заметной роли, и ни одного народа, в фольклоре которого она не была бы обыграна как фактор удачи, осторожности и т.д. Существует и обширная археологическая литература на эту тему, в которой обсуждаются истоки этой магии.

Б.А. Фроловым была предложена гипотеза о происхождении «ритма семь», а затем и «магической семерки» в палеолите из наблюдений людей за Луной с последующим выделением времени (семь дней) одной ее фазы (Фролов, 1974). Это сильное заключение, предполагающее созерцательность натуры людей палеолита, наличие у них достаточного количества свободного времени, а также хорошие метеоусловия для наблюдений, характерные для проживания во внеполярной области. Но люди жили и за Полярным кругом, где на протяжении значительного времени (в полярный день) Луну видно не очень хорошо, а в остальную часть года не всегда, потому что пурга на 10–14 дней — явление в тех краях вполне ординарное.

Люди верхнего палеолита, безусловно, обладали какими-то календарными познаниями, однако, на наш взгляд, обнаружить прямые свидетельства этого практически невозможно. Так, вычисление хода времени по мальтинской бляхе (Ларичев, 1985), одного из наиболее известных «календарей», позволяет при желании вычислить и конец света. Следует упомянуть, что для нее предложена не-

давно вполне реалистичная трактовка орнамента как наглядного пособия по разделке шкур/кож на ремни (Прието, Карденас, 2005–2009). Возвращаясь к теме календаря, нельзя не вспомнить о календаре юкагиров, поскольку этот маленький арктический народ по причине удаленности мест проживания до последнего времени оставался практически не затронут цивилизацией. Здесь, например, до сих пор в ходу такие малопонятные «цивилизованному» человеку меры расстояния или времени, как «переход» или «бак бензина».

Сведения о календарных знаниях юкагиров, собранные В.И. Иохельсоном в 1901 г. на севере Яно-Индибирской низменности, весьма наглядно подвергают сомнению достоверность календарных вычислений по артефактам эпохи палеолита. Так, В.И. Иохельсон пишет, что «они исчисляют больше времен года, чем мы». Всего их насчитывают шесть, и границы этих сезонов вряд ли соответствовали в прошлом какой-либо фиксированной дате. Они не считают дней в году, а также недели, и у них не было названия дней недели. Времен года у юкагиров шесть, среди них лето, осень, зима и три весны (1-я, 2-я, 3-я, после которой вновь наступает лето). Начало года считается от (примерно) летнего солнцестояния (Иохельсон, 2005). Справедливости ради следует отметить, что понятие месяца у юкагиров имелось, и это был лунный месяц (в году — двенадцать, но это мало о чем говорит, поскольку даже римляне до введения юлианского календаря обходились календарной системой, в которой месяцев было десять).

Таким образом, юкагиры создали типичный календарь, привязанный к хозяйственному циклу и местной фенологии, обычный для этнических групп, в исторической современности практиковавших систему хозяйства, до некоторой степени подобную верхнепалеолитической. Ни количество дней, ни даже количество недель в таких календарных системах значения не имеет. Именно так обстояли дела и в верхнем палеолите, поэтому вычисление лунных месяцев и недель по узорам на артефактах — просто игра ума.

Тем не менее магия семерки существует и существовала всегда и везде. Рациональное объяснение этому феномену нашел, на наш взгляд, Дж. Миллер

(Miller, 1956). Оно основано на физиологии и принципах действия человеческой памяти, то есть психофизиологически обусловлено. Магическое число семь плюс-минус один или два связано со способностью человека удерживать в оперативной памяти объекты, явления, понятия. Оптимальное число — семь, по этой причине и чудес света семь, и в меню компьютерных программ семь пунктов, магия семерки находит применение в правилах управления персоналом и т.д. (см., например: Букалов, 1999; Скопылатов, Ефремов, 2000).

Вряд ли люди Янской стоянки знали столь глубоко свойства человеческого мозга, но считать они определенно умели. Ритм числа «семь», скорее всего, также связан с какими-то счетными операциями. Он может являться мнемоническим средством либо неким символом.

Можно попытаться определить его смысл, обратившись ко всей совокупности данных о личных украшениях, рассматриваемых в настоящей работе, и к некоторым общеизвестным фактам. Прежде всего следует обратить внимание на фаунистический материал Янской стоянки, в котором одним из наиболее массовых промысловых видов (если не самым массовым) является северный олень (Pitulko et al., 2004; Питулько, 2010). Далее, отметим, что в состав краски, производившейся на стоянке, входит жир этого животного (Питулько и др., 2012), и его же зубы используются наиболее часто для изготовления подвесок, наравне с зубами других травоядных. Зубы хищных представлены минимально, а волка — крайне редко. В то же время, на стоянке известны его остатки, в том числе полные черепа, установленные мордой вверх в центре кострища, никогда более не использовавшегося (Питулько и др., 2012). Таких случаев три, что говорит о специфическом ритуальном/символическом поведении янских людей, которые оставляли голову волка в качестве знака (?), возможно, демонстрировавшего их право на территорию.

Возможным предположением в таком случае будет и отождествление этих людей с волками. Волк — злейший естественный враг северного оленя, поедает его и охотится, во всяком случае зимой, стайно. Он обладает также привычкой быть на Луну или просто на небо, на котором в северном

полушарии отлично видно созвездие, которое мы называем Большой Медведицей (а в нем, кстати, семь звезд, и оно тысячелетиями служило в Северном полушарии важнейшим навигационным сред-

ством). Люди, практикующие коллективную охоту на северных оленей, вполне могли найти ассоциативную связь между своим поведением и поведением волков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная коллекция личных украшений-подвесок из раскопок Янской стоянки позволяет сделать несколько интересных, на наш взгляд, выводов и предположений. Так, изделия из минерального сырья (янтаря и антраксолита), хотя и немногочисленные, дают возможность предполагать, что обитатели стоянки либо совершали перемещения на далекие расстояния, либо поддерживали обменные связи с людьми, расселявшимися далее к северу, в районе современных Новосибирских островов, где известны оба вида сырья.

Подвески типа Куртак, судя по всему, являются стабильным и важным элементом культуры верхнепалеолитического населения Сибири, представленным от Енисея на западе и Забайкалья на юге до арктической области. Вероятно, подобные изделия (связанные с символическим поведением человека), даже немногочисленные, могут служить надежным индикатором родства населения, осваивавшего пространство Сибири в эпоху верхнего палеолита.

Подвески из зубов животных, найденные на Янской стоянке, дают богатую пищу для размышлений. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что массовый материал этого рода встречен при рас-

копках памятников палеолита Сибири впервые. В значительной степени данное обстоятельство объясняется, безусловно, тафономией памятников. Тем не менее складывается впечатление, что на памятниках Сибири преобладают подвески из зубов травоядных, тогда как в верхнем палеолите Русской равнины и далее на запад доминируют украшения, изготовленные из зубов хищных (лисицы и волка). Ничто, казалось бы, не мешало использованию на Янской стоянке зубов волка и песца, однако такие находки единичны. Это, несомненно, свидетельство сознательного выбора.

Наконец, при раскопках Янской стоянки встречены, как и на европейских памятниках, «кладки» из зубов-заготовок, подготовленных для выработки украшений. На Янской стоянке эти группы часто включают в себя семь резцов оленя или бизона, редко того и другого животного. Повторяемость таких находок достаточно высока, для того чтобы считать это действие намеренным. С чем конкретно было связано использование комплектов из семи просверленных зубов травоядных животных, не вполне ясно, но очевидно, что магия числа «семь» имеет глубокие корни.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 1.11) при поддержке РФФИ (грант № 11-06-12018). Авторы считают своим долгом выразить признательность руководству Программы за оказанную поддержку, а также поблагодарить всех, кто

принимал участие в очень непростых полевых работах на Янской стоянке, участвовал в обсуждении и обработке материалов. Осуществление значительной части проделанной работы было бы невозможным без многолетней ее поддержки в рамках проекта «Жохов 2000» фондом «Rock Foundation» (Нью-Йорк, США).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.: «Европейский Дом», 1999.

Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир, 1998. С. 5–164.

Букалов А.В. Феномен структурирования психоинформационного пространства: иерархия объемов чело-

веческого внимания, памяти и мышления // Соционика, ментология и психология личности. 1999. № 2. С. 3–11.

Гаккель Я.Я. (ред.). Новосибирские острова. Л.: Гидрометеониздат, 1967.

Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // АЭАЕ. 2003. № 3. С. 27–50.

Дервянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИААЭТ СО РАН, 2003.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979.

Житенев В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005.

Ларичев В.Е. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 74–104.

Лбова Л.В. Палеолит Северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Питулько В.В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Записки ИИМК РАН. 2011. № 6. С. 85–103.

Питулько В.В. Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38–46.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука, 2010.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Символическая деятельность верхнепалеолитического населения Арктической Сибири (бусы и подвески Янской стоянки) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.: РОССПЭН, 2012. С. 35–51.

Прието А., Карденас Р.А. Мальтинская пластинка из бивня: технологический чертеж эпохи палеолита // Stratum Plus. 2005–2009. № 1. С. 334–336.

Скопылатов И.А., Ефремов О.Ю. Управление персоналом. СПб., 2000.

Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // Сборник МАЭ. 1949. Т. XI. С. 62–72.

Ташак В.И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 50–62.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.

Abramova Z.A. L'art Paléolithique d'Europe Orientale et de Sibérie. Grenoble: Gêrôme Millon Editions, 1995.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Adveevo (Oxbow Monograph 49). Oxford, 1995. (Oxbow Books).

Medvedev G.I. Art from Central Siberian Palaeolithic sites // The Paleolithic of Siberia. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 132–137.

Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information // Psychological Review. 1956. № 63. P. 81–97.

Pitulko V.V. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // Geoarchaeology. 2011. Vol. 26(1). P. 5–32.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Kulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. 2004. Vol. 303(5654). P. 52–56.

Svoboda J., Ložek V., Vlček E. Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia. N.Y.; L.: Plenum Press, 1996.

Taborin Y. Langage sans parole. P, 2004.

А. А. Орехов¹

ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ — РАННЕГОЛОЦЕНОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОЗЕРА КРАСНОГО (ВОСТОЧНАЯ ЧУКОТКА)

Orekhov A.A. Late Pleistocene — Early Holocene assemblages of the Red Lake (Eastern Chukotka)

The first archaeological studies Red Lake were organized by N.N. Dikov in 1957 and 1959 yy. In 1990–1991 yy. studies has having continued the expedition of NTSU.

Late Pleistocen assemblages artifact were discovered: axes, scrapers, burins, cutting tools, knives, precore, core. The most part their has a traces of the natural polish.

A part of artifacts characterize the Duktai or Sumnagin cultures or traditions. These material, possibly, reflect migration these tradition or cultures with west on east. If early complex matches up with the second river terrace that its possible date the period 15–20 thousand years ago. The sumnagin be like assemblages my be dating 8–9 thousand years ago.

Озеро Красное (64°31'11,62"СШ, 174°23'01,44"ВД) ледникового происхождения, самое большое на Чукотке (ширина 24 км, длина 32 км). Формирование побережья озера завершается в раннем голоцене. Озеро уникально по экологии. Обилием наземных и озерно-речных биоресурсов, благоприятным климатом и обилием сырья для каменной индустрии оно привлекало человека, аккумулируя на берегах следы его деятельности на протяжении тысячелетий. Озеро соединяется двумя протоками с р. Анадырью. Отмечается сезонное изменение уровня воды в озере: самый высокий меняется незначительно и в течение суток, что вызывает волновую деятельность. В озеро впадают с юго-запада крупные реки Ламутская, Березовая, Медвежья и три небольших реки.

Первые археологические исследования на побережье озера были проведены Н.Н. Диковым в 1957 и 1959 гг. В результате разведки им была обнаружена мастерская южнее пос. Краснено, где были собраны большая коллекция артефактов, а также материалы на косах 1–3 (Диков, 1977, с. 131–132). Н.Н. Диков выделяет ранненеолитический комплекс, включающий микропластины (в том числе ножевидные) и трехгранные заготовки стрел или призматических нуклеусов. Характеристика последних не ясна, поскольку описание слишком краткое, а иллюстрации отсутствуют. Широкие ножи-бифасы Н.Н. Диков соотносил с реликтовым, голоценовым палеолитом Северо-Востока Азии. В то же время он оспаривал интерпретацию американским археологом Р. Мак-Нисшем первых опубликованных им в 1957 г. красненских материалов как палеолитических (MacNish, 1959, p. 48), опираясь на геологический возраст кос около 7 тыс. л. (Диков, 1979, с. 228).

¹ Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия.

Своеобразие и дискуссионность красненских материалов определили необходимость продолжения здесь исследований, что и было сделано археологической экспедицией Северо-Восточного государственного университета г. Магадана в 1990–1992 гг. (Орехов, 1986а; 1986б; 1992; 2001).

В результате исследования помимо обнаруженного Н.Н. Диковым местонахождения 1 — мастерской — были выявлены еще пять новых археологических памятников. Это местонахождения артефактов на береговом галечнике южнее мастерской, в 4 км (местонахождение 2) и 6 км (местонахождение 3) южнее пос. Красно, а также в 2,6 км (местонахождение 4, древнее поселение с остатками 9 полуземляночных жилищ), 4,5 км (местонахождение 5) и 6 км (местонахождение 6) севернее поселения. Обнаруженные здесь изделия характеризуют длительный период освоения территории и разные технико-технологические традиции. Основная часть наиболее архаичных по морфологическим и технико-типологическим признакам артефактов и орудий обнаружена на галечнике правого берега нижней протоки озера при впадении ее в р. Анадырь у подножия второй речной террасы высотой 18 м, в 6 км севернее пос. Красно (местонахождение 6). Обнаруженные здесь изделия отличаются преобладающим материалом изготовления — черный яшмоид с ярко выраженной корразией (природной полировкой). Поверхность этих изделий блестящая с двух сторон. Определить, является ли это результатом эоловой или водной корразии, пока не представляется возможным. Вместе с тем следы корразии можно связать с временем формирования протоки и разрушения второй речной террасы. Артефакты, вероятно, спроецировались вниз в результате разрушения террасы. Если данный комплекс соотносится со второй речной террасой, то его возраст можно определить финальным плейстоценом, примерно 25–30 тыс. л.

Морфологическая и технико-типологическая характеристика этого комплекса хорошо согласуется с хронологическим периодом 10–30 тыс. л.н.

К позднеплейстоценовому комплексу артефактов можно отнести орудия на гальках и галечных сколах кремнистого сланца и черного яшмоида, с корразией (эоловой или водной?) поверхности.

Особую группу составляют рубиловидные орудия из грубо оббитых сланцевых и яшмоидных галек с сохранением участков галечной корки и со следами корразии (6 экз.) (местонахождение 6). Поверхность их оформлена сколами, а овально-выпуклый рабочий край подправлен ударной ретушью. Они имеют овальную (рис. 1, 4, 7, 9) или усеченно-овальную (рис. 1, 1–3) форму.

Морфологически и технико-типологически данные рубиловидные орудия (топоры-тесла?) аналогичны топорам дюктайской культуры (Мочанов, Федосеева, 2002, табл. XXXI, 5; табл. XXXII, 5, 6), а также некоторым теслам сумнагинской культуры (стоянка Усть-Тимптон) (Мочанов, 1977, табл. 52, 43, табл. 53, 1; Мочанов, Федосеева, 2002, табл. XXXIX, 10).

Элементы галечной индустрии представлены также на Сиберидиковской и Конго стоянках средней Колымы (Сиберидиковская культура) и в шестом слое стоянки Ушки 1 (Диков, 1977; 1979; 1993). Они представлены и в некоторых синхронных комплексах Северо-Западной части Северной Америки (Диков, 1979; 1993; American Beginings, 1996).

На двух орудиях (рис. 1, 1, 2) в процессе исследования трасолог Е.Ю. Гиря (С.-Петербург) обнаружил интересный технический прием — пришлифовку верхней площадки с целью подготовки ее для последующих снятий. Однако наиболее характерных для сумнагинской культуры тесел с боковыми выступами (ушками) здесь не обнаружено. Возможно, это объясняется ограниченностью сохранившихся артефактов, а возможно, мы имеем дело с восточным вариантом дюктайской или сумнагинской традиции. Впрочем, не исключено, что комплекс характеризует иную технико-типологическую и культурную традицию. Одно орудие чопперовидного вида, возможно, является заготовкой или также рубиловидным орудием (рис. 2, 1).

На местонахождении 3 (мастерская 3) на гальке было обнаружено тесло, морфологические и технико-типологические характеристики которого полностью соответствуют теслам стоянки Усть-Тимптон (сумнагинская культура, Якутия). Изготовлено оно из обсидиановой гальки овальной формы овального сечения, с сохранением галечной корки на спинке и частично брюшке. Поверхность обработана ско-

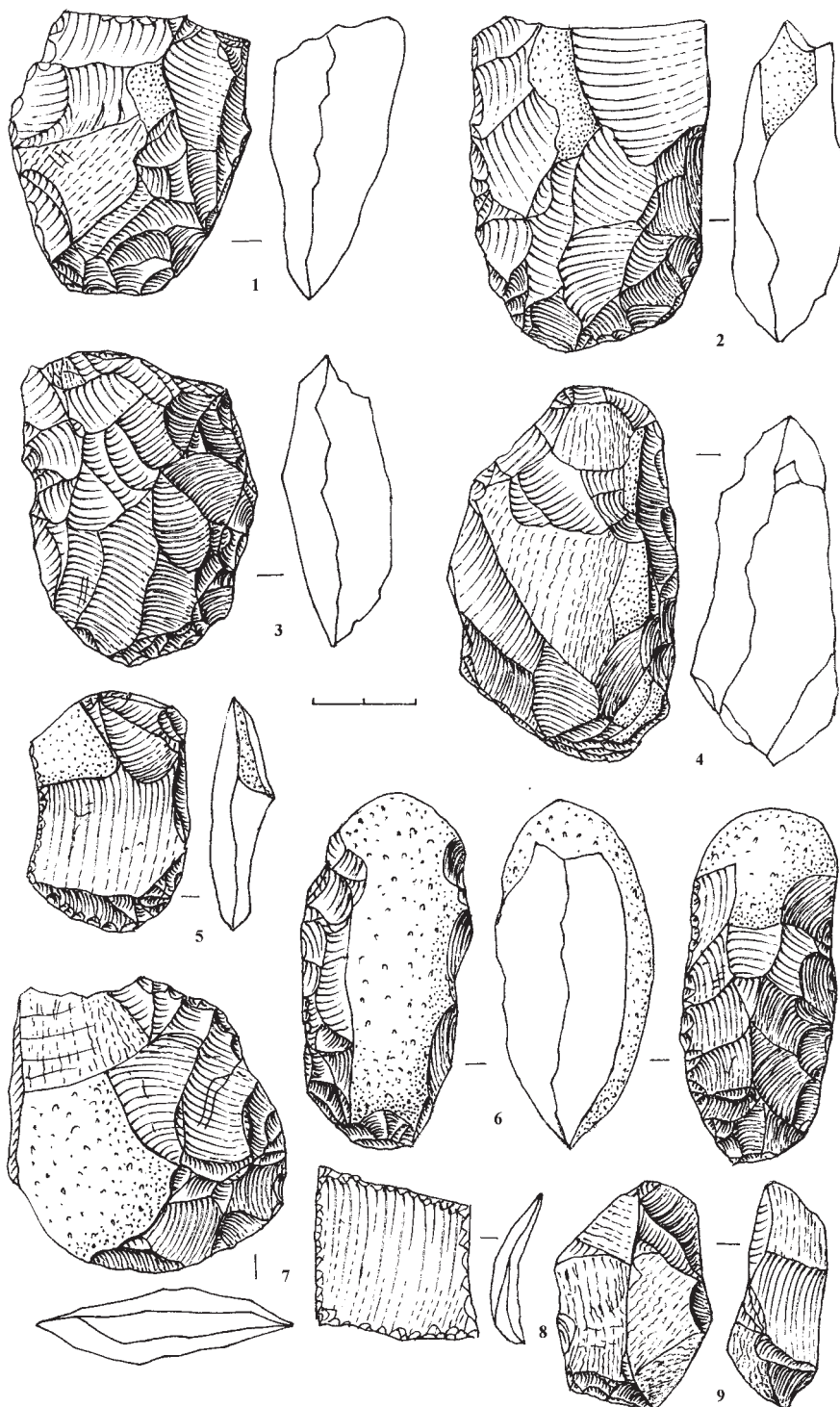

Рис. 1. Каменные орудия озера Красного: 1–5, 7–9 — местонахождение 6, 6 — местонахождение 3; 1–4, 6, 7, 9 — рубиловидные орудия (топоры-тесла?); 5 — скребок; 8 — нож. 1–4, 7, 8 — серый кремнистый сланец, 5, 9 — черный яшмоид

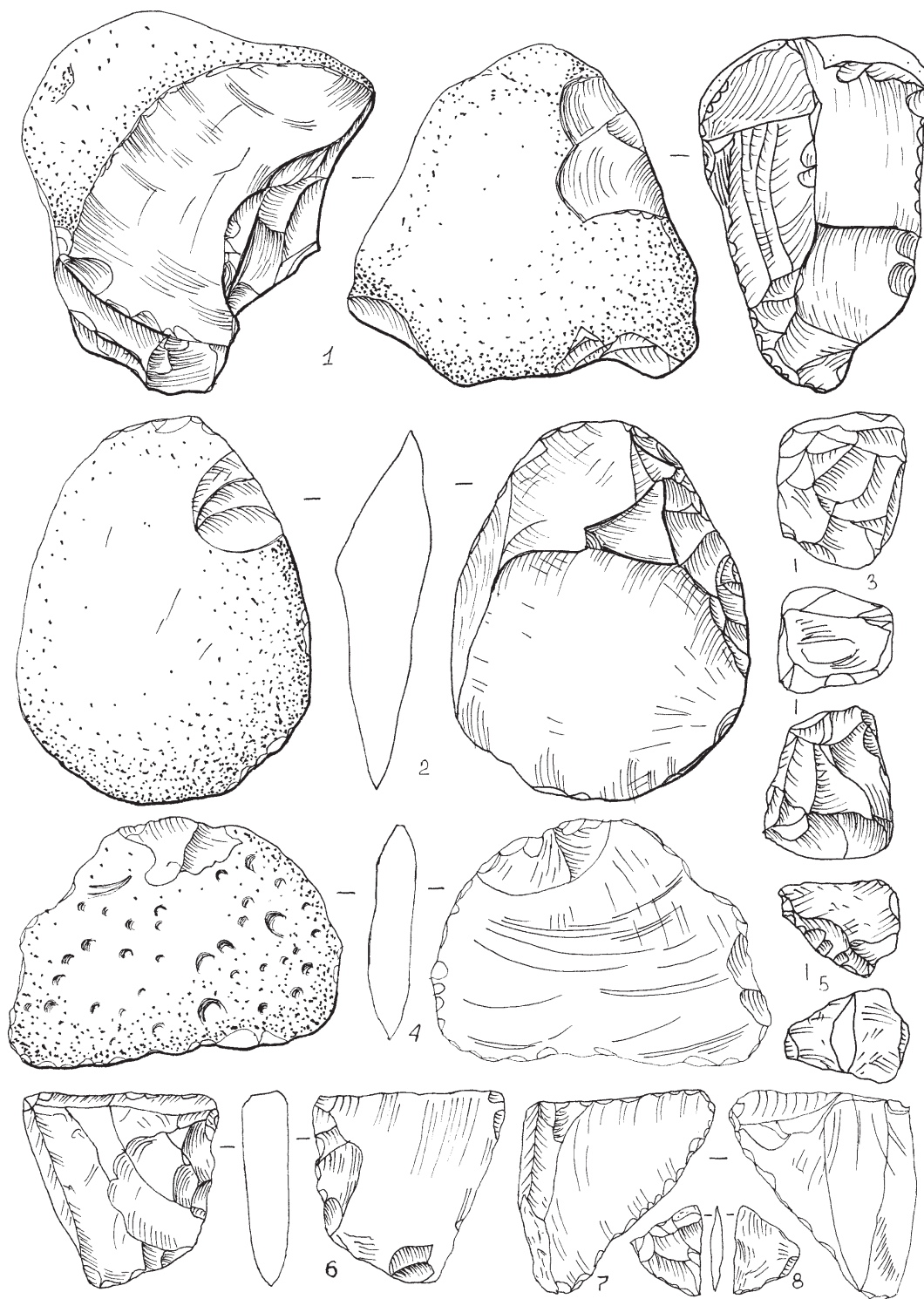

Рис. 2. Каменные орудия с местонахождения 4 озера Красного: 1 — заготовка (рубильное орудие?), 2, 4, 6 — скребки, 3 — пренуклеус, 5, 8 — ножи, 7 — нож-скребок; 1, 3, 4 — черный яшмид, остальные — серый кремнистый сланец

лами, а овально-выпуклый рабочий край подправлен отжимной ретушью (рис. 1, 6). Данное орудие использовалось, вероятно, для обработки дерева.

Ретушированные ножи (10 экз.), которые можно соотнести с топорами-теслами (по материалу черный яшмоид и степени корразии), изготовлены преимущественно на отщепах (рис. 1, 8). Рабочий край их оформлен односторонней краевой отжимной ретушью. Они также находят аналогии в материалах дюктайской (Мочанов, Федосеева, 2002, табл. XXVI, 12) и сумнагинской культур.

В комплексе представлены и скребки на первичных галечных сколах черного яшмоида с частичным сохранением галечной корки (5 экз.) (рис. 1, 5; рис. 2, 2). Они имеют овальную и усеченно-овальную форму. Поверхность скребков оформлена сколами, а овально-выпуклый рабочий край подправлен отжимной ретушью с одной стороны. Также встречены скребки на отщепах черного яшмоида с частичным сохранением галечной корки с краевой мелкой ретушью подовальной (рис. 3, 3, 8, 10), усеченно-овальной (рис. 2, 4; рис. 3, 2, 4, 6, 7, 9; рис. 5, 1, 3, 5), подтреугольной (рис. 2, 6, 7; рис. 3, 5; рис. 5, 7) и подпрямоугольной (рис. 3, 1, 11; рис. 5, 2, 4, 8, 9) формы. Они имеют следы корразии, а также залощенность рабочего края.

Здесь представлены ножи на отщепах серого кремнистого сланца с обработкой рабочего края мелкой ретушью, преобладают подтреугольные формы (рис. 2, 5, 8; рис. 4, 1–7, 9, 11, 13–16). Один изготовлен из черного яшмоида (рис. 4, 7). Ножи имеют следы корразии.

На основе тех же признаков к позднеплейстоценовому или раннеголоценовому комплексу можно отнести и серию резцов-резчиков (20 экз.) (Орехов, 2001). Они единично представлены в комплексах мастерской, а также на двух местонахождениях южнее поселка (в 4 и 6 км) и двух местонахождениях, расположенных севернее пос. Краснено (в 4,5 и 6 км). Основная их часть обнаружена на галечнике правого берега нижней протоки озера при впадении ее в р. Анадырь в 6 км севернее пос. Краснено (местонахождение 6). Изготовлены они на отщепах с выделенным острием, встречные грани которого подработаны мелкой отжимной ретушью (рис. 4, 8, 10, 17). Резцовый

край некоторых резцов образован одним или двумя резцовыми сколами (рис. 4, 12, рис. 5, 10, 11). Достаточно массивное острие первых могло использоваться, как предполагает трасолог Н.А. Кононенко, для работы по кости. Встречаются также резцы, острие которых образовано в результате поперечного расщепления отщепов (5 экз.). Небольшие по размерам резцы на тонких отщепах, возможно, предназначены для работы по дереву (7 экз.). Эти резцы своеобразны и могут рассматриваться как технико-типологический и культурозначимый признак позднеплейстоценового — раннеголоценового комплекса. Вместе с тем они отличны от резцов сумнагинской культуры.

Возможно, к этому же периоду и технологической традиции относится нуклеус из обсидиана (местонахождение 1, поселок), представляющий собой переходный тип от клиновидного к призматическому (рис. 6, 1). Сходные формы представлены в сумнагинской культуре (Мочанов, Федосеева, 2002, табл. XXXIV, 17). К технике микропластин, вероятно, этого же хронологического периода относятся два пренуклеуса из черного яшмоида (рис. 2, 3) и красного кремня (рис. 6, 14), а также микропластины из кремня (5 экз.), обсидиана (4 экз.) (рис. 6, 3) и кремнистого сланца (11 экз.) (рис. 6, 13).

Возможно, с комплексом соотносится и призматический нуклеус из обсидиана (местонахождение 1) (рис. 6, 2). Однако данные формы существуют в широком хронологическом диапазоне, в том числе и в раннеолитических комплексах Северо-Востока Азии.

На местонахождении 6 обнаружены отщепы серого кремнистого сланца (64 экз.) и черного яшмоида (87 экз.).

Среди наконечников стрел, обнаруженных на местонахождениях 5 и 6 севернее поселка, к раннеголоценовому комплексу, вероятно, можно отнести полностью ретушированные листовидные наконечники (2 экз.) (рис. 6, 7) и наконечники с острым черешком (3 экз.) (рис. 6, 6). Особый интерес представляют наконечники стрел на пластинах с краевой двухсторонней обработкой отжимной ретушью с овально-выпуклым (рис. 6, 9) или прямым основанием (2 экз.) (рис. 6, 8) (Орехов, 2001). Если использование пластин в качестве заготовки

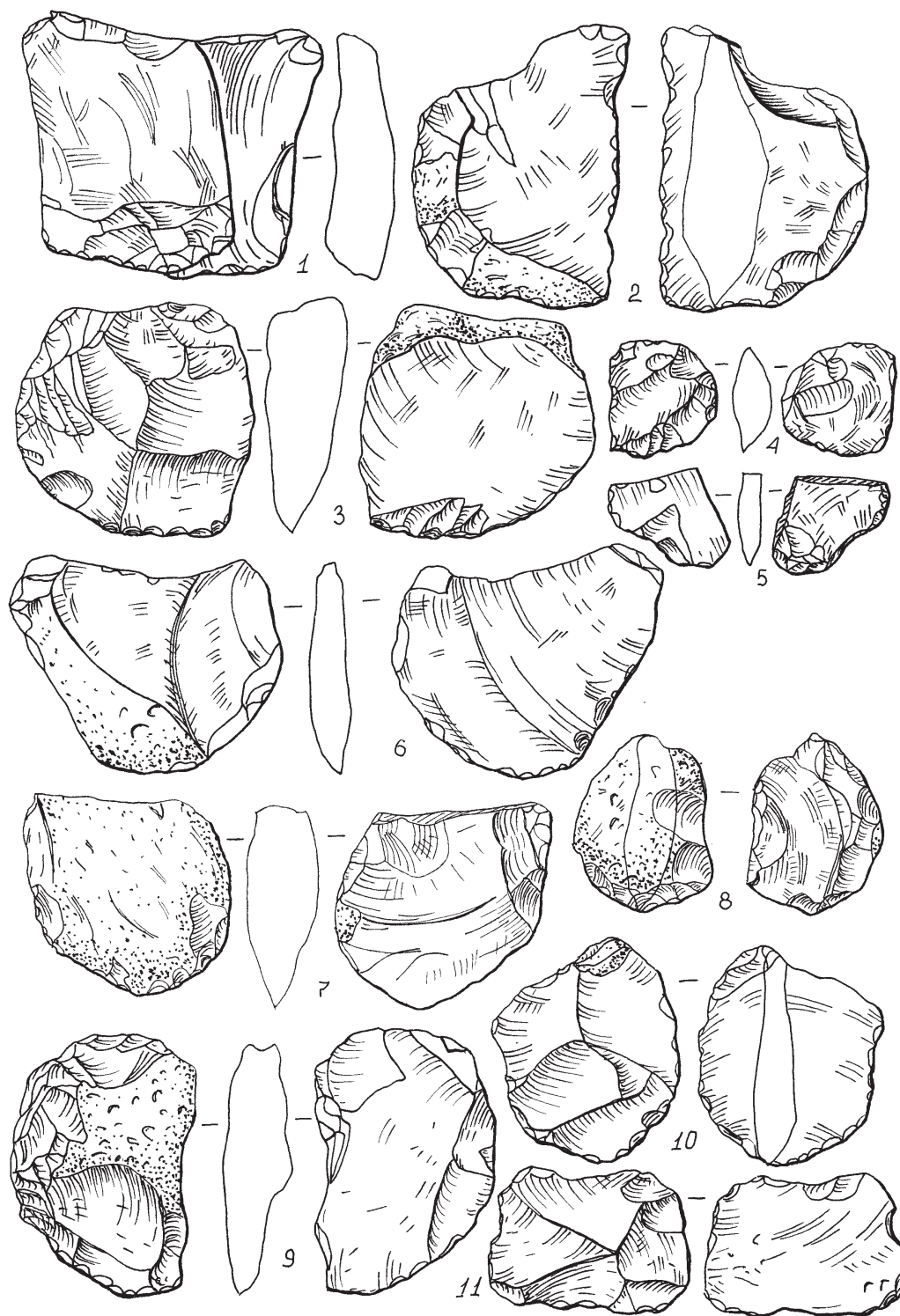

Рис. 3. Скребки местонахождения 6 озера Красного: 1-4, 6-11 — чёрный яшм, 5 — серый кремнистый сланец

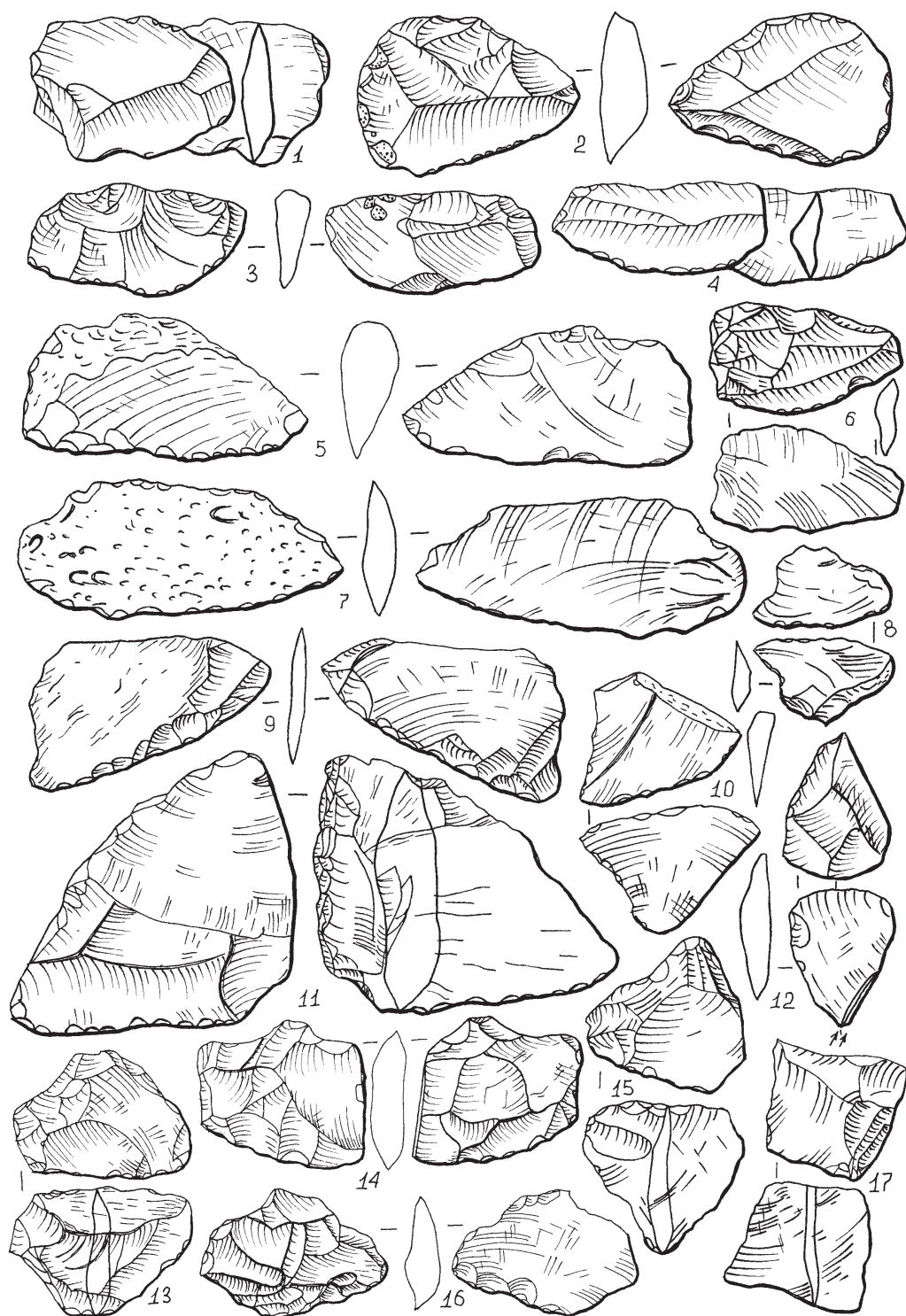

Рис. 4. Ножи (1–7, 9, 11, 13–16), резцы (12) и резчики (8, 10, 17) местонахождения 6 озера Красного; 7 — черный яшмоид; остальные — темно-серый кремнистый сланец

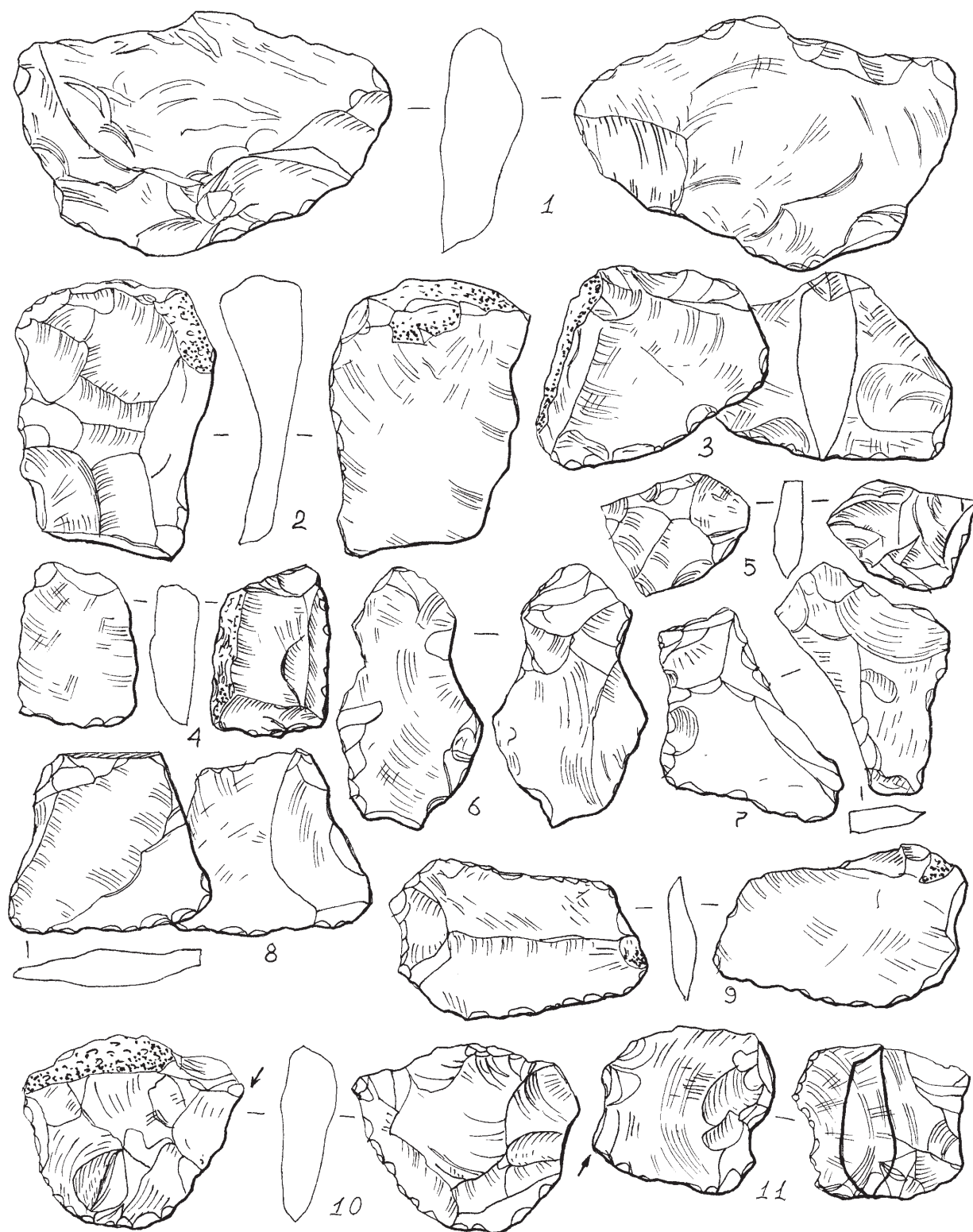

Рис. 5. Скребки (1–9) и резцы (10, 11) местонахождения 5 озера Красного; темно-серый кремнистый сланец

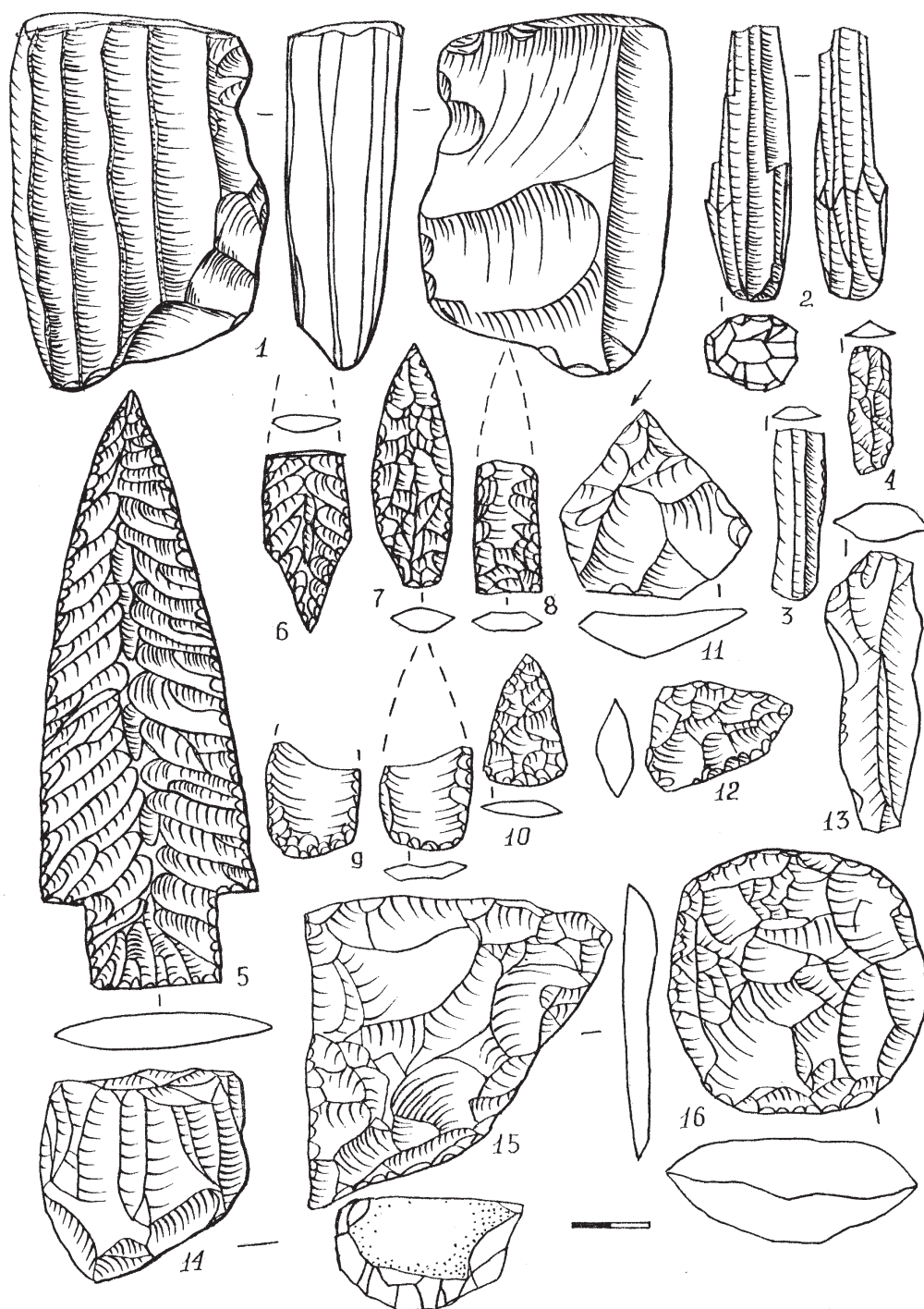

Рис. 6. Каменные орудия озера Красного: 1, 2, 12, 14, 15 — местонахождение 1, 3, 6–8, 13 — местонахождение 6, 4, 9, 10, 11 — местонахождение 3, 5, 16 — осыпь обнажения у поселения Краснено 1 (местонахождение 4); 1, 2 — нуклеусы, 3, 4, 13 — пластины, 5 — наконечник дротика, 6–10 — наконечники стрел, 1 — резец, 12, 15 — ножи, 14 — пренуклеус, 16 — скребок; 1, 2, 9, 10, 12 — обсидиан, 5, 15 — серый кремнистый сланец, остальные — темно-серый кремнистый сланец

при изготовлении наконечников стрел является традицией, то это приобретает особое значение в технико-типологическом анализе комплексов. Эта черта также хорошо соотносится с сумнагинскими традициями.

Главной сырьевой особенностью комплекса местонахождения 6 и отчасти 5 является преобладающее (до 80 %) использование для изготовления орудий черного яшмоида. Артефакты из этого материала весьма редки в синхронных комплексах Северо-Востока Азии. Материал местного происхождения.

Определить стратиграфическую привязку артефактов на местонахождениях 5 и 6 сложно. Возможно, они связаны со второй речной террасой. К позднеплейстоценовому комплексу относятся грубо оббитые орудия и, вероятно, комплекс коррадированных орудий и отщепов. Их можно датировать периодом 15–20 тыс. л.н. На вершине сохранившейся в этом месте второй речной террасы обнаружить культурный слой пока не удалось. Не исключено, что комплекс смешанный в хронологическом отношении: позднеплейстоценовый и раннеголоценовый, отражающий разные культурные традиции. Множественные аналогии раннеголоценового комплекса озера Красного с сумнагинской культурой позволяют датировать его 10,5–6,5 тыс. л.н. и соотносить с первой речной террасой.

Позднеплейстоценовый комплекс, возможно, показывает движение древнего населения (дюктайцев?) с запада на восток. Раннеголоценовый комплекс озера Красного в общем сумнагинского облика, вероятно, фиксирует миграцию сумнагинцев (сумнагинских традиций?) с запада, с территории Якутии, по Анадырской низменности, вдоль реки Анадыри на восток к побережью Берингова моря.

Каменный инвентарь позднепалеолитических (позднеплейстоценовых), раннеголоценового палеолита и раннеолитических комплексов и культур

Северо-Востока Азии имеет общие черты и традиции: галечная, микропластинчатая и вкладышевая техника; конические и призматические нуклеусы; изготовление орудий из микро- и мезопластин, пластинчатых отщепов, расщепленных галек; изготовление резцов из пластин, отщепов, обломков орудий; изготовление ручных сверл из отщепов; использование оббивки, ударной и отжимной ретуши в обработке рабочих лезвий, пикетаж, сочетание односторонней и двусторонней обработки орудий; разнообразие наконечников стрел и дротиков.

Микропластинчатая индустрия в неолите угасает и в комплексах с 4 тыс. л.н. представлена немногочисленными находками, а с 3 тыс. л.н. — единичными репликами и аморфными нуклеусами. Сохраняется традиция изготовления орудий из отщепов, сочетание односторонней и двусторонней обработки орудий с постепенным преобладанием последней. Вкладышевая техника сохраняется в изготовлении наконечников стрел и дротиков, гарпунов.

Отличие позднеплейстоценовых — раннеголоценовых комплексов оз. Красного от комплексов дюктайской и сумнагинской культур при наличии ряда общих черт свидетельствует о возрастающей дифференциации культурных традиций и культур, возможно, имеющих общие истоки и генетические связи. В этом сложном многолинейном процессе различия определялись разнообразием экологических условий, сырьевой базы, культурных трансляций и взаимосвязей, степени консервативности и мобильности, характером и уровнем адаптации. Сходные черты каменного инвентаря, значительно более консервативного, чем костяной, имеют широкий географический и хронологический диапазон и лишь отчасти могут свидетельствовать об общих истоках и взаимосвязях, характер которых во многом до сих пор не ясен. Новые материалы, их анализ и гипотезы, вероятно, помогут со временем в решении данных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996.
Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008.

- Воробей И.Е. Берингийский вопрос в археологии Крайнего Северо-Востока Азии // Диковские чтения. Магадан, 2001. С. 34–39.

Воробей И.Е. Анангула: вопросы генезиса // II Диковские чтения. Магадан, 2002. С. 349–356.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.

Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983.

Кирыак М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки. Якутск, 2002.

Орехов А.А. Проблемы выделения раннеолитических комплексов Северо-Западного Берингоморья // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюзной конференции. Улан-Удэ, 1986а. Ч. 1. С. 53–56.

Орехов А.А. Новые неолитические памятники на Севере Чукотки (Иульгинский район) // Краеведческие записки. МОКМ. Вып. 14. Магадан, 1986б. С. 72–74.

Орехов А.А. Ранние археологические комплексы озера Красного и прилегающих районов реки Анадырь

(Восточная Чукотка) // Палеоэкология расселения древнего человека Северной Азии и Америки: Сб. тез. док. Красноярск, 1992.

Орехов А.А. Северная Пацифика в голоцене (проблемы приморской адаптации): Дис. ... д-р. ист. наук. СПб., 2001.

Слободин С.Б. Материалы Хетинского палеолитического комплекса по результатам исследований 1999–2001 гг. // II Диковские чтения. Магадан, 2002. С. 321–329.

Слободин С.Б. Исследования археологических стоянок в зоне затопления Среднеканской ГЭС на р. Колыме // VI Диковские чтения: Мат-лы науч.-практ. конф. Магадан, 2010. С. 92–98.

Ackerman R.E. The Neolithic-bronze age culture of Asia and the Norton phase of Alaskan prehistory // AA. 1982. Vol. 19 (2). P. 11–38.

American Beginnings / Ed. F.H. West. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996.

Dumond D.E. The development of human adaptation to the Arctic coast of the North Pacific: Paper presented at the Arctic Science Conference. Anchorage; Vladivostok, 1994.

Fitzhugh W.W. Comparative approach to Northern maritime adaptation // IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Chicago, 1973. P. 341–385.

MacNish R.S. Men Out of Asia: As Seen from the Northwest Yukon // APUA. 1959. Vol. 7. № 2. P. 41–70.

Maxwell M.S. Prehistory of the Eastern Arctic. N.Y.; L., 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
АО — Археологические открытия. Москва
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВА — Вопросы антропологии. Москва
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники. Ленинград
ДИНЮВС — Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск
ИА — Институт археологии
ИАМССР — Известия АН МССР. Кишинев
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
РА — Российская археология. Москва
СА — Советская археология. Москва
ТАС — Тверской археологический сборник. Тверь
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея. Москва
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Москва; Ленинград
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ERAUL — Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège. Liège

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. А. Васильев</i> . Г. П. Григорьев, продолжатель дела С. Н. Замятнина	3
Фотоматериалы к портрету Г. П. Григорьева	12
Список печатных работ Г. П. Григорьева	17
<i>Ю. А. Смирнов</i> . Верхнепалеолитические погребения Европы. Франция	24
<i>А. Н. Сорокин</i> . Полемика с Г. П. Григорьевым: из истории одной защиты.	37
<i>В. В. Сидоров</i> . Трансформации культур	47
<i>Е. Ю. Гиря, В. М. Лозовский</i> . Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий	52
<i>С. Н. Лисицын</i> . Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы.	85
<i>Н. К. Анисюткин</i> . Поздний комплекс раннепалеолитической стоянки Байраки на Нижнем Днестре	110
<i>А. Н. Цвелых, В. Н. Степанчук</i> . Изделие из кости птицы из мустьерской стоянки Заскальная VI (Колосовская) в Крыму.	124
<i>О. Н. Кононенко</i> . Перфораторы верхнепалеолитической стоянки Радомышль I	128
<i>В. И. Беляева</i> . Особенности расположения жилых площадок с очагами на стоянках верхнего палеолита.	146
<i>Т. Е. Солдатова</i> . Обработка бивня на палеолитической стоянке Сунгирь	157
<i>К. Н. Гаврилов</i> . Восточный граветт Подесенья	171
<i>Г. А. Хлопачев, М. В. Саблин</i> . Жилище № 2 палеолитической стоянки Юдиново: набор костей и конструктивные особенности выкладки	191
<i>Г. В. Григорьева</i> . Каменный инвентарь верхнепалеолитического поселения Юдиново	201
<i>Н. П. Оленковский</i> . О «пути развития» одной из групп позднепалеолитических памятников Приазовья.	211
<i>Ю. Г. Коваль</i> . Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Новоклиновка II в южном Донбассе (Украина)	221
<i>А. А. Леонова</i> . Костяная индустрия позднепалеолитического поселения Анетовка 2.	231
<i>В. М. Лозовский</i> . Кремневая индустрия мезолитических слоев стоянки Замостье 2.	244
<i>А. М. Жульников</i> . К вопросу о сходстве кремневой скульптуры и наскальных изображений Северной и Восточной Европы.	293
<i>А. Ю. Тарасов, А. Крийска</i> . Рубящие орудия русско-карельского типа с территории Латвии: к вопросу об обмене в финальном каменном веке	307

<i>М. Э. Полковникова, А. Н. Мазуркевич, М. А. Кулькова. Реконструкция функциональных зон на многослойных памятниках каменного века Сертейского микрорегиона: данные геохимических и археологических исследований</i>	318
<i>А. А. Костылева. Комплексный анализ глиняной обмазки с поселения Сертея II, слой а</i>	340
<i>Ю. Б. Сериков. Об освоенности территории Урала в эпоху верхнего палеолита</i>	360
<i>В. Г. Котов. Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П.Григорьева</i>	366
<i>Е. В. Акимова. Пластины с ретушью в памятниках «мелких пластинчатых индустрий» Среднего Енисея</i>	386
<i>С. Н. Астахов. Площадки обитания в культурных слоях некоторых памятников позднего палеолита Енисея</i>	402
<i>В. В. Питулько, П. А. Никольский. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий</i>	408
<i>А. А. Орехов. Позднеплейстоценовые — раннеголоценовые комплексы озера Красного (Восточная Чукотка)</i>	419
Список сокращений	430

Научное издание

Каменный век: от Атлантики до Пацифики

Замятнинский сборник

Выпуск 3

Утверждено к печати Ученым Советом МАЭ РАН

Редактор *М. В. Банкович*

Корректор *Е. З. Чикадзе*

Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 16.06.2014. Формат 84×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 47. Уч.-изд. л. 47.

Тираж 200 экз. Заказ № 3255.

МАЭ РАН

190034. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»

199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.

Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lemma@mail.ru